

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

На правах рукописи

Новикова Татьяна Васильевна

**Формирование и развитие принципа автономии воли
в коллизионном регулировании гражданских отношений,
осложненных иностранным элементом**

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация
на соискание ученой степени доктора юридических наук

Научный консультант:

Бегичев Александр Валерьевич,
доктор юридических наук, доцент

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
 Глава 1. Социально-правовые предпосылки формирования, нормативное отражение и особенности доктринального осмысления автономии воли как принципа коллизионного регулирования в международном частном праве	34
§ 1. Социально-правовые предпосылки формирования и нормативное отражение принципа автономии в отечественном международном частном праве	34
§ 2. Особенности доктринального осмысления правовой природы автономии воли как принципа коллизионного регулирования в отечественной науке международного частного права	81
§ 3. Специфика международно-правового закрепления принципа автономии воли участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом	95
 Глава 2. Генезис и ведущие концептуальные подходы к пониманию автономии воли как принципа коллизионного регулирования в зарубежной доктрине международного частного права	128
§ 1. Зарождение и развитие идеи об автономии воли в международном частном праве стран романо-германской правовой семьи	131
§ 2. Специфика понимания и применения автономии воли в коллизионном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, в странах общего права	151
§ 3. Особенности концептуальных подходов к пониманию автономии воли в международном частном праве отдельных стран азиатско-тихоокеанского региона	179

Глава 3. Ключевые проблемы закрепления и развития автономии воли как принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом	194
§ 1. Проблема состава норм и принципов международного частного права	194
§ 2. Проблема состава норм и принципов коллизионного права	229
§ 3. Сфера реализации норм и принципов коллизионного права	250
Глава 4. Автономия воли в механизме правового регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом	281
§ 1. Взаимодействие автономии воли и наиболее тесной связи в коллизионном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом	281
§ 2. Взаимодействие автономии воли в коллизионном регулировании и унифицированного материально-правового регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом	314
§ 3. Взаимодействие автономии воли участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, и ограничений применения иностранного права в судебном правоприменении	347
Глава 5. Практические аспекты реализации автономии воли в коллизионном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом	364
§ 1. Правовое обоснование в суде или арбитраже реализации автономии воли участниками гражданских отношений, осложненных иностранным элементом	364
§ 2. Форма реализации автономии воли участниками гражданских отношений, осложненных иностранным элементом	386

§ 3. Содержание соглашения о выборе применимого права участниками гражданских отношений, осложненных иностранном элементом	406
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	430
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	439

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современный период стремительное развитие средств сообщения и связи выступает движущей силой столь же стремительно развивающейся интенсификации частных отношений трансграничного характера. На этом фоне потребность в правовом регулировании таких отношений и, в первую очередь, в решении коллизионного вопроса (выборе компетентного правопорядка) превращается из экстраординарного феномена в высоко значимый вопрос повестки дня. Несмотря на усилия государств в области унификации материально-правовых норм, ограничения по сфере действия и кругу участников унифицирующих международных договоров, а также необходимость поиска субсидиарного статута за пределами их содержательного охвата объясняют непреходящую востребованность коллизионного метода регулирования международного частного права.

При этом жесткий характер классических коллизионных норм, основанных преимущественно на идее территориальной локализации, в сочетании с нарастающей потребностью в развитии международного гражданского оборота и обеспечении его адекватным правовым регулированием выразились в набирающей силу тенденции смещения акцента в вопросах правового регулирования на инициативные действия участников оборота, заинтересованных в избрании для себя наиболее благоприятного правового поля. На сегодняшний день наиболее ярким проявлением обозначенной тенденции является автономия воли, постулирующая возможность сторон гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, самостоятельно выбирать применимое материальное право.

Начав развитие в области договорных обязательств трансграничного характера, автономия воли получила стремительное прогрессивное развитие как с точки зрения охвата правовых отношений (например, на основании раздела VI ГК РФ для вещных прав на движимые вещи, договорных и внедоговорных

обязательств¹), так и с точки зрения объема предоставляемых сторонам возможностей (например, последующий выбор, депесаж и др.) в подавляющем большинстве юрисдикций.

В унисон международному тренду в международном частном праве Российской Федерации автономия воли участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, получила значимое развитие в результате реформы законодательства о международном частном праве в 2013 г., конкретизировавшей исследуемый принцип в многоуровневой системе согласованных норм², а также в свете разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в 2019 г., придавших новый импульс в применении норм международного частного права отечественными судами³.

Вместе с тем, осмысление того факта, что решение коллизионного вопроса все более опосредуется не жесткими коллизионными нормами, а инструментами совершенно иного порядка, базирующимися на автономии воли участников оборота, создающими «регулятивный коллаж» по усмотрению сторон, выводящими правовое отношение из-под определенного или даже из-под всех вместе взятых правопорядков, составляет серьезный вызов современной доктрине международного частного права. Усиление отмеченных тенденций, которые, очевидно, набирают обороты и в Российской Федерации, и в подавляющем большинстве других стран, неминуемо влечет коренные сдвиги не только в ограниченной предметной области международного частного права, но и в правопонимании как таковом – по мере того, как государство и право конкурируют в удовлетворении потребностей участников международного гражданского оборота и становятся предметом выбора частных лиц.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552. Режим доступа: СПС «Гарант».

² Федеральный закон от 30 сентября 2013 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 40 (ч. III). Ст. 5030.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. 17 июля 2019 г. № 154.

В свете изложенного актуальность темы исследования может быть обоснована по целому ряду направлений. В *аксиологическом плане* автономия воли воспринимается как свобода человека, признаваемая за участниками международного гражданского оборота как иманентная, обусловленная естественным и разумным восприятием правовых отношений, простирающихся в территориальных пределах нескольких юрисдикций. Вместе с тем, с точки зрения суда или арбитража, охват и пределы выбора материального права сторонами отношения подчиняются установленным законодательством или в соответствии с ним правилам, что актуализирует вопрос о соотношении ценностного компонента автономии воли с правовыми механизмами ее реализации.

В *социальном плане* рост актуальности автономии воли прямо пропорционален росту числа трансграничных отношений частных лиц, при этом последний за счет развития в XXI веке цифровых сервисов, дающих доступ к товарам, услугам и информации практически из любой точки планеты, меняет не только социальный уклад, но и правовую реальность. Как следствие, значительный пласт правовых отношений выводится из поля действия национального гражданского права, будучи за счет автономии воли сторон и типовых форм контрактов подчиненным иностранному праву, коллажу различных международных договоров и негосударственных регуляторов. Антропоцентричный взгляд на частное право актуализирует осмысление формируемой за счет этого регулятивной конкуренции в глобальном масштабе и той роли, которую государство способно сохранить в такой парадигме.

В *экономическом плане* автономия воли рассматривается как бустер международного гражданского оборота за счет субъективно оцениваемого участниками удобства правового режима и его предсказуемости, позволяющих в совокупности снизить юридические риски вступления в трансграничные частноправовые отношения. В этом смысле задача правовой надстройки определенно состоит в поиске путей дальнейшего содействия беспрепятственному развитию экономических отношений в международном масштабе.

Особенная актуальность на современном этапе, а вместе с тем коренное отличие и соответствующий по масштабу *исследовательский уровень темы* данной работы обуславливаются тем фактом, что траектория развития автономии воли в международном частном праве выводит ее на уровень принципа коллизионного регулирования общего действия, приобретающего или могущего приобрести значение далеко за пределами договорных и даже в целом гражданско-правовых отношений, включая случаи, когда соответствующая возможность прямо не провозглашена, но предлагается к признанию в общедозволительном ключе по формуле «разрешено все, что не запрещено законом» (например, в наследственных, трудовых и иных отношениях).

Соответственно, *в свете потребностей законотворчества*, осмысление автономии воли в качестве элемента системы принципов коллизионного регулирования в соотношении с ограничениями применения иностранного права и в более общем ключе с унифицированным материально-правовым регулированием актуально для понимания тех линий, по которым будет развиваться отечественное законодательство о международном частном праве.

Наконец, *в свете потребностей правоприменения*, по мере увеличения количества и усложнения содержания соглашений о применимом праве актуализируется оценка принципа автономии воли в свете судебной и арбитражной практики, накопленной после реформы раздела VI ГК РФ 2013 г. и, в особенности, после разъяснений Пленума Верховного Суда РФ 2019 г. в соотношении с тенденциями ее развития, получившими отражение в положениях Гаагских принципов 2015 г. и новейших правовых источниках зарубежных стран.

Изложенное обуславливает актуальность, своевременность и высокую значимость научной разработки формирования и развития принципа автономии воли в коллизионном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом.

Степень разработанности темы исследования. Зарождение самой идеи об автономии воли по традиции связывается с трудами Ш. Дюмулена. Идея французского юриста о коллизионном значении автономии воли в качестве

фикции, позволяющей обосновать выбор наиболее удобного правопорядка, стала основанием концепции гипотетической воли, длительное время доминировавшей в правоприменительной практике и доктрине ряда юрисдикций. В таком качестве автономия воли получала осмысление в трудах авторитетных зарубежных ученых: Л. фон Бара, Дж. Биля, А. Кухна, Дж. Уэстлейка.

Вместе с тем, признание юридического значения подразумеваемой воли повлекло за собой и признание значения воли реальной. Даже после отказа от гипотетической воли, соглашения о выборе права не только продолжили применяться, но и получили прогрессирующее признание в подавляющем большинстве стран мира. В этом качестве автономия воли сторон гражданских отношений трансграничного характера рассматривается в работах зарубежных правоведов: О. Ландо, А. Миллса, П. Найя, С. Пеари, Г. Рюль, С. Симеонидеса. Но несмотря на наличие общей международной тенденции укрепления и расширения принципа автономии воли в коллизионном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, правила реализации автономии воли различаются в различных странах. Это не умаляет целесообразности обращения к зарубежной доктрине, однако актуализирует внимание к отечественным разработкам в исследуемой области.

В отечественном дореволюционном правоведении идея об автономии воли Ш. Дюмулена и признание выбора права сторонами договорного обязательства в практике Правительствующего Сената получали осмысление в трудах М. И. Бруна, Б. Э. Нольде, Т. М. Яблочкова. В советский период автономию воли в практике ВТАК исследовали Д. М. Генкин, Л. А. Лунц, Д. Ф. Рамзайцев. Оригинальную трактовку автономии воли в этот период представил А. А. Рубанов, однако ряд ее опорных точек (в частности, о допустимости выбора исключительно права страны и о запрете «юридической биотехнологии», т.е. депесажа) были опровергнуты последующей эволюцией правового режима автономии воли.

Широкомасштабное признание и соответствующее осмысление в юридической литературе автономия воли сторон гражданских отношений

международного характера получила в современный период отечественной истории. Так, автономии воли в целом и отдельным ее аспектам посвящен ряд кандидатских диссертаций, в числе которых работы Я. С. Куташевской («Автономия воли при определении права, применимого к обязательствам из причинения вреда»), О. Ю. Малкина («Автономия воли во внешнеэкономических сделках»), А. Б. Покровской («Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом»), С. В. Третьякова («Юридическая природа автономии воли в международном частном праве»), Н. В. Тригубович («Автономия воли в международном частном праве»).

Автономия воли в качестве одного из немаловажных вопросов рассматривается также в исследованиях, посвященных принципам международного частного права (в кандидатской диссертации Ю. М. Акимовой), а также правовому режиму договорных обязательств трансграничного характера (в докторских диссертациях и многочисленных работах А. В. Асоскова и Д. П. Стригуновой, в кандидатских диссертациях Е. И. Антоновой и А. М. Мирзоева). Проблемам применения принципа автономии воли сторон в правовом регулировании международных коммерческих договоров посвящена монография Д. П. Стригуновой.

Отдельные аспекты автономии воли участников гражданских отношений, международного характера рассматриваются в трудах М. П. Бардиной, Н. Г. Вилковой, И. В. Гетьман-Павловой, Н. Ю. Ерпылевой, И. С. Зыкина, В. А. Канашевского, М. Н. Кузнецова, М. В. Мажориной, М. Г. Розенберга, В. Л. Толстых и др. Разработки отечественных правоведов, несомненно, внесли весомый вклад в становление автономии воли в качестве принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, заложив на доктринальном уровне прочный фундамент ее расширяющегося признания в законодательстве и правоприменительной практике.

Вместе с тем, наблюдаемое в новейшей истории большинства государств, в том числе Российской Федерации, стремительное развитие автономии воли, как с точки зрения перечня охватываемых правовых отношений (включая не только договорные обязательства, но также вещные права на движимые вещи, внедоговорные отношения и др.), так и с точки зрения широты возможностей сторон (последующий выбор, депеаж, условные соглашения, выбор вненациональных источников и др.), требует комплексного осмысления этого явления в свете реалий современной эпохи. При этом укрепление автономии воли и увеличение количества и сферы охвата конкретизирующих эту возможность норм трансформируют ее из правила сугубо договорного статута в общий принцип коллизионного регулирования. Это в свою очередь требует ревизии состава норм и принципов, обеспечивающих решение коллизионного вопроса, поиска места принципа автономии воли в таком составе и анализа тех изменений, которые экспансия исследуемого принципа влечет для остальных компонентов системы.

В свете названных реалий современного времени степень научной разработанности становления и развития автономии воли в качестве принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, нельзя признать достаточной. Ключевые работы, в той или иной мере посвященные автономии воли в целом, датируются началом 2000-х гг. и не учитывают реформу норм раздела VI ГК РФ 2013 г., разъяснения Пленума Верховного Суда РФ 2019 г. и иные изменения как сугубо правового, так и социального плана. Современные работы, в числе которых монография Д. П. Стригуновой и кандидатская диссертация Я. С. Куташевской, посвящены реализации автономии воли в отдельных видах гражданско-правовых отношений (договорных и внедоговорных обязательствах). Изложенное свидетельствует о том, что, во-первых, на современном этапе развития международного частного права постановка вопроса общего характера об автономии воли как об одном из принципов коллизионного регулирования допустима и уместна только на уровне исследования соответствующего уровня, а именно: докторской диссертации; и,

во-вторых, исследование названного уровня и глубины, предлагающее осмысление автономии воли в качестве принципа коллизионного регулирования, учитывающее новейшие расширения с точки зрения как охвата ее реализации, так и содержания возможностей сторон и, в особенности, прослеживающее влияние наблюдаемого расширения на механизм коллизионного регулирования в целом, до настоящего момента не проводилось.

Кроме того, поиск места автономии воли в составе норм и принципов коллизионного права поднимает вопросы общего характера, которые до сего времени в науке международного частного права не только не исследовались, но и не ставились, в частности: 1) об обособлении в рамках международного частного права коллизионного права для целей построения логического ряда нормы – принципы; 2) об осмыслении принципов коллизионного права в качестве системы, включающей объективно необходимые и в совокупности достаточные средства коллизионного регулирования; 3) о фрагментации регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, в объективном и субъективном смыслах.

Цели и задачи исследования. Цели исследования – формирование целостной концепции принципа автономии воли и теоретическое обоснование закономерностей развития правовых механизмов его реализации в системе принципов коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом.

Указанные цели предопределили постановку следующих задач:

- разработать целостную концепцию автономии воли как элемента бинарной системы принципов коллизионного регулирования;
- построением логического ряда нормы – принципы обосновать обособление коллизионного права в рамках международного частного права;
- предложить авторскую концептуальную модель автономии воли, разграничивающую ее статику и динамику в механизме коллизионного регулирования;

- определить правовое основание автономии воли как возможности сторон гражданских отношений международного характера избрать применимое материальное право;
- дать правовую квалификацию соглашения о выборе применимого права и оценить требования к его форме;
- определить закономерности становления и развития идеи об автономии воли в отечественном международном частном праве на материале дореволюционного, советского и современного периодов;
- определить специфику зарождения и развития идеи об автономии воли в международном частном праве стран романо-германской правовой семьи;
- дать оценку понимания и применения автономии воли в коллизионном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, в странах общего права;
- определить особенности концептуальных подходов к пониманию автономии воли как принципа коллизионного регулирования в странах азиатско-тихоокеанского региона, определить их значение в развитии исследуемого принципа и возможность восприятия отечественным международным частным правом;
- предложить методику разграничения сферы действия разделяющихся дихотомически принципов наиболее тесной связи и автономии воли;
- предложить трактовку принципа наиболее тесной связи как альтернативного принципу автономии воли в механизме коллизионного регулирования;
- предложить трактовку идеи защиты основ национального правопорядка как пределов реализации коллизионного выбора в пользу иностранного права, который уже совершен на основе принципов автономии воли или наиболее тесной связи;
- определить явление фрагментации в правовом регулировании частных отношений международного характера, усматривая их как в объективном

сосуществовании различных норм, так и в субъективных возможностях сторон в рамках автономии воли;

- определить закономерности международно-правового закрепления автономии воли сторон договорных обязательств трансграничного характера;
- определить движущие силы прогрессивного развития принципа автономии воли и формирующуюся регулятивную конкуренцию в глобальном масштабе.

Объект исследования составляют общественные отношения, складывающиеся в связи с выражением воли участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, на выбор применимого права и признанием этого выбора при решении коллизионного вопроса в суде или арбитраже.

Предмет исследования составляют положения международных договоров и документов рекомендательного характера, отечественные и зарубежные нормы национального права, материалы практики судов и арбитражей, а также научные труды, отражающие отечественные и зарубежные подходы и обуславливающие формирование и прогрессивное развитие принципа автономии воли, который наделяет участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, возможностью избрать применимое к таким отношениям право.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественной науке международного частного права разработана целостная концепция автономии воли как элемента бинарной системы принципов коллизионного регулирования, дихотомически разделяющейся на принцип автономии воли (конкретизируемый в многоуровневой системе управомочивающих норм, предоставляющих сторонам в определенных случаях и в установленных пределах возможность выбрать применимое право) и принцип наиболее тесной связи (конкретизируемый в коллизионных нормах, а в их отсутствие служащий непосредственно инструментом решения коллизионного вопроса).

В контексте данной концепции обоснована авторская модель автономии воли, в которой разграничены ее статика (существование) и динамика (реализация)

в механизме коллизионного регулирования: в статике – в разрезе правотворчества – речь ведется о системе управомочивающих материально-правовых норм, а в динамике – в разрезе правоприменения – о соглашении сторон о применимом праве как результате реализации предоставленного им дозволения. Оба измерения в совокупности позволяют материально-правовыми средствами достигнуть цели коллизионного регулирования. Тестирование предложенной авторской модели подтвердило ряд исследовательских гипотез, в том числе 1) о первичности автономии воли на этапе выбора применимого материального права по отношению к каким-либо принципам такого материального права; 2) о квалификации соглашения о применимом праве как соглашения *sui generis* с соответствующими последствиями практического свойства (в частности, в отношении формы такого соглашения); 3) о тенденции прогрессирующего развития автономии воли как дозволения сторонам гражданского отношения, осложненного иностранным элементом, выбрать для себя «удобное» право.

Защищаемая концепция принципа автономии воли формирует объяснительную модель механизма коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, которая в свою очередь позволяет высветить и осмыслить новейшие трансформации правовой реальности в более широком плане, в том числе 1) отказ от цепочки: коллизионный вопрос – коллизионное право – коллизионная норма, в свете того, что решение коллизионного вопроса в современном мире обеспечивается не только коллизионными нормами, но и принципиально другим образом – за счет автономии воли сторон, посредством децентрализации и гибкости; 2) явление фрагментации в регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, которое проявляется как в объективном сосуществовании различных коллизионных и унифицированных материально-правовых норм, так и в субъективных возможностях сторон в рамках автономии воли, позволяющих и подбор «регулятивного коллажа», и расщепление поля правового воздействия; 3) концептуальное существование коллизионного (предварительного) вопроса в правовом регулировании всякого частноправового

отношения, что в свою очередь, в свете обосновываемого дихотомического деления принципов коллизионного регулирования, позволило для принципа наиболее тесной связи разграничить представления о круге потенциально возможных иностранных элементов и об иностранном элементе, имеющем коллизионно-правовое значение в конкретном случае, а для принципа автономии воли – выявить трансформацию осмысления категории «правоотношение», оцениваемой за счет характеристик иных правоотношений (с иными субъектами, иным предметом).

Теоретическая значимость работы выражается в обосновании целостной концепции и авторской модели автономии воли как элемента бинарной системы принципов коллизионного регулирования, который наряду с принципом наиболее тесной связи, построенным на симбиозе территориальной локализации и избранных материально-правовых соображений, обеспечивает сугубо материально-правовыми средствами достижение цели коллизионного регулирования – выбор применимого права для гражданских отношений, осложненных иностранным элементом.

Выдвинутая концепция формирует объяснительную модель механизма коллизионного регулирования в международном частном праве и тем самым закладывает прочный фундамент как для решения более частных теоретических задач, так и для осмысления более общих явлений, ставящих вопрос о трансформации правовой реальности в новейшую эпоху.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов в правоприменительной деятельности при решении коллизионного вопроса, прежде всего, судом для определения права, применимого к гражданскому отношению, осложненному иностранным элементом. Выводы по результатам анализа практических аспектов реализации автономии воли в коллизионном регулировании могут использоваться для корректной оценки судом соглашений сторон о выборе материального права. Не меньшее значение результаты исследования могут иметь и для международного

коммерческого арбитража, в том числе локализованного в Российской Федерации, с учетом особенностей его деятельности, получивших отражение в работе.

Результаты исследования, в том числе выдвинутые на основе теоретического анализа предложения по совершенствованию действующего законодательства, могут быть использованы в законотворческом процессе. Учение об автономии воли как об одном из общих принципов коллизионного регулирования может быть особенно востребованным в случае постановки в Российской Федерации, в свете опыта отдельных дружественных стран, вопроса о кодификации или реформировании международного частного права.

Методология и методы исследования строятся на использовании совокупности общенаучных и частнонаучных методов познания.

Общенаучные методы представлены общелогическими методами познания (в числе которых анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия и др.) и системным подходом, которые в совокупности позволили обосновать концепцию принципа автономии воли в качестве элемента бинарной системы, а также проследить его конкретизацию в многоуровневой системе норм, уполномочивающих стороны в определенных случаях и пределах на выбор применимого материального права.

Частнонаучные методы представлены, прежде всего, историко-правовым и сравнительно-правовым методами, методом критического анализа и др. Историко-правовой метод широко применялся при исследовании формирования и развития автономии воли в качестве принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, на уровне законодательства и правоприменительной практики Российской Федерации и ряда зарубежных стран, а также на уровне международных договоров и документов рекомендательного характера. При этом использование историко-правового метода не сводилось к простому описанию хронологической последовательности нормативных источников, правоприменительной практики и доктринальных взглядов в порядке констатации, а составило содержательный анализ развития идеи об автономии воли в последовательности сменяющих друг

друга эпох с учетом особенностей не только правовых, но и политических, экономических и других условий жизни общества, который в свою очередь позволил выявить устойчивые тенденции в развитии анализируемой идеи, осмыслить основы ее современного функционирования и даже предсказать траекторию ее будущего развития.

Сравнительно-правовой метод применялся при сравнении ведущих концептуальных подходов к пониманию автономии воли как принципа коллизионного регулирования в отечественной и зарубежной доктрине, что позволило выявить в этой области цепь общих закономерностей, вне зависимости от принадлежности страны к той или другой правовой семье и специфики школ коллизионного права, и тем самым доказать состоятельность обосновываемой концепции автономии воли для отечественного международного частного права.

Метод критического анализа активно применялся при исследовании ключевых проблем формирования и развития и практических аспектов реализации автономии воли в качестве принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом.

Для решения более частных исследовательских задач использовались такие частнонаучные методы, как формально-юридический – при построении авторской модели автономии воли, вычленяющей два этапа ее существования и реализации; юридикто-лингвистический – при определении значения слов и выражений нормативных источников, в том числе при сравнении разных языковых версий одного акта (например, Гаагской конвенции о праве, применимом к агентским соглашениям, 1978 г.); юридикто-телеологический – при телеологической редукции способов решения коллизионного вопроса в международном коммерческом арбитраже (например, на основе норм Закона «О международном коммерческом арбитраже») и др.

Теоретическую основу исследования составили:

– труды по международному частному праву и процессу отечественных правоведов дореволюционного и советского периодов – М. И. Бруна, Д. М. Генкина, Н. П. Иванова, В. М. Корецкого, С. Б. Крылова, А. Б. Левитина,

Л. А. Лунца, А. Н. Макарова, А. Н. Мандельштама, Б. Э. Нольде, И. С. Перетерского, С. И. Раевича, Д. Ф. Рамзайцева, А. А. Рождественского, А. А. Рубанова;

– труды по международному частному праву и процессу отечественных правоведов современного периода – Л. П. Ануфриевой, Н. П. Асланян, А. В. Асоскова, М. П. Бардиной, М. М. Богуславского, Н. Г. Вилковой, И. В. Гетьман-Павловой, Г. К. Дмитриевой, Н. Г. Дорониной, Н. Ю. Ерпылевой, А. Н. Жильцова, В. П. Звекова, И. С. Зыкина, А. О. Иншаковой, В. А. Кабатова, В. А. Канашевского, В. В. Кудашкина, М. Н. Кузнецова, С. Н. Лебедева, М. В. Мажориной, А. Л. Маковского, О. Ю. Малкина, Н. И. Марышевой, Ю. Э. Монастырского, Т. Н. Нешатаевой, А. Б. Покровской, М. Г. Розенберга, Д. П. Стригуновой, В. Л. Толстых, С. В. Третьякова, Н. В. Тригубович, У. Б. Филатовой, Р. М. Ходыкина;

– труды по международному частному праву и процессу зарубежных правоведов – Л. фон Бара (L. von Bar), Дж. Биля (J. Beale), Р. Вайнтрауба (R. Weintraub), Фр. Вишера (Fr. Vischer), М. Вольфа (M. Wolff), Д. Каверса (D. Cavers), Б. Карри (B. Currie), Г. Кегеля (G. Kegel), О. Ландо (O. Lando), Р. Майнора (R. Minor), А. Миллса (A. Mills), П. Найя (P. Nygh), П. Норта (P. North), С. Пеари (S. Peari), Л. Раапе (L. Raape), Г. Рюль (G. Rühl), Ф. К. фон Савиньи (F. C. von Savigny), Р. Седлера (R. Sedler), С. Симеонидеса (S. Symeonides), Дж. Стори (J. Story), Дж. Уэстлейка (J. Westlake), Р. Филлимора (R. Phillimore), Дж. Чешира (G. Cheshire);

– труды по международному праву отечественных и зарубежных правоведов – А. Х. Абашидзе, Л. Н. Галенской, В. Э. Грабаря, Р. А. Колодкина, Р. А. Мюллерсона, Г. И. Тункина, а также Г. Кельзена (H. Kelsen), Дж. Ламмерса (J. Lammers), Л. Оппенгейма (L. Oppenheim), К. Парри (C. Parry), Ф. Раймондо (F. Raimondo), Г. Сульока (G. Sulyok), К. Фокарелли (C. Focarelli);

– труды по философии и теории права, гражданскому праву, гражданскому и арбитражному процессу – Т. Е. Абовой, С. С. Алексеева, А. В. Бегичева, В. А. Белова, В. В. Витрянского, О. С. Иоффе, М. Н. Марченко,

С. А. Муромцева, В. С. Нерсисянца, В. А. Ойгензихта, И. П. Политовой, Е. П. Русаковой, В. Н. Урукова, Е. Е. Фроловой и др.

Нормативную основу исследования составили, прежде всего, Конституция Российской Федерации и нормативные правовые акты Российской Федерации. В исследовании отечественного международного частного права наибольшее внимание было уделено разделу VI ГК РФ (в первоначальной редакции и по результатам реформы 2013 г.). Исследовались также нормы Арбитражного процессуального кодекса, Гражданского процессуального кодекса, Закона «О международном коммерческом арбитраже». По мере необходимости рассматривались нормы иных отечественных законов, включая кодифицированные (Кодекс торгового мореплавания, Семейный кодекс) и некодифицированные (Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации»).

В числе ранее действовавших источников отечественного права рассматривались акты дореволюционного (Устав гражданского судопроизводства 1864 г.) и советского (в том числе ГПК РСФСР 1923 г., ГК РСФСР 1964 г., КТМ СССР 1929 и 1968 гг., Основы гражданского законодательства 1961 и 1991 гг.) периодов.

В числе международных договоров исследовались как договоры с участием Российской Федерации, так и договоры, в которых наша страна не участвует. При анализе становления принципа автономии воли основное внимание было уделено Кодексу Бустаманте и Гаагским конвенциям о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, 1955 и 1986 гг. Важное значение имело обращение к международным договорам Содружества Независимых Государств, в частности, к Соглашению о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, а также к Минской и Кишиневской конвенциям о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам.

В числе документов международных организаций, органов и институтов исследовались различные по юридической силе акты Организации Объединенных

Наций (в том числе ЮНСИТРАЛ), УНИДРУА, Гаагской конференции по международному частному праву, Института международного права, а также международных коммерческих арбитражей: Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, Международного арбитражного суда Международной торговой палаты, Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма, Арбитражного учреждения Швейцарской палаты, Лондонского международного арбитражного суда.

В хронологическом порядке были рассмотрены международные договоры с участием государств-членов Европейских Сообществ и в настоящее время Европейского Союза, а также нормативные акты ЕС, в том числе Регламенты Рим I и Рим II. В числе иностранных нормативных источников были исследованы нормативные правовые акты Азербайджанской Республики, Китайской Народной Республики, Королевства Бельгия, Кыргызской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Молдова, Республики Парагвай, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Федеративной Республики Бразилия, Швейцарской Конфедерации, а также провинции Квебек в Канаде и штата Луизиана в Соединенных Штатах Америки. Были также изучены Первый, Второй и текущий проект Третьего Свода законов о конфликте законов в Соединенных Штатах Америки.

Судебная и арбитражная практика исследовалась по актам судов Российской Федерации и зарубежных стран, а также международного коммерческого арбитража.

В числе отечественных судебных актов исследованы акты Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ (ретроспективно), арбитражных судов различных инстанций (Волго-Вятского, Восточно-Сибирского, Дальневосточного, Западно-Сибирского, Московского, Поволжского, Северо-Западного, Северо-Кавказского, Уральского, Центрального округов), судов общей юрисдикции различных инстанций (первого, второго,

четвертого, восьмого кассационных округов). Всего исследовано более ста десяти актов судов РФ. В числе зарубежных судебных актов исследованы акты судов Австралии, Великобритании, Германии, Индии, Италии, Канады, Китая, США, Франции.

Практика международного коммерческого арбитража исследована по материалам решений МКАС при ТПП РФ. Всего исследовано более пятидесяти решений. Исследовались также акты Международного Суда ООН, Постоянной палаты международного правосудия, Суда Европейских Сообществ, Экономического Суда СНГ, Международного арбитражного суда Международной торговой палаты, МАК при ТПП РФ.

Положения, выносимые на защиту:

1. *Разработана целостная концепция автономии воли* как элемента бинарной системы принципов коллизионного регулирования, дихотомически разделяющейся на принцип автономии воли и принцип наиболее тесной связи.

В этой связи *обосновано* рассмотрение принципов коллизионного регулирования как бинарной системы, включающей два объективно необходимых и в совокупности достаточных для достижения целей системы элемента. Определяющим фактором, обусловившим *дихотомическое деление принципов*, выступает субъект, которому доверено или на которого возложено решение коллизионного вопроса – цель, которая определяет внешнюю обособленность и внутреннюю гомогенность рассматриваемой системы.

2. *Установлено*, что традиционное соотношение категорий норма – принцип (на базовом уровне первичными массовыми элементами права выступают нормы, на более высоком уровне они восходят к относительно немногочисленным принципам, выражающим главные, стержневые идеи соответствующего нормативного массива) в отечественном международном частном праве не наблюдается.

Во-первых, взгляд на международное частное право через призму триады оценок его системной принадлежности объясняет предложения правоведов присвоить ему принципы международного или национального частного права.

Однако практическая проверка данных принципов (например, общих принципов права, признанных цивилизованными нациями, по смыслу подп. «с» п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН, или основных начал гражданского законодательства по смыслу ст. 1 ГК РФ) позволила установить их нежизнеспособность в поле специального правового воздействия на предмет международного частного права.

Во-вторых, взгляд на международное частное право через призму относимых к нему правоведами норм подтверждает многокомпонентный и критически разнородный нормативный массив данной области права, который не позволяет обеспечить формирование для него немногочисленной (гомогенной) системы принципов.

Изложенным обоснована целесообразность обособления в рамках международного частного права коллизионного права для целей построения логического ряда нормы – принципы.

3. *Предложена авторская концептуальная модель автономии воли*, которая в отличие от иных накопленных отечественной наукой международного частного права подходов к пониманию правовой природы автономии воли разграничивает ее статику (существование) и динамику (реализацию) в механизме коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом. В статике – в разрезе правотворчества – речь ведется о многоуровневой системе управомочивающих материально-правовых норм, а в динамике – в разрезе правоприменения – о соглашении сторон о применимом праве как результате реализации предоставленного им дозволения. Оба измерения в совокупности позволяют материально-правовыми средствами достигнуть цели коллизионного регулирования.

4. *Выявлено*, что хотя в логическом ряду регулятивного процесса принципы и нормы коллизионного права первичны по отношению к материальному праву, в историческом и догматическом плане они являются надстройкой над материально-правовыми принципам и нормами, так как без коллизии

действующей материи частного права разных юрисдикций не возникла бы необходимость и в снабжении этой материи коллизинными правилами.

На этом основании *обоснован вывод* о том, что хотя соглашение о правовом режиме гражданских прав и обязанностей сторон лежит в общей парадигме цивилистической договорной формы, оно не смешивается с иными договорными условиями и сохраняет автономность как в части своего целевого назначения, так и в части своего правового основания. Соответственно, *доказано*, что автономия воли, постулирующая возможность сторон гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, избрать применимое право, и пределы ее реализации определяются непосредственно и исключительно управомочивающей нормой, для судов закрепленной в рамках свода коллизионных норм *lex fori*, а для арбитражей – аналогичной нормой редуцированного к альтернативе «выбор сторон или выбор арбитража» положения *lex arbitri*.

Сформулированный теоретический вывод обосновывает целесообразность внесения изменений в действующее законодательство Российской Федерации. В частности, предложено во втором абзаце п. 1 ст. 1186 ГК РФ заменить слово «особенности» на слово «порядок» и установить: «Порядок определения права, подлежащего применению международным коммерческим арбитражем, устанавливается законом о международном коммерческом арбитраже».

5. *Обосновано*, что соглашение о применимом праве представляет собой соглашение *sui generis* и не выступает сделкой по смыслу ст. 153 ГК РФ в той мере, в какой оно не нацелено на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Такое соглашение регламентируется, в том числе в вопросах формы, непосредственно и исключительно специальными нормами, которые санкционируют автономию воли сторон гражданских отношений, осложненных иностранным элементом.

В свете современного гибкого стандарта соглашений о праве, допускающего взаимозаменяемые прямо выраженные и «подразумеваемые» соглашения, выводимые из позиций представителей сторон в процессе, ссылок в тексте договора на отдельные гражданско-правовые нормы и даже наличия

соглашений о применимом праве между теми же лицами, но в иных договорах, *аргументировано*, что само понятие «форма» является условным для такого рода соглашений.

6. *Восполнен пробел научного знания* о дореволюционном периоде развития идеи об автономии воли в отечественном международном частном праве. *Доказано*, что хотя ст. 707 Устава гражданского судопроизводства 1864 г. предписывает императивную коллизионную норму, практика ее применения Правительствующим Сенатом (и оценка этой практики виднейшими правоведами того времени) свидетельствуют о признании в дореволюционном отечественном праве автономии воли сторон обязательства в вопросе выбора материального права.

На материале отечественного международного частного права дореволюционного, советского и современного периодов в совокупности, *установлена закономерность* прогрессивного развития автономии воли как имманентно присущей сторонам возможности выбирать применимое право и доказано приобретение ей в настоящее время *качества общего принципа* коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом (впротивовес правилу отыскания договорного статута).

Установлено, что в современном международном частном праве Российской Федерации автономия воли получает конкретизацию в многоуровневой системе согласованных норм, уполномочивающих стороны гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, выбирать материальное право и отражающих ее феноменальное прогрессивное развитие как с точки зрения объема предоставленных сторонам возможностей (признание последующего выбора, подразумеваемых соглашений, депесяжа), так и с точки зрения перечня отношений, в которых сторонам разрешается выбирать применимое право (для вещных прав на движимое имущество, договорных и внедоговорных обязательств).

7. *Установлен феномен развития* автономии воли как принципа коллизионного регулирования в международном частном праве стран романо-

германской правовой семьи, состоящий в том, что первоначальное юридическое признание данного принципа в ряде названных стран, включая Францию, Германию, Россию, произошло отнюдь не посредством закона как основного источника права, а на уровне правоприменительной практики. *Отмеченный феномен доказывает*, что возможность выбора применимого материального права рассматривается в практике решения коллизионного вопроса как априорно присущая сторонам договорного обязательства трансграничного характера, а идея об автономии воли — как самодостаточная, не требующая специального санкционирования, обусловленная естественным и разумным восприятием правовых отношений, простирающихся в территориальных пределах нескольких юрисдикций.

8. *Доказано*, что признание автономии воли, по меньшей мере для договорных отношений, осложненных иностранным элементом, не зависит ни от принадлежности к той или другой правовой семье, ни от специфики школ коллизионного права, ни даже от санкционирования этой возможности на каком-то официальном уровне.

Выявлено, что признание реального волеизъявления сторон стало следствием фикции о коллизионном значении воли подразумеваемой. Анализ же дальнейшего развития *доказал*, что суды устойчиво признают соглашения сторон о применимом праве, опираясь скорее на здравый смысл, нежели на какие-либо официальные санкции. Последнее, вместе с тем, не исключает различий в конкретных правилах реализации автономии воли, что иллюстрировано различием в подходах в рамках стран общего права: от предельно либерального стандарта, в русле традиции стран континентального права, в Великобритании до весьма ограниченного, в свете специфической концепции правительственного интереса, во многих штатах США.

9. На материале китайского международного частного права, представляющего пример признания принципа автономии воли на уровне общего положения специального закона, *обосновано*, что включение такого общего положения в раздел VI ГК РФ могло бы быть разумным, поскольку объединило

бы в систему отдельные управомочивающие нормы и имело значимую идеологическую нагрузку, как с точки зрения единообразия правоприменительной практики в текущий момент, так и с точки зрения понимания тех линий, по которым может ожидать развитие нормотворческой деятельности в будущем.

На фоне нарастающего укрепления принципа автономии воли в коллизионном регулировании *предложено осмысление* того, что в современном трансформирующемся мире решение коллизионного вопроса обеспечивается не только коллизионными нормами, построенными, прежде всего, на жесткой формуле территориальной локализации, но и принципиально иным образом – за счет автономии воли сторон, посредством децентрализации и гибкости. Предложенная установка позволяет отойти от искусственной цепочки: коллизионный вопрос – коллизионное право – коллизионная норма, развивая вне узко доктринальных оков институты, нацеленные на эффективное обеспечение коллизионного выбора, и применяя эти новейшие институты в новейшем, стремительно меняющемся мире.

10. *Заявлен тезис* о том, что концептуально коллизионный (предварительный) вопрос имеет место в механизме правового регулирования всякого частного отношения, и *обосновано различие* в методике определения сферы действия разделяющихся дихотомически принципов наиболее тесной связи и автономии воли.

Сфера реализации принципа наиболее тесной связи и выражающих его коллизионных норм определена положительно – через попытку поименовать категории отношений, осложняемых какими-то иностранными элементами. В этой связи *разграничены представления* о круге потенциально возможных иностранных элементов и об иностранном элементе, имеющем коллизионно-правовое значение в конкретном случае. Первый, как правило, упоминается в вводных статьях законодательства о международном частном праве и преследует цель в общих чертах описать предмет его воздействия, а второй непосредственно

влечет постановку коллизионного вопроса и в этом смысле может иметь юридическое значение только в силу определенной коллизионной нормы.

Сфера реализации принципа автономии воли, находящего выражение в системе норм, уполномочивающих стороны на выбор применимого права, определена отрицательно – через отказ в признании данной возможности исключительно в случаях, когда иностранный элемент «полностью отсутствует». В этой связи *обоснован вывод* о трансформации категории «правоотношение» – одной из центральных категорий правового бытия – в поле международного частного права. Новейшее развитие высвечивает практическое расширение оценки правоотношения в целях признания за ним «международного» характера посредством оценки характеристик иных правоотношений (с иными субъектами и иным предметом). *Выявленная трансформация* оценки категории «правоотношение» в скорее даже экономическом, а не юридическом контексте свидетельствует о коренных сдвигах в новейшем правопонимании и расширении сферы реализации норм и принципов коллизионного права, в частности, и международного частного права, в целом.

11. *Обосновано*, что за пределами сферы действия принципа автономии воли в международном частном праве (в случаях, когда сторонам не предоставлена возможность выбора правопорядка либо такая возможность ими не реализована) принцип наиболее тесной связи составляет единственный (универсальный) принцип коллизионного регулирования, который служит на правотворческом уровне в качестве идейной основы для разработки классических коллизионных норм, а на правоприменительном – в качестве действующего инструмента решения коллизионного вопроса. Универсальный характер принципа наиболее тесной связи обоснован тем, что в ходе развития в дополнение к территориальной локализации данный принцип аккумулировал значимые материально-правовые соображения, заслуживающие учета на этапе решения коллизионного вопроса.

Хотя на всех этапах становления и развития принцип наиболее тесной связи представляется именно как *правовая* категория, *установлено*, что чем больше он

придает значение содержанию избираемого правопорядка, тем больше обеспечивает привязку к определенному, осмысленному и оцененному, праву (в противовес государству как форме организации общества) и тем больше сближается с принципом автономии воли, подтверждая, таким образом, общую тенденцию материализации механизма коллизионного регулирования.

12. *Обосновано*, что защита основ национального правопорядка не образует самостоятельный принцип коллизионного регулирования, потому что сама по себе не обеспечивает достижение стоящей перед ним цели – решение коллизионного вопроса, т.е. выбор материального права для гражданского отношения, осложненного иностранным элементом.

Институты, направленные на защиту основ национального правопорядка, в ряду которых оговорка о публичном порядке и нормы непосредственного применения, в судебном правоприменении составляют пределы реализации коллизионного выбора в пользу иностранного права, который уже совершен на основании принципов коллизионного регулирования: сторонами – в силу принципа автономии воли или судом – за счет коллизионной нормы, выражающей принцип наиболее тесной связи. В свою очередь международный коммерческий арбитраж, даже действуя в рамках инфраструктуры специального законодательства, содействия и контроля государства локализации, строго юридически не привязан к установленному для судов своду коллизионных норм, в связи с чем данный фильтр, если он не будет предвосхищен арбитражем в свете цели вынести исполнимое решение, активируется при введении уже вынесенного арбитражного решения в правовое поле государства исполнения.

13. *Установлено явление фрагментации* современного правового регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, которое проявляется, во-первых, в объективном сосуществовании различных коллизионных норм в национальном законодательстве и многочисленных международных договорах с различным количеством участников и отличающимися сферами действия, а также унифицированных материально-правовых норм с особенностями того же рода; во-вторых, в субъективных

возможностях сторон в рамках автономии воли, позволяющих как подбор «регулятивного коллажа» правовых и неправовых источников по своему усмотрению, так и расщепление поля правового воздействия на различные аспекты взаимоотношений сторон.

14. На уровне международных актов *определена закономерность* развития идеи об автономии воли участников гражданских (прежде всего, договорных) отношений, осложненных иностранным элементом, и *установлена ее существенная особенность* – прогрессивное развитие содержания данного принципа хронически опережает готовность государств к фиксации этого содержания на уровне юридически обязательного инструмента. Такая закономерность имеет научную ценность не просто в порядке констатации явлений объективной реальности, но позволяет выдвигать гипотезы в отношении будущего развития принципа автономии воли в международном частном праве.

15. В свете того, что широчайший размах возможностей, все более признаваемых под эгидой принципа автономии воли, позволяет сторонам производить такую «юридическую биотехнологию», применение которой для суда или арбитража – задача более трудоемкая, нежели обращение к традиционной коллизионной привязке, *обосновано*, что существование и вектор развития принципа автономии воли в международном частном праве определяются вовсе не целью упростить для суда или арбитража задачу решения коллизионного вопроса, а субъективно оцениваемым сторонами удобством правового режима и его предсказуемостью, позволяющими в совокупности понизить юридические риски вступления с трансграничные частноправовые отношения.

Хотя конкретные мотивы сторон или вообще их отсутствие не имеют юридического значения, в глобальном масштабе они *обуславливают формирующуюся регулятивную конкуренцию* как между национальными правопорядками, так и с допускающими их исключение международными договорами и даже с негосударственными регуляторами.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Диссертация завершена на кафедре гражданского права и процесса и международного частного права юридического института федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», где проведено ее рецензирование и обсуждение.

Достоверность результатов исследования обеспечивается адекватностью исходных теоретических посылок, соответствием избранной методологии объекту, предмету и целям исследования, широтой и репрезентативностью проанализированных источников, использованных на профессиональном уровне при соблюдении автором формальной логики при осуществлении критического анализа.

Материалы и результаты исследования апробированы в преподавательской деятельности соискателя при разработке авторских программ, проведении лекционных и практических занятий по дисциплинам международное частное право (по программе бакалавриата) и международный гражданский процесс (по программе магистратуры), в рамках научного руководства выпускными квалификационными работами бакалавров и магистров, руководства аспирантами и соискателями.

Выводы и предложения исследования нашли отражение в выступлениях автора на научно-практических конференциях и иных научных мероприятиях, в том числе на V, IX-XI, XIII-XIV Международных научно-практических конференциях «Защита частных прав: проблемы теории и практики» (г. Иркутск, БГУ; 2016, 2020-2022, 2024-2025 гг.); IV-X Всероссийских научно-практических конференциях «Развитие и применение международного права и международного частного права» (г. Краснодар, Северо-Кавказский филиал РГУП; 2018-2024 гг.); V-IX Всероссийских научно-практических конференциях «Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса» (г. Краснодар, КрУ МВД России; 2018-2020, 2023-2024 гг.); 61-64 Ежегодных собраниях Российской Ассоциации международного права (г. Москва; 2018-2021 гг.); Кутафинских

чтениях (г. Москва, МГЮА; 2019, 2023-2024 гг.); X Пермском конгрессе ученых-юристов (г. Пермь, ПГНИУ; 2019 г.); Международной научно-практической конференции «Правовое регулирование договорных отношений в России: актуальные проблемы и перспективы развития» (г. Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал РГУП; 2020 г.); X Международной научно-практической конференции «Право и бизнес: обеспечение баланса правовых интересов предпринимателей, потребителей и государства» и Научно-практической конференции «Роль суда в регулировании экономической деятельности» (г. Москва, РГУП; 2021, 2023 гг.); Всероссийских научно-практических конференциях «Обязательственное право России: проблемы теории и правоприменения», «Гражданско-правовое регулирование в процессе трансформации социально-экономических отношений», «Конституционные основы регулирования гражданско-правовых отношений», «Частное право: состояние и тенденции развития» и Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы гражданского, арбитражного, административного судопроизводства: теория, методология, практика» (г. Краснодар, КубГУ; 2021, 2023-2025 гг.); IX-XI Московских юридических форумах (г. Москва, МГЮА; 2022-2024 гг.); II, IV Международных научно-практических конференциях «Право и бизнес в реалиях современности: национальное, региональное и международное измерение» (г. Москва, ВШЭ; 2023, 2025 гг.); III-V Международных научно-практических конференциях «Современные тенденции в практике разрешения международных коммерческих споров» (г. Москва, ВАВТ; 2023-2025 гг.); III Международном междисциплинарном научно-практическом конгрессе «Актуальные проблемы международного частного права» (г. Москва, МГЮА; 2024 г.) и др.

По теме диссертационного исследования опубликовано 54 работы, в том числе 3 научные статьи в изданиях из Международных баз цитирования, 9 научных статей в изданиях, индексируемых в RSCI, 20 научных статей в изданиях, входящих в рецензируемые издания из числа рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования

Российской Федерации; а также 2 монографии и 1 глава коллективной монографии; 18 публикаций в сборниках материалов конференций и 1 – в других изданиях.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования и отражает его логику. Диссертация включает введение, пять глав, охватывающих пятнадцать параграфов, заключение и список литературы.

Глава 1.

Социально-правовые предпосылки формирования, нормативное отражение и особенности доктринального осмысления автономии воли как принципа коллизионного регулирования в международном частном праве

§ 1. Социально-правовые предпосылки формирования и нормативное отражение принципа автономии в отечественном международном частном праве

В качестве исходной точки отметим, что автономия воли в международном частном праве и автономия воли в праве вообще восходят в самом своем общем виде к идее о свободе воли, обсуждаемой в качестве фундаментальной концепции бытия. Так, в плоскости христианской веры свобода воли есть необходимое условие, без которого человек не может существовать в принципе. Ветхий Завет, Бытие, от самого сотворения мира повествует о свободе выбора, как когда еще в саду Едемском Адам и Ева по своей воле вкусили плоды запретного дерева, а значит, могли выбрать, поступить им так или иначе¹.

Равным образом в Новом Завете, Евангелии от Матфея, и в предании Иуды Искарота, и в отречении апостола Петра свобода воли и возможность выбора – как верного, так и нет – подразумеваются по самой сути повествования². Соответственно, в христианской догматике человек однозначно наделяется свободой воли. Как гласит Блаженный Августин, «ведь то, что не сделано добровольно, не было бы ни грехом, ни праведным поступком. А потому и наказание, и награда были бы несправедливы, если бы человек не обладал свободой воли»³.

¹ Ветхий Завет. Бытие. Глава 3 – РПЦ. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/gen/3/> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

² Новый Завет. Евангелие от Матфея. Глава 26 – РПЦ. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/mf/26/> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

³ Августин, блж. О свободе воли / пер. по изд. М. Е. Ермаковой – Электронная библиотека Одинцовского Благочиния. URL: http://www.odinblago.ru/sv_otci/avgustin/osvobode/ (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

Проблематика осмысления человеком конструкта воли «имеет многовековую историю»¹ и восходит к разработкам выдающихся философов. Считается, что в европейской культуре понятие воли ввел Аристотель «для объяснения порождения действия, сознательно принимаемого человеком к исполнению, но мотивационно необеспеченного»². Поиск детерминант воли в трудах мыслителей представлен обширной палитрой воззрений: от волюнтаризма А. Шопенгауэра, у которого воля есть «сердцевина, ядро всего частного, как и целого», «вещь в себе», свободная от времени, пространства и причинности³; до классиков марксизма-ленинизма, указывающих на детерминирующую роль «потребностей развития материальной жизни общества»⁴ и, тем самым, закладывающих основу для осмысления потребностей как двигателя, не единственного, но одного из главных факторов воли⁵.

Центральное же место в рассматриваемых учениях занимает тезис о свободе воли, который в свою очередь имеет определяющее значение для юриспруденции. В. А. Ойгензихт пишет: «Вне всякого сомнения, свобода является свойством воли, ее природой, без свободы нельзя говорить о регулировании поведения»⁶. В том же ключе В. С. Нерсесянц определяет: «Право – это форма свободы людей, т. е. свобода их воли, включающая в себя возможность осознанного выбора и реализации того или иного варианта поведения»⁷.

Концептуально свобода воли предполагает возможность выбора как правомерного, так и противоправного поведения. В последнем случае в отсутствие свободы воли правонарушителя было бы несправедливо вести речь о возложении *на него* ответственности за совершенное *им* деяние. Вместе с тем, в

¹ Аристова И. Л. Общая психология. Мотивация, эмоции, воля. Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2003. С. 90.

² Иванников В. А. Воля // Национальный психологический журнал. 2010. № 1(3). С. 97.

³ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / пер. с нем. Ю. Айхенвальда. М.: АСТ, 2020. С. 203, 217-220.

⁴ Сталин И. В. О диалектическом и историческом материализме // Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. М.: Писатель, 1997. С. 264-265.

⁵ Ойгензихт В. А. Воля и волеизъявление (Очерки теории, философии и психологии права) / под. ред. С. А. Раджабова. Душанбе: Дониш, 1983. С. 25-26.

⁶ Там же. С. 62.

⁷ Нерсесянц В. С. Философия права: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 38.

области частного права, регулирующего широчайший спектр ординарных социальных отношений, свобода воли мыслится, прежде всего, «как автономное, независимое поведение участника правоотношения, ... предполагающее возможность выбора в правомерных средствах достижения собственных потребностей»¹.

Так, освещая основные начала гражданского законодательства, п. 2 ст. 1 ГК РФ гласит: «Граждане ... и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права *своей волей* и в своем интересе (курсив наш. – Т.Н.)»². Вместе с тем, свобода, как известно, не может быть безграничной, и в плоскости выбора правомерных средств достижения потребностей она ограничивается, прежде всего, рамками закона. В этой связи Т. Е. Абова справедливо заявляет: «Воля и волеизъявление участников сделки в известной мере ограничены законом и не должны выходить за пределы, им установленные»³.

Хотя отдельными авторами это высказывание критикуется как ограничивающее диспозитивность гражданско-правового регулирования⁴, мы стоим на позиции, что до тех пор пока право будет в сущности выражаться совокупностью общеобязательных формально-определенных правил поведения, его императивные нормы будут объективным ограничением свободы воли сторон соответствующих отношений. Изложенному нетрудно найти подтверждение в ст. 1 ГК РФ, п. 2 которой гарантирует гражданам и юридическим лицам свободу в определении любых, но при этом «*не противоречащих законодательству условий договора* (курсив наш. – Т.Н.)».

Вместе с тем, все изложенное вполне справедливо исключительно в рамках ограниченного поля отдельно взятой национальной юрисдикции. В свою очередь стремительное развитие средств сообщения и связи повлекло за собой не только

¹ Политова И. П. Воля и волеизъявление. М.: Проспект, 2016. С. 13.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 07 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. Режим доступа: СПС «Гарант».

³ Абова Т. Е. Сделки в российском гражданском праве. Признание их недействительными // Абова Т. Е. Избранные труды. Гражданский и арбитражный процесс. Гражданское и хозяйственное право. М.: Статут, 2007. С. 941.

⁴ Политова И. П. Указ. соч. С. 15-16.

количественное увеличение числа трансграничных контактов частных лиц, но и, что еще более важно, качественные сдвиги в социальных процессах. Глобальная цифровизация и развитие различных платформ сделали отдельного индивида, поставляемые им товары, оказываемые услуги и транслируемую информацию, легко и быстро доступными для практически неограниченного числа контрагентов. Так, зачастую буквально в несколько кликов вы можете, без посредничества караванов, купцов и даже без розничных магазинов, приобрести товар производителя из любой точки планеты; записаться на курс йоги или занятия к репетитору вне зависимости от национальности и места проживания исполнителей; или как инфлюенсер, без корпоративной принадлежности какому-либо средству массовой информации или союзу, транслировать контент на безгранично большую аудиторию.

Описанные и подобные им процессы не могли не трансформировать социальный уклад современного общества, сдвигая акцент на свободу выбора индивида как средство достижения актуальных для него потребностей. В свою очередь право, нацеленное регулировать развивающиеся социальные отношения, вынуждено следовать набирающим силу трендам.

В этом смысле автономия воли как предоставляемая сторонам гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным элементом, возможность выбора применимого права, безусловно, восходит к идее о свободе воли и конструкту воли в ее самом общем философско-правовом смысле. Считаем важным уточнить, что в настоящем исследовании мы рассматриваем автономию воли по своей сути как свободу воли и поэтому не согласимся с авторами, отрицающими тождество данных понятий по причине специально-юридического содержания принципа автономии воли в международном частном праве¹.

Тем не менее, усматривая основания автономии воли как принципа коллизионного регулирования в общей идее о свободе воли и признавая единство цивилистического понятийно-категориального поля, мы не считаем возможным

¹ Уруков В. Н. Теория воли и волеизъявления в гражданском праве. М.: Юстицинформ, 2019. С. 124.

слепо выводить автономию воли, санкционирующую соглашения о выборе применимого права, из автономии воли (или даже более узко – из принципа свободы договора) в их понимании материальным гражданским правом¹. Данному вопросу будет уделено внимание в специальных разделах работы, а потому здесь мы ограничимся аргументом о том, что автономия воли в плане коллизионного регулирования действует, когда применимое право еще только определяется и ни о каких принципах материального права не идет речи. По сути, она составляет предпосылку возможного применения уже в последующем того принципа свободы договора, который установлен избранным правом определенного государства.

В целом, социальные тренды глобализации и децентрализации, а также потребность расширения поля прямого выбора индивидов обуславливают значимые изменения как непосредственно в общественных отношениях, так и в коррелирующей им правовой материи. При этом в праве, в целом, и в международном частном праве, в особенности, изменения затрагивают отнюдь не только исследуемый принцип. Даже в плоскости автономии воли международное частное право позволяет выбор не только применимого права, но и механизмов урегулирования спора. При этом от выбора юрисдикции, будь то национальный суд того или иного государства или международный коммерческий арбитраж, локализованный в какой-то стране, будут в конечном итоге зависеть материально-правовые основания разрешения спора. Если выбор материального права не сопровождается выбором юрисдикции, то избранный сторонами суд или арбитраж применит действующие для него коллизионные правила, но даже если стороны выбрали материальное право, собственные правила суда или арбитража дадут ответ на вопрос о том, в каких пределах и на каких условиях выбор сторон будет признаваться. И в обоих случаях – конечный результат рассмотрения дела будет зависеть от применения судом или арбитражем общих коллизионных институтов:

¹ См., например: Правовое регулирование внешней торговли СССР / под ред. Д. М. Генкина. М.: Внешторгиздат, 1961. С. 480 (автор главы XXV – М. М. Богуславский).

от порядка установления содержания норм иностранного права до норм непосредственного применения и оговорки о публичном порядке.

Таким образом, автономия воли как возможность участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, выбирать применимое право восходит к идее о свободе воли и конструкту воли в ее самом общем философско-правовом смысле. Формирование и развитие рассматриваемого принципа определяются социальными трендами глобализации и децентрализации и удовлетворяют потребность участников трансграничных общественных отношений в автономном выборе применимых правовых регуляторов. В свою очередь осмысление траектории развития принципа автономии воли как порождающего регулятивную конкуренцию между юрисдикциями и даже – в обозримой перспективе – со сводами негосударственных регуляторов позволяет не только сформировать объяснительную модель текущего механизма коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, но и предсказать перспективы будущего развития как отдельно взятого принципа автономии воли, так и коллизионного и правового регулирования в целом.

Преследуя главную цель установить истоки формирования и закономерности развития, а также сформулировать концептуальную модель автономии воли в качестве принципа коллизионного регулирования гражданских отношений трансграничного характера, мы считаем важной «стартовой» задачей – проанализировать становление и развитие идеи об автономии воли в отечественном международном частном праве.

Главным методом решения указанной задачи выступает историко-правовой с оговоркой о том, что под ним понимается не простое описание хронологической последовательности нормативных источников, правоприменительной практики и доктринальных воззрений в порядке констатации, а содержательный анализ развития идеи об автономии воли в последовательности сменяющих друг друга эпох с учетом особенностей не только правовых, но и политических, экономических и др. условий жизни общества, который позволяет выявить

устойчивые тенденции в развитии анализируемой идеи, осмыслить основы ее современного функционирования и даже предсказать траекторию ее будущего развития.

В этой связи исследование в настоящем параграфе будет охватывать три периода отечественной истории: дореволюционный, советский и современный. При этом для советского и современного периодов в качестве основных вех будут рассматриваться моменты принятия новых или существенной переработки текущих нормативных источников, определяющих коллизионное регулирование в исследуемой области (что однако не умаляет значения правоприменительной практики и доктринальных установок). Таким образом, в рамках советского периода развития идеи об автономии воли в международном частном праве будут рассмотрены три этапа, ведущие отсчет от ГПК Р.С.Ф.С.Р. 1923 г.¹, Основ гражданского законодательства 1961 г.² (ГК РСФСР 1964 г.³, соответственно) и Основ гражданского законодательства 1991 г.⁴, в рамках современного российского периода – два этапа, ведущие отсчет от принятия части третьей ГК РФ и ее реформы в 2013 г. по настоящее время.

Упоминание об автономии сторон применительно к обязательствам международного характера встречается уже в 1865 г. в работе Н. П. Иванова «Основания частной международной юрисдикции»⁵, которая по общему признанию считается первой работой, специально посвященной международному частному праву, в России⁶. Так, ученый отмечает, что согласно учению об

¹ Гражданский Процессуальный Кодекс Р.С.Ф.С.Р., введен в действие Постановлением ВЦИК от 10 июля 1923 г. «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1923. № 46-47. Ст. 478.

² Закон СССР от 08 декабря 1961 г. «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 525.

³ Гражданский кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.

⁴ Основы Гражданского Законодательства Союза ССР и республик, утверждены ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-I // Ведомости ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

⁵ *Иванов Н. П.* Основания частной международной юрисдикции // Золотой фонд российской науки международного права. Т. 2. М.: Международные отношения, 2009. С. 57-99.

⁶ См., например: *Абдуллин А. И.* О некоторых вопросах зарождения и формирования отечественной науки международного частного права // Вестник экономики, права и

автономии договор, в первую очередь, подлежит обсуждению «по тому закону, на который указано самими контрагентами»¹. Однако отстаивая применительно к обязательствам закон местоисполнения, Н. П. Иванов выступает против учения об автономии и заявляет, что поскольку «автономия контрагентов может быть основана лишь на прямом определении законодательства», она выражается только в том, что контрагенты могут выбрать место исполнения своего обязательства².

В свою очередь ст. 707 Устава гражданского судопроизводства, утвержденного 20 ноября 1864 г.³, устанавливает: «Договоры и акты, совершенные за границею, обсуждаются на основании законов того государства, в пределах коего они совершены, и признаются действительными, если только заключающаяся в них сделка не противна общественному порядку и не воспрещается законами Империи»⁴. В изложенном положении обращают на себя внимание два аспекта. Во-первых, коллизионная по своему характеру норма содержится в процессуальном кодифицированном акте, в частности, в главе XII «О решении» (отделение первое «Постановление решения»). Полагаем, что таким образом получает отражение восприятие законодателем того времени природы коллизионной нормы как правила, применяемого судом при постановлении решения для выбора применимого закона: отечественного или иностранного. Во-

социологии. 2012. № 4. С. 117; *Богуславский М. М.* Международное частное право: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 39; *Кудряшов С. М.* Страницы истории: Николай Павлович Иванов (зарождение науки международного частного права в России) // Журнал международного частного права. 1994. № 4(6). С. 49-53.

Следует также отметить имеющиеся в литературе упоминания о защищенных в 1850 г. диссертациях Бобровского («О действии законов гражданских и уголовных одного государства в другом») и Благовещенского («О действии государственных и гражданских законов в международном праве»), которые, однако, остались в рукописи, а также указание на «первый очерк частного международного права», который содержался в лекциях Д. И. Мейера, впервые изданных после его смерти в 1859 г. (*Грабарь В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647-1917) / под ред. В. Н. Дурденевского, С. Б. Крылова. М.: Академия наук СССР, 1958. С. 468).

¹ *Иванов Н. П.* Указ. соч. С. 90.

² Там же. С. 90-91.

³ Указ Правительствующему Сенату от 20 ноября 1864 г. Режим доступа: СПС «Гарант».

⁴ Уставъ Гражданскаго Судопроизводства (изд. 1892 г.) // Сводъ Законовъ Россійской Имперіи / сост. Н. П. Балкановъ, С. С. Войтъ, В. Э. Герценбергъ, подъ ред. и съ примѣч. И. Д. Мордухай-Болтовскаго. С.-Петербургъ: Дѣятель, 1912. Томъ XVI. С. 113-324.

вторых, как отмечает Т. М. Яблочков, отечественное право дореволюционного периода выдвигает единый принцип коллизионного регулирования «*формы и материального содержания* юридической сделки» – принцип *locus regit actum*¹.

Вместе с тем, заслуживает особого внимания тот факт, что несмотря на отсутствие в ст. 707 Устава гражданского судопроизводства указаний на автономию воли, соглашение сторон или иные изъятия, отечественная правоприменительная практика в существенной мере дополнила содержание данной коллизионной нормы. Так, Бар. Б. Э. Нольде отмечает, что, первоначально применяя указанную статью в соответствии с ее буквальным смыслом, в 1895 г. в решении № 89 по делу Круглова Правительствующий Сенат² сформулировал дополнительное правило: к «договорам, местом исполнения коих назначена Россия, должны быть применяемы русские законы»³. При этом особенно важной является мотивировка, которую выдвинул Сенат в обоснование такого отступления: «на выраженное векселедателем в самом векселе обязательство произвести платеж в России и принятие в таком виде векселя векселедержателем нельзя иначе смотреть, как *на соглашение сторон подчиниться всецело в спорах по исполнению русским законам* (курсив наш. – Т.Н.)»⁴.

В 1906 г. в решении № 57 по делу Эрлиха Правительствующий Сенат непосредственно заявил об автономии сторон, указав, что установленное ст. 707

¹ Яблочков Т. М. Курс международного гражданского процессуального права // Золотой фонд российской науки международного права. Т. 2. М.: Международные отношения, 2009. С. 415-416.

² Следует иметь в виду тот факт, что, как отмечает С. К. Гогель, «со времени издания Судебных уставов 20 ноября 1864 г., ... поставивших во главе всего судебного строя кассационные департаменты Правительствующего Сената, последнему действительно принадлежит вся полнота независимой судебной власти». При этом, как пишет автор, «не следует забывать, что кассационные департаменты своими решениями по отдельным делам, своими циркулярными разъяснениями, действительно руководят всем судебным делом в стране» (Гогель С. К. Круг ведомства и очерк деятельности Правительствующего Сената // История Правительствующего сената за двести лет. 1711-1911 гг.: В 5 т. Т. 4: Правительствующий сенат в XIX столетии после реформ 60-х годов / сост. И. А. Блинов, В. А. Гаген, С. К. Гогель и др. СПб.: Сенатская типография, 1911. С. 103-104).

³ Нольде Б. Э. Очерк международного частного права // Золотой фонд российской науки международного права. Т. 4. М.: Международные отношения, 2013. С. 374.

⁴ Рѣшеніе Гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго сената № 89 от 08 февраля 1895 г. // Рѣшенія Гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго сената за 1895 годъ. Екатеринославъ: Тип. Исаака Когана, 1911. С. 209-210.

Устава гражданского судопроизводства правило *locus regit actum* «основано на предполагаемой воле сторон, заключающих сделку»¹. Более того, заявленное предположение базируется на том, что стороны обычно руководствуются «известными им законами», коими выступают законы «места заключения сделок, к которому, в большинстве случаев, приурочены их постоянные деловые сношения». Развивая эту мысль, Правительствующий Сенат заключает, что основанное на предполагаемой воле сторон положение ст. 707 Устава гражданского судопроизводства есть, по сути, *presumption juris tantum* (опровержимая презумпция), а значит, ее отмена может быть «установлена в каждом отдельном случае судом ... на точном основании соглашения сторон, выраженного в сделке».

Таким образом, несмотря на то, что ст. 707 Устава гражданского судопроизводства, на первый взгляд, предписывает императивную коллизионную норму, практика ее применения Сенатом свидетельствует о признании в дореволюционном отечественном праве автономии воли сторон обязательства в вопросе выбора применимого материального права. Однако нужно учитывать, что в этот исторический период понимание юридического значения воли сторон в вопросах выбора применимого права носит зачаточный характер. Оно состоит отнюдь не в прямом дозволении соглашений о выборе правопорядка, а строится лишь в русле логики о том, что коль скоро само коллизионное правило имело в качестве своего основания соображения о том, из какого правопорядка в обычных условиях исходили бы стороны отношения, то и прямые индикаторы их потребности в ином коллизионном решении способны превалировать над базирующимся на презумпции правилом.

Выявление факта признания автономии воли участников обязательственных отношений международного характера в дореволюционный период имеет важное научное значение по двум причинам. Во-первых, в подавляющем большинстве случаев современные авторы, обращающиеся к эволюции принципа автономии

¹ Рѣшеніе Гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго сената № 57 от 03 мая 1906 г. // Рѣшенія Гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго сената за 1906 годъ. Екатеринославъ: Тип. Исаака Когана, 1910. С. 137-139.

воли в международном частном праве, высказываются о «запоздалой реакции» отечественной юриспруденции в данной области, рассматривая в качестве первых случаев применения автономии воли лишь практику Внешнеторговой арбитражной комиссии во второй половине 30-х гг. XX в.¹ Полагаем, что выявление дореволюционного периода в развитии принципа автономии воли в международном частном праве ликвидирует имеющийся пробел научного знания и устранил недооценку отечественной юридической практики в этой сфере.

Во-вторых, что более важно, признание права участников обязательственных отношений международного характера на выбор применимого материального права даже в тех случаях, когда такое право на выбор не предусмотрено законом, свидетельствует о том, что автономия воли уже более века назад рассматривалась отечественным международным частным правом как имманентно присущая его субъектам. Изложенное в свою очередь имеет важное значение для обоснования принципиального характера автономии воли сторон в коллизионном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом.

В законодательстве советского периода заслуживает внимания ст. 7 ГПК РСФСР. 1923 г., которая устанавливает: «При рассмотрении судом договоров и актов, совершенных за границей, принимаются во внимание законы, действующие в месте совершения договора или акта, если самые договоры или акты разрешены на основании законов и соглашений РСФСР с тем государством, в пределах коего они совершены».

Нельзя не заметить, что изложенная норма отличается поразительным сходством с положением ст. 707 Устава гражданского судопроизводства: она также закреплена в процессуальном кодифицированном акте (в данном случае – в

¹ Малкин О. Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 19. Кроме того, отдельные авторы, уделяя внимание только законодательному закреплению принципа автономии воли, отсчитывают историю его развития в отечественном международном частном праве от положения ст. 126 Основ гражданского законодательства 1961 г. и ст. 566 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. (Современное международное частное право в России и Евросоюзе / под ред. М. М. Богуславского, А. Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. М.: Норма, 2013. С. 436, автор главы – М. П. Бардина).

его основных положениях – гл. I части первой), фиксирует привязку к закону места совершения сделки (принцип *lex loci contractus*) и не предусматривает права сторон самостоятельно избрать применимое к их отношениям материальное право. При этом в сложных условиях формирования советской правовой системы данная статья оперирует выражением «принимаются во внимание», что по общему признанию специалистов позволяет суду с учетом обстоятельств конкретного дела отказаться от применения иностранного закона, применив вместо него, в первую очередь, советский или даже иной, наиболее «привязанный» закон¹.

Что же касается автономии воли участников обязательственных отношений международного характера, то первоначально советская юридическая литература высказывается в этом отношении весьма негативно. Так, И. С. Перетерский отмечает, что «у нас автономии сторон, в буржуазном смысле этого слова, не существует», и далее конкретизирует, что «в новой доктрине за сторонами это право [выбора применимого закона. – Т. Н.] признается лишь в пределах законодательства места заключения договора»², то есть по сути в рамках инкорпорации.

Более того, отдельные примеры учета воли сторон частноправовых отношений международного характера в правоприменительной практике также подвергаются критике. Например, представляет интерес фрагмент определения Верховного суда УССР от 27 февраля 1928 г., в котором отмечается необходимость «остановиться на выяснении того, можно ли полагать, что истец, нанимаясь на иностранный пароход, тем самым согласился на все условия труда, установленные коллективным договором между пароходоладельцем и

¹ Крылов С. Б. Международное частное право: пособие к лекциям. М.: Прибой, 1930. С. 184-185. Примечательно, что гражданские процессуальные кодексы не всех республик в анализируемый период содержат формулировку «принимаются во внимание». Так, ст. 7 ГПК Белорусской ССР устанавливает: «При разрешении споров, возникающих из договоров и актов, совершенных за границей, суд должен руководствоваться законами, действовавшими в месте и во время их совершения...» (Гражданский процессуальный кодекс БССР, введен в действие Постановлением III сессии ЦИК БССР от 26 июля 1923 г. // СУ БССР. 1923. № 13-14. Ст. 116).

² Перетерский И. С. Очерки международного частного права Р.С.Ф.С.Р. М.: Госиздат, 1924. С. 101-102.

английским профсоюзом моряков»¹. Комментируя данное определение, В. М. Корецкий подчеркивает, что Верховный суд не дает прямого решения вопроса о том, на основании каких законов следует разрешить дело по существу, однако приведенный фрагмент указывает, по мнению автора, на «применение принципа автономии воли сторон»².

В то же время, по мнению С. И. Раевича, «с приданием решающего значения соглашению или намерению сторон вряд ли можно согласиться, и здесь Верховный суд УССР, вероятно, допустил необоснованный либерализм»³. Однако далее по тексту нетрудно заметить, что, именуя ориентировку на «волю» сторон «типично буржуазной установкой», ученый фактически критикует лишь те случаи, в которых соглашения *expressis verbis* не имеется и суд решает вопрос о применимом праве «по предполагаемой “воле” сторон»⁴. Кроме того, в этом случае важно учитывать особые идеологические условия существования советской юриспруденции. Так, в той же работе по вопросу коллизий в области обязательственного права в целом С. И. Раевич цитирует резолюцию пленума ЦК ВКП(б), согласно которой внешние хозяйственные связи СССР «представляют продолжение в экономической форме борьбы за самостоятельность ... советской системы в обстановке капиталистического окружения»⁵, а в другой работе по

¹ Определение Верховного суда УССР от 27 февраля 1928 г. по делу № 1476-28 г. («Каким судом и на основании каких законов разрешаются трудовые конфликты между владельцами иностранного парохода и работниками экипажа») // Вестник советской юстиции. 1928. № 7 (113). С. 224. Тем не менее, следует признать, что в качестве базового правила Верховный суд УССР со ссылкой на ст. 7 ГПК указал, что «вообще договорные отношения регулируются законами того места, где договор заключен; но в зависимости от конкретных обстоятельств дела может быть применен и закон того места, где договор осуществляется» (Там же. С. 224).

² Корецкий В. М. К вопросу о разрешении трудовых конфликтов, возникающих на иностранных торговых судах // Вестник советской юстиции. 1928. № 10 (116). С. 299. С. Б. Крылов также рассматривает анализируемый тезис как «признание принципа автономии воли сторон» (Крылов С. Б. Указ. соч. С. 186-187).

³ Раевич С. И. Международное частное право / под ред. Е. Пашуканиса. М.: Госиздат, 1934. С. 170.

⁴ Там же.

⁵ Цит. по: Там же. С. 169.

вопросу более общего характера рассматривает «международное частное право как орудие подготовки интервенции против СССР»¹.

Вместе с тем, с течением времени отдельные авторы начинают занимать более сдержанную позицию по отношению к идее об автономии воли. В частности, Л. А. Лунц, освещая основные начала советского коллизионного права в 1946 г., указывает, что используемый буржуазной практикой «принцип договорной автономии» по существу не дает «критерия для разрешения коллизий и на практике приводит к значительной свободе судейского усмотрения», допуская однако, что советские сделки по внешней торговле могут быть подчинены иностранному праву, если таковое *expressis verbis* предусмотрено конкретной сделкой². При этом он же, уже в 1957 г. подводя некоторые итоги развития советской доктрины международного частного права, прямо заявляет, что «в советской доктрине и практике ... получил признание и применение ряд общих для многих стран начал международного частного права», в числе которых ученый называет и «закон, избранный участниками сделки»³.

Такая трансформация взглядов советской правовой науки в условиях того, что редакция положения ст. 7 ГПК Р.С.Ф.С.Р. оставалась неизменной на протяжении всего анализируемого периода, была отчасти вызвана советской юридической практикой – по аналогии с тем, как эволюционировало толкование ст. 707 Устава гражданского судопроизводства. Однако в данный период особое

¹ Раевич С. И. Международное частное право как орудие подготовки интервенции против СССР // Советское государство. 1932. № 4. С. 189-197.

² Лунц Л. А. Основные начала советского коллизионного права // Научная сессия, посвященная 20-летию существования Всесоюзного института юридических наук (1925-1945): тезисы докладов. М.: ВИЮН, 1946. С. 38. В данной работе Л. А. Лунц подчеркивает, что по общему правилу «значительная часть сделок по внешней торговле заключается в СССР и подчинена действию советского права»; и даже признавая в качестве исключения возможность избрания применимого права сторонами сделки, автор указывает, что «презумпция – всегда в пользу применения советского права» (Там же. С. 38).

³ Лунц Л. А. Некоторые итоги развития советской доктрины международного частного права // Межвузовское научное совещание «Сорок лет советского государства и права и развитие правовой науки»: тезисы докладов. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1957. С. 38.

значение имели также онтологические факторы правообразования¹, характеризующие весь советский строй и в области обязательственных отношений ярко проявившиеся в государственной монополии внешней торговли.

Поскольку советские сделки по внешней торговле заключаются преимущественно торгпредствами и внешнеторговыми объединениями, правовой режим таких сделок характеризуется рядом специфических особенностей. Во-первых, первоначально внешнеторговые сделки заключаются за границей торгпредствами, которые являются государственными органами и в силу этого претендуют на иммунитет государства, включающий как судебный иммунитет, так и иммунитет от применения иностранного законодательства.

Примечательно, что в этот период положение об иммунитете государства от применения иностранного законодательства еще рассматривается как незыблемое. Так, в 1929 г. Постоянная палата международного правосудия в решениях по делам об оплате по различным сербским займам, выпущенным во Франции, и об оплате золотом по бразильским федеральным займам, выпущенным во Франции, выдвинула идентичный тезис – суверенное государство «не может предполагаться подчинившим содержание своего долга и действительность принятых в его отношении обязательств какому-либо праву кроме собственного»². И хотя в 1937 г., когда Палата Лордов в деле о займе, выпущенном Правительством Великобритании в США, постановила со ссылкой на намерение сторон о применении права США и подчеркнула, что общие коллизионные принципы применяются на равных основаниях к сделкам, стороной которых является государство, намечается отчетливая тенденция к отказу от иммунитета сделок государства, советская юридическая наука занимает

¹ Значимость онтологических факторов через призму исторических начал частного права, составляющих «“первоначала” права, его “первоисток”, “порождающую стихию”, “порождающие силы”», убедительно обоснована Н. П. Асланян (Асланян Н. П. Основные начала российского частного права. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2001. С. 33; Асланян Н. П. Основные начала российского частного права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 11).

² *Case concerning the Payment of Various Serbian Loans issued in France*, Permanent Court of International Justice, Judgement No. 14 [12 July 1929] Publications of the Permanent Court of International Justice (Series A, Nos. 20/21) at 42; *Case concerning the Payment in Gold of Brazilian Federal Loans issued in France*, Permanent Court of International Justice, Judgement No. 15 [12 July 1929] Publications of the Permanent Court of International Justice (Series A, Nos. 20/21) at 121.

в данном отношении строго консервативную позицию¹. В частности, Л. А. Лунц прямо заявляет: «Мы по-прежнему исходим из того, что Советскому государству и его органам принадлежат все виды иммунитетов»².

Во-вторых, поскольку иммунитет торгпредств как органов государства ставит контрагентов по их внешнеторговым сделкам в рисковое положение, связанное как с вопросами юрисдикции, так и с вопросами применимого права, в данный период «в целях обеспечения экономического сотрудничества с иностранными государствами» СССР заключает ряд международных договоров, содержащих изъятия из принципа об иммунитете иностранного государства³.

С правовой точки зрения указанные изъятия характеризуются двумя важными особенностями. Во-первых, они рассматриваются как исключение, «которое добровольное сделано ... в целях облегчения ведения операций по внешней торговле» и которое в силу строго ограничительного толкования не может отменять общего правила об иммунитете иностранного государства⁴. Во-вторых, такие изъятия по общему признанию специалистов носят диспозитивный характер, то есть «действуют ... постольку, поскольку иное не предусмотрено в отдельных контрактах»⁵.

При этом особенно важно, что возможность предусмотреть иное в контракте признается за сторонами даже в тех случаях, когда о ней не упоминается в положениях международного договора. Так, п. 6 ст. 5 Временного

¹ *Rex v. International Trustee for the Protection of Bondholders Aktiengesellschaft*, the House of Lords of the United Kingdom [1937] A.C. 500. Примечательно, что в этом деле Палата Лордов также заявила: «Не существовало правила, что в данном случае [когда стороной сделки является суверенное государство. – Т. Н.] должен следовать вывод о том, что собственное право государства подлежит применению».

² Лунц Л. А. Международное частное право: учебник. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1949. С. 229. При этом в отношении указанной позиции Палаты Лордов и ряда аналогичных дел ученый пишет: «Нет оснований считать, что судебная практика ряда капиталистических стран, направленная на отказ от коллизионных принципов, вытекающих из начала независимости государств, в чем либо колеблет действие этих начал» (Там же).

³ Там же.

⁴ Перетерский И. С., Крылов С. Б. Международное частное право: учебник. М.: Юридиздат НКЮ СССР, 1940. С. 121.

⁵ Лунц Л. А. Международное частное право... С. 231. Того же мнения по существу, но несколько с другой аргументацией придерживаются И. С. Перетерский и С. Б. Крылов (Перетерский И. С., Крылов С. Б. Указ. соч. С. 121).

торгового соглашения между СССР и Великобританией от 16 февраля 1934 г. предусматривает: «Всякие вопросы, могущие возникнуть в отношении любой сделки, заключенной в Соединенном Королевстве..., будут разрешаться судами Соединенного Королевства соответственно с законами последнего»¹. Касательно этой нормы Л. А. Лунц прямо заявляет: «Не подлежит сомнению, что торгпредство СССР в Лондоне может заключить договор с британской фирмой на условиях подчинения ... советской юрисдикции и советским законам»².

Заслуживает внимания мотивация допустимости отступления от положения международного договора по соглашению сторон. В частности, И. С. Перетерский и С. Б. Крылов рассматривают автономию воли как принцип буржуазного права, а установленную международным договором отсылку к иностранному (буржуазному) праву как отсылку не только к материальным, но и к его коллизионным нормам, включая, следовательно, и допускаемую буржуазными правопорядками автономию воли³. В этом отношении авторы пишут: «Торгпредство, несомненно, не может быть лишено тех правомочий, которые предоставляются законом страны пребывания торгпредства лицам, заключающим сделки в данной стране»⁴.

Напротив, Л. А. Лунц обоснованно рассматривает само положение международного договора как диспозитивное, а о договорной автономии пишет как о начале, из которого «все без исключения государства исходят в своем коллизионном праве»⁵. Полагаем, что И. С. Перетерский и С. Б. Крылов создают в этом случае искусственную конструкцию отсылки к коллизионным нормам иностранного государства в силу нежелания признавать тот факт, что советское государство исходит в своей внешней торговле из «буржуазного» принципа автономии воли, в то время как фактически именно это и происходит.

¹ Временное торговое соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Великобританией от 16 февраля 1934 г. (г. Лондон) // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1934. Отд. II. № 15. Ст. 1367.

² Лунц Л. А. Международное частное право... С. 231-232.

³ Перетерский И. С., Крылов С. Б. Указ. соч. С. 121.

⁴ Там же.

⁵ Лунц Л. А. Международное частное право... С. 231.

Последующая практика заключения международных договоров убедительно демонстрирует, что нормы, подчиняющие советские торговые сделки юрисдикции иностранных судов и иностранному законодательству, по общему правилу дополняются указанием на возможность предусмотреть иное в условиях конкретной сделки. Например, ст. 2 Приложения к Торговому договору между СССР и Китаем от 16 июня 1939 г. «О правовом положении Торгового Представительства СССР в Китайской Республике» устанавливает, что «все торговые сделки, заключенные или гарантированные Торговым Представительством СССР в Китае на территории Китайской Республики, подчиняются китайскому законодательству и подлежат компетенции китайских судов, если только законы Китайской Республики или условия в отдельных сделках не предусматривают иного»¹.

Аналогичные по содержанию формулировки содержатся в приложениях о правовом положении торговых представительств СССР к договорам о торговле и мореплавании, которые были заключены СССР с рядом стран: Данией (1946 г.)², Венгерской Республикой (1947 г.)³, Чехословацкой Республикой (1947 г.)⁴, Итальянской Республикой (1948 г.)⁵ и др.

Наконец, следует указать, что с 1935 г., когда Наркомвнешторгу было разрешено «предоставлять входящим в его систему ... объединениям [право. – Т. Н.] заключать ... внешнеторговые сделки с иностранными фирмами как на

¹ Торговый Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой от 16 июня 1939 г. (г. Москва) // Ведомости ВС СССР. 1940. № 16.

² Ст. 6 Приложения – Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Данией от 17 августа 1946 г. (г. Москва) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956.

³ Ст. 5 Приложения – Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Республикой от 15 июля 1947 г. (г. Москва) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. XIII. М., 1956.

⁴ Ст. 4 Приложения – Договор о торговле и судоходстве между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой от 11 декабря 1947 г. (г. Москва) // Ведомости ВС СССР. 1949. № 9.

⁵ Ст. 4 Приложения – Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Итальянской Республикой от 11 декабря 1948 г. (г. Москва) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. XV. М., 1957.

территории СССР, так и за границей»¹, было фактически перенесено в СССР место заключения большинства советских сделок по внешней торговле².

При рассмотрении споров, вытекающих из таких сделок, советскими судами к ним в силу ст. 7 ГПК Р.С.Ф.С.Р. (или аналогичной нормы ГПК иных республик) должно применяться советское право как право места совершения сделки. В этом отношении И. С. Перетерский и С. Б. Крылов, допуская возможность включения во внешнеторговую сделку оговорки о применении советского права, справедливо уточняют, что в случае заключения сделки в СССР такая оговорка «лишь констатирует существующее положение», так как и при ее отсутствии «применение ... советского права представляется бесспорным»³. При этом Л. А. Лунц идет дальше и допускает даже для заключенных в СССР сделок избрание иностранного закона или иностранной юрисдикции⁴.

В завершение анализа автономии воли в советском международном частном праве данного периода следует указать, что наиболее успешную реализацию она получила в практике Внешнеторговой арбитражной комиссии, которая была создана в 1932 г. при Всесоюзной торговой палате «для разрешения в порядке арбитражного разбирательства споров, возникающих из сделок по внешней торговле»⁵. В частности, Л. А. Лунц, освещая коллизионные принципы договорных обязательств в сфере внешней торговли, в первую очередь,

¹ Постановление СНК СССР от 27 июля 1935 г. № 1598 «О разрешении объединениям Народного Комиссариата Внешней Торговли заключать внешнеторговые сделки с иностранными фирмами на территории Союза ССР и за границей» // СЗ СССР. 1935. № 44. Ст. 367.

² *Перетерский И. С., Крылов С. Б.* Указ. соч. С. 115-116.

³ Там же. С. 119-120.

⁴ *Лунц Л. А.* Международное частное право... С. 227. В этой связи автор заявляет: «“Автономия воли” в выборе закона и подсудности у нас безусловно признается для сделок внешней торговли, заключаемых внешнеторговыми объединениями, поскольку выбором иностранного закона не нарушаются какие-либо запретительные нормы советского права» (Там же).

⁵ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 17 июня 1932 г. «О внешне-торговой арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате» // СЗ СССР. 1932. № 48. Ст. 281. Рассматривая решения ВТАК, следует, тем не менее, учитывать, что они выносятся по конкретным делам и не создают прецедентов, как это было отмечено ВТАК в 1968 г. в деле по иску польского общества «Полимеркс» к В/О «Запчастьэкспорт» (*Рамзайцев Д. Ф.* Вопросы международного частного права в практике Внешнеторговой арбитражной комиссии // Секция права Торгово-промышленной палаты СССР: сб. информационных материалов. Вып. 26. М., 1973. С. 17).

указывает, что ВТАК руководствуется «выраженной в договоре волей сторон в отношении подлежащих применению законов и обычаев (*lex voluntatis*)»¹.

Наиболее цитируемым в данном отношении является решение ВТАК, вынесенное в 1938 г. по иску В/О «Союзуглеэкспорт» к египетской фирме «Легета», в котором «применение норм советского гражданского права ... было предусмотрено в арбитражном соглашении сторон»². В качестве еще одного примера, в котором ВТАК опиралась на принцип автономии воли, Н. Г. Вилкова приводит решение, вынесенное в 1954 г. по иску бельгийского общества «Инкомар» к В/О «Разноэкспорт»³. Данное дело в особенности примечательно тем, что соглашение сторон о применении советского права было достигнуто сторонами не при заключении сделки, а в процессе разбирательства спора и при этом в форме заявлений обеих сторон в адрес ВТАК. Вместе с тем, следует учитывать, что местом заключения сделки была Москва⁴ и, следовательно, в данном деле даже при отсутствии соглашения сторон подлежало применению советское право (на основании установленного ст. 7 ГПК Р.С.Ф.С.Р. принципа *lex loci contractus*).

В 1961 г., к концу анализируемого периода развития советского коллизионного права, Д. Ф. Рамзайцев указывает, что в силу отсутствия закрепления автономии воли в советском праве ВТАК основывается на международно-правовом обычае, на основании которого следует признавать право сторон внешнеторговой сделки на выбор применимого материального права⁵. В свою очередь, Д. М. Генкин, являющийся в этот период председателем ВТАК, излагает уже весьма разработанный подход ВТАК к реализации

¹ Луиц Л. А. Международное частное право... С. 232.

² Рамзайцев Д. Ф. Внешнеторговый арбитраж в СССР. М.: Госюриздат, 1952. С. 37. Приведенное решение цитируется как в советской, так и в современной литературе (См., например: Вилкова Н. Г. Договорное право в международном обороте. М.: Статут, 2002. С. 97; Луиц Л. А. Международное частное право... С. 232; Малкин О. Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках... С. 19-20).

³ Вилкова Н. Г. Договорное право в международном обороте... С. 97-98.

⁴ Рамзайцев Д. Ф. Применение норм права в практике Внешнеторговой арбитражной комиссии // Секция права Всесоюзной торговой палаты: сб. информационных материалов. Вып. II. М., 1955. С. 7.

⁵ Рамзайцев Д. Ф. Договор купли-продажи во внешней торговле СССР. М.: Внешторгиздат, 1961. С. 53.

автономии воли сторонами внешнеторговых сделок, который включает их право «путем соглашения по своему усмотрению ... подчинить свои взаимные обязательства любому правопорядку», вне зависимости от места рассмотрения спора, с учетом действия иных коллизионных статутов и без ущемления норм публичного порядка¹.

Таким образом, следует заключить, что несмотря на отсутствие предписаний об автономии воли участников обязательственных отношений в ст. 7 ГПК Р.С.Ф.С.Р. право на выбор применимого законодательства получало свое развитие в правоприменительной, в первую очередь, арбитражной, практике по сделкам в сфере внешней торговли. Изложенное в совокупности с существенными онтологическими факторами правообразования этого периода, выразившимися не только в государственной монополии внешнеторговой деятельности, но и в целом в административно-командных методах организации народного хозяйства, позволяет согласиться с выдвинутым М. П. Бардиной тезисом о том, что «в отечественном международном частном праве принцип автономии воли сторон имеет значительно более долгую историю, чем принцип свободы сторон в гражданском праве»².

Особого внимания в привязке к рассмотренному периоду заслуживает ст. 5 КТМ СССР 1929 г., которая, в отличие от ст. 7 ГПК Р.С.Ф.С.Р. и, вероятно, первая в истории отечественного законодательства говорит о включении сторонами в договор соглашения о применимом (иностранном) праве. Положение указанной статьи гласит: «Включение в договоры [предусмотренные КТМ] условий о применении иностранного законодательства допускается в тех пределах, в

¹ Генкин Д. М. О работе внешнеторговой арбитражной комиссии при всесоюзной торговой палате за 1957-1959 гг. // Секция права Всесоюзной торговой палаты: сб. информационных материалов. Вып. XI / под ред. Д. М. Генкина, К. К. Бахтова. М., 1961. С. 6.

² Современное международное частное право в России и Евросоюзе / под ред. М. М. Богуславского, А. Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка... С. 435 (автор главы – М. П. Бардина). При этом автор обоснованно отмечает, что «такая “опережающая” диспозитивность в предоставлении сторонам свободы выбрать применимое право к внешнеторговым сделкам во многом была обусловлена тем, что она распространялась на сделки, выходящие за пределы страны..., где происходило соприкосновение с международным рынком, на котором господствовали принцип свободы договора, принцип автономии воли сторон» (Там же. С. 436).

которых стороны могут отступать от установленных Кодексом правил»¹. С одной стороны, учитывая идеологические установки советского государства в данный период, необходимо отдать должное самому факту упоминания в законе о допустимости условий (по сути – соглашений) о применении иностранного права.

Однако, с другой стороны, содержательный анализ данного положения позволяет заключить, что в нем ведется речь лишь об изменении соглашением сторон диспозитивных норм кодекса² (то есть по сути – о механизме инкорпорации), в то время как автономия воли по смыслу международного частного права позволяет сторонам выводить отношение из-под действия применимого в силу коллизионной нормы права в целом, включая как диспозитивные, так и императивные нормы. В таких условиях вряд ли можно утверждать, что КТМ СССР 1929 г. действительно провозгласил автономию воли сторон договорных отношений в сфере торгового мореплавания, однако он, очевидно, явился одним из индикаторов нарастающего внимания юриспруденции, в том числе советской, к значению воли сторон в регулировании частных отношений трансграничного характера.

Новый этап в развитии принципа автономии воли в отечественном международном частном праве знаменуется принятием в 1961 г. Основ гражданского законодательства, ст. 126 которых устанавливает: «Права и обязанности сторон по внешнеторговой сделке определяются по законам места ее

¹ Кодекс торгового мореплавания Союза ССР, утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 14 июня 1929 г. // СЗ СССР. 1929. № 41. Ст. 366.

² Луиц Л. А. Международное частное право... С. 280. Соответствующее толкование ст. 5 КТМ СССР 1929 г. дала Морская арбитражная комиссия при Всесоюзной торговой палате. Так, в решении по нарушению чартера пароходом «Феникс», оценивая положение договора фрахтования, подчиняющее его французскому праву, и в этой связи истолковывая коллизионную норму лит. «б» ст. 4 КТМ СССР 1929 г. в соотношении с его ст. 5, МАК заключила: «Отношения сторон ... во всем, касающемся принудительных норм советского права о договоре морской перевозки, подчинены действию советского закона. В отношении же тех вопросов, которые в советском законе урегулированы *диспозитивными нормами*, может иметь применение французское право (кусив наш. – Т.Н.)» (Решение по нарушению чартера пароходом «Феникс» // Сборник решений Морской арбитражной комиссии при Всесозной торговой палате за 1936 г. Вып. 3 / сост. и ред. П. П. Виноградов, С. Т. Демин. М./Л.: Международная книга, 1937. С. 143-150).

совершения, если иное не установлено соглашением сторон»¹. Идентичная формулировка получает закрепление в ст. 566 ГК РСФСР, принятого в 1964 г. При этом в 1977 г. положения ст. 126 Основ гражданского законодательства уточняются коллизионными нормами о статутах возникновения и прекращения права собственности на вещь, а также права собственности на вещь, находящуюся в пути по внешнеторговой сделке, каждый из которых сопровождается оговоркой о его действии в качестве общего правила, «если иное не установлено соглашением сторон»². Соответственно, идентичные дополнения вносятся в ст. 566 ГК РСФСР³.

Изложенные законодательные положения имеют ряд отличительных черт. Во-первых, в данный период советское коллизионное право впервые получает закрепление в кодифицированном акте гражданского законодательства и при этом в качестве самостоятельного раздела. Во-вторых, впервые получает закрепление автономия воли сторон обязательственных отношений международного характера, позволяющая установить применимое материальное право в соглашении. В-третьих, в соответствии со сложившимся в предыдущий период в условиях государственной монополии внешней торговли и административно-командных методов организации народного хозяйства подходом сфера действия автономии воли охватывает исключительно внешнеторговые сделки.

Наконец, нельзя не обратить внимание на предельно лаконичную формулировку закона, которая оставляет нерешенным ряд ключевых вопросов реализации автономии воли сторонами внешнеторговых сделок, включая допустимость выбора «нейтрального» правопорядка, последующего выбора права, депежажа и др., а также на метод изложения анализируемой нормы – в

¹ Указанная статья также уточняет, что «место совершения сделки определяется по советскому закону».

² Указ Президиума ВС СССР от 16 мая 1977 г. № 5709-IX «О внесении изменений и дополнений в Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и в Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1977. № 21. Ст. 313.

³ Указ Президиума ВС РСФСР от 14 июня 1977 г. «О внесении изменений и дополнений в Гражданский и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1977. № 24. Ст. 586.

качестве исключения из общего коллизионного правила («если иное не установлено соглашением сторон»). Во многом в силу изложенных обстоятельств А. А. Рубанов охарактеризовал данную формулировку как «воистину “минимум права”»¹.

Однако, мы полагаем, что сам факт первого в отечественной истории законодательного закрепления автономии воли сторон внешнеторговых сделок всецело заслуживает положительной оценки, а формулировка «если иное не установлено соглашением сторон» является исключительно приемом законодательной техники, который никак не сказывается на юридической силе предоставляемой субъектам правовой возможности. Заслуживает внимания высказывание Л. А. Лунца о том, что «логически первичной является воля сторон в сделке», при этом ученый обосновывает формулировку действующего законодательства тем, что на практике «стороны лишь в виде исключения при заключении договора выражают волю относительно закона, которому они хотят подчинить свои обязательства»².

Последнее уточнение ученого имеет под собой действительные основания в связи с тем, что в анализируемый период большая часть советских внешнеторговых сделок заключается между организациями стран-членов СЭВ и регламентируется специально разработанными унифицированными материально-правовыми нормами, в первую очередь, Общими условиями поставок³. В данном отношении М. Г. Розенберг указывает на наметившееся «с самого начала деятельности СЭВ развитие тенденции к созданию общего правового режима внешнеторговой поставки с изъятием по возможности этих отношений из-под действия общих норм национальных законодательств»⁴. Таким образом, вопрос

¹ Рубанов А. А. Принцип автономии воли // Международное частное право. Современные проблемы: в 2-х кн. Кн. 1 / под ред. М. М. Богуславского. М.: Наука, 1993. С. 175.

² Лунц Л. А. Курс международного частного права. Особенная часть. М.: Юридическая литература, 1975. С. 186.

³ См., например: Общие условия поставок товаров между организациями стран-членов СЭВ 1968/1988 гг. (вступили в силу для СССР 03 августа 1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. М., 1991.

⁴ Розенберг М. Г. Международное регулирование поставок в рамках СЭВ. М.: Международные отношения, 1989. С. 22.

об обязательственном статуте внешнеторговой сделки в рамках СЭВ возникает лишь субсидиарно, если отношения сторон не урегулированы условиями самой сделки или ОУП СЭВ¹; и даже в этом случае в силу императивной коллизионной нормы ОУП СЭВ (§ 122 – в их последней редакции) применяется материальное право страны продавца.

Тем не менее, на основании устойчивой правоприменительной практики в совокупности с последующим законодательным закреплением можно однозначно утверждать о том, что к анализируемому периоду идея об автономии воли сторон внешнеторговых сделок прочно укоренилась в отечественной юриспруденции. При этом те вопросы ее реализации, на которые не дает ответа законодательство, вполне успешно решаются в советской правовой доктрине. Например, Л. А. Лунц со ссылками на правоприменительную практику и зарубежный опыт убедительно обосновывает допустимость выбора «нейтрального» правопорядка и депесяжа, а также дает ответы на ряд других проблемных вопросов реализации автономии воли сторон внешнеторговых сделок².

Более того, в прогрессивной практике ВТАК идея об автономии воли распространяется даже на оценку действий сторон сделки, которые фактически влияют на локализацию отношения, обремененного иностранным элементом. Так, в 1967 г. в решении, вынесенном по иску английской фирмы «Хьюсен, Чэпмен энд Компонс» к В/О «Экспортлес», ВТАК заявляет: «При заключении договоров стороны вправе оговаривать, что они считают местом заключения договора не то

¹ Указанное положение получает успешную имплементацию в практике ВТАК, в частности, в решении по делу 7/1972 по иску внешнеторгового предприятия ГДР к советскому внешнеторговому объединению (*Рамзайцев Д. Ф.* Практика Внешнеторговой арбитражной комиссии по вопросам международного частного права // Материалы секции права Торгово-промышленной палаты СССР. Вып. 29 / под ред. С. Н. Братуся, В. С. Позднякова, Е. Т. Усенко, А. И. Шпекторова. М., 1976. С. 6-7). Более того, М. П. Бардина уточняет, что «национальное право применяется в тех случаях, когда не урегулированные или не полностью урегулированные в ОУП СЭВ вопросы не решены также и в двусторонних межгосударственных соглашениях о дополнениях к ОУП СЭВ» (*Бардина М. П.* Соотношение общих условий поставок СЭВ и субсидиарно применяемого национального права // Материалы секции права Торгово-промышленной палаты СССР: Общие условия поставок в практике арбитражных органов стран-членов СЭВ. Вып. 36 / под ред. В. С. Позднякова. М., 1985. С. 3).

² *Лунц Л. А.* Курс международного частного права. Особенная часть... С. 195-197, 203.

место, где договор фактически заключен, а какое-либо иное место»¹. В условиях того, что советское коллизионное право традиционно привязывает обязательственный статут к месту совершения сделки, указание в договоре согласованного сторонами «места заключения» (вне зависимости от того, где оно в действительности состоялось) хотя и не является *de jure* соглашением о применимом праве, *de facto* имеет тот же результат.

В 1970 г. в деле по иску В/О «Продинторг» к швейцарской фирме «Теакс» ВТАК подтверждает свою позицию, отмечая, что «указание сторонами в договоре ... на место его заключения следует рассматривать как *согласие сторон* связать с этим местом наступление определенных юридических последствий (курсив наш. – Т.Н.)» и, в первую очередь, «право договора»². Наконец, в том же 1970 г., определяя применимое право для договора, заключенного в Лондоне, но содержащего условие о том, что «Москва будет считаться местом заключения», ВТАК устанавливает: «При определении подлежащего применению права место заключения договора является юридической категорией и поэтому стороны вправе при вступлении в договор условиться о месте, где их договор считается заключенным»³.

Обращаясь к советскому законодательству в сфере торгового мореплавания, отметим, что в рассматриваемый исторический период был принят и новый КТМ СССР 1968 г.⁴ В силу охранительного характера регулирования в данной области ст. 15 КТМ СССР 1968 г. сохраняет в силе позицию ст. 5 КТМ СССР 1929 г., в соответствии с которой договорные условия «о применении иностранных законов

¹ Рамзайцев Д. Ф. Применение международного частного права в решениях Внешнеторговой арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате (Информационный обзор) // Секция права Всесоюзной торговой палаты: сб. информационных материалов. Вып. 23 / под ред. С. Н. Братуся, Е. Т. Усенко, А. И. Шпекторова. М.: Международные отношения, 1970. С. 9.

² Следует отметить, что в данном деле даже при отсутствии соответствующего указания в договоре местом заключения считалась бы Москва в силу положений гражданского законодательства о порядке заключения договора между «отсутствующими» (Рамзайцев Д. Ф. Вопросы международного частного права в практике Внешнеторговой арбитражной комиссии... С. 14-15).

³ Там же. С. 15.

⁴ Кодекс торгового мореплавания Союза ССР, утв. Указом Президиума ВС СССР от 17 сентября 1968 г. // Ведомости ВС СССР. 1987. № 49. Ст. 791.

и обычаев торгового мореплавания» действуют в тех пределах, в которых «стороны могут в соответствии с ... Кодексом отступить от установленных им правил»¹.

Вместе с тем, следует обратить внимание на ряд обстоятельств. Во-первых, КТМ СССР 1968 г. в целом расширяет основания применения иностранного права (в частности, устанавливая в п. 11 ст. 14 двустороннюю коллизионную норму, основанную на принципе *lex loci contractus*). Во-вторых, в том же положении п. 11 ст. 14 появляется оговорка «если иное не установлено соглашением сторон», позволяющая ученым сделать вывод о преимущественном значении в выборе права воли «самых контрагентов по договору... (*lex voluntatis*)»². Наконец, оценивая правоприменительный потенциал самой ст. 15 КТМ СССР 1968 г. Л. А. Лунц прямо заявляет о том, что, в частности, для договоров перевозки грузов «принцип “автономии воли” имеет наибольшее практическое значение», а характеризуя установленное ей ограничение, отмечает, что стороны не могут исключить действие норм кодекса «о мореходности судна, ... ответственности перевозчика за несохранность груза и *некоторых* других правил (курсив наш. – Т.Н.)»³.

Изложенное позволяет сделать вывод, что несмотря на общее текстуальное сходство ст. 5 КТМ СССР 1929 г. и ст. 15 КТМ СССР 1968 г., последняя в свете иных положений кодекса и, в особенности, в свете восприятия юридической доктриной в большей мере санкционирует автономию воли как действительную возможность сторон выбрать применимое (в том числе, иностранное) право, ограниченную немногочисленными наиболее существенными национальными

¹ Преимущество норм КТМ СССР 1929 и 1968 гг. в этом вопросе получает признание в литературе (Лебедев С. Н. Морской арбитраж в СССР // Лебедев С. Н. Избранные труды по международному коммерческому арбитражу, праву международной торговли, международному частному праву, частному морскому праву / сост. А. И. Муранов. М.: Статут, 2009. С. 522).

² Там же. С. 521-522.

³ Лунц Л. А. Курс международного частного права. Особенная часть... С. 287-288.

нормами (по сути, сверхимперативного характера) и в общем ключе основами правопорядка страны суда¹.

Таким образом, в итоге устойчивого развития правоприменительной практики ВТАК² в анализируемый период автономия воли получает законодательное закрепление. В общем ключе она ограничивается сферой внешнеторговых сделок, не имеет законодательного решения связанных с ее реализацией вопросов (выбор «нейтрального» правопорядка, депесаж и др.), однако практика ее применения и осмысление в советском правоведении позволяют не только успешно разрабатывать различные аспекты достижения соглашения о применимом праве, но и даже распространять общую идею об автономии воли на случаи, в которых соглашение о применимом праве отсутствует, но стороны иными действиями (например, избирая «место заключения» сделки) воздействуют на результат применения коллизионной нормы.

Завершающий этап развития принципа автономии воли в советской юриспруденции знаменуется принятием в 1991 г. новых Основ гражданского законодательства. Однако принимая во внимание особенные исторические условия данного периода и тот факт, что последние Основы гражданского законодательства были приняты через четыре года после того, как новой государственной идеологией была объявлена перестройка³, и всего за полгода до

¹ Примечательно, что ст. 15 КТМ СССР 1968 г., допускающая соглашения сторон о выборе применимого права, наряду с ограничением случаями, когда стороны не могут отступать от установленных кодексом правил, была дополнена положением о неприменении иностранного закона, если такое применение противоречит «основам советского строя». Потребность в закреплении общей оговорки о публичном порядке, на наш взгляд, также является косвенным доказательством практического расширения сферы действия автономии воли и сужения круга тех положений кодекса, которые ее ограничивают.

² Д. Ф. Рамзайцев указывает, что ст. 126 Основ гражданского законодательства подтверждает «положения, применявшиеся в практике внешнеторгового арбитража СССР» (*Рамзайцев Д. Ф. Вопросы международного частного права в практике Внешнеторговой арбитражной комиссии... С. 12-13*).

³ Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева 27 января 1987 г. «О перестройке и кадровой политике партии» // Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27-28 января 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 5-66.

распада СССР¹, следует заключить, что они представляют собой не постулат классических подходов советской юриспруденции, а предвестник нового политического и правового режима.

Принципиальной новеллой анализируемых Основ гражданского законодательства является закрепление автономии воли в отношении всех видов сделок, не ограничиваясь только внешнеэкономическими. В частности, п. 2 ст. 165 Основ 1991 г. устанавливает положение, которое по сути аналогично соответствующей норме ст. 126 Основ 1961 г.: «Права и обязанности сторон по сделке определяются по праву места ее совершения, если иное не установлено соглашением сторон». При этом в отношении внешнеэкономических сделок сохраняется специальный режим и в его рамках автономии воли отводится первое место – п. 1 ст. 166 Основ 1991 г. провозглашает: «Права и обязанности сторон по внешнеэкономическим сделкам определяются по праву страны, избранному сторонами при совершении сделки или в силу последующего соглашения».

Таким образом, в новых Основах гражданского законодательства автономия воли получает распространение на все виды сделок международного характера и при этом в рамках внешнеэкономических сделок, где степень либерализации была существенно выше на протяжении всей эволюции советской юриспруденции, ей отводится первое место и даже определяется юридическая допустимость последующего выбора права. По известным историческим причинам Основы 1991 г. не имели длительной практики применения, однако нельзя не признать, что определенные наработки данного документа в области коллизионного регулирования, в том числе первостепенное значение автономии воли и установка обязательственного статута на основании теории характерного исполнения, получили развитие в гражданском кодексе уже нового государства – Российской Федерации.

На данный момент становление принципа автономии воли сторон гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, в

¹ Декларация Совета Республик ВС СССР от 26 декабря 1991 г. № 142-Н «В связи с созданием Содружества Независимых Государств» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 52.

законодательстве Российской Федерации можно условно разделить на два этапа: первый – с даты принятия части третьей ГК РФ до реформы законодательства 2013 г., второй – с даты принятия Федерального закона РФ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» по настоящее время.

Результатом обозначенного процесса стало нормативное закрепление расширения действия автономии воли в отечественном международном частном праве как с точки зрения объема предоставляемых сторонам возможностей (признание последующего выбора, подразумеваемых соглашений, депесяжа и др.), так и с точки зрения перечня тех отношений, для регулирования которых сторонам допускается избирать применимое право. В настоящий период только в рамках гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, автономия воли признается в сфере вещных прав на движимое имущество, договоров, а также обязательств вследствие причинения вреда и неосновательного обогащения.

Традиционно наиболее широкое применение автономия воли получает в договорных правоотношениях международного характера. В части третьей ГК РФ ее регламентации посвящена ст. 1210, в соответствии с которой стороны договора могут выбрать право, подлежащее применению к их правам и обязанностям. Данная статья существенно отличается от соответствующих положений Основ гражданского законодательства 1991 г. В частности, п. 2 ст. 165 и п. 1 ст. 166 Основ 1991 г. в числе коллизионных предписаний преимущественно констатируют допустимость избрания применимого права сторонами, используя для этого различные приемы законодательной техники: п. 2 ст. 165 – в отношении сделки – устанавливает коллизионную привязку к месту ее совершения, оговаривая исключение для тех случаев, в которых иное «установлено соглашением сторон», а п. 1 ст. 166 – в отношении внешнеэкономической сделки – провозглашает, что права и обязанности сторон по такой сделке определяются по праву страны, избранному сторонами, и лишь на случай

отсутствия соглашения сторон о применимом праве содержит коллизионные правила по данному вопросу.

Более того, п. 1 ст. 166 допускает выбор сторонами внешнеэкономической сделки применимого права как при ее совершении, так и в силу последующего соглашения, а в п. 2 ст. 165 такая возможность не оговаривается, что вызывает неопределенность в части допустимости последующего выбора применимого права для обычных сделок, а равно и в части других правил реализации автономии воли (подразумеваемые соглашения, депесаж и др.), которые не нашли отражения ни в п. 2 ст. 165, ни в п. 1 ст. 166 Основ 1991 г.

Напротив, с момента принятия части третьей ГК РФ ст. 1210 регулировала непосредственно выбор права сторонами договора¹ и в системе статей раздела VI предшествовала коллизионным предписаниям по этому же вопросу (ст. 1211). Примечательно, что хотя последовательность изложения нормативных положений не влияет на их юридическую силу² (как на основании п. 2 ст. 165 Основ 1991 г., так и на основании п. 1 ст. 166 Основ 1991 г. и сменившей их ст. 1210 ГК РФ суд должен был бы, в первую очередь, применить избранное сторонами право и только в его отсутствие – определить право при помощи коллизионной нормы), она несет определенную идеологическую нагрузку. В частности, многие ученые приветствовали закрепление автономии воли в отдельной статье ГК РФ, предшествующей статье о праве, подлежащем применению к договору при отсутствии соглашения сторон, рассматривая данные обстоятельства как свидетельствующие об однозначном признании

¹ Исключение составляла оговорка о применении избранного сторонами договора права к возникновению и прекращению вещных прав на движимое имущество, которая была удалена из текста п. 1 ст. 1210 ГК РФ Федеральным законом от 30 сентября 2013 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации».

² Применительно к законодательной технике изложения предписаний об автономии воли на данное обстоятельство обоснованно указывает Л. П. Ануфриева. В частности, автор пишет, что хотя формулировка «если иное не установлено соглашением сторон» создает впечатление, что «возможность выбора сторонами права является факультативной», «в действительности же именно автономия воли следует квалифицировать как основное правовоположение» (Ануфриева Л. П. Международное частное право: В 3 т. Т. 2. Особенная часть: учебник. М.: БЕК, 2002. Глава 21).

отечественным законодателем «главенствующего значения воли сторон при выборе правопорядка»¹.

Более того, не ограничиваясь признанием автономии воли в договорных отношениях международного характера, ст. 1210 ГК РФ уже в первоначальной редакции установила весьма разработанные и прогрессивные правила ее реализации: признала допустимость последующего выбора применимого права (п. 1) и с определенной оговоркой его обратную силу (п. 3), подразумеваемые соглашения (определенно вытекающие «из условий договора либо совокупности обстоятельств дела» – п. 2), депесаж (п. 4), а также ограничение действия автономии воли для сугубо внутренних договоров (приоритет императивных норм соответствующей страны – п. 5).

Дальнейшему совершенствованию анализируемая статья подверглась в результате внесения изменений в часть третью ГК РФ в 2013 г. Правовой режим автономии воли в договорных правоотношениях с иностранным элементом, в частности, и в отечественном международном частном праве, в целом, претерпел четыре значимые коррективы. Во-первых, положение о выборе права, применимого к вещным правам на движимое имущество, было удалено из текста п. 1 ст. 1210 и в несколько отредактированном виде составило п. 3 ст. 1206 ГК РФ. Во-вторых, норма об обратной силе последующего выбора права была дополнена оговоркой о том, что таковая признается без ущерба не только для прав третьих лиц (как было предусмотрено в первоначальной редакции), но и для действительности сделки с точки зрения требований к ее форме (как стало установлено в результате внесения изменений в п. 3 ст. 1210 ГК РФ). В-третьих, было усовершенствовано положение о сфере действия автономии воли, оперирующее отрицательным указанием на тот случай, в котором выбор

¹ Антонова Е. И. Договорные обязательства с участием иностранных субъектов: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 17. См. также: Малкин О. Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках... С. 25-26; Малкин О. Ю. Правовое регулирование выбора права сторонами договора. М.: Издательство СГУ, 2008. С. 22-23; Симатова Е. Л. Автономия воли в российском международном частном праве: история, современность, перспективы // Наука сегодня: теория, практика, инновации: коллективная монография / под ред. О. П. Чигишевой. Ростов-на-Дону: Изд-во МИЦ «Научное сотрудничество», 2013. С. 170.

сторонами права не может затрагивать действие императивных норм, а именно: вместо формулировки «договор реально связан только с одной страной» установлена существенно более гибкая и либеральная конструкция «все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной».

Наконец, особенно важным является введенный законодательной реформой 2013 г. п. 6 ст. 1210 ГК РФ, который придает предписаниям пп. 1-3, 5 этой статьи значение генеральных норм об автономии воли, применяемых по общему правилу к выбору права и для отношений, не основанных договоре, если такой выбор допускается законом. В этой связи мы всецело поддерживаем вывод А. Л. Маковского о том, что в свете последних изменений части третьей ГК РФ автономия воли в отечественном международном частном праве «выросла в развернутый правовой институт – целое соцветие общих и специальных правил»¹ (не только в области договоров, но и в сфере вещных прав на движимое имущество, а также обязательств вследствие причинения вреда и неосновательного обогащения).

Законодательство Российской Федерации об автономии воли в сфере вещных прав на движимое имущество также прошло в своем развитии два этапа. На первом этапе (с принятием части третьей ГК РФ) автономия воли в сфере вещных прав на движимое имущество была установлена в рамках п. 1 ст. 1210 ГК РФ – в привязке к выбору права сторонами договора, а на втором (с внесением изменений в часть третью ГК РФ в 2013 г.) она не только получила закрепление в самостоятельном положении п. 3 ст. 1206 ГК РФ, но и подверглась содержательному усовершенствованию.

Относительно перемещения положения об автономии воли в сфере вещных прав на движимое имущество из ст. 1210 ГК РФ, посвященной выбору права сторонами договора, в ст. 1206 ГК РФ, посвященную определению права, применимого к возникновению и прекращению вещных прав, укажем, что новое

¹ *Маковский А. Л.* Кодификация гражданского права и развитие отечественного международного частного права // Кодификация российского частного права 2015 / под ред. П. В. Крашенинникова. Статут, 2015. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

расположение анализируемой нормы, без сомнения, в большей мере отвечает ее генетической принадлежности к категории регулируемых отношений¹. Импульс к изменению в указанной области был задан в 2009 г. в п. 2.5 раздела VIII Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, который, освещая практические сложности регламентации автономии воли в сфере вещных прав в рамках выбора права сторонами договора, делает предположение о целесообразности урегулирования данного вопроса «в рамках коллизионных норм, посвященных вещным правам»². Примечательно, что такое расположение было свойственно еще Основам гражданского законодательства 1991 г., в которых возможность избрать по соглашению сторон право, определяющее возникновение и прекращение права собственности на являющееся предметом сделки имущество, устанавливалась в ст. 164, посвященной праву собственности³.

Относительно содержания новой редакции анализируемого положения следует указать, что в целом законодатель сохранил ограниченную автономию воли в сфере вещных прав⁴, так как, во-первых, она действует только в

¹ Перемещение положения об автономии воли в сфере вещных прав на движимое имущество из п. 1 ст. 1210 ГК РФ в самостоятельный п. 3 ст. 1206 ГК РФ получило широкое освещение в специальной литературе (Белов В. А. Что изменилось в Гражданском кодексе? : практическое пособие. Юрайт, 2014. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». § 1 главы 6). Новизну п. 3 ст. 1206 ГК РФ для коллизионного права в динамике договорных отношений собственности отмечает Н. Г. Вилкова (Вилкова Н. Г. Право собственности в международном частном праве Российской Федерации // Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права: сб. ст. / сост. и отв. ред. И. П. Грешников. Статут, 2015. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»).

² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07 октября 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

³ На преемственность п. 3 ст. 164 Основ 1991 г. и п. 3 ст. 1206 ГК РФ указывает, в частности, В. В. Григорьев (Григорьев В. В. Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса РФ (главы 66 «Общие положения», 67 «Право, подлежащее применению при определении правового положения лиц» и 68 «Право, подлежащее применению к имущественным и личным неимущественным отношениям»). М.: Деловой двор, 2014. Режим доступа: СПС «Гарант». Комментарий к ст. 1206 ГК РФ). Вместе с тем, следует учитывать, что п. 3 ст. 164 Основ 1991 г. говорил исключительно о праве собственности и признавал автономию воли посредством оговорки «если иное не установлено соглашением сторон».

⁴ Аналогичную характеристику дает С. П. Гришаев, указывающий, что «законодатель в вопросе о возникновении и прекращении вещных прав сохранил ограниченное применение

отношении вещных прав на движимое имущество, являющееся предметом договора; во-вторых, покрывает исключительно вопросы возникновения и прекращения вещных прав¹; и, в-третьих, действует без ущерба для прав третьих лиц. Вместе с тем, отметим, что в анализируемое положение – при перемещении из п. 1 ст. 1210 в п. 3 ст. 1206 ГК РФ – было внесено одно практически значимое изменение.

На основании первоначальной редакции п. 1 ст. 1210 ГК РФ избранное сторонами договора право автоматически применялось к вещным правам на движимое имущество, в то время как новая редакция п. 3 ст. 1206 ГК РФ позволяет сторонам достигнуть отдельного соглашения о применении избранного договорного статута к вещным правам на движимое имущество либо же воздержаться от такого соглашения. В первом случае стороны принимают на себя риск возникновения практических сложностей, связанных с регламентацией возникновения и прекращения вещных прав в отношениях между сторонами договора – договорным статутом, а в отношениях с третьими лицами (например, собственником, предъявляющим иск об истребовании вещи) – вещным статутом².

принципа автономии воли сторон» (*Гришаев С. П.* Постатейный комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации. Специально для СПС «Гарант», 2018. Комментарий к ст. 1206 ГК РФ).

¹ Хотя п. 1 ст. 1210 ГК РФ уже в первоначальной редакции указывал на применение выбранного сторонами права к возникновению и прекращению вещных прав, данное ограничение стало более явным по итогам реформы 2013 г. с введением в раздел VI ГК РФ ст. 1205.1, очерчивающей сферу действия права, подлежащего применению к вещным правам в целом, в сравнении со ст. 1206 ГК РФ, определяющей право, подлежащее применению к возникновению и прекращению вещных прав, и признающей право сторон согласовать применение договорного статута к обозначенным вопросам.

На различие между ст. 1205 ГК РФ («Право, подлежащее применению к вещным правам»), имеющей императивный характер, и ст. 1206 ГК РФ («Право, подлежащее применению к возникновению и прекращению вещных прав»), имеющей диспозитивный характер, указывает Е. М. Кондратьева. Автор обоснованно отмечает, что «в случае возникновения спора по поводу содержания права собственности ... стороны не могут договориться о выборе ... права», в то время как в вопросах возникновения и прекращения права собственности «наблюдается тенденция к сужению вещно-правового статута правоотношения за счет расширения обязательственного» (*Кондратьева Е. М.* Конкуренция вещно-правового и обязательственного статута внешнеэкономической сделки // *Право. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.* 2018. № 2. С. 138-139).

² Так, А. В. Асосков отмечает, что интересы покупателя могут серьезно пострадать, если договорный статут будет признавать его собственником вещи, но при этом в силу вещного статута иск третьего лица об истребовании вещи у покупателя будет подлежать

В последнем же случае в русле ст. 1205-1205.1 ГК РФ возникновение и прекращение вещных прав во всех отношениях будет определяться по вещному статуту – закону места нахождения вещи.

Изложенная позиция касательно соотношения вещного и договорного статутов получила отражение в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», а равно в трудах специалистов в этой области¹. Например, Л. И. Волова и А. Д. Суздалева обоснованно приходят к выводу о том, что баланс интересов сторон, заключающихся в выборе выгодного для них права, и интересов оборота, заключающихся в защите прав третьих лиц, «будет соблюдаться при использовании *lex rei sitae* в отношениях с третьими лицами и определении вещного статута через нормы *lex contractus* в отношениях между сторонами»².

Таким образом, следует заключить, что в отечественном международном частном праве прочно установлена ограниченная автономия воли в отношении вопросов возникновения и прекращения вещных прав на движимое имущество. В процессе становления – от ст. 164 Основ 1991 г. до п. 3 ст. 1206 ГК РФ – она была распространена на все вещные права, получила закрепление в самостоятельном положении и независимый от договорного статута характер.

Законодательство Российской Федерации об автономии воли в области деликтных и кондикционных обязательств также прошло в своем развитии два этапа. На первом этапе – с принятием части третьей ГК РФ – ограниченная автономия воли была впервые в истории отечественного международного

удовлетворению (Асосков А. В. Реформа раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ // Хозяйство и право. 2014. № 2. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». Вещные права).

¹ До принятия названного Постановления Пленума Верховного Суда РФ на это указывал А. В. Асосков (Там же), а после его принятия в порядке комментария – Р. Ю. Колобов (Колобов Р. Ю. Новейшие тенденции развития международного частного права России (к принятию Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24) // Сибирский юридический вестник. 2019. № 4. С. 107).

² Волова Л. И., Суздалева А. Д. Особенности применения правила автономии воли сторон при регулировании отношений собственности с иностранным элементом // Международное публичное и частное право. 2016. № 6. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

частного права¹ установлена для обязательств из причинения вреда (п. 3 ст. 1219 ГК РФ) и неосновательного обогащения (п. 1 ст. 1223 ГК РФ). В обоих случаях положение об автономии воли помещалось после соответствующих коллизионных предписаний, а стороны наделялись возможностью выбрать исключительно право страны суда. Кроме того, в отношении деликтных обязательств такой выбор сторон мог быть сделан только *post factum*, в то время как для кондикционных обязательств временное ограничение прямо установлено не было.

На втором этапе – с внесением изменений в часть третью ГК РФ в 2013 г. – автономия воли в исследуемой области превратилась в целую подсистему в рамках системы норм, которые управомочивают стороны гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, в определенных случаях и в строго очерченных пределах на выбор применимого материального права и таким образом выражают реализацию принципа автономии воли в международном частном праве.

Федеральным законом от 30 сентября 2013 г. № 260-ФЗ введена ст. 1223.1 ГК РФ, которая регламентирует выбор права сторонами обязательства вследствие причинения вреда или неосновательного обогащения. Ключевым достижением указанной статьи является унификация и либерализация стандарта автономии воли во внедоговорных обязательствах². Во-первых, положения об автономии воли в исследуемой области выделены в самостоятельную статью³, которая, с

¹ Основы гражданского законодательства 1991 г. в отношении обязательств из причинения вреда и неосновательного обогащения устанавливали исключительно коллизионные нормы (ст. 167-168). В общей форме на это обстоятельство обращает внимание Н. И. Марышева (*Марышева Н. И.* Современные тенденции коллизионного регулирования деликтных обязательств: Регламент ЕС 2007 г. «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» (Рим II) и российское законодательство // Журнал российского права. 2016. № 6. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»).

² Импульс к изменению в данной области был задан Концепцией развития гражданского законодательства, которая в п. 2.13 раздела VIII указала на необходимость расширения автономии воли сторон деликтных правоотношений.

³ Несмотря на то, что расположение тех или иных норм в отдельных пунктах или статьях закона (а равно место статей в тексте закона) само по себе не влияет на их юридическую силу, обстоятельствам подобного рода по традиции придается некоторая идеологическая нагрузка. В частности, В. П. Звеков указывает, что во внедоговорных отношениях, как и в договорных,

одной стороны, увязана с генеральными нормами ст. 1210 ГК РФ (в частности, пп. 1-3, 5¹, которые применяются к выбору права для отношений, не основанных на договоре, если иное не вытекает из закона или их существа), а с другой, сама устанавливает общие правила для подсистемы внедоговорных обязательств.

следует сначала установить положение о выборе применимого права сторонами, а после него – соответствующие коллизионные нормы (Звеков В. П. Обязательства вследствие причинения вреда в коллизионном праве. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 99).

Хотя в новой редакции части третьей ГК РФ ст. 1223.1 об автономии воли в области деликтных и кондикционных обязательств завершает блок коллизионных правил для внедоговорных отношений, мы полагаем, что выделение положений об автономии воли в самостоятельную статью в совокупности с внедрением отсылок к ней в специальные статьи коллизионного характера, акцентирует тот факт, что предписания ст. 1223.1 ГК РФ имеют общее значение для всей подсистемы внедоговорных обязательств, и в этом смысле может быть оценено положительно.

¹ Хотя п. 58 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» разъясняет, что специальные правила ст. 1223.1 ГК РФ дополняются общими нормами пп. 1-3 и 5 ст. 1210 ГК РФ, следует учитывать, что общее правило п. 5 ст. 1210 ГК РФ замещается аналогичным по содержанию специальным предписанием п. 2 ст. 1223.1 ГК РФ, которое устанавливает приоритет императивных норм над избранным сторонами правом в случае, когда «все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной». Как отмечает А. В. Асосков, различие между указанными положениями усматривается только в том моменте, на который оценивается связь обстоятельств с определенной страной: в договорных отношениях – на момент выбора права сторонами, в деликтных и кондикционных – на момент совершения действия или наступления обстоятельства, повлекших причинение вреда или неосновательное обогащение (Асосков А. В. Реформа раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ... Внедоговорные обязательства).

Более того, в порядке комментария к ст. 1223.1 ГК РФ А. В. Демкина небезосновательно указывает, что в силу специфики обязательств из причинения вреда или неосновательного обогащения речь будет идти только о применении п. 2 ст. 1210 ГК РФ, в соответствии с которым соглашение сторон о выборе применимого права «должно быть прямо выражено или ... определенно вытекать из ... совокупности обстоятельств дела» (Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. С. 181-182, автор комментария к ст. 1223.1 ГК РФ – А. В. Демкина). Полагаем, что изложенное замечание весьма справедливо, так как в действительности общее правило п. 1 ст. 1210 будет вытеснено специальным предписанием абзаца первого п. 1 ст. 1223.1 о выборе права для деликтных и кондикционных обязательств только *post factum*, а общее правило п. 3 ст. 1210 – аналогичным предписанием абзаца второго п. 1 ст. 1223.1 о применении выбранного права «без ущерба для прав третьих лиц».

Тем не менее, несмотря на весьма узкое действие общих правил ст. 1210 ГК РФ в отношении выбора права для обязательств из причинения вреда и неосновательного обогащения, мы рассматриваем увязку специальных правил в данной области с генеральными нормами об автономии воли в качестве важнейшего показателя, свидетельствующего о действительном становлении в отечественном международном частном праве принципа автономии воли, проявляющегося в согласованной системе общих и специальных норм.

Последнее обстоятельство имеет особенно важное значение в связи с тем, что наименование ст. 1223.1 ГК РФ гласит о выборе права сторонами обязательства вследствие причинения вреда или неосновательного обогащения. Тем не менее, в рамках коллизионных предписаний отсылка к ст. 1223.1 ГК РФ содержится не только в отношении обязательств из причинения вреда (п. 4 ст. 1219 ГК РФ), в том числе вреда вследствие недостатков товара, работы или услуги (п. 2 ст. 1221 ГК РФ¹), и неосновательного обогащения (п. 3 ст. 1223 ГК РФ), но также – как генеральное правило – в отношении обязательств из недобросовестной конкуренции, если таковая затрагивает исключительно интересы отдельного лица (абз. 2 п. 1 ст. 1222 ГК РФ), и – как субсидиарное правило – в отношении обязательств из недобросовестного ведения переговоров о заключении договора (п. 2 ст. 1222.1 ГК РФ).

Сопоставительный анализ нормы ст. 1223.1 и совокупности положений п. 4 ст. 1219, п. 2 ст. 1221, п. 3 ст. 1223, п. 1 ст. 1222, п. 2 ст. 1222.1 ГК РФ позволяет заключить, что хотя в наименовании ст. 1223.1 ГК РФ упоминаются только деликтные и кондикционные обязательства, фактически она устанавливает автономию воли для всех внедоговорных отношений за исключением тех, для которых прямо установлен запрет на выбор применимого права сторонами (в силу п. 3 ст. 1222 ГК РФ – для обязательств из недобросовестной конкуренции или ограничения конкуренции).

¹ В отечественной литературе высказывались различные мнения о значении автономии воли для определения права, применимого к ответственности за вред вследствие недостатков товара, работы или услуги. Так, О. Н. Зименкова в свете установленного п. 1 ст. 1221 права потерпевшего на выбор из перечня альтернативных коллизионных привязок (и в этом смысле его более благоприятного по сравнению с причинителем вреда положения) заключает, что признаваемое п. 2 ст. 1221 соглашение потерпевшего и причинителя вреда о применимом праве «выступает в качестве субсидиарного коллизионного начала» (Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / под ред. Н. И. Марышевой, К. Б. Ярошенко. М.: Юридическая фирма КОНТРАКТ, 2014. Режим доступа: СПС «Гарант», автор комментария к ст. 1221 ГК РФ – О. Н. Зименкова). Напротив, мы солидарны с позицией тех ученых, которые признают приоритет автономии воли и, соответственно, соглашения сторон о применимом праве в сравнении с коллизионной привязкой, даже если таковая может быть избрана потерпевшим из установленного законом перечня (*Асосков А. В.* Реформа раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ... Внедоговорные обязательства; *Лазарева Т. П.* Коллизионное регулирование возмещение вреда, причиненного недостатками товара, работы или услуги // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 52).

Показательным в этой связи является институт преддоговорной ответственности. В отечественной цивилистике отсутствует единство мнений касательно его правовой природы¹, и весьма маловероятно, что отдельная норма международного частного права (п. 2 ст. 1222.1 ГК РФ), отсылающая – лишь в качестве субсидиарного правила – вопросы преддоговорной ответственности к автономии воли и коллизионным нормам для деликтных правоотношений, способна решить данный вопрос. В этом отношении мы не согласимся с О. В. Муратовой, которая, формально толкуя ст. 1223.1 ГК РФ как охватывающую исключительно деликтные и кондикционные обязательства, констатирует: «В случае признания возможности сторонами выбора права, подлежащего применению к преддоговорным отношениям, можно сделать вывод о том, что законодателем преддоговорная ответственность отнесена к деликтной»². Полагаем, что такая возможность выбора права для сторон преддоговорных отношений прямо установлена в п. 2 ст. 1221.1 ГК РФ и, более того, она непосредственно отсылает к общим нормам ст. 1223.1 ГК РФ. Однако, по нашему мнению, этот законодательный прием свидетельствует не о том, что преддоговорная ответственность является однозначно деликтной, а о том, что ст. 1223.1 ГК РФ может по умолчанию применяться к любым внедоговорным обязательствам вне зависимости от определенности квалификации их правовой природы. Особенно важно, что подтверждение изложенного вывода можно усмотреть в п. 58 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», который

¹ В этой связи представляет интерес позиция О. В. Муратовой, согласно которой «институт преддоговорной ответственности в силу особой правовой природы ... имеет собственный механизм правовой защиты (как договорного, так и внедоговорного характера)» (Муратова О. В. К вопросу о квалификации преддоговорных отношений в международном коммерческом обороте // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 120). Полагаем, что именно о таком сочетании свидетельствует ст. 1221.1 ГК РФ, устанавливающая в п. 1 – как генеральное правило – отсылку к договорному статуту (в том числе в случаях, когда договор не был заключен), а в п. 2 – как субсидиарное правило – к деликтному. При этом не вызывает сомнений, что в обоих случаях для сторон открыта возможность выбора применимого права (через выбор права для договора или внедоговорных отношений).

² Муратова О. В. Коллизионное регулирование обязательств из недобросовестного ведения переговоров о заключении договора в России и ЕС // Журнал российского права. 2016. № 5. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

гласит: «Стороны *любого внедоговорного обязательства*, за исключением предусмотренных абзацем первым п. 1 и п. 2 ст. 1222 ГК РФ ..., могут по соглашению между собой выбрать право, подлежащее применению к их внедоговорному обязательству, в соответствии со ст. 1223.1 ГК РФ (курсив наш. – Т.Н.)».

Во-вторых, ст. 1223.1 ГК РФ в новой редакции значительно расширила пределы автономии воли сторон во внедоговорных обязательствах, допустив выбор любого применимого права, а не только права страны суда. Следует указать, что ранее действовавшее правило о возможности выбора сторонами деликтного обязательства только права страны суда (с учетом адресата коллизионных норм раздела VI ГК РФ – только права Российской Федерации) подвергалось критике со стороны отечественных ученых¹, в связи с чем его либерализация, допустившая выбор права любой страны, закономерно получила широкий позитивный отклик².

В завершение следует отметить, что отечественные специалисты в области международного частного права, приветствуя изменения правового режима автономии воли во внедоговорных обязательствах, в значительной мере связывают их с заимствованием положительного опыта Регламента Европейского Союза о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам (Рим II³)¹. В частности, ст. 14 Регламента Рим II, как и ст. 1223.1 ГК РФ, признает

¹ Характеризуя данное ограничение как не вполне оправданное, А. В. Банковский заявляет: «Возможный тезис о том, что российское право в большей степени, чем какое бы то ни было другое, отражает интересы пострадавшего, по меньшей мере спорен» (*Банковский А. В. Деликтные обязательства в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 31*). Более сдержанно высказывается В. П. Звеков, отмечая, что указанное положение, «конечно, упрощает решение коллизионной проблемы, но едва ли во всех случаях отвечает интересам сторон» (*Звеков В. П. Обязательства вследствие причинения вреда в коллизионном праве... С. 100*).

² Так, в порядке комментария к ст. 1223.1 ГК РФ А. В. Демкина заявляет: «Данный подход соответствует мировым стандартам» (*Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI / под ред. П. В. Крашенинникова... С. 181, автор комментария к ст. 1223.1 ГК РФ – А. В. Демкина*). См. также: *Маришева Н. И. Указ. соч.*

³ Regulation (EC) No. 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the Law applicable to Non-contractual Obligations (Rome II) // Official Journal of the European Union. 31.7.2007. L 199. P. 40-49.

выбор сторонами внедоговорного обязательства любого применимого права; по общему правилу совершенный *post factum* и без ущерба для прав третьих лиц; а также ограничивает действие избранного сторонами права императивными нормами в том случае, когда все обстоятельства связаны только с одной страной.

Вместе с тем, заслуживает внимания то, что п. 1(b) ст. 14 Регламента Рим II в отличие от п. 1 ст. 1223.1 ГК РФ устанавливает исключение из правила о выборе права *post factum* – когда все стороны осуществляют предпринимательскую деятельность, выбор применимого права допускается и на основании соглашения, заключенного до совершения действия или наступления обстоятельства, повлекших причинение вреда. Примечательно, что п. 2.13 Концепции развития гражданского законодательства указывал на целесообразность включения данного положения в ГК РФ, чего, однако, сделано не было.

Не оспаривая допустимость анализируемой нормы как таковой, согласимся с А. В. Банковским в том, что ситуация, когда возможен предварительный выбор права сторонами деликтного отношения, «встречается в чистом виде не часто»². Задолго до законодательной реформы 2013 г. правовед обоснованно отмечал, что практическая потребность в признании такой возможности была по большей мере связана с существованием договорных отношений между сторонами деликтного обязательства и отказом на тот момент отечественной практики «от применения акцессорной привязки деликтных требований к договорному статуту»³.

Однако в настоящее время – с внесением изменений в часть третью ГК РФ – применение договорного статута к деликтному обязательству, тесно связанному с договором между потерпевшим и причинителем вреда, заключенным сторонами при осуществлении предпринимательской деятельности, установлено п. 3 ст. 1219 ГК РФ. Бесспорно, изложенная норма, во-первых, обеспечивает применение к

¹ Так, Н. И. Марышева пишет, что в ст. 1223.1 ГК РФ «были учтены, а во многом прямо воспроизведены нормы ст. 14 Регламента» (Марышева Н. И. Указ. соч.; Внедоговорные обязательства в международном частном праве / под ред. И. О. Хлестовой. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 67, автор главы 1 – Н. И. Марышева в соавт. с В. Н. Борисовым, И. О. Хлестовой).

² Банковский А. В. Указ. соч. С. 30.

³ Там же.

деликтному обязательству только договорного статута, а не любого избранного сторонами права, и, во-вторых, не исчерпывает всех случаев, когда участники предпринимательской деятельности могли бы заключить предварительное соглашение о праве, применимом к деликтным обязательствам (в отсутствие между ними договорных отношений либо если заключенный договор не связан с потенциальным причинением вреда). Полагаем, что изложенные обстоятельства в совокупности с тезисом о приоритете правовой определенности¹ могут стать основанием для возможного возврата в будущем к вопросу о заимствовании отечественным международным частным правом положения п. 1(b) ст. 14 Регламента Рим II².

Тем не менее, в настоящий период, принимая во внимание признание акцессорной привязки деликтных требований к договорному статуту и весьма ограниченный круг случаев, в которых участники предпринимательской деятельности намеревались бы осуществить предварительный выбор права для потенциального причинения вреда (вне связи с договором либо отличный от договорного статута), можно признать правило п. 1 ст. 1223.1 ГК РФ о выборе – только *post factum*³ – права, применимого к обязательствам вследствие причинения вреда, в целом удовлетворительным.

В заключение нельзя не отметить, что обособленный характер продолжает носить коллизионное регулирование договорных обязательств в области торгового мореплавания. Вместе с тем, и в этом отношении позиция законодателя

¹ Как пишет А. В. Банковский, «весьма важное положительное свойство предварительного выбора права очевидно»: его смысл, «кроме прочего, заключается в создании правовой определенности для сторон правоотношения» (Банковский А. В. Указ. соч. С. 30.).

² В современных условиях целесообразность внедрения предшествующего выбора права в деликтах обстоятельно отстаивает Я. С. Куташевская – положение на защиту № 3 дис. канд. юрид. наук (Куташевская Я. С. Автономия воли при определении права, применимого к обязательствам из причинения вреда: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 12, 110-151).

³ Один из доводов, который можно трактовать в поддержку правила о последующем выборе права для деликтных отношений, был высказан В. П. Звековым. По мнению автора, данное правило позволяет «сторонам приходить к соглашению, опираясь на уже имевшие место конкретные обстоятельства дела, действительные, а не гипотетические, существующие лишь в их воображении, придавая договоренности предметный характер, соответствующий интересам сторон» (Звеков В. П. Обязательства вследствие причинения вреда в коллизионном праве... С. 100).

по вопросу о признании автономии воли сторон договора выражена в настоящее время предельно четко. В частности, п. 2 ст. 414 КТМ РФ устанавливает: «Стороны договора [предусмотренного кодексом] могут ... избрать ... право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям»¹.

Характеризуя приведенное положение, укажем следующее. Во-первых, оно, очевидно, является весьма лаконичным. Непосредственно в тексте закона получает закрепление правило о допустимости выбора права «при заключении договора или в последующем», в то время как вопросы формы соглашений о применимом праве, условий действительности последующего выбора, допустимости депесяжа и др. остаются без ответа. Скромный уровень проработанности рассматриваемого положения легко объясняется тем, что КТМ РФ в целом был принят раньше части третьей ГК РФ и с тех пор его п. 2 ст. 414 сохранился в первоначальной редакции. Немаловажное практическое значение имеет и тот факт, что в силу п. 2 ст. 1 КТМ РФ «имущественные отношения, возникающие из торгового мореплавания и основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников», регулируются КТМ РФ в соответствии с ГК РФ². Данное положение в совокупности с разъяснением Пленума Верховного Суда РФ о восполнении положениями раздела VI ГК РФ пробелов общего коллизионного регулирования в специальных законодательных актах³ позволяет нам сделать вывод о генеральном значении норм ст. 1210 ГК РФ не только для автономии воли сторон гражданских отношений, регулируемых в общем порядке ГК РФ, но и для определения правил реализации автономии воли

¹ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207. Режим доступа: СПС «Гарант».

² В общей форме данная норма получила отражение в Информационном письме Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № С5-7/УЗ-661 «О Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации» (Вестник ВАС РФ. 1999. № 7) и в рамках ответа на вопрос о соотношении норм ГК РФ и КТМ РФ – в правовой литературе (Кокин А. С. Международная морская перевозка груза: право и практика. М.: Инфотропик Медиа, 2012. Режим доступа: СПС «Гарант». § 3 главы I; Кокин А. С., Левиков Г. А. Транспортно-экспедиторские услуги при международной перевозке грузов. М.: Инфотропик Медиа, 2011. Режим доступа: СПС «Гарант». § 3 главы II).

³ П. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

сторонами договорных отношений в сфере торгового мореплавания, отнесенных к специальному регулированию КТМ РФ.

Во-вторых, следует признать, что охранительный характер регулирования в области торгового мореплавания, ярко выраженный в КТМ СССР 1929 и 1961 гг., прослеживается и в актуальном положении п. 2 ст. 414 ГК РФ, которое указывает на недопустимость устранения или уменьшения избранным сторонами правом ответственности, установленной сверхимперативными нормами КТМ РФ для перевозчика за вред «жизни или здоровью пассажира, утрату или повреждение груза и багажа либо просрочку их доставки»¹.

Таким образом, следует заключить, что в современный период и в отношении внедоговорных обязательств, и в целом в международном частном праве Российской Федерации автономия воли сформировалась в качестве правового принципа, получающего отражение в многоуровневой системе согласованных норм, упрямочивающих – в определенных случаях и в строго очерченных пределах – стороны частнопровых отношений международного характера избирать применимое материальное право. Для внедоговорных отношений с иностранным элементом специальная упрямочивающая норма установлена ст. 1223.1 ГК РФ в ее взаимосвязи с генеральными правилами ст. 1210 ГК РФ и специальными оговорками п. 4 ст. 1219, п. 2 ст. 1221, п. 3 ст. 1223, п. 1 ст. 1222, п. 2 ст. 1222.1 ГК РФ.

Главными итогами анализа становления и развития идеи об автономии воли в отечественном международном частном праве явились следующие.

Представленное исследование восполняет пробел научного знания о дореволюционном периоде развития идеи об автономии воли в отечественном международном частном праве. В противовес укоренившейся в правовой науке позиции о «запоздалой реакции» отечественной юриспруденции в данной области, соискатель доказывает, что хотя ст. 707 Устава гражданского судопроизводства предписывает императивную коллизионную норму, практика

¹ Результаты исследования взаимодействия автономии воли и ограничений применения иностранного права (в том числе норм непосредственного применения, указанных в п. 2 ст. 414 КТМ РФ) изложены в § 3 главы 4 диссертации.

ее применения Правительствующим Сенатом (и оценка этой практики виднейшими правоведами того времени) свидетельствуют о признании в дореволюционном отечественном праве автономии воли сторон обязательства в вопросе выбора применимого материального права.

Историко-правовой анализ советского периода развития идеи об автономии воли в международном частном праве показывает, что даже на самом раннем этапе действия ГПК РСФСР 1923 г., когда автономия воли не была закреплена законодательно, а коллизионное право не было представлено обособленной, разработанной группой норм, данная идея, хотя и исключительно в сфере внешней торговли, признавалась арбитражной практикой и правоведами в качестве имманентно присущей сторонам возможности. В условиях господствовавших в тот период административно-командных методов организации народного хозяйства и неприятия свободы договора в материальном регулировании обязательственных отношений знаковым становится вывод о последовавшем устойчивом признании автономии воли сторон внешнеторговых сделок в советском законодательстве (Основах гражданского законодательства 1961 г. и ГК РСФСР 1964 г.), арбитражной практике и юридической науке. Изложенное выступает одним из аргументов в пользу тезиса о первичном значении автономии воли на этапе решения коллизионного вопроса и выбора применимого материального права по отношению к последующему материально-правовому регулированию, включая главенствующий в современной регламентации обязательственных отношений принцип свободы договора.

Анализ современного международного частного права Российской Федерации позволяет заключить, что автономия воли получает конкретизацию в многоуровневой системе согласованных норм, уполномочивающих стороны гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, выбирать материальное право и отражающих ее феноменальное прогрессивное развитие как с точки зрения объема предоставленных сторонам возможностей (признание последующего выбора, подразумеваемых соглашений, депесяжа), так и с точки зрения перечня отношений, в которых сторонам допускается выбирать

применимое право (вещные права на движимое имущество, договорные и внедоговорные обязательства).

Исследование нормативного закрепления, правоприменительной практики и их доктринального осмысления в совокупности позволяет нам провести периодизацию становления автономии воли в качестве принципа отечественного международного частного права. В дореволюционный период об автономии воли можно вести речь лишь в русле юридического значения воли сторон для построения коллизионной нормы или отклонения от нее в случае необходимости (Бар. Б. Э. Нольде, Т. М. Яблочков). В советский период автономия воли как прямое, а не гипотетическое, волеизъявление сторон формируется в качестве дозволения, допустимого лишь только в сфере внешней торговли с соответствующим развитием его восприятия доктриной: от неприятия буржуазного принципа (С. И. Раевич, И. С. Перетерский) до признания его в качестве одного из «общих для многих стран начал международного частного права» и международно-правового обычая (Л. А. Лунц, Д. Ф. Рамзайцев). В современный период с принятием раздела VI ГК РФ автономия воли получает нормативное закрепление и доктринальное признание как коллизионный принцип для отдельных категорий отношений, а по итогам законодательной реформы раздела VI ГК РФ 2013 г., которая укрепила тенденцию расширения возможностей сторон по выбору применимого права и, что особенно важно, сформировала нормы об автономии воли в согласованную систему, а также в свете разъяснения Пленума Верховного Суда РФ 2019 г., которое признало применение норм раздела VI ГК РФ, в т.ч. ст. 1210 ГК РФ, для восполнения пробелов специального законодательства (как-то, о договорах в области торгового мореплавания), автономия воли может считаться одним из общих принципов коллизионного регулирования в отечественном международном частном праве с соответствующим нормативным отражением, практикой применения и доктринальным признанием.

Изложенное в совокупности, на материале отечественного международного частного права дореволюционного, советского и современного периодов,

позволяет выявить устойчивую тенденцию прогрессивного развития автономии воли как имманентно присущей сторонам возможности выбирать применимое материальное право и заявить о приобретении ей качества принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом.

§ 2. Особенности доктринального осмысления правовой природы автономии воли как принципа коллизионного регулирования в отечественной науке международного частного права

Характеризуя автономию воли как принцип коллизионного регулирования, нельзя не обратиться к особенностям ее доктринального понимания в отечественной науке международного частного права. Вместе с тем, даже беглый обзор всей палитры воззрений на автономию воли в сфере частных отношений, осложненных иностранным элементом, может составить самостоятельное исследование¹. В этой связи приоритетной задачей настоящего параграфа является изложение авторского видения концептуальной модели автономии воли в современном международном частном праве, сопровождаемое по мере необходимости отсылками к наиболее значимым концепциям в исследуемой области.

В осмыслении современной конструкции автономии воли как возможности сторон частноправового отношения международного характера избрать применимое материальное право необходимо выделить две наиболее значимые противостоящие концепции: коллизионно-правовую и материально-правовую. Среди отечественных ученых известными представителями первой концепции являются Л. А. Лунц и В. Л. Толстых. Так, Л. А. Лунц, оспаривая квалификацию автономии воли в качестве источника коллизионного права, подчеркивает, что «она санкционируется государством в качестве одного из коллизионных

¹ Показательной в этом плане является специально посвященная данной теме диссертация: *Третьяков С. В.* Юридическая природа автономии воли в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 204 с.

принципов»¹. В свою очередь В. Л. Толстых, высказываясь непосредственно о природе автономии воли в международном частном праве, прямо заявляет: «Институт автономии воли – это институт коллизионного регулирования»².

Напротив, С. В. Третьяков выступает ярким адептом материально-правовой концепции и отстаивает тезис, в соответствии с которым «автономия воли обладает правонаделительным характером, что не совместимо с выражающей коллизионный метод “классификационной” функцией»³. В качестве наиболее перспективной оценивает материально-правовую теорию автономии воли А. В. Асосков⁴.

Вместе с тем, в отечественной юридической литературе присутствует и своего рода «комбинированная» позиция по вопросу о правовой природе автономии воли. Так, Н. В. Тригубович заявляет, что «специфику автономии воли как особого самостоятельного института международного частного права» определяет «сочетание договорного и коллизионного начал»⁵. Такой же точки зрения придерживаются О. Ю. Малкин⁶ и Е. Л. Симатова⁷. При этом «договорный» элемент ученые усматривают преимущественно в существовании

¹ Луиц Л. А. Международное частное право... С. 213. В более позднем издании курса международного частного права, также отрицая квалификацию автономии воли в качестве источника права, ученый уточняет: «Автономия воли является ... одной из коллизионных норм или одним из коллизионных институтов права, установленных внутренним правопорядком государства или его международными соглашениями» (Луиц Л. А. Курс международного частного права. Общая часть. М.: Госюриздат, 1959. С. 178).

² Толстых В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 63.

³ Третьяков С. В. Указ. соч. С. 8 (положение на защиту № 1).

⁴ Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. Инфотропик Медиа, 2013. Режим доступа: СПС «Гарант». Раздел 1.2.5.

⁵ Тригубович Н. В. Автономия воли в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 9 (положение на защиту № 1).

⁶ Малкин О. Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках... С. 19; Малкин О. Ю. Правовое регулирование выбора права сторонами договора... С. 17.

⁷ Поддерживая в целом точку зрения О. Ю. Малкина по вопросу о правовой природе автономии воли, Е. Л. Симатова также высказывается в более общем ключе о том, что исследуемый правовой институт сочетает «в себе многие специфические элементы, присущие как самому международному частному праву, так и объекту его регулирования в аспекте юридической взаимосвязи не только с законодательством разных стран, но и международном взаимодействии национальных правовых систем между собой» (Симатова Е. Л. Автономия воли в российском международном частном праве: история, современность, перспективы... С. 165-166).

соглашения сторон, а «коллизийный» – в нацеленности этого соглашения на выбор применимого материального права¹.

В целом мы согласимся с тем, что осмысление правовой природы автономии воли в международном частном праве требует комплексного подхода. Так, В. Л. Толстых, хотя и придерживается крайне узкого коллизийного подхода, в общем ключе делает весьма справедливое замечание о том, что различные точки зрения на автономию воли отражают взгляды на разные стороны данного института².

Вместе с тем, осуществляя комплексный анализ явления автономии воли в современном международном частном праве, мы предлагаем провести условную сепарацию двух различных этапов ее существования и реализации, как-то: на первом этапе – в разрезе правотворчества – автономия воли существует в форме материально-правовой нормы, которая управомочивает в определенных случаях и в строго очерченных пределах участников частных отношений, осложненных иностранным элементом, на выбор материального права; на втором этапе – в разрезе правоприменения – речь ведется уже о результате реализации автономии воли как дозволения избирать применимое право, который получает выражение в соглашении участников конкретного частного отношения на этот счет. В конечном итоге оба этапа в динамике существования и реализации автономии воли обеспечивают исполнение материально-правовыми средствами коллизийной функции соответствующего принципа.

¹ Малкин О. Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках... С. 19; Малкин О. Ю. Правовое регулирование выбора права сторонами договора... С. 17; Тригубович Н. В. Указ. соч. С. 9. Несколько другую комбинацию теорий автономии воли предлагает А. Г. Филиппов, рассматривающий этот институт как сочетание коллизийного начала «(по назначению) и принципа свободы договора (по способу реализации)» (Филиппов А. Г. Некоторые аспекты автономии воли в российском международном частном праве // Актуальные вопросы гражданского права / под ред. М. И. Брагинского. М.: Статут, 1998. С. 439). Мы не поддерживаем выведение автономии воли в том смысле, в каком она действует в международном частном праве, из свободы договора, выступающей принципом национального гражданского права, что будет аргументировано далее.

² Ученый весьма эффектно сравнивает попытки противопоставить разные воззрения на автономию воли в международном частном праве с легендой о том, «как три слепца описывали слона» (Толстых В. Л. Международное частное право: коллизийное регулирование... С. 63).

Следовательно, на первом этапе автономия воли как принцип международного частного права представляет собой управомочивающую материально-право-вую норму, а точнее, совокупность таких норм, устанавливающих, с одной стороны, объем возможностей сторон в связи с выбором материального права (как-то, выбор права третьей страны, последующий выбор, депесаж и др.), а с другой, перечень частных отношений трансграничного характера, в которых выбор применимого права допускается. Мы считаем, что такие нормы являются исключительно материально-правовыми по своей природе, потому что сами по себе (без волеизъявления участников отношений) они ни в коей мере не способны реализовать коллизионный метод регулирования и определить право, применимое к каким бы то ни было отношениям.

В этой части мы, безусловно, поддерживаем адептов материально-правовой концепции автономии воли. Более того, мы считаем важным обратить внимание на предложенный А. В. Асосковым в ее поддержку аргумент, в соответствии с которым «использование материально-правовой теории автономии воли освобождает этот институт от догматических “оков”, позволяет в дальнейшем осуществить анализ конкретных его проявлений и выбрать наиболее эффективные законодательные решения»¹. Мы убеждены, что обозначенная логика справедлива не только на перспективу, но и всецело подтверждается алгоритмом становления принципа автономии воли в международном частном праве, который сложился к сегодняшнему дню как на уровне международных норм (норм международных договоров и норм рекомендательного характера), так и на уровне норм национального законодательства (в том числе в Российской Федерации).

Так, конкретный исторический период в деятельности Гаагской конференции по международному частному праву показывает, что позиция международного сообщества по вопросу об автономии воли существенно прогрессировала уже от Гаагской конвенции о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, 1955 г. к Гаагской конвенции о праве,

¹ Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств... Раздел 1.2.5.

применимом к договорам международной купли-продажи товаров, 1986 г. и еще более значительно – к документу рекомендательного характера – Гаагским принципам, касающимся выбора права в международных коммерческих договорах, 2015 г.¹

В свою очередь отечественное законодательство о международном частном праве – только за период существования Российской Федерации – продемонстрировало значительное расширение автономии воли как с точки зрения объема прямо предоставленных сторонам возможностей, так и с точки зрения перечня отношений, для которых сторонам допускается избирать применимое право. Опираясь метким высказыванием С. В. Третьякова, укажем, что современная конструкция автономии воли в сфере международного частного права – «это уже факт в социальном смысле этого слова, который нельзя отменить рассуждениями о его “неправильности”»².

Более того, мы считаем, что в основе феноменального продвижения принципа автономии воли в международном частном праве лежит более глубокая идея о том, что выбор сторон во всех случаях предпочтительнее выбора суда. Как отмечает С. В. Третьяков, формула прикрепления коллизионной нормы нацелена на определение «не материально лучшей, а пространственно лучшей» нормы, в то время как выбор самих субъектов международного коммерческого оборота позволяет при определении сферы применения норм в пространстве учесть материально-правовые интересы³. Исходя именно из такой идеи, на уровне положений закона и, соответствующим образом, в правоприменительной практике признаются и подразумеваемые соглашения, и последующий выбор, и депесаж.

Столь либеральный стандарт реализации автономии воли субъектами частноправовых отношений международного характера, диктуемый отнюдь не догматическими «оковами», а сугубо практическими соображениями, позволяет

¹ Результаты историко-правового исследования закрепления автономии воли в документах Гаагской конференции по международному частному праву изложены в § 3 главы 1 диссертации.

² Третьяков С. В. Указ. соч. С. 30-31.

³ Там же. С. 72-73.

заклучить, что цель анализируемого принципа выходит далеко за рамки упрощения задачи суда по выбору применимого права. Полагаем, что существование принципа автономии воли в международном частном праве и вектор его развития определяются практической необходимостью обеспечения максимально предсказуемого и подходящего сторонам правового регулирования, а в конечном итоге – даже целью стимулирования международного экономического оборота.

На втором этапе в рамках реализации автономии воли в сфере международного частного права речь идет уже не об управомочивающих нормах объективного права, а о заключенном на основании этих норм соглашении сторон частноправового отношения, осложненного иностранным элементом. В конкретном соглашении фиксируется выбор применимого права, осуществленными сторонами для имеющих или будущих отношений между ними, и именно таким образом принцип автономии воли исполняет свою коллизионную функцию.

Нельзя не отметить, что известный сторонник коллизионно-правовой концепции автономии воли В. Л. Толстых усматривает подтверждение своей позиции именно в коллизионных свойствах выбора права, а соглашение о выборе права автор рассматривает как привязку коллизионной нормы¹. Мы же считаем, что само по себе соглашение о применимом праве можно условно рассматривать как установленную сторонами коллизионную норму, в которой они способны определять не только привязку (указание на право, которым нужно регулировать отношение), но и объем (указание на то, для каких отношений выбрано право).

Последнее особенно актуально в свете легализации депежа, позволяющего сторонам выбирать право «как для договора в целом, так и для отдельных его частей» (п. 4 ст. 1210 ГК РФ). Однако и в отсутствие депежа формулировка соглашения о применимом праве зачастую включает и объем, и привязку, поскольку в большинстве случаев излагается по следующему образцу: «К отношениям, возникающим из настоящего договора или в связи с ним, будет

¹ Толстых В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование... С. 63-64.

применяться право Российской Федерации». Даже в тех случаях, когда соглашение сторон не выражено прямо, а определенно вытекает «из условий договора либо совокупности обстоятельств дела», мы полагаем, что выявление судом или арбитражем в подразумеваемом соглашении сторон не только привязки (избранного права), но и объема (отношений, для которых избрано право) является абсолютно необходимым условием реализации такого соглашения, ибо иное – применение определенного права к неопределенным отношениям – представляется, по меньшей мере, странным.

Наконец, обращаясь к формулировкам соглашений сторон о выборе права, отметим, что хотя в подавляющем большинстве случаев они выглядят как аналоги односторонних коллизионных норм, поскольку прямо именуют право избранного государства (право России, право Нидерландов и т.д.)¹, современная правоприменительная практика весьма успешно реализует и «двусторонние отсылки». Показательными в этой связи выступают соглашения о выборе права истца или ответчика, заключенные в тот момент, когда спор между сторонами еще не возник (и, следовательно, применимое право еще не известно). Допустимость подобного рода условных (альтернативных) соглашений прямо признается в п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

Заявляя о материально-правовой природе дозволения избирать применимое право, важно оговориться, что функция автономии воли как принципа коллизионного регулирования проявляется за счет концептуальной возможности переформулировать управомочивающую норму по шаблону коллизионной – например, к договорным отношениям применяется то право, которое избрали стороны. Полагаем, что именно этим объясняется взгляд на принцип автономии воли как всего лишь на коллизионную привязку *lex voluntatis*². Однако имеется

¹ Напротив, коллизионные нормы, установленные законом или международным договором, в большинстве случаев формулируются как двусторонние – закрепляющие общее правило, в котором применимое право зачастую зависит от фактических обстоятельств: места нахождения вещи (п. 1 ст. 1206 ГК РФ), места причинения вреда (п. 1 ст. 1219 ГК РФ) и др.

² *Нешатаева Т. Н.* Международные коммерческие сделки: правовое регулирование и судебная практика // Арбитражная практика. 2002. № 5. С. 80-95.

кардинальное отличие между применением коллизионной нормы, опирающейся на параметры, которые могут быть определены судом или арбитражем на основании обстоятельств дела, и реализацией принципа автономии воли, когда управомочивающая норма только задает пределы усмотрения сторон, а суд или арбитраж следуют за выбором сторон, с точки зрения как избранного правопорядка, так и подчиненных ему отношений.

Более того, на современном этапе мы свидетельствуем кардинальный сдвиг в понимании масштаба той роли, которую автономия воли играет в коллизионном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом. Количественная совокупность расширений возможностей сторон по выбору применимого права как в плане их внутреннего содержания, так и в плане охватываемых отношений (в некоторой степени – вещные, деликтные и ряд иных внедоговорных, договорные, в том числе с признанием коллизионного значения выбора права в договорных для деликтных и т.д.) породила качественное изменение понимания автономии воли: от коллизионной привязки, правомочия, института коллизионного регулирования отдельной категории гражданских отношений (прежде всего, договорных) к общему принципу коллизионного регулирования международного частного права.

В доктринальном плане описанная трансформация имеет вес не только сама по себе, но и очень значительно в плане изменения восприятия коллизионного регулирования как осуществляемого не только коллизионными нормами с простейшей структурой «объем – привязка», но и материально-правовыми средствами – за счет управомочивающих норм, оставляющих сторонам целого ряда отношений широкое поле усмотрения в вопросах выбора применимого права.

Следует также отметить, что в юриспруденции выработаны и иные неординарные теории автономии воли в сфере международного частного права. Не ставя цели охватить все до единой, считаем необходимым кратко затронуть три из них.

Первая является своего рода разновидностью материально-правовой концепции автономии воли и выводит анализируемый институт из принципа свободы договора, присущего национальному гражданскому праву. Ее ярким представителем является М. М. Богуславский. Так, ученый пишет: «Автономия состоит в том, что стороны имеют право устанавливать по своему усмотрению условия и содержание договора»¹. Соответственно, одним из таких условий, свободно устанавливаемым сторонами наряду с договоренностями о наименовании и количестве товара, его цене и т.п., выступает условие о выборе применимого права².

Мы принципиально не согласны с данной трактовкой на том основании, что автономия воли в международном частном праве позволяет сторонам избрать материальное право (включая гражданское право и любые установленные им принципы), которое будет регулировать их отношения. Автономия воли действует на том этапе, когда применимое право еще только определяется и ни о каких принципах материального права не идет речи. Она составляет предпосылку возможного применения в последующем того принципа свободы договора, который установлен избранным правом определенного государства. Несмотря на то, что условие о выборе права зачастую включается в текст договора (хотя оно может иметь форму отдельного соглашения и даже вытекать из условий договора или совокупности обстоятельств дела), оно не должно ставиться в один ряд с условиями о наименовании и количестве товара, цене и т.п. Мы убеждены, что именно выбор сторонами применимого материального права на основании

¹ Правовое регулирование внешней торговли СССР / под ред. Д. М. Генкина... С. 480 (автор главы XXV – М. М. Богуславский).

² Е. М. Кондратьева рассматривает автономию воли как структурный элемент свободы договора и указывает, что последняя, «кроме права сторон свободно вступать во внешнеэкономический договор, самостоятельно определять его предмет и условия, *включает также право сторон внешнеэкономического договора определять подлежащее применению право*» (Кондратьева Е. М. Свобода договора и «автономия воли сторон» как гарантии осуществления конституционных прав российских участников внешнеэкономической деятельности в международном частном праве // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: право. 2003. № 1. С. 36). Е. И. Антонова комбинирует эту теорию с оригинальной концепцией А. А. Рубанова, заявляя, что автономия воли, во-первых, является «проявлением свободы договора», во-вторых, «отражает взаимодействие национальных правовых систем» (Антонова Е. И. Указ. соч. С. 9, положение на защиту).

принципа автономии воли является предпосылкой применения гражданского права определенного государства (и, в том числе, установленного в нем принципа свободы договора), но никак не наоборот.

Вторая заслуживающая внимания теория автономии воли также связана с ее материально-правовой концепцией, однако отличается тем, что рассматривает соглашение о выборе права как «самостоятельную частноправовую сделку, регулируемую нормами международного частного права»¹. Значимым следствием изложенной теоретической посылки выступает то, что, будучи совершенным «относительно частноправовой сделки, осложненной иностранным элементом», соглашение о выборе права «“следует” форме данной сделки»².

Мы не согласны ни с указанной теоретической посылкой, ни, тем более, с ее следствием. Во-первых, с нашей точки зрения, соглашение о применимом праве составляет явление *sui generis*. Бесспорно, оно является соглашением сторон и конечно же такое соглашение по своей сути имеет цивилистический характер. Однако оно не может рассматриваться в качестве ординарной гражданско-правовой сделки в том смысле, какой ей придает ст. 153 ГК РФ, так как оно не направлено непосредственно на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Предмет соглашения о применимом праве имеет особый характер и состоит в избрании правопорядка, который будет определять правовой режим возникших в силу сделки гражданских прав и обязанностей.

Во-вторых, тезис о том, что форма соглашения о применимом праве «следует» форме той сделки, для которой данное право избирается, прямо противоречит нормам отечественного законодательства, а именно: п. 2 ст. 1210 ГК РФ, который допускает как прямо выраженные соглашения о применимом праве, так и определенно вытекающие из условий договора либо совокупности

¹ Покровская А. Б. Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 124. В положении на защиту № 1 той же диссертации А. Б. Покровская использует несколько отличную терминологию, заявляя, что соглашение о выборе права «может рассматриваться в качестве специальной частноправовой сделки, осложненной иностранным элементом» (Там же. С. 6-7).

² Там же. С. 124.

обстоятельств дела. Еще более неуместным данный тезис будет в случае применения его к автономии воли в целом, и, соответственно, распространения на обязательства из причинения вреда или неосновательного обогащения, в коих попросту отсутствует форма, которой соглашение о применимом праве могло бы «следовать».

Наконец, третью оригинальную концепцию А. А. Рубанова, согласно которой «теоретической основой автономии воли служит присущая праву способность находиться в обратной связи с общественными отношениями»¹, мы только упомянем, поскольку, по меньшей мере, два из трех ее главных постулатов, диктуемых закономерностями международного взаимодействия национальных правовых систем, не применимы в современный период. Согласно первому постулату допускается исключительно выбор права определенной страны, поскольку «лишь оно выражает объективные закономерности общественного развития и представляет собой компонент иностранной политико-юридической надстройки»². Напротив, в современный период все больше наблюдается тенденция к легализации выбора сторонами норм *lex mercatoria* – как на уровне международных документов рекомендательного характера (например, Гаагские принципы 2015 г. санкционируют выбор вненациональных источников, если *lex fori* это не запрещает, – ст. 3³), так и – в определенных пределах – в судебной практике Российской Федерации (в частности, Верховный Суд РФ в разъяснениях к ст. 1210 ГК РФ подтвердил право сторон «выбрать документы, содержащие правила, рекомендованные участникам оборота международными организациями или объединениями государств»⁴).

¹ Рубанов А. А. «Автономия воли» в международном частном праве как теоретическая проблема // Советский ежегодник международного права. 1986. М.: Наука, 1987. С. 217.

² Там же. С. 218.

³ Принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах: Записка Секретариата к Сорок восьмой сессии Комиссии ООН по праву международной торговли (Вена, 29 июня – 16 июля 2015 г.) от 15 апреля 2015 г. A/CN.9/847 – Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: <https://assets.hcch.net/docs/eb2202fd-47c9-4e73-ab0f-cbf2b4057d8f.pdf> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

⁴ П. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

Согласно второму постулату концепции А. А. Рубанова не допускается так называемая «юридическая биотехнология»¹, т.е. депесаж (фр. *dépeçage* – расщепление) – избрание различного применимого права для различных частей сложившихся между сторонами отношений. Напротив, в современный период депесаж не только широко признается в международных документах различного характера², но и прямо санкционируется в законодательстве Российской Федерации. В частности, п. 4 ст. 1210 ГК РФ устанавливает, что стороны могут выбрать право как для договора в целом, так и для отдельных его частей.

Подводя итог исследования тех возможностей сторон по выбору применимого права, которые представлялись неприемлемыми в теоретической разработке отечественного правоведа всего лишь в 80-х гг. прошлого века и которые являются все более признаваемыми или прямо санкционированными в современный период, укажем, что столь стремительное развитие автономии воли в международном частном праве наглядно демонстрирует, что управомочивающие нормы в данной области развиваются, не будучи связанными догматическими оковами, в целях наилучшего удовлетворения интересов участников международного гражданского оборота, связанных с обеспечением максимально предсказуемого и подходящего для них правового регулирования.

Наконец, сформировавшаяся таким образом в отечественном международном частном праве многоуровневая система согласованных норм, управомочивающих стороны частных отношений, осложненных иностранным элементом, избирать применимое материальное право и получившая стремительное феноменальное развитие в направлениях: как с точки зрения объема предоставленных сторонам возможностей (выбор права третьей страны, последующий выбор, депесаж и др.), так и с точки зрения набора тех отношений, в которых сторонам допускается избирать применимое право (вещные права на движимое имущество, договорные и внедоговорные отношения), – позволяет

¹ Рубанов А. А. «Автономия воли» в международном частном праве как теоретическая проблема... С. 218.

² Например, Гаагские принципы 2015 г. провозглашают, что стороны могут выбрать как «право, применимое ко всему договору или только к его части», так и «разное право для применения к разным частям договора» – п. 2 ст. 2 Принципов.

утверждать, что в современный период автономия воли достигла уровня принципа международного частного права Российской Федерации¹.

Исследование доктринального понимания автономии воли в отечественной науке международного частного права и его результаты, получившие отражение в данном параграфе, позволяют выдвинуть авторскую концептуальную модель автономии воли как принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, в рамках которой предлагается выделить два этапа ее существования и реализации: на первом этапе – в разрезе правотворчества – автономия воли существует в форме материально-правовой нормы, которая управомочивает в определенных случаях и в строго очерченных пределах участников гражданских отношений трансграничного характера на выбор материального права; на втором этапе – в разрезе правоприменения – речь ведется уже о результате реализации автономии воли как дозволения выбрать применимое право, который получает выражение в соглашении участников конкретного отношения на этот счет. В конечном итоге оба этапа в динамике существования и реализации автономии воли обеспечивают исполнение материально-правовыми средствами коллизионной функции соответствующего принципа.

Предложенная концептуальная модель зиждется на двух ключевых доктринальных подходах к автономии воли в современном отечественном международном частном праве: материально-правовом и коллизионно-правовом. Стоя в ряду «комбинированных» подходов к исследуемому принципу, предложенная концептуальная модель в отличие от существующих попыток

¹ Не оценивая позиции суда по существу, считаем важным обратить внимание на практику Арбитражного суда Московского округа, в которой неприменение третейским судом материального права, избранного сторонами (а значит, нарушение им принципа автономии воли, действующего в международном частном праве) было оценено судом как не соответствующее принципу законности и, тем самым, нарушающее публичный порядок Российской Федерации, что, в свою очередь, выступило достаточным основанием для отказа в признании и приведении в исполнение решения третейского суда (Постановления Арбитражного суда Московского округа от 10 июля 2018 г. № Ф05-9794/2018 по делу № А40-239650/2017 и от 11 июля 2018 г. № Ф05-9814/2018 по делу № А40-239803/2017. Здесь и далее анализ судебных и арбитражных актов проводился по материалам баз данных СПС «КонсультантПлюс» и СПС «Гарант»).

определить его правовую природу обращает внимание на последовательность этапов существования и реализации автономии воли, укладывающуюся в непротиворечивый логический ряд: управомочивающая материально-правовая норма и заключенное на ее основании соглашение о выборе применимого права (в противовес безосновательно и непоследовательно предлагаемым договорным и коллизионным началам).

В свою очередь тестирование предложенной авторской концептуальной модели в ее соотношении с оригинальными доктринальными подходами к пониманию автономии в международном частном праве позволяет выдвинуть несколько исследовательских гипотез, подтверждению которых будут посвящены последующие параграфы настоящей работы. Во-первых, отклонение понимания принципа автономии воли в международном частном праве как продолжения принципа свободы договора в национальном гражданском праве выдвигает гипотезу о первичности автономии воли на этапе выбора применимого материального права по отношению к каким бы то ни было принципам материального права. Во-вторых, отклонение понимания соглашения о применимом праве как частноправовой сделки выдвигает гипотезу о квалификации соглашения о применимом праве как явления *sui generis* с соответствующими последствиями практического свойства (в частности, в отношении формы данного соглашения). В-третьих, объективная констатация отклонения постулатов оригинального видения автономии воли А. А. Рубановым в последовавшем развитии международных документов, законодательства и судебной практики выдвигает гипотезу о тенденции прогрессирующего развития автономии воли как возможности сторон гражданского отношения, осложненного иностранным элементом, выбрать для себя наилучшее и наиболее удобное правовое регулирование.

§ 3. Специфика международно-правового закрепления принципа автономии воли участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом

Проявление в международных документах идеи об автономии воли участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, развивалось сообразно стремительному прогрессу в унификации коллизионного регулирования соответствующих отношений. Даже если сосредоточить внимание только на договорных отношениях, в которых автономия воли достигла наибольшего развития и только на межгосударственных международных договорах, то и таковых будет насчитываться значительное множество, включая посвященные договорным отношениям в целом (например, в настоящий период – Межамериканская конвенция о праве, применимом к международным контрактам, 1994 г.¹; до принятия Регламента Рим I² – Римская конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам, 1980 г.³) и отдельным видам договоров (например, Гаагская конвенция о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, 1955 г.⁴ и Гаагская конвенция о праве, применимом к агентским соглашениям, 1978 г.⁵).

Меж тем, современное международное частное право свидетельствует фундаментальные сдвиги в правопонимании, открывающие путь нетрадиционным регуляторам, в числе которых следует указать, прежде всего, нормы *lex mercatoria* и самые различные документы рекомендательного характера, зачастую именуемые *soft law*, или мягким правом. Немаловажный факт составляет то, что

¹ Межамериканская конвенция о праве, применимом к международным контрактам, от 17 марта 1994 г. (г. Мехико). Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

² Regulation (EC) No. 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the Law applicable to Contractual Obligations (Rome I) // Official Journal of the European Union. 4.7.2008. L 177. P. 6-16.

³ Convention on the Law applicable to Contractual Obligations of 19 June 1980 (Rome) // Treaty Series. Vol. 1605. New York: United Nations, 1997. P. 59-156.

⁴ Конвенция о праве, применимом к международной купле-продаже товаров от 15 июня 1955 г. (г. Гаага) // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Т. 1. Нью-Йорк: ООН, 1971.

⁵ Конвенция о праве, применимом к агентским соглашениям от 14 марта 1978 г. (г. Гаага) / неофициальный перевод Е. Ю. Проницовой. Режим доступа: СПС «Гарант».

именно автономии воли сторон договорных отношений международного характера посвящен первый в истории Гаагской конференции по международному частному праву рекомендательный акт – Гаагские принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах, 2015 г.

Однако поскольку сплошное перечисление и цитирование многочисленных источников международного уровня не будет иметь какого-то эвристического потенциала, в свете цели настоящего исследования мы считаем важным рассмотреть хронологию становления принципа автономии воли, выделив три ключевых этапа с опорой на соответствующие им международные документы. На первом этапе – в Кодексе Бустаманте¹, указываемом правоведами в числе международных договоров, признающих автономию воли², однако содержащем весьма отрывочные упоминания о данной идее; на втором этапе – в Гаагских конвенциях, посвященных праву, применимому к договору международной купли-продажи товаров, 1955 г. и 1986 г.³, первая из которых по общему признанию правоведов является первым универсальным международным договором, провозгласившим автономию воли в области международного частного права⁴, а оба документа в совокупности демонстрируют существенный прогресс в развитии данного принципа в конкретный исторический период; и, наконец, на третьем этапе – в Гаагских принципах, касающихся выбора права в международных коммерческих договорах, 2015 г., которые явились первым в истории Гаагской конференции по международному частному праву

¹ Кодекс международного частного права (Кодекс Бустаманте) от 20 февраля 1928 г. (г. Гавана) // Международное частное право. Сборник документов. М.: БЕК, 1997. С. 3-40.

² *Занибеков М. М.* Автономия воли сторон и свобода договора при заключении международного коммерческого договора: действующий правовой механизм или юридическая фикция? // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2016. № 2. С. 143; *Кондратьева Е. М.* Свобода договора и «автономия воли сторон» как гарантии осуществления конституционных прав российских участников внешнеэкономической деятельности в международном частном праве... С. 37; *Стригунова Д. П.* Реализация принципа автономии воли сторон в международных коммерческих договорах // Современное право. 2014. № 4. С. 153.

³ Конвенция о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, от 22 декабря 1986 г. (г. Гаага) // Розенберг М. Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. М.: МЦФЭР, 1996. С. 209-220.

⁴ *Вилкова Н. Г.* Договорное право в международном обороте... С. 109; *Покровская А. Б.* Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом... С. 44-45.

рекомендательным документом и в этом особенном качестве, сопряженном с чрезвычайно прогрессивным содержанием, настоятельно требуют осмысления.

Закрепление принципа автономии воли участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, в международных договорах происходило, в первую очередь, в рамках унификации коллизионных норм. Как пишет Н. Г. Вилкова, первоначально «с унификацией коллизионных норм» были связаны «наибольшие надежды»¹. При этом удивительный факт истории международного частного права составляет то, что обретшие независимость государства Южной Америки оказались первыми, кто достиг успеха в кодификации его норм².

Наиболее известный в этом отношении пример составляет Кодекс международного частного права, именуемый в честь его разработчика – кубинского юриста Антонио Санчес де Бустаманте-и-Сирвен – Кодексом Бустаманте³. Принятие данного кодекса 20 февраля 1928 г. стало результатом работы Шестой конференции американских государств и оценивается как несомненный успех в деле всеобъемлющей кодификации международного

¹ Вилкова Н. Г. Унификация коллизионных норм в сфере международных коммерческих контрактов // Хозяйство и право. 1997. № 11. С. 132. В литературе в качестве преимуществ унификации коллизионных норм указывают ее направленность исключительно на участников частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, а также быстроту и простоту самого процесса унификации; в качестве недостатка – тот факт, что коллизионная норма так или иначе отсылает к национальному праву, которое различается в различных государствах и – если оно является иностранным по отношению к *lex fori* – должно быть установлено судом (Матвеева Т. В. Роль международного договора в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 19-20; Синева Н. А. Унификация правовых норм, регулирующих внешнеторговое обязательство: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 153-154).

² Ana Delić, “The Birth of Modern Private International Law: The Treaties of Montevideo (1889, amended 1940)”. URL: <https://opil.ouplaw.com/page/Treaties-Montevideo/the-birth-of-modern-private-international-law-the-treaties-of-montevideo-1889-amended-1940> (дата обращения: 01 августа 2025 г.); Petra Minnerop, Rüdiger Wolfrum, Frauke Lachenmann (eds), *International Development Law: The Max Planck Encyclopedia of Public International Law* (New York: Oxford University Press, 2019) at 547; Gonzalo Parra-Aranguren, “Recent Developments of Conflict of Laws Conventions in Latin America” in *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, Vol. 164 (Sijthoff & Noordhoff, 1980) at 69-70; Tatiana de Maekelt, “Inter-American Codification of Private International Law” in *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, Vol. 177, General Rules of Private International Law in the Americas: New Approach (Brill & Nijhoff, 1982) at 223-224.

³ Kevin Tuininga, “Cuban Private International Law: Some Observations, Comparisons, and Suppositions” (2009) *University of Miami Inter-American Law Review*, Vol. 40 (3) at 435.

частного права, следствием чего стала диффузия положенных в его основу принципов, включая установленную ст. 3 кодекса категоризацию национальных законов, в правовые системы многих государств мира¹.

В отношении закрепления принципа автономии воли в Кодексе Бустаманте нельзя не отметить, что в подавляющем большинстве случаев отечественные правоведы указывают данный кодекс в числе международных договоров, признающих автономию воли². Однако в зарубежной юридической науке по этому вопросу отсутствует единство мнений. В частности, С. Симеонидес указывает, что хотя автономия воли сторон является древним принципом, она получила нормативное закрепление только в XX в., при этом Кодекс Бустаманте и Первый свод законов о конфликте законов США составляют, по мнению автора, заметные исключения в этом процессе³. Примечательно и то, что Э. Лоренцен, представивший обзор положений кодекса, в разделе о договорах не упоминает автономию воли как таковую⁴.

Основание для вывода о непризнании Кодексом Бустаманте автономии воли сторон частноправовых отношений можно усмотреть в отсутствии в нем предписания, непосредственно провозглашающего данный принцип⁵. Бесспорно,

¹ Доронина Н. Г. Диффузия в праве как направление унификации международного частного права: к вопросу об объекте информационного права // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 131. Н. Г. Доронина подчеркивает, что Кодекс Бустаманте оказал «глобальное влияние на развитие международного частного права в каждом государстве международного сообщества» (Проблемы унификации международного частного права / под ред. А. Л. Маковского, И. О. Хлестовой. ИЗиСП, 2013. Режим доступа: СПС «Гарант», автор главы 2 – Н. Г. Доронина).

² Занибеков М. М. Указ. соч. С. 143; Кондратьева Е. М. Свобода договора и «автономия воли сторон» как гарантии осуществления конституционных прав российских участников внешнеэкономической деятельности в международном частном праве... С. 37; Стригунова Д. П. Реализация принципа автономии воли сторон в международных коммерческих договорах... С. 153.

³ Symeon C. Symeonides, "Party Autonomy in International Contracts and the Multiple Ways of Slicing the Apple" (2014) *Brooklyn Journal of International Law*, Vol. 39 (3) at 1124; Symeon C. Symeonides, *Codifying Choice of Law Around the World: An International Comparative Analysis* (New York: Oxford University Press, 2014) at 114.

⁴ Ernest G. Lorenzen, "Pan-American Code of Private International Law" (1930) *Tulane Law Review*, Vol. IV (4) at 516-518.

⁵ М. Алборноз полагает, что толкование, не признающее автономию воли, соответствовало бы Вводному закону к Гражданскому кодексу Бразилии, в то время как обратное породило бы коллизию в рамках правовой системы Бразилии как государства-

широко известное положение ст. 3 Кодекса Бустаманте устанавливает три категории правовых норм: 1) нормы личные, «следующие за лицами даже при переезде в другую страну»; 2) нормы территориальные, «обязывающие одинаково всех лиц, находящихся на территории», и 3) нормы добровольные, «применяемые только по изъявлению, толкованию или презумпции воли сторон или одной из сторон». По мнению Н. Г. Дорониной, нормы третьей категории «не исходят от органов публичной власти, а устанавливаются самими участниками гражданско-правовых отношений в частноправовых контрактах»¹. На этом основании ученый делает вывод о том, что ст. 3 Кодекса Бустаманте закрепляет наряду с принципом территориальности принцип автономии воли сторон².

Отмечая несомненную важность признания Кодексом Бустаманте значимости воли сторон, мы считаем, что положение ст. 3 указанного документа не может рассматриваться как непосредственно устанавливающее принцип автономии воли по двум причинам. Во-первых, автономия воли в международном частном праве означает вполне определенную возможность сторон избрать материальное право применимое к конкретному частноправовому отношению (договорному, деликтному и др.), в то время как ст. 3 кодекса в общей форме допускает возможность существования «добровольных» норм, однако не очерчивает их круг. Во-вторых, классическое прочтение автономии воли позволяет сторонам частноправового отношения достигнуть вполне определенного соглашения о применении материального права, в то время как ст. 3 кодекса в общей форме говорит о значимости для применения норм не

участника Кодекса Бустаманте (María M. Albornoz, “Choice of Law in International Contracts in Latin American Legal Systems”. URL: https://www.academia.edu/1799169/Choice_of_Law_in_International_Contracts_in_Latin_American_Legal_Systems, дата обращения: 01 августа 2025 г.).

¹ Доронина Н. Г. Унификация права стран Латинской Америки // Законодательство и экономика. 2002. № 10. С. 73-85. Отметим, что в случае признания принципа автономии воли сторон частноправовых отношений международного характера речь будет идти не о самостоятельном установлении ими каких-либо норм, а исключительно о возможности выбора норм, по общему правилу, исходящих от органов публичной власти какого-то государства. Даже в случае признания (в первую очередь, международным коммерческим арбитражем) выбора норм *lex mercatoria*, очевидно, что последние тоже устанавливаются не исключительно сторонами спорного отношения.

² Там же.

только изъясления, но также толкования и презумпции воли сторон и даже одной из сторон¹.

Тем не менее, несмотря на слишком общий, с нашей точки зрения, характер ст. 3 Кодекса Бустаманте, отдельные указания на автономию воли в рамках договорных отношений (традиционно первых в развертывании этого принципа) можно усмотреть в ст. 184-185 документа. На основании ст. 184 кодекса «толкование договоров производится, по общему правилу, в соответствии с законом, который их регулирует». При этом данная статья уточняет, что если «этот закон оспаривается и должен устанавливаться из молчаливо выраженной воли сторон, должно предположительно применяться законодательство, которое предусмотрено» соответствующими коллизионными нормами («личный закон, общий для договаривающихся сторон», а в его отсутствие – «закон места заключения договора»), «хотя, в результате, к договору может быть применено другое право в соответствии с толкованием воли сторон».

Комментируя положения данной статьи, следует отметить несколько аспектов. Во-первых, в коллизионном регулировании договорных отношений Кодекс Бустаманте, по меньшей мере, с точки зрения юридической техники, не придает первостепенного значения автономии воли сторон. Во-вторых, как можно заключить из текста статьи, она оставляет широкое поле для усмотрения правоприменительного органа, который может применить как «право в соответствии с толкованием воли сторон», так и право на основании соответствующих коллизионных норм (в отсутствие критериев выбора между двумя этими возможностями).

¹ Последнее значимо в связи с тем, что даже противники автономии воли как возможности сторон избирать применимое право признают значимость воли одной или обеих сторон для определения обстоятельств, влияющих на локализацию отношения (например, избрание места учреждения юридического лица – в отношении его личного статута, основанного на теории инкорпорации; избрание места заключения или исполнения договора – в отношении договорного статута, основанного на соответствующем критерии и др.). Например, в рамках анализа эволюции автономии воли в отечественном международном частном праве мы приводили позицию Н. П. Иванова, который выступает против возможности избрания применимого права, но, отстаивая закон местоисполнения, заявляет, что автономия контрагентов выражается в том, что они могут выбрать место исполнения своего обязательства (Иванов Н. П. Указ. соч. С. 90-91).

Примечательно, что значительно более определенное положение об автономии воли содержится в специальной коллизионной норме, посвященной договорам присоединения. На основании ст. 185 кодекса «к договорам о присоединении презюмируется применение закона предлагающей или подготавливающей договор стороны, если отсутствует выраженное или молчаливое согласие». В отличие от нормы, посвященной толкованию всех видов договоров, данная норма является существенно более конкретной, так как устанавливает, что избрание применимого права посредством выраженного или молчаливого согласия превалирует над применяемой в порядке презумпции коллизионной привязкой.

В конечном итоге именно совокупность отрывочных упоминаний об автономии воли лежит в основании имеющейся, в том числе в зарубежной литературе, точки зрения о признании Кодексом Бустаманте возможности сторон договорных отношений избрать применимое материальное право¹. Причем М. Алборноз справедливо подчеркивает, что фактически автономия воли в кодексе имеет подразумеваемый характер². По нашему мнению, подобное «допущение» автономии воли Кодексом Бустаманте свидетельствует исключительно о том, что выбор применимого материального права составляет возможность, которая уже в начале XX в. укоренилась в правосознании юристов многих стран мира как имплицитно присущая сторонам частноправовых отношений международного характера. Однако указанные отрывочные упоминания об автономии воли в аспекте толкования договоров или коллизионного регулирования договоров присоединения никак не означают, что непосредственно Кодекс Бустаманте провозгласил, установил или даже признал принцип автономии воли в международном частном праве.

¹ Alice M. Vickers, “The Choice of Law Clause in Contracts between Parties of Developing and Developed Nations” (1981) *Georgia Journal of International and Comparative Law*, Vol. 11 (3) at 627.

² María M. Alborno, *Op. cit.* Следует признать, что автор рассматривает точку зрения о возможности сторон договорных отношений – согласно Кодексу Бустаманте – избрать применимое материальное право как превалирующую и также подчеркивает, что в силу ее подразумеваемого «признания» кодекс не устанавливает для нее специальных ограничений (*Ibid.*).

В дополнение к последнему тезису обратим внимание на то обстоятельство, что Кодекс Бустаманте как первая и до сих пор единственная настолько всеобъемлющая кодификация международного частного права не мог не быть построен на множестве компромиссных решений¹. Данный подход обеспечил ему ратификацию со стороны государств-подписантов, хотя и со множеством оговорок, в том числе сводящих на нет саму идею унификации². Как следствие, кодекс априори не мог однозначно провозглашать принцип автономии воли, в особенности с учетом того, что не все государства-участники признавали его на национальном уровне³.

По итогам проведенного исследования считаем необходимым сделать два основных вывода. Первый вывод – в отношении принципа автономии воли – заключается в том, что вопреки распространенной в юридической литературе точке зрения анализ Кодекса Бустаманте не позволяет однозначно утверждать, что он непосредственно устанавливает данный принцип международного частного права. Второй вывод – общего характера – состоит в том, что заключение о провозглашении правового принципа международным договором (а равно иным источником права) требует вполне определенной терминологии

¹ В частности, Н. Г. Доронина заявляет, что Кодекс Бустаманте «не содержит законченных норм международного частного права, готовых к применению», а его главная цель «заключалась в защите прав иностранцев, в каком бы из договаривающихся государств они ни находились» (*Доронина Н. Г. Унификация права стран Латинской Америки... С. 73-85*).

² Имеются ввиду оговорки, на основании которых кодекс не применяется в случае противоречия национальному праву соответствующего государства. Например, Республика Чили ратифицировала кодекс со следующей оговоркой: «При наличии коллизии между правом Чили и иностранным законом, положения действующих и будущих законов Чили будут превалировать над указанным кодексом в случае противоречия между ними». На этом основании правоведы сделали вывод о том, что такие оговорки общего характера приводят к скрытому аннулированию достижений кодекса (Alice M. Vickers, *Op. cit.* at 628). Аналогичные оговорки сделали Колумбия, Коста-Рика, Никарагуа и Уругвай (Gonzalo Parra-Aranguren, *Op. cit.* at 72).

³ Как мы указывали М. Алборноз полагает, что признание автономии воли кодексом породило бы коллизию в рамках правовой системы Бразилии (María M. Albornoz, *Op. cit.*). При этом ст. 9 Вводного закона к Гражданскому кодексу Бразилии (даже в редакции 2018 г.) строго, не упоминая автономию воли сторон, предписывает: «Для квалификации и регулирования обязательств применяется закон страны, в которой они возникли» (Вводный закон к Гражданскому кодексу Бразилии 1942 г. (ред. 2018 г.) – Проектная группа ВШЭ «Современная конструкция международного частного права». URL: [https://pravo.hse.ru/data/2019/03/19/1186062916/Вводный%20закон%20к%20ГК%20Бразилии%20\(ред.2018\).pdf](https://pravo.hse.ru/data/2019/03/19/1186062916/Вводный%20закон%20к%20ГК%20Бразилии%20(ред.2018).pdf), дата обращения: 01 августа 2025 г.).

положения или совокупности положений конкретного акта с учетом общей характеристики осуществляемого им правового регулирования.

Значительную роль в деле универсальной унификации коллизионных норм, включая закрепление автономии воли – на первом этапе – для сторон договорных отношений международного характера, сыграла Гаагская конференция по международному частному праву, считающаяся старейшим институтом международно-правового характера в Гааге¹.

Следует отметить, что с момента проведения первой конференции в 1893 г. основным направлением работы Гаагской конференции выступала кодификация коллизионных норм, что объясняется неготовностью на данном этапе суверенных государств к унификации норм материального права². Так, 12 сентября 1893 г. на первой Гаагской конференции ее председатель Т. Ассер, предваряя во вступительной речи опасения участников, подчеркнул: «Мы уважаем суверенитет и автономию государств. Мы не стремимся к объединению всего гражданского права. Ведь, именно различие национальных законов заставляет чувствовать необходимость единообразного разрешения международных конфликтов»³.

По общему признанию ученых, Гаагская конвенция о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, 1955 г. является первым универсальным международным договором, провозгласившим автономию воли сторон

¹ Hans van Loon, “The Hague Conference on Private International Law” (2007) *Hague Justice Journal*, Vol. 2 (2) at 4. В 1955 г., с вступлением в силу устава (Устав Гаагской конференции по международному частному праву от 31 октября 1951 г. (г. Гаага) // Международное публичное право. Сборник документов. М.: БЕК, 1997. С. 1-3), Гаагская конференция по международному частному праву приобрела статус постоянно действующей международной организации и к настоящему времени насчитывает 92 участника, в том числе 90 государств и Европейский Союз (HCCH Members – Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/en/states/hcch-members>, дата обращения: 01 августа 2025 г.). Российская Федерация вступила в Гаагскую конференцию по международному частному праву в 2001 г. (Постановление Правительства РФ от 13 ноября 2001 г. № 784 (ред. от 28.06.2012) «О вступлении Российской Федерации в Гаагскую конференцию по международному частному праву» // СЗ РФ. 2001. № 47. Ст. 4449. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»).

² Проблемы унификации международного частного права / под ред. А. Л. Маковского, И. О. Хлестовой... (автор главы 1 – А. Л. Маковский).

³ Цит. по: *Мандельштам А. Н.* Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Т. I: Кодификация международного частного права. СПб.: Тип. А. Бенке, 1900. С. 262.

договорных отношений¹. В частности, ст. 2 конвенции гласит: «Купля-продажа регулируется внутренним правом страны, указанной договаривающимися сторонами». При этом следующая за ней ст. 3 конвенции закрепляет коллизионную привязку для договорного отношения на случай, «если сторонами не определено право, подлежащее применению». Таким образом, первостепенное значение при определении права, применимого к международной купле-продаже товаров, отдано автономии воли сторон.

Более того, ст. 2 конвенции также содержит определенные правила реализации предоставленной сторонам автономии воли. Во-первых, как указано в первом предложении статьи, стороны вправе избрать исключительно внутреннее право страны (но, например, не нормы *lex mercatoria* в качестве применимых к договору). При этом, как подчеркивается в литературе, данное положение не ограничивает стороны в выборе права «третьей» страны, объективно не связанной с договором². Во-вторых, ст. 2 конвенции допускает выбор права, как прямо выраженный, так и недвусмысленно вытекающий из положений договора. В этом отношении следует уточнить, что изложенный стандарт оценивается специалистами как «наиболее строгий», поскольку он «должен исключать какие-либо сомнения в отношении намерения сторон и может основываться только на условиях договора (но не других действиях сторон или иных обстоятельствах дела)»³. И, в-третьих, на основании анализируемой статьи условия, которые

¹ Вилкова Н. Г. Договорное право в международном обороте... С. 109; Покровская А. Б. Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом... С. 44-45.

В числе международных договоров, признающих автономию воли, данную конвенцию называют Е. И. Антонова (Антонова Е. И. Указ. соч. С. 21); Е. Л. Симатова (Симатова Е. Л. Автономия воли в российском международном частном праве: история, современность, перспективы... С. 169); Д. П. Стригунова (Стригунова Д. П. Правовое регулирование международных коммерческих договоров. В 2 т. Т. 2. Юстицинформ, 2018. Режим доступа: СПС «Гарант». Глава 4; Стригунова Д. П. Проблемы применения принципа автономии воли сторон в правовом регулировании международных коммерческих договоров. М.: Русайнс, 2024. С. 12); а также – в рамках общего принципа договорной свободы – А. Г. Аксенов (Аксенов А. Г. Договор международной купли-продажи товаров между субъектами предпринимательской деятельности стран СНГ. Инфотропик Медиа, 2012. Режим доступа: СПС «Гарант». Глава I).

² Малкин О. Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках... С. 111; Малкин О. Ю. Правовое регулирование выбора права сторонами договора... С. 60.

³ Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств... Раздел 1.4.3.

относятся к согласию сторон по вопросу о применимом праве, должны определяться избранным правом¹.

Заслуживает внимания тот факт, что в отчете специальной комиссии, подготовленном по итогам работы над проектом конвенции в 1931 г., указывались предложения отдельных делегатов ограничить избираемое сторонами право правом государств-участников; правом государств, имеющих определенную связь с договором; или определенным перечнем, включая право места заключения договора, право места исполнения, право места нахождения сторон. Однако все указанные предложения были отклонены². Как отмечает О. Ландо, весьма вероятно, что на позицию председателя комиссии Жюллио де ла Морандьера повлияли решения Кассационного суда Франции, датированные 1930-1931 гг. и устанавливающие, что выбор права позволителен, когда на повестке дня стоят вопросы международной торговли; при этом для договора международного характера не требуется близкая связь с избранной правовой системой³. Поддерживая данный подход, ученый также пишет, что сторонам договора должно быть дозволено выбрать право, которое содержит подходящие для их соглашения нормы; ограничение же выбора сторон заставит их заботиться о действительности такого выбора и станет препятствием для международной торговли⁴.

Особенно примечательным является то, что одновременно звучали и предложения, направленные на либерализацию установленного конвенцией стандарта автономии воли. Так, на Восьмой Гаагской конференции в 1956 г. ФРГ предложила две поправки к утвержденному в 1951 г. тексту, одна из которых была нацелена на признание обычая *qui elegit juridice elegit jus* («кто выбирает

¹ А. В. Асосков указывает, что данный подход был впервые закреплён именно Гаагской конвенцией 1955 г. и впоследствии был воспринят и развит, например, государствами Европейского Союза: сначала в п. 4 ст. 3 Конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам, а затем в п. 5 ст. 3 Регламента Рим I (Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств... Раздел 1.3.2).

² Ole Lando, "The 1955 and 1985 Hague Conventions on the Law Applicable to the International Sale of Goods" (1993) *The Rabel Journal of Comparative and International Private Law*, Vol. 57 (1/2 Hundert Jahre Haager Konferenz 1893-1993) at 161.

³ Ibid at 160-161.

⁴ Ibid at at 161.

суд, тот выбирает и право») ¹. Тем не менее, французская делегация, поддержанная большинством других делегаций, решительно отвергла любые изменения конвенции, выдвинув при этом аргумент технического характера – на дату проведения Восьмой Гаагской конференции конвенция была подписана, хотя не ратифицирована, рядом государств и поэтому не должна была заново выноситься на обсуждение².

На основании изложенного необходимо заключить, что положения Гаагской конвенции о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, касающиеся автономии воли сторон, могут быть оценены неоднозначно. С одной стороны, конвенция стала пионером в деле провозглашения принципа автономии воли на уровне универсального международного договора, унифицирующего коллизионные нормы. С другой стороны, она была разработана в условиях, когда международное сообщество было еще крайне далеко от согласия по вопросу об автономии воли даже в рамках договорных отношений международного характера и включало как адептов ограниченного подхода, так и сторонников большей либерализации. Вероятно, что отсутствие консенсуса, как минимум, в части автономии воли, могло стать одной из причин столь незначительного числа государств-участников данной конвенции.

Касательно значения анализируемых норм в целом А. М. Мирзоев справедливо указывает, что сформулированные в конвенции принципы, включая принцип автономии воли, оказали существенное влияние на последующие международно-правовые акты³.

¹ Как отмечает К. Надельман, в свете установленного конвенцией стандарта выбора права (прямо выраженного или недвусмысленно вытекающего из положений договора) суды не смогли бы применить обычай *qui elegit iudicem elegit ius* («кто выбирает суд, тот выбирает и право») (Kurt H. Nadelmann, "The Uniform Law on the International Sale of Goods: A Conflict of Laws Imbroglia" (1965) *Yale Law Journal*, Vol. 74 (3) at 451-452).

² Как следствие, в поддержку выдвинутых предложений голосовали только делегации Австрии, Турции, Швейцарии и ФРГ. При этом делегат Великобритании высказался в положительном ключе по предложению, касающемуся автономии воли, а председатель конференции, выступая от имени делегации Нидерландов, поддерживал обсуждение по существу обоих предложений (второе касалось возможного применения права покупателя) (Ibid at 452).

³ Мирзоев А. М. Применимое право в договорных отношениях в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2015. С. 88-89.

Важной вехой унификации коллизионного регулирования договорных обязательств была призвана стать разработка новой Гаагской конвенции о праве, применимом к международной купле-продаже товаров. В частности, в 1980 г. Четырнадцатая Гаагская конференция приняла решение о пересмотре Гаагской конвенции 1955 г. по двум основным причинам. Во-первых, на тот момент указанная конвенция действовала всего в девяти государствах¹, что объяснялось узким кругом участников процесса ее разработки² и из-за чего, «по мнению самой ГКМЧП, вряд ли можно было рассчитывать на дальнейшее распространение этой конвенции»³.

Во-вторых, что более важно, ранее в 1980 г. была принята Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров, направленная на унификацию материально-правовых норм, и, следовательно, для определения национального права, востребованного при решении вопросов за рамками ее регулирования, международному сообществу требовался актуальный свод коллизионных норм в соответствующей области⁴. При этом Гаагская

¹ На данный момент число государств-участников уменьшилось до восьми, так как 19 февраля 1999 г. конвенцию денонсировала Бельгия (Convention of 15 June 1955 on the Law applicable to International Sales of Goods: Status Table – Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=31>, дата обращения: 01 августа 2025 г.).

² Как пишет О. Ландо, Конвенция 1955 г. обсуждалась в то время, когда Гаагская конференция была обществом для избранных, в котором доминировали континентальные страны Западной Европы (Ole Lando, “The 1985 Hague Convention on the Law Applicable to Sales” (1987) *The Rabel Journal of Comparative and International Private Law*, Vol. 51 (1/2) at 61).

³ Лебедев С. Н., Мартынов А. С. Новая Гаагская конвенция о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров // *Внешняя торговля*. 1987. № 1. С. 42.

⁴ Тот факт, что новая Гаагская конвенция была своего рода ответом на Венскую конвенцию о договорах международной купли-продажи товаров и должна была служить дополнением последней, широко признан как в отечественной, так и в зарубежной литературе (Francis A. Gabor, “Emerging Unification of Conflict of Laws Rules Applicable to the International Sale of Goods: UNCITRAL and the New Hague Conference on Private International Law” (1986) *Northwestern Journal of International Law & Business*, Vol. 7 (4) at 698; Gabriël Moens & Peter Gillies, *International Trade and Business: Law, Policy and Ethics* (Abingdon: Cavendish Publishing, 2000) at 70; Maureen T. Murphy, “United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods: Creating Uniformity in International Sales Law” (1988) *Fordham International Law Journal*, Vol. 12 (4) at 742; Peter Winship, “Private International Law and the U.N. Sales Convention” (1988) *Cornell International Law Journal*, Vol. 21 (3 Symposium 1988) at 490; Вилкова Н. Г. Международные коммерческие контракты: теория и практика унификации правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 156; Лебедев С. Н., Мартынов А. С. Указ. соч. С. 42).

конференция приняла еще одно очень важное решение – об участии в ее работе государств, не являющихся ее членами, если в силу рассматриваемого предмета такое участие представляется необходимым¹. Как следствие, все члены ЮНСИТРАЛ, отвечавшей за разработку Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров², были приглашены поучаствовать в пересмотре Гаагской конвенции 1955 г.³

По итогам работы специальной комиссии в 1985 г. состоялась чрезвычайная сессия, в которой приняли участие более 60 делегаций, представлявших как развитые, так и развивающиеся страны различных регионов мира. Широкий спектр участников принятия новой Гаагской конвенции рассматривался специалистами как увеличивающий ее шансы на универсальное признание⁴. Однако на практике различия в подходах государств-участников к обсуждаемым вопросам и международному частному праву в целом обусловили особую сложность разработки новой конвенции. По мнению О. Ландо, в попытке найти компромиссные решения делегаты жертвовали простотой и ясностью⁵. С. Н. Лебедев и А. С. Мартынов подчеркивают, что «в ряде случаев предложения

¹ В этой связи С. Н. Лебедев цитирует доклад М. Пелише, который характеризует данное решение как «поворотный пункт в истории» конференции, оказавшейся перед выбором: «либо продолжать действовать в замкнутых рамках, с риском того, что результаты ее усилий полностью бы игнорировались, либо же принять изменение ориентации и открыть свои двери для государств-нечленов при разработке определенных проблем, считающихся универсальными» (Цит. по.: *Лебедев С. Н. К пересмотру Гаагской конвенции 1955 г. // Лебедев С. Н. Избранные труды... С. 577*).

² United Nations Conference on Contracts for the International Sale of Goods, United Nations General Assembly Resolution 33/93 of 16 December 1978 (86th plenary meeting) – Официальный сайт ООН [United Nations Treaty Collection]. URL: https://treaties.un.org/doc/source/docs/A_RES_33_93-E.pdf (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

³ Согласно п. 2 Пояснительного отчета к конвенции 11 государств, не являющихся членами конференции, приняли участие в первом заседании специальной комиссии в 1982 г. и 13 – во втором заседании в 1983 г. (Convention on the Law applicable to Contracts for the International Sale of Goods, Explanatory Report by Arthur T. von Mehren, ed. by the Permanent Bureau of the Conference (1987) at 15; далее по тексту – Explanatory Report by Arthur T. von Mehren).

⁴ Ole Lando, The 1985 Hague Convention on the Law Applicable to Sales... at 61. Примечательно, что уже через шесть лет тот же автор писал: «Имелась надежда, что широкий спектр участников принятия Конвенции 1965 г. увеличит ее шансы на универсальное признание. Сомнительно, случится ли это» (Ole Lando, The 1955 and 1985 Hague Conventions on the Law Applicable to the International Sale of Goods... at 157).

⁵ Ibid at 159.

принимались большинством всего в несколько голосов», – и делают вывод: «Все это в конечном итоге, возможно, и явилось причиной того, что в день ... открытия новой конвенции для подписания она не была подписана ни одним из представленных на сессии государств»¹.

К настоящему моменту Гагская конвенция о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, не вступила в силу, так как не была принята достаточным количеством государств². Вместе с тем, в литературе широко признан тот факт, что разработка ее положений способствовала сближению позиций государств по вопросам коллизионного регулирования договоров международной купли-продажи товаров (и, в том числе, автономии воли сторон), что повлияло на дальнейшую работу по унификации коллизионных норм и отразилось на процессе реформирования национальных законодательств ряда стран³. В частности, А. Боджиано пишет, что участие государств Латинской Америки в разработке Гагской конвенции 1986 г., несомненно, стало весьма значимым шагом на пути к признанию принципа автономии воли в этих государствах⁴.

Более того, с точки зрения эволюции принципа автономии воли позиции отдельных делегатов, высказанные в ходе разработки соответствующих положений Гагской конвенции 1986 г., являются ценным ресурсом для формирования представления о степени признания этого правового принципа международным сообществом в конкретный исторический период. Так, п. 1 ст. 7

¹ Лебедев С. Н., Мартынов А. С. Указ. соч. С. 43.

² Согласно ст. 27 конвенции она вступает в силу при условии принятия пятью государствами. К настоящему моменту Аргентина ратифицировала конвенцию, а Молдавия присоединилась к конвенции. При этом Нидерланды только подписали конвенцию, а Чехия и Словакия признали себя связанными подписанием конвенции Чехословакией (Convention of 22 December 1986 on the Law applicable to Contracts for the International Sale of Goods: Status Table – Официальный сайт Гагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=61>, дата обращения: 01 августа 2025 г.).

³ Мирзоев А. М. Указ. соч. С. 91; Проблемы унификации международного частного права / под ред. А. Л. Маковского, И. О. Хлестовой... (автор главы 6 – М. П. Шестакова).

⁴ Antonio Boggiano, “The Contribution of the Hague Conference to the Development of Private International Law in Latin America” (1992) in *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, Vol. 233 (Martinus Nijhoff Publishers, 1993) at 135-136.

конвенции устанавливает: «Договор купли-продажи регулируется правом, выбираемым сторонами»¹. Существенным отличием данного положения от нормы ст. 2 Гагской конвенции 1955 г. является отсутствие указания на *внутреннее* право *страны*. Однако отсутствие этого указания в тексте новой конвенции вовсе не означает автоматического санкционирования выбора вненациональных источников.

Этот вопрос вызвал весьма острую дискуссию в привязке к ст. 15 Гагской конвенции, которая гласит: «Термин “право” в Конвенции означает действующее в государстве право за исключением коллизионных норм». Хотя указанное положение было направлено на решение проблемы обратной отсылки, традиционно исключаемой в документах Гагской конференции, делегация Швеции высказала опасения касательно того, что оно может быть истолковано как препятствующее выбору общих принципов права или *lex mercatoria* на том основании, что они не являются «действующими в государстве» и, следовательно, не охватываются термином «право», используемым в ст. 7 конвенции².

Делегаты Австрии и США согласились, что стороны должны быть свободны выбрать право, не являющееся действующим в государстве, и на этом основании поддержали предложение делегации Швеции³. Однако такая позиция встретила и яростное сопротивление. Например, делегат ФРГ отметил, что «он не хотел бы, чтобы суды его страны были обязаны признавать, например, право Древнего Рима или любое другое право, которое стороны могли бы выбрать»⁴, а другой делегат, как указывает О. Ландо, назвал *lex mercatoria* «правом Микки Мауса»⁵. Как следствие, предложение делегации Швеции было отклонено, но при близких результатах: 17 – против, 14 – за и 10 – воздержались. Докладчик

¹ Важно, что, как указано в п. 46 Пояснительного отчета к конвенции, ни одна делегация не возражала против общего утверждения о том, что стороны, в принципе, свободны выбрать право, регулирующее их договор (Explanatory Report by Arthur T. von Mehren... at 25).

² На основании изложенного, делегация Швеции предложила такую формулировку ст. 15 конвенции: «В данной Конвенции термин “право” не охватывает правил международного частного права» – п. 149 Пояснительного отчета (Explanatory Report by Arthur T. von Mehren... at 47).

³ П. 152 Пояснительного отчета (Ibid at 49).

⁴ Ibid.

⁵ Ole Lando, The 1985 Hague Convention on the Law Applicable to Sales... at 66.

следующим образом сформулировал выводы, которые следовало бы из этого сделать: «Представляется, что имеется согласие относительно того, что эта статья [15] ... касается исключительно обратной отсылки. Вопрос о нормах права, которые не являются частью национального права, является тем, на который Конвенция не дает ответа»¹.

Изложенное позволяет сделать два вывода: во-первых, уже в середине второй половины XX в. международное сообщество было близко к тому, чтобы вполне определенно санкционировать выбор сторонами договора купли-продажи вненациональных источников, а, во-вторых, лаконичное указание Гагской конвенции 1986 г., на «право, выбираемое сторонами», не означает ни санкционирования, ни запрета выбора вненациональных источников, оставляя данный вопрос принципиально открытым.

Не менее острую дискуссию вызвал вопрос о так называемых подразумеваемых соглашениях. Ст. 2 Гагской конвенции 1955 г. устанавливает строгие требования, согласно которым выбор права должен быть прямо выражен «или же недвусмысленно вытекать *из положений договора*». В свою очередь ст. 7 Гагской конвенции 1986 г. устанавливает более либеральный стандарт, на основании которого выбор сторон должен быть явно выражен «или прямо вытекать *из условий договора и поведения сторон*, рассматриваемых в их совокупности».

Тем не менее, в Пояснительном отчете к конвенции отмечается, что в ходе дискуссии по данному вопросу был выявлен широчайший спектр позиций, как-то: одни делегации настаивали на признании только явно выраженного выбора, другие признавали подразумеваемые соглашения, но настаивали на определенности их показателей (например, только на основании положений договора или на основании взаимоотношений сторон в совокупности с терминологией договора)². В советской литературе обращается внимание на предложение делегации СССР предусмотреть исчерпывающий перечень

¹ П. 153 Пояснительного отчета (Explanatory Report by Arthur T. von Mehren... at 49).

² П. 46 Пояснительного отчета (Ibid at 25).

«обстоятельств, которые сами по себе не должны рассматриваться как выражение согласия сторон о выборе применимого права, например, место заключения договора, язык, на котором он составлен, ... оговорка о рассмотрении споров в суде или арбитраже определенной страны»¹. Несмотря на то, что данное предложение было отклонено, в Пояснительном отчете к конвенции констатируется широкое – хотя и не единогласное – признание того, что один элемент, взятый в отдельности, не образует соглашение сторон для целей ст. 7².

На основании изложенного необходимо заключить, что Гагская конвенция 1986 г., допуская выбор права, вытекающий из совокупности условий договора и поведения сторон, свидетельствует о либерализации требований международного сообщества к доказыванию соглашения сторон. Однако, как обоснованно подчеркивают С. Н. Лебедев и А. С. Мартынов, проявляя в данном вопросе больше гибкости, новая конвенция, безусловно, остается «в рамках реальной, а не “гипотетической” воли сторон»³.

Существенным отличием Гагской конвенции 1986 г. от ее предшественницы является также фактическая легализация депесяжа. Ст. 7 конвенции устанавливает, что выбор сторон «может ограничиваться частью договора». Хотя отдельные делегации возражали против этой возможности, обосновывая свою позицию связанными с ней сложностями и нарушением целостности применяемых норм и принципов, возражения были отклонены существенным большинством⁴.

Вместе с тем, значительное внимание было уделено юридической технике ст. 7 конвенции, которая допускает выбор права для одной части договора

¹ Лебедев С. Н., Мартынов А. С. Указ. соч. С. 44.

² П. 49 Пояснительного отчета также указывает, что ст. 7 конвенции требует, чтобы элементы, относящиеся к выбору сторон, оценивались в контексте, не изолированно; они должны «рассматриваться в их совокупности» (Explanatory Report by Arthur T. von Mehren... at 27).

³ Авторы критикуют так называемую «гипотетическую» волю сторон как категорию, «которая широко используется в судебной практике некоторых стран, особенно воспринявших систему англосаксонского “общего права”, и объективно наделяет суд неограниченной дискреционной властью при определении компетентного правопорядка» (Лебедев С. Н., Мартынов А. С. Указ. соч. С. 43-44).

⁴ П. 50 Пояснительного отчета (Explanatory Report by Arthur T. von Mehren... at 27).

(оставляя другую часть на регулирование праву, избираемому посредством коллизионной нормы), но при этом не санкционирует прямо выбор самими сторонами различного применимого права для различных частей договора. В связи с изложенным и в целях достижения ясности делегация США предложила прямо санкционировать депесаж, однако это предложение было отклонено, но не потому что делегации были категорически против депесажа, а потому что им больше импонировал подход специальной комиссии: преследуя цель допустить депесаж, установить в то же время опровержимую презумпцию против него¹. Как следствие, получило общее признание видение, согласно которому имелся консенсус относительно того, что текст конвенции прямо не запрещает депесаж и, следовательно, стороны могут выбрать разное право для регулирования договора, однако специальная комиссия не пожелала установить это в конвенции прямо².

Прогрессом Гаагской конвенции 1986 г. является также развернутая регламентация последующего выбора права³, которая включает защиту интересов третьих лиц (мотивированную вескими практическими примерами⁴) и охрану формальной действительности договора⁵. При этом в отношении вопросов, касающихся наличия и материальной действительности выбора применимого права, новая конвенция в целом сохраняет подход, выработанный ее предшественницей, по общему правилу относя их к сфере действия выбранного права⁶.

¹ П. 51-53 Пояснительного отчета (Explanatory Report by Arthur T. von Mehren... at 27).

² П. 54 Пояснительного отчета (Ibid).

³ Первое предложение п. 2 ст. 7 конвенции устанавливает: «Стороны могут в любое время договориться о подчинении договора в целом или его части какому-либо иному праву, помимо права, которым он регулировался ранее, независимо от того, что право, ранее регулировавшее договор, было выбрано сторонами».

⁴ В качестве обоснования необходимости защиты интересов третьих лиц при последующем выборе права в п. 55 Пояснительного отчета приводится следующий пример: лицо выступает в качестве поручителя в отношении покупателя; согласно праву, применимому на момент заключения договора купли-продажи, поручительство имеет определенную защиту; на это не должны влиять последующие изменения в применимом праве (Ibid).

⁵ Второе предложение п. 2 ст. 7 конвенции устанавливает: «Любое изменение сторонами применимого права после заключения договора не наносит ущерба формальной действительности договора или правам третьих лиц».

⁶ Регламентация указанных вопросов вынесена в п.п. 1, 3 ст. 10 конвенции. При этом согласно п. 2 ст. 10 конвенции наличие и материальная действительность договора или его

По итогам проведенного анализа необходимо сделать следующие выводы. Гагская конвенция о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, безусловно свидетельствует о развитии принципа автономии воли в международном частном праве значительного числа государств (по меньшей мере, участвовавших в ее разработке). Вместе с тем, подготовительные материалы к конвенции выявляют широкий спектр точек зрения на выбор права сторонами, вплоть до диаметрально противоположных. Как следствие, вынужденно компромиссный характер зафиксированных в конвенции решений и, что примечательно, прямой отказ разработчиков дать ответ на существенные вопросы реализации автономии воли (включая выбор вненациональных источников и депесаж), вероятно, стали одними из факторов, из-за которых конвенция, требовавшая лишь пять государств-участников, до сих пор не вступила в силу.

В заключение важно отметить, что несмотря на то, что Гагская конвенция 1955 г. имеет незначительное число участников, а Гагская конвенция 1986 г. вообще не вступила в силу, закрепленные в них общие принципы (в частности, автономия воли сторон договора международной купли-продажи) имеют потенциал практического применения в международном коммерческом арбитраже, с учетом его денационализированного характера и в рамках тенденции к применению общих принципов коллизионного регулирования, которые содержатся в актах международного характера, в том числе не вступивших в силу¹.

условий определяются правом, которое регулировало бы договор или его условия, если бы они были действительными (даже в том случае, когда такое право было изменено последующим выбором сторон). В отношении последнего аспекта имелось общее согласие в связи с тем, что, как образно отмечается в Пояснительном отчете к конвенции, «разумно требовать от сторон лечь в постель, которую они только что приготовили» – п. 57 Пояснительного отчета (Explanatory Report by Arthur T. von Mehren... at 29).

¹ *Асосков А. В.* Коллизионное регулирование договорных обязательств... Раздел 4.3.1. В частности, в литературе указывается на применение общих принципов Гагской конвенции 1955 г. арбитражами Международной торговой палаты (Linda Silberman & Franco Ferrari, “Getting to the Law applicable to the Merits in International Arbitration and the Consequences of Getting it Wrong” (2010) NYU Law & Economics Research Paper No. 10-40. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1674605, дата обращения: 01 августа 2025 г., глава II.2.b.7). Более того, А. В. Асосков в этом отношении цитирует Ю. Базедова, по мнению которого

На основании изложенного можно сделать следующие выводы. Во-первых, Гагская конвенция о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, 1955 г. является действующим правовым инструментом, положения которого следует учитывать отечественным субъектам внешнеторговой деятельности при взаимодействии с национальными лицами ее государств-участников. Однако незначительное число участников данной конвенции позволяет сделать вывод более общего характера о том, что в таких условиях цели унификации, состоящие в создании единообразного поля коллизионного регулирования на значительной территории, нельзя считать достигнутыми.

Во-вторых, сравнительно-правовой анализ положений об автономии воли, которые закреплены в действующей Гагской конвенции 1955 г. и до сих пор не вступившей в силу Гагской конвенции 1986 г., позволяет сделать вывод о существенном расширении – в конкретный исторический период – возможностей сторон договора международной купли-продажи товаров по выбору применимого права. Вместе с тем, как показывают подготовительные материалы к данным конвенциям, прогрессивные положения международных документов были зафиксированы на фоне широчайшего спектра позиций государств, имеющих зачастую полярный характер, что по всей видимости стало причиной незначительного распространения первой конвенции и невступления в силу второй.

В-третьих, несмотря на гипотетическую возможность применения в международном коммерческом арбитраже общих принципов коллизионного регулирования, в том числе закрепленных в международных документах, не действующих для связанных с отношением государств или вообще не вступивших в силу, Гагские конвенции 1955 и 1986 гг. могут быть использованы лишь для констатации принципа автономии воли как такового, потому что Гагская конвенция 1955 г. устанавливает устаревший строгий стандарт для

международные договоры целесообразно использовать для отыскания общих принципов в силу того, что они содержат «сравнительно-правовое *ratio scripta*» (Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств... Раздел 4.3.1), что в полной мере подтверждается описанным нами в части автономии воли процессом разработки Гагских конвенций 1955 и 1986 гг.

соглашений о применимом праве (внутреннее право страны; выбор, основанный исключительно на условиях договора), а Гагская конвенция 1986 г., как свидетельствуют подготовительные материалы, намеренно устраняется от решения целого ряда принципиальных вопросов (выбор вненациональных источников; депесаж).

Гагские принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах, 2015 г.¹ знаменуют собой новейший этап в развитии принципа автономии воли в коллизионном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом.

По всей видимости, именно тот факт, что Гагская конвенция 1955 г. имеет незначительное число участников, а Гагская конвенция 1986 г. не вступила в силу, привел к разработке на уровне Гагской конференции по международному частному праву первого в ее истории юридически необязательного документа – Принципов, касающихся выбора права в международных коммерческих договорах². Гагские принципы были утверждены в 2015 г. и получили широчайшее признание в международном сообществе – в том же 2015 г. они были одобрены ЮНСИТРАЛ³ и выступили в качестве основы для разработки Парагваем закона о праве, применимом к международным контрактам¹.

¹ Приведенное название на русском языке содержится в документе Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу одобрения принципов Комиссией ООН по праву международной торговли. В отечественной специальной литературе имеются и другие редакции названия анализируемого документа (*Зыкин И. С.* Гагские принципы о выборе применимого права к международным коммерческим договорам // *Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота: сб. ст. / под ред. А. С. Комарова. М.: Статут, 2016. С. 73-93*).

² В комментарии Гагской конференции к принципам отмечается: «Несмотря на то, что Гагская конференция не исключает возможность разработки обязательного инструмента в будущем, она считает, что рекомендательный набор необязательных принципов является более подходящим в настоящее время для продвижения признания принципа автономии в выборе права, применимого к международным контрактам, и формирования тщательно разработанных правовых режимов, применяющих этот принцип в сбалансированной и рабочей манере» – п. 1.9 комментария (*Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts (Hague: The Hague Conference on Private International Law Permanent Bureau, 2015)* – Официальный сайт Гагской конференции по международному частному праву. URL: <https://assets.hcch.net/docs/5da3ed47-f54d-4c43-aaef-5eafc7c1f2a1.pdf>, дата обращения: 01 августа 2025 г., at 24).

³ ЮНСИТРАЛ рекомендовала использовать Гагские принципы судам и арбитражам; как модельный акт для национальных, региональных, наднациональных и международных инструментов; для целей толкования, дополнения и развития норм международного частного

Динамика развития принципа автономии воли, заложенная, в первую очередь, в рамках договора международной купли-продажи товаров в Гаагской конвенции 1955 г. и получившая развитие в Гаагской конвенции 1986 г., обрела феноменальное продолжение в Гаагских принципах 2015 г., охватывающих международные коммерческие договоры в целом. При этом мы полагаем, что отсутствие необходимости согласования позиций делегатов в отношении будущего юридически обязательного инструмента выступило одним из факторов, позволивших разработчикам сформулировать чрезвычайно прогрессивные и либеральные положения в анализируемой области.

В отличие от Гаагской конвенции 1955 г. принципы отходят далеко от устаревшего строгого стандарта автономии воли, а в отличие от Гаагской конвенции 1986 г. – адресуют самый широкий спектр вопросов ее реализации в международных коммерческих договорах: санкционируют депесаж (п. 2 ст. 2); последующий выбор (п. 3 ст. 2); выбор несвязанного права (п. 4 ст. 2); выбор вненациональных источников (если *lex fori* это не запрещает – ст. 3); прямо выраженный и подразумеваемый выбор (ст. 4) и др.

Изложенное позволяет заключить, что, с одной стороны, Гаагские принципы являются бесспорной иллюстрацией широко признанной специалистами тенденции в области правового регулирования международных договорных отношений, состоящей в укреплении и расширении сферы действия принципа автономии воли сторон², но с другой, их рекомендательный характер свидетельствует о том, что в современный период (как и в период разработки

права – п. 240 отчета (Report of the United Nations Commission on International Trade Law, Forty-eight session: 29 June – 16 July 2015, General Assembly Official Records, Seventieth session, Supplement No. 17, A/70/17 – Официальный сайт ООН [Official Document System]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/V15/054/52/PDF/V1505452.pdf?OpenElement>, дата обращения: 01 августа 2025 г., at 46).

¹ Paraguayan Law 5393 of 2015 “Regarding the Applicable Law to International Contracts” – Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: https://assets.hcch.net/upload/contractslaw_py.pdf (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

² Симатова Е. Л. Проект Гаагских принципов выбора права в международных коммерческих договорах как отражение тенденции расширения сферы действия принципа автономии воли сторон в международном частном праве // Актуальные проблемы развития гражданского права и процесса на современном этапе: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Герасимова. Краснодар: КрУ МВД России, 2015. С. 235-236.

Гаагских конвенций 1955 и 1986 гг.) международное сообщество еще не готово к юридически обязательному закреплению прогрессивного и либерального стандарта в анализируемой области.

Выделение трех опорных точек в хронологии международно-правового закрепления автономии воли участников гражданских (как наиболее показательных – договорных) отношений, осложненных иностранным элементом, позволяет нам обобщить три следующих вывода.

Анализ Кодекса Бустаманте позволяет опровергнуть устоявшийся в юридической литературе тезис о том, что этот международный договор непосредственно устанавливает автономию воли как принцип международного частного права, поскольку заключение о провозглашении правового принципа каким-либо источником права требует определенной терминологии положения или совокупности положений соответствующего акта с учетом общей характеристики осуществляемого им правового регулирования.

Анализ Гаагских конвенций, посвященных праву, применимому к договору международной купли-продажи товаров, 1955 г. и 1986 г. позволяет сделать вывод о существенном расширении – в конкретный исторический период – возможностей сторон договора международной купли-продажи товаров по выбору применимого права. Тем не менее, в реальном практическом преломлении указанные документы могут быть использованы исключительно для констатации принципа автономии воли как такового, поскольку Гаагская конвенция 1955 г. имеет крайне незначительное количество участников и закрепляет устаревший строгий «стандарт» для соглашений о применимом праве (внутреннее право страны; выбор, основанный только на условиях договора), а Гаагская конвенция 1986 г. вообще не вступила в силу и при этом намеренно устраняется от решения целого ряда принципиальных вопросов (выбор вненациональных источников; депесаж).

Анализ Гаагских принципов 2015 г. свидетельствует о том, что данный документ образует логическое продолжение работы Гаагской конференции по международному частному праву, которая в силу фактического «провала»

нескольких подряд международных договоров в области коллизионного регулирования договорных отношений впервые приняла рекомендательный документ. С одной стороны, упрощенный порядок его принятия позволил закрепить максимально прогрессивные на текущем этапе правила реализации автономии воли, но с другой, рекомендательный характер не дает ему качество обязательного для государств инструмента, оставляя его применение преимущественно в поле международного коммерческого арбитража и базы для совершенствования национальных законодательств.

Вместе с тем, важно оговориться, что выбор проанализированных международных документов был обусловлен задачей в условиях многообразия источников об автономии воли проследить на наиболее показательных из них хронологию ее становления в качестве принципа коллизионного регулирования и на этой основе спрогнозировать траекторию ее дальнейшего развития. Соответственно, нельзя не учитывать, что имеются и многие другие международные договоры и акты рекомендательного характера, в той или иной мере придающие юридическое значение автономии воли сторон.

Однако степень признания автономии воли может существенно различаться в свете различающихся предписаний международно-правовых инструментов. Так, широко известная в области торгового мореплавания Брюссельская конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте 1924 г. (Гаагские правила)¹ явилась одним из первых инструментов унификации материально-правовых норм, определяющим минимальные стандарты, прежде всего, в отношении

¹ Международная конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте – Гаагские правила (г. Брюссель, 25 августа 1924 г.) // Многосторонние международные соглашения о морском транспорте. М., 1983. Российская Федерация участвует за счет присоединения к Протоколу об изменении конвенции от 21 декабря 1979 г. (Федеральный закон от 06 января 1999 г. № 17-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Протоколу об изменении Международной конвенции об унификации некоторых правил о коносаменте от 25 августа 1924 года, измененной Протоколом от 23 февраля 1968 года» // СЗ РФ. 1999. № 2. Ст. 244). В ходе развития международно-правового регулирования морских перевозок вносились изменения и дополнения в Гаагские правила и разрабатывались новые международные договоры, имеющие такую же, по сути, охранительную направленность.

ответственности морского перевозчика¹. Соответственно, как справедливо заключает С. А. Гуреев, «возможность выбора сторонами иного права, чем “Гаагские правила”, ограничена при заключении ими договоров морской перевозки грузов по коносаменту императивными нормами ... конвенции ... и принятых на ее основе национальных законов»².

Вместе с тем, практика судов отдельных зарубежных стран свидетельствует о признании автономии сторон в части расширения сферы действия международного договора. Например, Кассационный суд Франции в деле *Hiliare Maurel* квалифицировал отсылку в договоре к Гаагским правилам, которые на общих основаниях не применялись к отношениям сторон, как выбор применимого права, а не как инкорпорацию в качестве договорных условий и отклонил те положения договора сторон, которые противоречили императивным нормам избранных правил³.

В числе международных договоров регионального характера внимания заслуживает Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, ст. 11 которого посвящена коллизионному регулированию⁴. Так, для прав и обязанностей сторон по сделке п. «е» указанной статьи признает автономию воли посредством оговорки «если иное не предусмотрено соглашением сторон», не сопровождая ее какими-либо правилами достижения странами такого рода соглашения. Для вещных прав на имущество, выступающее предметом сделки, п. «в» той же статьи содержит такую же оговорку, тем самым не ограничивая стороны выбором статута сделки и

¹ Ерпылева Н. Ю. Актуальные проблемы теории и практики международного транспортного права // Адвокат. 2003. № 2. Режим доступа: СПС «Гарант».

² Гуреев С. А. Коллизионные проблемы морского права. М.: Международные отношения, 1972. С. 25.

³ Кискачи М. А. Допустимость выбора принципов УНИДРУА в качестве применимого права в случае рассмотрения спора в суде // Российский юридический журнал. 2019. № 5. Режим доступа: СПС «Гарант».

⁴ Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 г. (г. Киев) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 4. Российская Федерация участвует в соглашении (Постановление Верховного Совета РФ от 09 октября 1992 г. № 3620-1 «О ратификации Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 44. Ст. 2472).

не устанавливая изъятие в целях защиты прав третьих лиц. Наконец, для деликтных обязательств п. «ж» той же статьи предусматривает императивные коллизионные нормы, не упоминая о возможности сторон в какой-либо мере договориться об ином применимом праве.

Изложенное поднимает ряд весьма значимых вопросов. Во-первых, в отношении договорных обязательств в условиях принципиального признания приоритета автономии воли сторон над коллизионной отсылкой *lex loci contractus* предположим, что недостающие правила ее реализации (в части допустимости последующего выбора, подразумеваемых соглашений, депесаж и др.) могут быть восполнены правилами страны суда или признанными стандартами (в частности, Гаагскими принципами 2015 г.) в случае рассмотрения спора международным коммерческим арбитражем.

Во-вторых, в отношении вещных прав на имущество, выступающее предметом сделки, с одной стороны, важно поддержать признание неограниченной автономии воли в международном договоре, принятом почти за десять лет до появления части третьей ГК РФ. Однако, с другой стороны, нельзя не указать, что выбор сторонами «третьего» права наряду со статутом сделки и привязкой *lex rei sitae* с большой долей вероятности породит существенные противоречия и риски, и даже в отсутствие писаного ограничения в интересах третьих лиц вряд ли выбор права сторонами может наносить ущерб их правам – по принципу *res inter alios acta alteri nocere non debet* («сделки между некоторыми лицами не должны быть во вред третьим лицам»¹).

Наконец, в отношении деликтных обязательств следует поставить вопрос о том, должен ли суд признавать автономию воли там, где применимый международный договор содержит исключительно императивную коллизионную норму, а национальное законодательство позволяет сторонам выбирать применимое право, хотя и с некоторыми ограничениями. Данный вопрос актуален и для арбитража с тем отличием, что ширина охвата и правила реализации

¹ Словарь латинских терминов и выражений – АРЭ. URL: <https://far-aerf.ru/slovar-latinskih-terminov-i-vyrazhenij> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

автономии воли будут зависеть от законодательства локализации арбитража, его регламента и, в особенности, от сложившейся арбитражной практики.

Поставленный вопрос приобретает еще большее значение в свете того, что одновременно имеются и многочисленные двусторонние международные договоры, которые также включают некоторое количество коллизионных норм. Например, императивные коллизионные нормы, не включающие оговорку о дозволении иного выбора применимого права сторонами, предусмотрены для деликтных обязательств международными договорами, которые заключены Российской Федерацией как с государствами-участниками упомянутого Соглашения стран СНГ: как-то, с Азербайджаном (ст. 40)¹ и Кыргызстаном (ст. 40)², – так и с иными странами: Вьетнамом (ст. 37)³, Египтом (ст. 27)⁴, Индией (ст. 21)⁵, Ираном (ст. 34)⁶, Молдовой (ст. 40)⁷, Монголией (ст. 25)⁸, Польшей (ст. 37)⁹.

¹ Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 декабря 1992 г. (г. Москва) // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1598.

² Договор между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 14 сентября 1992 г. (г. Бишкек) // Бюллетень международных договоров. 1995. № 3.

³ Договор о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам от 25 августа 1998 г. (г. Москва) // СЗ РФ. 2012. № 42. Ст. 5682.

⁴ Договор между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам от 23 сентября 1997 г. (г. Москва) // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2896.

⁵ Договор между Российской Федерацией и Республикой Индией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и торговым делам от 03 октября 2000 г. (г. Нью-Дели) // СЗ РФ. 2002. № 50. Ст. 4924.

⁶ Договор между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 05 марта 1996 г. (г. Тегеран) // СЗ РФ. 2000. № 47. Ст. 4579.

⁷ Договор между Российской Федерацией и Республикой Молдова о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 25 февраля 1993 г. (г. Москва) // СЗ РФ. 1995. № 20. Ст. 1766.

⁸ Договор о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам между Российской Федерацией и Монголией от 20 апреля 1999 г. (г. Улан-Батор) // СЗ РФ. 2008. № 22. Ст. 2490.

⁹ Договор о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам между Российской Федерацией и Республикой Польша от 16 сентября 1996 г. (г. Варшава) // СЗ РФ. 2002. № 7. Ст. 634.

В свете ч. 4 ст. 15 Конституции РФ¹ при строго формальном подходе можно прийти к выводу, что для трансграничных деликтных обязательств, попадающих в сферу действия указанных международных договоров, выбор применимого права будет подчинен исключительно императивным коллизионным нормам международного договора, не допуская при этом автономии воли сторон соответствующего обязательства. Однако этот вывод представляется практически неэффективным по ряду причин.

Во-первых, важно учитывать, что перечисленные международные договоры по общему правилу разрабатывались до принятия части третьей ГК РФ, а потому не могли ориентироваться на установки раздела VI об автономии воли в деликтах и тем более на последующую эволюцию исследуемого принципа в отечественном коллизионном праве. Интересное исключение составляет Кишиневская конвенция о правовой помощи², которая была принята в 2002 г., ратифицирована Российской Федерацией в 2021 г.³ и при этом дословно воспроизвела императивные коллизионные нормы о деликтах, установленные предшествовавшей Минской конвенцией 1993 г.⁴

Во-вторых, особенно важно, что все приведенные международные договоры охватывают широкий круг вопросов правовой помощи по гражданским (коммерческим, торговым), семейным и уголовным делам, вследствие чего коллизионным нормам в них посвящено весьма ограниченное количество статей (в упомянутом Соглашении стран СНГ – всего одна). На этом основании мы считаем, что содержание коллизионных положений международного договора свидетельствует лишь о том, что именно в этом объеме государства были готовы

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398. Режим доступа: СПС «Гарант».

² Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07 октября 2002 г. (г. Кишинев) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 2002. № 2 (41). С. 82-130.

³ Кишиневская конвенция ратифицирована Российской Федерацией с рядом оговорок, но ст. 45, посвященная возмещению вреда, принята в имеющейся редакции (Федеральный закон РФ от 30 декабря 2021 г. № 452-ФЗ «О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» // СЗ РФ. 2022. № 1 (ч. 1). Ст. 21).

⁴ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (г. Минск) // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1472.

достигнуть договоренности. Это не означает, что не получившие отражения в международном договоре институты и тем более принципы не имеют права на существование и не могут быть восполнены из свода коллизионных положений, имеющих в арсенале суда или арбитража. Простейшей иллюстрацией в этой связи могут выступить институты публичного порядка и норм непосредственного применения, которые вне зависимости от закрепления в международных договорах, унифицирующих коллизионные нормы, будут служить ограничениями применения иностранного права в судебном правоприменении.

Наконец, сугубо в практическом ключе сложно представить ситуацию, в которой суд Российской Федерации откажет сторонам деликтного отношения в совершенном ими после наступления обстоятельства, повлекшего причинение вреда, выборе права, если такой выбор осуществлен без ущерба для прав третьих лиц и не ограничивается общими коллизионными институтами, но лишь на том основании, что конкретное управомочивающее положение отсутствует в международном договоре, который изначально принимался с целью обеспечить всем равные возможности «для защиты своих прав и законных интересов»¹.

Изложенное позволяет сделать вывод, что в качестве общего принципа коллизионного регулирования автономия воли имеет потенциал признания в деликтных обязательствах даже в тех случаях, когда она не получает закрепления в коллизионных положениях унифицирующих международных договоров.

Более того, в качестве заключительного примера трансформации автономии воли из правомочия сторон отдельно взятых (прежде всего, договорных) отношений в коллизионный принцип общего действия коснемся вопроса о признании *lex voluntatis* в трудовых отношениях. В силу ст. 327.1 ТК РФ трудовые отношения работодателя и иностранных работников подчиняются отечественному трудовому законодательству за исключениями, установленными законами или международными договорами². Так, дозволение сторонам

¹ Преамбула Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 г.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3. Режим доступа: СПС «Гарант».

трудового договора выбирать применимое право предусмотрено договорами о правовой помощи между Россией и Монголией (ст. 26), Польшей (ст. 44), а также Вьетнамом (ст. 44)¹. В данном случае управомочивающие нормы международных договоров убедительно подтверждают, что концептуально автономия воли может быть распространена и на трудовые отношения, осложненные иностранным элементом. При этом вслед за отмеченными международными договорами ученые высказываются как о том, что «в современных реалиях представляется необходимым вести речь о допустимости выбора применимого права с трудовому договору»², так и значительно более смело в русле о том, что автономия воли «фактически признается российской правовой системой исходя из общей диспозитивной направленности трудового права (по принципу «что не запрещено, то разрешено»)³.

Таким образом, проведенное в этом параграфе исследование в целом позволяет и на уровне международных актов выявить устойчивую тенденцию прогрессивного развития идеи об автономии воли участников гражданских (прежде всего, договорных) отношений, осложненных иностранным элементом. Однако в области международного нормотворчества закрепление автономии воли характеризуется существенной особенностью – прогрессивное развитие содержания данного принципа хронически «обгоняет» готовность государств к фиксации этого содержания на уровне юридически обязательного инструмента. Как следствие, образуется противоречие – более строгий стандарт автономии воли не будет востребован как не отвечающий ее актуальному состоянию, а более современный – даже в случае компромиссного закрепления в проекте международного договора, как показал пример Гаагских конвенций 1955 и

¹ Для последнего с оговоркой о признании автономии воли сторон трудового договора, «если это не запрещено законодательством Договаривающейся Стороны, на территории которой осуществляются ... трудовые отношения».

² Отмечая, вместе с тем, необходимость учета «императивных норм российского трудового законодательства, защищающего права работника» (*Стригунова Д. П., Эриашвили Н. Д.* О праве, применимом к трудовому договору с иностранцем // Государственная служба и кадры. 2022. № 2. С. 138).

³ На наличие такой точки зрения в отечественной доктрине указывает В. А. Канашевский (*Канашевский В. А.* Международное частное право: учебник. М.: Международные отношения, 2024. С. 993).

1986 гг., повлечет незначительное количество участников или даже невступление такого договора в силу. Представляется, что именно обозначенное противоречие привело к тому, что прогрессивный стандарт автономии воли получил закрепление в первом в истории Гаагской конференции по международному частному праву рекомендательном акте – Гаагских принципах 2015 г.

Трансформация автономии воли из правомочия участников отдельно взятых (первоначально, только договорных) отношений в коллизионный принцип общего действия подтверждается соотношением унифицированных норм международных договоров и национального законодательства, при котором коллизионные нормы, сформулированные в значительном числе международных договоров в качестве императивных (в частности, для деликтных обязательств), дополняются системой дозволительных норм национального законодательства об автономии воли в качестве предписаний, составляющих «общую часть» коллизионного права. Напротив, положения тех же международных договоров, позволяющие автономии воли сторон трудового договора, в соотношении с правилом о территориальном действии отечественного трудового законодательства подтверждают концептуальную возможность распространения автономии воли на трудовые отношения даже в отсутствие специальных национальных предписаний и в свете крайне положительного восприятия правоведами этой возможности – тенденцию дальнейшей содержательной экспансии рассматриваемого принципа.

В заключение подчеркнем, что выявленная тенденция имеет научную ценность не просто в порядке констатации явлений объективной реальности, но позволяет выдвигать гипотезы относительно будущего развития принципа автономии воли в международном частном праве. Историко-правовое исследование убедительно доказывает, что те возможности выбора применимого права, которые казались невозможными или даже немыслимыми в один исторический период (среди которых и выбор вненациональных источников, и депесаж, и др.) оказываются признаваемыми, закрепляемым и применяемыми на практике – в весьма недалекой перспективе двадцати-тридцати лет. Изложенное

настоятельно требует от современных правоведов внимательного отношения к разрабатываемым в настоящий период концепциям (среди которых самые разные предложения: от кумуляции правовых и неправовых регуляторов до постановки вопроса о выборе применимого права для внутреннего контракта), некоторые из которых могут составить нашу правовую реальность в недалеком будущем.

Глава 2.

Генезис и ведущие концептуальные подходы к пониманию автономии воли как принципа коллизионного регулирования в зарубежной доктрине международного частного права

В качестве исходной точки отметим, что если рассматривать автономию воли в плоскости частного права в самом ее общем виде как проявление активности участников оборота, направленное на достижение какой-либо цели, то, весьма вероятно, зачатки юридически значимой автономии воли участников отношений мы сможем найти настолько глубоко в древности, насколько сможем отыскать зачатки самого правового регулирования соответствующих отношений. В разрезе коллизионного регулирования это означает, что непосредственно волевые действия участников трансграничных отношений, а в более отдаленной перспективе – их намерения и потребности, в той или иной мере могут оказывать влияние на решение коллизионного вопроса.

Так, С. Симеонидес пишет: «Принцип, в соответствии с которым договаривающимся сторонам следует позволить, в определенных пределах, предварительно избрать право, применимое к их договору (*автономия сторон*), является почти таким же древним, как само международное частное право»¹. Причем в подтверждение этого тезиса автор ссылается на декрет Египта 120-118 гг. до н.э., согласно которому договоры, составленные на египетском языке, подлежали юрисдикции египетских судов, применявших египетское право, в то время как договоры, составленные на греческом языке, подлежали юрисдикции греческих судов, применявших греческое право².

¹ Symeon C. Symeonides, "Party Autonomy in Rome I and II from a Comparative Perspective" in Katharina Boele-Woelki, Talia Einhorn, Daniel Girsberger, Symeon Symeonides (eds), *Convergence and Divergence in Private International Law – Liber Amicorum Kurt Siehr* (Eleven International Publishing, 2010) at 514.

² Ibid. Аналогичное рассуждение встречается в работе А. А. Мережко (*Мережко А. А. Наука международного частного права: история и современность*. Киев: Таксон, 2006. С. 23).

В Средние века, в период господства персонального начала, «всякий, куда бы он ни приходил, приносил с собой закон места своего происхождения»¹. Соответственно, как свидетельствуют историки, «если в комнате собиралось пять человек, принадлежавших к разным племенам, на одном и том же месте действовало сразу пять разных правовых порядков», и «первый вопрос, который задавал в это время судья тяжущимся: “Qua lege vivis?” (“По какому праву живешь?”)»². В этой связи М. Вольф делает любопытное предположение о том, что, отвечая на поставленный вопрос, стороны могли бы указать «не закон их действительного происхождения, а закон, согласно которому они хотели бы “жить” (разрешить свой спор)» и в таком случае это было бы «примером выбора закона договаривающимися сторонами»³.

Комментируя данные тезисы, мы, прежде всего, будем вынуждены констатировать, что с учетом давности происходивших событий они во многом строятся на предположениях о значении воли, или даже – гипотетической воли, участников гражданского оборота тех времен. Так, в отношении порядка разрешения коллизий в спорах между представителями разных племен в Средние века, Л. А. Лунц делает решительный вывод: «Это, по состоянию источников, не может быть установлено с полной достоверностью»⁴.

Что же касается весьма вероятных, встречавшихся не в один исторический период и весьма нередких по сей день ситуаций, в которых выбор желаемого для сторон правопорядка обуславливается сознательно создаваемыми фактическими обстоятельствами (будь то составление договора на нужном языке или даже ложное заявление о национальной (племенной) принадлежности), то в их оценке мы согласимся с А. В. Асосковым, который квалифицирует такие ситуации не как автономию воли в узком (современном) смысле слова, а как формы влияния

¹ Martin Wolff, *Private International Law*, 2nd ed. (London: Oxford University Press – Clarendon Press, 1950) at 21. Об этом же в первом издании труда, переведенном на русский язык, см.: Вольф М. Международное частное право / пер. с англ. С. М. Рапопорт, под ред. и с предисл. Л. А. Лунца. М.: Госиноиздат, 1948. С. 36.

² Исаев М. А. История государства и права зарубежных стран. Средневековье. Новое и Новейшее время: учебник. М.: Юрайт, 2024. С. 127.

³ Martin Wolff, *Op. cit.* at 21.

⁴ Лунц Л. А. Курс международного частного права. Общая часть... 1959. С. 94.

субъектов частноправовых отношений международного характера на определение применимого права посредством воздействия на «объективные фактические обстоятельства», релевантные для конкретной коллизионной привязки¹. Тем же образом на применимое право может влиять, например, выбор сторонами договора места его заключения, выбор супругами места совместного жительства, выбор учредителями места учреждения юридического лица и т.п. В каждом из указанных случаев свободный выбор сторон осуществляется в силу признаваемой за ними автономии воли в самом широком ее понимании, однако не составляет автономию воли в узком ее смысле как принцип коллизионного регулирования и как признаваемую международным частным правом возможность сторон по своему усмотрению выбрать применимое материальное право, не зависящее и, в том числе, даже не связанное ни с одним из фактических обстоятельств конкретного отношения.

С учетом изложенного, хотя нам в целом импонирует позиция И. В. Гетьман-Павловой, характеризующая принцип автономии воли как кита, «подплывающего» к основам конструкции международного частного права, мы, тем не менее, не сможем согласиться с автором в том, что автономия воли (в том смысле, каким она наделяется в современном международном частном праве) есть «древнейший принцип, в соответствии с которым [всякое] “намерение договаривающихся сторон, явное или неявное, является источником права”»².

Безусловно, значение воли в целом, свободы воли участников правовых отношений, а также обуславливающих волевые действия таких участников мотивов и потребностей невозможно переоценить. И конечно становление автономии воли в качестве принципа современного коллизионного регулирования было бы невозможным без того значения, которое придавалось воле с самых ранних периодов истории человечества. Тем не менее, важно понимать, что тот путь, который прошел исследуемый нами принцип, был длинным и сложным, а

¹ *Асосков А. В.* Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 166-167.

² *Гетьман-Павлова И. В.* Происхождение международного частного права в Древнем мире // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2023. Т. 16. № 4. С. 30.

потому необходимо критически оценивать каждую засвидетельствованную историей мысль, которая, взятая в отдельности, не только могла быть крайне далекой от современной идеи об автономии воли, но и могла вообще не предполагать произошедшего с ней развития, однако в конечном итоге совокупность идеальных конструкций, движимая потребностями развития социума, выразилась в совершенно феноменальной возможности участников трансграничных отношений (по сути адресатов норм права) избирать по своему желанию любой из правопорядков (совокупностей норм права), предлагаемых современным сообществом государств.

§ 1. Зарождение и развитие идеи об автономии воли в международном частном праве стран романо-германской правовой семьи

В области международного частного права, нацеленного на регулирование частноправовых отношений, выходящих за пределы одной юрисдикции и поэтому способных быть подчиненными какому-либо из нескольких или даже многих правопорядков, сравнительно-правовые исследования имеют большую ценность. При этом для российской юридической науки и именно в области автономии воли как принципа коллизионного регулирования анализ опыта стран романо-германской правовой семьи представляется особенно важным по двум причинам.

Во-первых, в связи с тем, что именно в юриспруденции Франции как одной из ведущих стран названной правовой семьи зародилось начальное зерно идеи об автономии воли как юридически значимом факторе в решении вопроса о выборе права для регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. Во-вторых, как известно, Российская Федерация в основах своего правового порядка исходит, прежде всего, из континентальных традиций построения права и, более того, в области коллизионного регулирования договорных обязательств, в рамках которого автономия воли достигла наибольшего прогресса, российское законодательство о международном частном праве в весьма значительной степени построено на рецепции соответствующих

норм европейского права. Изложенное обуславливает логику построения данного параграфа, который последовательно адресует зарождение идеи об автономии воли в разработках французского правоведа Ш. Дюмулена и ее правовой режим в современный период в источниках права Европейского Союза (ретроспективно – Европейских Сообществ), в том числе в сравнительном ключе с современным отечественным регулированием в исследуемой области.

По общему признанию ученых основоположником доктрины автономии воли в международном частном праве выступает Ш. Дюмулен¹. Дж. Биль² характеризует Ш. Дюмулена как «великого юриста» и констатирует, что его вклад в развитие юриспруденции составила доктрина, согласно которой право предоставляет субъектам свободу воли и, следовательно, договор, выступая юридическим выражением свободы воли, должен подчиняться избранному сторонами праву³.

¹ См., например: *Гетьман-Павлова И. В.* Шарль Дюмулен – основоположник теории автономии воли в международном частном праве // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2009. № 3. С. 21-33.

² Насколько мы можем заключить, оригинальные работы Ш. Дюмулена (годы жизни которого датируются с 1500 по 1566) не сохранились в открытом доступе, в связи с чем в подавляющем большинстве случаев авторы подкрепляют изложение его идей ссылками на вторичные научные источники. Например, Дж. Чешир в подтверждение тезиса о том, что Ш. Дюмулен является первым представителем доктрины, согласно которой правом, применимым к договору, выступает право, подразумеваемое сторонами, приводит работы А. Кухна и Дж. Биля (Geoffrey Ch. Cheshire, *Private International Law*, 5th ed. (London: Oxford University Press – Clarendon Press, 1957) at 27). Аналогичным образом отечественные правоведы, характеризующие разработанное Ш. Дюмуленом учение об автономии воли в международном частном праве, во многих случаях ссылаются на работы М. И. Бруна (*Третьяков С. В.* Указ. соч. С. 14; *Тригубович Н. В.* Указ. соч. С. 16). В отдельных случаях отечественные ученые указывают Ш. Дюмулена как автора теории автономии воли вообще без ссылок на какие-либо источники, ограничиваясь лишь упоминанием наименования его монографии / диссертации (*Малкин О. Ю.* Автономия воли во внешнеэкономических сделках... С. 11; *Покровская А. Б.* Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом... С. 11), что, по всей видимости, может свидетельствовать об общеизвестном характере данного тезиса.

³ Joseph H. Beale, *A Treatise on the Conflict of Laws or Private International Law*, Volume I – Part I (Cambridge: Harvard University Press, 1916) at 32. Широкую известность имеет высказывание Дж. Вестлейка о Ш. Дюмулене как об «одном из величайших юридических гениев» (John Westlake, *A Treatise on Private International Law with Principal Reference to its Practice in England*, 6th ed., by Norman Bentwich (London: Sweet and Maxwell, 1922) at 17). Данное высказывание, в свою очередь, цитируют такие авторитетные правоведы, как Дж. Чешир (Geoffrey Ch. Cheshire, *Private International Law*, 5th ed... at 27) и А. Кухн (Arthur K.

Отдавая должное гениальной по своей сути идее Ш. Дюмулена, необходимо признать, что в середине XVI в. она выступала лишь зерном, еще крайне далеким от того правового принципа, в который она выросла в современном международном частном праве¹. Характеризуя блестящую теорию правоведа, обратим внимание на несколько ее реперных точек. Во-первых, как можно заключить из работ комментаторов, Ш. Дюмулен не придавал автономии воли абсолютного юридического значения, признавая, что применение определенных статутов (в частности, о правоспособности² или форме сделки³) не зависит от воли сторон. Нельзя не отметить, что обозначенное разделение, хотя и с тенденцией к определенному расширению сферы действия автономии воли, свойственно международному частному праву до сих пор.

Во-вторых, наиболее известное применение идея об автономии воли нашла в заключении Ш. Дюмулена по вопросу правового режима имущества супругов. Как отмечает М. И. Брун, правовед «находил, что если супруги вступили в брак в области парижских кутюмов, то те права на общие имущества, которые по этим кутюмам принадлежали жене, распространяются и на имущества, лежащие в области нормандских кутюмов»⁴. При этом принципиальное значение имеет то, что данный вывод действителен, в том числе, когда супруги «вступили в брак молчаливо», то есть без какого-либо договора⁵. В этой связи Дж. Биль прямо

Kuhn, *Comparative Commentaries on Private International Law, or Conflict of Laws* (New York: The Macmillan Company, 1937) at 9).

М. Вольф также подчеркивает, что вклад Ш. Дюмулена в правовую науку вовсе не ограничивается международным частным правом, а включает и комментарии к парижским «кутюмам», и продвижение идеи создания единого кодекса для Франции, и теорию денег (Martin Wolff, *Op. cit.* at 26; Вольф М. Указ. соч. С. 41).

¹ Не случайно ученые высказываются о том, что идея Ш. Дюмулена об автономии воли «значительно опередила свой век» (Луц Л. А. Международное частное право... С. 59; Тригубович Н. В. Указ. соч. С. 16).

² На это указывает, в частности, А. Кухн (Arthur K. Kuhn, *Op. cit.* at 10).

³ О том, что Ш. Дюмулен признавал применение закона места совершения сделки в отношении ее формы, а автономию воли – в отношении содержания, пишет М. Иссад (Иссад М. Международное частное право / пер. с фр. А. Л. Афанасьевой и Е. Б. Гендзехадзе; ред. и послесл. М. М. Богуславского; примеч. Л. Р. Сюкияйнена. М.: Прогресс, 1989. С. 202-203).

⁴ Международное частное право: Лекции М. И. Бруна, читанные в 1908-9 акад. году // Золотой фонд российской науки международного права. Т. 2. М.: Международные отношения, 2009. С. 139.

⁵ Там же.

пишет, что в изложенном заключении Ш. Дюмулен «изобрел его знаменитую доктрину подразумеваемого согласия на положения права той юрисдикции, в которой брак был заключен»¹.

Следовательно, у Ш. Дюмулена речь шла еще не столько о реализации права сторон непосредственно и по своему усмотрению выбрать материальное право конкретной юрисдикции, сколько о выведении из общей идеи о подразумеваемом соглашении (таком, которое, размышляя разумно, следовало бы приписать сторонам²) отсылки к правопорядку, который представлялся бы лучшим в конкретной юридической ситуации. Так, Дж. Вестлейк пишет, что Ш. Дюмулен демонстрировал тенденцию искать в обстоятельствах ключ к намерению сторон и придавать такому намерению, когда оно будет отыскано, большее значение, нежели юридическим правилам³. Тот же ученый в более узком преломлении подчеркивает, что хотя принципиальной основой совершенного Ш. Дюмуленом переворота выступала отсылка вопросов брачно-семейных отношений к воле сторон, правовед не зашел в данном отношении далеко, так как обычай, на основании которого стороны вступили в брак, был единственным показателем их воли, на который он опирался⁴. Более того, Л. ф. Бар, не оспаривая в принципе юридического значения воли сторон, утверждает, что она побуждает

¹ Joseph H. Beale, Op. cit. at 33.

² М. Иссад, характеризуя выдвинутую Ш. Дюмуленом возможность сторон избрать право, применимое к содержанию сделки, уточняет, что «их воля может быть выражена или подразумеваться» (Иссад М. Указ. соч. С. 202-203). В отношении подразумеваемой воли показательным является следующее умозаключение Ш. Дюмулена. Как указывает Дж. Вестлейк, для договора между покупателем и продавцом из одной страны, заключенного в другой стране, правовед отверг закон места заключения сделки в пользу закона их общего domicilia на том основании, что последний известен им обоим и, как подразумевается, ни один из них не мог намереваться его отклонить (“which neither can have intended tacitly to reject” – англ.) (John Westlake, *A Treatise on Private International Law with Principal Reference to its Practice in England*, 3rd ed. (London: Sweet and Maxwell, 1890) at 211). Бар. Б. Э. Нольде, освещая вопрос об имущественных отношениях супругов, также указывает, что в случае отсутствия прямого договора Ш. Дюмулен предлагает исследовать, какому режиму супруги «имели в виду или должны были иметь в виду подчиниться (курсив наш. – Т.Н.)» (Нольде Б. Э. Указ. соч. С. 390).

³ John Westlake, *A Treatise on Private International Law*... 3rd ed... at 17.

⁴ Изложенный вывод содержится в шестом издании труда Дж. Вестлейка, подготовленном Н. Бентвичем (John Westlake, *A Treatise on Private International Law*... 6th ed... at 70).

Ш. Дюмулена «видеть подразумеваемые контракты» там, где единственный вопрос – вопрос прямого действия статута¹.

Таким образом, автономия воли в задумке Ш. Дюмулена использовалась не как норма, уполномочивающая непосредственно избрать применимое материальное право, а как гибкая коллизионная привязка, позволяющая, в первую очередь, через конструкцию гипотетической воли, определить наилучший правопорядок². Соответственно, в заключении ученого о правовом режиме имущества супругов, как пишет М. Брун, «молчаливо под видом соответствия с волею сторон кутюм одной провинции проникает в другую»³, или, как обобщает А. Кухн, посредством подразумеваемого соглашения сторон положениям местного права придается экстерриториальная сила⁴.

Нельзя не отметить, что именно с подразумеваемым характером воли связана та критика, которая высказывалась в отношении идеи об автономии воли в целом. Так, Бар. Б. Э. Нольде, выявляя, что конструкция подразумеваемой воли является всего лишь инструментом для выдвижения наилучшей коллизионной привязки, и полагая, что последняя без каких-либо искусственных конструкций может быть установлена авторитетным постановлением законодателя, утверждает: «Теория автономии ... предлагает для того совершить длинный обход через презумпцию истинного содержания отсутствующего на самом деле соглашения сторон»⁵.

Тем не менее, констатируя, что в задумке Ш. Дюмулена воля сторон была лишь гибкой коллизионной привязкой, служившей утилитарной цели

¹ Ludwig von Bar, *The Theory and Practice of Private International Law*, 2nd ed., translated by George R. Gillespie (Edinburgh: William Green & Sons Law Publishers, 1892) at 34.

² Так, А. В. Асосков справедливо указывает, что тезис о гипотетической (презумируемой) воле использовался многими авторами XVI-XIX вв., и в том числе Ш. Дюмуленом, «исключительно для того, чтобы обосновать непригодность какой-либо сложившейся к тому моменту объективной привязки, и необходимость ее замены другой объективной привязкой, которая по разным причинам выглядела более привлекательной в глазах того или иного исследователя» (Асосков А. В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств... С. 167).

³ Международное частное право: Лекции М. И. Бруна... С. 139.

⁴ Arthur K. Kuhn, *Op. cit.* at 10

⁵ Нольде Б. Э. Указ. соч. С. 366.

освобождения от «устаревших территориальных привязок»¹, нельзя не признать, что сама по себе идея о юридическом значении воли сторон в определении применимого права была поистине гениальной. В данном отношении мы, безусловно, согласимся с С. В. Третьяковым, который отмечает, что хотя в известном заключении Ш. Дюмулена «воля сторон является лишь удобным обоснованием приоритета личного статута над территориальным, ... последствием применения такой аргументации является ... вольное или невольное придание воле решающего значения при определении применимого права»².

Таким образом, учение Ш. Дюмулена об автономии воли еще не могло прямо постулировать неоспоримое право сторон – в определенных случаях и в строго очерченных пределах – на непосредственный (даже произвольный, если речь идет о выборе права третьей страны) выбор применимого материального права. Однако гениальная идея правоведа о юридическом значении воли сторон для определения применимого материального права сама по себе оказала существенное влияние на юриспруденцию государств мира³ и, несомненно, стала именно тем зерном, из которого вырос известный нам в современный период принцип автономии воли в международном частном праве.

Современный же период становления автономии воли в качестве принципа коллизионного регулирования на территории стран романо-германской правовой семьи связан с унификацией коллизионного регулирования договорных отношений под эгидой Европейских Сообществ и впоследствии Европейского Союза⁴.

¹ Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств... Раздел 3.1.6.

² Более того, автор также справедливо пишет: «Из того обстоятельства, что воля сторон во многих, даже в большинстве случаев, носит фиктивный характер, не вытекает, что эта воля **не может быть** выражена действительно. Коль скоро признана возможность конклюдентного консенсуса, очевидно, тем самым признана и возможность заключения соответствующего договора *expressis verbis*» (Третьяков С. В. Указ. соч. С. 14, 16).

³ Данный исторический факт широко признан в специальной литературе. См., например: Arthur K. Kuhn, *Op. cit.* at 10.

⁴ Данная унификация включила в свою орбиту и Великобританию на период ее членства в Европейских Сообществах и впоследствии в Европейском Союзе, чему будет уделено внимание в следующем параграфе.

Так, в 1980 г. была принята Римская конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам, а в 2008 г. на смену указанной конвенции пришел Регламент Рим I. С формальной точки зрения, следует учитывать, что Римская конвенция по своей правовой природе являлась международным договором, согласие на обязательность которого дается в порядке, определяемом международным правом и национальным законодательством каждого государства-участника, а Регламент Рим I – «наиболее жестким средством регулирования»¹ в праве Европейского Союза, которое имеет прямое действие, непосредственно наделяет частных лиц правами и не требует какой-либо имплементации со стороны национального правопорядка². В свете этого неудивительно, что Римская конвенция вступила в силу, спустя более чем десять лет с момента принятия³, а Регламент Рим I – ровно через полтора года⁴.

Содержательно же, оба документа провозглашают принцип автономии воли в коллизионном регулировании договорных обязательств, предоставляя сторонам свободу выбора применимого в соответствующей области материального права. В обоих документах исследуемому принципу посвящены статьи 3, поименованные «Свобода выбора» и устанавливающие в пунктах 1: «Договор регулируется правом, избранным сторонами».

При этом важнейшее значение для понимания хода становления принципа автономии воли в коллизионном праве стран романо-германской правовой семьи (а если шире, то и всего мира) имеет тот факт, что провозглашение анализируемого принципа в Римской конвенции и его повторение в Регламенте Рим I не только не были новеллой, но фактически лишь закрепили правило, уже

¹ Довгань Е. К вопросу о статусе источников права Европейского Союза // Журнал международного права и международных отношений. 2010. № 1. С. 5.

² *Fratelli Variola S.p.A. v. Amministrazione italiana delle Finanze*, Court of Justice, Judgment of the Court, Case 34-73 [10 October 1973] European Court Reports 1973-00981 (ECLI:EU:C:1973:101). П. 3 Постановления.

³ В соответствии с правилом ст. 29 Римская конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам, от 19 июня 1980 г. вступила в силу только 01 апреля 1991 г.

⁴ Ст. 29 Регламента Рим I от 17 июня 2008 г. предусматривала точную дату вступления в силу содержательных статей данного документа – 17 декабря 2009 г.

сформировавшееся к этому моменту в национальных правоприменительных практиках и даже законодательствах.

В частности, в отчете М. Джулиано и П. Лагарда к Римской конвенции прямо указывается: «Правило, установленное в Статье 3 (1), ... просто подтверждает правило, входящее в настоящее время в международное частное право всех стран-членов Сообществ и большинства других стран»¹. Например, во Франции прецедентным в этом отношении считается Решение Кассационного Суда, которое было вынесено по делу *American Trading Company v. Quebec Steamship Company Limited* в 1910 г. (за 70 лет до принятия Римской конвенции) и определило: «Правом, применимым к договорам, ... является то, которое установили стороны»². Данное решение получило широчайшую известность в литературе как прочно поддерживающее идею автономии воли сторон договорных обязательств трансграничного характера³.

Примечательно, что изложенная позиция Кассационного Суда Франции по вопросу о юридическом значении выбора сторонами договора применимого права является фактически самодостаточной, не основывающейся на каких-либо нормах действовавшего в тот период Кодекса Наполеона. Наоборот, как свидетельствует отчет М. Джулиано и П. Лагарда к Римской конвенции, рассматриваемое положение французского права было лишь подтверждено проектом закона о дополнении Гражданского кодекса по вопросам международного частного права в

¹ Report on the Convention on the Law Applicable to Contractual Obligations, by Mario Giuliano & Paul Lagarde // Official Journal of the European Communities. 31.10.80. No C 282/1. Art. 3, para 1.

² *American Trading Company v. Quebec Steamship Company Limited*, Cour de Cassation [5 Décembre 1910] Clunet 1912:39:1156-1158.

³ Emad Mohammad Al Amaren & Rachma Indriyani, “Appraising the Law of Wills in a Contract” (2019) *Hang Tuah Law Journal*, Vol. 3 (1) at 52; Gary Born & Cem Kalelioglu, “Choice-of-Law Agreements in International Contracts” (2021) *Georgia Journal of International and Comparative Law*, Vol. 50 at 51, 66; Giesela Rühl, “Choice of Law and Choice of Forum in the European Union: Recent Developments” (2009) in Christopher Hodges & Stefan Vogenauer (eds), *Civil Justice Systems in Europe: Implications for Choice of Forum and Choice of Contract Law* (Oxford: Hart Publishing, 2010). SSRN – URL: <https://ssrn.com/abstract=1604615> (дата обращения: 01 августа 2025 г.) I B at 8.

1967 г.¹ Конечно описанный феномен можно объяснить более общими тенденциями в развитии французского гражданского права, на которые указывают, в частности, К. Цвайгерт и Х. Кетц. Отмечая, что многие нормы Кодекса Наполеона имели «довольно неопределенное общее содержание», правоведы резюмируют: «Путем толкования суды постоянно развивали, расширяли или сужали сферу действия этих норм, переосмысливали старые доктрины и *разрабатывали новые* (курсив наш. – Т.Н.)»². Таким образом, как пишут авторы, французская судебная практика играла «большую роль в приспособлении устаревших норм ФГК к новым социальным условиям»³.

Вместе с тем, для цели настоящего исследования выявленный феномен имеет важное значение в том плане, что даже в странах романо-германской правовой семьи, в которых развитие права мыслится, прежде всего, как развитие законодательства, идея допустимости выбора применимого права сторонами была вызвана к жизни непосредственно в практике решения коллизионного вопроса и рассматривалась с самого начала как самодостаточная, обусловленная естественным и разумным восприятием правовых отношений, простирающихся в территориальных пределах нескольких юрисдикций.

Важно отметить, что Франция в изложенном отношении составляет скорее один из показательных примеров, нежели исключение. Так, аналогичным образом автономия воли сторон договорных отношений трансграничного характера получила утверждение в Германии, где возможность сторон выбрать применимое право была признана в судебной практике, несмотря на отсутствие соответствующей нормы в Германском гражданском уложении и первоначальное неприятие со стороны подавляющего большинства немецких ученых⁴. В качестве

¹ В частности, первый параграф ст. 2312 гласит: «Договоры международного характера и вытекающие из них обязательства должны подчиняться праву, под действие которого стороны намеревались поместить себя» (Report... by Mario Giuliano & Paul Lagarde. Art. 3, para 1).

² Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2 т. Т. I. Основы. М.: Международные отношения, 2000. С. 147.

³ Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч. С. 147. Этот тезис находит поддержку и в отечественной специальной литературе (Клевченкова М. Н. Истоки МЧП Франции (к 200-летию Кодекса Наполеона 1804 г.) // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 158).

⁴ Report... by Mario Giuliano & Paul Lagarde. Art. 3, para 1.

правового основания автономии воли сторон договорных обязательств трансграничного характера в литературе приводятся решения Верховного суда Германии, датируемые еще 1923 и 1928 гг.¹

Более того, нельзя не обратить внимание, что в тот же исторический период тем же самым способом идея об автономии воли сторон договорных обязательств трансграничного характера получила признание и в России. В частности, несмотря на закрепление в ст. 707 Устава гражданского судопроизводства императивной коллизионной нормы, практика Правительствующего Сената (в решении № 89 по делу Круглова в 1895 г. и весьма выразительно – в решении № 57 по делу Эрлиха в 1906 г.²) однозначно свидетельствовала о признании в дореволюционном отечественном праве автономии воли сторон обязательства в том, что касалось выбора применимого материального права.

Таким образом, можно заключить, что в ряде стран романо-германской правовой семьи, к которым следует отнести Францию, Германию и Россию, принцип автономии воли получил первоначальное утверждение в судебной практике в качестве возможности, априорно присущей сторонам договорного отношения международного характера. В свою же очередь законодательство, а впоследствии для государств-участников европейской интеграции – международные договоры и акты права Европейского Союза – лишь подтверждали растущие потребности международного гражданского оборота в предоставлении его участникам максимально широких возможностей выбора применимого материального права.

В этой связи неудивительно, что еще Римская конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам, закрепила весьма прогрессивный стандарт автономии воли, который в отличие от коллизионных норм в этой же области претерпел несущественные корректировки при восприятии Регламентом Рим I. Показательны в этом отношении слова Х. Хейсса, который заявляет: «Автономия сторон была и будет оставаться фундаментальным принципом

¹ Gary Born & Cem Kalelioglu, *Op. cit.* at 51; Giesela Rühl, *Op. cit.* I B at 8.

² Яблочков Т. М. Указ. соч. С. 416.

европейского международного частного права в вопросах договорных обязательств»¹. Развивая изложенный тезис, автор пишет, что не стали сюрпризами ни кодификация рассматриваемого принципа в Римской конвенции, ни его повторение в крайне схожих словах в Регламенте Рим I, и по итогу резюмирует: «Фактически, ст. 3 Рима I является, по большей части, явной копией ст. 3 Римской конвенции»².

Так, оба документа утверждают: «Договор должен регулироваться правом, избранным сторонами». При этом допускается выбор как прямо выраженный, так и «подразумеваемый», вытекающий из условий договора или обстоятельств дела; как для всего договорного отношения, так и для его части (п. 1). Сторонам допускается последующий выбор, изменяющий договорный статут, как избранный сами сторонами, так и следовавший из коллизионных норм, но без ущерба для формальной действительности договора и прав третьих лиц (п. 2). Выбор права, совершенный для договора, связанного исключительно с одной страной, не может превалировать над императивными нормами права данной страны (п. 3). Наконец, существование и действительность согласия сторон на выбор применимого права подчиняются специальным правилам, которые, по общему правилу, отсылают эти вопросы к договорному статуту (п. 4 Римской конвенции, п. 5 Регламента Рим I).

Несущественные текстуальные отличия названных положений не несут значимой смысловой нагрузки, что наглядно подтверждается двумя ключевыми

¹ Franco Ferrari & Stefan Leible (eds), *Rome I Regulation: The Law Applicable to Contractual Obligations in Europe* (Munich: Sellier. European Law Publishers, 2009) at 1 (author of the chapter – Helmut Heiss). В. Бехр также пишет: «Как согласно Римской конвенции, как согласно внутреннему праву Государств Членов [Европейского Союза], и как согласно праву практически любого места в мире, международные контракты согласно Риму I приоритетно регулируются правом, избранным сторонами» (Volker Behr, “Rome I Regulation a-Mostly-Unified Private International Law of Contractual Relationships within-Most-of the European Union” (2011) *Journal of Law and Commerce*, Vol. 29 at 240). Наконец, непосредственно Регламент Рим I в п. 11 преамбулы провозглашает: «Свобода сторон избрать применимое право должна быть одним из краеугольных камней системы коллизионных норм в вопросах договорных обязательств».

² Franco Ferrari & Stefan Leible (eds), *Op. cit.* at 1 (author of the chapter – Helmut Heiss). М. Хардинг также отмечает, что многие положения Регламента Рим I идентичны положениям Римской конвенции, и в их числе называет норму ст. 3, в силу которой «применимое право может быть избрано сторонами» (Maebh Harding, *Conflict of Laws*, 5th ed. (London, New York: Routledge – Taylor & Francis Group, 2014) at 7.1, 7.4).

примерами. Во-первых, в англоязычной версии Регламента Рим I изменена формулировка второго предложения п. 1 ст. 3, согласно которому «подразумеваемый» выбор применимого права должен «явно вытекать» (“shall be ... clearly demonstrated”) из условий договора или обстоятельств дела; в то время как аналогичное положение Римской конвенции предусматривало, что такой выбор может устанавливаться «с разумной уверенностью» (“demonstrated with reasonable certainty”).

Однако, если обратиться к франкоязычным версиям исследуемых документов, можно увидеть, что формулировки п. 1 ст. 3 Регламента Рим I и Римской конвенции в отношении стандарта «подразумеваемого» выбора права являются идентичными и требуют, чтобы такой выбор выводился «достоверным образом» (“de de façon certaine”) из условий договора или обстоятельств дела¹. Следовательно, в специальной литературе утвердилось мнение о том, что изменение редакции анализируемого предложения в англоязычной версии Регламента Рим I нацелено вовсе не на корректировку стандарта «подразумеваемого» выбора права, а на приведение англоязычной версии в соответствие с франкоязычной².

Во-вторых, п. 3 Регламента Рим I в отличие от того же пункта Римской конвенции, устанавливая правило о действии выбора иностранного права для договора, все элементы которого связаны лишь с одной страной, в пределах диспозитивных норм права данной страны, не содержит уточнения – «вне зависимости от того, сопровождается ли [выбор иностранного права] выбором иностранного суда». Тем не менее, п. 15 преамбулы Регламента Рим I разъясняет, что новая редакция п. 3 не предполагает никаких существенных изменений по сравнению с аналогичным положением Римской конвенции, а потому

¹ Convention sur la loi applicable aux obligations contractuelles du 19 juin 1980 (Rome) // Journal officiel des Communautés européennes. 9.10.1980. L 266. P. 1-10; Règlement (CE) № 593/2008 du Parlement Européen et du Conseil sur la loi applicable aux obligations contractuelles du 17 juin 2008 (Rome I) // Journal officiel de l'Union européenne. 4.7.2008. L 177. P. 6-16.

² Такой же вывод делается и в отношении аналогичных изменений немецкоязычной версии Регламента Рим I (Franco Ferrari & Stefan Leible (eds), Op. cit. at 1, author of the chapter – Helmut Heiss).

рассматриваемое правило «должно применяться вне зависимости от того, сопровождался ли выбор права выбором суда».

Единственным значимым дополнением Регламента Рим I явилась норма п. 4 ст. 3, в соответствии с которой для договора, все элементы которого связаны с одним или несколькими государствами-членами ЕС, выбор права третьего государства, не являющегося членом ЕС, применяется без ущерба императивным нормам коммунитарного права. Данное положение по сути аналогично положению п. 3 и является закономерным в свете углубления европейской интеграции, расширения и усиления позиций права Европейского Союза за исторический период от принятия Римской конвенции до Регламента Рим I. При этом существенных корректив в механизм функционирования принципа автономии воли в коллизионном регулировании договорных отношений трансграничного характера, в особенности с точки зрения стран, не участвующих в европейской интеграции, изложенное положение не вносит.

В свете цели данного исследования особый интерес представляет сравнение регламентации автономии воли сторон договорных обязательств трансграничного характера в Регламенте Рим I, действующем в настоящее время для многих стран романо-германской правовой семьи, и в ГК РФ. В этой связи важно отметить, что в области коллизионного регулирования договорных отношений трансграничного характера международное частное право Российской Федерации сформировалось под явным влиянием европейского опыта. Так, в отношении общего коллизионного режима договорных обязательств М. П. Бардина прямо заявляет, что первоначальная редакция ст. 1211 ГК РФ (часть третья которого была принята в 2001 г.) «повторяла схему Римской конвенции», а новая редакция данной статьи (по итогам реформы раздела VI ГК РФ в 2013 г.) «также очевидно была разработана с учетом Регламента “Рим I”»¹.

При этом, поскольку стандарт автономии воли сторон договорных отношений, осложненных иностранным элементом, в Регламенте Рим I не

¹ Бардина М. П. Определение права, применимого к договорам, в новой редакции Гражданского кодекса РФ // Труды Института государства и права РАН. 2015. № 3. С. 84.

испытал кардинальных изменений в сравнении с предписанным Римской конвенцией, то и регламентация автономии воли в ГК РФ применительно к договорным обязательствам остается в основном неизменной. В частности, ст. 1210 ГК РФ устанавливает возможность сторон договора избрать для него материальное право, допускает выбор «при заключении договора» и «в последующем» (п. 1); прямо выраженный и «подразумеваемый» (п. 2); «для договора в целом ... и ... отдельных его частей» (п. 4). При этом «если ... все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной, выбор ... права другой страны не может затрагивать действие императивных норм права» первой (п. 5)¹.

Более того, наблюдаемое в отдельных аспектах развитие регламентации автономии воли в отечественном международном частном праве идет не в разрез, а в унисон с предписаниями права Европейского Союза. В этом отношении показательны два примера. Во-первых, норма п. 3 ст. 1210 ГК РФ, на основании которой «последующий» выбор права «имеет обратную силу и считается действительным, без ущерба для прав третьих лиц», в 2013 г. была дополнена условием о действии такого выбора и без ущерба для формальной «действительности сделки». Причем в п. 2 ст. 3 как Римской конвенции, так и Регламента Рим I именно два названных условия составляют ограничения «последующего» выбора сторонами применимого права. Следовательно, необходимо заключить, что в этом случае состоявшееся в 2013 г. изменение ст. 1210 ГК РФ лишь в еще большей степени унифицировало ее с соответствующими предписаниями права Европейского Союза.

¹ П. 5 ст. 1211 ГК РФ приводится по действующей редакции с изменениями, внесенными Федеральным законом от 30 сентября 2013 г. № 260-ФЗ. Текстуальные коррективы этого пункта при сохранении его главной цели выходят за пределы исследовательских задач настоящего параграфа.

Равным образом, в рамках сравнения стандарта автономии воли в Регламенте Рим I, посвященном коллизионному регулированию договорных обязательств, и в ГК РФ мы не охватываем те изменения ст. 1210 ГК РФ, которые затрагивают вещные права на движимое имущество (п. 1 ст. 1210 ГК РФ в старой редакции; п. 3 ст. 1206 ГК РФ в новой редакции) и придают положениям пп. 1-3, 5 ст. 1210 ГК РФ статус генеральных норм об автономии воли для отношений, не являющихся договорными, если для них законом допускается выбор материального права сторонами (п. 6 ст. 1210 ГК РФ в новой редакции).

Во-вторых, при сравнении положений об автономии воли Римской конвенции и Регламента Рим I, с одной стороны, и ГК РФ, с другой, нельзя не обратить внимание, что в отечественном законодательстве отсутствует положение о регламентации существования и действительности согласия сторон на выбор применимого права аналогичное правилам п. 4 ст. 3 Римской конвенции и п. 5 ст. 3 Регламента Рим I. Подобное предписание не было установлено ни при принятии раздела VI ГК РФ, ни в ходе последующих изменений российского законодательства о международном частном праве. Однако в 2019 г. на уровне разъяснения Пленума Верховного Суда РФ была сформулирована позиция, согласно которой «действительность соглашения о применимом праве по основаниям, связанным с наличием порока воли, а также заключенность такого соглашения ... определяются на основании права, указанного сторонами в соглашении»¹. Соответственно, в описанном случае в несколько ином текстуальном выражении и не в форме закона, а посредством разъяснения на уровне Пленума Верховного Суда РФ, однако правила, используемые для оценки соглашений о применимом праве судами Российской Федерации, получили развитие в направлении, едином с регламентацией принципа автономии воли в праве Европейского Союза, непосредственно действующем для целого ряда стран романо-германской правовой семьи.

Таким образом, следует заключить, что регламентация принципа автономии воли в законодательстве Российской Федерации о международном частном праве осуществляется в унисон с соответствующими предписаниями ряда стран романо-германской правовой семьи, являющихся членами Европейского Союза. При этом историко-правовой анализ показывает, что рассматриваемые нормы об автономии воли в свете их совершенствования в рамках реформы законодательства в 2013 г.,

¹ П. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». П. 4 ст. 3 Римской конвенции и п. 5 ст. 3 Регламента Рим I отсылают вопросы материальной действительности договорного условия о выборе применимого права к ряду специальных статей, предусматривающих в качестве общего правила регламентацию данных вопросов тем правом, которое применялось бы к договору и соответствующему условию в случае их действительности (следовательно, при реализации сторонами автономии воли – указанным ими правом).

а также в итоге разъяснений на уровне Пленума Верховного Суда РФ в 2019 г. составляют не предмет «слепой» рецепции, а «прижившиеся» и эффективные именно для отечественной юрисдикции положения.

В завершение настоящего исследования и для понимания мозаичности правового регулирования автономии воли в международном частном праве стран романо-германской правовой семьи, являющихся также членами Европейского Союза, рассмотрим соотношение действующего Регламента Рим I и международных договоров по тому же вопросу с участием тех же стран. Показательным примером в данном отношении будет выступать Гагская конвенция о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, 1955 г.

На настоящий момент участниками указанной Гагской конвенции являются восемь государств, из которых пять – члены Европейского Союза¹. При этом в соответствии с п. 1 ст. 25 Регламента Рим I он не затрагивает действия международных договоров, сторонами которых являлись одно или несколько государств-членов ЕС на дату принятия Регламента и которые устанавливают коллизионные нормы касательно договорных обязательств².

Таким образом, суды государств-членов Европейского Союза, являющихся также участниками Гагской конвенции, обязаны при определении права, применимого к международной купле-продаже товаров, применять положения Гагской конвенции (но не Регламента Рим I), в том числе по спорам исключительно между национальными лицами государств-членов ЕС³. В свете того, что только пять (из двадцати семи) государств-членов ЕС являются

¹ Государства-участники конвенции, являющиеся членами Европейского Союза: Дания, Италия, Финляндия, Франция и Швеция (About the EU: Countries – Официальный сайт ЕС. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/countries_en, дата обращения: 01 августа 2025 г.).

² Согласно п. 2 ст. 25 Регламента исключение составляют международные договоры, заключенные исключительно между двумя или несколькими государствами-членами ЕС, в отношении таких договоров приоритет имеет Регламент Рим I.

³ Следует отметить, что в проекте 2005 г. Европейская комиссия предлагала исключить действие международных договоров (включая те, в которых участниками являются третьи государства) в отношении «внутриевропейских» споров, отдавая в этих случаях приоритет Регламенту Рим I. Однако данное предложение было снято, так как оно бы принудило государства-члены ЕС нарушить свои обязательства по заключенным международным договорам (Franco Ferrari & Stefan Leible (eds), *Op. cit.* at 35, author of the chapter – Ulrich Magnus).

участниками Гаагской конвенции, приоритет последней приводит к описанным в литературе ситуациям, в которых, например, для определения применимого права по спору из международной купли-продажи товаров между французским и немецким лицами французские суды будут применять Гаагскую конвенцию, а немецкие суды – Регламент Рим I¹.

Примечательно, что несмотря на безоговорочную поддержку этого тезиса в литературе², судебная практика государств-участников Гаагской конвенции – по меньшей мере, при решении коллизионного вопроса – не являлась устойчивой. В частности, по аналогичным вопросам, связанным с установлением юрисдикции на основании п. 1 ст. 5 Брюссельской конвенции по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров³ и определением для этих целей права, в соответствии с

¹ Franco Ferrari & Stefan Leible (eds), *Op. cit.* at 35-36 (author of the chapter – Ulrich Magnus). В свете действия Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров изложенное справедливо для тех случаев, в которых будет требоваться разрешение коллизионного вопроса, как-то: при исключении сторонами применения Венской конвенции на основании ст. 6 или при решении вопросов, не разрешенных в Венской конвенции, на основании, например, п. 2 ст. 7 (Конвенция о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 г. (г. Вена) // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1).

² Franco Ferrari, *Contracts for the International Sale of Goods: Applicability and Applications of the 1980 United Nations Sales Convention* (Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2012) at 81; Gerhard Dannemann & Stefan Vogenauer (eds), *The Common European Sales Law in Context: Interactions with English and German Law* (Croydon: Oxford University Press, 2013) at chapter 2 (author of the chapter – Gerhard Dannemann); Marie-Elodie Ancel, “The Rome I Regulation and Distribution Contracts” (2008) *Yearbook of Private International Law*, Vol. X at 229; Peter Stone, *EU Private International Law*, 2nd ed. (Cheltenham, Northampton: Elgar European Law – Edward Elgar, 2010) at 94-95.

³ Конвенция по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров от 27 сентября 1968 г. (г. Брюссель) // О признании и исполнении иностранных судебных решений по экономическим спорам (документы и комментарии): библиотечка Вестника ВАС РФ. М.: ЮРИТ-Вестник, 1999. С. 196-208 (извлечение). Необходимо отметить, что в настоящее время Брюссельская конвенция 1968 г. заменена Регламентом «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» 2012 г. (Regulation (EU) No. 1215/2012 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2012 on Jurisdiction and the Recognition and Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters // Official Journal of the European Union. 20.12.2012. L 351. P. 1-32), а ранее – аналогичным по предмету регулированию Регламентом 2000 г., п. 1 ст. 68 которого устанавливал, что в отношениях между государствами-членами ЕС (за некоторыми исключениями) данный Регламент заменял Брюссельскую конвенцию (Council Regulation (EC) No. 44/2001 of 22 December 2000 on Jurisdiction and the Recognition and Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters // Official Journal of the European Communities. 16.1.2001. L 12. P. 1-23).

которым следует устанавливать место исполнения договора, Верховный Суд Италии применял коллизионную норму Римской конвенции¹ в решении от 14 декабря 1999 г. по делу *Imperial Bathroom Company v. Sanitari Possi S.p.A.*² и в решении от 01 февраля 1999 г. по делу *Mantovani & Serrazzi S.p.A. v. Eurosab S.a.r.l.*³, но коллизионную норму Гаагской конвенции – в решении от 19 июня 2000 г. по делу *Metal processing plant case*⁴.

Необходимо отметить, что в юридической литературе высказываются сожаления о существовании примеров необоснованного неприменения Гаагской конвенции судами государств-участников⁵. Однако имеется и точка зрения, в соответствии с которой для государств-членов Европейского Союза выходом из дуализма источников коллизионного регулирования международной купли-продажи товаров должна стать денонсация Гаагской конвенции⁶.

Комментируя проблему соотношения Регламента Рим I и Гаагской конвенции в целом, отдельные авторы указывают, что в вопросах автономии воли коллизия данных документов маловероятна, так как их соответствующие

¹ Следует учитывать, что в соответствии со ст. 21 Римской конвенции она действовала без ущерба для международных договоров, участниками которых являлись или могли стать договаривающиеся стороны.

² В данном деле Верховный Суд Италии, применяя Брюссельскую конвенцию 1968 г. и Римскую конвенцию 1980 г., определял, имеют ли обязательства из договора наиболее тесную связь с государством продавца или с государством покупателя, чтобы на этом основании установить, обладает ли итальянский суд юрисдикцией (*Imperial Bathroom Company v. Sanitari Possi S.p.A.*, Supreme Court of Italy [14 December 1999] – Albert H. Kritzer CISG Database. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/991214i3.html>, дата обращения: 01 июля 2019 г.).

³ В данном деле Верховный Суд Италии также решал вопрос о юрисдикции на основании Брюссельской конвенции 1968 г. и Римской конвенции 1980 г., используя коллизионную норму последней, чтобы установить право, в соответствии с которым следовало определять место исполнения обязательства (*Mantovani & Serrazzi S.p.A. v. Eurosab S.a.r.l.*, Supreme Court of Italy [1 February 1999] – Albert H. Kritzer CISG Database. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/990201i3.html>, дата обращения: 01 июля 2019 г.).

⁴ В данном деле Верховный Суд Италии решал такой же вопрос о юрисдикции на основании Брюссельской конвенции 1968 г., однако для определения права, на основании которого следует устанавливать место исполнения договора, обратился к Гаагской конвенции 1955 г. (*Metal processing plant case*, Supreme Court of Italy [19 June 2000] – Albert H. Kritzer CISG Database. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/000619i3.html>, дата обращения: 01 июля 2019 г.).

⁵ Franco Ferrari, Op. cit. at 81.

⁶ Franco Ferrari & Stefan Leible (eds), Op. cit. at 36 (author of the chapter – Ulrich Magnus).

положения близки по содержанию¹. Мы не согласимся с данным тезисом по той причине, что для каждого отдельно взятого дела имеет значение не только сам факт признания автономии воли (в чем, бесспорно, оба документа схожи), но и полный перечень условий ее реализации сторонами. Вместе с тем, по ряду критериев Регламент Рим I устанавливает значительно более прогрессивный стандарт автономии воли, включая отсутствие указания на «право страны» и дозволение вывести выбор сторон «из обстоятельств дела», а также возможности, о приемлемости которых Гаагская конвенция не содержит предписаний, включая «последующий» выбор права и депесаж.

Таким образом, следует констатировать, что несмотря на узкий круг участников и неустойчивость их судебной практики, Гаагская конвенция о праве, применимом к международной купле-продаже товаров 1955 г., и в настоящее время имеет свою сферу применения, которую важно учитывать отечественным субъектам внешней торговли, вступающим в договорные отношения с национальными лицами государств-участников конвенции.

Изучение зарождения и развития идеи об автономии воли в международном частном праве стран романо-германской правовой семьи позволяет выдвинуть три ключевых тезиса.

Изначально идея французского правоведа Ш. Дюмулена преследовала весьма утилитарную цель – через конструкцию гипотетической воли (такого соглашения, которое, размышляя разумно, следовало бы приписать сторонам) отказаться от устаревших коллизионных привязок и тем самым избрать правопорядок, который представлялся бы наилучшим в конкретной юридической ситуации. Вместе с тем, именно идея о коллизионном значении гипотетической воли заложила прочную основу для признания действительного выбора применимого материального права сторонами договорных, а впоследствии и ряда иных отношений.

¹ Gerhard Dannemann & Stefan Vogenauer (eds), *Op. cit.* at chapter 2 (author of the chapter – Gerhard Dannemann).

Феноменом развития автономии воли как принципа коллизионного регулирования в международном частном праве стран романо-германской правовой семьи является то, что первоначальное юридическое признание данного принципа в ряде названных стран, включая Францию, Германию, Россию, произошло отнюдь не посредством закона как основного источника права, а на уровне правоприменительной практики. При этом возможность выбора применимого материального права рассматривалась в практике решения коллизионного вопроса как априорно присущая сторонам договорного обязательства трансграничного характера, а сама по себе идея – как самодостаточная, не требующая специального санкционирования, обусловленная естественным и разумным восприятием правовых отношений, простирающихся в территориальных пределах нескольких юрисдикций.

Сравнительно-правовой анализ положений права государств-членов Европейского Союза и российского законодательства о международном частном праве в динамике их развития показывает, что не только в разрезе коллизионных норм, действующих в отношении договорных обязательств трансграничного характера, но и в области автономии воли российское законодательство развивается под существенным влиянием европейского опыта. Однако поскольку стандарт автономии воли уже на уровне Римской конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам, 1980 г. был весьма прогрессивным и по сути не претерпел никаких корректив при закреплении в Регламенте Рим I, то и правила ст. 1210 ГК РФ, в центральной части выбора права для договорных отношений, сохраняются в основном без кардинальных изменений. Более того, в процессе развития российского международного частного права состоявшиеся дополнения правового режима автономии воли лишь в еще большей степени унифицировали его с соответствующими положениями коммунитарного права, как-то: за счет дополнения требований к «последующему» выбору права приоритетом формальной действительности сделки (в рамках реформы законодательства в 2013 г.), а также путем разъяснения об отсылке вопроса действительности «соглашения о применимом праве по основаниям, связанным с наличием порока

воли» и его заключенности к избранному сторонами праву (на уровне Пленума Верховного Суда РФ в 2019 г.). Изложенное подтверждает не только устойчивость тенденции к унификации международного частного права Российской Федерации с соответствующими положениями права Европейского Союза, но и тот факт, что конкретные рецепированные нашей страной нормы составляют не предмет «слепого» заимствования, но «прижившиеся» и эффективные именно для отечественной юрисдикции положения.

**§ 2. Специфика понимания и применения автономии воли
в коллизионном регулировании гражданских отношений,
осложненных иностранным элементом, в странах общего права**

Анализ особенностей понимания и применения автономии воли в коллизионном регулировании гражданских отношений трансграничного характера видится целесообразным провести на материале английского и американского коллизионного права по следующим причинам. Внимание к английскому праву объясняется тем, что, с одной стороны, ранняя практика английских судов оказала ощутимое влияние на правовые порядки значительного количества английских колоний, а с другой, участие Великобритании в европейской интеграции (несмотря на последующий выход из ЕС) унифицировало ее коллизионные нормы в ряде областей, что ставит вопрос о преемственности английского коллизионного права на разных исторических этапах и, соответственно, векторе его будущей эволюции. Исследование же американского коллизионного права, как по вопросу об автономии воли, так и в более общем ключе, необходимо в свете того, что оно, несмотря на исходную колониальную связь с английским правовым порядком и принадлежность общему праву, построено на весьма специфических доктринальных основах, что ставит не менее значимый вопрос о выживаемости идеи об автономии в заданных условиях и соответствующих тенденциях ее развития.

В русле традиции общего права важное значение в формировании и развитии английского коллизионного права на его ранних этапах имела судебная практика. При этом, как и повсеместно, автономия воли получила свое первое признание в области договорных обязательств трансграничного характера. В данном отношении английские суды и теоретики используют формулировку “the proper law of the contract” [«право, свойственное договору»], которая, по сути, обозначает договорный статут – «право, которое английский или другой суд должен применить для определения обязательств по договору»¹. Соответственно, для демонстрации ключевых вех в формировании принципа автономии воли в английском коллизионном регулировании договорных обязательств трансграничного характера представляется важным проследить важнейшие этапы развития права, свойственного договору, то есть договорного статута как такового.

В ранний период развития английское коллизионное право, в особенности в вопросах договорного статута, активно использовало доктрину подразумеваемого намерения – такого, какое, размышляя разумно, можно было бы приписать сторонам². В этой связи показательны следующие правовые позиции. Так, лорд Аткин в деле *Rex v. International Trustee for the Protection of Bondholders Aktiengesellschaft* указал: «Правовые принципы, которыми должен руководствоваться английский суд по вопросу права, свойственного договору, в настоящее время прочно установлены. Это право, которое стороны намеревались применить. ... Если намерение не было выражено, такое намерение будет предполагаться судом, исходя из положений договора и относимых окружающих обстоятельств».

¹ *Mount Albert Borough Council v. Australasian Temperance and General Mutual Life Assurance Society Ltd.*, the Privy Council of the United Kingdom [1938] A.C. 224. Дж. Чешир характеризует рассматриваемую формулировку как «удобное и краткое выражение, чтобы описать право, которое регулирует многие вопросы, касающиеся договора» (Geoffrey Ch. Cheshire, *Private International Law*, 6th ed. (Oxford: Oxford University Press, 1961) at 213).

² В литературе отмечается, что доктрина подразумеваемого намерения превалировала до середины 1930-х гг. В соответствии с данной доктриной право, свойственное договору, определялось «посредством подразумеваемого намерения, *приписываемого* сторонам (курсив наш. – Т.Н.)» (Brooke Adele Marshall, “Reconsidering the Proper Law of the Contract” (2012) *Melbourne Journal of International Law*, Vol. 13 at 7-8).

Еще более категорично высказался лорд Райт в решении Тайного совета по делу *Mount Albert Borough Council v. Australasian Temperance and General Mutual Life Assurance Society Ltd.* Он заявил: «Стороны могли не думать об этом [праве] вообще. Тогда суд должен приписать намерение или определить вместо сторон то свойственное [договору] право, которое они, как благочестивые и разумные люди, должны были бы подразумевать или подразумевали бы, если бы они думали над этим вопросом, когда заключали договор».

Изложенные позиции позволяют заключить, что в ранней практике английских судов, как и в задумке выдающегося французского правоведа Ш. Дюмулена, воля сторон мыслилась не как действительная возможность выбора материального права сторонами отношения, а как логический прием, позволяющий при решении коллизионного вопроса определить наилучшее право. При этом в английской практике так же, как и в целом при последовавшем развитии идеи Ш. Дюмулена, признание коллизионного значения подразумеваемой воли предполагало неминуемое признание и действительного соглашения сторон на этот счет.

В частности, годом позже указанного решения по делу *Mount Albert Borough Council* тот же лорд Райт в деле *Vita Food Products Inc. v. Unus Shipping Co Ltd.* заявил: «На данный момент прочно установлено, что ... правом, свойственным договору, является ‘право, которое стороны намеревались применить’», – и конкретизировал: «Где имеется прямое заявление сторон об их намерении избрать право для договора, сложно усмотреть, какие оговорки возможны, при условии, что выраженное намерение добросовестно и легально, и при условии, что нет причин отклонить выбор на основании публичного порядка»¹. Названное решение получает широкое признание в литературе в качестве ключевого по вопросу о признании свободы сторон договора избрать применимое к нему материальное право².

¹ *Vita Food Products Inc. v Unus Shipping Co Ltd.*, the Privy Council of the United Kingdom [1939] A.C. 277.

² Abba Mayss, *Principles of Conflict of Laws*, 3rd ed. (London, Sydney: Cavendish Publishing Limited, 1999) at 113; Afroza Bilkis, “Determining Proper Law and Jurisdiction in International

Вместе с тем, первоначальная доктрина подразумеваемого намерения в ходе развития английского коллизионного права постепенно уступила место объективному тесту наиболее тесной связи. В специальной литературе можно найти указания на то, что данная доктрина превалировала до середины 30-х годов XX в.¹ Однако уже в конце XIX в. Дж. Уэстлейк ввел в юридический обиход формулировку «наиболее тесная связь» (“the most real connection” – англ.)². Правовед провел исследование практики английских судов по вопросу коллизионного регулирования договорных обязательств и в весьма осторожных

Commercial Disputes: Efficacy of Conflict of Laws Principles” (2016) *IOSR Journal of Humanities and Social Science*, Vol. 21 (2), Ver. VIII at 11-21.

Следует также отметить, что в отношении свободы сторон прямо избрать право для регулирования определенного спора Дж. О’Брайен со ссылкой на решение по делу *Gienar v. Meyer* (*Gienar v. Meyer*, Court of Common Pleas [1796] 2 H.Bl. 603) указывает, что в общем праве такая свобода признавалась с XVIII века (John O’Brien, *Conflict of Laws*, 2nd ed. (London, Sydney: Cavendish Publishing Limited, 1999) at 309). Комментируя этот тезис, нельзя не обратить внимание, что приведенное автором решение по делу *Gienar v. Meyer* считается прецедентным по вопросу о признании юридической силы за соглашением сторон о подчинении спора юрисдикции иностранного суда (Ingrid M. Farquharson, “Choice of Forum Clauses – A Brief Survey of Anglo-American Law” (1974) *International Lawyer*, Vol. 8 (1) at 83-102; William E. Syke, “Agreements in Advance Conferring Exclusive Jurisdiction on Foreign Courts” (1950) *Louisiana Law Review*, Vol. 10 (3) at 293-294; Mary Keyes, “Optional Choice of Court Agreements in Private International Law: General Report” in Mary Keyes (ed), *Optional Choice of Court Agreements in Private International Law. Ius Comparatum – Global Studies in Comparative Law. Vol. 37* (Cham: Springer, 2020) at 3). Хотя в основании обеих возможностей (как в отношении выбора применимого права, так и в отношении выбора суда) лежит в целом общая идея об автономии, они, тем не менее, действуют в кардинально разных плоскостях и по механизму своей реализации отличаются в той же мере, в какой право отличается от процесса. По этой причине мы полагаем, что основание и движущие силы принципа автономии воли в коллизионном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, должны рассматриваться самостоятельно, и без весомых к тому оснований, мы не экстраполируем правовые позиции в отношении выбора суда на выбор материального права.

¹ Brooke Adele Marshall, *Op. cit.* at 7-8.

² Например, в современной отечественной литературе на данный общепризнанный факт указывают Р. М. Ходыкин (*Ходыкин Р. М. История и развитие концепции наиболее тесной связи в международном частном праве // Право и международные экономические отношения: сб. ст. / под ред. Н. Г. Дорониной. М.: Юрист, 2005. С. 74; Ходыкин Р. М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 136), Е. А. Крутий (*Крутий Е. А. Современные кодификации международного частного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 146*), а также – в определенной степени – А. А. Шулаков (*Шулаков А. А. Принцип наиболее тесной связи в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 17-18*).*

Вполне определенно по этому вопросу высказывается М. Вольф. Допуская, что выдвинутый Савиньи термин «место» слишком неопределенный, ученый прямо заявляет: «Шаг вперед был сделан, когда Гирке ... заменил его термином “центр тяжести”, и еще больше, когда Вестлейк ... просто говорил о *праве*, с которым правовое отношение “наиболее тесным образом связано”» (Martin Wolff, *Op. cit.* at 37; *Вольф М. Указ. соч. С. 52*).

оборотах речи сделал любопытный вывод. В показательной части своего труда¹ Дж. Уэстлейк пишет: «Возможно, допустимо с достоверностью утверждать, что право, которым определяются материальная действительность и последствия договора, будет избрано в Англии по соображениям существа, когда приоритет отдается стране, с которой сделка имеет *наиболее тесную связь* (курсив наш. – Т.Н.)»².

При этом, анализируя последние на дату выхода третьего издания его труда наиболее значимые решения английских судов по делам *Jacobs v. Credit Lyonnais* и *Re Missouri Steamship Company*, Дж. Уэстлейк рассуждает следующим образом. С одной стороны, правовед утверждает, что оба решения соответствуют выдвинутому им тезису, так как опираются на соображения существа, а не на какое-либо жесткое правило в пользу права места заключения договора или места его исполнения, а с другой, вынужден признать, что в обоих делах судьи сделали акцент на намерении сторон как руководящем элементе при решении коллизионного вопроса³.

С учетом изложенного необходимо согласиться с оценкой Р. М. Ходыкина в том, что анализ практики английских судов привел Дж. Уэстлейка к выводу, что, вопреки укоренившийся терминологии, акцентирующей намерение сторон, «фактически суд применяет не право, которое бы выбрала разумная сторона, а

¹ В другой части работы Дж. Уэстлейк пишет о наиболее тесной связи применительно к обязательствам *quasi ex contractu* (John Westlake, *A Treatise on Private International Law...* 3rd ed... at 273-274).

² Мы цитируем данный тезис по § 212 третьего издания труда Дж. Уэстлейка (*Ibid* at 258). При этом в указанном издании правовед подчеркивает, что тот же тезис получил отражение в § 201 второго издания его труда. Важно отметить, что указанный тезис сохранился в неизменном виде и в последующих изданиях. Причем в пятом издании, подготовленном при помощи А. Топхема, автор, приводя возражения против подразумеваемого намерения в пользу *lex validatis*, заявляет: «Я рискну сохранить § 212 без внесения в него намерения сторон как существенного определяющего соображения» (John Westlake, *A Treatise on Private International Law with Principal Reference to its Practice in England*, 5th ed., assisted by Alfred F. Topham (London: Sweet and Maxwell, 1912) at 305), а в шестом издании, подготовленном Н. Бентвичем, приводятся еще два новейших решения английских судов, в том числе подтверждающее вывод о применении права, наиболее тесно связанного с договором (в конкретном деле – права Испании, где подлежала исполнению часть контракта), даже если такое право объявляет положения договора недействительными (John Westlake, *A Treatise on Private International Law...* 6th ed... at 289-290).

³ John Westlake, *A Treatise on Private International Law...* 3rd ed... at 258.

право, наиболее тесно связанное с отношением»¹. Таким образом, можно заключить, что в видении Дж. Уэстлейка с развитием английского коллизионного права подразумеваемая воля все более выступала лишь фикцией, прикрывающей выбор наиболее тесно связанного правопорядка.

Однако, несмотря на аналитические разработки выдающегося ученого, прямое провозглашение объективного теста наиболее тесной связи состоялось в английской судебной практике только во второй половине XX в., начиная с решения Тайного совета по делу *Bonython and Others v. Commonwealth of Australia*, в котором лорд Саймондс изложил следующую позицию совета: «Содержание обязательства должно определяться правом, свойственным договору [the proper law of the contract – англ.], то есть системой права, с отсылкой к которой договор был заключен, или той, с которой договор имеет наиболее близкую и реальную связь [closest and most real connection – англ.]»².

Изложенная позиция получила развитие в толковании лорда Диплока в рамках решения Палаты лордов по делу *Amin Rasheed Shipping Corporation v. Kuwait Insurance Co.* Пытаясь примирить упомянутое высказывание лорда Аткина в деле *Rex v. International Trustee for the Protection of Bondholders Aktiengesellschaft*, постулирующее подразумеваемую волю как способ решения коллизионного вопроса в договорных обязательствах, и формулу, выдвинутую лордом Саймондсом, лорд Диплок подчеркнул: «Если это очевидно из положений самого договора, что стороны намеревались подчинить его толкование посредством отсылки к определенной системе права, их намерению будет отдан приоритет, и следующий вопрос о системе права, с которой, по мнению суда, сделка, к которой относится договор, имела бы, без такого намерения сторон, наиболее близкую и реальную связь, не возникнет»³.

¹ Ходыкин Р. М. История и развитие концепции наиболее тесной связи в международном частном праве... С. 74; Ходыкин Р. М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве... С. 136.

² *Bonython and Others v. Commonwealth of Australia*, the Privy Council of the United Kingdom [1951] A.C. 201; 66 T.L.R. (Pt. 2) 969.

³ *Amin Rasheed Shipping Corporation v. Kuwait Insurance Co.*, the House of Lords of the United Kingdom [1984] A.C. 50.

В литературе по английскому коллизионному праву обращено особое внимание на то, что уточнение лорда Диплока акцентировало разделительный характер союза «или»¹ и, тем самым, способствовало выделению в формуле *Bonython* двух самостоятельных тестов (так называемых «ног» формулы *Bonython*), используемых на различных стадиях и вооруженных различным инструментарием². Разделение этих тестов в свете толкования лорда Диплока оказалось настолько категоричным, что предписывало в том случае, если на вопрос о существовании намерения сторон, будет дан отрицательный ответ, не учитывать снова факторы, относящиеся к намерению сторон, при ответе на второй вопрос о наиболее близкой и реальной связи³.

При таком подходе принцип наиболее тесной связи приобретает подчеркнуто объективный характер. В частности, в решении Апелляционного суда по делу *Coast Lines Ltd. v. Hudig and Veder Chartering N.V.* лорд Деннинг, выступая против решения коллизионного вопроса на основе подразумеваемого намерения, весьма категорично утверждает, что указанное решение «не зависит от намерения сторон. Они никогда не думали об этом. У них не было намерений в этом отношении. Мы должны изучить каждое обстоятельство, связанное с договором, и прийти к решению»⁴. В целом же трактат Читти излагает объективный тест права, свойственного договору, следующим образом: в отсутствие действительного выбора сторон «необходимо отклонить все указатели

¹ Erwin Spiro, “The Proper Law of the Contract and Renvoi: Further Comments on the *Amin Rasheed Shipping Case*” (1984) *The International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 33 (1) at 199; Peter Kincaid, “Rationalising Contract Choice of Law Rules” (1993) *Otago Law Review*, Vol. 8 (1) at 95.

² Anthony J. E. Jaffey, “The English Proper Law Doctrine and the EEC Convention” (1984) *The International and Comparative Law Quarterly*, Volume 33, Issue 3 at 531; Peter Kincaid, *Op. cit.* at 95, 115.

³ В качестве примеров, в которых установление намерения на основании первого теста может не состояться, А. Джаффи указывает случаи, в которых типовая форма договора может указывать на определенное право, но не однозначно; либо конфликтующие показатели могут нейтрализовать друг друга. В этой связи ученый подчеркивает: «Данные факторы, оказавшись недостаточными в качестве показателей действительного намерения сторон, не должны быть взвешены опять, совместно с объективными связями со странами, на основании второго теста формулы *Bonython*» (Anthony J. E. Jaffey, *Op. cit.* at 531).

⁴ *Coast Lines Ltd. v. Hudig and Veder Chartering N.V.*, the Court of Appeal [of England and Wales] [1972] 2 Q.B. 34.

намерения сторон и выявить право, “с которым сделка имеет наиболее близкую и реальную связь”», для чего «все факты и обстоятельства договора [отношения] должны быть исследованы»¹.

Таким образом, итогом становления принципа наиболее тесной связи в английском коллизионном праве стала его кристаллизация в качестве исключительно объективного теста, опирающегося на беспристрастный подсчет фактических, в сущности – географических, указателей локализации отношения². В таких условиях функцию правоприменителя при решении коллизионного вопроса можно сравнить с принципом действия компаса, стрелка которого неизбежно зависит от магнитного поля Земли.

Нельзя не признать, что формула *Bonython* (и входящий в нее тест наиболее близкой и реальной связи) в условиях конкретного исторического периода, когда

¹ Hugh Beale (ed), *Chitty on Contracts, Vol. I (General Principles)*, 31st ed. (Sweet & Maxwell, Thomson Reuters, 2012) at 2 176-2 177. Тракта́т Читти о договорах является широко известным трудом по английскому договорному праву. В частности, суды Российской Федерации при рассмотрении конкретных дел признают его в качестве источника, в котором изложены принципы английского договорного права (в Западно-Сибирском округе – Постановления Восьмого арбитражного апелляционного суда от 24 декабря 2015 г. по делу № А75-13597/2014 и от 22 декабря 2015 г. по делу № А75-13596/2014; в Поволжском округе – Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 марта 2015 г. по делу № А65-7508/2014; в Северо-Западном округе – Постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 09 октября 2017 г. по делу № А56-75891/2015, от 02 мая 2017 г. по делу № А56-75891/2015 и от 29 октября 2014 г. по делу № А56-8626/2012).

² Процесс взвешивания географических указателей иллюстрируется в английской литературе фактами дела *The Assunzione* (John O'Brien, Op. cit. at 313). Хотя, как будет указано ниже, решение по данному делу является неоднозначным, его факты показательны: «итальянское судно было зафрахтовано французскими грузоотправителями». Индикаторы французской принадлежности включали следующие: «перед текстом чартерпартии стояла пометка “Париж”»; «чартерпартия была составлена на английском языке, но дополнение к ней ... на французском языке; коносаменты были выписаны на французском языке и по французской форме; фрахтователями были французские брокеры, действовавшие по поручению французского правительства». Индикаторы итальянской принадлежности включали следующие: «судно несло итальянский флаг и принадлежало двум братьям-итальянцам ... ; Италия была местом исполнения в том смысле, что сдача товара должна была иметь место в Венеции; фрахт и демередж подлежали оплате в Неаполе в итальянской валюте; коносаменты были индоссированы грузополучателям в Италии» (*Чешир Дж., Норт П. Международное частное право / пер. с англ. С. Н. Андрианова, под ред. М. М. Богуславского. М.: Прогресс, 1982. С. 266*). Дж. Чешир обобщает, что при таких обстоятельствах, ни одно из них «само по себе не имело решающего значения, необходимо было взвесить в сопоставлении все привязки и таким образом определить страну, с которой договор был надлежащим образом связан». Как следствие, «обязанность фрахтователей выплатить фрахт и демередж в Неаполе в итальянской валюте» перевесила «чашу весов в пользу итальянского права» (Там же. С. 267).

английское коллизионное право еще формировало свои принципы в практике английских судов, получила повсеместное признание не сразу¹. Тем не менее, к моменту унификации коллизионного регулирования договорных обязательств в государствах-членах Европейских сообществ², анализируемая формула оценивалась в английском коллизионном праве как главное юридическое определение права, свойственного договору, в отсутствие действительного

¹ Например, решение Апелляционного суда по делу *The Assunzione* справедливо оценивается как снабжающее аргументами обе стороны спора по вопросу о праве, свойственном договору: «в то время как решение добавляет еще одно дополнительное орудие к и так несметному вооружению субъективистов, объективисты, без сомнения, найдут утешение в аргументации и мнениях судей» (L. J. Blom-Cooper, “Decisions” (1954) *International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 3 (2) at 356). Наиболее известным в этом отношении стало высказывание лорда Синглтона, который заявил: «Суд должен за стороны определить свойственное договору право, которое они как справедливые и разумные люди должны были бы иметь в виду, если бы они подумали об этом при заключении договора. ... При решении этого вопроса мы должны учитывать условия договора, положение сторон и вообще все сопутствующие обстоятельства» (*The Assunzione*, the Court of Appeal [of England and Wales] [1954] P. 150). Нетрудно заметить, что, с одной стороны, лорд Синглтон оперирует неким стандартом справедливого и разумного человека (и того, что он должен был бы иметь в виду), а с другой, опирается на все сопутствующие обстоятельства. Тем не менее, изложенное в целом позволило Дж. Чеширу дать высказыванию однозначно объективное толкование: «если свойственное договору право в прямо выраженной форме не выбрано сторонами, оно зависит от локализации договора». Более того, вслед за Дж. Уэстлейком Дж. Чешир делает общий вывод, что «ссылка на намерение сторон есть всего лишь правовая фикция» и «суд приписывает сторонам намерение придерживаться той правовой системы, под которую договор можно с наибольшим основанием считать подпадающим, учитывая имеющиеся привязки и все обстоятельства в целом» (Чешир Дж., Норт П. Указ. соч. С. 261).

Примечательно, что прием Дж. Уэстлейка усмотреть в коллизионном выборе, мотивированном подразумеваемой волей, выбор в действительности права, наиболее тесно связанного с отношением, используется и современными отечественными правоведом. Так, Р. М. Ходыкин, проводя содержательный анализ решения Палаты лордов по делу *Rex v. International Trustee for the Protection of Bondholders Aktiengesellschaft*, к которому относится известное высказывание лорда Аткина о предполагаемом судом намерении, делает характерный для Дж. Уэстлейка вывод: «Процесс поиска применимого права ... весьма близок к применению критерия наиболее тесной связи, но при этом суды оперируют подразумеваемым намерением сторон» (Ходыкин Р. М. История и развитие концепции наиболее тесной связи в международном частном праве... С. 76). Полагаем, что использование описанного приема обуславливается каучуковым характером концепции подразумеваемой воли, за счет которого она, не будучи формально отмененной, постепенно уступала место более объективным критериям коллизионного выбора.

² Речь идет о принятии 19 июня 1980 г. Римской конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам. Указанная конвенция была имплементирована в национальное право Великобритании посредством Акта о контрактах (применимом праве) (Contracts (Applicable Law) Act 1990 [of the United Kingdom] // 1990. С. 36), введенного в соответствующей части в действие с 01 апреля 1991 г. (The Contracts (Applicable Law) Act 1990 (Commencement No. 1) Order 1991 [of the United Kingdom] // 1991. No. 707. С. 16).

выбора сторон¹, а принцип наиболее близкой и реальной связи, в том числе с прямой отсылкой к решению Тайного совета по делу *Bonython and Others v. Commonwealth of Australia*, был также установлен верховными судами других государств, входящих в Британское Содружество наций².

¹ Anthony J. E. Jaffey, Op. cit. at 531.

² Так, арбитраж Международной торговой палаты при рассмотрении одного из дел пришел к выводу, что суды большинства юрисдикций общего права, в том числе Англии, США, Канады, Сингапура, Австралии, применяют принцип наиболее близкой и реальной связи (*State joint stock company (Uzbekistan) v. State agency (India)*, Final award in case no. 14 667, International Chamber of Commerce [2015] Yearbook of Commercial Arbitration, Vol. XL at § 142-143). При этом в рамках проводимого анализа арбитраж сослался на два судебных акта, непосредственно цитирующих решение Тайного совета по делу *Bonython and Others v. Commonwealth of Australia*, как-то: решение Верховного Суда Канады по делу *Imperial Life Assurance Co. of Canada v. Segundo Casteleiro y Colmenares* и решение Верховного Суда Индии по делу *Delhi Cloth & General Mills Co. v. Harnam Singh* (Ibid at § 142).

Факты дела *Imperial Life Assurance Co. of Canada v. Segundo Casteleiro y Colmenares* состояли в том, что два полиса страхования жизни были получены через подразделение канадской компании на Кубе. Страхователь запросил полисы в Гаване, заявки были адресованы головному офису страховщика в Торонто, где были изготовлены и заявки, и полисы. Полисы были составлены на испанском языке, но по стандартной форме Онтарио. Соответственно, встал коллизионный выбор между правом Канады и Кубы. Комментируя правовую позицию суда, отметим, что Верховный Суд Канады действительно цитирует формулу *Bonython* в подтверждение тезиса, согласно которому высшими судами Англии признано, что проблема определения права, свойственного договору, должна решаться посредством оценки контракта в целом в свете всех обстоятельств, которые окружают его, и применения права, которое представляется имеющим наиболее близкую и существенную связь (the closest and most substantial connection – англ.; Верховный Суд Канады при трактовке оригинальной формулы *Bonython* заменяет термин «реальную» [связь] на «существенную»). Высказывая вслед за Дж. Чеширом сомнения относительно того, что правом, свойственным договору страхования жизни, должно обязательно быть право страны, в которой находится головной офис страховщика, суд указывает, что в данном деле значение этого места нахождения подкрепляется тем, что именно там было принято решение по страхованию (и оно не могло быть принято в Гаване). Вместе с тем, несмотря на изложенные доводы, суд указывает, что превосходящее значение в данном деле имеет то, что заявки и полисы были изготовлены в Онтарио по общей стандартной форме, соответствующей законам этой провинции. По мнению суда, лицо, подающее заявку на страхование по форме, подготовленной в офисе компании в Онтарио, будет предвидеть, что полис будет регулироваться правом этой провинции, а форма полиса свидетельствует, что страховщик намеревался подчиниться этому праву (*Imperial Life Assurance Co. of Canada v. Segundo Casteleiro y Colmenares*, Supreme Court of Canada [1967] S.C.R. 443). Таким образом, можно заключить, что Верховный Суд Канады, хотя и признал юридическое значение теста наиболее близкой и реальной связи, однако именно в данном деле в большей степени опирался на тест намерения (вполне справедливо расценивая типовую форму как показатель последнего).

Напротив, Верховный Суд Индии в деле *Delhi Cloth & General Mills Co. v. Harnam Singh*, разрешая вопрос о праве, регламентирующем взыскание задолженности (гарантийного платежа по договору поставки), не только процитировал высказывание лорда Саймондса по делу *Bonython*, но и, обращаясь к концепции подразумеваемой воли, прямо заявил: «Представляется неоправданно искусственным приписывать намерение там, где мы знаем, что его не было. ... По

Исследование английского права в части коллизионного регулирования договорных отношений, осложненных иностранным элементом, позволяет сделать вывод, что подразумеваемая воля, выступавшая с самого зарождения в работах Ш. Дюмулена в качестве фикции, позволяющей суду избрать наиболее разумную, адекватную для конкретного отношения привязку, прочно укоренилась в ранней английской судебной практике. При этом признание подразумеваемой воли неминуемо повлекло за собой безусловное признание воли реальной. И в то время как подразумеваемая воля уступила место объективному тесту наиболее тесной связи, коллизионное значение действительного волеизъявления сторон отношения осталось незыблемым. Как следствие, выбор права, свойственного договору, на основе английской формулы *Bonython* сформировался как построенный на дихотомии выбора сторон (действительного соглашения о применимом праве) и определения судом локализации договора (объективного теста наиболее тесной связи).

Неудивительно, что дальнейшее развитие английского коллизионного права в рассматриваемой области, протекавшее в рамках европейской интеграции, являлось закономерным продолжением отмеченных тенденций. В частности, положение отчета М. Джулиано и П. Лагарда к Римской конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам, согласно которому правило, постулирующее автономию воли в ст. 3 конвенции, фактически лишь подтвердило «правило, входящее ... [на момент разработки конвенции] в международное частное право всех стран-членов Сообществ и большинства других стран»¹, справедливо и для английского правопорядка. Так, в названном отчете, со ссылкой на позицию лорда Райта в деле *Vita Food Products Inc. v. Unus*

нашему мнению, что суды действительно делают, когда нет выраженного соглашения, это применяют объективный тест, хотя кажется, что они рассматривают намерение субъективно». В итоге суд пришел к выводу, что при решении коллизионного вопроса по данному делу и установленное английской доктриной правило *lex situs*, и тест наиболее близкой и реальной связи (который суд применил, выявив место, где «наиболее плотно» были сгруппированы элементы, из которых возникло обязательство платежа) вели к одному и тому же праву, объявленному на этих основаниях правом, свойственным договору (*Delhi Cloth & General Mills Co. v. Harnam Singh*, Supreme Court of India [1955] A.I.R. 590).

¹ Report... by Mario Giuliano & Paul Lagarde. Art. 3, para 1.

Shipping Co Ltd., отмечается: «Английское право признает, что стороны договора свободны в выборе права, которое должно его регулировать (“права, свойственного договору”))»¹.

Изложенный вывод находит подтверждение и в специальной литературе. В частности, А. Майсс пишет: «Как и английские правила общего права, Конвенция проводит основное разграничение между ситуацией, когда применимое право избирается сторонами, и ситуацией, когда, в отсутствие выбора, применимое право должно устанавливаться объективно»².

Следовательно, поскольку в части автономии воли сторон договорного обязательства трансграничного характера Регламент Рим I выступил очевидным продолжением Римской конвенции, постольку и положения коммунитарного права в рассматриваемой области могут рассматриваться как закономерное развитие подходов английских судов к признанию юридического значения выбора материального права сторонами договора.

Более того, важно отметить, что несмотря на выход Великобритании из ЕС, положения Регламента Рим I в качестве имплементированных на основании специального акта продолжают применяться на ее территории³. Несущественные изменения коснулись тех предписаний, которые связаны с изменившимся статусом Великобритании по отношению к Европейскому Союзу. В частности, в ст. 3 Регламента терминологические коррективы закономерно коснулись п. 4, посвященного приоритету коммунитарного права для договорных отношений, все элементы которых связаны с одним или более государством-членом ЕС. По существу же стандарт автономии воли в Великобритании остается неизменным. При этом, как особо подчеркивают специалисты, «в любом случае положения

¹ Report... by Mario Giuliano & Paul Lagarde. Art. 3, para 1.

² Abia Mayss, Op. cit. at 112.

³ The Law Applicable to Contractual Obligations and Non-Contractual Obligations (Amendment etc.) (EU Exit) Regulations 2019 // Legislation.gov.uk – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/2019/834> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

Рима I по сути отражают позицию, которая была бы иным образом применима в качестве английского общего права по вопросу о выборе правопорядка»¹.

Таким образом, следует заключить, что английское коллизионное право, по крайней мере, в части автономии воли сторон договорных обязательств трансграничного характера, как до унификации в рамках европейской интеграции, так и в особенности после, развивается в общем русле с коллизионными подходами стран романо-германской правовой семьи, что может быть обусловлено географической близостью и соответствующей интенсивностью взаимодействия частных лиц, что в свою очередь сказывается на подходах к правовому регулированию.

С учетом изложенного представляет большой интерес обращение к специфике понимания и применения автономии воли в коллизионном регулировании гражданских отношений в пределах юрисдикции Соединенных Штатов Америки. В этой связи требуется рассмотреть предварительный вопрос о специфике коллизионного права в данном государстве и его ключевых источниках.

Прежде всего, следует указать, что США – это федеративное государство, в котором штатам предоставляются значимые правотворческие полномочия в сфере частного права, в силу чего горизонтальные коллизии в этой области могут быть между национальным федеральным и иностранным правопорядками, между правопорядками отдельных штатов и между правопорядком штата и правопорядком иностранного государства². Причем в литературе отмечается, что первые «разрешаются скорее не ординарными коллизионными принципами, а

¹ Adam Sanitt, “Impact of Brexit on Choice of Law, Jurisdiction and Enforcement” (2021) – Norton Rose Fulbright. URL: <https://www.nortonrosefulbright.com/en-gb/knowledge/publications/a6ec9370/impact-of-brexit-on-choice-of-law-jurisdiction-and-enforcement> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

² Наряду с названными горизонтальными коллизиями С. Симеонидес указывает на существование вертикальных коллизий между федеральным правопорядком и правопорядками отдельных штатов, однако, как подмечает автор, «процесс разрешения таких коллизий состоит не в выборе между правом штата и федерации, а скорее в определении сферы охвата федерального права» и, соответственно, данные коллизии лишь ограниченно затрагиваются международным частным правом (Symeon C. Symeonides, *American Private International Law* (Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2008) at 17).

канонами конституции, в одностороннем порядке очерчивающими область действия федеральных статутов», в то время как правила разрешения вторых и третьих устанавливаются преимущественно штатами¹. Более того, в соответствии с традицией стран общего права коллизионное право штатов формировалось преимущественно посредством судебной практики, что однако не исключает как наличия кодифицированного источника международного частного права в штате Луизиана², так и создания Американским институтом права Сводов законов о конфликте законов в качестве высоко убедительных обобщений выработанных судами позиций в рамках доктрины *stare decisis*³. Соответственно, названным документам мы уделим основное внимание для оценки специфики понимания и применения автономии воли в коллизионном регулировании на территории США.

В отношении штата Луизиана следует сразу сделать оговорку о том, что его правовая система рассматривается в качестве анклава «романо-германского права в системе англосаксонского права»⁴. Соответственно, в данном штате был принят Гражданский кодекс, книга IV которого кодифицирует коллизионное регулирование гражданских, семейных, наследственных отношений. Характеризуя этот документ, обратим внимание на три момента. Во-первых, книга IV ГК Луизианы датируется 1991 г., а значит, является сравнительно современным источником в исследуемой области. Во-вторых, коллизионное регулирование договорных обязательств в данном акте является весьма лаконичным. В частности, титул VI «Договорные обязательства» состоит всего из пяти статей, каждая из которых включает не более двух абзацев. В-третьих, ст. 3540 ГК Луизианы, посвященная автономии воли, ограничивается установлением того, что «все другие вопросы договорных обязательств [исходя из

¹ Symeon C. Symeonides, *American Private International Law...* at 17-18.

² В частности, коллизиям законов посвящена Книга IV Гражданского кодекса Луизианы (*Louisiana Civil Code. Book IV. Conflict of Laws* [1991] No. 923 § 1).

³ Наименование доктрины *stare decisis* является сокращением латинской формулировки *stare decisis et non quieta movere*, которая переводится как «придерживаться решений и не бередить урегулированные вопросы». Данная доктрина лежит в основе юридической силы судебного прецедента (Adam Gearey, Wayne Morrison & Robert Jago, *The Politics of the Common Law: Perspectives, Rights, Processes, Institutions*, 2nd ed. (Abingdon: Routledge, 2013) at 116).

⁴ Рассказов Л. П. Романо-германская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники // Юристъ-Правоведъ. 2014. № 5 (66). С. 12-13.

последовательности статей титула, вопросы за пределами формальной действительности договора и правоспособности сторон, прим. наше. – Т.Н.] регулируются правом, которое стороны прямо избрали или на которое они явно полагались, за исключением тех пределов, в которых это право противоречит публичному порядку штата [государства], чье право было бы применимо» в соответствии с установленной коллизионной нормой.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что коллизионное право Луизианы, в русле традиции романо-германской правовой семьи, признает автономию воли сторон договорных обязательств трансграничного характера. В соответствии с текстом анализируемой статьи, ГК Луизианы допускает как прямо выраженный, так и подразумеваемый выбор, при этом все другие вопросы реализации сторонами автономии воли (последующий выбор, депесаж и др.) регламентации в законе не находят. Вместе с тем, непосредственно в тексте статьи, посвященной рассматриваемому принципу, акцентируется ограничение применения избранного сторонами права публичным порядком штата (государства), политикам (интересам) которого, как вытекает из коллизионной нормы ст. 3537 ГК Луизианы, был бы нанесен наиболее серьезный ущерб, если бы его право не было применено в деле.

Приведенное ограничение в целом традиционно для абсолютного большинства юрисдикций, за тем исключением, что в станах романо-германской правовой семьи речь идет, прежде всего, об отказе в применении иностранного права, которое противоречит публичному порядку страны суда, а в процитированной статье говорится о приоритете права штата (государства), политики (интересы) которого в наибольшей мере затрагиваются делом и которое совсем не обязательно будет являться правом штата (государств) суда. Последнее объясняется в существенной мере общими концептуальными основами построения американского коллизионного права, на которых мы кратко остановимся далее.

В качестве отправной точки обзора американской доктрины по вопросу об автономии воли представляется важным процитировать позицию Верховного

Суда США по делу *Wayman v. Southard*, в котором еще в 1825 г. в качестве универсального принципа рассматривается тезис о том, что «во всяком суде договор регулируется правом, с намерением в отношении которого он был заключен [“with a view to which it was made”]»¹.

Тем не менее, серьезная доктринальная оппозиция в отношении автономии воли выразилась в том, что Первый свод законов о конфликте законов США,

¹ *Wayman v. Southard*, the Supreme Court of the United States [1825] 23 U.S. 1. В литературе данное решение приводится в качестве подтверждения раннего признания автономии воли сторон договорных обязательств в американской судебной практике (Robert Johnston, “Party Autonomy in Contracts Specifying Foreign Law” (1966) *William and Mary Law Review*, Vol. 7 (1) at 38; Perry Dane, “Party Autonomy and the Challenge of Choice of Law” in Roxana Banu, Michael S. Green & Ralf Michaels (eds), *Philosophical Foundations of Conflict of Laws* (Oxford University Press, 2023) – SSRN. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4203960 (дата обращения: 01 августа 2025 г.) at 7).

С. Симеонидес в рассматриваемом отношении ссылается также на решение Верховного Суда США по делу *Pritchard v. Norton*, датируемое 1882 г. (Symeon C. Symeonides, Party Autonomy in International Contracts and the Multiple Ways of Slicing the Apple... at 1124). Действительно, в указанном решении Верховный Суд США заявляет: «Договор регулируется правом, с намерением в отношении которого он заключается». Вместе с тем, из приведенного тезиса суд делает следующий вывод: «Поэтому следует предполагать, в отсутствие какого-то прямого заявления или определяющих обстоятельств в пользу обратного, что стороны имели ввиду право, в соответствии с которым их договор будет сохранен, а не то, в соответствии с которым он будет объявлен недействительным» (*Pritchard v. Norton*, the Supreme Court of the United States [1882] United States Reports, Supreme Court. Vol. 106: Cases Argued and Adjudged in the Supreme Court of the United States. October Term, 1882, reported by William T. Otto, Vol. XVI (Boston: Little, Brown, and Company, 1883) at 124, 137). Более того, непосредственно в тексте данного решения суд цитирует широко известное высказывание английского юриста Р. Филлимора о том, что «стороны не могут предполагаться рассчитывающими на право, которое сделает недействительными их обязательства» (Sir Robert Phillimore, *Commentaries upon International Law, Vol. IV (Private International Law or Comity)*, 2nd ed. (London: Butterworths; Dublin: Hodges, Foster & Co., 1874) at 510). В свою же очередь Р. Филлимор ссылается на Ф. К. фон Савиньи, который, в свойственной ему технике, обосновывает подразумеваемым намерением сторон доктрину *lex validatis*: «Если применение ранее установленных [коллизионных] правил приведет нас к подчинению договора праву (например, праву места исполнения), согласно которому он [договор] будет недействительным, в то время как он будет действительным по праву domicilia, тогда, безусловно, нельзя предполагать, что стороны намеревались подчинить себя местному закону, который совершенно противоречит их цели» (Friedrich Carl von Savigny, *Private International Law. A Treatise on the Conflict of Laws, and the Limits of Their Operation in Respect of Place and Time*, translated, with notes, by William Guthrie (Edinburgh: T. & T. Clark, Law Publishers; London: Stevens & Sons, 1869) at 177). В свете изложенного решение Верховного Суда США по делу *Pritchard v. Norton* мы рассматриваем в большей степени в разрезе доктрины *lex validatis*, в основе которой лежит тезис о предпочтительности сохранения действительности сделки и первоначальным основанием которой выступила концепция подразумеваемой воли.

датируемый 1934 г., не имеет какого-либо положения на этот счет¹. Главную роль в этой связи приписывают Дж. Биллю, который выступал докладчиком в ходе разработки свода и воззрения которого оказали существенное влияние на его содержание². По вопросу об автономии воли Дж. Биль занимал категорическую позицию: «Это функция права – определять правило, которое регулирует сделку; а позволять сторонам выбирать это правило значит наделять их законодательными функциями»³.

Тем не менее, поразительный исторический факт составляет то, что несмотря на жесткую позицию выдающегося правоведа и отсутствие соответствующего положения в Своде законов, суды, как отмечают многие авторы, продолжали признавать юридическую силу автономии воли⁴. Так, У. Ричман и Д. Райли указывают, что в период существования Первого свода «суды регулярно признавали юридическую силу за оговорками о выборе права и регулярно поддерживали принцип автономии сторон»⁵.

¹ Restatement of the Law of Conflict of Laws: as Adopted and Promulgated by the American Law Institute on 11 May 1934 (St. Paul: American Law Institute Publishers, 1934).

² Perry Dane, Op. cit. at 5; Symeon C. Symeonides, *American Private International Law...* at 197; William M. Richman & David Riley, “The First Restatement of Conflict of Laws on the Twenty-Fifth Anniversary of Its Successor: Contemporary Practice in Traditional Courts” (1997) *Maryland Law Review*, Vol. 56 (4) at 1213.

³ Joseph H. Beale, Op. cit. at 79-80. С. Симеонидес приводит любопытные материалы обсуждения автономии воли на заседании Американского института права в 1928 г. в рамках подготовки Первого свода законов о конфликте законов. Дж. Биль решительно отверг как концепцию подразумеваемой воли, так и прямо выраженные соглашения сторон о праве. В ответ на вопрос о допустимости данных соглашений хотя бы в тех случаях, когда никакие фундаментальные политики не вовлечены, правовед заявил, что «не рожден еще человек, настолько мудрый», чтобы оценивать все градации публичной политики (Symeon C. Symeonides, *Party Autonomy in International Contracts and the Multiple Ways of Slicing the Apple...* at 1125).

⁴ С. Симеонидес высказывается по этому вопросу весьма решительно: «Большинство судов предпочли проигнорировать объявление им [Дж. Билем и отражающим его воззрения Сводом законов] автономии воли вне закона» (Ibid at 1126).

⁵ Правоведы конкретизируют: «Исследование выявило более тридцати позиций [судов], рассматривавших контракты с оговорками о выборе права, и ни одна из них не приняла точку зрения Билля о принципиальном неприятии [автономии воли]». Более того, раскрывая результаты проведенного исследования, авторы указывают, что «все [судебные позиции], за исключением двух, содержат обороты речи, прямо одобряющие автономию сторон в принципе, вне зависимости от того, признают ли они юридическую силу конкретной оговорки о выборе права для суда». При этом в двух названных исключениях имели место «серьезные соображения публичной политики», а значит, «решения судов игнорировать оговорки о выборе права в таких условиях соответствовали современным правилам автономии сторон» (William M. Richman & David Riley, Op. cit. at 1213).

«Признавая эту реальность», как метко высказывается С. Симеонидес, Второй свод законов о конфликте законов формально санкционирует автономию воли сторон договорных обязательств в § 187¹, которому до сих пор следует подавляющее большинство американских судов, включая и те, которые в других вопросах не следуют Второму своду². Для характеристики указанного положения значимы два измерения: во-первых, общая парадигма американского коллизионного права, определяющая принципиальные основы его построения; во-вторых, специальные правила реализации автономии воли в американском коллизионном регулировании.

Для понимания американского коллизионного права, получившего выражение во Втором своде законов о конфликте законов и вплоть до текущего периода, важно осветить учение второго выдающегося американского правоведа Б. Карри, которого в американской юриспруденции небезосновательно именуют «отцом современной теории коллизионного права»³. С учетом цели настоящего исследования осветим ключевые реперные точки учения Б. Карри.

Во-первых, «центральная проблема коллизионного права», по мнению правоведа, заключается в «определении подходящей нормы для решения, когда интересы двух или более государств [штатов] находятся в конфликте, – иными словами, в определении того, какой из интересов должен уступить»⁴. Концепция «правительственного», или «государственного», интереса, по общему признанию

¹ Restatement of the Law, Second: Conflict of Laws: as Adopted and Promulgated by the American Law Institute on 23 May 1969 (St. Paul: American Law Institute Publishers, 1971-1988).

² Symeon C. Symeonides, Party Autonomy in International Contracts and the Multiple Ways of Slicing the Apple... at 1126.

³ Larry Kramer, "More Notes on Methods and Objectives in the Conflict of Laws" (1991) *Cornell International Law Journal*, Vol. 24 (2) at 245-278. К. Рузвельт III во введении публикации в рубрике «Ежегодная лекция Брейнерда Карри» указывает, что «Карри является чрезвычайно важной фигурой в сфере» коллизионного права (Kermit Roosevelt III, "Brainerd Currie's Contribution to Choice of Law: Looking Back, Looking Forward" (2014) *Mercer Law Review*, Vol. 65 at 501). Г. Симсон во введении публикации в той же рубрике заявляет: «Не будет преувеличением сказать, что Карри был наиболее влиятельным ученым коллизионистом прошлого века» (Gary J. Simson, "Choice of Law After the Currie Revolution: What Role for the Needs of the Interstate and International Systems?" (2012) *Mercer Law Review*, Vol. 63 at 716).

⁴ Brainerd Currie, "Notes on Methods and Objectives in the Conflict of Laws" (1959) *Duke Law Journal*, Vol. 1959 (2) at 173.

ученых, совершила революцию в американском коллизионном праве¹. Тезис о значении интереса государства (штата) для решения коллизионного вопроса получает развитие в разделении коллизий на действительные, ложные и особые случаи, в которых интерес отсутствует².

Действительная коллизия имеет место в случае, когда в основе конфликтующих норм лежат конфликтующие политики и каждое государство (штат) имеет интерес в применении своей политики в конкретном деле; ложная – когда только одно государство (штат) имеет интерес в применении своей политики³. В последнем случае необходимо, по мнению автора, применять право единственного заинтересованного государства (штата)⁴; в то время как использование жестких коллизионных привязок может повлечь необоснованное применение права незаинтересованного в этом государства (штата)⁵.

¹ Lea Brilmayer & Raechel Anglin, “Choice of Law Theory and the Metaphysics of the Stand-Alone Trigger” (2010) *Iowa Law Review*, Vol. 95 at 1152; Robert A. Sedler, “The Governmental Interest Approach to Choice of Law: An Analysis and a Reformulation” (1977) *UCLA Law Review*, Vol. 25 at 181.

² Несмотря на некоторую критику, С. Симеонидес признает, что «эта трехчленная категоризация коллизий, за которую Карри следует отдать должное, является аналитически полезной» (Symeon C. Symeonides, “The Choice of Law Revolution Fifty Years After Currie: An End and A Beginning” (2015) *University of Illinois Law Review*, Vol. 2015 (5) at 1862).

Вместе с тем, нельзя не отметить, что некоторые авторы усматривают в учении Б. Карри четыре вида коллизий, выделяя наряду с действительными и ложными, а также особыми случаями, в которых интерес отсутствует, «кажушиеся» коллизии, в которых вывод о возможных интересах задействованных государств (штатов) является результатом предварительной оценки и требует переоценки на предмет того, может ли более умеренное и сдержанное толкование интересов одного из государств (штатов) помочь избежать коллизии. При положительном решении суд будет иметь дело с ложной коллизией, а при отрицательном – с действительной (Robert A. Sedler, Op. cit. at 187-188). Поскольку «кажущаяся» коллизия составляет лишь предварительную квалификацию, которая в целях решения коллизионного вопроса в обязательном порядке должна быть определена либо как действительная, либо как ложная, мы согласимся с учеными, усматривающими в учении Б. Карри только три вида коллизий.

³ Brainerd Currie, *Selected Essays on the Conflict of Laws* (Durham: Duke University Press, 1963) at 183-184.

⁴ В частности, ученый пишет: «Если суд установит, что государство суда не имеет интереса в применении своей политики, но иностранное государство имеет, ему следует применить иностранное право» (Brainerd Currie, *Notes on Methods and Objectives in the Conflict of Laws...* at 178).

⁵ Ibid at 174. В специальной литературе в качестве примера ложной коллизии указывается случай, в котором истец и ответчик по делу о деликтной ответственности проживают в государстве (штате), устанавливающем возмещение вреда, но вред был причинен в государстве (штате), не устанавливающем возмещение; в данных условиях государство (штат),

Ярким примером особого случая, в котором интерес отсутствует, выступает такой, в котором право государства (штата) истца благоприятно для ответчика, а право государства (штата) ответчика – для истца; как следствие, ни одно из государств (штатов) не заинтересовано в предоставлении благоприятного режима лицу из другого государства (штата)¹.

Во-вторых, необходимо признать, что учение Б. Карри в значительной степени склоняется к применению *lex fori*, так как и в случае действительной коллизии, и в особом случае, когда интерес отсутствует, автор считает именно государство (штат) форума имеющим наиболее сильный интерес в применении собственного права². Как следствие, однонаправленный характер³ учения Б. Карри подвергается серьезной критике со стороны многих специалистов в сфере международного частного права⁴. В частности, Л. А. Лунц высказывается весьма категорично: «Карри в принципе отрицает применение иностранного закона, ибо-де только путем применения собственного материального права суд реализует политику и интересы своего государства, выраженные в этом праве»⁵.

в котором ущерб был причинен, рассматривается как не имеющее интереса в применении своих норм о возмещении (James R. Ratner, “Using Currie’s Interest Analysis to Resolve Conflicts Between State Regulation and the Sherman Act” (1989) *William and Mary Law Review*, Vol. 30 (4) at 730). Более того, подчеркивается, что именно в данном случае закон места причинения вреда, который устанавливался § 377 Свода законов о конфликте законов США 1934 г. (Lea Brilmayer, Jack Goldsmith, Erin O’Hara O’Connor, Carlos M. Vázquez, *Conflict of Laws: Cases and Materials*, 8th ed. (Wolters Kluwer – Aspen Casebook Series, 2020) at 25) в качестве традиционной привязки, «дает очевидно ошибочный результат, так как требует применения права государства [штата], которое не имеет интереса в применении своего права, в ущерб интересам государства [штата], которое имеет» (Robert A. Sedler, *Op. cit.* at 186).

¹ Russell J. Weintraub, *Commentary on the Conflict of Laws*, 2nd ed. (Mineola: The Foundation Press, Inc., 1980) at 318.

² Ученый прямо заявляет: «Обыкновенно даже в делах, осложненных иностранным элементом, от суда следует ожидать по общему правилу применения для вынесения решения норм, имеющих в праве страны суда» (Brainerd Currie, *Notes on Methods and Objectives in the Conflict of Laws...* at 178).

³ В связи с этим А. В. Асосков считает Б. Карри основоположником «одной из наиболее влиятельных вариаций *однонаправленного* подхода (курсив наш. – Т.Н.)» (Асосков А. В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств... С. 30).

⁴ Монастырский Ю. Э. Господствующие доктрины коллизионного права в США: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 73-74.

⁵ Лунц Л. А. Курс международного частного права. Общая часть. М.: Юридическая литература, 1973. С. 167.

В-третьих, будучи неудовлетворенным механическим действием существующего коллизионного права¹, Б. Карри выдвигает предельно радикальный тезис о том, что вообще «было бы лучше без коллизионных норм»², так как «невозможно решить поставленную задачу имеющимися средствами»³.

Более того, не менее категоричной была и оценка Б. Карри автономии воли. Так, в разрезе вопроса о коллизионном режиме «контрактов замужней женщины» ученый заявляет: «Правило о том, что право, предполагаемое сторонами, должно регулировать ... аналогично предоставлению недееспособной стороне полномочия договорным образом исключить свою недееспособность – привилегии, которая не

¹ Так, Б. Карри пишет, что если все, что требуется от коллизионной нормы, это простое и определенное установление применимого права (так, чтобы сделки можно было планировать, а судебные тяжбы вести с некоторой уверенностью в исходе), то практически идеальной для этих целей будет коллизионная норма, отсылающая к праву страны, идущей первой по алфавиту. Не без иронии трудности судов стран, идущих в конце алфавита, связанные с частой необходимостью применять иностранное право и устанавливать его содержание, автор предлагает минимизировать правилом обратного алфавитного порядка для сделок, совершенных в нечетные года (Brainerd Currie, "The Verdict of Quiescent Years: Mr. Hill and the Conflict of Laws" (1961) *The University of Chicago Law Review*, Vol. 28 at 279). Заявляя о неудовлетворительности результата использования коллизионных норм, зависящего от случайных обстоятельств, Б. Карри также пишет, что в этой ситуации весьма соблазнительно предложить «подбросить монету, поскольку эта процедура будет давать те же результаты более экономно» (Brainerd Currie, "Married Women's Contracts: A Study in Conflict-of-Laws Method" (1958) *The University of Chicago Law Review*, Vol. 25 (2) at 262).

² Brainerd Currie, Notes on Methods and Objectives in the Conflict of Laws... at 177.

³ Brainerd Currie, Married Women's Contracts: A Study in Conflict-of-Laws Method... at 263. Тот факт, что концепция «правительственного», или «государственного», интереса и вытекающий из нее подход к решению коллизионного вопроса были сформулированы Б. Карри именно в качестве радикальной замены всего комплекса коллизионных норм как такового получает широкое отражение в специальной литературе (Gerhard Kegel, Fundamental Approaches (Chapter 3) in Kurt Lipstein (ed), *Private International Law (Vol. III) of International Encyclopedia of Comparative Law* (Dordrecht; Boston; Lancaster: Martinus Nijhoff Publishers; Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1986) at 30; Symeon C. Symeonides, "The American Choice-of-Law Revolution in the Courts: Today and Tomorrow" in *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, Vol. 298, 2002 (Leiden / Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2003) at 38-39).

Тем не менее, достижение учения Б. Карри усматривается вовсе не в радикальном однонаправленном подходе, а в гениальной попытке преодолеть механический подход коллизионных норм, раздвинуть предметное поле оценки уже на этапе решения коллизионного вопроса и, в конечном итоге, оценить материально-правовой результат этого решения при понимании права как инструмента защиты человека государством. Так, Д. Каверс, комментируя предложенный Б. Карри анализ правительственных интересов, признает: «Многие... , в том числе я, находят анализ полезным для исследования проблем в области коллизионного права, даже несмотря на то, что мы можем быть не готовы принять все его выводы» (David F. Cavers, "Contemporary Conflicts Law in American Perspective" in *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, Vol. 131, 1970-III (Leyde: A. W. Sijthoff, 1971) at 146).

даруется ей в чисто внутреннем деле; и результат есть *pro tanto* [соответственно – лат.] низвержение интересов государства [штата], к которому она [такая сторона] относится»¹.

Как следствие, в юридической науке сформировался вывод о том, что, если «для Биля автономия сторон вытесняла суверенную власть ‘места заключения договора’», то «для Карри она вытесняла суверенную власть суда или другой ‘заинтересованной’ юрисдикции»; причем оба сходились в том, что «такое вытеснение было аналитически необоснованным и юридически нелегальным»².

В изложенных условиях мощной доктринальной оппозиции представляется еще более поразительным, что в США во второй половине XX в. автономия воли не только получала признание в практике отдельных судов, но и была провозглашена в общем ключе на уровне авторитетнейшего свода законов. Давая же характеристику непосредственно положению § 187 Второго свода, целесообразно обратить внимание на следующие его аспекты.

Прежде всего, укажем, что, как вытекает из последовательности и наименований параграфов свода (§ 187 – «Право ... избранное сторонами»; § 188 – «Право ... в отсутствие действительного выбора сторон») автономии воли отдается несомненный приоритет по отношению к коллизионным нормам для договорных обязательств. Вместе с тем, риторика положения § 187, определяющего правила реализации автономии воли сторонами договорных отношений, является весьма аккуратной. В частности, п. 1 данного параграфа признает действие избранного сторонами права в пределах диспозитивных норм, которые сами по себе могут быть отменены соглашением сторон, вне зависимости от его внутреннего либо трансграничного статуса. И лишь следующий п. 2 анализируемого параграфа уточняет, что избранное сторонами право может иметь приоритет по отношению к любым нормам права, но при соблюдении двух условий.

¹ Brainerd Currie, *Selected Essays on the Conflict of Laws...* at 103.

² Perry Dane, *Op. cit.* at 6.

Первое условие составляет заметную особенность правил об автономии воли в американском коллизионном праве, требуя, чтобы государство (штат), право которого избрано сторонами, имело «существенную связь со сторонами или сделкой», либо имелось «иное разумное основание для выбора сторон». С формальной точки зрения, изложенное требование контрастирует с широко признанной большинством государств мира ¹, в том числе Российской Федерацией ², свободой выбора сторонами «нейтрального» права – вне зависимости от его связи со сторонами или сделкой.

С содержательной же точки зрения, на существо рассматриваемого условия проливает свет официальный комментарий к своду, который указывает в порядке иллюстрации, что «суд ... не применит иностранное право, избранное сторонами в духе приключения или чтобы предоставить судье упражнение для ума [in the spirit of adventure or to provide mental exercise for the judge]». Как следствие, комментарий содержит однозначный вывод: «Ситуации такого рода не возникают на практике». Справедливость изложенного тезиса подтверждается и последующими пояснениями. Так, в отсутствие существенной связи избранного права с договором, «разумным основанием для выбора сторон» может считаться то, «что они знают его [право] хорошо или что оно достаточно развито»³.

Однако нельзя утверждать, что широкое толкование «разумного основания для выбора сторон» позволяет фактически свести на нет всякое значение рассматриваемого условия § 187 свода. Например, в деле *Prows v. Pinpoint Retail Systems, Inc.* Верховный Суд штата Юта в начале действительно признал, что несмотря на отсутствие связей штата Нью-Йорк со сторонами или сделкой, выбор сторонами права данного штата мог бы быть поддержан на основании теста «иного разумного основания», поскольку он позволил бы одной из сторон,

¹ П. 4 ст. 2 Гаагских принципов 2015 г. прямо санкционирует выбор права вне зависимости от какой-либо взаимосвязи с осуществляющими выбор сторонами или их сделкой.

² В соответствии с п. 1 ст. 1210 ГК РФ стороны могут выбрать «право страны, которая не имеет связей с договором или его сторонами» (так называемое, нейтральное право) – п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

³ Restatement of the Law, Second: Conflict of Laws. Comment “F”.

канадской компании, при ведении деятельности в ряде штатов ограничить количество правопорядков, в соответствии с которыми необходимо заявлять иски или возражать на них. Тем не менее, суд уточнил, что указанное положение «применяется, только когда два или более штата имеют интерес в регламентации конкретного вопроса». Любопытно, что в данном случае суд, очевидно, вел речь о нескольких штатах на территории США как государства национальности одного из контрагентов, а не о нескольких государствах в контексте трансграничного договора американского контрагента, с одной стороны, и канадского, с другой. Как следствие, суд заключил, что все значимые связи в данном деле имелись со штатом Юта и что штат Юта на этом основании является единственным заинтересованным штатом, а соглашение о выборе права штата Нью-Йорк должно быть отклонено¹.

Второе условие действительности коллизионного выбора сторон договора в § 187 свода выступает еще более показательным проявлением концепции «правительственного» интереса, доминирующей в американском коллизионном праве. В частности, непосредственно в рамках параграфа об автономии воли устанавливается ее ограничение в случае, когда «применение права избранного штата [государства] будет противоречить фундаментальной политике [очевидно, ведется речь об институте публичного порядка, прим. наше. – Т.Н.] штата [государства], который имеет материально больший интерес ... в регламентации конкретного вопроса и который ... был бы штатом [государством]», право которого применялось бы на основании коллизионной нормы в отсутствие действительного выбора сторон.

В приведенном положении получает отражение свойственное американскому коллизионному праву высокое значение интересов (политик) штатов в вопросе выбора применимого материального права. Следствиями этого исходного тезиса стали и указание на ограничение фундаментальной политикой

¹ *Prows v. Pinpoint Retail Systems, Inc.*, Supreme Court of Utah [1993] 868 P.2d 809. Отсылка к этому делу в рамках вопроса об автономии воли сторон договорных отношений имеется в курсе С. Симеонидеса (Symeon C. Symeonides, *American Private International Law...* at 200).

заинтересованного штата непосредственно в параграфе об автономии воли, и придание юридического значения политикам не только штата суда¹, но и всякого штата, который считается наиболее заинтересованным в соответствии с § 6, 188 свода. Более того, важно указать, что в отличие от первого условия действительности выбора права сторонами рассматриваемое ограничение признается как в штатах, следующих Второму своду законов о конфликте законов (которых – подавляющее большинство), так и в таком исключительном штате, принадлежащем романо-германской правовой семье, как штат Луизиана.

В завершение анализа американского коллизионного права важно отметить, что в настоящее время Американским институтом права ведется разработка Третьего свода законов о конфликте законов². При этом уже известно, что п. 8.02 проекта признает соглашения сторон договорного обязательства о применимом праве и близко (лишь с незначительными изменениями) следует положениям § 187 Второго свода³. Это дает все основания полагать, что принцип автономии воли продолжит свое развитие в американском коллизионном праве, несмотря на его существенные особенности.

В целом же следует заключить, что современное американское коллизионное право отличается спецификой, которая в значительной мере сказывается на степени признания в нем принципа автономии воли. Однако несмотря на мощную доктринальную оппозицию американских классиков коллизионного права анализируемый принцип с давних времен получает

¹ Следует уточнить, что в странах романо-германской правовой семьи в условиях обстоятельно прописанных законодательством общих коллизионных институтов учет фундаментальных политик «заинтересованных» государств допустим за счет норм непосредственного применения. Например, в Российской Федерации в силу ст. 1192 ГК РФ «суд может принять во внимание императивные [сверхимперативные] нормы права другой страны, имеющей тесную связь с отношением». Однако применение таких норм происходит не автоматически, поскольку «при этом суд должен учитывать назначение и характер ... норм, а также последствия их применения или неприменения».

² Restatement of the Law, Third: Conflict of Laws: Drafts – Официальный сайт Американского института права. URL: <https://www.ali.org/publications/restatement-law-third/conflict-laws-3d> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

³ Linda Silberman, “Two Examples of the Counter-Revolution in U.S. Private International Law (Torts and Party Autonomy in Contracts) – From Standards to Rules” (2024) NYU Public Law Research Paper No. 24-38. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4911931 (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

реализацию в практике судов американских штатов. Более того, получив формальное закрепление в сравнительно недавнем прошлом и будучи ограниченной рядом условий, автономия воли эффективно применяется, обеспечивая сторонам выбор наилучшего, с их точки зрения, правопорядка. Причем условие «существенной связи со сторонами или сделкой» в максимальной степени смягчается оговоркой о приемлемости «иного разумного основания» выбора сторон, а ограничение избранного права фундаментальной политикой заинтересованного государства (штата) в целом традиционно и для стран романо-германской правовой семьи с тем исключением, что в последних релевантное значение имеет, прежде всего, соответствующая политика государства суда.

В заключение исследования специфики понимания автономии воли в странах общего права остановимся на любопытном терминологическом отличии. Так, в английском языке для обозначения автономии воли как категории международного частного права широко используется словосочетание “party autonomy”, которое дословно переводится как «автономия сторон». В то же время во французском языке принята формулировка “l'autonomie de la volonté”, дословно соответствующая русскоязычному аналогу – «автономия воли». Проведенное в этой главе исследование убедительно демонстрирует, что сущность, судебный порядок становления и даже прогрессивный вектор развития автономии воли как принципа коллизионного регулирования в целом сообразны в большинстве стран мира, несмотря на значительные отличия правовых семей и правовых школ отдельных стран. Вместе с тем, нельзя не отметить, что даже в плане терминологических нюансов правовые порядки романо-германской правовой семьи показывают более близкое родство между собой нежели со странами общего права.

Анализ особенностей понимания и применения автономии воли в коллизионном регулировании гражданско-правовых отношений на материале английского и американского коллизионного права позволяет сделать следующие выводы.

В вопросе автономии воли сторон договорных обязательств трансграничного характера английское коллизионное право демонстрирует поразительное единство с подходом стран романо-германской правовой семьи. Подразумеваемая воля, выступавшая с самого зарождения в работах Ш. Дюмулена в качестве фикции, позволяющей суду избрать наиболее подходящую для определенного отношения привязку, прочно укоренилась в ранней английской судебной практике. При этом признание подразумеваемой воли неминуемо повлекло за собой безусловное признание воли реальной. И в то время как подразумеваемая воля уступила место объективному тесту наиболее тесной связи, коллизионное значение действительного волеизъявления сторон осталось незыблемым. Как следствие, выбор права, свойственного договору, на основе английской формулы *Bonython* сформировался как базирующийся на дихотомии выбора сторон (действительного соглашения о праве) и установления судом локализации договора (объективного теста наиболее тесной связи).

Более того, установка английской судебной практики в части безоговорочного признания автономии воли сторон договорного обязательства трансграничного характера соответствовала ходу развития практики стран континентального права, в результате чего унификация коллизионного регулирования в рамках европейской интеграции не только не изменила, но стала закономерным продолжением вектора развития английского коллизионного регулирования в соответствующей сфере. Наконец, выход Великобритании из Европейского Союза, не поколебавший действия на ее территории норм Регламента Рим I, подтвердил вектор безоговорочного признания автономии воли в вопросе выбора договорного статута.

Американское коллизионное право, как и правопорядки многих иных юрисдикций, содержит свидетельства признания подразумеваемого намерения сторон в весьма ранних судебных актах. Но в отличие от стран континентального права и примкнувшей к ним в этом отношении Великобритании на территории США признание юридического значения подразумеваемой воли не повлекло за собой прямого провозглашения признания воли реальной. Мощная доктринальная

оппозиция выразилась в отсутствии положения об автономии воли в Первом своде законов и признании ее с рядом ограничений во Втором. Однако, как и во многих других странах, вне зависимости от официальных позиций судебная практика последовательно проводила в жизнь соглашения сторон о выборе применимого права, опираясь в этом отношении скорее на здравый смысл, нежели на какие-либо официальные санкции. Как следствие, даже в условиях весьма самобытных доктринальных основ американского коллизионного права автономия воли сторон договорных обязательств трансграничного характера признается с весьма умеренными ограничениями, в числе которых условие «существенной связи со сторонами или сделкой», в максимальной степени смягченное оговоркой о приемлемости «иного разумного основания» выбора сторон, и ограничение избранного сторонами права фундаментальной политикой «заинтересованного» государства (штата), которое в общем известно подавляющему большинству юрисдикций.

В целом следует сделать вывод, что признание автономии воли, по меньшей мере для договорных отношений, осложненных иностранным элементом, не зависит ни от принадлежности к той или иной правовой семье, ни от специфики школ коллизионного права, ни даже от санкционирования такой возможности на каком-то официальном уровне. При этом поразительный исторический факт образует то, что признание реального волеизъявления сторон стало следствием фикции о коллизионном значении воли подразумеваемой. Дальнейшее же развитие показывает, что суды устойчиво признают соглашения сторон о применимом праве, опираясь скорее на здравый смысл, нежели на какие-то официальные санкции. Последнее, вместе с тем, не исключает различий в конкретных правилах реализации автономии воли, что отлично иллюстрируется различием в подходах в рамках стран общего права: от предельно либерального стандарта, в русле традиции стран континентального права в Великобритании до несколько ограниченного, в свете специфической концепции правительственного интереса во многих штатах США.

§ 3. Особенности концептуальных подходов к пониманию автономии воли в международном частном праве отдельных стран азиатско-тихоокеанского региона

Внимание к азиатско-тихоокеанскому региону в рамках настоящего исследования конечно обусловлено нарастающим интересом международного сообщества к данной группе стран, прежде всего, в политическом и экономическом ключе. При этом, безусловно, важно учитывать, что данный регион является чрезвычайно обширным и объединяет страны различных правовых семей и, в том числе, рассматриваемые в настоящей работе Россию и США. По этой причине в рамках данного параграфа мы ограничимся двумя наиболее показательными примерами: в качестве страны общего права, судебная практика которой в исследуемой области строится на базовых принципах английского права, мы отметим Австралию; а в качестве страны с кодифицированным сводом коллизионных норм, в которой по вопросу об автономии воли достигнут, пожалуй, наибольший прогресс в сравнении со всеми другими юрисдикциями мира, мы выделим Китай. Последний представляет особый интерес, поскольку, предположительно, является показателем современного тренда в дальнейшем развитии принципа автономии воли как высоко значимого принципа коллизионного регулирования.

В силу известных исторических причин правовая система Австралии изначально базировалась на принципах английского права, при этом в области международного частного права, в отличие от США, данное влияние прослеживается до сих пор. Показательным в этой связи является вопрос об автономии воли сторон договорных обязательств трансграничного характера. В частности, решение Тайного совета по делу *Vita Food Products Inc. v. Unus Shipping Co Ltd.* рассматривается в качестве отправной точки развития

австралийской судебной практики в исследуемой области¹. Вместе с тем, важно подчеркнуть, что правовая система всякой страны общего права, в которой колониальное прошлое предопределяет исторически единые корни, восходящие к английскому праву, в современных условиях развивается как юридически независимая и потому не исключает ни смены, ни корректировки изначально заданного вектора в любом из правовых вопросов.

Тем не менее, австралийская судебная практика не только не отказалась от признания автономии воли сторон договорных обязательств трансграничного характера, но и поддержала тенденцию расширения возможностей сторон по выбору применимого материального права. В качестве примера рассмотрим знаковое в избранной области решение Верховного Суда Австралии по делу *Akai Pty Ltd. v. The People's Insurance Company Ltd.*² Согласно фактам данного дела в ходе согласования трансграничного договора страхования компания из Сингапура предлагала прописать в качестве применимого право Сингапура, но не соглашалась на использование права Австралии; а компания из Австралии была готова договориться о применении права Австралии, но не соглашалась на условие об использовании права Сингапура. В таких условиях стороны приняли решение договориться о применении английского права в качестве «золотой» середины и, в особенности, с учетом того, что английское право воспринималось ими как «относительно определенное и хорошо развитое» по вопросам страхования (п. 5 решения). Как следствие, Верховный Суд Австралии поддержал выбор сторонами нейтрального права – вне зависимости от его связей со сторонами или сделкой³.

¹ Saloni Khanderia & Sagi Peari, “Party Autonomy in the Choice of Law under Indian and Australian Private International Law: Some Reciprocal Lessons” (2020) *Commonwealth Law Bulletin*, Vol. 46 (4) at 718.

² *Akai Pty Ltd. v. The People's Insurance Company Ltd.*, the High Court of Australia [1996] 188 CLR 418.

³ Следует отметить, что в данном деле выбор английского права обуславливался в значительной степени выбором английского суда в качестве компетентного рассматривать споры, и аргументация Верховного Суда Австралии отталкивалась преимущественно от выбора сторонами нейтрального форума. Тем не менее, в специальной литературе названное решение приводится в качестве знакового, в том числе, в части санкционирования выбора сторонами

Для целей настоящего исследования важным является то, что правовая система Австралии составляет не единственный пример восприятия и развития выработанного английской судебной практикой признания соглашений сторон договорных отношений с иностранным элементом, в части выбора применимого материального права. В частности, Индия, разделяющая с Австралией общее колониальное прошлое, в вопросе о коллизионном значении автономии воли сторон договора аналогичным образом отталкивается от знакового решения Тайного совета по делу *Vita Food Products Inc. v. Unus Shipping Co Ltd.* и так же, как и Австралия, в собственной судебной практике вырабатывает позицию о приемлемости выбора любого материального права, включая нейтральное¹. Как следствие, в литературе отмечается существенное сходство подходов к автономии воли в Австралии и Индии², которое, на наш взгляд, обуславливается как общими правовыми корнями конкретных стран, так и универсальными трендами развития автономия воли во всем мире. При этом последнее, с учетом суверенной независимости стран, не исключает отдельных различий в условиях признания соглашений о материальном праве при рассмотрении споров в соответствующих судах³.

Изложенное позволяет заключить, что ряд стран общего права, исторически воспринявших английское право, в том числе в разрезе признания коллизионного значения автономии воли сторон договора, в ходе последующей автономной

договорного обязательства трансграничного характера нейтрального права – вне зависимости от его связей со сторонами или сделкой (Saloni Khanderia & Sagi Peari, Op. cit. at 721-722).

¹ Так, решение Верховного Суда Индии по делу *Modi Entertainment Network and Another v. WSG Cricket PTE. Ltd.* гласит: «Растущая глобальная коммерческая деятельность стимулирует практику сторон договора согласовать предварительно ... разрешение споров в иностранном суде по их выбору в качестве нейтрального форума в соответствии с правом, применимым к этому суду» (*Modi Entertainment Network and Another v. WSG Cricket PTE. Ltd.*, the Supreme Court of India [2003] 4 SCC 341). Нетрудно заметить, что изложенная позиция Верховного Суда Индии, аналогично решению Верховного Суда Австралии, прежде всего, адресует выбор нейтрального суда. Тем не менее, в специальной литературе оба решения оцениваются как прецедентные и по вопросу выбора нейтрального права (Saloni Khanderia & Sagi Peari, Op. cit. at 720-722).

² Ibid at 739.

³ В литературе отмечается, что подходы Австралии и Индии к правилам реализации автономии воли сторонами договорных отношений, осложненных иностранным элементом, различаются в части «охвата и применения института публичного порядка и обязательного действия норм о защите прав потребителей» (Saloni Khanderia & Sagi Peari, Op. cit. at 739).

эволюции не только не отвергли эффективности такого подхода, но и самостоятельно расширили возможности сторон по выбору материального права для договорного обязательства трансграничного характера. Последнее является частным подтверждением гипотезы о существовании универсальной тенденции развития принципа автономии воли в качестве одного из ключевых принципов коллизионного регулирования.

Наиболее примечательной на современном этапе выступает регламентация автономии воли в международном частном праве Китая. В частности, § 3 Закона КНР «О применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям» предусматривает: «Стороны вправе в соответствии с положениями закона в явной форме выбрать право, которое применяется к транснациональным гражданским правоотношениям»¹. Важно подчеркнуть, что процитированное положение, возводящее автономию воли в ранг общего принципа, оценивается специалистами как «одна из выдающихся новелл» закона².

Обращаясь к формальной стороне вопроса, следует признать, что китайский законодатель действительно располагает предписанием об автономии воли в числе общих положений закона в главе 1. Более того, выбор права сторонами прописывается в § 3 непосредственно после цели принятия закона (§ 1), сферы его применения и наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки (§ 2).

Обращаясь же к содержательной стороне положения, следует, прежде всего, отметить, что, согласно его тексту, оно относится ко всем гражданско-правовым отношениям, осложненным иностранным элементом. Историко-правовой анализ подтверждает, что китайское международное частное право, как и подавляющее большинство иных правопорядков, распространяло юридическое значение автономии воли первоначально только на договорные обязательства. Так, в

¹ Закон КНР от 28 октября 2010 г. «О применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям» – Проектная группа ВШЭ «Современная конструкция международного частного права». URL: <https://pravo.hse.ru/data/2015/11/16/1081085258/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%202010.pdf> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

² Qingkun Xu, “The Codification of Conflicts Law in China: A Long Way to Go” (2017) *The American Journal of Comparative Law*, Vol. 65 (4) at 931.

литературе указывается, что «и Гражданский кодекс Китая 1986 г., и Закон Китая “О договорах” 1999 г. позволяли сторонам выбрать право, применимое для урегулирования споров, возникающих из трансграничных договоров; тем не менее, ни один [из этих актов] не предусматривал прямо автономию воли сторон в своих общих положениях»¹. Вместе с тем, в специальной литературе широко поддерживается позиция, что, признавая «автономию воли сторон в качестве *общего* принципа коллизионного права (курсив наш. – Т.Н.)», Закон КНР 2010 г. последовал соответствующему «международному тренду»².

Заслуживает особого внимания тот факт, что, как свидетельствуют специалисты, еще до принятия Закона КНР 2010 г., «отдельные суды в Китае применяли принцип автономии воли сторон в областях за рамками договоров таких, как вещные права, участие в уставном капитале, деликты и неосновательное обогащение, несмотря на то, что отсутствовали положения закона, наделяющие их полномочиями на это»³. Как следствие, в отношении правового режима принципа автономии воли в китайском международном частном праве выдвигается вывод: «Эти статьи [Закона КНР 2010 г. об автономии воли] ... отражают предшествующую судебную практику»⁴.

Изложенное позволяет нам сделать два вывода. Во-первых, признание автономии воли в качестве общего принципа коллизионного регулирования

¹ Mo Zhang, “Codified Choice of Law in China: Rules, Processes and Theoretic Underpinnings” (2011) *North Carolina Journal of International Law*, Vol. 37 (1) at 100. Так, в обзоре китайской практики в области международного частного права, опубликованном за восемь лет до анализируемого Закона КНР, автономия воли в коллизионно-правовом значении (в вопросе выбора материального права) рассматривается только в рамках договорных отношений. При этом в разрезе коллизионного режима договорных обязательств юридическое значение автономии воли не подвергается сомнению. В частности, авторы пишут: «Это общее правило, что стороны договора имеют возможность выбрать применимое право для регулирования их договора. В Китае право и практика рассматривают автономию сторон как главнейший принцип в определении применимого права для договоров» (Qingjiang Kong & Hu Minfei, “The Chinese Practice of Private International Law” (2002) *Melbourne Journal of International Law*, Vol. 3 at 427).

² Автор также утверждает, что «расширение применения автономии сторон как таковое состоялось в значительной степени под влиянием Рима II и отражает развивающийся современный тренд доктрины автономии сторон» (Mo Zhang, *Op. cit.* at 99, 117).

³ Qingkun Xu, *Op. cit.* at 932. Тот же тезис см.: Guangjian Tu, “China’s New Conflicts Code: General Issues and Selected Topics” (2011) *The American Journal of Comparative Law*, Vol. 59 (2) at 567.

⁴ Qingkun Xu, *Op. cit.* at 932.

гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, в Китае было в немалой степени обусловлено внутренними факторами, выражающимися в том, что вне зависимости от законодательной регламентации практика разрешения трансграничных споров динамично реагирует на потребности сторон, в числе которых нарастающее значение имеет потребность в предсказуемом и приемлемом для них материально-правовом поле. Предшествующее исследование становления идеи об автономии воли в различных странах показало, что, вне зависимости от традиций той или иной правовой семьи и признаваемых в той или иной стране источников права, признание автономии воли сторон гражданских отношений трансграничного характера происходит не сверху – посредством насаждения общеобязательного формально-определенного правила, а снизу – как закономерная реакция правовой системы на потребности регулирования общественных отношений. Таким образом, китайское международное частное право в этой связи является еще одним показательным примером.

Во-вторых, состоявшееся в Китае законодательное провозглашение автономии воли в качестве общего принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, рассматривается правоведами как продолжение международной тенденции нарастающего утверждения принципа автономии воли сторон. Вместе с тем, нельзя не отметить, что, с одной стороны, отмеченная тенденция в плане все большего признания автономии воли в разных измерениях действительно наблюдается в международном частном праве подавляющего большинства государств (в том числе, например, в Российской Федерации); а с другой, представляется, что китайский законодатель достиг в данном направлении наибольшего прогресса, нормативно прописав все более захватывающую практику и доктрину идею априорной необходимости наделения участников международного гражданского оборота возможностью самостоятельно определять материальное право. Последнее позволяет на примере китайского международного частного права построить траекторию универсального развития анализируемого принципа

автономии воли, которая должна выразиться в признании и соответствующем его закреплении и в других юрисдикциях.

Вместе с тем, несмотря на восторженную риторику в отношении § 3 Закона КНР 2010 г., важно указать, что реализация автономии воли сторонами гражданских отношений трансграничного характера в принципе не способна быть безграничной и, конечно же, не является таковой и в Китае. Непосредственно из текста рассматриваемого параграфа вытекают два основных условия.

Во-первых, § 3 гласит, что «стороны вправе *в соответствии с положениями закона* ... выбрать право (курсив наш. – Т.Н.)». Это уточнение значит, что выбор применимого права сторонами допустим отнюдь не для любого гражданского отношения, осложненного иностранным элементом; а только в случае, когда такой выбор допускается «в соответствии с положениями закона», то есть на основании специальной нормы законодательства о международном частном праве.

Изложенное позволило отдельным специалистам усмотреть противоречие, состоящее в том, что, с одной стороны, Закон КНР провозглашает автономию воли в качестве *общего принципа* коллизионного регулирования гражданских отношений трансграничного характера, а с другой, предполагает ее активацию только *в частных случаях*, предусмотренных специальными статьями. Некоторые авторы высказываются по этому вопросу весьма категорично, утверждая, что § 3 «кажется парадоксальным» и что «требование к сторонам выбирать применимое право в соответствии с законом сделает попытки усиления автономии сторон бессмысленными»¹.

Признавая существенное практическое значение оговорки § 3 о допустимости выбора применимого права сторонами только в случаях, санкционированных специальными положениями коллизионного права, мы однако решительно не согласимся с недооценкой значения общей нормы об

¹ Zhengxin Huo, "An Imperfect Improvement: The New Conflict of Laws Act of the People's Republic of China" (2011) *The International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 60 (4) at 1072; Zhengxin Huo, "Highlights of China's New Private International Law Act: From the Perspective of Comparative Law" (2011) *Revue Juridique Thémis*, Vol. 45 at 652.

автономии воли. Дело в том, что сама по себе возможность сторон трансграничного отношения выбирать применимое право составляет громадную привилегию и не менее серьезную ответственность за юридическую судьбу такого отношения, а потому неудивительно, что на современном этапе данная возможность предоставляется во все большем, но все же ограниченном числе случаев. При этом существование общего положения, объединяющего в систему отдельные управомочивающие нормы, несет в себе значимую идеологическую нагрузку. В свою очередь ясность в принципах, на которых строится правовое, в том числе коллизионно-правовое, регулирование в той или иной области жизнедеятельности, позволяет обеспечивать единообразие правоприменительной практики сегодня и те линии, по которым может ожидать развития нормотворческой деятельности завтра.

В этом смысле существование общей нормы об автономии воли скорее констатирует сложившееся в законе и на практике положение вещей, нежели санкционирует что-то доселе невиданное. С учетом изложенного нельзя не отметить, что для отечественного международного частного права, в котором уже сформировалась система норм об автономии воли различной степени общности, может быть небезынтересен опыт китайского законодательства. Представляется, что включение в раздел VI ГК РФ общей нормы об автономии воли могло бы выступить закономерным продолжением всемерного развития этого принципа в отечественном международном частном праве.

Тем не менее, важно понимать, что все же определяющее значение в расширении возможностей участников различных гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, по выбору применимого к таким отношениям материального права имеют частные положения коллизионного права, управомочивающие стороны в тех или иных пределах на соответствующий выбор. Например, даже те правоведы, которые не видят необходимости в § 3 Закона КНР 2010 г., признают: «Что заслуживает особенно сильного акцента – это

то, что автономия сторон получила значительное расширение» в ряде специальных статей нового закона¹.

В частности, законодательство Китая о международном частном праве позволяет сторонам выбирать материальное право для регламентации представительства (§ 16); опеки (§ 17); арбитражных соглашений (§ 18); вещных прав на движимое имущество (§ 37); возникновения вещных прав на движимые вещи во время их транспортировки (§ 38); договоров (§ 41); неосновательного обогащения и ведения чужих дел без поручения (§ 47); передачи и лицензирования использования права интеллектуальной собственности (§ 49); а также с ограничениями в отношении избираемого материального права и / или времени выбора – для имущественных отношений супругов (§ 24); расторжения брака при взаимном согласии супругов (§ 26); деликтной ответственности (§ 44); ответственности за нарушение права интеллектуальной собственности (§ 50)².

На первый взгляд, может показаться, что в китайском международном частном праве количество сфер применения у принципа автономии воли существенно больше, чем в отечественном. Однако важно учитывать, что предметное поле регулирования Закона КНР 2010 г. существенно шире, нежели у раздела VI ГК РФ, которому традиционно уделяется основное внимание в международном частном праве нашей страны.

Вместе с тем, весьма любопытны следующие статистические данные. Если исходить из того, что возможности участников трансграничного отношения выбрать применимое к нему материальное право отдан приоритет в двенадцати параграфах Закона КНР 2010 г., то при общем количестве специальных

¹ Zhengxin Huo, Highlights of China's New Private International Law Act... at 651-652.

² В литературе можно встретить отнесение к числу положений, признающих коллизионное значение автономии воли, § 42 о потребительских договорах и § 45 об ответственности за качество продукции (Qingkun Xu, Op. cit. at 932). Однако обратившись непосредственно к тексту данных положений, можно увидеть, что в обоих названных случаях потребителю как слабой стороне предоставляется возможность выбора коллизионной привязки из определенного перечня. Такой прием заслуживает поддержки как защищающий слабую сторону, предоставляя ей право юридически значимого волеизъявления, однако не может являться примером реализации принципа автономии воли в его узком коллизионно-правовом смысле как предполагающего выбор права сторонами отношения по соглашению между собой.

параграфов этого нормативно-правового акта, равном сорока¹, можно заключить, что принцип автономии воли получает реализацию более чем в одной четвертой нормативного массива китайского международного частного права². И хотя мы выступаем против слепого математического подсчета статей закона, слов в предложении и тому подобных «показателей», в этом случае приведенная статистика позволяет усмотреть более глубокие содержательные сдвиги.

Мы традиционно исходим из того, что коллизионное право состоит из коллизионных норм, а коллизионная норма – из объема и привязки, которые в совокупности указывают, право какого государства следует применить для регулирования отношения, осложненного иностранным элементом. Конечно, даже беглый взгляд на раздел VI ГК РФ, который в международном частном праве Российской Федерации заслуженно рассматривается как основной источник коллизионного права, позволяет заметить в нем немалое количество положений, не являющихся в традиционном смысле коллизионными нормами, но за счет особой роли в качестве общих правил (например, правил установления содержания норм иностранного права) получающих статус допустимых «исключений».

Представляется, что именно изложенной традиционалистской установкой о том, что коллизионное право состоит из коллизионных норм, в некоторой степени была обусловлена и имевшая место в литературе попытка коллизионно-правовой трактовки природы автономии воли³. Однако по мере нарастающего укрепления

¹ Исключая общие и заключительные положения (главы 1 и 8, соответственно).

² Подобный подсчет осуществляет Ц. Сюй. Однако, поскольку автор, на наш взгляд, необоснованно относит к числу положений, отражающих принцип автономии воли, § 42, 45 Закона КНР 2010 г., то при получившемся количестве «проавтономных» параграфов – четырнадцать, получается, что их доля в общем нормативном массиве закона – более одной трети (Qingkun Xu, Op. cit. at 932).

³ Среди отечественных правоведов авторитетными представителями коллизионно-правовой концепции автономии воли являются Л. А. Лунц и В. Л. Толстых (*Лунц Л. А. Международное частное право... С. 213; Лунц Л. А. Курс международного частного права. Общая часть... 1959. С. 178; Толстых В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование... С. 63*). Осмелимся предположить, что в тот исторический период, когда позицию по данному вопросу высказывал Л. А. Лунц и даже позднее – В. Л. Толстых, статус принципа автономии воли и его роль в коллизионном регулировании еще не позволяли

принципа автономии воли в механизме коллизионного регулирования с соответствующим увеличением специальных положений, санкционирующих соглашения сторон о выборе применимого права, или же расширением действия предписаний более общего характера на этот счет (по логике прогрессии: договорные, внедоговорные отношения и т.д.), на доктринальном уровне должно состояться осмысление того, что в современном трансформирующемся мире решение коллизионного вопроса может обеспечиваться не только коллизионными нормами, построенными, прежде всего, на жесткой формуле территориальной локализации¹, но и принципиально иным образом – за счет автономии воли сторон, посредством децентрализации и гибкости. Предложенная установка позволит отойти от искусственной связки: коллизионный вопрос – коллизионное право – коллизионная норма, позволив вне узко доктринальных оков развивать институты, нацеленные на эффективное обеспечение коллизионного выбора, и применять такие новейшие инструменты в новейшем, стремительно меняющемся мире.

Возвращаясь к анализу принципа автономии воли в § 3 Закона КНР 2010 г., обратим внимание, что изучаемый § 3 предусматривает, что «стороны вправе ... *в явной форме* выбрать право (курсив наш. – Т.Н.)». Это уточнение позволяет предположить, что вопреки крайне позитивному восприятию принципа автономии воли в целом китайское законодательство о международном частном праве признает только прямо выраженные соглашения о применимом праве. Специалисты объясняют столь строгий стандарт тем, что «граница, отделяющая разумное толкование от произвольного подлога [arbitrary fabrication – англ.], не

усмотреть в нем нечто большее, нежели «специфическую коллизионную норму» для договорных отношений трансграничного характера.

¹ В этой связи следует обратить внимание на тезис, выдвинутый М. Н. Кузнецовым в отношении системной принадлежности коллизионной нормы и адресата ее отсылки, однако более чем справедливый и в отношении выдвигаемого нами вывода. В частности, правовед указывает: «Глубина и разнообразие нынешних отношений МЧП и источников их регулирования несравненно богаче, чем это было в то время, когда сложилась господствующая в настоящее время формулировка коллизионной нормы (конец позапрошлого века)» (Кузнецов М. Н. Краткий курс лекций по МЧП для магистрантов, обучающихся на английском языке в РУДН: учебно-методическое пособие: в 2 ч. Ч. 1. М.: РУДН, 2019. С. 70; Кузнецов М. Н. Юристу о международном частном праве в цифровую эпоху: учебное пособие. М.: ФГБОУ ВО РГАИС, 2022. С. 75).

ясна»¹. Более того, данное ограничение рассматривается авторами как разумное в свете того, что, по их мнению, «судебная практика [judicial environment – англ.] в Китае далека от идеала»².

Вместе с тем, более широкий взгляд на содержание параграфов Закона КНР 2010 г. и практику их применения позволяет нам предположить, что настороженное отношение китайского законодателя к форме соглашений о применимом праве обуславливается не столько неуверенностью в способности суда произвести их корректную оценку, сколько как таковой непроработанностью правил реализации автономии воли сторонами гражданских отношений трансграничного характера в китайском законодательстве. Нетрудно заметить, что рассматриваемый § 3 Закона КНР 2010 г. состоит всего из одного предложения, фактически только постулируя принцип автономии воли, указывая форму соглашений о праве и отсылая к специальным положениям закона для уяснения круга тех отношений, в которых сторонам дозволен выбор применимого права. За рамками данного положения остаются вопросы последующего выбора и условий его действительности, депесяжа и т.п. Не более многословно и специальное положение Закона КНР 2010 г. для договорных обязательств – § 41 по вопросу об автономии воли ограничивается лишь одним тезисом: «Стороны могут выбрать право, применимое к договорам».

Тем не менее, востребованность положений об автономии воли в китайской судебной практике и их прогрессивное развитие подтверждаются разъяснениями Верховного народного суда КНР по вопросу применения Закона КНР 2010 г. Так, в 2012 г. было принято Судебное толкование № 24, которое включает ряд весьма прогрессивных правил выбора права сторонами³. Например, ст. 7 заявляет о

¹ Zhengxin Huo, *An Imperfect Improvement...* at 1072; Zhengxin Huo, *Highlights of China's New Private International Law Act...* at 651.

² Ibid.

³ Судебное толкование Верховного народного суда КНР № 24 от 28 декабря 2012 г. – Проектная группа ВШЭ «Современная конструкция международного частного права». URL: <https://pravo.hse.ru/data/2015/12/10/1133685997/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D1%8A%D1%8F%D1%81%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9.pdf> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

допустимости выбора «нейтрального» права, ст. 8 прямо санкционирует последующий выбор сторон, вплоть до момента прекращения судебного разбирательства в суде первой инстанции. Причем для вопроса о признаваемой судами Китая форме соглашений сторон о применимом праве имеет большое значение второй абзац ст. 8 Судебного толкования № 24, на основании которого в качестве соглашения о праве суд может квалифицировать то, что в производстве по делу «стороны ссылаются на законы одной и той же страны и не возражают по поводу применимого права». Изложенное позволяет сделать вывод о том, что предписание § 3 Закона КНР 2010 г. о явной форме соглашений сторон о применимом праве является не таким строгим, как могло бы показаться исключительно из текста. В целом же, широко признаваемая китайским законодательством автономия воли сторон гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, не снабжена на законодательном уровне подробной регламентацией правил ее реализации, как это имеет место в российском или европейском международном частном праве. Вследствие этого Верховный народный суд КНР восполняет данный пробел посредством актов судебного толкования, которые фактически конструируют недостающие правила, обеспечивая дальнейшее прогрессивное развитие исследуемого принципа в Китае.

Подводя итог исследованию концептуальных подходов к пониманию автономии воли в коллизионном регулировании отдельных стран азиатско-тихоокеанского региона, следует сформулировать следующие общие выводы.

Материал австралийского международного частного права свидетельствует о том, что ряд стран общего права, исторически воспринявших английское право, в том числе в разрезе признания коллизионного значения автономии воли сторон договора, в ходе последующей автономной эволюции не только не отвергли этот принцип, но и самостоятельно увеличили возможности сторон по выбору материального права для договорного обязательства трансграничного характера.

Материал китайского международного частного права представляет пример наиболее прогрессивного признания принципа автономии воли на уровне общего положения специального закона. В этом смысле китайский опыт составляет

своего рода кульминацию тех наработок в области автономии воли, которые мы целенаправленно вычленили по ходу сравнительно-правового исследования в текущей главе. Все выявленное в совокупности позволяет нам выдвинуть три тезиса общего значения.

Во-первых, независимо от традиций той или иной правовой семьи и признаваемых в той или иной стране источников права, признание автономии воли сторон гражданских отношений трансграничного характера происходит повсеместно не сверху – посредством насаждения общеобязательного формально-определенного правила, а снизу – как закономерная реакция правовой системы на потребности регулирования общественных отношений. Как следствие, первичную реакцию на такие потребности и осмысление как априорной возможности сторон трансграничного отношения выбирать применимое право производит в подавляющем большинстве юрисдикций, включая нашу страну, судебная практика.

Во-вторых, историко-правовое и сравнительно-правовое исследование в совокупности позволяют сделать однозначный вывод о существовании универсальной тенденции нарастающего укрепления принципа автономии воли в коллизионном регулировании гражданских отношений трансграничного характера. В этой связи появление в законодательстве о международном частном праве общей нормы, постулирующей принцип автономии воли, может рассматриваться как закономерное продолжение выявленной тенденции. Представляется, что включение такой нормы в раздел VI ГК РФ могло бы быть разумным, поскольку объединило бы в систему отдельные управомочивающие нормы и имело значимую идеологическую нагрузку, как с точки зрения единообразия правоприменительной практики в текущий момент, так и с точки зрения понимания тех линий, по которым может ожидать развитие нормотворческой деятельности в будущем.

В-третьих, по мере нарастающего укрепления принципа автономии воли в коллизионном регулировании с соответствующим увеличением специальных положений, санкционирующих соглашения сторон о выборе права, либо же

расширением действия положений более общего характера на этот счет (по логике прогрессии: договорные, внедоговорные отношения и т.д.), на доктринальном уровне требуется осмысление того, что в современном трансформирующемся мире решение коллизионного вопроса обеспечивается не только коллизионными нормами, построенными, прежде всего, на жесткой формуле территориальной локализации, но и принципиально иным образом – за счет автономии воли сторон, посредством децентрализации и гибкости. Предложенная установка позволит отойти от искусственной цепочки: коллизионный вопрос – коллизионное право – коллизионная норма, позволив вне узко доктринальных оков развивать институты, нацеленные на эффективное обеспечение коллизионного выбора, и применять такие новейшие инструменты в новейшем, стремительно меняющемся мире.

Глава 3.

Ключевые проблемы закрепления и развития автономии воли как принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом

§ 1. Проблема состава норм и принципов международного частного права

Исходной точкой исследования специальных принципов права в каком бы то ни было сегменте системы права, выступает осмысление состава данного сегмента. В этой связи первичная задача настоящего параграфа заключается в том, чтобы показать, что обособление принципов коллизионного регулирования, и в их числе – принципа автономии воли, справедливо, прежде всего, по той причине, что коллизионное право обособляется в рамках признаваемого в традиции отечественной юриспруденции многокомпонентного состава международного частного права.

В отечественной юридической науке вопрос о месте международного частного в системе правового регулирования – его системной принадлежности – является одним из наиболее дискуссионных. Сложившиеся по этому вопросу воззрения можно разделить на три направления.

Первое направление охватывает взгляды, в соответствии с которыми международное частное право рассматривается как часть международного права. Так, С. Б. Крылов, исходя из того, что понимание сущности международного частного права может дать только изучение международных договоров, приходит к выводу, согласно которому «в споре “интернационалистов”, отстаивающих международную природу международного частного права, и ее отрицателей, “националистов”, следует ... встать на сторону интернационалистов, международников»¹.

Второе направление включает воззрения, согласно которым международное частное право имеет внутригосударственную природу. Так, И. С. Перетерский

¹ Крылов С. Б. Указ. соч. С. 20-21.

заявляет о том, что международное частное право не входит в состав международного права, так как, во-первых, «в большинстве случаев нормы международного частного права устанавливаются... внутренними законами отдельных государств», а во-вторых, «по общему правилу конкретные вопросы международного частного права взаимоотношений двух государств не затрагивают»¹.

Наконец, третье направление охватывает такие позиции, согласно которым «международное частное право не является частью какой бы то ни было системы права, а представляет собой “полисистемный комплекс”, состоящий из норм как национального, внутригосударственного, так и международного права»². Фундатором этой концепции следует признать А. Н. Макарова, исходившего из принципа раздельности систем международного и национального права и утверждавшего, что «“правовая система” может быть либо системой норм национальных, либо системой норм международных»³, а активным приверженцем – Р. А. Мюллерсона, который противопоставлял «целостные системы и системные комплексы», относил международное частное право к последним и заявлял, что элементы, образующие вследствие взаимодействия частей международного и национального права «полисистемный комплекс, ... не исключаются из соответствующих национально-правовых систем или из международного публичного права»⁴.

В этой связи Т. Н. Нешатаева отмечает: «В основе полисистемы – комплекс норм, входящих в разные системы права, но объединенных тем, что они направлены на регулирование одной категории международных общественных отношений»⁵.

¹ *Перетерский И. С.* Система международного частного права // Советское государство и право. 1946. № 8-9. С. 22-23.

² *Богуславский М. М.* Международное частное право... 2011. С. 36-37.

³ *Макаров А. Н.* Основные начала международного частного права. М.: Юрид. изд-во НКЮ, 1924. С. 24.

⁴ *Мюллерсон Р. А.* Соотношение международного и национального права. М.: Международные отношения, 1982. С. 120.

⁵ *Нешатаева Т. Н.* Международное частное право и международный гражданский процесс: учебный курс в трех частях. М.: Городец, 2004. С. 24.

Международное частное право в целом направлено на регулирование частноправовых отношений в случае, когда такие отношения выходят за пределы одного государства. Многообразие регулируемых отношений обуславливает разнородный характер принципов и норм, которые включаются отечественной юридической наукой в состав международного частного права. В свете цели настоящего исследования проанализируем нормы, традиционно относимые к международному частному праву в Российской Федерации. Эти нормы могут быть условно разделены на пять групп¹.

Первую группу формируют национальные коллизионные нормы, выступающие историческим ядром международного частного права и его подлинно уникальной частью. В Российской Федерации отсутствует единый (кодифицированный) свод таких норм и значительная их часть содержится в разделе VI ГК РФ, разделе VII СК РФ², главе XXVI КТМ РФ. Данная группа норм применяется государственными судами для избрания материального права, на основании которого следует разрешить частноправовой спор, осложненный иностранным элементом³. В современном международном частном праве теоретическим основанием свободного выбора отечественного или иностранного материального права в качестве применимого считается сформулированный Ф. К. фон Савиньи разнонаправленный подход и лежащая в его основе идея о равноценности и взаимозаменяемости частного права различных стран⁴.

¹ Прием членения нормативного состава международного частного права успешно применялся М. Н. Кузнецовым с выделением четырех групп норм (*Кузнецов М. Н. Нормативный состав международного частного права // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2012. № 1. С. 123-124; Кузнецов М. Н. Юристу о международном частном праве в цифровую эпоху... С. 77-78; Кузнецов М. Н. Краткий курс лекций по МЧП для магистрантов, обучающихся на английском языке в РУДН... С. 72-73*).

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16. Режим доступа: СПС «Гарант».

³ Вместе с тем, согласно п. 2 ст. 28 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» международный коммерческий арбитраж при отсутствии соглашения сторон о применимом праве определяет его на основании таких коллизионных норм, какие «он считает применимыми» (Закон РФ от 07 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (ред. от 30 декабря 2021 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1240. Режим доступа: СПС «Гарант»).

⁴ См. более подробно: *Асосков А. В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств... С. 18-31*.

Принадлежность национальных коллизионных норм международному частному праву можно считать общепризнанной.

Вторая группа – это унифицированные коллизионные нормы, содержащиеся в международных договорах. Примером таких норм могут быть коллизионные нормы ст. 11 Соглашения стран СНГ о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности. Следует признать, что применение унифицированных коллизионных норм позволяет в определенной степени избежать негативных аспектов их национальных аналогов, а именно: различий в коллизионном регулировании разных стран, которое зачастую порождает манипуляции удобным судом с целью получить отсылку к наиболее выгодному материальному праву за счет применения коллизионных норм страны суда.

Тем не менее, важно иметь в виду, что механизм применения международных договоров по вопросам международного частного права требует соблюдения ряда условий. Во-первых, Российская Федерация должна быть стороной соответствующего международного договора, что в свете ст. 15 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», по общему правилу, означает необходимость ратификации¹. Во-вторых, международный договор должен вступить в силу как таковой. Это условие приобретает практическое значение в случае, если, например, международный договор ратифицирован Российской Федерацией, но при этом на основании собственных предписаний не вступил в силу и, соответственно, не может применяться².

¹ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (ред. от 08 декабря 2020 г.) // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757. Режим доступа: СПС «Гарант». Так, п. «а» ч. 1 ст. 15 данного закона устанавливает, что ратификации подлежат международные договоры, исполнение которых требует изменения действующих или принятия новых федеральных законов, а также устанавливающие иные правила, чем предусмотренные законом.

² За рамками унификации коллизионных норм примером такого международного договора может выступить Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности (Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 02 декабря 2004 г. A/RES/59/38 – Официальный сайт ООН. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/59/38>, дата обращения: 01 августа

Наконец, большое внимание при применении международных договоров по вопросам международного частного права следует уделять сфере их действия. В частности, ст. 11 Соглашения стран СНГ о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, устанавливает правила применения гражданского законодательства одного государства-участника СНГ на территории другого. На практике подобные международные договоры (регионального характера или иным образом, в том числе за счет количества участников, ограниченные по сфере действия) создают эффект «параллельного применения» международных и национальных коллизионных норм, что имеет особое значение в том случае, когда они устанавливают различные по содержанию правила.

Например, п. «е» ст. 11 указанного соглашения устанавливает, что права и обязанности сторон по сделке определяются по законодательству места ее совершения, а пп. 1-2 ст. 1211 ГК РФ закрепляют привязку к праву страны места жительства или основного места деятельности стороны, осуществляющей решающее исполнение. Следовательно, для выбора материального права, применимого к договору купли-продажи между российским и туркменским лицами будет использована привязка к праву страны его заключения, а к договору между российским и французским лицами – привязка к праву страны продавца¹.

2025 г.). В частности, п. 1 ст. 30 указанной конвенции устанавливает, что она вступает в силу на тридцатый день после даты сдачи на хранение тридцатой ратификационной грамоты или тридцатого документа о принятии, утверждении или присоединении Генеральному секретарю ООН. По состоянию на 01 августа 2025 г. участниками конвенции стали 25 государств (United Nations Convention on Jurisdictional Immunities of States and Their Property (New York, 02 December 2004): Status – Официальный сайт ООН [United Nations Treaty Collection]. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=III-13&chapter=3&clang=en, дата обращения: 01 августа 2025 г.), и, следовательно, на эту дату она не вступила в силу и не подлежит применению ни правоприменительными органами государств-участников, ни какими-либо иными. Отметим, что Российская Федерация подписала, но пока не ратифицировала данную конвенцию.

¹ Для обоих случаев выбор национального права на основе коллизионных норм будет производиться только в случае, если между сторонами отсутствует соглашение о применимом праве; кроме того, для договора между российским и французским лицами и после 01 июня 2023 г. для договора между российским и туркменским лицами (в связи с вступлением с этой даты в силу для Туркменистана Венской конвенции) – также при условии, что либо стороны в силу ст. 6 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров исключили

В конкретном случае это может повлечь за собой выбор различных правопорядков и, соответственно, различный правовой исход аналогичных дел, рассмотренных отечественным государственным судом.

Тем не менее, нацеленность унифицированных коллизионных норм на разрешение коллизии правопорядков, вне зависимости от их международного характера, выступает основанием их безоговорочного включения в состав международного частного права.

Третья группа охватывает унифицированные материально-правовые нормы, содержащиеся в международных договорах и специально ориентированные на регулирование частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. Преимущество таких норм состоит в том, что они, во-первых, исключают поставку коллизионной проблемы¹, придавая тем самым более предсказуемый характер правовому режиму взаимоотношений сторон, а во-вторых, содержат специальные правила, учитывающие специфику трансграничных частноправовых отношений. Ярким примером в этой области выступает Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров.

По вопросу о принадлежности данной группы норм в отечественной юридической науке имеются две основные точки зрения. В соответствии с первой из них, как пишет И. А. Грингольц, унифицированные материально-правовые нормы следует «относить к соответствующим отраслям национального права сообразно с правовой системой каждой страны»². При таком подходе и в свете положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, п. 1 ст. 2 и пп. 1-2 ст. 7 ГК РФ упомянутая Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров будет

ее применение, либо на основании п. 2 ст. 7 данной конвенции – субсидиарно – по вопросам, которые в ней не разрешены и не могут быть разрешены на основании ее общих принципов.

¹ П. 3 ст. 1186 ГК РФ устанавливает: «Если международный договор Российской Федерации содержит материально-правовые нормы, подлежащие применению к соответствующему отношению, определение на основе коллизионных норм права, применимого к вопросам, полностью урегулированным такими материально-правовыми нормами, исключается».

² Грингольц И. А. О задачах совершенствования правового механизма социалистической экономической интеграции стран-членов СЭВ // Правоведение. 1972. № 1. С. 19.

выступать исключительно источником отечественного гражданского права. Однако необходимо подчеркнуть, что указанный автор также признает, что «по сложившейся исторической традиции» рассматриваемые нормы «изучаются наукой международного частного права»¹.

Соответственно, вторая точка зрения, имеющая в отечественной юриспруденции неоспоримое преимущество, состоит во включении унифицированных материально-правовых норм в состав международного частного права. Причем этой точки зрения придерживаются, в том числе, ученые, применяющие в целом весьма ограничительный подход для определения границ нормативного массива в исследуемой области. Так, Г. К. Дмитриева включает унифицированные материальные частноправовые нормы в состав международного частного права на том основании, что они «преодолевают коллизионную проблему путем создания единообразных норм частного права различных государств»².

Четвертая группа является наиболее дискуссионной и включает национальные нормы «прямого действия», которые непосредственно регулируют некоторые отношения, обремененные иностранным элементом (например, определяют правовое положение иностранных лиц на территории государства пребывания – «право иностранцев»). По вопросу об отнесении данных норм к международному частному праву в отечественной науке также сложилось две точки зрения.

Важно отметить, что расширение взгляда на международное частное право как на право не только коллизионное стало результатом переосмысления данной юридической материи в советский период отечественной истории. Так, В. М. Корецкий заявляет, что так как «обе группы норм (конфликтных и “права иностранцев”) регулируют одну и ту же область отношений, нет необходимости

¹ Грингольц И. А. Указ. соч. С. 19.

² Международное частное право: учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой. М.: Проспект, 2016. С. 25 (автор главы 1 – Г. К. Дмитриева).

обособлять их друг от друга»¹. В свою очередь И. С. Перетерский и С. Б. Крылов указывают на то, что советское международное частное право состоит, в том числе, из «норм, непосредственно выражающих, регулирующих и закрепляющих гражданско-правовое положение иностранцев в СССР или советских лиц за границей»².

Противником обозначенного подхода выступил Л. А. Лунц, однако следует уточнить, что возражения ученого в действительности были направлены не на те нормы «прямого действия», которые выступают предметом освещаемой дискуссии. Так, ученый пишет, что «внутригосударственный закон, определяющий права и обязанности по внешнеторговой купле-продаже ..., прямо предполагает наличие коллизионной нормы, отсылающей к этому закону»³. Очевидно, что при этом понимании норм «прямого действия» международное частное право охватило бы абсолютно все национальные отрасли частного права.

Однако представляется, что суть дискуссии в указанном случае заключается во включении в состав международного частного права таких норм «прямого действия», которые применяются в отсутствие постановки коллизионной проблемы, во многом по причине того, что они лежат больше в плоскости публичного, нежели частного права (например, по вопросам ввоза и вывоза культурных ценностей, порядка трудоустройства иностранных граждан и т.п.). В этой связи нельзя не согласиться с О. Н. Садиковым в том, что валютные, налоговые и таможенные отношения не являются ни в коей мере частноправовыми и в этом смысле не соответствуют традиционной дефиниции предмета международного частного права⁴.

Фактором, объединяющим разнородные нормы в сложный комплекс международного частного права, объявляется их целевая направленность на регулирование всей совокупности отношений в частной международной жизни:

¹ *Корецкий В. М.* Очерки международного хозяйственного права. Вып. 1. Харьков: ХИНХ, 1928. С. 32.

² *Перетерский И. С., Крылов С. Б.* Указ. соч. С. 7-8.

³ *Лунц Л. А.* Международное частное право... С. 11.

⁴ *Садиков О. Н.* Достоинства и недочеты нужной книги // Журнал российского права. 1998. № 4-5. С. 294-295.

от собственно частноправовых (например, в области заключения и исполнения договора международной купли-продажи товаров) до тесно с ними связанных (например, в области таможенного оформления, валютного контроля и т.п.). В этом отношении заслуживает внимания то, что даже противники включения национальных норм «прямого действия» в нормативный массив международного частного права, выступают, однако, за их изучение в рамках соответствующей учебной дисциплины¹. Так, Л. А. Лунц пишет: «Хотя материальные нормы гражданского права о внешней торговле и не составляют предмета международного частного права, но на важнейших из них мы все же остановимся в настоящем учебнике, так как они недостаточно полно освещены в ... общих курсах гражданского права»². В современный период схожую позицию занимает Г. К. Дмитриева³.

Наконец, пятую группу формируют нормы международного гражданского процесса, которые сами по себе образуют сложный правовой комплекс, охватывающий и нормы национальных процессуальных кодексов⁴, и некоторые другие нормы национального законодательства (например, по вопросам деятельности международного коммерческого арбитража⁵), и нормы целого ряда многосторонних (универсальных и региональных) и двусторонних международных договоров, в числе которых договоры по вопросам оказания

¹ В данном случае наблюдается весьма интересное явление несовпадения области позитивного права и соответствующей ему учебной дисциплины (а предположительно – и науки), анализ которого выходит за рамки настоящего исследования. По вопросу о познавательной ситуации в науке международного частного права см.: *Асланян Н. П.* О познавательной ситуации в науке международного частного права // Развитие и применение международного права и международного частного права: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. (26 марта 2020 г.): сб. ст. / отв. ред. Т. В. Новикова. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2020. С. 71-84.

² *Лунц Л. А.* Международное частное право... С. 11.

³ Международное частное право: учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой... С. 29 (автор главы 1 – Г. К. Дмитриева).

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01 апреля 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012. Режим доступа: СПС «Гарант»; Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532. Режим доступа: СПС «Гарант».

⁵ Закон РФ от 07 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже».

правовой помощи¹, признания и исполнения иностранных судебных и арбитражных решений² и др.

При этом содержательно указанные нормы регламентируют самый широкий круг вопросов, включая вопросы правового статуса иностранных лиц (например, предоставления национального режима) либо иностранного государства (например, предоставления судебного иммунитета) в судебном процессе на территории Российской Федерации, международной подсудности, специфики судопроизводства по частноправовым спорам международного характера (например, в отношении признания иностранных официальных документов) и многие другие.

Некоторым препятствием включения норм международного гражданского процесса в состав международного частного права выступает их процессуальный характер. Во-первых, правовые нормы, регламентирующие отправление правосудия в государственном суде, имеют строго публичную, а вовсе не частную правовую природу и, таким образом, не соответствуют устоявшейся дефиниции предмета международного частного права. Во-вторых, дополнение нормативного массива международного частного права, уже включающего национальные и международные коллизионные нормы, международные материально-правовые и национальные нормы «прямого действия», разноплановыми нормами процессуального характера превращает международное частное право в некий «супер-комплекс».

Тем не менее, следует признать, что превалирующая позиция отечественной доктрины склоняется к включению норм международного гражданского процесса в нормативный массив международного частного права. В частности, Л. П. Ануфриева утверждает, что на современном этапе при условии признания особого статуса процессуальных норм международное частное право «как объективное право, основу которого составляют отношения цивилистического

¹ Например, Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07 октября 2002 г.

² В отношении иностранных арбитражных решений см.: Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10 июня 1958 г. (г. Нью-Йорк) // Ведомости ВС СССР. 1960. № 46. Ст. 421.

характера, юридически связанные с различными правопорядками, невозможно оторвать от средств защиты соответствующих прав и обязанностей, которыми наделяются ... субъекты во всех государствах в процессе осуществления подобного рода отношений»¹.

В этой связи примечательно, что правоведы из США (например, Дж. Стори, считающийся автором термина «международное частное право»²) и Великобритании³ рассматривают ключевые вопросы международного гражданского процесса, как-то: конфликт юрисдикций и статус иностранных судебных решений, – в рамках коллизионного права (*conflict of laws* – англ.), расцениваемого отечественными учеными исключительно как совокупность норм, которые нацелены на выбор применимого материального права.

Таким образом, следует констатировать, что отечественная юриспруденция, как отмечает Т. Н. Нешатаева, рассматривает международное частное право в качестве сложного правового комплекса, включающего «коллизионные, материальные и процессуальные»⁴ принципы и нормы, которые способны содержаться как в национальном, так и в международном праве⁵. При этом М. Н. Кузнецов обосновывает восприятие международного частного права как

¹ Ануфриева Л. П. Международное частное право: В 3 т. Т. 1. Общая часть: учебник. М.: БЕК, 2002. С. 84-88.

² Joseph Story, *Conflict of Laws, Foreign and Domestic, in regard to Contracts, Rights and Remedies, and especially in regard to Marriages, Divorces, Wills, Successions, and Judgements*, 3rd ed. (Boston: Charles C. Little and James Brown; London: A. Maxwell and Son, 1846) at 904-1012.

³ См., например: Adrian Briggs, *The Conflict of Laws*, 3rd ed. (Oxford: Oxford University Press – Clarendon Law Series, 2013) at 50-188.

⁴ Нешатаева Т. Н. Международное частное право и международный гражданский процесс... С. 19. В этой связи важно также процитировать высказывание Т. Н. Нешатаевой, сделанное в ходе обоснования полисистемной природы международного частного права: «В результате правоотношение может сложиться только на основе комплекса норм, объединенных самим этим общественным отношением. В этот комплекс войдут коллизионная норма и материальная норма. При этом и та и другая может находиться как в национальном праве, так и в международном договоре» (Там же. С. 26).

⁵ Следует обратить особое внимание на вывод М. Н. Кузнецова о том, что «современная правовая мысль уже подошла к тому рубежу, когда отраслевое и даже системное деление права ... должно быть признано условным» (Кузнецов М. Н. Некоторые теоретико-правовые аспекты конвергенции публичного и частного права // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2013. № 4. С. 109).

«целостного, диалектически развивающегося межсистемного образования совокупности правовых норм»¹.

Вместе с тем, нельзя не указать, что именно коллизионное право образует историческое «ядро» международного частного права, нацеленное на выбор применимого права для трансграничного частноправового отношения. Представляется, что именно разнородный состав компонентов международного частного права, признанный современной отечественной юридической наукой, побудил отдельных ученых, в числе которых – Н. П. Асланиян², выдвинуть аргументы в поддержку монистического (коллизионного) подхода к международному частному праву. Не преследуя цели совершить научную революцию, подчеркнем, что предметом данного исследования является автономия воли – один из принципов коллизионного права, которое мы рассматриваем в качестве системы принципов и норм, характеризующейся гомогенностью и обособленной в рамках международного частного права в его широком понимании. В этой связи проведенный нами анализ состава норм международного частного права важно дополнить исследованием состава его принципов.

В качестве важной точки данного исследования укажем, что мы рассматриваем принципы права как «объективно необходимые и теоретически обоснованные средства правового регулирования общественных отношений»³. В этой связи В. В. Ершов заявляет: «Право ... прежде всего находит свое внешнее

¹ Кузнецов М. Н. Особенности современного развития международного частного права и его влияние на охрану результатов творческой деятельности (теоретико-методологическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1989. С. 7 (положение на защиту № 5).

² Асланиян Н. П. О предмете международного частного права // Развитие и применение международного права и международного частного права: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (05 апреля 2018 г.): сб. ст. / отв. ред. Т. В. Новикова. Краснодар: Издательский дом – Юг, 2018. С. 74-90; Асланиян Н. П. Теоретико-методологические вопросы понимания международного частного права // Развитие и применение международного права и международного частного права: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. (28 марта 2019 г.): сб. ст. / отв. ред. Т. В. Новикова. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2019. С. 63-75.

³ Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М.: РГУП, 2018. С. 299.

выражение в принципах и нормах права, содержащихся в формах международного и внутригосударственного права, реализуемых в государстве»¹.

Вместе с тем, познавательная ситуация в сфере принципов международного частного права² является крайне неоднозначной³. Нельзя не указать, что во многих изданиях учебной литературы этот вопрос вообще не выносится на рассмотрение (по меньшей мере, в отдельном параграфе или другой структурной единице текста)⁴. В других же работах (как учебного, так и научного характера) наблюдается невероятное разнообразие предлагаемых авторами перечней принципов международного частного права. Причем в отдельных случаях два перечня могут разниться настолько, что не будут содержать ни одного общего принципа. Так, например, Л. П. Ануфриева рассматривает такие принципы международного частного права, как международная вежливость, национальный режим, режим наибольшего благоприятствования, взаимность и реторсии⁵, а

¹ Ершов В. В. Тенденции развития права и неправа // Российское правосудие. 2012. № 7. С. 13.

² Несмотря на то, что в отечественной юриспруденции предпринималась попытка постановки вопроса о закономерностях «правового регулирования международных частных отношений» (Кудашкин В. В. Закономерности правового регулирования международных частных отношений при взаимодействии национальных правовых систем. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»; Кудашкин В. В. Правовое регулирование международных частных отношений. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 101-135), подчеркнем, что мы оперируем классической категорией *принципы* (и, соответственно, исследуем автономию воли как принцип коллизионного регулирования).

³ На недостаточную проработанность теоретических основ выделения принципов международного частного права справедливо указывает М. В. Мещанова (Мещанова М. В. Теоретические основы выделения принципов международного частного права // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. Вып. 4. Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2019. С. 283-284, 288).

⁴ Богуславский М. М. Международное частное право: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019; Гаврилов В. В. Международное частное право: краткий учебный курс. М.: Норма, 2000; Ерпылева Н. Ю. Международное частное право: учебник. М.: Издательский дом ВШЭ, 2015; Кривенький А. И. Международное частное право: учебник. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2020; Леанович Е. Б. Международное частное право: учебное пособие. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019; Международное частное право: учебник / под ред. Р. А. Курбанова, А. С. Лалетиной. М.: Проспект, 2015; Международное частное право: учебник. В 2 т. Т. 1 / под ред. Г. В. Петровой. М.: Юрайт, 2020; Мухтарова А. Р. Международное частное право: учебно-методическое пособие. М.: Русайнс, 2016.

⁵ Ануфриева Л. П. Международное частное право: В 3 т. Т. 1. Общая часть... С. 103-121; Ануфриева Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права (сравнительное исследование правовых категорий): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 162-163.

Г. К. Дмитриева – принцип суверенного равенства национального права государств, принцип защиты отечественного правопорядка и принцип наиболее тесной связи¹. Более того, авторы дают весьма лаконичные и столь же разнящиеся обоснования данных перечней. Л. П. Ануфриева указывает на то, что предлагаемые «общие понятия» выходят за рамки коллизионного метода регулирования, в связи с чем, по мнению автора, «целесообразно вынести рассмотрение данных вопросов за рамки коллизионного права»². В свою очередь Г. К. Дмитриева выделяет указанные принципы в итоге анализа «российского законодательства по международному частному праву, и прежде всего разд. VI ГК РФ»³.

В этой связи мы считаем необходимым указать, что «принципы права – это теоретическое и практическое обобщение опыта, полученного на основе длительной и многообразной правотворческой и правореализационной деятельности, в результате которой выработаны средства правового регулирования общественных отношений, характеризующиеся максимальной универсальностью, высшей степенью императивности и абстрактности, объективно отражающие закономерные, существенные, типичные и системообразующие процессы в национальном и (или) международном праве»⁴. В свете приведенного определения представляется недостаточным обоснование

Следует также отметить, что в учебнике автор оперирует словосочетанием «основные начала (принципы) международного частного права» (*Ануфриева Л. П. Международное частное право: В 3 т. Т. 1. Общая часть... С. 103*), а в диссертации прямо заявляет: «То, что в международном публичном праве, а также во внутригосударственных отраслях обозначается категорией “принципы”, в МЧП, именуется “начала” (“основные начала”))» (*Ануфриева Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права (сравнительное исследование правовых категорий)... С. 162*). В целях единообразия терминологии (обозначения одного явления одним термином) мы в этом случае ведем речь исключительно о принципах международного частного права (и предметно – об автономии воли как принципе коллизионного регулирования).

¹ Международное частное право: учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой... С. 32-35 (автор главы 1 – Г. К. Дмитриева).

² *Ануфриева Л. П. Международное частное право: В 3 т. Т. 1. Общая часть... С. 103; Ануфриева Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права (сравнительное исследование правовых категорий)... С. 163-164.*

³ Международное частное право: учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой... С. 32 (автор главы 1 – Г. К. Дмитриева).

⁴ *Ершов В. В. Правовая природа, функции и классификация принципов национального и международного права // Российское правосудие. 2016. № 3. С. 35.*

выдвижения того или иного положения в качестве принципа исключительно тем, что оно выходит за рамки одного из методов регулирования или вытекает из анализа только «российского законодательства» в соответствующей области¹.

Более того, полагаем, что именно непроработанность обоснования каждого из потенциальных принципов международного частного права в качестве объективно необходимого и теоретически обоснованного средства правового регулирования частных отношений с иностранным элементом, порождает наблюдаемую в современной литературе палитру воззрений, в которой каждый из авторов на свой взгляд комбинирует самые различные идеи, тезисы, правила и положения в качестве принципов международного частного права. Например, И. В. Гетьман-Павлова относит к таковым автономию воли участников отношения, принципы наиболее тесной связи, взаимности, международной вежливости, недискриминации, а также право на реторсии², Л. В. Котова – принципы наиболее тесной связи, недискриминации иностранцев и защиты своего правового поля³, У. Б. Филатова – «принципы, характеризующие особенности предмета и метода» международного частного права («принцип коллизионного регулирования частноправовых отношений, ... применения иностранного законодательства, так как оно применяется у себя на родине, ... автономии воли сторон, ... наиболее тесной связи, ... взаимности»), и «принципы, характеризующие особенности субъектов частноправовых отношений,

¹ Спорной видится и постановка более частного вопроса: «Арбитражное соглашение как договорный способ закрепления принципа гибкости в международном частном праве (курсив наш. – Т.Н.)» (Иниакова А. О., Казаченок С. Ю. Арбитражное соглашение как договорный способ закрепления принципа гибкости в международном частном праве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 1. С. 66-71).

² Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: учебник. М.: Юрайт, 2020. С. 28-31. Примечательно, что в трехтомном учебнике по международному частному праву того же года издания И. В. Гетьман-Павлова дополняет приведенный перечень еще одним принципом – принципом защиты национального правопорядка (Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: В 3 т. Т. 1. Общая часть: учебник. М.: Юрайт, 2020. С. 33-39). Годы знака охраны авторского права первого учебника – 2016 и 2017 (с изм.), второго – 2013 и 2016 (с изм.).

³ Вместе с тем автор отмечает: «Предложенная концепция, безусловно, не претендует на всеобъемлющую полноту и, вероятно, потребует своей корректировки» (Котова Л. В. К вопросу о принципах международного частного права // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1. С. 693-694).

осложненных иностранным элементом» («принцип предоставления определенных режимов, ... предоставления иммунитета иностранным государствам»)¹.

О. А. Данилочкина дополняет предложенный Г. К. Дмитриевой перечень принципов международного частного права принципом автономии воли сторон², а И. Д. Соболев – принципами автономии воли и правосубъектности иностранных лиц в частноправовых отношениях³.

Важно также отметить, что понимание принципов международного частного права как объективно необходимых и теоретически обоснованных средств правового регулирования частных отношений международного характера не допускает выработку *одновременно* двух их перечней. По этой причине представляются дезориентирующими подходы Е. Н. Романенковой, которая указывает такой же перечень принципов, как и Л. П. Ануфриева, и сразу после него – перечень принципов формирования содержания коллизионных норм, заявленный Р. М. Ходыкиным⁴; и А. О. Иншаковой, которая называет в качестве принципов международного частного права четыре принципа из перечня И. В. Гетьман-Павловой (автономию воли сторон отношения, принципы

¹ *Филатова У. Б.* Принципы международного частного права // *ГлаголЪ правосудия*. 2010. № 1. С. 80-84; *Филатова У. Б.* Система принципов международного частного права // *Евразийский юридический журнал*. 2010. № 10. С. 73; *Филатова У. Б.* Формирование принципов международного частного права – шаг к преодолению глобального экономического кризиса // *Экономический кризис и возможные пути его преодоления: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 22-24 марта 2010 г.)* / под ред. В. И. Самарухи, Ж.-П. Гишара. Иркутск: Изд-во БГУ, 2010. С. 216-217.

² При этом заявленный Г. К. Дмитриевой «принцип суверенного равенства национального права государств» О. А. Данилочкина именует как «принцип суверенного равенства национального права различных государств» (*Данилочкина О. А.* Международное частное право в вопросах и ответах: учебное пособие. М.: Проспект, 2016. С. 7).

³ При этом заявленный Г. К. Дмитриевой «принцип суверенного равенства национального права государств» И. Д. Соболев переименовывает в «принцип применимости иностранного права в частноправовых отношениях» (*Соболев И. Д.* Основополагающие начала и принципы международного частного права // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2015. № 2. С. 47). Предлагаемый И. Д. Соболевым перечень принципов воспроизведен в работе А. А. Ветровой и В. Д. Белоусова (*Ветрова А. А., Белоусов В. Д.* Понятие и значение общих принципов международного частного права // *Технологии формирования правовой культуры в современном образовательном пространстве: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Волгоград, 27 апреля 2018 г.)*. Волгоград: ИПК ФГБОУ ВО Волгоградский ГАУ, 2018. С. 251-252).

⁴ *Романенкова Е. Н.* Международное частное право. Краткий курс: учебное пособие. М.: Проспект, 2015. С. 11-12.

взаимности, недискриминации и право на реторсии), дополняет их принципом предоставления определенных режимов (но в отличие от И. В. Гетьман-Павловой исключает принципы наиболее тесной связи и международной вежливости), а в заключение указывает четыре принципа международного частного права, предложенные П. Лягардом¹.

Исходя из того, что «принципы права, во-первых, являются ... средствами правового регулирования общественных отношений ... ; во-вторых, ... выступают своеобразной “дорожной картой” для правотворческих органов в процессе ... выработки норм права»², считаем нецелесообразным выделение *различных* перечней принципов для правотворчества и правоприменения. Так, Р. М. Ходыкин, выдвигает три принципа формирования содержания коллизионных норм (иначе именуя их – «коллизионные принципы»), как-то: «принцип защиты основных прав и свобод человека», «принцип наиболее тесной связи», «принцип стремления к унификации»³. Несмотря на заявление автора о том, что предложенные принципы формирования содержания коллизионных норм способны выполнять две функции и «являться ориентиром для законодателя при создании коллизионной нормы, а для правоприменителей при ее толковании»⁴, мы полагаем, что два из предложенных трех принципов объективно не могут быть средством коллизионного регулирования частных отношений международного характера.

¹ В числе которых – как указанный А. О. Иншаковой принцип автономии воли, так и не нашедшие отражения в перечне автора принцип наиболее тесной связи, принцип суверенитета, принцип использования коллизионных норм, ориентированных на определенный материальный результат (*Иншакова А. О. Международное частное право: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2020. С. 32-36*).

² *Ершов В. В. Современные теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения // Российское правосудие. 2016. № 9. С. 15, 17.*

³ *Ходыкин Р. М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве... С. 10 (положение на защиту № 1).* В таком же ключе коллизионные принципы освещаются в параграфе, подготовленном автором для учебника по международному частному праву (*Международное частное право: учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. С. Н. Лебедева, Е. В. Кабатовой. М.: Статут, 2011. С. 228-235, автор п. 4.2 – Р. М. Ходыкин*).

⁴ *Ходыкин Р. М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве... С. 10 (положение на защиту № 1).*

Принцип стремления к унификации заключается, по мнению Р. М. Ходыкина, «в необходимости учета в законодательной и правоприменительной деятельности уже существующих коллизионных норм, содержащихся в международных соглашениях и иностранном законодательстве (курсив наш. – Т.Н.)»¹. Если автор ведет речь о международных договорах РФ², содержащих унифицированные коллизионные нормы, то в таком случае неприемлемо говорить о необходимости их «учета», ибо такие нормы образуют элементы системы права, реализуемого в России, и являются действующими средствами правового (в том числе коллизионно-правового) регулирования общественных отношений.

Если же автор ведет речь, что вероятнее всего, о международных договорах, в которых Российская Федерация не участвует, а равно об иностранном законодательстве, не имеющем никакой юридической силы в Российской Федерации, то в таком случае приемлемо говорить лишь о сравнительно-правовом методе, применяемом наряду с историко-правовым, системным подходом и другими при исследовании тех или иных правовых явлений. Не отрицая значения методов юридического исследования и таких исследований в законотворческом процессе, в аспекте коллизионного регулирования подчеркнем, что сам по себе факт закрепления той или иной коллизионной привязки в каких-то международных документах или законах о международном частном праве зарубежных стран не будет и не должен быть основанием ее установления в Российской Федерации, если только при этом законодатель не будет убежден, что именно такая привязка позволит избрать для частноправового отношения, осложненного иностранным элементом, правопорядок, с которым оно наиболее

¹ Ходыкин Р. М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве... С. 14 (положение на защиту № 11).

² Мы используем словосочетание «международный договор», вместо – «международное соглашение», поскольку именно о приоритете международных договоров над законами говорит ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, и именно такое словосочетание используется в международном праве (Конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (г. Вена) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1986. – № 37. – Ст. 772) и законодательстве Российской Федерации (Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации»).

тесно связано (т.е. реализовать принцип наиболее тесной связи как принцип коллизионного регулирования).

Более того, на уровне правоприменения принцип стремления к унификации как таковой вообще не способен быть средством правового регулирования общественных отношений. Примечательно, что А. В. Асосков указывает именно на отсутствие у «стремления» регулятивного потенциала как на основание сомнений в целесообразности признания такого принципа¹.

Что же касается принципа защиты основных прав и свобод человека, то ни в коей мере не отрицая, что «человек, его права, представления о справедливости, его чувство свободы»² – одна из важнейших глобальных ценностей, отметим, что постижение принципов коллизионного регулирования неотрывно от понимания сущности такого регулирования, которая состоит в отыскании для частноправового отношения, осложненного иностранным элементом, надлежащего правопорядка. В свете этого не только коллизионные нормы, но и принципы призваны определять, «право какого государства должно быть применено к данному частноправовому отношению, осложненному иностранным элементом»³, но вовсе не осуществлять материально-правовое регулирование такого отношения по существу.

Несмотря на получающую все большее признание тенденцию к материализации международного частного права⁴, мы убеждены, что эта тенденция не превратила коллизионное право в материальное. Она трансформировала (усовершенствовала) принцип наиболее тесной связи, в содержании которого территориальная локализация была дополнена особо значимыми материально-правовыми факторами. Как в этом отношении справедливо разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, «при определении

¹ Асосков А. В. Основы коллизионного права. М.: М-Логос, 2017. С. 12.

² Ст. 2 Конституции РФ провозглашает: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

³ Такое определение коллизионной нормы дает Г. К. Дмитриева (Международное частное право: учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой... С. 112, автор главы 5 – Г. К. Дмитриева).

⁴ О тенденции к материализации коллизионного права и учете «материально-правовых нормообразующих факторов в ходе формирования коллизионных норм» см.: Асосков А. В. Основы коллизионного права... С. 213-286.

наиболее тесной связи суд», во-первых, выявляет «преобладающую территориальную связь»; во-вторых, «может принимать во внимание, применение права какой страны позволит наилучшим образом реализовать общепризнанные принципы гражданского права и ... его институтов»¹. Следовательно, реализация принципов гражданского права (а равно и принципов других отраслей материального права) той или иной страны учитывается при решении коллизионного вопроса в той мере, в какой она выступит следствием выбора того или иного правопорядка. Однако это вовсе не означает, что такие принципы, как свобода договора² или добросовестность³, являются непосредственными принципами коллизионного регулирования – вне принципа наиболее тесной связи, в отрыве от всякой локализации и т.д.

Возвращаясь к правам и свободам человека и гражданина, укажем, что они, безусловно, «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием»⁴. Их фундаментальное значение в той или иной мере проявляется и в принципах коллизионного регулирования. Например, в преамбуле Резолюции Института международного права «Автономия сторон в международных контрактах между частными физическими или юридическими лицами» автономия воли признается не только в качестве одного из принципов

¹ П. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

² Мы не поддерживаем позицию Ш. М. Менглиева относительно «реализации общепризнанного гражданско-правового принципа свободы договора в международном частном праве, основными способами которой являются автономия воли сторон и коллизионные нормы гражданского законодательства (курсив наш. – Т.Н.)» (Менглиев Ш. М. Реализация принципа свободы договора в международном частном праве // Бизнес, менеджмент и право. 2014. № 2. С. 128).

³ Мы не поддерживаем позицию Е. В. Вавилина и И. В. Шугуровой относительно «проявления принципа добросовестности в ... международном частном праве ... в аспекте материально-правового и коллизионного регулирования (курсив наш. – Т.Н.)» (Вавилин Е. В., Шугурова И. В. Принцип добросовестности в гражданском праве и международном частном праве: новеллы Проекта изменений и дополнений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4. С. 190; Вавилин Е. В., Шугурова И. В. Принцип добросовестности в международном частном праве: новеллы Проекта изменений и дополнений Гражданского кодекса Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 2. С. 65).

⁴ Ст. 18 Конституции РФ.

международного частного права, но и в качестве свободы человека (freedom of the individual – англ.)¹, а надлежащее и своевременное определение судом права, применимого к частноправовому отношению, осложненному иностранным элементом, в конечном итоге будет неминуемо восходить к праву на справедливое судебное разбирательство в разумный срок². Более того, современное содержание принципа наиболее тесной связи в дополнение к территориальной локализации позволяет учитывать и такие материально-правовые факторы, как запрет злоупотребления правом, защита слабой стороны и т.п. Тем не менее, мы убеждены: изложенные обстоятельства подтверждают, что права и свободы человека и гражданина «определяют смысл, содержание и применение» принципов и норм права, и в том числе коллизионного права, но вовсе не требуют утверждения принципа защиты основных прав и свобод человека именно в качестве *специального* принципа коллизионного регулирования (ибо в противном случае его пришлось бы утверждать в качестве *специального* принципа всякой отрасли права или даже института).

В более широком ключе требует обсуждения вопрос о признании непосредственного действия принципов международного права в международном частном праве. Представляется, что в значительной мере постановка данного вопроса обусловлена тем, что само международное частное право рассматривается рядом авторов как часть международного права³ или как «“полисистемный комплекс”, состоящий из норм как национального, внутригосударственного, так и международного права»⁴.

¹ The Autonomy of the Parties in International Contracts Between Private Persons or Entities, The Institute of International Law Resolution of 1991 (Session of Basel). URL: http://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/06/1991_bal_02_en.pdf (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

² В этом отношении см., например: Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (ред. от 05 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144. Режим доступа: СПС «Гарант».

³ См., например: Крылов С. Б. Указ. соч. С. 20-21.

⁴ Богуславский М. М. Международное частное право... 2011. С. 36-37. См. также: Макаров А. Н. Указ. соч. С. 24; Мюллерсон Р. А. Соотношение международного и национального права... С. 120; Нешатаева Т. Н. Международное частное право и международный гражданский процесс... С. 24.

В частности, Л. Н. Галенская, исходя из того, что «международное публичное и частное право имеют единые основные начала – общие принципы»¹, указывает на действие «в сфере международного частного права» принципов, которые получили отражение в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН², включая «запрещение применения силы и угрозы силой», «мирное разрешение международных споров» и даже «принцип суверенного равенства государств», «принцип добросовестного выполнения государствами обязательств ... в соответствии с Уставом ООН», «принцип равноправия и самоопределения народов»³.

Ни в коей мере не отрицая фундаментального значения принципов международного права как таковых, отметим, что они касаются, прежде всего, «дружественных отношений и сотрудничества между государствами» как членами Организации Объединенных Наций, нацеленной на поддержание международного мира и безопасности, развитие дружественных отношений между нациями и сотрудничество «в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера»⁴. В частности, «запрещение применения силы и угрозы силой» Декларация о принципах международного права раскрывает, в первую очередь, как запрет агрессивной войны, а «мирное разрешение международных споров» – как предписывающее государствам разрешать споры таким образом, «чтобы не

¹ Галенская Л. Н. Действие общих принципов международного права в сфере международного частного права // Журнал международного частного права. 1995. № 4. С. 3.

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята 24 октября 1970 г. Резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН) // Международное публичное право: сборник документов. Т. 1. М., 1996. С. 2-8.

³ Галенская Л. Н. Действие общих принципов международного права в сфере международного частного права... С. 5-11; Галенская Л. Н. Действие общих принципов международного права в сфере международного частного права (продолжение) // Журнал международного частного права. 1996. № 1-2. С. 9-12.

⁴ П. 1-3 ст. 1 Устава ООН (Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. (г. Сан-Франциско) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14-47).

подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость». С учетом изложенного даже при самом широком понимании международного частного права вызывает сомнения обоснованность прямого использования данных принципов международного права в качестве средств правового регулирования частных отношений, осложненных иностранным элементом, как-то: договорных, вещных, деликтных и др.

В этой связи примечательно, что, например, Р. Б. Морева в отношении ряда общих принципов международного права (включая «запрещение применения силы и угрозы силой», а также «принцип мирного разрешения международных споров», «невмешательства», «суверенного равенства государств», «добросовестного выполнения государствами их обязательств ... в соответствии с Уставом ООН» и «недискриминации») разделяет вывод о том, что они «являются обязательными и для международного частного права»¹, проводит содержательный анализ возможностей их применения в международном частном праве², но в итоге делает противоположное заявление: «Вопреки расхожему мнению, общие принципы международного публичного права вовсе не имеют такого значения для международного частного права, какое им обычно приписывается»³.

¹ Морева Р. Б. Понятие общих принципов международного частного права // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2007. № 2. С. 64-66; Морева Р. Б. Природа и место международного частного права в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 86-90.

² Например, касательно запрещения «применения силы и угрозы силой» автор приводит по сути аргументы Л. Н. Галенской о том, что «торговать, обмениваться туристами, поддерживать семейные связи и т.д. возможно лишь в мирных условиях», а непосредственно в международном частном праве этот принцип сводится к запрету любого принуждения «к заключению сделки, партнерству, вступлению в брак и т.д.» (Галенская Л. Н. Действие общих принципов международного права в сфере международного частного права... С. 6 и Морева Р. Б. Понятие общих принципов международного частного права... С. 64-65; Морева Р. Б. Природа и место международного частного права в правовой системе Российской Федерации... С. 86-87).

³ Более того, автор заключает: «В этой связи позволим себе не согласиться с точкой зрения, увязывающей основные начала международного публичного и частного права между собой» (Морева Р. Б. Понятие общих принципов международного частного права... С. 66; Морева Р. Б. Природа и место международного частного права в правовой системе Российской Федерации... С. 92). В этом случае Р. Б. Морева дословно воспроизводит позицию О. Н. Толочко (Толочко О. Н. Принципы международного частного права // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2001. № 2. С. 25).

Особого внимания заслуживает отнесение отдельными авторами к принципам международного частного права общих принципов права, признанных «цивилизированными нациями»¹, которые получили отражение в подп. «с» п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН². Важно отметить, что формула «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями» породила невероятное количество конфликтующих толкований³ и в представленной редакции практически не имеет применения⁴. При этом словосочетание «цивилизированные нации» является анахроничным и неприемлемым, что получило отражение в особом мнении судьи Международного Суда ООН Фоуад Аммоун⁵ и безоговорочно признается правоведами современного периода⁶.

¹ Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право... С. 28; Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: В 3 т. Т. 1... С. 32; Иниакова А. О. Указ. соч. С. 31.

² Статут Международного Суда Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. (г. Сан-Франциско) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 47-63.

³ Andreas Zimmermann, Christian Tomuschat, Karin Oellers-Frahm, Christian J. Tams (eds), *The Statute of the International Court of Justice: A Commentary*, 2nd ed. (Oxford: Oxford University Press, 2012) at 254 (author of the commentary to article 38 – A. Pellet); G.J.H. van Hoof, *Rethinking the Sources of International Law* (Deventer: Kluwer Law and Taxation Publishers, 1983) at 131; Gábor Sulyok, “General Principles of Law and International Law-Making” in Charles Sampford, Spencer Zifcak, Derya Aydin Okur (eds), *Rethinking International Law and Justice* (Farnham: Ashgate, 2015) at 313; Johan G. Lammers, “General Principles of Law Recognized by Civilized Nations” in Frits Kalshoven (ed), *Essays on the Development of the International Legal Order* (Alphen aan den Rijn, Rockville: Sijthoff & Noordhoff, 1980) at 53; Lassa F. L. Oppenheim, *International Law: A Treatise, Vol. I – Peace*, 8th ed., edited by Hersch Lauterpacht (London: Longmans, Green and Co., 1955) at 29. В отечественной юриспруденции одно из последних исследований формулировок, отсылающих к принципам международного права, проведено А. Х. Абашидзе (Абашидзе А. Х. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера // Московский журнал международного права. 2017. № 4. С. 19-30).

⁴ В этом отношении К. Фокарелли указывает, что как Постоянная палата международного правосудия, так и Международный суд ООН «были очень осторожны в части прямой ссылки на общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, изредка ссылаясь на не относящиеся к какой-то категории ‘общие принципы’» (Carlo Focarelli, *International Law* (Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019) at 39.1). См. также: Andreas Zimmermann, Christian Tomuschat, Karin Oellers-Frahm, Christian J. Tams (eds), *Op. cit.* at 253 (author of the commentary to article 38 – A. Pellet); Lassa F. L. Oppenheim, *Op. cit.* at 29-30.

⁵ *North Sea Continental Shelf Cases* (Federal Republic of Germany / Denmark, Federal Republic of Germany / Netherlands), International Court of Justice, Separate Opinion of Judge Fouad Ammoun [20 February 1969] – Официальный сайт Международного Суда ООН. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/51/051-19690220-JUD-01-06-EN.pdf> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

⁶ Andreas Zimmermann, Christian Tomuschat, Karin Oellers-Frahm, Christian J. Tams (eds), *Op. cit.* at 261 (author of the commentary to article 38 – A. Pellet); Carlo Focarelli, *Op. cit.* at 38.4; Vladimir D. Degan, *Sources of International Law* (Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1997) at 68-72.

В свете целей настоящего исследования сделаем два замечания. Во-первых, п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН в целом был сформулирован утилитарно как перечень источников права, которые применяет суд при разрешении исключительно межгосударственных споров¹. Более того, по общему признанию правоведов, включение в этот перечень общих принципов права, признанных цивилизованными нациями, было предложено Бар. Э. Декампом еще при разработке Статута Постоянной палаты международного правосудия² для того, чтобы суд не мог отказаться от разрешения спора в отсутствие применимых норм международных договоров и обычаев³.

Во-вторых, из многочисленных подходов к оценке содержания анализируемой формулы укажем два наиболее известных⁴. Самый радикальный представлен позицией Г. И. Тункина, по мнению которого «общие принципы права» представляют собой «ненормативные положения», например, «*lex specialis*

В этой связи представляется неточным высказывание о том, что «под “цивилизованными нациями” следует понимать те государства, чьи правовые системы основаны на рецепированном римском праве» (*Иниакова А. О.* Указ. соч. С. 31). Такой же тезис см.: *Гетьман-Павлова И. В.* Международное частное право: В 3 т. Т. 1... С. 32.

¹ П. 1 ст. 34 Статута Международного Суда ООН провозглашает: «Только государства могут быть сторонами по делам, разбираемым Судом».

² Формула «общие принципы права, признанные цивилизованные нациями», была установлена в п. 3 ст. 38 Статута Постоянной палаты международного правосудия, не подверглась корректировке при пересмотре Статута в 1929 г. и впоследствии без изменений была перенесена в подп. «с» п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН (*Statute of the Permanent Court of International Justice of 16 December 1920 // Summaries of Judgements, Advisory Opinions and Orders of the Permanent Court of International Justice* (New York: United Nations, 2012) at 444-457).

³ Andreas Zimmermann, Christian Tomuschat, Karin Oellers-Frahm, Christian J. Tams (eds), *Op. cit.* at 250 (author of the commentary to article 38 – A. Pellet); Carlo Focarelli, *Op. cit.* at 38.2; Clive Parry, *The Sources and Evidences of International Law* (Manchester: Manchester University Press, 1965) at 83; Fabián O. Raimondo, *General Principles of Law in the Decisions of International Criminal Courts and Tribunals* (Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2008) at 20; Gábor Sulyok, *Op. cit.* at 327.

⁴ В литературе можно встретить подход, в соответствии с которым под общими принципами права, признанными цивилизованными нациями, необходимо понимать принципы самого международного права, однако он не получил преобладающей поддержки (G.J.H. van Hoof, *Op. cit.* at 140). В данной части работы мы не будем подвергать анализу указанный подход, потому что даже в случае его признания нам придется – уже через призму подп. «с» п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН – вернуться к вопросу о возможности действия в международном частном праве таких принципов, как неприменение силы и угрозы силой, мирное разрешение международных споров и т.п., на который мы уже дали отрицательный ответ ранее.

derogat generali (специальный закон отменяет общий ...); lex posterior derogat priori (последующий закон отменяет предыдущий)), способные войти «в международное право [только] через договор или обычай»¹. В более мягких тонах Г. Кельзен высказывал сомнения касательно того, что «принципы, общие для правопорядков цивилизованных наций, вообще существуют»². В совокупности изложенные позиции характеризуются как отрицающие (либо подвергающие сомнению) самостоятельное значение подп. «с» п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН (и, следовательно, устанавливаемого им «источника права»)³.

Вместе с тем, большинство правоведов⁴ сходятся во мнении, что под общими принципами права, признанными цивилизованными нациями, следует понимать, как на то указывает Л. Оппенгейм, «общие принципы национальной юриспруденции, в особенности частного права, в той мере, в какой они применимы к межгосударственным отношениям»⁵. Причем к таковым зачастую относят принципы процессуального характера (как *lis alibi pendens* и *res judicata* – принципы, нацеленные на исключение параллельных производств и пересмотр состоявшегося решения, соответственно), которые не могут быть выработаны в ходе ординарных межгосударственных отношений⁶.

Таким образом, необходимо признать, что формула «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями» несет на себе отпечаток ушедшей исторической эпохи, была разработана со строго утилитарной целью снабдить Постоянную палату международного правосудия, а впоследствии –

¹ Тункин Г. И. Теория международного права. М.: Международные отношения, 1970. С. 227, 230.

² Сомнительность формирования общих принципов связывалась автором, прежде всего, с «идеологическим антагонизмом, который разделял коммунистические и капиталистические, авторитарные и демократические правовые системы» (Hans Kelsen, *Principles of International Law*, 2nd ed., revised and edited by Robert W. Tucker (New York: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1966) at 539-540).

³ G.J.H. van Hoof, Op. cit. at 132-133; Johan G. Lammers, Op. cit. at 53-55.

⁴ Andreas Zimmermann, Christian Tomuschat, Karin Oellers-Frahm, Christian J. Tams (eds), Op. cit. at 254 (author of the commentary to article 38 – A. Pellet); Carlo Focarelli, Op. cit. at 39.3; Clive Parry, Op. cit. at 83; Fabián O. Raimondo, Op. cit. at 20; G.J.H. van Hoof, Op. cit. at 140.

⁵ Lassa F. L. Oppenheim, Op. cit. at 29.

⁶ Carlo Focarelli, Op. cit. at 39.1; Gábor Sulyok, Op. cit. at 327.

Международный Суд ООН средством правового регулирования в отсутствие договорных и обычных норм и, что самое важное, предполагает перемещение принципов национального права на международный уровень (но вовсе не наоборот). В свете таких обстоятельств представляется нецелесообразным объявлять «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», по смыслу подп. «с» п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН, в качестве принципов (даже если их именовать «общими принципами»¹) международного частного права, которые призваны не-посредственно служить генеральными регуляторами частных отношений, осложненных иностранным элементом.

Важно указать на то, что в международном частном праве, как справедливо подмечает Л. П. Ануфриева, «термин “принцип” используется в обозначении разнообразных правовых явлений»², включая формулы прикрепления коллизионных норм³, отдельные институты⁴ и «даже применение

¹ Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право... С. 28; Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: В 3 т. Т. 1... С. 32; Иншакова А. О. Указ. соч. С. 31.

² Ануфриева Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права (сравнительное исследование правовых категорий)... С. 161. Изложенная точка зрения получила признание в трудах других авторов (См., например: Колобов Р. Ю. Основы построения и функционирования международного частного права: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. С. 101). Л. П. Ануфриева указывает, что термин «принцип» используется по отношению к формулам прикрепления коллизионных норм; иммунитету государства в частноправовых отношениях международного характера; устоям «в осуществлении торговли» и режимам пребывания иностранцев, а также автономии воли (Ануфриева Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права (сравнительное исследование правовых категорий)... С. 161). Для автономии воли мы отстаиваем качество принципа коллизионного регулирования; а для остальных рассматриваем использование термина «принципы» как свойственное традиции отечественной научной мысли, но не соответствующее их качественным характеристикам.

³ Принципом зачастую именуют формулу прикрепления «закон места нахождения вещи», которая содержится в коллизионной норме, позволяющей определить право, применимое к вещным правам, например, в норме ст. 1205 ГК РФ (Осояну Н. Г. Коллизионный принцип *lex rei sitae* как основа регулирования правоотношений собственности в международном частном праве Российской Федерации и Республики Молдова // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1. С. 703-709), а также формулу прикрепления «личный закон физического лица», которая содержится в ряде коллизионных норм, позволяющих определить право, подлежащее применению в отношении правового положения физического лица, например, в нормах ст. 1196-1198 ГК РФ (Борискин В. В. Определение коллизионного принципа «личный закон физического лица» в международном частном праве России // Право и практика. 2019. № 2. С. 190-193).

⁴ Во многих случаях принципом именуют институт взаимности в международном частном праве (Дамиров И. З. Взаимность – как основной принцип в международном частном

негосударственных форм регулирования правоотношений»¹. Вероятно, по этой причине отдельные авторы приходят к весьма неоднозначному выводу о том, что общие понятия международного частного права «и есть принципы»².

праве и международном гражданско-процессуальном праве // Научная перспектива. 2010. № 1-2. С. 20-26; *Исаева Д. Р.* Проблема действия принципа взаимности в международном частном праве // Эпомен. 2019. № 22. С. 123-128; *Целишенко Ю. В., Погожева О. В.* Принцип взаимности в международном частном праве // Актуальные проблемы конституционного и международного права: материалы Второй ежегодной конф. (г. Ставрополь, 05-08 декабря 2017 г.). Ставрополь: Параграф, 2018. С. 174-177). При этом в части коллизионного регулирования нельзя не указать, что в силу пп. 1-2 ст. 1189 ГК РФ, по общему правилу, «иностранное право подлежит применению в Российской Федерации» вне зависимости от наличия взаимности, а даже если таковая требуется законом, презюмируется, «что она существует».

Аналогичным образом в отдельных случаях принципом именуют институт оговорки о публичном порядке в международном частном праве (*Кузнецова К. А.* Оговорка о публичном порядке как общепризнанный принцип международного частного права // Современные наукоемкие инновационные технологии: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Самара, 25 мая 2018 г.). В 2 ч. Ч. 1. Уфа: АЭТЕРНА, 2018. С. 214-217). При этом также нельзя не указать, что в силу ст. 1193 ГК РФ норма иностранного права может быть отклонена на основании оговорки о публичном порядке только «в исключительных случаях ...», когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации (курсив наш. – Т.Н.).»

¹ *Оксютич Н. В.* Принцип применения негосударственных форм регулирования правоотношений в международном частном праве // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2019. Т. 9. № 2. С. 123-133.

² *Иванова Т. А.* Принципы международного частного права // Вестник научных конференций. 2017. № 2-1. С. 60. Более того, автор относит к «общим понятиям» («принципам») международного частного права крайне разноплановые явления, включая институты (взаимности и обратной отсылки), режимы (национальный и наибольшего благоприятствования), правило существенно более общего значения о приоритете «нормы международного договора перед нормой национального законодательства» и даже в целом «коллизионное регулирование частноправовых отношений с иностранным элементом» (составляющее один из признанных отечественными специалистами методов международного частного права) (Там же). Указанный подход получил отражение также в работах других авторов (*Ветрова А. А., Белоусов В. Д.* Указ. соч. С. 249-250).

Примечательно, что К. К. Гасанов, В. Н. Шмаков, А. В. Стерлигов и Д. И. Ивашин, также рассматривая общие понятия международного частного права, относят к ним несколько другие явления, как-то: общий метод «правового регулирования международных частноправовых отношений по действующему законодательству Российской Федерации» (в данном случае авторы необоснованно ограничивают правовое регулирование законодательством Российской Федерации); «соглашение о применимом праве – основополагающий коллизионный принцип» (хотя мы в целом выступаем за признание автономии воли принципом коллизионного регулирования, мы категорически не согласны с выдвиганием в качестве принципа именно соглашения сторон частноправового отношения международного характера); «общие начала правоприменения иностранного законодательства» (в данном случае мы не поддерживаем ни использование термина «начала», ни апелляцию исключительно к иностранному «законодательству»); «режимы предоставления прав для лиц другого государства» (Международное частное право. Курс лекций: учебное пособие / под ред. К. К. Гасанова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. С. 43-71). Таким образом, необходимо заключить, что

Конечно, нельзя не согласиться с Р. Ю. Колобовым в том, что такие формулы прикрепления, как *lex rei sitae* и *lex loci delicti commissi*, определяют «порядок [коллизийно-] правового регулирования отношений в определенной сфере»¹. Но важно учитывать, что в международном частном праве коллизийные нормы, как правило, охватывают целые блоки отношений (например, норма ст. 1205 ГК РФ – вещные права, ст. 1211 ГК РФ – договорные обязательства, ст. 1219 ГК РФ – деликтные т.д.). В таких условиях объявление большинства коллизийных привязок принципами отдельных «подразделов» коллизийного права окажется фактически эквивалентным признанию большинства коллизийных норм принципами, что, с нашей точки зрения, приведет к девальвации значения принципов как особых (по отношению к нормам) средств правового, в том числе коллизийно-правового, регулирования.

По этой причине мы не поддерживаем Р. Ю. Колобова в том, что отдельные формулы прикрепления коллизийных норм можно называть принципами по аналогии с тем, как «в отношении гражданского права возможно выделение принципов в рамках его частей»². Исходя из того, что принципы представляют собой самостоятельные, «объективно необходимые и теоретически обоснованные средства правового регулирования общественных отношений»³, мы убеждены в том, что и в сфере международного частного права принципы не должны смешиваться ни с нормами, ни с какими-либо понятиями, институтами, режимами, методами или правилами.

Вместе с тем, наблюдаемое в современной науке международного частного права чрезмерно обширное использование термина «принцип» привело ряд авторов к необходимости классифицировать принципы на «общие» и

даже по вопросу об общих «понятиях» международного частного права (если их вообще целесообразно выделять), ученые, во-первых, не приходят к единому мнению относительно их перечня и, во-вторых, причисляют к ним самые различные «явления» (метод, соглашение, принцип, начала, режимы).

¹ Колобов Р. Ю. Основы построения и функционирования международного частного права... С. 107.

² Там же.

³ Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений... С. 299.

«специальные». Так, О. Н. Толочко предлагает в качестве общих рассматривать принципы «национальной ... юрисдикции частноправовых отношений с иностранным элементом», их «коллизийного регулирования», «безусловного применения иностранного законодательства», «автономии воли сторон», «однократного применения коллизийной нормы», а также «приоритета нормы международного договора перед нормой национального законодательства»; в качестве специальных – «основополагающие коллизийные начала», под которыми фактически понимаются широко известные формулы прикрепления коллизийных норм, отсылающие к праву страны «места нахождения вещи», «места причинения вреда» и т.д.¹ Мы не поддерживаем изложенный подход, поскольку считаем нецелесообразным смешение принципов и норм как двух различных средств коллизийного регулирования.

Мы также указывали, что И. В. Гетьман-Павлова и А. О. Иншакова предлагают считать общими принципами международного частного права «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», по смыслу подп. «с» п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН². Мы не поддерживаем изложенный подход, поскольку считаем, что ни принципы международного права, касающиеся дружественных отношений и сотрудничества между государствами-членами Организации Объединенных Наций, ни специфическая формула «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями» (несущая отпечаток ушедшей исторической эпохи, разработанная с целью снабдить международный суд, разрешающий межгосударственные споры, средством правового регулирования в отсутствие договорных и обычных норм и предусматривающая перемещение принципов национального права на международный уровень) не составляют средства правового, в том числе коллизийно-правового, регулирования частных отношений, осложненных иностранным элементом.

¹ Толочко О. Н. Указ. соч. С. 25-28.

² И. В. Гетьман-Павлова также называет предлагаемые «общие» принципы международного частного права «основными» (Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право... С. 28; Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: В 3 т. Т. 1... С. 32), а А. О. Иншакова – «основополагающими» (Иншакова А. О. Указ. соч. С. 31).

В свою очередь У. Б. Филатова утверждает, что общими принципами международного частного права следует считать «те принципы, которые характерны в целом для частного права», относя к таковым «основные начала гражданского законодательства», нашедшие отражение в ст. 1 ГК РФ¹, а именно: равенство участников правоотношения, неприкосновенность собственности, свободу договора и т.д. В части коллизионного регулирования мы не поддерживаем данный подход, поскольку считаем, что принципы и нормы коллизионного права преследуют цель указать на то право, которым частноправовое отношение международного характера будет регулироваться, но не осуществлять регулирование отношения непосредственно и по существу. По этому вопросу мы признаем справедливым замечание О. Н. Толочко: «Разрешение вопроса о применимом праве осуществляется на иных принципах, нежели последующее материально-правовое регулирование. Иных не в смысле противоположных или отличных, а в смысле находящихся в ином логическом ряду»².

Более того, как было указано ранее, даже тенденция к материализации международного частного права не превратила коллизионное право в материальное, а усовершенствовала принцип наиболее тесной связи, в рамках которого выявление преобладающей территориальной связи было дополнено возможностью учета того, каким образом выбор права той или иной страны отразится на последующей реализации общепризнанных принципов гражданского права. Следовательно, реализация принципов гражданского права учитывается при решении коллизионного вопроса в той мере, в какой она выступит следствием такого решения, но это отнюдь не означает, что сами по себе принципы гражданско-правового регулирования становятся также и принципами регулирования коллизионно-правового.

¹ Филатова У. Б. Принципы международного частного права... С. 81-82; Филатова У. Б. Система принципов международного частного права... С. 73; Филатова У. Б. Формирование принципов международного частного права – шаг к преодолению глобального экономического кризиса... С. 216.

² Толочко О. Н. Указ. соч. С. 27.

Наконец, в литературе можно встретить и комбинации некоторых рассмотренных подходов. Так, по мнению О. В. Морачковского, система принципов международного частного права включает принципы частного права, международного публичного права и собственно международного частного права¹. Мы не поддерживаем данный подход в той мере, в какой нами не было поддержано ни предложение считать «общими» принципами международного частного права принципы международного права, ни предложение причислять к таковым принципы частного (гражданского) права.

В заключение укажем, что осмысление принципов международного частного права в современной отечественной юриспруденции характеризуется чрезвычайным разнообразием причисляемых к ним явлений (формул прикрепления коллизионных норм, институтов, режимов, метода регулирования), полным несовпадением авторских перечней принципов, их классификаций и т.п. При этом особого внимания заслуживает то, что несмотря на преобладающее отнесение к международному частному праву критически разнородных норм (коллизионных норм в национальном и международном праве; унифицированных материально-правовых норм в международном праве; а также самых разных норм международного гражданского процесса, в том числе касающихся судопроизводства в государственных судах и третейского разбирательства, а также признания иностранных официальных документов и т.д.), ученые не выделяют корреспондирующих им принципов. В подавляющем большинстве случаев, говоря о принципах международного частного права, авторы фактически перечисляют принципы коллизионного права. Изложенное еще раз подтверждает тот неоспоримый факт, что коллизионное право по умолчанию рассматривается

¹ К последним автор относит автономию воли, наиболее тесную связь и публичный порядок. Вместе с тем, в тех же работах автор воспроизводит и классификацию общих и специальных принципов, предлагаемую О. Н. Толочко (*Морачковский О. В. О системе принципов в международном частном праве // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2019. Т. 5. № 1. С. 409-414; Морачковский О. В. Роль принципов в регулировании международного частного права // Развитие юридической науки в контексте евразийской интеграции: сб. науч. ст. по итогам работы международного круглого стола (г. Донецк, 22 ноября 2018 г.). Донецк: ДонНУ, 2018. С. 22-25).*

как «собственное» ядро международного частного права и определяющий его действительную сущность блок норм и принципов.

В порядке иллюстрации укажем следующее. Г. К. Дмитриева рассматривает три принципа международного частного права – принципы суверенного равенства национального права государств, защиты отечественного правопорядка и наиболее тесной связи¹. Бесспорно, все три принципа относятся исключительно к механизму коллизионного регулирования. Вместе с тем, хотя Г. К. Дмитриева в целом занимает ограниченный подход к установлению «рамки» международного частного права, она однозначно включает унифицированные материально-правовые нормы международных договоров в его состав на том основании, что они *«преодолевают»* коллизионную проблему путем создания единообразных *норм частного права различных государств* (курсив наш. – Т.Н.)². В такой ситуации остается лишь предположить, что либо унифицированное материально-правовое регулирование частноправовых отношений международного характера осуществляется нормами, но не принципами; либо по какой-то причине правовед включила данные нормы в состав международного частного права, но при этом не выделила соответствующих им принципов. Мы полагаем, что правильным будет последнее предположение, а причина описанного положения дел заключается в том, что принципы унифицированного материально-правового регулирования в области гражданских, трудовых, семейных отношений на уровне международных договоров, по общему правилу, будут корреспондировать принципам соответствующих отраслей национального права сообразно предмету их регулирования³. Так, принцип свободы договора будет определяющим в

¹ Международное частное право: учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой... С. 32-35 (автор главы 1 – Г. К. Дмитриева).

² Там же. С. 25 (автор главы 1 – Г. К. Дмитриева).

³ Схожую мысль по этому вопросу высказала М. В. Мещанова. В частности, правовед заявляет: «Принципы материально-правового регулирования отношений в сфере международного частного права идентичны фундаментальным принципам частноправового регулирования (универсальным и отраслевым)» (*Мещанова М. В. Система международного частного права Республики Беларусь: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 2022. С. 27*). При этом в качестве основания заявленного тезиса автор указывает, что «присутствие в таких отношениях иностранного элемента не порождает особенностей, способных создать предпосылки для формирования специальных принципов» (Там же). Мы в свою очередь

регулировании договорных отношений как для внутренних договоров купли-продажи, подпадающих под режим гл. 30 ГК РФ¹, так и для договоров международной купли-продажи, подпадающих под режим Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров.

Таким образом, обзор проблемы состава норм и принципов международного частного права выводит нас на серию соображений фундаментального для данной области знания характера.

Традиционно для всякой отрасли права, будь то гражданское право, уголовное право и многие другие, соотношение категорий норма – принцип строится как в пирамиде: на базовом уровне первичными массовыми элементами права выступают нормы, на более высоком уровне они восходят к относительно немногочисленным принципам, выражающим главные, стержневые идеи соответствующего нормативного массива. Как показало проведенное исследование, в отечественной науке международного частного права описанный простейший логический ряд не соблюдается, чему мы выдвигаем ряд объяснений и на исправление чего нацеливаем свои главные выводы и предложения.

Во-первых, взгляд на международное частное право через призму укоренившейся в отечественной науке триады воззрений на его системную принадлежность (как относящегося к международному или национальному праву либо образующего «полисистемный комплекс») позволяет, на наш взгляд, объяснить предпринятые рядом правоведов попытки присвоить ему

считаем уместным акцентировать, что одни и те же частные отношения, осложненные иностранным элементом, составляют предмет как коллизионного регулирования, так и унифицированного материально-правового. Однако в первом случае специфика норм (и принципов) обуславливается постановкой в силу трансграничной природы таких отношений коллизионного вопроса и соответствующей целью коллизионного регулирования – выбором применимого материального права; во втором же случае, хотя та же трансграничная природа отношений обуславливает и международный характер норм права, создающих единое (предсказуемое) правовое поле для ряда юрисдикций, и даже специфику их содержания, ориентированного именно на трансграничный характер отношений (что широко признается в современной литературе), тем не менее, материально-правовой характер регулирования и цивилистическая природа отношений диктуют подчинение этих хотя в чем-то и особенных норм базовым цивилистическим принципам (автономии воли в понимании ее гражданским правом, свободе договора и др.).

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410. Режим доступа: СПС «Гарант».

соответствующие принципы международного или национального частного права. Однако практическая проверка таких принципов: принципов «дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН» или специфических общих принципов права, признанных «цивилизованными нациями», по смыслу подп. «с» п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН, а равно «основных начал гражданского законодательства», нашедших отражение в ст. 1 ГК РФ, – позволяет установить их нежизнеспособность в поле специального правового воздействия на предмет именно международного частного права – частноправовые отношения, осложненные иностранным элементом, и, тем более, их неспособность выступать в этом ключе специальными стержневыми идеями.

Во-вторых, взгляд на международное частное право через призму относимых к нему правоведом норм позволяет подтвердить многокомпонентный и критически разнородный нормативный массив данной области права, охватывающий коллизионные нормы в национальном и международном праве; унифицированные материально-правовые нормы в международном праве; зачастую публичные по своей природе нормы «права иностранцев»; а также самые различные нормы международного гражданского процесса. В этой связи проведенное исследование устанавливает, что вопреки традиционной для всякой отрасли права логике соотношения норм и принципов, в международном частном праве ученые в той или иной мере признают его многокомпонентный нормативный состав, но не определяют соответствующих ему принципов; в подавляющем большинстве случаев, говоря о принципах международного частного права, авторы фактически перечисляют принципы коллизионного права.

Объяснение этому усматривается в весьма революционном предположении о том, что по меньшей мере некоторые блоки нормативного массива международного частного права, за пределами права коллизионного, будут иметь принципы, соответствующие отраслям национального права по содержательному критерию. В частности, принципы материально-правового регулирования гражданских, трудовых, семейных отношений на уровне международных

договоров, на наш взгляд, будут в целом корреспондировать принципам соответствующих отраслей национального права сообразно предмету их регулирования (что конечно же не исключает специфики положений, рассчитанных в особенности на отношения трансграничного характера). Аналогичная ситуация будет наблюдаться и в случае отнесения к международному частному праву отдельных норм «права иностранцев», как например, норм о миграционном учете иностранных граждан и др.

Изложенное в совокупности позволяет сделать вывод о том, что многокомпонентный состав критически разнородных норм международного частного права (даже в случае ограниченного подхода, относящего к нему только коллизионные и унифицированные материально-правовые нормы, обеспечивающие преодоление коллизионной проблемы) не позволяет обеспечить формирование для него немногокомпонентной (гомогенной) системы принципов. Данный вывод в свою очередь обуславливает целесообразность обособления в рамках международного частного права коллизионного права, по меньшей мере, для целей построения логического ряда нормы – принципы.

§ 2. Проблема состава норм и принципов коллизионного права

Коллизионное право, нацеленное на отыскание применимого материального права для частного отношения, осложненного иностранным элементом, обладает очевидной спецификой и в силу нее обособляется в рамках многокомпонентного состава международного частного права. Вместе с тем, не подлежит сомнению, что в ряду социальных норм, которые охватывают помимо правовых моральные, религиозные и др., коллизионные нормы принадлежат правовым и существуют в области правовой действительности.

Более того, представляется, что коллизионному праву, равно как и любому иному сегменту системы права (включая классические материальные отрасли, как гражданское право, уголовное право и др.), должно быть свойственно построение простейшего логического ряда нормы – принципы, в котором последние являются

не просто фигурой речи, а его стержневыми идеями и наиболее значимыми регуляторами соответствующих отношений. Доказывание и разработка обозначенной гипотезы составляют ключевую задачу настоящего параграфа, посвящаемого исследованию коллизионного метода международного частного права и проблемы состава норм *и принципов* коллизионного права.

Согласно одному из классических для отечественной юриспруденции определений, «метод правового регулирования представляет собой совокупность приемов, способов воздействия права на определенную область общественных отношений»¹. Метод правового регулирования отвечает на вопрос: «Как, каким образом регулируются данные отношения?», – и наряду с предметом правового регулирования выступает основанием разграничения норм права на отдельные отрасли². В международном частном праве традиционно выделяют два метода регулирования: коллизионный (коллизионно-правовой) и материально-правовой³. Выделяя принципиальную основу их функционирования, Т. Н. Нешатаева именует эти методы как «*непрямой* – опосредованный, или коллизионный, и *прямой*, или унифицирующий»⁴.

Коллизионно-правовой метод состоит в разрешении так называемой коллизионной проблемы, или коллизии (от лат. *collisio* – столкновение), которая возникает в связи с тем, что на регулирование частного отношения, осложненного иностранным элементом, могут претендовать несколько правопорядков. Этот метод является исторически первым для международного частного права, которое начало формироваться в Средние века именно как право коллизионное. В частности, И. С. Перетерский и С. Б. Крылов в рамках анализа зарождения доктрины международного частного права отмечают широко известную «гlossу Аккурсия», датируемую в составе сборника gloss около 1 250 г. и установившую

¹ Основы теории государства и права: учебное пособие / под ред. С. С. Алексеева. М.: Юридическая литература, 1969. С. 273 (автор главы 23 – А. Ф. Черданцев).

² Там же. С. 272-273.

³ Ануфриева Л. П. Международное частное право: В 3 т. Т. 1. Общая часть... С. 63-72; Ерпылева Н. Ю. Международное частное право: учебник: В 3 т. Т. 1. М.: Юрайт, 2015. С. 28.

⁴ Нешатаева Т. Н. Международное частное право и международный гражданский процесс... С. 15.

следующий коллизионный тезис касательно пределов действия городских статутов: «Если житель Болоньи прибудет в Модену, он не должен подлежать суду по статутам Модены, которым он не подчинен»¹.

Вместе с тем, в отечественной науке имеется дискуссия относительно того, осуществляет ли коллизионная норма *правовое* регулирование, вообще допустимо ли вести речь о механизме коллизионно-*правового* регулирования и использовать в этой плоскости категорию *правоотношение* для адресата ее регулятивного воздействия. Не случайно ряд авторов избегает использования характеристики «правовой» при обозначении коллизионного метода. Так, Е. В. Кабатова пишет о коллизионном и материально-правовом методах регулирования², В. В. Гаврилов – о коллизионном и материально-правовом способах регулирования³, В. П. Звеков – о коллизионном и материально-правовом способах правового регулирования⁴.

Более того, в то время как в отечественной правовой науке получило признание наименование «коллизионное *право*»⁵, под которым понимается совокупность коллизионных норм, выступающих в терминологии А. А. Рождественского как нормы «не юридические, а технические»⁶, зарубежные специалисты проявляют большую осторожность в этом вопросе. Так, в юриспруденции Великобритании⁷ и США⁸ широко используется наименование “conflict of laws”, которое традиционно переводится на русский язык как «коллизионное право», но дословно может быть переведено исключительно как

¹ Перетерский И. С., Крылов С. Б. Указ. соч. С. 17-18.

² Международное частное право: учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. С. Н. Лебедева, Е. В. Кабатовой... С. 21-36 (автор пп. 1.5-1.6 главы 1 – Е. В. Кабатова).

³ Гаврилов В. В. Указ. соч. С. 15.

⁴ Международное частное право: учебник / под ред. Н. И. Марышевой. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 10 (автор главы 1 – В. П. Звеков).

⁵ См., например: Международное частное право: учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой... С. 25 (автор главы 1 – Г. К. Дмитриева).

⁶ Рождественский А. А. Два этюда. М.: Печатня А. Снегиревой, 1916. С. 24.

⁷ Adrian Briggs, Op. cit.; John O'Brien, Op. cit.; Maebh Harding, Op. cit.; Pippa Rogerson, *Collier's Conflict of Laws*, 4th ed. (New York: Cambridge University Press, 2013).

⁸ Laura E. Little, *Conflict of Laws: Cases, Materials, and Problems* (New York: Wolters Kluwer Law & Business, 2013); Lea Brilmayer, Jack Goldsmith, Erin O'Hara O'Connor, Carlos M. Vázquez, Op. cit.; Peter Hay, Patrick J. Borchers, Symeon C. Symeonides, Christopher A. Whytock, *Conflict of Laws*, 6th ed. (St. Paul: West Academic Publishing – Hornbook Series, 2018); Russell J. Weintraub, Op. cit.

«конфликт законов», либо «коллизия правопорядков». Аналогичным образом, без указания на правовой характер обозначаемой совокупности правил, переводится и используемое французскими учеными словосочетание «*conflits de lois*» – «конфликт (столкновение) законов»¹.

Более того, одну из классических для отечественной литературы дефиниций коллизионной нормы дает Г. К. Дмитриева. Так, правовед утверждает: «Коллизионная норма – это норма, *определяющая, право* какого государства должно быть применено к данному частноправовому отношению, осложненному иностранным элементом (курсив наш. – Т.Н.)»². Изложенное позволяет предположить, что коллизионные нормы, оперируя терминологией А. А. Рождественского, представляют собой «не юридические, а технические» нормы³. На этом основании не представляется возможным поддержать тезис С. Н. Лебедева о том, что коллизионная норма совместно с материально-правовой нормой, к которой она отсылает, образует «подлинное правило поведения для субъектов регулируемого международного гражданского отношения» и поэтому является гражданско-правовой нормой⁴. Мы исходим из того, что всякие юридические нормы, составляют, по выражению С. А. Муромцева, «правила, которые, определяя должные пределы и способ юридической защиты отношений, предписываются властью, регулирующей правовой быт народа»⁵. В этом смысле правилом и, следовательно, юридической, или правовой, нормой (как гражданской, так и семейной, трудовой и др.) является исключительно та норма, которая содержится в национальном праве государства, подлежащем применению к соответствующему частноправовому отношению, осложненному иностранным элементом.

¹ Dominique Holleaux, Jacques Foyer, Géraud de Geouffre de La Pradelle, *Droit International Privé* (Paris: Masson, 1987) sur 171-186; Ferenc Majoros, *Le Droit International Privé*, 3me éd. (Paris: Presses Universitaires de France, 1990) sur 7.

² Международное частное право: учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой... С. 112 (автор главы 5 – Г. К. Дмитриева).

³ Рождественский А. А. Указ. соч. С. 24.

⁴ Международное частное право: учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. С. Н. Лебедева, Е. В. Кабатовой... С. 11 (автор п. 1.1 главы 1 – С. Н. Лебедев).

⁵ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М.: Юрайт, 2020. С. 106.

Однако тот факт, что коллизионная норма не осуществляет *непосредственно* правовое регулирование общественного отношения, вовсе не понижает ее значение. В этой связи важно сделать два существенных замечания. Во-первых, в подавляющем большинстве случаев решение коллизионного вопроса имеет для сторон спора критическое значение, поскольку от выбора применимого материального права (и, соответственно, правил, определяющих, «должные пределы и способ юридической защиты отношений»¹), в конечном итоге, будет зависеть и правовой исход дела. В данном смысле действие коллизионной нормы аналогично функции стрелочника на железной дороге, который хотя и не управляет поездом, но способен кардинально влиять на его конечный пункт назначения².

Во-вторых, в свете стремительно развивающейся тенденции к материализации международного частного права, в целом, и получающего все более широкое признание учета материально-правовых факторов в рамках реализации принципа наиболее тесной связи, в частности, вопрос о потенциальном регулирующем воздействии коллизионной нормы мог бы приобрести новое звучание. Наиболее показательным в этом отношении является приводимое А. В. Асосковым со ссылкой на зарубежных авторов заключение о том, что «суд явным или скрытым образом всегда обращает внимание на итоговый материально-правовой результат» и зачастую задействует «обратную логику: интуитивно нащупав предпочтительный материально-правовой результат», стремится «определить, возможно ли подобрать ... убедительные аргументы того, что применимым следует считать материальное право, дающее предпочтительный материальный результат»³.

¹ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М.: Юрайт, 2020. С. 106.

² По этой причине мы не можем согласиться с авторами, по мнению которых квалификация коллизионных норм как «ссылочных», направленных «на выработку особого конфликтного приема регулирования», свидетельствует об их недооценке (Левитин А. Б. К вопросу о предмете международного частного права // Правоведение. 1959. № 3. С. 95-101).

³ Асосков А. В. Основы коллизионного права... С. 214. Данный тезис получает поддержку в работе М. В. Мажориной (Мажорина М. В. Трансграничные договорные обязательства: проблема правовой квалификации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 2. С. 153).

Тем не менее, мы стоим на позиции, что учет материально-правовых факторов происходит на этапе выбора наилучшего правового регулятора, не превращая процесс выбора в процесс регулирования по существу. Конечно, при разрешении конкретного спора различные процессы мыслительной деятельности судьи могут быть взаимоувязаны. Однако в той мере, в какой необходимо определить природу коллизионной нормы, используемой для решения предварительного (коллизионного) вопроса, необходимо заключить, что коллизионная норма сама по себе не осуществляет правовое регулирование вне зависимости от характера заложенных в ее привязке параметров.

Другой вопрос, вытекающий из механизма действия коллизионной нормы, состоит в том, допустимо ли говорить о правоотношении до тех пор, пока к нему не будет применено избранное материальное право и, как следствие, будет ли адресат воздействия коллизионной нормы рассматриваться как *правовое* отношение. Правоотношение традиционно определяется как «урегулированное нормами права общественное отношение»¹. Изложенное может породить представление о том, что если коллизионная норма не обеспечивает непосредственно правовое регулирование общественного отношения, то предмет ее воздействия не должен именоваться правоотношением.

Тем не менее, мы полагаем, что хотя сама коллизионная норма непосредственно не осуществляет регулирование общественного отношения, она указывает на такой регулятор из числа правопорядков, претендующих на его регулирование. Безусловно, всякое отношение, обремененное иностранным элементом, до момента определения применимого к нему права, а в некоторых случаях (например, при отклонении судом иностранного права, указанного коллизионной нормой, ввиду невозможности установления его содержания) практически до вынесения решения суда находится в некой «серой» зоне, когда содержание взаимных прав и обязанностей в свете неизвестности их правового режима не точно известно сторонам. Однако нельзя отрицать, что такое отношение является именно правоотношением, так как фактически он не «не

¹ Марченко М. Н. Теория государства и права: учебник. М.: Проспект, 2016. С. 585.

урегулировано нормами права»; наоборот, на его регулирование претендуют сразу «несколько наборов норм права» (правопорядков). Ведь в конечном итоге даже в сугубо внутренних отношениях содержание правового режима взаимных прав и обязанностей может быть при наличии спора установлено только решением суда. Кроме того, нельзя не указать, что если какое-то общественное отношение в принципе находится вне поля правового воздействия (подчиненные правилам морали дружеские отношения и др.), то и коллизионная норма на него распространяться не будет. Поэтому мы полагаем, что хотя сама коллизионная норма не осуществляет регулирование, она обеспечивает выбор такого регулятора для *правового* отношения – общественного отношения, потенциально урегулированного нормами права одновременно нескольких государств.

Наконец, в свете изложенного, несмотря на то, что коллизионная норма не осуществляет правовое регулирование, но опосредует отсылку правоотношения к правопорядку из числа нескольких, одновременно претендующих на его регулирование, мы считаем приемлемым оперировать словосочетанием «механизм коллизионно-правового регулирования».

Важным свойством коллизионных норм (и соответствующего им метода регулирования) является то, что они исторически и во многом и в настоящее время являются составной частью права страны суда, то есть конкретный судья при рассмотрении частноправового спора с иностранным элементом обращается в большинстве случаев к коллизионным нормам собственного национального законодательства. Например, в Российской Федерации значительная часть таких норм содержится в разделе VI ГК РФ. Указанное обстоятельство, сопряженное с тем, что право различных государств зачастую содержит различные по содержанию и правовому результату коллизионные нормы, составляет наиболее существенный недостаток коллизионного метода регулирования.

Попыткой преодолеть указанный недостаток выступила унификация – разработка единообразных коллизионных норм и их закрепление в форме международного договора. Она позволяет избежать различий в коллизионном регулировании и манипуляций «удобным» судом для целей получения отсылки к

наиболее выгодному правопорядку за счет применения коллизионных норм страны суда, но не снимает существенный объем особенностей, которые связаны с механизмом их применения и вытекают, в том числе из действия общих коллизионных институтов (как-то, норм непосредственного применения, оговорки о публичном порядке и т.п.), а также необходимости определять содержание норм применимого права в тех случаях, когда такое право оказывается иностранным по отношению к суду.

Таким образом, хотя коллизионная норма непосредственно не осуществляет правовое регулирование общественного отношения, она указывает на такой регулятор из числа правопорядков, претендующих на его регулирование, а потому допустимо оперировать словосочетаниями «коллизионно-правовой метод» и «механизм коллизионно-правового регулирования».

Что же касается принципов коллизионного права, то, обращаясь к результатам исследования принципов международного частного права в целом, к которым правоведы причисляют преимущественно именно принципы коллизионного регулирования, укажем, что осмысление принципов в международном частном праве отличается чрезвычайным разнообразием причисляемых к ним явлений, несовпадением авторских перечней принципов, их классификаций и т.п. Изложенное, на наш взгляд, критически девальвирует значение категории «принцип» и лишает ее статуса генеральной стержневой идеи соответствующего нормативного массива. Напротив, мы убеждены, что коллизионное право, несмотря на известную специфику регулятивного воздействия его норм, не может и не должно лишаться принципов в их традиционном адекватном восприятии.

Говоря о цивилистических принципах в целом, мы всецело согласимся с позицией Ю. Э. Монастырского о том, что принципы – «системообразующие положения», которые обладают «нормативностью в смысле порождения вокруг себя в зависимости от подхода законодателя системы норм» и получают

«широкое использование в правоприменении»¹. Более того, в свете нацеленности данной работы на исследование становления и развития коллизионного принципа автономии воли нам особенно импонирует точка зрения о том, что «принципы на определенных витках развития правовой системы могут иметь разное значение» и в конечном итоге «любая задача в правовой системе может быть транслирована в принцип»².

Мы предлагаем признать два принципа, составляющие объективно необходимые, теоретически обоснованные и в совокупности достаточные средства коллизионного регулирования: принцип автономии воли, который постулирует неоспоримое право сторон частноправового отношения международного характера, в определенных случаях и в строго очерченных пределах, на выбор применимого материального права, и принцип наиболее тесной связи, базирующийся на территориальной локализации с учетом весомых материально-правовых соображений и получающий реализацию в правотворчестве при разработке коллизионных норм, а в правоприменении при невозможности решить коллизионный вопрос на основе существующих норм как общая резервная коллизионная привязка и в исключительных случаях (при несоответствии результата применения коллизионной нормы заложенному в нее принципу наиболее тесной связи) как корректирующая оговорка. В этой связи необходимо осветить классификацию, наиболее близкую к предлагаемому нами дуэту принципов коллизионного регулирования.

В частности, А. В. Асосков указывает на существование «трех основополагающих начал коллизионного регулирования», как-то: территориального принципа, заключающегося в применении «судом собственного права»; принципа наиболее тесной связи, состоящего в поиске «наиболее оптимальной локализации отношения», и принципа автономии воли, «в соответствии с которым стороны отношения могут сами выбрать право,

¹ Монастырский Ю. Э. Принципы и основные начала в российском гражданском праве и законодательстве // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 9. № 4. С. 89.

² Там же. С. 90.

применимое к их отношению»¹. При этом заслуживает внимания тот факт, что автор предлагает данные принципы (начала) как те, на которых основаны «все современные коллизионные нормы»², никак не обозначая их реализацию в качестве средств коллизионного регулирования.

Особенно интересным является то, что аналогичный перечень «принципов коллизионного регулирования» предлагает Ю. М. Акимов, однако в перечне этого автора принципы автономии воли и наиболее тесной связи дополняются принципом территориальной локализации, который по содержанию отличается от выдвигаемого А. В. Асосковым территориального принципа и предполагает «выбор применимого права с учетом связи правоотношения с определенной территорией с помощью единственного четко обозначенного законодателем формального критерия»³.

Мы убеждены, что территориальный принцип, или принцип территориальной локализации, с каким бы то ни было содержанием, является лишним в обоих приведенных перечнях. Не подвергается сомнению то, что в установленных случаях стороны частноправового отношения международного характера наделяются возможностью выбрать применимое материальное право. Однако в отсутствие такого выбора остается неясным, какой из принципов – территориальный принцип (принцип территориальной локализации) либо

¹ Асосков А. В. Основы коллизионного права... С. 12-13.

² Там же. С. 12.

³ Акимов Ю. М. Принципы международного частного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 9 (положение на защиту №1). Наряду с перечисленными принципами коллизионного регулирования (как частными, обеспечивающими «решение коллизионной проблемы») автор выделяет также универсальные принципы международного частного права, определяющие «возможность, режим и пределы применения права иностранных государств»: «принцип равенства национального права различных государств», «принцип обязательности применения иностранного права», «принцип защиты отечественного правопорядка» (Там же). При этом следует отметить, что хотя работа Ю. М. Акимовой нацелена на то, чтобы «сформулировать отраслевые принципы международного частного права, а также построить их классификацию», фактически все предложенные автором принципы (как частные, так и универсальные) касаются той части международного частного права, которая именуется коллизионным правом (не затрагивая унифицированного материально-правового регулирования, так называемого «права иностранцев», международного гражданского процесса). Изложенная классификация принципов Ю. М. Акимовой воспроизведена в научной статье В. В. Стражевой (*Стражева В. В. К вопросу о принципах международного частного права // Эпомен. 2018. № 20. С. 176-177*).

принцип наиболее тесной связи – и при каких условиях будет выступать средством коллизионного регулирования.

Более того, даже в качестве «дорожной карты» для формирования коллизионных норм территориальный принцип у А. В. Асоскова эквивалентен, по сути, односторонней коллизионной норме (с привязкой «применяется российское право», как, например, в п. 2 ст. 1213 ГК РФ), а принцип территориальной локализации у Ю. М. Акимовой – классической жесткой коллизионной норме (например, с привязкой «определяются по праву страны, где это имущество находится», как в ст. 1205 ГК РФ). Оба принципа фактически констатируют тот или иной вид существующей коллизионной нормы (одностороннюю или двустороннюю), однако не дают законодателю никаких инструкций «на будущее» касательно того, чем следует руководствоваться при разработке новых коллизионных норм.

Наконец, мы убеждены, что конструируя как одностороннюю, так и двустороннюю коллизионную норму, законодатель во всех случаях исходит не из самоцели применения собственного права или установления формального критерия, а из стремления привязать отношение к тому праву, с которым оно – в видении законодателя – будет иметь наиболее тесную связь. Так, закрепленная п. 2 ст. 1213 ГК РФ привязка договора в отношении земельных участков, участков недр и иного недвижимого имущества, находящегося на территории Российской Федерации, к российскому праву обусловлена очевидной тесной связью указанного договора с Российской Федерацией, равно как и общее правило ст. 1205 ГК РФ, предусматривающее привязку *lex rei sitae*, исходит из объективно тесной связи вещных прав с местом нахождения соответствующей вещи.

Таким образом, мы предлагаем дихотомическое видение принципов коллизионного регулирования, представленных исключительно принципом автономии воли сторон и принципом наиболее тесной связи.

Дихотомия, или «деление надвое»¹, характеризуется как прием, «свободный от ошибок, встречающихся при других способах деления»², поскольку «основанием деления служит не изменение признака, а простое наличие или отсутствие известного признака»³. Как следствие, «дихотомия есть деление объема данного понятия на два *противоречащих* друг другу видовых понятия»⁴. Несмотря на отмечаемые преимущества дихотомического деления зачастую оценивается как чересчур жесткое и ригористичное⁵, и это весьма справедливо для примитивных делений по принципу «А» – «не-А» (красное – не красное), когда второе понятие есть лишь отрицание известного признака первого⁶.

Вместе с тем, важнейшее значение дихотомического деления видится в том, что оно не является предметом «человеческих конвенций и прочих субъективных “удобств”», а «определяется *объективным* наличием или отсутствием существенного свойства в предметах анализа»⁷. Более того, С. К. Абачиев подчеркивает: «В науке дихотомически двузначные деления понятий нередко отражают *принципиальнейшие* объективные обстоятельства (курсив наш. – Т.Н.)»⁸.

Таким «принципиальнейшим» обстоятельством в механизме коллизионного регулирования выступает субъект, которому доверено или на которого возложено решение коллизионного вопроса – выбор материального права, применимого к частноправовому отношению, осложненному иностранным элементом. В определенных случаях такой выбор вправе осуществить сами стороны

¹ Весьма упрощенно в этом отношении высказывается М. С. Строгович. Ученый заявляет: «Если делимое делится на два класса, такое деление называется двучленным, или *дихотомией*» (Строгович М. С. *Логика: учебное пособие*. М.: Госполитиздат, 1949. С. 128).

² Асмус В. Ф. *Логика*. М.: Госполитиздат, 1947. С. 65.

³ Асмус В. Ф. *Указ. соч.* С. 65.

⁴ Там же.

⁵ См., например: Ивин А. А. *Логика. Элементарный курс: учебное пособие*. М.: Юрайт, 2020. С. 60.

⁶ Как справедливо отмечается в литературе, при таком примитивном делении (по принципу «А» – «не-А») остается неопределенной та часть, «которая обозначается частицей не» (Челпанов Г. И. *Учебник логики*. М.: Госполитиздат, 1946. С. 31). См. также: Антюшин С. С., Михалкин Н. В. *Логика: учебное пособие*. М.: РАП, 2013. С. 41; Асмус В. Ф. *Указ. соч.* С. 66.

⁷ Абачиев С. К. *Логика: учебник и практикум*. М.: Юрайт, 2020. С. 95.

⁸ Там же.

отношения, однако если стороны не реализовали предоставленное им право либо такое право не было им предоставлено, решение коллизионного вопроса ложится на плечи правоприменителя (прежде всего, суда или арбитража), который призван определить правопорядок, наиболее тесно связанный с отношением (посредством нацеленных на это коллизионных норм или непосредственно на основании принципа наиболее тесной связи).

Безусловно, и само коллизионное право в массиве составляющих его коллизионных норм, и предлагаемые нами коллизионные принципы наиболее выпукло проявляются в отношении судов, для которых действует разработанное коллизионное право страны суда, представленное достаточным количеством норм национального законодательства и нормами действующих для соответствующего государства международных договоров. Вместе с тем, как известно, частноправовые споры международного характера зачастую передаются на рассмотрение не только государственных судов, но и самых разных международных коммерческих арбитражей, механизм выбора применимого права в которых в не меньшей степени требует осмысления на предмет валидности предлагаемой нами дихотомии принципов.

При этом обращение к механизмам выбора применимого права в международных коммерческих арбитражах позволяет найти подтверждение предлагаемой дихотомии с совершенно новой стороны, в частности, за счет применения телеологической редукции.

В отечественной юриспруденции, как правило, ведется речь о телеологическом толковании, направленном на «выяснение цели закона (*ratio legis*)»¹, а телеологическая редукция понимается как ограничение «сферы применения правового предписания в соответствии с его целью»². Мы предлагаем

¹ Вильнянский С. И. Толкование и применение гражданско-правовых норм // Методические материалы. Всесоюзный юридический заочный институт. Вып. 2. М., 1948. С. 49.

² Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Выдача и объем полномочия // Вестник ВАС РФ. 2011. № 1. С. 83. Телеологическая редукция активируется «в том случае, когда правовое предписание вопреки смыслу его формулировки, но согласно внутренне присущей закону цели регулирования нуждается в определенном ограничении, которое отсутствует в тексте закона» (Там же; см. также: Байгушева Ю. В. К проблематике безотзывного полномочия //

в этой работе использовать телеологическую редукцию как «сведение сложного к простому»¹ в соответствии с его целью².

Цель коллизионного регулирования, как известно, состоит в решении коллизионного вопроса – определении материального права, применимого к частному отношению международного характера. В этой связи своеобразным примером сведения сложного к простому выступает решение коллизионного вопроса международным коммерческим арбитражем.

Природа международного коммерческого арбитража не позволяет автоматически привязать его к той же системе коллизионных принципов и норм, которые обязательны для государственных судов. Однако, как справедливо указывает Ю. Э. Монастырский, несмотря на интернационализацию, понятие «место арбитража» имеет вполне конкретное юридическое значение, определяясь государственной принадлежностью юрисдикционных органов, осуществляющих функции содействия и контроля в отношении постоянно действующего арбитражного учреждения, и соответствующей нормативно-правовой инфраструктурой деятельности такого учреждения³. Исходя из национальных

Правоведение. 2013. № 4. С. 88). Например, Е. А. Крашенинников и Ю. В. Байгушева заявляют, что поскольку *ratio legis* предписания п. 3 ст. 182 ГК РФ заключается «в защите представляемого при самоконтрагировании или представляемых при представительстве нескольких лиц от того, что уполномоченный пренебрежет интересами соответствующего представляемого и совершит убыточную для него сделку», телеологическая редукция вопреки буквальному смыслу анализируемого предписания обосновывает допустимость таких сделок, когда «конфликт интересов сторон явно невозможен» (например, сделок, которые приносят «уполномочившему имущественную выгоду без совершения им встречного предоставления») (Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Указ. соч. С. 82-83).

¹ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. Режим доступа: Грамота.ру. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

² Так, Н. П. Асланян со ссылкой на Г. И. Рузавина пишет: «Применявшийся Аристотелем практический силлогизм, позволяющий объяснять стремления и цели действующего субъекта, признается сегодня наиболее подходящей логической формой рассуждения для интенционального (финалистского, телеологического) объяснения в гуманитарных науках. Большая посылка этого силлогизма формулирует цели действия, меньшая – средства его достижения. Заключением служит утверждение, что действие в соответствии с посылками влечет достижение цели» (Асланян Н. П. Основные начала российского частного права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 67-68).

³ Монастырский Ю. Э. *Lex loci arbitri* в российской законодательной концепции альтернативного разрешения споров // Третейский суд. 2023. № 1-2. Режим доступа: СПС «Гарант».

законодательств о третейском разбирательстве и основанных на них правил администрирования арбитражей, в отсутствие выбора применимого права сторонами (приоритет которого несомненен) выделяют три метода выбора права международным коммерческим арбитражем: косвенный, прямой и основанный на принципе наиболее тесной связи¹.

В отечественном законодательстве о международном коммерческом арбитраже закреплён косвенный метод. Так, п. 1 ст. 1186 ГК РФ гласит: «Особенности определения права, подлежащего применению международным коммерческим арбитражем, устанавливаются законом о международном коммерческом арбитраже». В свою очередь пп. 1-2 ст. 28 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» устанавливают, что «третейский суд разрешает спор в соответствии с такими нормами права, которые стороны избрали в качестве применимых к существу спора», а в отсутствие выбора сторон «применяет право, определенное в соответствии с коллизионными нормами, которые он считает применимыми». Приведенные положения воспроизводят ст. 28 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже², выступившего основой для разработки отечественного национального закона³. В рамках МКАС при ТПП РФ указанные положения воспроизведены также Правилами арбитража международных коммерческих споров (§ 23 – нормы, применимые к существу спора)⁴.

Прямой метод характеризуется тем, что выбор «применимого права происходит без обращения к коллизионным нормам»⁵. Так, в отсутствие выбора применимого права сторонами состав арбитража Лондонского международного

¹ Бардина М. П. Определение права, применимого к существу спора международным коммерческим арбитражем // Государство и право. 2010. № 9. С. 86.

² Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже от 21 июня 1985 г. (с изм. от 07 июля 2006 г.) // Издание ООН № R.08.V.4. С. 1-22.

³ Правовой статус МКАС – Официальный сайт МКАС при ТПП РФ. URL: <http://mkas.tpprf.ru/gu/information/pravovoy-status/> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

⁴ Правила арбитража международных коммерческих споров (Приложение 2 к Приказу ТПП РФ от 11 января 2017 г. № 6) – Официальный сайт МКАС при ТПП РФ. URL: <http://mkas.tpprf.ru/gu/materials/> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

⁵ Кабатова Е. В. «Прямой» выбор применимого права в международном коммерческом арбитраже // Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения: сб. ст. / под ред. А. С. Комарова. М: Статут, 2007. С. 229.

третейского суда «применяет такой закон (те законы) и правовые нормы, которые он сочтет подлежащими применению» (п. 3 ст. 22 Арбитражного регламента)¹; Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма – «закон или правовые нормы, которые он считает наиболее подходящими» / “the law or rules of law that it considers most appropriate” – англ. (п. 1 ст. 27 Арбитражного регламента)²; Международного арбитражного суда Международной торговой палаты – «нормы права, которые он определит как подходящие» / “the rules of law which it determines to be appropriate” – англ. (п. 1 ст. 21 Арбитражного регламента)³.

Наконец, согласно п. 1 ст. 187 Федерального закона Швейцарии о международном частном праве 1987 г. в отсутствие выбора применимого права сторонами «арбитражный суд выносит решение ... на основании правовых норм, с которыми дело имеет наиболее тесную связь»⁴. Соответственно, указанный

¹ Arbitration Rules of the London Court of International Arbitration (effective 1 October 2020) – Официальный сайт Лондонского международного третейского суда. URL: https://www.lcia.org/Dispute_Resolution_Services/lcia-arbitration-rules-2020.aspx (дата обращения: 01 августа 2025 г.). Текст положения приводится по официальному переводу на русский язык Арбитражного регламента 2014 г. (Арбитражный регламент Лондонского международного третейского суда (вступил в силу 1 октября 2014 г.) – Официальный сайт Лондонского международного третейского суда. URL: <https://www.lcia.org/media/download.aspx?MediaId=410>, дата обращения: 01 августа 2025 г.), текст которого в этой части идентичен Арбитражному регламенту 2020 г. В отношении перевода следует учитывать, что версия регламента на английском языке превалирует.

² SCC Arbitration Rules, 2023, English (in force as of 1 January 2023) – Официальный сайт Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма. URL: https://sccarbitrationinstitute.se/wp-content/uploads/2024/12/SCC_Arbitration_Rules_2023_English.pdf (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

³ ICC Rules of Arbitration (entered into force on 1 January 2021) – Официальный сайт Международного арбитражного суда Международной торговой палаты. URL: https://iccwbo.org/dispute-resolution-services/arbitration/rules-of-arbitration/#article_21 (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

⁴ Федеральный закон Швейцарии о международном частном праве 1987 г. // Международное частное право: Иностранное законодательство / сост. А. Н. Жильцов, А. И. Муранов; авт. предисл. А. Л. Маковский. М.: Статут, 2001. С. 627-672. В редакции закона 2020 г. данное положение сохранилось без изменений (Федеральный закон Швейцарии о международном частном праве 1987 г. (в редакции 2020 г.) – Проектная группа ВШЭ «Современная конструкция международного частного права». URL: <https://pravo.hse.ru/data/2021/03/13/1200224435/%D0%A8%D0%B2%D0%B5%D0%B9%D1%86%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F%20%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%20%D0%BE%20%D0%9C%D0%A7%D0%9F.pdf>, дата обращения: 01 августа 2025 г.).

подход получил отражение в п. 1 ст. 35 Регламента Арбитражного учреждения Швейцарской палаты¹.

Изложенное позволяет подтвердить, что именно субъект, которому доверено или на которого возложено решение коллизионного вопроса, является «принципиальнейшим» обстоятельством, диктующим дихотомическое деление принципов коллизионного регулирования на принцип автономии воли и принцип наиболее тесной связи. Не будучи юридически привязанным к коллизионному праву из арсенала государственных судов и не имея собственной разработанной системы коллизионных норм и принципов, но преследуя цель – найти решение коллизионного вопроса, международный коммерческий арбитраж редуцировал все средства коллизионного регулирования к двум базовым принципам: выбору применимого права сторонами (принципу автономии воли) и выбору применимого права самим арбитражем (на основе принципа наиболее тесной связи; косвенно – через выбор коллизионных норм какого-то государства, в практике МКАС при ТПП РФ – государства локализации арбитража², которые в свою очередь выступают конкретизацией принципа наиболее тесной связи; или непосредственно по своему усмотрению, что не только не исключает, но на текущем этапе скорее всего еще предполагает анализ территориальных связей и материально-правовых соображений).

В отношении последнего метода решения коллизионного вопроса международным коммерческим арбитражем отметим, что он как таковой образует предмет самостоятельного исследования, ставит целый ряд фундаментальных вопросов о критериях выбора и предсказуемости правовых исходов, избираемых (правовых и неправовых) нормах и правопонимании в целом, а также о

¹ Swiss Rules of International Arbitration (Swiss Rules), June 2021, English – Официальный сайт Арбитражного учреждения Швейцарской палаты. URL: https://www.swissarbitration.org/wp-content/uploads/2024/09/Swiss-Arbitration-Centre_International-Swiss-Rules-2021-EN.pdf (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

² «Опираясь на многолетнюю практику», МКАС при ТПП РФ традиционно обращается к коллизионным нормам раздела VI ГК РФ (Решение МКАС при ТПП РФ от 09 февраля 2016 г. по делу № 145/2015). См. также: Решение МКАС при ТПП РФ от 02 сентября 2013 г. по делу № 225/2012. Здесь и далее анализ материалов Решений МКАС при ТПП РФ проводился по базам данных СПС «КонсультантПлюс» и СПС «Гарант».

перспективах коллизионного регулирования самого по себе. При использовании прямого метода выбора применимого права международным коммерческим арбитражем спорным становится само существование коллизионного права в отсутствие какой бы то ни было локализации, а в отсутствие коллизионных норм / ориентиров сложно будет вести речь и о каких бы то ни было коллизионных принципах.

Тем не менее, на современном этапе и в обозримой перспективе для судов, в арсенале которых коллизионные нормы *lex fori*, и ряда международных коммерческих арбитражей, использующих косвенный метод определения материального права или в отсутствие выбора сторон непосредственно апеллирующих к наиболее тесной связи, мы убеждены в том, что именно совокупность двух альтернатив: принципа автономии воли, постулирующего право сторон на выбор применимого права (со все более увеличивающимися возможностями и расширяющимся охватом отношений), с одной стороны, и принципа наиболее тесной связи, построенного на территориальной локализации, подвергшейся обогащению материально-правовыми факторами, с другой, – выражают главную цель механизма коллизионного регулирования – определить наилучшее, наиболее подходящее, «удобное» право для применения к частному отношению трансграничного характера.

Обобщая результаты исследования, подчеркнем, что мы отстаиваем системный характер права: его норм и принципов, – отталкиваясь при этом от определения системы, предложенного В. Н. Сагатовским. Согласно данному определению система представляет собой «конечное множество элементов, объединенных динамическими и статическими отношениями, которое с необходимостью и достаточностью обуславливает наличие целенаправленных свойств, позволяющих решать системопорождающее противоречие в определенных внешних условиях»¹. Осмысление изложенного определения позволяет утверждать, что, во-первых, система есть целеориентированное

¹ Сагатовский В. Н. Системная деятельность и ее философское осмысление // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1980. М.: Наука, 1981. С. 66.

множество, т.е. совокупность элементов, функционирование которых направлено на достижение конкретной цели, и, во-вторых, число элементов, входящих в состав системы, должно быть необходимым и достаточным для достижения стоящей перед системой цели.

В разрезе правовой действительности важно указать, что системность права имеет аксиоматический характер¹. При этом принципы права вполне справедливо рассматриваются как «системообразующие правовые положения»². Получая отражение в нормотворчестве и правоприменении, принципы права осмысляются и оформляются доктриной в качестве руководящих идей. И коль скоро право следует за эволюцией общественных отношений, его нормы и принципы в той же мере подвержены изменениям. Как отмечает Ю. Э. Монастырский, «тем самым достигается гибкость, при которой влияние разных теорий на различных витках развития экономической жизни страны может усиливаться или ослабевать»³. Вместе с тем, даже если «в ходе исторического развития ... [общественные] отношения меняются», «в каждый данный момент они представляют собою некоторое законченное целое, будучи проникнуты единством принципов, лежащих в их основе»⁴.

Изложенные выводы дают нам основание отвергнуть предлагаемые на сегодняшний день в доктрине международного частного права перечни разнородных принципов по той причине, что многие субстанции, объявляемые различными авторами принципами коллизионного регулирования (формулы прикрепления коллизионных норм, институты, режимы, метод регулирования), не составляют в совокупности необходимых и достаточных элементов, направленных

¹ Алексеев С. С. О теоретических основах классификации отраслей советского права // Советское государство и право. 1957. № 7. С. 99-107; Галесник Л. С. О проблемах системы советского права // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 108-115; Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 101-110.

² Монастырский Ю. Э. «Святость договора» – историческое и фундаментальное начало континентального гражданского права // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 1. С. 46.

³ Монастырский Ю. Э. «Святость договора» – историческое и фундаментальное начало континентального гражданского права... С. 47.

⁴ Кечекьян С. Ф. О системе советского социалистического права // Система права: сборник / сост. Т. Н. Иванова, О. В. Монченко. М.: Юстицинформ, 2021. С. 101-102.

на достижение цели, стоящей перед системой коллизионных принципов, а именно цели коллизионного регулирования частноправовых отношений с иностранным элементом.

Предлагая рассматривать принципы автономии воли и наиболее тесной связи в качестве системы, включающей необходимые и в совокупности достаточные элементы для достижения цели коллизионного регулирования – выбора применимого права для частноправового отношения трансграничного характера, мы также должны учитывать, что данная система представлена всего двумя элементами, которые разделяются дихотомически в зависимости от субъекта, на которого возложен или которому доверен выбор применимого права. Следует признать, что само по себе дихотомическое деление не является чуждым правоведению. Так, ученые пишут о фундаментальной дихотомии частного и публичного права¹, о дихотомии арбитражей «отечественный – зарубежный»², о дихотомии «личная – супружеская собственность»³ и т.д.

С точки же зрения системного подхода система, состоящая из двух элементов, именуется бинарной⁴. В современное время термин «бинарный» получил широчайшее распространение в отношении бинарных (двоичных) данных, представленных с использованием двоичной системы исчисления, которая оперирует в качестве минимальных единиц информации битами 0 и 1. Без преувеличения можно сказать, что именно бинарные данные, будучи предельно простыми и вместе с тем информативными, составили фундамент революционной цифровизации общества.

Бинарные деления применяются не только в цифровых технологиях, но и в естественных и в отдельных случаях в гуманитарных науках (например, в философии в рамках «парадигмы мировосприятия, сочетающей бинарное

¹ Бегичев А. В., Деханов С. А. Вещное право: исторические условия становления, систематика, формы защиты. М.: Проспект, 2024. С. 59.

² Монастырский Ю. Э. Lex loci arbitri в российской законодательной концепции альтернативного разрешения споров...

³ Прибыткова М. В. Личное страхование одного из супругов в свете раздела супружеского имущества (часть вторая) // Российская юстиция. 2025. № 4. С. 26-39.

⁴ Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ: учебное пособие. К.: МАУП, 2003. С. 84.

противопоставление Добра и Зла»¹). Однако в юриспруденции такие деления практически не используются. Нам удалось найти отдельное упоминание о бинарной системе «государственные обязанности – государственные услуги», которое однако не сопровождалось каким-либо обоснованием данной системы².

Вместе с тем, представляется, что бинарные системы обладают высоким эвристическим потенциалом в юридической науке. С одной стороны, они включают всего два элемента, а потому являются предельно простыми по составу. Но, с другой, такие системы дают представление о «принципиальнейшем обстоятельстве», которое обуславливает дихотомическое разделение элементов системы и, тем самым, проливает свет на ее природу и даже тенденции развития.

На основании изложенного, мы предлагаем рассматривать принципы коллизионного регулирования именно как бинарную систему, включающую два необходимых и достаточных для достижения целей системы элемента: принцип автономии воли и принцип наиболее тесной связи. Фактором, обуславливающим дихотомическое разделение элементов системы, выступает субъект, которому доверено либо на которого возложено решение коллизионной проблемы – цель, которая, в свою очередь, определяет внешнюю обособленность и внутреннюю гомогенность системы коллизионных норм и принципов. При этом в свете эволюции общественных отношений и соответствующего развития правовых регуляторов соотношение и значение элементов в системе может изменяться (как-то, с повышением роли одного и уменьшением роли другого).

Таким образом, проведенное исследование позволяет подтвердить гипотезу о том, что коллизионному праву, равно как и любому другому сегменту системы права (включая классические материальные отрасли, как гражданское право, уголовное право и др.), свойственно построение простейшего логического ряда нормы – принципы.

¹ *Пелипенко А. А.* Логоцентризм и логоцентризм (начало) // Культура культуры. 2015. № 4 (8). URL: <http://cult-cult.ru/logocentrism-and-logocentrics-part-1/> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

² *Лахтина Т. А.* Правовое положение органов внутренних дел как участников финансово-правовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 159.

§ 3. Сфера реализации норм и принципов коллизионного права

Коллизионное право и составляющие его коллизионные нормы и принципы в силу специфики их отсылочного характера весьма очевидным образом отграничиваются от норм материальных и процессуальных отраслей права, что однако не исключает постановки вопроса об определении сферы их реализации. Последняя неминуемо увязывается с дефиницией предмета международного частного права, которая дает представление об отношениях, регулируемых международным частным правом, в целом, и коллизионным правом, в частности. Так, в соответствии с одним из наиболее устоявшихся определений, предмет международного частного права – «частноправовые отношения, осложненные иностранным элементом»¹.

Словосочетание «иностраннный элемент» прочно утвердилось в отечественной науке международного частного права, выступая при этом предметом оживленной дискуссии. Данное понятие, по признанию ряда ученых², было введено в научный оборот М. И. Бруном. Широко известный отрывок его произведения гласит: «...наряду с теми правоотношениями, которые всеми своими

¹ Международное частное право: учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой... С. 7 (автор гл. 1 – Г. К. Дмитриева).

² Кудашкин В. В. Международные частные отношения в системе социально-экономических отношений в обществе // Журнал российского права. 2004. № 2. С. 87; Морева Р. Б. Природа и место международного частного права в правовой системе Российской Федерации... С. 60.

Л. П. Ануфриева, не оспаривая первенства М. И. Бруна в этом отношении, отмечает, что «понятие “правоотношений с международными элементами” присутствует, в работах и других авторов, – например, Б. Э. Нольде» (Ануфриева Л. П. В созвездии блистательных имен... М. И. Брун и развитие отечественной науки международного частного права // Золотой фонд российской науки международного права. Т. 2. М.: Международные отношения, 2009. С. 40). Так, характеризуя правоотношения «с международными элементами», Б. Э. Нольде указывает, что «участие иностранцев представляется наиболее обычной формой подобного осложнения» (Нольде Б. Э. Указ. соч. С. 320, 346). Данная работа Б. Э. Нольде действительно была опубликована в 1908 г. – на семь лет раньше соответствующей работы М. И. Бруна. Однако следует отметить, что М. И. Брун в отличие от Б. Э. Нольде не только вводит понятие «международный элемент», но и указывает три вида таких элементов.

В этой связи важно признать справедливость замечания о том, что «к любым “общеизвестным фактам” в юридической науке (особенно связанным с ее историей) следует подходить с большой осторожностью» (Ерпылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В. Генезис термина «международное частное право» в российской доктрине XIX века: от юридического наследия к современности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 1. С. 27).

элементами привязаны к территории одного правопорядка, существует множество других, которые отдельными своими элементами одновременно соприкасаются с правопорядками нескольких территорий: субъект права может быть иностранец, объект права может находиться за границей, субъективное право могло возникнуть на одной территории, его осуществление может требоваться на другой»¹.

Важно, что ученый не только оперирует понятием «иностранный элемент», но и указывает три вида таких элементов: субъект, объект и юридический факт, – получившие впоследствии широкое признание в отечественной науке международного частного права. Этот подход к определению международного характера правоотношений используется как в работах правоведов советского периода (в первую очередь, Л. А. Лунца²), так и в трудах ученых Российской Федерации (в том числе М. М. Богуславского³, Г. К. Дмитриевой⁴, Н. Ю. Ерпылевой⁵, С. Н. Лебедева⁶, Т. Н. Нешатаевой¹ и др.).

¹ Брун М. И. Введение в международное частное право. Петроград: Тип. В. О. Киршбаума, 1915. С. 7.

² Лунц Л. А. Международное частное право... С. 7-8.

И. С. Перетерский, указывая на применение законодательства к гражданам и иностранцам, а также приводя в качестве примера случаи, когда «договор, совершенный в Германии туземными гражданами, подлежит исполнению в РСФСР или брак двух граждан РСФСР заключается в Германии», также отмечает, что «они обладают некоторым “международным” элементом» (Перетерский И. С. Очерки международного частного права РСФСР... С. 9). Примечательно, что позже И. С. Перетерский и С. Б. Крылов не используют понятие «элемент», а указывают на «международный характер» отношений, подчеркивая, что «термин “международный” употребляется ... в особом, условном смысле», и устанавливая международный характер отношений по критериям субъекта, юридического факта, а также судопроизводства с участием иностранцев (Перетерский И. С., Крылов С. Б. Указ. соч. С. 5-7).

³ Указывая три группы частноправовых отношений, в которых присутствует иностранный элемент, М. М. Богуславский подчеркивает, что их можно выделить «с большой степенью условности» (Богуславский М. М. Международное частное право... 2019. С. 18-19).

⁴ Международное частное право: учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой... С. 8-9 (автор гл. 1 – Г. К. Дмитриева).

⁵ Н. Ю. Ерпылева признает: «В отечественной доктрине МЧП утверждается, что **иностранный элемент** ... выступает в трех формах». Несмотря на пояснение, что три формы иностранного элемента «не исчерпывают всего многообразия» его проявлений, а также поддержку отдельных критических замечаний в адрес самого понятия, ученый полагает, что оно обладает когнитивным значением (Ерпылева Н. Ю. Международное частное право... С. 20-21).

⁶ Лебедев С. Н. О природе международного частного права // Лебедев С. Н. Избранные труды... С. 557-558; Международное частное право: учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. С. Н. Лебедева, Е. В. Кабатовой... С. 9-10 (автор п. 1.1 – С. Н. Лебедев).

Нельзя не отметить, что само понятие «иностранный элемент» встречается также в работах зарубежных ученых, в частности, из стран общего права. Но при этом оно по общему правилу рассматривается как не требующее дефиниции или деления на виды², сопровождаясь лишь примерами, которые носят преимущественно иллюстративный характер. Так, английский правовед Дж. Чешир, оперируя понятием «иностранный элемент» (англ. – «foreign element»), подчеркивает, что формы, в которых он проявляется, многочисленны, и приводит неисчерпывающий перечень возможных примеров³. В Курсе Дайси по коллизионному праву дается обобщенное описание круга дел, содержащих какой-

¹ Т. Н. Нешатаева приводит три группы иностранных (международных) элементов и, отмечая наличие критики в адрес этого деления, заявляет, что именно оно «наиболее четко показывает частный характер общественных отношений, регулируемых международным частным правом» (Нешатаева Т. Н. Международное частное право и международный гражданский процесс... С. 11-12). См. также: Нешатаева Т. Н. К вопросу о правовых системах, регулирующих международные отношения // Российский ежегодник международного права. 1993-1994. СПб.: Россия-Нева, 1995. С. 47-63.

² Интересное исключение составляет работа канадского правоведа А. Хассарда, заявленная, судя по названию, как переработка / обзор курса Дж. Уэстлейка по международному частному праву. В работе указано: «Иностранный элемент в любом иске может касаться: 1. Сторон иска. 2. Предмета. 3. Обсуждаемого деяния. 4. Процесса», – а также уточнено, что в отношении сторон иска «иностранный элемент может вытекать из статуса, который охватывает гражданство, domicile, правоспособность, законность» (Albert Richard Hassard, *Private International Law (Westlake Digested)* (Toronto: The Coodwin Company, 1899) at 15-16). Несмотря на то, что в указанной работе предпринята попытка выделить виды иностранных элементов, следует признать, что само выделение произведено с точки зрения судопроизводства, а выделенные виды являются столь общими (например, относящиеся к предмету иска или обсуждаемому деянию), что могут охватить самые разнообразные вариации.

³ Ученый пишет: «Одна из сторон может иметь иностранное гражданство или иностранный domicile; торговец может быть признан банкротом в Англии, имея многочисленных кредиторов за рубежом; иск может касаться имущества, расположенного за рубежом, или распоряжения, совершенного за рубежом, в отношении имущества, расположенного в Англии; если иск основывается на переводном векселе, иностранный элемент может состоять в том факте, что выдача, акцепт или индоссамент были совершены за рубежом; контракт может быть заключен в одной стране, а подлежать исполнению в другой; два лица могут обратиться в суд зарубежной страны, в которой способы заключения или расторжения брака более подходящие, чем в стране их domicile» (Geoffrey Ch. Cheshire, *Private International Law*, 5th ed... at 6). Данный подход сохранился и в последующих изданиях широко известного труда (Чешир Дж., Норт П. Указ. соч. С. 20; James Fawcett & Janeen M. Carruthers, *Cheshire, North & Fawcett Private International Law*, 14th ed. (New York: Oxford University Press, 2008) at 5). Анализ приведенных примеров подтверждает, что они в той или иной форме составляют проявления иностранного субъекта в отношении; объекта, расположенного на иностранной территории; или различных юридических фактов, имеющих место в различных странах. Но показательно, что ученый не только не проводит систематизацию иностранных элементов, но и целенаправленно не ограничивает круг их форм и возможные вариации.

либо иностранный элемент: если стороны, одна или обе, могут иметь иностранное гражданство; основания иска или возражений на иск могут зависеть от сделок, имеющих место целиком или в части в иностранном государстве; наконец, обсуждаемая сделка, хотя и имеющая место целиком в Англии, может каким-либо образом иметь отсылку к законам или обычаям иностранного государства¹. Американский правовед Р. Майнор в разделе, поименованном «Иностранный элемент, необходимый для действия международного частного права», ограничивается описанием нескольких возможных случаев появления иностранного элемента в частноправовом отношении².

Традиция очерчивать круг отношений, входящих в предмет международного частного (коллизийного) права, указанием на присутствие в них иностранного элемента, сопровождаемым несколькими яркими примерами, свойственна и работам современных специалистов в области английского права. Так, А. Майсс пишет, что «коллизийное право ... подлежит применению, когда суд Англии сталкивается с делом, содержащим один или больше иностранных элементов»³. Идентичное определение коллизийного права, с незначительно отличающимися примерами иностранных элементов, дает М. Хардинг⁴.

В Российской Федерации понятие «иностранный элемент» имеет легальное закрепление. Так, п. 1 ст. 1186 Гражданского кодекса РФ устанавливает порядок определения права, подлежащего применению «к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных граждан или иностранных юридических

¹ Часть Курса Дайси по коллизийному праву о природе предмета (англ. – the nature of the subject) включена в книгу: John W. Dwyer, *Leading Cases on Private International Law*, 2nd ed. (Chicago: Callaghan & Company, 1904) at 1.

² В частности, ученый описывает случай, в котором «А, гражданин Нью Йорка, закладывает В, гражданину Мэриленда, движимое имущество, которое находится в Вирджинии и которое А впоследствии перевозит в Иллинойс и продает С, а В заявляет иск об обращении взыскания на предмет залога» (Raleigh C. Minor, *Conflict of Laws; or, Private International Law* (Boston: Little, Brown, and Company, 1901) at 4).

³ Далее автор приводит несколько примеров, а именно: «Таким иностранным элементом может быть событие, которое произошло в иностранном государстве ...; это может быть место осуществления предпринимательской деятельности одной из сторон ...; или это может быть иностранный домициль» (Abla Mayss, *Op. cit.* at 1).

⁴ Автор указывает случаи, «когда элемент спора произошел в иностранном государстве» или «когда одна из сторон имеет существенную связь с другим государством» (Maebh Harding, *Op. cit.* at 2).

лиц либо гражданско-правовым отношениям, осложненным иным иностранным элементом, в том числе в случаях, когда объект гражданских прав находится за границей». В порядке комментария к данному положению отметим следующее. Во-первых, законодатель устанавливает открытый перечень иностранных элементов, способных осложнить гражданско-правовое отношение. Во-вторых, в положении закона упоминаются только два вида иностранных элементов (на стороне субъекта и на стороне объекта), в то время как имеется, по меньшей мере, еще один широко известный вид – юридический факт на территории иностранного государства, – которому придается коллизионно-правовое значение в специальных статьях раздела VI ГК РФ (например, причинению вреда – в п. 1 ст. 1219 ГК РФ)¹. В-третьих, как справедливо отмечает Р. Б. Морева, даже в отношении первого (наиболее распространенного) вида иностранных элементов на стороне субъекта законодатель указывает лишь наиболее часто встречающиеся категории лиц: иностранных граждан и иностранных юридических лиц, – в то время как гражданско-правовое отношение может быть также осложнено участием лиц без гражданства (имеющих место жительства вне пределов Российской Федерации); иностранных организаций (не являющихся юридическими лицами по иностранному праву); иностранных государств и др.² Изложенное позволяет заключить, что, формулируя п. 1 ст. 1186 ГК РФ, законодатель не преследовал цель дать дефиницию понятия «иностранный элемент» или установить исчерпывающий перечень его видов, а скорее в порядке иллюстрации привел несколько наиболее ярких случаев иностранной «осложненности» гражданско-правового отношения.

¹ На данное обстоятельство обращает внимание Р. Б. Морева (*Морева Р. Б. Природа и место международного частного права в правовой системе Российской Федерации... С. 77*).

В этой связи особенно важно, что 09 июля 2019 г. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что приведенный в п. 1 ст. 1186 ГК РФ перечень иностранных элементов не является исчерпывающим, и подчеркнул, что в качестве такового может рассматриваться и «совершение за границей действия или наступление события (юридического факта), влекущего возникновение, изменение или прекращение гражданско-правового отношения» (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»).

² *Морева Р. Б. Природа и место международного частного права в правовой системе Российской Федерации... С. 74-75.*

Другим положением отечественного законодательства, оперирующим понятием «иностранный элемент», является п. 1 ст. 414 Кодекса торгового мореплавания РФ, который устанавливает порядок определения права, подлежащего применению «к отношениям, возникающим из торгового мореплавания с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц либо осложненным иностранным элементом, в том числе если объект гражданских прав находится за пределами Российской Федерации». Данное положение аналогично соответствующей норме ГК РФ за одним существенным исключением – из буквального толкования его текста следует, что отношения с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц противопоставляются отношениям с иностранным элементом, составляя две различные группы. Данное достаточно очевидное несовершенство законодательной техники подвергается критике в трудах правоведов¹.

Важно отметить, что разработке части третьей ГК РФ предшествовало принятие на уровне Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ рекомендательного акта – части третьей модельного Гражданского кодекса². При этом п. 1 ст. 1194 этого документа устанавливает порядок определения права, подлежащего применению «к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц либо осложненным иным иностранным элементом», – закрепляя формулировку, которая впоследствии появится в части третьей ГК РФ (за исключением иллюстративного пояснения, что иностранный элемент может иметь место, в том числе, «когда объект гражданских прав находится за границей»). Аналогичные формулировки

¹ Так, Л. П. Ануфриева полагает, что использование ГК РФ и КТМ РФ «терминологического “клише” – “отношение, осложненное иностранным элементом”, по-разному сформулированного в каждом из этих документов, привносит путаницу в понятийный аппарат, используемый для идентификации регулируемых данными актами отношений» (Ануфриева Л. П. Некоторые проблемы нового российского регулирования по международному частному праву // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 37-46). Та же критика содержится в диссертации Р. Б. Моревой (Морева Р. Б. Природа и место международного частного права в правовой системе Российской Федерации... С. 73-74).

² Постановление Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ «О модельном гражданском кодексе для государств-участников Содружества Независимых Государств (часть третья)» от 17 февраля 1996 г. № 7-4 // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. 1996. № 10.

получили отражение в положениях законодательства о международном частном праве некоторых других государств-членов СНГ (в том числе Республик Беларусь¹, Казахстан², Таджикистан³, Узбекистан⁴, а также Кыргызской Республики⁵)⁶.

¹ П. 1 ст. 1093 ГК Республики Беларусь (Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07 декабря 1998 г. № 218-3 (ред. от 17 февраля 2025 г.) // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1999. № 7-9. Ст. 101. Режим доступа: ИС «Континент»).

² П. 1 ст. 1084 особенной части ГК Республики Казахстан (Гражданский кодекс Республики Казахстан (особенная часть) от 01 июля 1999 г. № 409-І ЗРК (ред. от 30 июня 2025 г.) // Казахстанская правда. 17 июля 1999 г. № 172-173 (22889-22890); 20 июля 1999 г. № 174 (22891); 22 июля 1999 г. № 175 (22892); 23 июля 1999 г. № 176-177 (22893-22894); 24 июля 1999 г. № 178 (22894); 27 июля 1999 г. № 179-180 (22896-22897). Режим доступа: ИС «Континент»).

³ В обсуждаемой части идентичную формулировку содержит и п. 1 ст. 1191 части третьей ранее действовавшего ГК Республики Таджикистан 2005 г. (Гражданский кодекс Республики Таджикистан (часть третья) от 01 марта 2005 г. // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2005. № 3. Ст. 124, не действует), и п. 1 ст. 1306 современного ГК Республики Таджикистан 2022 г. (Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 г. № 1918 (ред. от 14 мая 2025 г.) // Зарегистрирован Министерством юстиции Республики Таджикистан от 29 декабря 2022 г. № 74. Режим доступа: ИС «Континент»).

⁴ Ст. 1158 второй части ГК Республики Узбекистан (Гражданский кодекс Республики Узбекистан (часть вторая) от 29 августа 1996 г. № 256-І (ред. от 22 апреля 2025 г.) // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 1996. № 11-12. Ст. 1. Режим доступа: ИС «Континент»).

⁵ П. 1 ст. 1167 части II Гражданского кодекса Кыргызской Республики (Гражданский кодекс Кыргызской Республики (часть II) от 05 января 1998 г. № 1 (ред. от 02 июля 2025 г.) // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 1998. № 6. Ст. 226. Режим доступа: ИС «Континент»).

⁶ Однако в рамках СНГ имеются и государства, избравшие иной подход для определения круга отношений, составляющих предмет международного частного права. Например, ст. 1 Закона Азербайджанской Республики «О международном частном праве» оперирует словосочетанием «гражданские правоотношения с иностранными элементами», но не раскрывает его содержания и не сопровождает пояснениями или примерами (Закон Азербайджанской Республики «О международном частном праве» от 06 июня 2000 г. № 889-ІГ (ред. от 09 июля 2021 г.) // Газета Азербайджан. 29 октября 2000 г. № 249. Режим доступа: ИС «Континент»). Таким же образом словосочетание «частноправовые отношения, осложненные иностранным элементом», употребляется в п. 1 ст. 2576 Гражданского кодекса Республики Молдова (Гражданский кодекс Республики Молдова (Книга пятая. Международное частное право) от 06 июня 2002 г. № 1107-XV (ред. 15 ноября 2018 г.) // Официальный монитор Республики Молдова. 22 июня 2002 г. № 82-86. Режим доступа: ИС «Континент»).

Примером противоположного подхода выступает п. 1 ст. 1253 ГК Республики Армения, который устанавливает порядок определения права, подлежащего применению «к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, иностранных юридических лиц и организаций, не являющихся юридическим лицом по иностранному праву, лиц без гражданства (далее – иностранные лица), а также в случаях, когда объект гражданских прав находится за границей» (Гражданский кодекс Республики Армения от 28 июля 1998 г. № ЗР-239 (ред. от 14 июля 2025 г.) // Официальные ведомости Республики Армения. 10 августа 1998 г. № 17 (55). Режим доступа: ИС

Тем не менее, в отечественной литературе понятие «иностранный элемент» подвергается значительной критике. В частности, А. А. Рубанов обратил внимание на то обстоятельство, что «иностранные характеристики не являются элементами имущественного отношения, не входят в его структуру»¹, а следовательно, указание на «правоотношения с иностранным элементом» в дефиниции предмета международного частного права «серьезно деформирует понятие правоотношения»². Переходя в плоскость анализа отдельных (из признаваемых отечественной наукой) видов иностранных элементов, А. А. Рубанов подчеркивает, что элементами правоотношения могут быть «сам участник, а не его гражданство»; «вещь, но не место ее нахождения»³. Признавая справедливость сделанных ученым замечаний, тем не менее, отметим, что вряд ли имеются основания полагать, что, употребляя понятие «иностранный элемент», специалисты понимают под ним именно иностранное гражданство или нахождение в иностранном государстве. Наоборот, полагаем, что исходя из огромного числа приведенных в литературе примеров, можно сделать вывод о том, что авторы рассматривают в качестве иностранного элемента не

«Континент»). Комментируя это положение, отметим следующее. Во-первых, из буквального толкования текста следует, что ГК Республики Армения устанавливает закрытый перечень иностранных элементов, ограничивая их иностранными лицами и объектами за границей. Изложенное представляется чрезмерно строгим, по меньшей мере, в связи с тем, что юридическим фактам на территории иностранного государства традиционно придается коллизионно-правовое значение (в том числе, *lex loci delicti commissi* для деликтных отношений – в ст. 1289 ГК Республики Армения). Во-вторых, примечательно, что даже в отношении иностранных лиц ГК Республики Армения предпринимает попытку дать их исчерпывающий перечень, в связи с чем возникает вопрос, например, о применении норм международного частного права к иностранному государству (в особенности, в свете ст. 1275 ГК Республики Армения, санкционирующей такое применение «к участию государства в ... отношениях с иностранными лицами», но не к участию иностранного государства в отношениях с отечественными лицами).

¹ Рубанов А. А. Имущественные отношения в международном частном праве // Правоведение. 1982. № 6. С. 32.

² Рубанов А. А. Вопросы теории правоотношения в международном частном праве // XXVI съезд КПСС и проблемы гражданского и трудового права, гражданского процесса. М.: Изд-во ИГП АН СССР, 1982. С. 91. Эту точку зрения поддерживает В. А. Канашевский (Канашевский В. А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 59; Канашевский В. А. Внешнеэкономические сделки: основные регуляторы, их соотношение и взаимодействие: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 86).

³ Рубанов А. А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем / под ред. В. П. Мозолина. М.: Наука, 1984. С. 92-93.

иностранную характеристику, а непосредственно иностранного гражданина, иностранную (находящуюся в иностранном государстве) вещь и т.п.¹ Однако даже при таком толковании анализируемое понятие может быть подвергнуто критике по другой причине.

В теории права², а также в соответствующих разработках цивилистического характера³ элементами правоотношения считают его субъектов, объект⁴ и содержание, в то время как юридические факты в структуру правоотношения не входят, а являются исключительно основаниями его возникновения, изменения или прекращения. Таким образом, следует согласиться с правоведами, указывающими на очевидное несоответствие понятия «правоотношение, осложненное иностранным элементом» понятийному аппарату теории права⁵.

¹ Аналогичную критику в адрес концепции А. А. Рубанова высказывает М. Н. Кузнецов. Ученый пишет: «Все, что автор называет и приводит как “иностранные характеристики” имущественного отношения, по существу, и есть так называемый “иностранный элемент” ... Он представляет собой не какую-то новую структурную единицу правоотношения, на чем настаивает автор, а придает (или может придать) соответствующую международную окраску любому из признанных в теории права компонентов правоотношения» (*Кузнецов М. Н. Охрана результатов творческой деятельности в международном частном праве. М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1988. С. 48*). М. Н. Кузнецов также справедливо заключает, что «правильнее было бы говорить не о принципиальной разнице в определении предмета МЧП А. А. Рубановым..., а о разнице в употребляемой терминологии при обозначении этого предмета» (*Кузнецов М. Н. Международное частное право: Общая часть: лекции, прочитанные в Российском университете дружбы народов в 2004-2014 гг.: учебное пособие. М.: РУДН, 2015. С. 81*).

² Так, О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, предпочитая вести речь о составе правоотношения, тем не менее, признают: принято обычно говорить о том, что правоотношение обладает «определенными элементами», – и причисляют к таковым субъектов, содержание, а также объекты (*Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. С. 200-201*). См. также: *Теория государства и права: учебник / под ред. А. И. Королева, Л. С. Явича. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. С. 421* (авторы гл. 18 – В. Э. Краснянский, Ю. А. Денисов).

³ *Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / под ред. С. И. Аскназий. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 43; Советское гражданское право: учебник. Т. I / под ред. Д. М. Генкина. М.: Госюриздат, 1950. С. 107* (автор главы IV – Д. М. Генкин).

⁴ Принадлежность объекта к элементам правоотношения является предметом дискуссии. См., например: *Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. М.: Госюриздат, 1950. С. 38-43* (автор гл. I – И. Б. Новицкий).

⁵ *Канашевский В. А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование... С. 57; Канашевский В. А. Внешнеэкономические сделки: основные регуляторы, их соотношение и взаимодействие... С. 83-84; Колобов Р. Ю. Основы построения и функционирования международного частного права... С. 34.*

М. Н. Кузнецов весьма справедливо объясняет описанное противоречие между категорией «иностранный элемент» в международном частном праве и канонами

Изложенное позволяет констатировать, что понятие «иностранный элемент» является устоявшимся в науке международного частного права и закрепленным в законодательстве – как в Российской Федерации, так и в ряде других государств. Однако анализ показывает, что, с точки зрения теории права, оно характеризуется несоответствием сложившемуся понятийному аппарату, а с точки зрения юридической техники, – огрехами, влекущими противоречия между его содержанием в различных документах (в частности, ГК РФ и КТМ РФ). Более того, принимая во внимание указанные обстоятельства и открытый характер перечня иностранных элементов, можно заключить, что анализируемое понятие призвано лишь в общих чертах обозначить ситуации, в которых может возникнуть коллизионный вопрос. Изложенное подтверждается также весьма распространенными как в литературе, так и в нормативных правовых актах попытками сопроводить понятие «иностранный элемент» наиболее яркими формами, видами или примерами его проявления.

Следует отметить, что недостатки анализируемого понятия привели к появлению в литературе альтернативных предложений, позволяющих обозначить круг частноправовых отношений, входящих в сферу действия международного частного права. Так, Л. П. Ануфриева справедливо отмечает, что сам по себе факт того, что речь идет об одном из признанных видов иностранного элемента (субъекте, объекте или юридическом факте), «еще не достаточен для того, чтобы регулирование осуществлялось именно средствами МЧП»¹. На этом основании в

общетеоретического учения о правоотношении «невниманием теоретиков права к общественным отношениям, регулируемым международным частным правом» (*Кузнецов М. Н. Международное частное право: Общая часть... С. 84*). Как метко высказывается автор, «методология “мстит” науке за невнимание ... путем создания тупиковых и даже кризисных ситуаций» (Там же). В более общем ключе М. Н. Кузнецов указывает, что «объективное развитие мирохозяйственных связей ... обгоняет развитие МЧП и его доктрины и создает “тупиковые” ситуации в теории» (*Кузнецов М. Н. Особенности современного развития международного частного права и его влияние на охрану результатов творческой деятельности... С. 4, положение на защиту № 1*).

¹ В подтверждение автор приводит различные примеры, как-то: сделка между двумя российскими лицами о поставке товара, находящегося в Индии, не будет внешнеэкономической и в этом плане не задействует нормы международного частного права; а брак, заключенный итальянцем и итальянкой в консульском учреждении Италии за рубежом, задействует нормы международного частного права в вопросах его признания и т.п. (*Ануфриева Л. П.*

качестве признака общественного отношения, входящего в предмет международного частного права, автор предлагает рассматривать «проявление юридической связи данного общественного отношения с правовыми порядками двух или более государств»¹.

Комментируя данное предложение, отметим следующее. С одной стороны, в отличие от понятия «иностранный элемент» указанная характеристика является существенно более корректной с точки зрения понятийного аппарата теории права. С другой стороны, как и понятие «иностранный элемент», она достигает ту же цель – дать указание весьма общего характера на тот круг случаев, который активизирует постановку коллизионного вопроса. Полагаем, что сформулированный Л. П. Ануфриевой признак, очевидно, более точный в терминологическом плане, является весьма общим в плане практическом. Однако последнее является логическим следствием многообразия юридических связей международного характера и вытекающей из этого объективной невозможности дать исчерпывающее позитивное определение круга общественных отношений такого свойства.

В этом отношении справедливо заявление В. В. Кудашкина о том, что формы и виды тех связей, в которых элементы частноправового отношения могут состоять с различными правовыми системами, «весьма разнообразны и едва ли возможно их исчерпывающее законодательное закрепление»². По этой причине

Соотношение международного публичного и международного частного права (сравнительное исследование правовых категорий)... С. 94-95).

¹ Там же. С. 97. Это предложение получает поддержку в современной литературе (Колобов Р. Ю. Основы построения и функционирования международного частного права... С. 35-36; Морева Р. Б. Природа и место международного частного права в правовой системе Российской Федерации... С. 64).

² Кудашкин В. В. К вопросу об иностранном элементе в гражданско-правовом отношении. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»; Кудашкин В. В. Правовое регулирование международных частных отношений... С. 93. Этой точки зрения придерживаются и другие ученые (См., например: Саенко Л. В. Единообразие судебной практики по делам с участием иностранного элемента в сфере защиты семейных прав сквозь призму правовой культуры // Правовая культура. 2016. № 4 (27). С. 107). В этом аспекте следует привести цитату из известного Курса коллизионного права Били: «Дефиниции предмета нашего изучения почти столь же многочисленны, сколь авторы, писавшие о нем» (Joseph H. Beale, Op. cit. at 3). При этом сам Дж. Биль начинает параграф о дефиниции предмета указанием на то, что отрасль права, именуемая для удобства коллизионным правом (англ. – the conflict of laws), имеет дело

мы считаем, что для указания самого общего характера на иностранную «осложненность» частнопровового отношения приемлемо использовать как терминологически корректный признак «юридической связи ... с правовыми порядками двух или более государств», так и устоявшееся в специальной литературе и нормативных правовых актах понятие «иностранного элемента», однако последнее – с оговоркой о его условном характере¹. Вместе с тем, если в теоретическом плане круг отношений, составляющих предмет международного частного права, не подлежит исчерпывающему позитивному определению, то возникает вопрос практического плана: как правоприменитель установит необходимость использования норм международного частного права в конкретном, реально существующем случае.

Для ответа на поставленный вопрос мы считаем принципиально важным разграничить представления о круге потенциально возможных иностранных элементов и об иностранном элементе, имеющем коллизионно-правовое значение в конкретном случае. Если первый, как правило, упоминается в вводных статьях законодательства о международном частном праве и преследует цель в общих чертах описать предмет его воздействия, то второй непосредственно влечет постановку коллизионного вопроса и в этом смысле может иметь юридическое значение только в силу определенной коллизионной нормы *lex fori*.

Целесообразность выделять иностранный элемент, имеющий коллизионно-правовое значение, выявляется в свете дискуссии о том, предшествует ли постановка коллизионного вопроса применению материального права во всяком, в том числе сугубо внутреннем, деле. В данном отношении А. В. Асосков обоснованно отмечает, что «релевантный характер имеют лишь те

преимущественно с действием законов в пространстве. Далее автор уточняет, что, когда возникает вопрос применения к юридической ситуации закона одного или другого государства, возникший вопрос должен быть разрешен на основании принципов коллизионного права. Последнее уточнение он сопровождает несколькими иллюстративными примерами, не формулируя при этом какого-то общего признака таких отношений (Ibid at 1-2).

¹ На «чисто условный» характер термина «иностранный элемент» указывает Р. Б. Морева. Так, ученый пишет, что «он введен в терминологию международного частного права для обозначения международного характера отношений» и «показывает, что отношения затрагивают ... юрисдикцию как минимум двух государств» (Морева Р. Б. Природа и место международного частного права в правовой системе Российской Федерации... С. 70).

характеристики общественных отношений, которые зафиксированы в привязках коллизионных норм»¹. Следовательно, пишет автор, «регулирование чисто внутренних отношений, с одной стороны, и отношений с незначительными (нерелевантными) иностранными элементами, с другой стороны, ничем не будет отличаться: в обоих случаях применение коллизионных норм будет давать одинаковый правовой результат (как правило, применение права суда)»². С. Пеари приводит в этой связи весьма радикальный, однако логичный и обоснованный тезис: «В то время как в чисто внутреннем деле коллизионный вопрос концептуально существует, мы просто не видим его и принимаем применение отечественного права как данность»³.

В действительности в приведенном Л. П. Ануфриевой примере сделки между российскими лицами о поставке товара, находящегося в Индии, отсутствует не иностранный элемент как таковой, а иностранный элемент, имеющий коллизионно-правовое значение для договорных отношений – в свете ст. 1211 ГК РФ, потому что последняя применительно к договору поставки придает значение исключительно основному месту деятельности поставщика, но не месту нахождения товара (имущества). Напротив, если в этом примере речь будет идти не о договорных, а о вещных отношениях, то *lex rei sitae*, установленный ст. 1205 ГК РФ, придаст месту нахождения имущества в Индии непосредственное коллизионно-правовое значение.

Целесообразность выделения иностранного элемента, который имеет коллизионно-правовое значение, может быть подвергнута критике в связи с развитием унификации материально-правового регулирования и соответствующим ослаблением роли коллизионного метода⁴. Однако такая

¹ Асосков А. В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств... С. 250.

² Там же.

³ Sagi Peari, *The Foundation of Choice of Law: Choice and Equality* (New York: Oxford University Press, 2018) at 3-B-2.

⁴ Так, В. Г. Храбсков, признавая в качестве особенности функционирования отношений в сфере международного частного права то, что они «выступают как отношения с иностранным для данного государства элементом (курсив наш. – Т.Н.)», тем не менее, критикует цивилистическую концепцию гражданско-правовых отношений с иностранным элементом,

критика будет несостоятельной по двум причинам. Во-первых, в том случае, если регулирование частноправовых отношений осуществляется международным договором, который содержит унифицированные материально-правовые нормы, роль фильтра в определении перечня регулируемых отношений (и релевантных для них иностранных элементов) по общему правилу выполняют положения самого международного договора, очерчивающие сферу его действия. Например, в силу п. 1 ст. 1 Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров она применяется к договорам между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах¹, признавая, таким образом, в качестве релевантного иностранного (международного) элемента место нахождения коммерческого предприятия.

Во-вторых, нельзя не отметить, что в обозримом будущем унификация материально-правовых норм не сможет полностью вытеснить коллизионный метод международного частного права, так как в одних областях (например, в семейном праве) такая унификация трудно достижима, а в других, включая те, где она достигла блестящих успехов (например, в области правового регулирования купли-продажи), всегда остаются вопросы, не урегулированные на уровне международного договора и требующие отыскания субсидиарного (национального) статута.

В завершение подчеркнем, что выделение иностранного элемента, имеющего коллизионно-правовое значение, особенно актуально в свете активизации миграционных процессов и многообразия международных связей частных лиц. Как отмечает С. Пеари, «мы живем в мире, где сложно найти чисто

акцентирует международный (не межгосударственный) характер отношений в сфере международного частного права и настаивает на том, что их «первородное состояние ... требует соответствующих их сущности способов правового регулирования – международных договоров, отторгая национальноправовое регулирование ввиду его несоответствия характеру регулируемых отношений» (*Храбсков В. Г. Проблема разграничения международного публичного и международного частного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. С. 35-39*).

¹ При условии, что такие государства являются государствами-участниками конвенции или в силу норм международного частного права применимо право государства-участника конвенции. Этот пример и ряд других приведены в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

внутреннее дело: люди происходят из разных мест, они путешествуют и вовлекаются в трансграничную коммерцию, а товары производятся в множестве географических точек»¹. Примечательно, что еще А. Б. Левитин заявляет: «Чисто фактические обстоятельства, составляя “иностранный элемент” в житейском значении этого слова, часто вовсе не являются иностранным элементом в правовом смысле»². На этом основании, хотя и для целей исключения из предмета международного частного права вопросов права иностранцев, ученый заключает: «“Иностранный элемент” может иметь правовое значение ... только в том случае, когда определенные фактические обстоятельства создают коллизию законов»³.

В свою очередь коллизия законов, по нашему мнению, приобретает юридически значимую форму, когда коллизионная норма конкретного *lex fori* связывает с той или иной иностранной «осложненностью» отношения соответствующие последствия. По общему правилу – для договорных отношений – иностранным элементом, который имеет коллизионно-правовое значение, будет выступать место жительства или основное место деятельности стороны, осуществляющей решающее исполнение (ст. 1211 ГК РФ)⁴, для деликтных – место действия или иного обстоятельства, послуживших основанием для требования о возмещении вреда (ст. 1219 ГК РФ), и т.д. В таких условиях общая

¹ Ученый предлагает рассмотреть следующий пример: «Прямо сейчас я выхожу из моего офиса, перехожу улицу и покупаю своей жене часы в ближайшем часовом магазине». По мнению автора, возможность отнесения этого дела судом к тем, в которых требуется разрешение коллизионного вопроса, с потенциальным последующим применением иностранного права, вытекает из фактов, что «владелец магазина – недавний иммигрант из Южной Африки, продавец – из США, большая часть деталей часов была произведена в Швейцарии, а сами часы собраны в Словакии» (Sagi Pearl, Op. cit. at 3-B-2).

² Левитин А. Б. Указ. соч. С. 95-101.

³ Там же.

⁴ В этом примере иностранными элементами в «житейском» (не коллизионно-правовом) смысле слова будут места производства, нахождения или доставки товара; гражданство или место инкорпорации сторон договора физических или юридических лиц, если они отличаются от места жительства или основного места деятельности, соответственно, а равно гражданство физического лица – единоличного исполнительного органа или любых других работников сторон договора и др. Во всех этих случаях, и в особенности в случае перемещения товара, произведенного в одной локации, для реализации и потребления в другой, договор может быть международным с экономической или прочих точек зрения, однако постановка коллизионного вопроса в отечественном суде исключительно при нерелевантных с точки зрения ст. 1211 ГК РФ иностранных элементах даст такой же правовой результат, как и постановка коллизионного вопроса в сугубо внутреннем деле – бесспорное применение права страны суда.

характеристика иностранного элемента (более точно – «проявления юридической связи с правовыми порядками двух или более государств») в общих положениях законодательства о международном частном праве, при всей ее условности, обобщенности и по сути иллюстративной направленности, может быть признана удовлетворительной, однако при констатации того факта, что в каждом конкретном деле коллизионно-правовое значение будет иметь тот конкретный иностранный элемент, с которым соответствующие правовые последствия связывает коллизионная норма.

Изложенное высвечивает существенную разницу в механизмах применения коллизионных норм и принципа автономии воли в международном частном праве. В первом случае иностранный элемент, релевантный для активизации коллизионной нормы, зафиксирован в привязке коллизионной нормы и в этом смысле весьма очевиден. Во втором же случае привязка отсутствует как таковая, на лицо исключительно управомочивающая норма *lex fori*, которая позволяет сторонам самостоятельно избрать применимое материальное право. При этом общее, весьма условное и по большей мере иллюстративное понятие «иностранного элемента», которое по традиции используется учеными и содержится во вводных статьях законодательства о международном частном праве (в частности, в ст. 1186 ГК РФ), не способно дать конкретную инструкцию относительно тех иностранно «осложненных» отношений, в которых сторонам предоставляется весьма революционная (и немыслимая для внутреннего правового порядка) возможность – избрать применимое право.

Как следствие, задача – очертить собственную сферу действия – возлагается непосредственно на те положения, которые принцип автономии воли устанавливают. Однако в силу многообразия международных связей частных лиц и объективной невозможности дать их позитивное определение или исчерпывающий перечень в нормотворческой практике сформировался «отрицательный» подход к установлению круга отношений, в которых стороны наделены возможностью избрать применимое материальное право (т.е., в

конечном счете, круга отношений, входящих в предмет международного частного права).

В частности, п. 5 ст. 1210 ГК РФ устанавливает, что «если в момент выбора сторонами договора подлежащего применению права все ... обстоятельства связаны только с одной страной, выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действие императивных норм права той страны, с которой связаны все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства»¹. Первостепенное значение для понимания данной нормы имеет вопрос о том, допускает ли она выбор применимого права для отношений, в которых все касающиеся их существа обстоятельства связаны только с одной страной, – в первую очередь, для «внутренних» отношений. Полагаем, что ответ на поставленный вопрос зависит от толкования понятия «императивные нормы».

В отечественной литературе по данному вопросу имеются две точки зрения. Отдельные авторы, в том числе Л. П. Ануфриева², А. Б. Покровская³, Р. М. Ходыкин⁴, считают, что используемое в п. 5 ст. 1210 ГК РФ понятие «императивные нормы» означает «сверхимперативные» нормы, предусмотренные ст. 1192 ГК РФ. Эта точка зрения подвергается обстоятельной и справедливой

¹ Данное положение оценивается специалистами как довольно сложное для применения (Волкова Т. А., Дорофеева Ю. А., Колесова О. Н. и др. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Части третьей (постатейный). М.: РИОР: ИНФРА-М, 2010. С. 129, автор комментария к ст. 1210 ГК РФ – Е. Б. Леанович).

² Комментируя положение п. 5 ст. 1210 ГК РФ, Л. П. Ануфриева отмечает, что в данном случае могут проявляться «проблемы, свойственные вообще действию иностранных императивных норм», и отсылает читателя к комментарию к ст. 1192 ГК РФ. Далее автор пишет: «В ситуациях, когда правом, “реально связанным” с договорными отношениями, выступает право Российской Федерации, вопрос об императивных нормах приобретает качество оговорки о публичном порядке “в позитивной концепции”» (Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / под ред. Л. П. Ануфриевой. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 508-509, автор комментария к ст. 1210 ГК РФ – Л. П. Ануфриева). К ученым, полагающим, что «в п. 5 ст. 1210 ГК РФ имеются в виду только сверхимперативные нормы», Л. П. Ануфриеву относит А. В. Асосков (Асосков А. В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств... С. 267).

³ А. Б. Покровская полагает, что в п. 5 ст. 1210 ГК РФ «речь идет об обязанности суда применить сверхимперативные нормы права соответствующей страны» (Покровская А. Б. Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом... С. 149).

⁴ Ходыкин Р. М. Новое в регулировании договорных обязательств в аспекте международного частного права // Вестник ВАС РФ. 2003. № 10. С. 145-156.

критике. Например, А. В. Асосков пишет, что «данный подход противоречит всей истории становления концепции сверхимперативных норм» и ведет к полному ее выхолащиванию¹. Соглашаясь с ученым, отметим, что приведенное толкование, вероятно, было вызвано несовершенством законодательной техники раздела VI ГК РФ, в котором до 2013 г. понятие «императивные нормы» использовалось как в ст. 1192, так и в п. 5 ст. 1210 ГК РФ. В настоящее время указанный недочет устранен – те особые императивные нормы, которые регулируют отношения независимо от подлежащего применению права, именуются нормами непосредственного применения.

Вместе с тем, большинство авторов, как до реформы раздела VI ГК РФ², так и после нее³, толкует понятие «императивные нормы» в русле ст. 422 ГК РФ⁴, не допускающей отклонения условий договора от обязательных в момент его заключения правил, установленных законом и иными правовыми актами. Крайне важно, что именно такое толкование было подтверждено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», п. 31 которого разъясняет: по смыслу п. 5 ст. 1210 ГК РФ «суд применяет любые императивные нормы российского законодательства вне зависимости от их квалификации в качестве норм непосредственного применения в значении ст. 1192 ГК РФ».

¹ Асосков А. В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств... С. 268.

² Волкова Т. А., Дорофеева Ю. А., Колесова О. Н. и др. Указ. соч. С. 129 (автор комментария к ст. 1210 ГК РФ – Е. Б. Леанович). Еще до реформы раздела VI ГК РФ 2013 г. Е. В. Кабатова подчеркивала, что, поскольку в п. 5 ст. 1210 ГК РФ и ст. 1192 ГК РФ «используется один и тот же термин “императивные нормы”, понимание различной природы норм, о которых идет в них речь, очень важно» (Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: В 3 т. Т. 3 / под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Г. Светланова. М.: Юрайт-Издат, 2004. С. 402, автор комментария к ст. 1210 ГК РФ – Е. В. Кабатова).

³ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья: учебно-практический комментарий / под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2016. С. 311 (автор комментария к ст. 1210 ГК РФ – И. В. Никифоров).

⁴ По вопросам разграничения императивных и диспозитивных норм гражданского права в свете принципа свободы договора разъяснения давал Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ (Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5).

Рассматривая такое толкование как единственно верное, ответим на следующий вопрос: чем будет являться выбор применимого права, который не противоречит ординарным императивным нормам страны суда. По нашему мнению, в этом случае выбор не будет являться собственно выбором права, а составит исключительно инкорпорацию – придание нормам иностранного права силы договорных условий в пределах действия диспозитивных норм отечественного законодательства. Мы поддерживаем выдвинутый А. В. Асосковым тезис, согласно которому «использование автономии воли для внутренних договоров ограничено формой инкорпорации»¹, при этом инкорпорация в отличие от коллизионного выбора права «представляет собой проявление общегражданского принципа свободы договора и не подлежит специальному регулированию на уровне международного частного права»².

Следовательно, можно заключить, что сфера действия принципа автономии воли в международном частном праве (в свете п. 5 ст. 1210 ГК РФ) включает все возможные отношения, за исключением тех, в которых все касающиеся их существа обстоятельства связаны только с одной страной. Последние исключаются из сферы действия принципа автономии воли, и, несмотря на буквальное содержание анализируемого пункта, который гласит, что «выбор ... права ... не может затрагивать действие императивных норм», такой выбор не будет являться выбором права и не составит реализацию автономии воли в международном частном праве. По указанной причине мы не согласимся с авторами, которые, опираясь на текст п. 5 ст. 1210 ГК РФ, заявляют о признании в Российской Федерации возможности выбора применимого права для всех, в том числе «внутренних», отношений³.

¹ Асосков А. В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств... С. 14 (положение на защиту № 8).

² Там же (положение на защиту № 5).

³ Волкова Т. А., Дорофеева Ю. А., Колесова О. Н. и др. Указ. соч. С. 129 (автор комментария к ст. 1210 ГК РФ – Е. Б. Леанович); Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: В 3 т. Т. 3 / под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Г. Светланова... С. 402 (автор комментария к ст. 1210 ГК РФ – Е. В. Кабатова). В этой связи примечательна позиция Е. И. Антоновой, которая со ссылкой на зарубежных авторов указывает «отсутствие иностранного элемента» как первое из ограничений принципа автономии воли, а

Более того, мы полагаем, что п. 5 ст. 1210 ГК РФ нацелен исключительно на разграничение сферы действия принципа автономии воли в международном частном праве и принципа свободы договора в национальном гражданском праве. Он не является, как утверждают отдельные авторы, ни «заменителем» института обхода закона¹, ни положением о запрете злоупотребления автономией воли². Если в отношении присутствует иностранный элемент, то сторонам предоставлена возможность избрать применимое право; если такого иностранного элемента нет, то нет и соответствующей возможности. В случае же если стороны, не обладая этой возможностью, закрепили в договоре положение о выборе права, такое положение будет юридически оценено исключительно как договорное условие (а не коллизионный выбор) в рамках национального гражданского права – его императивных и диспозитивных норм³.

впоследствии делает противоречивый вывод: «Стороны могут подчинять иностранному праву и чисто внутренние сделки, но императивные нормы национального права имеют приоритет перед выбранным сторонами правом» (Антонова Е. И. Указ. соч. С. 28-29).

¹ В частности, И. С. Зыкин подчеркивает, что «п. 5 ст. 1210 появился в проекте раздела VI после исключения из него статьи о последствиях обхода закона» (Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. М.: Юристъ, 2002. С. 427-428, автор комментария к ст. 1210 ГК РФ – И. С. Зыкин). В литературе также отмечается, что в ходе обсуждения проекта Закона СССР о международном частном праве и международном гражданском процессе И. С. Зыкин высказывал сомнения касательно положения об обходе закона как ограничивающего принцип автономии воли (Доронина Н. Г., Хлестова И. О. Обсуждение проекта Закона СССР о международном частном праве и международном гражданском процессе // Материалы по иностранному законодательству и международному частному праву. Труды. Вып. 49. М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1991. С. 157).

Более того, А. И. Муранов, рассматривающий теорию *agere in fraudem legis domesticae* как реликт в современном коллизионном праве и выступающий против ее закрепления в ГК РФ, отмечает, что институт обхода закона и принцип автономии воли «несовместимы ... с точки зрения методологии разрешения коллизий законов» (Муранов А. И. Проблема «обхода закона» в материальном и коллизионном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 15-16, 230).

² В частности, Ю. Ф. Беспалов и О. А. Егорова отмечают, что посредством п. 5 ст. 1210 ГК РФ «законодатель ограничивает возможности злоупотребления при выборе применимого права» (Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный научно-практический) / под ред. Ю. Ф. Беспалова. М.: Проспект, 2016. С. 189, авторы комментария к ст. 1210 ГК РФ – Ю. Ф. Беспалов и О. А. Егорова).

³ В этом отношении представляет интерес Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, в котором согласованное сторонами применение Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов было оценено как договорное условие со ссылкой на ст. 1186, 1210 ГК РФ, но без фактического обоснования. Суд подчеркнул, что такие условия «не должны противоречить императивным нормам законодательства Российской Федерации», однако по результатам сравнения положений

Важное значение для применения п. 5 ст. 1210 ГК РФ имеет понимание круга случаев, в которых все касающиеся их существа обстоятельства связаны только с одной страной. В литературе по этому вопросу также имеются различные точки зрения. Отдельные авторы, например, Г. К. Дмитриева, опираясь на первоначальную редакцию анализируемого пункта – «договор реально связан только с одной страной», – сделали вывод о том, что такой договор должен быть «главным образом, преимущественно связан с правом одного государства (курсив наш. – Т.Н.)»¹. А. В. Асосков подвергает критике этот подход как недостаточно определенный, справедливо указывая, что при такой «трактовке пропадают основные преимущества принципа автономии воли: стороны фактически любого договора до момента рассмотрения спора в суде не могут быть уверены в том, что их выбор применимого права будет признан»².

В свою очередь А. В. Асосков предлагает более «промеждународный» подход. Он основывается на сочетании юридического и экономического тестов, где юридический (коллизийный) тест опирается на те элементы договора, которым придают значение коллизийные нормы; а экономический (функциональный) тест оценивает связь договора с областью международного

Конвенции и Устава автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта пришел к выводу об отсутствии между ними противоречий (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 307-ЭС17-11637 по делу № А21-5325/2016).

¹ В качестве иллюстрации заявленного тезиса Г. К. Дмитриева приводит весьма противоречивый пример, в котором «российский предприниматель на территории ОАЭ заключил договор с местной фирмой о выполнении проектных и изыскательских работ, связанных с одним из районов ОАЭ; за выполнение предусмотренных договором работ вознаграждение российскому предпринимателю должно быть начислено на его счет в местном банке». По мнению автора, этот «договор почти целиком связан с правом ОАЭ», и, следовательно, стороны не должны иметь возможность подчинить его, например, английскому праву (Виноградова Р. И., Дмитриева Г. К., Репин В. С. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей / под ред. В. П. Мозолина. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2002. С. 346-347, автор комментария к ст. 1210 ГК РФ – Г. К. Дмитриева при участии В. Н. Анурова). А. В. Асосков цитирует данный пример в обоснование критики избранного Г. К. Дмитриевой подхода, так как в нем признается незначимым тот факт, что одной из сторон договора, связанного с ОАЭ, является российский предприниматель, «очевидно, имеющий место жительства на территории России», а, следовательно, не придается значение даже такой широко признанной «иностранной» характеристике отношения, как место жительства или основное место деятельности стороны договора (Асосков А. В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизийного регулирования договорных обязательств... С. 269).

² Там же. С. 270.

торговли и т.п.¹ Тем не менее, необходимо отметить, что в свете соотношения ст. 1186 ГК РФ и п. 5 ст. 1210 ГК РФ ученый допускает, что договор, имеющий иностранный элемент с позиции ст. 1186 ГК РФ, не будет признан трансграничным с позиции п. 5 ст. 1210 ГК РФ в силу нерелевантности этого элемента или отсутствия связи со сферой международной торговли. При этом автор подчеркивает, что такое «несколько изошренное толкование» является следствием неэффективного подхода ГК РФ, который сочетает и положительное определение «отношения, осложненного иностранным элементом», в ст. 1186 ГК РФ, и отрицательный подход в п. 5 ст. 1210 ГК РФ².

Существенно более «промеждународным» и в этом смысле весьма революционным явился подход Верховного Суда РФ, согласно которому п. 5 ст. 1210 ГК РФ применяется, «если в спорном отношении *полностью* отсутствует имеющий значение для дела иностранный элемент (курсив наш. – Т.Н.)»³. Более того, Верховный Суд РФ указывает, что «при оценке наличия имеющего значение для дела иностранного элемента следует учитывать не только элементы конкретного договора, но и иные касающиеся существа отношений сторон обстоятельства».

Например, для целей п. 5 ст. 1210 ГК РФ иностранно «осложненным» признается договор поручительства, заключенный российскими субъектами, но обеспечивающий исполнение основного обязательства, которое подчинено иностранному праву и по которому должником является иностранное лицо⁴.

¹ Асосков А. В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств... С. 252-259.

² Там же. С. 272-275.

³ П. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». При этом в качестве примера приводится отношение, в котором все три из признаваемых отечественной наукой международного частного права иностранных элементов локализованы в пределах Российской Федерации: субъекты, объект и юридические факты.

⁴ Другим примером, который приводит Верховный Суд РФ, является договор субподряда, заключенный российскими субъектами в отношении объекта на территории Российской Федерации, если договор генерального подряда подчинен иностранному праву и заказчиком по нему выступает иностранное лицо (п. 31 Постановления).

Напротив, «само по себе наличие иностранных инвестиций в уставном капитале российского хозяйственного общества» не образует, как указывает Верховный Суд РФ,

Примечательно, что именно такой вывод, хотя и для целей определения применимого права на основании коллизионных норм, в 1996 г. сделала Морская арбитражная комиссия при Торгово-промышленной палате РФ¹.

Таким образом, необходимо заключить, что в вопросе оценки иностранной «осложненности» отношения, позволяющей его участникам выбрать применимое право, Верховный Суд РФ, во-первых, занимает «промеждународную» позицию, допуская применение п. 5 ст. 1210 ГК РФ, только если иностранный элемент «полностью отсутствует», а во-вторых, устанавливает «экономический» тест, рассматривая экономическую совокупность юридических отношений как единое целое². Более того, занятая Верховным Судом РФ позиция не только является

иностранного элемента для целей п. 5 ст. 1210 ГК РФ. Данное уточнение представляется весьма обоснованным, ибо противное в современных условиях развития иностранного инвестирования привело бы к иностранной «осложненности» всех правоотношений целого ряда сугубо отечественных субъектов (например, юридических лиц, учрежденных и ведущих деятельность на территории Российской Федерации, но имеющих какие-либо доли иностранных инвестиций в уставном капитале).

¹ МАК при ТПП РФ признала, что «непосредственная связь договора поручительства, заключенного между российскими лицами, с основной сделкой между субъектами российского и иностранного права позволяет отнести такой договор поручительства к разряду договоров с иностранным элементом (внешнеэкономических сделок), для определения прав и обязанностей сторон которых должен быть решен вопрос о применимом праве» (Решение МАК при ТПП РФ от 16 мая 1996 г. по делу № 40/1994 // Из практики Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации. 1987-2005 годы / под ред. С. Н. Лебедева, А. И. Лободы, Д. Б. Филимонова. М.: Статут, 2009. С. 348-361).

В практике МАК при ТПП РФ имеется еще один интересный пример, в котором «осуществление рыболовного промысла в исключительной экономической зоне иностранного государства» было признано достаточным для того, чтобы российским лицам, заключившим договор аренды морских судов, была предоставлена возможность «договориться о праве, применимом к их отношениям, отличном от права Российской Федерации» (Решение МАК при ТПП РФ от 10 декабря 1996 г. по делу № 8/1996 // Из практики Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации. 1987-2005 годы / под ред. С. Н. Лебедева, А. И. Лободы, Д. Б. Филимонова. М.: Статут, 2009. С. 361-368).

² Данное разъяснение Верховного Суда РФ имеет большое значение для отечественной судебной практики. Так, имеются примеры, в которых суды констатируют наличие иностранного элемента, позволяющего сторонам соответствующего отношения избрать применимое право. Большая часть этих примеров касается субъектов, имеющих различную национальную принадлежность. См., например: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17 августа 2016 г. № Ф04-6615/2014 по делу № А67-4289/2013; Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 18 января 2012 г. по делу № А40-118227/10-141-989; Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 15 июля 2010 г. № КГ-А40/6190-10 по делу № А40-112599/09-63-827; Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 08 июля 2011 г. по делу № А44-3493/2010. Вместе с тем, имеются примеры, в которых суды отказывают в признании соглашений о выборе иностранного права на основании п. 5 ст. 1210 ГК РФ. См., например:

весьма прогрессивной сама по себе, но и в целом соответствует тенденциям, сложившимся в практике международного коммерческого арбитража (в частности, МАК при ТПП РФ). Наконец, мы полагаем, что при таком подходе снимается противоречие между ст. 1186 ГК РФ и п. 5 ст. 1210 ГК РФ, поскольку первая – положительно – закрепляет открытый перечень иностранных элементов, каждый из которых приобретает коллизионно-правовое значение на основании привязки определенной коллизионной нормы, а вторая для принципа автономии воли, не имеющего привязки как таковой, – отрицательно – подтверждает, что, если иностранный элемент полностью отсутствует, данный принцип не действует.

Важно отметить, что избранный отечественным коллизионным правом «отрицательный» подход к определению сферы действия принципа автономии воли закреплён на уровне актов Европейского Союза¹. Так, п. 3 ст. 3 Регламента Рим I, определяющего право, применимое к договорным обязательствам, гласит: «Когда все другие элементы, имеющие отношение к ситуации на момент выбора, локализованы в стране, иной нежели страна, право которой было избрано, выбор сторон не может противоречить применению положений права такой иной страны, от которых недопустимо отступить в соглашении»². Комментируя данное положение, отметим следующее. Во-первых, как указывает П. Стоун, оно «касается элементов, имеющих отношение к *ситуации*, что составляет более

Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 25 апреля 2006 г. № Ф03-А80/06-1/3 по делу № А80-170/2005.

¹ Примечательно, что в связи со сложностью позитивного определения перечня отношений, осложненных иностранным элементом, «отрицательный» подход получил распространение и среди ученых – для целей характеристики предмета международного частного (коллизионного) права. См., например, в работах по английскому коллизионному праву: John O'Brien, *Op. cit.* at 22; Pippa Rogerson, *Op. cit.* at 1.

² Положение, аналогичное по содержанию, но несколько в другой редакции, было закреплено в п. 3 ст. 3 предшествовавшей Регламенту Рим I Римской конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам, от 19 июня 1980 г.: «Тот факт, что стороны избрали иностранное право, вне зависимости от того, сопровождается ли этот выбор выбором иностранного суда, не должен, если все другие элементы, имеющие отношение к ситуации на момент выбора, связаны только с одной страной, препятствовать применению норм права этой страны, от которых нельзя отступить в договоре, далее именуемых “императивные нормы”». Следует отметить, что п. 15 вводной части Регламента Рим I проясняет, что он не нацелен на изменение существа положения п. 3 ст. 3 Римской конвенции, а также, несмотря на исключение этого уточнения из текста п. 3 ст. 3 Регламента Рим I, подтверждает, что он должен применяться вне зависимости от того, сопровождается ли выбор права выбором суда или арбитража.

широкую концепцию, чем элементы, имеющие отношение к *договору*»¹. Во-вторых, как отмечает С. Симеонидес, оно устанавливает применение «*простых* императивных норм» – тех, «от которых недопустимо отступить в соглашении» (в отличие от норм, применяемых вне зависимости от подлежащего применению права)². В целом же анализируемое положение оценивается в литературе как «очень незначительное ограничение», которое имеет «очень ограниченную сферу действия», поддерживающую общую идею о том, что во всех иных случаях выбор права должен быть действителен³. На основании изложенного следует сделать вывод о том, что п. 5 ст. 1210 ГК РФ в свете разъяснений Верховного Суда РФ о полном отсутствии иностранных элементов и учете иных касающихся существа отношений обстоятельств соответствует современным тенденциям развития принципа автономии воли (в том числе на уровне Европейского Союза)⁴.

¹ Peter Stone, Op. cit. at 300.

² Symeon C. Symeonides, Party Autonomy in Rome I and II from a Comparative Perspective... at 529.

³ Peter Stone, Op. cit. at 300-301. В этой связи заслуживает внимания позиция судьи Кука (Отделение королевской скамьи Высшего суда Англии и Уэльса) касательно аналогичной по содержанию ст. 3 Римской конвенции: «Положение п. 1 ст. 3 предоставляет сторонам свободу выбора права, применимого к заключаемому ими соглашению. П. 3 ст. 3 предусматривает исключение в случае, когда соглашение является полностью внутренним по сути, так что выбор иностранного права нацелен на обход императивных норм страны, которая единственная имеет отношение к сделке. Однако, если имеются другие элементы, помимо выбора права и оговорки о юрисдикции, имеющие отношение к ситуации на момент заключения соглашения, которые связаны с другими странами, соглашение не является внутренним соглашением, затрагивающим только одну страну, следовательно, п. 3 ст. 3 не применяется» (*Caterpillar Financial Services Corporation v. SNC Passion*, Queen's Bench Division (Commercial Court) [19 March 2004] (2004) Lloyd's Law Reports, Vol. 2 at 99-108). Особенно примечательно, что Г. Рюль в результате сравнительного анализа европейского и американского коллизионного права делает вывод, что «суды в Европе и США не требуют многого в доказательство связи с иностранным государством», что «это так, даже если все элементы, кроме одного, связаны только с одним государством» и что, как следствие, «ограничение, касающееся сугубо внутренних дел, не является значительной преградой свободному выбору права на практике» (Giesela Rühl, "Party Autonomy in the Private International Law of Contracts: Transatlantic Convergence and Economic Efficiency" (2007) CLPE Research Paper 4/2007, Vol. 3 (1) at 10-11).

⁴ Следует отметить, что в результате состоявшейся в 2013 г. реформы раздела VI ГК РФ, в положении п. 5 ст. 1210 ГК РФ формулировка «договор реально связан только с одной страной» была заменена на указание более широкого характера «все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной». Таким образом, изменение ГК РФ расширило круг возможных «иностраных» связей отношения для целей автономии воли в русле п. 3 ст. 3 Регламента Рим I, оперирующего термином «ситуация», а не термином «договор».

Важно, что описанный «отрицательный» подход представляет научный интерес не сам по себе, а для выявления тех целей, которые принцип автономии воли преследует. Дело в том, что общеизвестный характер имеет тезис, согласно которому автономия воли в международном частном праве нацелена на преодоление (разрешение) коллизии¹. В свою очередь сфера действия правового института или принципа должна коррелировать его цели. Однако в случае с принципом автономии воли наблюдаются два существенных отклонения.

Во-первых, если коллизия в юридическом смысле слова возникает только в случаях, когда в отношении имеется иностранный элемент, релевантный с точки зрения определенной коллизионной нормы, а принцип автономии воли, с позиции традиционной доктрины, нацелен на ее преодоление, то сфера действия указанного принципа должна ограничиваться только ситуациями, в которых перед судом может встать коллизионный вопрос. Изложенное приведет к тому, что, например, в договорных отношениях – в свете ст. 1211 ГК РФ – иностранным элементом, активизирующим действие принципа автономии воли, будет выступать исключительно место жительства или основное место деятельности сторон договора. Все иные вариации иностранных элементов не потребовали бы от суда разрешения коллизии, а, значит, в них и не требуется принцип автономии воли, если его единственная цель – преодоление коллизии (выбор сторон вместо выбора суда).

Тем не менее, законодательство, судебная и арбитражная практика свидетельствуют об обратном – принцип автономии воли действует во всех случаях за исключением тех, в которых иностранный элемент полностью отсутствует. Более того, он признается даже тогда, когда проявляется не

¹ Так, С. В. Третьяков рассматривает автономию воли как «специфический материально-правовой способ разрешения коллизии, связанной с наличием в отношении иностранного элемента» (*Третьяков С. В.* Указ. соч. С. 9, положение на защиту № 3). Н. В. Тригубович отмечает, что «цель автономии воли» состоит «в разрешении коллизии» (*Тригубович Н. В.* Указ. соч. С. 9, положение на защиту № 1). В то же время Г. Г. Иванов и А. Л. Маковский справедливо обращают внимание на то, что, если на разрешение коллизий направлены коллизионные методы, то «наделение участников правоотношения возможностью избрать применимый ... закон преследует цель предотвратить ... коллизии» (*Иванов Г. Г., Маковский А. Л.* Международное частное морское право. Л.: Судостроение, 1984. С. 26).

собственно в спорном правоотношении, а в ином тесно (и в значительной части – экономически) связанном с ним. Настолько широкая сфера действия принципа автономии воли позволяет заключить, что его цель выходит далеко за рамки преодоления коллизии и упрощения работы суда по выбору применимого права. Полагаем, что в современных условиях ближайшая цель принципа автономии воли состоит в обеспечении максимально предсказуемого и подходящего для сторон правового регулирования, а отдаленная – в стимулировании международного экономического оборота¹ – за счет минимизации правовой неопределенности и снижения юридических рисков. Не случайно еще в 1930-1931 гг. Кассационный суд Франции вынес несколько знаковых решений, в которых провозгласил, что выбор права позволителен, когда на повестке дня стоят вопросы международной торговли².

Во-вторых, если цель принципа автономии воли состоит исключительно в преодолении коллизии, а коллизия складывается исключительно между теми правопорядками, которые имеют с отношением определенную связь, то предоставляемая сторонам возможность выбора должна ограничиваться правом только «связанных» с отношением государств. Примечательно, что, как указывает А. Миллс, сама проблема сферы действия принципа автономии воли не возникнет, если будет установлено требование избирать только такой

¹ Указанная цель согласуется с общими задачами (функциями) международного частного права, в качестве первой из которых М. Н. Кузнецов называет именно способствование устойчивому международному гражданскому обороту (*Кузнецов М. Н. Особенности современного развития международного частного права и его влияние на охрану результатов творческой деятельности... С. 5 (положение на защиту № 3); Кузнецов М. Н. Введение в международное частное право: теоретико-правовое исследование: монография. М.: РУДН, 2014. С. 13; Кузнецов М. Н. Some Reflections on Scope, Functions and Goal of Contemporary Private International Law // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: сб. ст. / под ред. Е. Е. Фроловой, Е. П. Русаковой. М.: РУДН, 2021. С. 166; Кузнецов М. Н., Понька В. Ф. Some Issues on Present Understanding of the Scope, Tasks and Aims of Private International Law // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: сб. ст. / под ред. Е. Е. Фроловой, Е. П. Русаковой. М.: РУДН, 2019. С. 137).*

² Ole Lando, *The 1955 and 1985 Hague Conventions on the Law Applicable to the International Sale of Goods...* at 160-161.

правопорядок, который имеет с отношением какую-либо связь¹. Однако в современных условиях в большинстве государств мира, в том числе в Российской Федерации, признается неограниченная автономия воли, позволяющая сторонам избрать право любого государства, включая то, в котором для отношения имеется наиболее разработанное и подходящее правовое регулирование.

Комментируя плюралистическую модель иностранного элемента, С. В. Третьяков отмечает, что в то время как формула прикрепления коллизионной нормы нацелена на определение «не материально лучшей, а пространственно лучшей» нормы, «тенденции развития международного коммерческого оборота требуют ... корректировки этого механизма с тем, чтобы именно материально-правовые интересы ... определяли сферу применения ... норм в пространстве», и в случае автономии воли такими интересами выступают интересы субъектов международного коммерческого оборота². Более того, касательно неограниченной автономии воли в Регламенте Рим I П. Стоун подчеркивает, что выбор должен признаваться, даже если он был сделан с целью избежать применения императивных норм права той страны, которая наиболее тесно связана с договором и право которой в отсутствие выбора применялось бы в силу коллизионных норм. Далее ученый прямо заявляет: «Логическое обоснование свободы выбора несвязанного права состоит в коммерческой пригодности»³. Следовательно, и с точки зрения свободы выбора любого права принцип автономии воли нацелен скорее на обеспечение максимально качественного и

¹ Ученый отмечает, что такое ограничение сохранилось в праве некоторых штатов США (Alex Mills, *Party Autonomy in Private International Law* (Cambridge: Cambridge University Press, 2018) at 470. Среди отечественных ученых также имеются сторонники локализации принципа автономии воли. Например, В. Л. Толстых считает, что предоставление сторонам договора абсолютной свободы выбора противоречит сущности права и сущности государства. В русле ограничения цели автономии воли преодолением коллизии автор пишет: «Поскольку суд не должен применять право, не близкое по отношению к договору, стороны также не должны этого делать» (Толстых В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование... С. 70). Указанный подход критикуется другими учеными. В частности, О. Ю. Малкин заявляет, что он «не соответствует не только традициям отечественной науки международного частного права, но и современным потребностям развития внешнеторгового оборота (курсив наш. – Т.Н.)» (Малкин О. Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках... С. 109).

² Третьяков С. В. Указ. соч. С. 72-73.

³ Peter Stone, Op. cit. at 301.

подходящего правового поля для международного экономического оборота, нежели на упрощение стоящих перед судом задач.

Таким образом, характеристики принципа автономии воли (сфера действия, охватывающая все отношения за исключением тех, в которых иностранный элемент полностью отсутствует; неограниченная свобода выбора права и др.) позволяют заключить, что его цель выходит далеко за рамки преодоления реально существующей коллизии и упрощения задачи суда по выбору применимого права. Мы полагаем, что существование данного принципа и вектор его развития предопределяются практической необходимостью обеспечения максимально предсказуемого и подходящего сторонам правового регулирования, а в конечном итоге – целью стимулирования международного экономического оборота. В этом ключе п. 5 ст. 1210 ГК РФ, разграничивающий сферу действия принципа автономии воли в международном частном праве и общегражданского принципа свободы договора, в свете последних разъяснений Верховного Суда РФ, всецело соответствует современным тенденциям и потребностям в развитии анализируемого принципа.

Как показывает проведенное исследование, вопрос о сфере реализации норм и принципов коллизионного права является далеко не банальным и не простым.

Осмысление правовых связей, складывающихся в условиях стирания территориальных границ за счет развития средств сообщения и в особенности в связи с цифровизацией, позволяет выдвинуть тезис о том, что концептуально коллизионный (предварительный) вопрос имеет место быть в механизме правового регулирования всякого частноправового отношения. Более того, подавляющее большинство правовых связей в современном мире, в той или иной форме характеризуются иностранной (международной) «осложненностью». Так, простейший в этом отношении пример договора купли-продажи может характеризоваться иностранными местами заключения договора; инкорпорации или основной деятельности продавца или покупателя; производства, отгрузки, транспортировки или доставки товара; и даже принадлежащими иностранному субъекту правами интеллектуальной собственности, залога и иными правами в

отношении товара, иностранной валютой расчетов, иностранным гражданством представителей и единоличных исполнительных органов сторон и многим другим. Тем не менее, если соответствующее отношение не попадет в сферу реализации принципов и норм коллизионного права, постановка коллизионного вопроса и его решение на «предварительном» этапе могут пройти незримо, автоматически, в рамках комплексной мыслительной деятельности судьи или арбитра, зачастую без какого-то отражения в судебном или арбитражном акте и даже без обсуждения.

В этой связи приобретает критическую значимость именно вопрос о сфере реализации норм и принципов коллизионного права, отвечая на который считаем важным указать на различие в методике определения сферы действия для разделяющихся дихотомически принципа наиболее тесной связи (и составляющих его выражение коллизионных норм) и принципа автономии воли (конкретизируемого в системе управомочивающих норм, дающих сторонам определенных отношений возможность избирать применимое право).

Сфера реализации принципа наиболее тесной связи и выражающих его коллизионных норм определяется *положительно* – через попытку поименовать категории отношений, осложняемых теми или иными иностранными элементами. Поэтому принципиально важно разграничить представления о круге потенциально возможных иностранных элементов и об иностранном элементе, имеющем коллизионно-правовое значение в конкретном случае. Если первый, как правило, упоминается в вводных статьях законодательства о международном частном праве и преследует цель в общих чертах описать предмет его воздействия, то второй не-посредственно влечет постановку коллизионного вопроса и в этом смысле может иметь юридическое значение только в силу определенной коллизионной нормы.

Сфера реализации принципа автономии воли, находящего выражение в системе управомочивающих норм, наделяющих возможностью выбора применимого права, напротив определяется *отрицательно* – через отказ в признании указанной возможности исключительно в случаях, когда иностранный

элемент «полностью отсутствует». Изложенное является дополнительным подтверждением заявленного нами тезиса о тенденции прогрессивного развития принципа автономии воли и наглядно демонстрирует его экспансию не только в части типов правоотношений (договорные и внедоговорные обязательства, вещные права), но и в части расширения охвата квалификации данных отношений как «международных».

В целом проведенное в настоящем параграфе исследование сферы реализации норм и принципов коллизионного права и его ключевые результаты выводят нас на фундаментальный вопрос о трансформации категории «правоотношение» – одной из центральных категорий правового бытия – в поле международного частного права. Дискуссия о допустимости именовании иностранным элементом того, что элементом правоотношения не является, стала привычной для международного частного права и, имея отношение только к теоретической плоскости, отмеченная «нестыковка» составляет известное допущение в этой области правоведения.

Вместе с тем, новейшее развитие международного частного права высвечивает практическое расширение оценки правоотношения в целях признания за ним «международного» характера и включения его в сферу реализации норм и принципов коллизионного права (наиболее ярко – для принципа автономии воли и постулируемой им возможности выбирать материальное право) посредством оценки характеристик иных правоотношений (с иными субъектами, иным предметом). В свете интенсификации трансграничных связей частных лиц и устойчивой тенденции экспансии принципа автономии выявленная трансформация оценки и осмысления категории «правоотношения» не изолированно, а в существенно более общем скорее даже экономическом, а не юридическом контексте свидетельствует о коренных сдвигах в новейшем правопонимании и расширении сферы реализации норм и принципов коллизионного права, в частности, и международного частного права, в целом.

Глава 4.

Автономия воли в механизме правового регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом

§ 1. Взаимодействие автономии воли и наиболее тесной связи в коллизионном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом

Одно из ключевых положений настоящей работы составляет предложение рассматривать систему принципов коллизионного права как охватывающую всего два объективно необходимых и в совокупности достаточных принципа, а именно: принцип автономии воли и принцип наиболее тесной связи. Данный тезис в свою очередь ставит задачу раскрыть содержание и определить функции наиболее тесной связи в механизме коллизионного регулирования.

Определяющим фактором, обусловившим предложенное нами дихотомическое деление принципов, выступает субъект, которому доверено либо на которого возложено решение коллизионного вопроса, – выбор права, применимого к гражданскому отношению, осложненному иностранным элементом. В случае активации автономии воли такой «субъект» составляют совместно стороны отношения из перечня тех, для которых допускается выбор применимого права самими сторонами; в случае, если стороны не реализовали предоставленное им право выбора, или такой выбор не допускается, субъектом, на которого возлагается решение коллизионного вопроса, становится правоприменитель. В этом параграфе в свете его задачи и с учетом ограниченности объема в качестве такого правоприменителя мы будем рассматривать, прежде всего, суд, который имеет в своем арсенале разработанное государством коллизионное право. Тем не менее, умозаключения относительно реализации принципа наиболее тесной связи в судебном правоприменении справедливы с учетом известной специфики и для международного коммерческого арбитража, в особенности когда при решении коллизионного

вопроса арбитраж непосредственно опирается на принцип наиболее тесной связи или использует косвенный метод, обращаясь в конечном итоге к коллизионным нормам того или иного государства.

Вопрос о содержании (критериях) принципа наиболее тесной связи является центральным для теоретического осмысления и практического применения этого принципа как основы решения коллизионного вопроса в международном частном праве. Вместе с тем, как и в подавляющем большинстве других юридических вопросов, единство мнений в этом отношении отсутствует. Так, А. В. Асосков выделяет три подхода к раскрытию содержания анализируемого принципа: коллизионный (территориальный), субъективный и материально-правовой¹. Приведенная классификация имеет под собой существенные основания, однако, с нашей точки зрения, требует корректировки.

Мы исходим из того, что принцип наиболее тесной связи в его узком смысле – в том виде, в каком английская судебная практика сформировала объективный тест на основе формулы *Bonython*, – построен исключительно на территориальной локализации отношения (что соответствует территориальному подходу в классификации А. В. Асоскова). Однако в ходе последующего развития, проникая во многие государства мира, при законодательном закреплении или на уровне правоприменительной практики принцип наиболее тесной связи в той или иной мере обогащался достижениями других доктринальных подходов к решению коллизионного вопроса. Степень такого обогащения конечно же зависит от конкретного государства, особенностей его доктрины и практики в области международного частного права. Тем не менее, наблюдаемое повсеместно расширение (дополнение) территориального ядра содержания принципа наиболее тесной связи позволяет нам говорить об исследуемом принципе в широком смысле – том, в котором территориальный подход дополняется различным набором материально-правовых критериев (что с определенной долей условности соответствует материально-правовому подходу в классификации А. В. Асоскова).

¹ Асосков А. В. Основы коллизионного права... С. 301-316.

Как следствие, принцип наиболее тесной связи именно в обозначенном широком смысле становится универсальным средством решения коллизионного вопроса, содержательное наполнение которого в каждом конкретном государстве и в каждый конкретный исторический период определяется установками юридической доктрины и практики. Не случайно Р. М. Ходыкин, обращаясь к различным наименованиям исследуемого принципа («наиболее тесная связь, наиболее существенная связь, наиболее реальная связь, наиболее прочная связь, принцип близости, оседлость правоотношения»), заявляет: «Этими терминами выражается лишь основополагающая идея связи между правом и фактическим составом отношения, которое оно должно урегулировать»¹.

Таким образом, мы предлагаем выделять принцип наиболее тесной связи² в узком (территориальном) и широком (дополненном тем или иным набором материально-правовых критериев) смыслах. Особо отметим, что в предлагаемом

¹ Далее автор столь же справедливо отмечает, что «краткие формулировки, ... такие, как “применение права страны, с которой договор наиболее тесно связан”, со временем обрастают судебной практикой – складываются определенные подходы к применению таких концепций в различных обстоятельствах» (Ходыкин Р. М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве... С. 132).

² В отношении термина «наиболее тесная связь» необходимо указать, что его использование в настоящем исследовании обусловлено двумя факторами. Во-первых, именно этим термином оперирует отечественное законодательство. В частности, п. 2 ст. 1186 ГК РФ говорит о праве страны, с которой отношение «наиболее тесно связано». Во-вторых, что закономерно вытекает из первого, этот термин широко используется в отечественной юридической литературе (достаточно упомянуть две специально посвященные исследуемому вопросу диссертации: Буланов В. В. Категория наиболее тесной связи в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 143 с.; Шулаков А. А. Указ. соч. 206 с.).

При этом Р. М. Ходыкин подчеркивает, что использует «термин “наиболее тесная связь” как собирательный, понимая под ним все проявления общей концепции связи правоотношения с правом одной или нескольких стран, претендующих на регулирование этих отношений» (Ходыкин Р. М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве... С. 133). Соглашаясь с ученым в том, что принцип наиболее тесной связи действительно в общей форме выражает связь права и отношения при постановке коллизионного вопроса, вместе с тем, возразим, что *наиболее* тесная связь может быть только с *одним* правопорядком, но не с несколькими. Примечательно, что изложенное критическое замечание находит подтверждение в словах того же автора далее в той же работе: «Тесная связь может быть и с несколькими правопорядками, а *наиболее* тесная и реальная связь – только с *одним* (курсив наш. – Т.Н.)» (Ходыкин Р. М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве... С. 146).

делении не нашел отражения указанный А. В. Асосковым субъективный подход¹. Это связано с тем, что в своем исторически первом значении – как гипотетическая воля – данный подход был решительно отвергнут юриспруденцией², а в усовершенствованной форме – как отражающий интересы сторон³ – он так или иначе опирается на содержание материально-правовых норм коллидирующих правопорядков⁴ и поэтому рассматривается нами как один из параметров

¹ А. А. Шулаков также отмечает, что выделение А. В. Асосковым субъективного подхода к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи «вряд ли можно назвать логичным и последовательным» (*Шулаков А. А. Указ. соч. С. 57*).

² Начиная с середины XX в., английские суды, для которых гипотетическая воля длительное время составляла незыблемую коллизионную установку, последовательно и все более однозначно отвергали ее в пользу двух изолированных тестов: действительного намерения сторон и объективной наиболее близкой и реальной связи. А. В. Асосков со ссылкой на О. Ландо подтверждает, что «аналогичным образом, и в других европейских странах (включая Францию, Германию, Швейцарию, Бельгию, скандинавские страны) *вплоть до середины XX в.* гипотетическая воля сторон играла важную роль (курсив наш. – Т.Н.)» (*Асосков А. В. Основы коллизионного права... С. 304*).

Критика гипотетической воли характерна как для советской юриспруденции (*Луиц Л. А. Внешнеторговая купля-продажа. Коллизионные вопросы. М.: Юридическая литература, 1972. С. 24*), так и для современной отечественной литературы (*Бардина М. П. Диспозитивные и императивные начала в коллизионном регулировании РФ: учебное пособие. М.: ВАВТ, 2009. С. 43*; *Современное международное частное право в России и Евросоюзе / под ред. М. М. Богуславского, А. Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка... С. 439* (автор главы – М. П. Бардина); *Стригунова Д. П. Проблема установления подразумеваемого выбора права, применимого к международному коммерческому договору // Право и экономика. 2018. № 7. С. 59-63. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»*).

Наконец, непосредственно в отношении субъективного подхода к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи А. В. Асосков признает: «Важно, чтобы использование элементов субъективного подхода ... не превращалось в поиск так называемой гипотетической воли сторон» (*Асосков А. В. Основы коллизионного права... С. 305*).

³ Так, Л. Раапе утверждает: «Привязка к гипотетической воле сторон в действительности является привязкой, произведенной при помощи взвешивания интересов» (*Раапе Л. Международное частное право / пер. с нем. А. М. Гурвича; под ред. и с предисл. Л. А. Луица. М.: Издательский, 1960. С. 443*). Придерживаясь в целом весьма объективного подхода (с опорой на природу сделки, а также характер и число «ее связей с тем или иным правопорядком») и критикуя концепцию гипотетической воли за порожденную ей неустойчивость судебной практики, правовед предлагает «отказаться от слов “гипотетическая воля сторон”» и «говорить о привязке, сообразной с интересами сторон и со значением этих интересов» (Там же. С. 444-445).

⁴ При таком подходе оценка интересов сторон будет скорее не субъективной (поскольку, как минимум, на этапе уже возникшего спора интересы его сторон находятся в очевидном противоборстве), а объективной – понимаемой как обобщенная оценка заслуживающего учета интереса сторон, который, прежде всего, состоит в адекватном материально-правовом режиме отношения. Показательным примером выступает предпочтительность сохранения действительности сделки, которая диктуется общим интересом сторон, зависит от применимых материально-правовых норм и учитывается при выявлении наиболее тесной связи.

материально-правового подхода, способный при определенных условиях обогатить территориальное ядро принципа наиболее тесной связи.

В аспекте взаимодействия автономии воли и наиболее тесной связи в коллизионном регулировании гражданских отношений с иностранным элементом требует прояснения вопрос о значении для установления наиболее тесной связи индикаторов воли сторон, которых оказалось недостаточно для вывода о достижении соглашения по вопросу применимого права.

Ключевое значение для ответа на данный вопрос имеет тот факт, что принцип автономии воли в современном международном частном праве устанавливает весьма либеральный стандарт *действительных* подразумеваемых соглашений – тех, которые, оперируя терминологией ст. 1210 ГК РФ, определенно вытекают «из условий договора либо совокупности обстоятельств дела». Как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, индикаторами таковых признаются и ссылки в тексте договора «на отдельные гражданско-правовые нормы определенной страны», и ссылки на одно и то же применимое право «при обосновании своих требований и возражений» в суде, и наличие оговорки о применимом праве в другом тесно связанном договоре с участием тех же лиц¹. В свете изложенного мы приходим к выводу, что если какие-либо показатели намерения сторон не стали достаточными для установления *действительного* подразумеваемого, вытекающего «из условий договора либо совокупности обстоятельств дела» соглашения, то степень их выраженности насколько незначительна, что фактически сводится к нулю.

Идентичную позицию по этому вопросу заняла английская юриспруденция, категорически разграничившая тесты (и, соответственно, указатели) действительного соглашения сторон, с одной стороны, и наиболее близкой и реальной связи, с другой². Аналогичным образом подошла к решению

¹ П. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

² Такое разграничение вытекает из формулы лорда Саймондса в решении Тайного совета по делу *Bonython and Others v. Commonwealth of Australia* и толкования лорда Диплока в решении Палаты лордов по делу *Amin Rasheed Shipping Corporation v. Kuwait Insurance Co.* На доктринальном уровне принципиальный характер такого разграничения подчеркивается,

коллизийного вопроса Римская конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам, ст. 3 которой, как подчеркивается в отчете М. Джулиано и П. Лагарда, не позволяет суду в отсутствие явного намерения сторон определять выбор, который они могли бы сделать, поскольку в таком случае нужно использовать коллизийные нормы ст. 4¹.

Таким образом, несмотря на наличие в литературе отдельных комментариев о ценности намерений сторон, даже если они не достигли уровня действительного соглашения о применимом праве², мы считаем, что подобные предельно малозначимые показатели нецелесообразно добавлять к и так значительному пулу показателей в поле оценки суда. В особенности они становятся излишними, если учитывать, что в классическом прочтении принцип наиболее тесной связи базируется на территориальной локализации, а все иные факторы (в том числе весьма значимые материально-правовые соображения) дополняют перечень оцениваемых параметров³. В таких условиях попытка внести в этот перечень все

например, в следующих работах: Anthony J. E. Jaffey, *Op. cit.* at 531; Peter Kincaid, *Op. cit.* at 95, 115.

¹ Report... by Mario Giuliano & Paul Lagarde. По данному вопросу А. В. Асосков цитирует ценный вывод В. Крейтенберга, согласно которому «принятие во внимание факторов субъективного характера, имеющих отношение к установлению намерений сторон договора, вообще противоречило бы системе Римской конвенции, которая основана на четком разделении прямо выраженных и подразумеваемых соглашений сторон о выборе применимого права, с одной стороны, и объективного определения применимого права с помощью коллизийных норм, с другой стороны» (*Асосков А. В. Основы коллизийного права... С. 305-306*). В настоящий момент Римская конвенция заменена Регламентом Рим I.

² О. Ландо указывает, что субъективный метод получает применение в пограничной зоне между действительным подразумеваемым соглашением и полным отсутствием всякого намерения (Ole Lando, "The Conflict of Laws of Contracts. General Principles (General Course on Private International Law – 1985)" in *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, Vol. 189, 1984-VI (Dordrecht; Boston; London: Martinus Nijhoff Publishers, 1988) at 374). Вместе с тем, правовед также отмечает, что в соответствии с традиционной терминологией субъективной называется любая оценка намерений и интересов, принадлежащих сторонам в конкретном судебном деле (*Ibid* at 373). Не признавая значимость намерений (не достигших уровня действительного соглашения), мы однако не возражаем против учета общего интереса сторон, базирующегося, в первую очередь, на адекватности материально-правового режима отношения. Примечательно, что в качестве показателя намерения сторон О. Ландо называет применение права, объявляющего договор действительным (*Ibid* at 374), которое мы предлагаем рассматривать как показатель общего интереса сторон, обусловленного, в первую очередь, содержанием применимых материально-правовых норм.

³ Именно в таком ключе принцип наиболее тесной связи получил разъяснение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

возможные, даже самые слабо выраженные индикаторы центра тяжести правоотношения только дезориентирует суд, нанеся однозначный ущерб предсказуемости при решении коллизионного вопроса¹.

В завершение анализа содержания принципа наиболее тесной связи считаем важным указать, что содержание этого принципа в международном частном праве Российской Федерации в русле общемировых тенденций развития подходов к решению коллизионного вопроса является комплексным. Ключевые разъяснения по указанному вопросу даны на уровне Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», в соответствии с которым «при определении наиболее тесной связи суд», во-первых, устанавливает «преобладающую территориальную связь»; во-вторых, «также может принимать во внимание, применение права какой страны позволит наилучшим образом реализовать общепризнанные принципы гражданского права и построения отдельных его институтов»². При этом для иллюстрации последнего приводится открытый перечень наиболее значимых материально-правовых факторов, в числе которых и предпочтительность сохранения действительности сделки, и защита слабой стороны, и т.п.

Вопрос о функциях принципа наиболее тесной связи с учетом его центрального значения для решения коллизионного вопроса позволяет раскрыть как таковой механизм коллизионного регулирования в международном частном праве – в отсутствие выбора применимого права сторонами гражданско-правового отношения, осложненного иностранным элементом.

В юридической науке прочно устоялось представление о том, что цель коллизионной нормы состоит в отыскании правопорядка, наиболее тесно связанного с отношением. Так, Дж. Чешир пишет: «Международное частное право ... начинает действовать, когда ... вопрос касается факта, события или сделки, находящихся в столь тесной связи с иностранной системой права, что

¹ В сложнейшем вопросе соотношения гибкости и предсказуемости коллизионного регулирования мы призываем поддерживать разумный баланс.

² П. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

возникает необходимость обратиться к этой системе»¹. В рамках вопроса о праве, подлежащем применению к вещным правам, М. Вольф также утверждает: «Бесспорно, что при решении любой проблемы международного частного права мы должны отыскивать право той страны, с которой рассматриваемый вопрос имеет наиболее реальную связь»².

Такие же идеи высказывают и отечественные правоведы уже в дореволюционный период. В частности, Бар. Б. Э. Нольде, отмечая, что «всякая коллизионная норма является ответом на вопрос о том, какой из разноместных гражданских материальных законов применяется к данной категории правоотношений», заявляет: «Ответ этот дается признанием обязательной силы за тем из этих законов, с которым данная категория правоотношений одним из своих ... элементов, по мнению данной коллизионной системы, всего теснее связана»³. В том же духе М. И. Брун заключает: «Для начертания ... конфликтной нормы необходима ... оценка, – к какому из двух законодательств правоотношение тянется сильнее»⁴.

Восприятие принципа наиболее тесной связи как стержневой идеи всего механизма коллизионного регулирования присуще и отечественным правоведам современного периода. Так, А. Л. Маковский заявляет: «В правовой системе каждого государства все коллизионные нормы или по крайней мере их подавляющее большинство должны быть основаны на принципе наиболее тесной связи ... отношения, осложненного иностранным элементом, с той страной, право которой коллизионная норма делает подлежащим применению»⁵. Основываясь на

¹ Geoffrey C. Cheshire, *Private International Law*, 5th ed... at 5. Этот тезис сохранился и в следующих изданиях труда Дж. Чешира (*Чешир Дж., Норт П.* Указ. соч. С. 19-20; James Fawcett & Janeen M. Carruthers, *Cheshire, North & Fawcett Private International Law*, 14th ed... at 5).

² Martin Wolff, *Op. cit.* at 517; *Вольф М.* Указ. соч. С. 551.

³ *Нольде Б. Э.* Указ. соч. С. 336.

⁴ *Брун М. И.* Публичный порядок в международном частном праве. Петроград: Сенатская тип., 1916. С. 56.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI / под ред. П. В. Крашенинникова... С. 25 (автор комментария к ст. 1186 ГК РФ – А. Л. Маковский). Данный тезис А. Л. Маковский сопровождает оговоркой о том, что «серьезные различия в политическом строе государств, в их социально-экономических системах, расхождение и даже противостояние их интересов

той же идее, Е. А. Крутий заключает: «Принцип наиболее тесной связи предопределяет содержание любой существующей коллизионной нормы»¹.

Мы также считаем, что принцип наиболее тесной связи, основанный на выявлении самой значимой территориальной связи и в необходимых случаях учете весомых материально-правовых факторов, лежит в основе всех конструируемых законодателем коллизионных норм. При этом именно многокомпонентность анализируемого принципа обуславливает то, что развитие и обновление нормообразующих факторов в сфере коллизионного права влечет их интеграцию в значимые параметры наиболее тесной связи, сохраняя ее универсальное значение для решения коллизионного вопроса. Более того, мы убеждены, что успешная реализация принципа наиболее тесной связи обеспечивается не только законодательным закреплением коллизионных норм, преследующих цель отыскания наиболее тесно связанного с отношением правопорядка, но и системой «гибких» инструментов, позволяющих проводить в жизнь общую идею механизма коллизионного регулирования на правоприменительном уровне – использованием принципа наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки и корректирующей оговорки для договорных отношений международного характера.

В международном частном праве Российской Федерации на правоприменительном уровне принцип наиболее тесной связи используется, прежде всего, в качестве общей резервной коллизионной привязки на основании п. 2 ст. 1186 ГК РФ и специальной коллизионной привязки: резервного характера – при невозможности определения правовой системы внутри страны с множественностью таких систем (ст. 1188 ГК РФ) и основного – для смешанного

существенно искажают эту идеальную картину». Однако даже в таких условиях правовед заключает, что «принцип наиболее тесной связи остается основой, определяющей смысл коллизионного права (в том числе российского)» (Там же).

¹ Развивая данный тезис, автор делает вывод: «Законодатель ... , создавая коллизионную норму (выбирая тот или иной тип привязки), сам устанавливает в ней критерий “тесной связи”, стремясь “привязать” правоотношение к определенному правопорядку» (Крутий Е. А. Указ. соч. С. 146-147).

договора (п. 10 ст. 1211 ГК РФ) и договора в отношении недвижимого имущества (п. 1 ст. 1213 ГК РФ).

В качестве общей резервной коллизионной привязки принцип наиболее тесной связи установлен п. 2 ст. 1186 ГК РФ, который в совокупности с п. 1 указанной статьи гласит, что если на основании международных договоров РФ, ГК РФ, других законов и обычаев, признаваемых в Российской Федерации, невозможно определить применимое право, «применяется право страны, с которой гражданско-правовое отношение, осложненное иностранным элементом, наиболее тесно связано»¹.

Востребованность изложенного правила подтверждается тем, что, несмотря на усилия законодателя по совершенствованию коллизионного права (например, состоявшееся в 2013 г. дополнение раздела VI ГК РФ целым рядом новых коллизионных норм, в том числе ст. 1216.1, 1217.1, 1217.2, 1220.1), и на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, и, в особенности, на уровне юридической доктрины получают признание многие случаи, в которых решение коллизионного вопроса возможно только на основании принципа наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки. В частности, п. 41 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» в качестве примера гражданско-правового договора, для которого «в ст.ст. 1211-1214 ГК РФ отсутствуют коллизионные нормы» и для которого, «если стороны не заключили соглашение о выборе применимого права», такое право следует определять на

¹ В специальной литературе подчеркивается, что это положение составило значимую новеллу отечественного законодательства о международном частном праве (*Ерпылева Н. Ю.* Понятие, предмет и система международного частного права // Адвокат. 2004. № 6-9. Режим доступа: СПС «Гарант»; *Ерпылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В.* Проблемы кодификации российского законодательства по международному частному праву // Адвокат. 2008. № 1. Режим доступа: СПС «Гарант»; *Кудашкин В. В.* Принцип тесной связи в международном частном праве. Специально для СПС «КонсультантПлюс», 2004; *Кудашкин В. В.* Принцип тесной связи в международном частном праве: теория и практика // Законодательство и экономика. 2004. № 9. Режим доступа: СПС «Гарант»).

основании принципа наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки по смыслу п. 2 ст. 1186 ГК РФ, называет договор мены¹.

Широкую известность в юридической литературе приобрел вывод В. А. Канашевского о том, что «в силу отсутствия в российском праве коллизионных норм о трастах при определении применимого к трасту права должно использоваться общее правило п. 2 ст. 1186 ГК РФ»². Кроме того, ученые предлагают обращаться к принципу наиболее тесной связи в качестве резервной коллизионной привязки в случае необходимости определения права, применимого «к отношениям банков-корреспондентов по аккредитиву»³, к различным частноправовым отношениям «с участием иностранных адвокатов»⁴, для «защиты личных неимущественных прав другими, кроме требований из

¹ П. 41 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». Еще до принятия указанного Постановления А. В. Асосков называл «договор мены или иной договор бартерного типа, который предполагает обмен неденежными предоставлениями», в качестве примера договора, для которого «не остается ничего иного, кроме как обратиться к правилу п. 2 ст. 1186 ГК РФ» (Асосков А. В. Право, применимое к договорному обязательству: комментарий к ст. 1211 ГК РФ // Закон. 2016. № 4. С. 104-118. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»).

² Канашевский В. А. Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частноправовые аспекты) // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 27-38. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»; Канашевский В. А. О праве, применимом к офшорным трастам, и об их признании // Закон. 2013. № 4. С. 63-67. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». На потенциальную возможность применения п. 2 ст. 1186 ГК РФ для решения коллизионного вопроса в отношении траста обращает внимание М. В. Мажорина (Мажорина М. В. Трансграничные договорные обязательства: проблема правовой квалификации... С. 152; Мажорина М. В. Трасты: проблемы правовой квалификации // Законодательство. 2016. № 8. Режим доступа: СПС «Гарант»; Унификация и гармонизация в международном частном праве: Вопросы теории и практики / под ред. Г. К. Дмитриевой, М. В. Мажориной. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. С. 36-37, автор главы 4 – М. В. Мажорина). В связи с отсутствием в отечественном международном частном праве «специфической коллизионной привязки для отношений траста» И. Г. Медведев также считает в этом случае «наиболее очевидным и теоретически самым адекватным вариантом ... обращение к закону наиболее тесной связи» (Медведев И. Г. Супружеская собственность: испытание трастом (вопросы коллизионного регулирования) // Закон. 2016. № 8. С. 35-47. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»).

³ Шония А. О. Коллизионно-правовое регулирование трансграничных корреспондентских отношений коммерческих банков // Банковское право. 2014. № 2. С. 54-60. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Муранов А. И. Российское валютное право: регулирование статуса и деятельности адвокатов. М.: Статут, 2006. С. 443-444.

деликтов, способами»¹, а также в тех «случаях, когда по какой-либо причине ... обращение к правилам ... ст. 1224 [ГК РФ] не позволяет определить право, подлежащее применению к отношениям по совместному завещанию или наследственному договору»². В свете активной цифровизации современного общества и постановки в этой связи новых задач перед правом (в том числе, международным частным правом) значимым является вывод М. В. Мажориной о существенном прогностическом потенциале п. 2 ст. 1186 ГК РФ для коллизионного регулирования отношений в киберпространстве³.

Ключевое значение для осмысления механизма коллизионного регулирования, в целом, и принципа наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки, в частности, имеет вопрос о существовании в коллизионном праве аналогии закона и аналогии права. Суть проблемы состоит в том, что аналогия закона или права для материально-правового регулирования гражданских отношений составляет прочно установившийся инструмент преодоления пробелов нормативного массива, в то время как в международном частном праве, как следует из п. 2 ст. 1186 ГК РФ, единственным таким

¹ Внедоговорные обязательства в международном частном праве / под ред. И. О. Хлестовой... (авторы § 5 главы 1 – В. Н. Борисов, Н. И. Марышева, И. О. Хлестова); Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / под ред. Н. И. Марышевой, К. Б. Ярошенко... 2014 (автор комментария к ст. 1219 ГК РФ – Н. И. Марышева).

² *Маковский А. Л.* О праве, применимом к совместным завещаниям и к наследственному договору // Кодификация российского частного права 2019 / под ред. Д. А. Медведева. М.: Статут, 2019. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³ *Мажорина М. В.* Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // *Lex russica*. 2019. № 2. С. 118. В этой связи следует подчеркнуть, что сама по себе цифровизация не выводит соответствующие общественные отношения из действия правового поля и потому не снимает вопроса выбора надлежащего правового регулятора. Как отмечают С. А. Сеницын и М. О. Дьяконова в отношении смарт-контрактов, даже в условиях всемерной цифровизации должна быть исключена возможность появления «параллельной нерегулируемой правом реальности, в которой не действуют общие гарантии осуществления гражданских прав и обеспечения справедливого и доступного правосудия» (*Сеницын С. А., Дьяконова М. О.* Смарт-контракты: результат развития технологий или новый институт гражданского права и процесса? // Законодательство. 2020. № 9. Режим доступа: СПС «Гарант»). О необходимости развития цифрового законодательства, включающего четкие правовые гарантии, установленные как на международном, так и на национальном уровнях для защиты цифровых прав, см.: *Русакова Е. П., Фролова Е. Е.* Digital disputes in the new legal reality // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. Т. 26. № 3. С. 703.

инструментом выступает принцип наиболее тесной связи. Проблема осложняется тем, что отдельные специалисты в сфере международного частного права исходят из применимости в его рамках как аналогии закона, так и аналогии права.

В частности, для определения права, применимого к действиям в чужом интересе без поручения, «учитывая наличие пробела в коллизионном праве России», М. В. Кривенкова предлагает задействовать «такой источник права, как аналогия закона» и на этой основе использовать «коллизионно-правовые нормы, регулирующие односторонние сделки». При этом автор подтверждает, что «данный источник не указан в ст. 1186 ГК РФ», но обосновывает предлагаемое решение тем, что «он прямо закреплен в ст. 6 ГК РФ»¹. С такой же мотивировкой А. Н. Гуев прямо заявляет: «В п. 2 ст. 1186, по существу, речь идет об использовании аналогии права (ст. 6 ГК)»².

Подчеркнем, что мы категорически не согласны с нормативным обоснованием обоих изложенных тезисов (как в отношении аналогии закона, так и в отношении аналогии права). Ст. 6 ГК РФ, устанавливающая применение гражданского законодательства по аналогии, составляет часть материального гражданского права Российской Федерации – того права, которое может быть применено к соответствующему отношению только *после* решения коллизионного вопроса в его пользу и которое *до* этого момента не имеет для него никакой юридической силы. Безусловно, определенные материально-правовые факторы могут быть учтены судом при решении коллизионного вопроса (в том числе «запрет злоупотребления правом, защита слабой стороны, предпочтительность сохранения действительности сделки»), однако такой учет происходит *в рамках* механизма действия принципа наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки, лишь дополняя выявление «преобладающей

¹ Кривенкова М. В. Действие в чужом интересе без поручения международного характера: коллизионно-правовое регулирование // Международное публичное и частное право. 2015. № 6. С. 20. См. также: Кривенкова М. В. Коллизионно-правовое регулирование действия в чужом интересе без поручения международного характера по российскому законодательству // Казанская наука. 2014. № 11. С. 171-173.

² Гуев А. Н. Постатейный комментарий к части третьей Гражданского кодекса РФ. Специально для СПС «Гарант», 2009 (комментарий к ст. 1186 ГК РФ).

территориальной связи»¹. Таким образом, не может иметь место прямое действие ст. 6 ГК РФ, равно как и любого иного положения материального гражданского права любого иного государства, непосредственно определяющего *порядок* разрешения коллизионного вопроса, который не предусмотрен разделом VI ГК РФ.

Что же касается содержательной обоснованности потенциального применения аналогии закона для решения коллизионного вопроса, то, по нашему мнению, ее возможный позитивный эффект минимизируется тем, что коллизионные нормы по общему правилу охватывают целые группы отношений (ст. 1205 ГК РФ – вещные права, ст. 1211 ГК РФ – договорные обязательства, ст. 1219 ГК РФ – деликтные т.д.). Следовательно, если конкретное отношение не входит в определенную группу, можно предположить, что оно обладает существенной спецификой, которая в большинстве случаев не позволит попросту выбрать для него коллизионную норму, регулирующую «сходные отношения»². Примечательно, что Н. В. Власова отклоняет предложение М. В. Кривенковой применять к действиям в чужом интересе «коллизионно-правовые нормы, регулирующие односторонние сделки»³, на основании, в первую очередь, специфики порождаемых ими правоотношений, которые принадлежат «к группе квазидоговорных обязательств и не являются односторонними сделками»⁴.

¹ П. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

² П. 1 ст. 6 ГК РФ гласит, что «в случаях, когда ... отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай, к таким отношениям, *если это не противоречит их существу*, применяется гражданское законодательство, регулирующее сходные отношения (аналогия закона) (курсив наш. – Т.Н.)». Принимая во внимание специфику сферы действия коллизионных норм, полагаем, что простой подбор для отношения, не входящего в урегулированные большие группы, коллизионной нормы из числа имеющихся будет в большинстве случаев противоречить его существу.

³ Кривенкова М. В. Действие в чужом интересе без поручения международного характера: коллизионно-правовое регулирование... С. 20; Кривенкова М. В. Коллизионно-правовое регулирование действия в чужом интересе без поручения международного характера по российскому законодательству... С. 171-173.

⁴ Как следствие, автор делает вывод, что «при определении права, подлежащего применению к иным аспектам [например, к фактическим действиям по спасанию чужого имущества] обязательств, возникающих из ведения чужих дел без поручения ... , следует руководствоваться ... п. 2 ст. 1186, обращаясь к закону наиболее тесной связи» (Внедоговорные

Что же касается использования аналогии права для решения коллизионного вопроса, то в этой части необходимо обратиться к тому, как она реализуется в материальном гражданском праве. Так, п. 2 ст. 6 ГК РФ провозглашает: «При невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости». Как справедливо разъяснил Конституционный Суд РФ, «невозможность применения норм права по аналогии при наличии неурегулированных отношений привела бы к невозможности защиты прав граждан и, в конечном итоге, к ограничению их конституционных прав»¹.

обязательства в международном частном праве / под ред. И. О. Хлестовой..., автор § 4 главы 5 – Н. В. Власова).

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2006 г. № 76-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Миронова Юрия Николаевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». Изложенное разъяснение было произведено Конституционным Судом РФ в отношении аналогии закона, предусмотренной п. 4 ст. 1 ГПК РФ. Но оно будет столь же справедливым и для аналогии права (в случае невозможности использования аналогии закона) при материально-правовом регулировании. Данная позиция получила развитие и в последующих актах Конституционного Суда РФ, как-то: в отношении аналогии закона, предусмотренной п. 1 ст. 7 ЖК РФ (Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 14. Режим доступа: СПС «Гарант»; Определение Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 815-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Митрофановой Натальи Анатольевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации, частью 1 статьи 7 и частью 4 статьи 31 Жилищного кодекса Российской Федерации» // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. 2008. № 2) и, что особенно важно, в отношении «применения аналогии закона, аналогии права и требований добросовестности, разумности и справедливости» на основании ст. 6 ГК РФ (Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2014 г. № 2718-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Егорова Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 2, статьями 6, 10 и 14 Гражданского кодекса Российской Федерации»). Более того, правовая позиция Конституционного Суда РФ, сформулированная в трех изложенных определениях, получила отражение и в актах арбитражных судов по конкретным делам – в рамках оценки аналогии закона и аналогии права, предусмотренных п. 6 ст. 13 АПК РФ (Постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 ноября 2018 г. № 13АП-25254/18 и от 13 мая 2019 г. № 13АП-5648/19).

В свете изложенного Пленум Верховного Суда РФ обоснованно разъясняет: «Решение является законным в том случае, когда оно ... основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права» – п. 2 Постановления (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Бюллетень ВС РФ. 2004. № 2).

Ключевое значение имеет то, что аналогия права построена на применении «общих начал и смысла гражданского законодательства», под которыми, прежде всего, понимаются весьма многочисленные «основные начала гражданского законодательства», закрепленные в ст. 1 ГК РФ¹, среди которых равенство участников отношений, регулируемых гражданским законодательством; неприкосновенность собственности; свобода договора; недопустимость произвольного вмешательства в частные дела; необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты» и др. Представляется, что многообразие начал, на которых основывается гражданское законодательство, определяется в некоторой степени многообразием регулируемых им отношений (ст. 2 ГК РФ).

Напротив, механизм коллизионного регулирования хотя и обеспечивает выбор материального права для самых различных отношений, в действительности имеет весьма узкую целевую направленность – произвести локализацию правоотношения за счет привязок имеющихся коллизионных норм или в их отсутствие (а также в установленных пределах – при неадекватности полученного на их основе результата) за счет выявления преобладающей территориальной связи, дополненного учетом материально-правовых факторов. Не отрицая ни в коей мере значимости и во многих случаях чрезвычайной сложности механизма коллизионного регулирования, подчеркнем, что при воздействии на различные отношения (вещные, договорные, деликтные) он строится в целом на одном и том же принципе: в отсутствие выбора права сторонами (в той мере, в какой допускается такой выбор) на принципе наиболее тесной связи, который получает выражение в коллизионных нормах или же реализуется непосредственно (при

¹ Это понимание получает широкое признание в специальной литературе (Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. С. 52 (автор комментария к ст. 6 ГК РФ – А. В. Коновалов); Гражданское право: учебник / под ред. А. П. Сергеева. В 3 т. Т. 1. М.: Проспект, 2018. Режим доступа: СПС «Гарант» (автор § 2 главы 2 – И. В. Иванов); *Гришаев С. П., Богачева Т. В., Свит Ю. П.* Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный). Специально для СПС «Гарант», 2019 (автор комментариев к ст. 1, 6 ГК РФ – С. П. Гришаев).

пробельности норм или – в установленных случаях – при неадекватности получаемого на их основе результата).

Таким образом, необходимо заключить, что применение принципа наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки действительно можно рассматривать как «аналог аналогии права». При этом причину монополизации анализируемым принципом роли регулятора на случай пробельности существующего коллизионного права мы усматриваем в том, что в ходе своего становления в дополнение к территориальному ядру он аккумулировал также целый ряд материально-правовых соображений, нацеленных на защиту как общего интереса сторон правоотношения (например, предпочтительность сохранения действительности сделки), так и разных публичных интересов (например, защиту слабой стороны). Вероятно, что если бы принцип наиболее тесной связи остался ограничен исключительно поиском географической локализации правоотношения, эволюция международного частного права, все больше уделяющего внимание материально-правовому результату коллизионного выбора, привела бы к появлению новых самостоятельных принципов и восполнение пробелов в коллизионных нормах требовало бы обращения к совокупности этих принципов. Однако принцип наиболее тесной связи в современном широком смысле подразумевает не только выявление преобладающей территориальной связи, но и учет самых различных материально-правовых соображений, что позволяет ему, в отсутствие выбора права сторонами, оставаться базовым принципом механизма коллизионного регулирования и, как следствие, единственным инструментом восполнения его пробелов.

Применение принципа наиболее тесной связи в качестве инструмента, который позволяет корректировать действие жестких коллизионных норм, составляет предмет повышенного внимания правоведов¹. Действительно, если

¹ Так, В. П. Звеков указывает, что «гибкая» коллизионная норма в качестве общего правила способна корректировать применение коллизионных начал (Звеков В. П. Гражданский кодекс Российской Федерации и некоторые проблемы коллизионного права // Проблемы международного частного права / под ред. Н. И. Марышевой. М.: Юридическая фирма

концептуально в основу каждой коллизионной нормы заложена идея отыскания правопорядка, наиболее тесно связанного с отношением, но в каком-то деле коллизионная норма указывает объективно не на наиболее тесно связанное с отношением право, может ли правоприменитель скорректировать результат действия нормы, т.е. фактически отказаться от нее и самостоятельно выбрать то право, которое ему представляется отвечающим принципу наиболее тесной связи.

Именно такое правило закреплено в п. 1 ст. 15 Федерального закона Швейцарии о международном частном праве, который устанавливает: «В виде исключения право, на применение которого указывает настоящий Закон, не применяется, если с учетом всех обстоятельств дела очевидно, что дело имеет с этим правом лишь незначительную связь и в то же время имеет гораздо более тесную связь с правом какого-либо другого государства». По сути, аналогичное положение содержится в § 1 ст. 19 Кодекса международного частного права Бельгии¹, а также в ст. 3082 Гражданского кодекса Квебека².

КОНТРАКТ, 2000. С. 63). О корректирующей функции принципа наиболее тесной связи пишет, в частности, В. В. Буланов (Буланов В. В. Категория наиболее тесной связи в международном частном праве... С. 44; Буланов В. В. Наиболее тесная связь как общий принцип международного частного права // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 2. С. 268-269).

¹ Особенность данного положения составляет предписание принимать в расчет: потребность в предсказуемости применимого права (*besoin de prévisibilité du droit applicable* – фр.) и то обстоятельство, что отношение должно определяться, по общему правилу, по нормам международного частного права государств, с которыми это отношение демонстрирует связи на момент своего возникновения (Loi portant le Code de droit international privé [le royaume de Belgique] 16 Juillet 2004 // Justice. 27 Juillet 2004. Numéro 2004009511. Page 57344; перевод этого нормативно-правового акта на русский язык: Закон Бельгии от 16 июля 2004 г. о кодексе международного частного права – Проектная группа ВШЭ «Современная конструкция международного частного права». URL: <https://pravo.hse.ru/data/2024/04/01/2145327474/%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%20%D0%91%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%B8%D0%B8%20%D1%80%D0%B5%D0%B4.2022.pdf>, дата обращения: 01 августа 2025 г.).

² Civil Code of Québec (updated to 01 November 2016) // Éditeur officiel du Québec. CCQ-1991. 502. Перевод соответствующей части этого нормативно-правового акта на русский язык: Гражданский кодекс Квебека. Книга десятая: Международное частное право (обновлено 01 ноября 2016 г.) – Проектная группа ВШЭ «Современная конструкция международного частного права». URL: <https://pravo.hse.ru/data/2019/01/20/1148790060/%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%20%D0%9A%D0%B2%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%B0%20%D1%80%D0%B5%D0%B4.%202016%20.pdf>, дата обращения: 01 августа 2025 г.).

В международном частном праве Российской Федерации подобное положение общего характера отсутствует, однако, как справедливо отмечает А. В. Асосков, «даже в странах, сознательно или в силу исторической инерции не имеющих общей корректирующей оговорки, она, как правило, применяется для отдельных коллизионных институтов»¹, в числе которых следует, в первую очередь, назвать коллизионный режим договорных обязательств.

Так, п. 9 ст. 1211 ГК РФ гласит, что «если из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела явно вытекает, что договор более тесно связан с правом иной страны, чем та», к которой отсылают жесткие коллизионные привязки п.п. 1-8 той же статьи, «подлежит применению право страны, с которой договор более тесно связан». Получив законодательное закрепление в 2013 г., указанное положение приобрело широкую известность в специальной литературе в качестве «так называемой корректирующей оговорки (escape clause)»².

Вместе с тем, важно учитывать, что правило о применении к договору вместо права той страны, на которую указывает привязка коллизионной нормы, права той, с которой он более тесно связан, не является новым для отечественного международного частного права. В итоге реформы норм раздела VI ГК РФ оно лишь трансформировалось из ряда отдельных оговорок п.п. 2-4 ст. 1211 ГК РФ, допускающих, что иное – в сравнении с закрепленным коллизионным решением – может вытекать «из закона, условий или существа договора либо совокупности

¹ Так, «в группу западноевропейских стран, не имеющих в своем коллизионном законодательстве общей корректирующей оговорки», автор включает Германию, Италию и Францию (Асосков А. В. Основы коллизионного права... С. 294-295; Асосков А. В. Принцип наиболее тесной связи в современном международном частном праве // Законодательство. 2010. № 11. Режим доступа: СПС «Гарант»).

² Асосков А. В. Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ о применении норм международного частного права: ключевые разъяснения // Судья. 2019. № 11. С. 12-19. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»; Асосков А. В. Право, применимое к договорному обязательству: комментарий к ст. 1211 ГК РФ... Исключающей оговоркой (escape clause) анализируемое правило именуют С. П. Гришаев (Гришаев С. П. Указ. соч. Комментарий к ст. 1211 ГК РФ) и Д. П. Стригунова (Стригунова Д. П. Основные направления коллизионного регулирования международных коммерческих договоров // Современное право. 2017. № 3. С. 126-132. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»; Стригунова Д. П. Правовое регулирование международных коммерческих договоров... § 4 главы 4).

обстоятельств дела», в единое правило общего действия по отношению ко всем коллизионным привязкам п.п. 1-8 ст. 1211 ГК РФ¹.

Указанная трансформация была обусловлена изменением подхода к коллизионному регулированию договорных отношений на уровне Европейского Союза², состоявшимся в результате замены Римской конвенции, устанавливавшей в качестве коллизионной привязки принцип наиболее тесной связи, определяемый в порядке опровержимых презумпций (в первую очередь, через концепцию характерного исполнения), Регламентом Рим I, установившим ряд жестких коллизионных привязок, дополненных корректирующей оговоркой на случай, когда «из всех обстоятельств дела вытекает, что контракт явно более тесно связан с иной страной».

В русле международных тенденций коллизионного регулирования договорных отношений, в Концепции развития гражданского законодательства РФ была сформулирована установка «в целях обеспечения определенности правового регулирования и предсказуемости его результата» уточнить норму ст. 1211 ГК РФ «путем указания на то, что отказ от применения общей коллизионной привязки к месту жительства или основному месту деятельности

¹ На преемственность оговорок п.п. 2-4 ст. 1211 ГК РФ (в прежней редакции) и правила п. 9 ст. 1211 ГК РФ (в новой редакции) указывает М. Г. Розенберг (Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / под ред. Н. И. Марышевой, К. Б. Ярошенко... 2014, автор этой части комментария к ст. 1211 ГК РФ – М. Г. Розенберг). На то, что «в п. 9 перенесена оговорка, которая прежде была в п. 2» ст. 1211 ГК РФ, обращает внимание В. А. Белов (*Белов В. А. Указ. соч. § 2 главы 6*).

² Так, М. П. Бардина отмечает, что в новом тексте ст. 1211 ГК РФ восприняты изменения подхода Римской конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам, отраженные в схеме коллизионного регулирования Регламента Рим I (*Бардина М. П. Определение права, применимого к договорам, в новой редакции Гражданского кодекса РФ... С. 85-86*). О. А. Рузакова прямо заявляет, что «в основе положения п. 9 ... [ст. 1211 ГК РФ] лежат нормы § 3 ст. 4 Регламента ... “Рим I”» (Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI / под ред. П. В. Крашенинникова... С. 122, автор комментария к ст. 1211 ГК РФ – О. А. Рузакова). Сходство в формах использования принципа наиболее тесной связи при коллизионном регулировании договорных отношений в Российской Федерации и на уровне Европейского Союза (в частности, в качестве корректирующей оговорки – положений п. 9 ст. 1211 ГК РФ и п. 3 ст. 4 Регламента Рим I, соответственно) усматривают также В. В. Григорьев (*Григорьев В. В. Указ. соч. Комментарий к ст. 1211 ГК РФ*) и Д. П. Стригунова (*Стригунова Д. П. Основные направления коллизионного регулирования международных коммерческих договоров...; Стригунова Д. П. Правовое регулирование международных коммерческих договоров... § 4 главы 4*).

стороны возможен только в ситуации, когда договор явным образом демонстрирует более тесную связь с правом другой страны». Как следствие, ключевое отличие оговорок первоначальной редакции ст. 1211 ГК РФ на случай, если иное вытекает «из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела», от корректирующей оговорки п. 9 ст. 1211 ГК РФ состоит в том, что более тесная связь с правом иной страны, чем та, на которую указывает жесткая коллизионная привязка (п.п. 1-8 ст. 1211 ГК РФ в новой редакции), должна быть явной. На этом основании Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что «суд не применяет коллизионные нормы из п.п. 1-8 ст. 1211 ГК РФ» в исключительных случаях¹.

Тем не менее, громоздкость конструкции принципа наиболее тесной связи в качестве гибкой коллизионной привязки, определяемой через ряд опровержимых презумпций², и обусловленное таким подходом многократное дублирование оговорки «если иное не вытекает...»³, справедливо подвергаемые критике А. В. Асосковым, приводят к выводу об оптимальности произведенной корректировки норм ст. 1211 ГК РФ. Будучи убежденными в том, что значение положения определяется вовсе не объемом его текста или количеством пунктов и статей закона, его отражающих, но его содержанием и правовыми последствиями его применения, мы считаем, что четко сформулированная оговорка со значительной сферой действия, позволяющая правоприменителю – при наличии веских оснований – отказаться от установленной законодателем жесткой коллизионной нормы, является оптимальным механизмом, позволяющим обеспечить гибкость

¹ П. 36 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». Еще до принятия этого разъяснения Ю. В. Блинова обращала внимание на то, что появившееся в п. 9 ст. 1211 ГК РФ слово «ясно» сигнализирует о том, что анализируемая оговорка «применяется в исключительных случаях» (Блинова Ю. В. Определение применимого права к внешнеэкономическим сделкам по принципу наиболее тесной связи // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 102).

² Асосков А. В. Принцип наиболее тесной связи в современном международном частном праве...

³ Асосков А. В. Право, применимое к договорному обязательству: комментарий к ст. 1211 ГК РФ...

коллизийного регулирования договорных отношений¹ при сохранении его приемлемой предсказуемости.

Обобщая анализ ключевых функций принципа наиболее тесной связи в механизме коллизийного регулирования гражданских отношений трансграничного характера отметим, что вслед за Ф. К. фон Савиньи² мы придерживаемся позиции, в соответствии с которой трактовка содержания принципа наиболее тесной связи на уровнях законодательного (как фактора формирования содержания коллизийных норм) и правоприменительного (как общей или специальной коллизийной привязки и корректирующей оговорки) процессов должна быть единой³, с такими лишь особенностями, в каких законодательство отличается от правоприменения.

Единство содержания принципа наиболее тесной связи при его реализации на законодательном и правоприменительном уровнях проявляется, в частности, в том, каким образом законодатель при конструировании коллизийных норм выбирает ту самую наиболее значимую территориальную связь из числа возможных. Бесспорно, существенную роль в данном отношении играет юридическая доктрина и нормотворческий опыт зарубежных стран. Не случайно, отечественные правоведы, предпринимавшие попытки исследовать принцип

¹ Важно иметь в виду, что применение корректирующей оговорки при определении договорного статута может иметь значение и для иных отношений в той мере, в какой посвященные им коллизийные нормы подчиняют их праву, которое применяется или применялось бы к договору. Яркими примерами будут обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, если таковое «возникло в связи с существующим или предполагаемым» договорным отношением (п. 2 ст. 1223 ГК РФ) и обязательства, возникающие «вследствие недобросовестного ведения переговоров о заключении договора» (п. 1 ст. 1222.1 ГК РФ). На значение корректирующей оговорки для коллизийного режима последних обращает внимание, в частности, А. Н. Жильцов (*Жильцов А. Н.* Право, подлежащее применению к обязательствам, возникающим вследствие недобросовестного ведения переговоров о заключении договора // Закон. 2016. № 8. С. 27-34. Режим доступа: СПС «КосультантПлюс»).

² Ф. К. фон Савиньи выдвинул тезис, согласно которому законодательная точка зрения в значительной степени совпадает с судебной в тех вопросах, которые законодательство оставило в существенной мере для научной разработки (Friedrich Carl von Savigny, Op. cit. at 28, note “g”).

³ В современной отечественной литературе эта точка зрения получает широкое признание (*Асосков А. В.* Основы коллизийного права... С. 315-316; *Ходыкин Р. М.* Принципы и факторы формирования содержания коллизийных норм в международном частном праве... С. 11 (положение на защиту № 4); *Шулаков А. А.* Указ. соч. С. 9 (положение на защиту № 4), 56-57).

наиболее тесной связи через призму отдельных коллизионных привязок, фактически сводили свой анализ к тому, в какой степени та или иная из них получила поддержку ученых, закрепление в международных документах различной юридической силы, а также законах о международном частном праве различных государств¹.

Однако, с нашей точки зрения, наиболее примечательным выступает то, что поскольку принцип наиболее тесной связи имеет в целом одинаковое содержание при реализации на законодательном и правоприменительном уровнях, то в случае его востребованности для конструирования коллизионной нормы на уровне законодательном вполне могут использоваться его же наработки при регулировании соответствующих отношений на уровне правоприменительном. Показательным в этом плане является положение п. 2 раздела VIII Концепции развития гражданского законодательства РФ, определившее основные направления состоявшейся в 2013 г. реформы раздела VI ГК РФ и указавшее в качестве первой цели, достижение которой преследовали «предлагаемые дополнения и изменения», на «расширение круга отношений, прямо регулируемых новыми коллизионными нормами, с исключением необходимости определения применимого права на базе общего резервного критерия “тесной связи”»². Данное положение как нельзя лучше показывает источник зарождения новых коллизионных норм – о возникновении потребности в коллизионном регулировании какого-то отношения наглядно свидетельствует его проявление в поле судебного правоприменения и вынужденное обращение суда к общей резервной коллизионной привязке п. 2 ст. 1186 ГК РФ. Такая практика является прекрасным индикатором потребности в конструировании новых коллизионных норм, а при их разработке весьма разумно будет обратиться к уже имеющимся к

¹ См., например: *Шулаков А. А.* Указ. соч. С. 112-172.

² Эта установка и ее реализация в появившихся в разделе VI ГК РФ новых коллизионных нормах получили широкое освещение в специальной литературе (*Витрянский В. В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016. Режим доступа: СПС «Гарант» (глава 2); *Гришаев С. П.* Указ. соч. Комментарий к ст. 1186 ГК РФ; *Зыкин И. С.* О совершенствовании раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса Российской Федерации // Основные проблемы частного права: сб. ст. / под ред. В. В. Витрянского, Е. А. Суханова. М.: Статут, 2010. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»).

этому моменту наработкам правоприменителя в рамках механизма общей резервной коллизионной привязки по выявлению связи, наиболее значимой для соответствующего отношения.

Более того, в тех случаях, когда законодатель допускает применение принципа наиболее тесной связи в качестве корректирующей оговорки, – в Российской Федерации такая оговорка предписана п. 9 ст. 1211 ГК РФ для договорных отношений международного характера, – частая активация судом этого исключительного инструмента призвана стать сигналом законодателю о том, что установленная им привязка при решении коллизионного вопроса для конкретных отношений не достигает той идеи об отыскании права, наиболее тесно связанного с отношением, из которой он исходил при ее создании. Как следствие, материалы судебной практики применения п. 9 ст. 1211 ГК РФ могут выступить прекрасным индикатором неадекватности (если такая наблюдается) имеющихся коллизионных норм.

Представляется, что именно единая трактовка содержания принципа наиболее тесной связи как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях позволяет эффективно реализовывать лежащую в основе механизма коллизионного регулирования идею отыскания правопорядка, который наиболее тесно связан с отношением. На законодательном уровне эта идея проводится в жизнь в результате закрепления коллизионных норм, привязки которых исходят из наиболее значимой – в видении законодателя – территориальной связи и в особых случаях учитывают весомые материально-правовые факторы. На правоприменительном уровне эта идея обеспечивается прямым использованием принципа наиболее тесной связи (с тем же содержанием, построенным на выявлении преобладающей территориальной связи с учетом весомых материально-правовых факторов) в случае невозможности решения коллизионного вопроса на основании существующих коллизионных норм, что дает сигнал законодателю о необходимости дополнения действующего корпуса норм коллизионного права, и в особых, прямо санкционированных законодателем сферах (например, в сфере договорных правоотношений международного

характера – в силу п. 9 ст. 1211 ГК РФ) использованием принципа наиболее тесной связи в качестве исключительного инструмента, позволяющего отклонить действующую коллизионную норму, если результат ее применения в конкретном деле не позволяет реализовать заложенную в нее законодателем идею отыскания права, наиболее тесно связанного с отношением, что дает сигнал законодателю о необходимости корректировки такой коллизионной нормы.

В завершении анализа механизма действия принципа наиболее тесной связи остановимся на вопросе о том, с чем при локализации отношения необходимо выявлять связь: с государством или с правом. В качестве отправной точки обратимся к английскому коллизионному тесту наиболее близкой и реальной связи, который был установлен в решении по делу *Bonython and Others v. Commonwealth of Australia* и в котором лорд Саймондс указал, что право, свойственное договору, есть *система права*, с которой договор имеет наиболее близкую и реальную связь¹.

Следует признать, что в большинстве случаев правоведы не придают юридического значения терминологии анализируемой формулы. Так, П. Норт, ссылаясь на указанное решение по делу *Bonython* в вопросах договорной ответственности, дает несколько двусмысленный комментарий о том, что таковая «определяется свойственным правом страны, или правовой системой, с которой² (остается неясным: со страной или с правовой системой? – прим. наше, Т.Н.) договор имеет наиболее близкую и реальную связь»³.

Вместе с тем, отдельные авторы, основываясь на объективном характере теста наиболее близкой и реальной связи, но вступая в прямое противоречие с текстом формулы *Bonython*, настаивают на необходимости искать связи между правоотношением и государством. А. Джаффи, анализируя различные

¹ Этот тест применялся в отсутствие прямо выраженного соглашения сторон о применимом праве, а также если суд не мог установить право на основании первого теста формулы *Bonython* (систему права, «с отсылкой к которой договор был заключен»).

² Толкование авторского текста осложняется тем, что английский язык не знает родов и чисел для местоимения «который» (which – англ.).

³ P. M. North, “Contract as a Tort Defence in the Conflict of Laws” in *Contemporary Problems in the Conflict of Laws: Essays in Honour of John Humphrey Carlile Morris* (Leyden / Boston: A. W. Sijthoff, 1978) at 214.

составляющие формулы *Bonython* и подчеркивая исключительно объективный характер теста наиболее близкой и реальной связи, называет в качестве индикаторов последнего «объективные связи со странами»¹. В свою очередь П. Кинкейд, непосредственно задаваясь вопросом о том, с чем (государством или системой права) нужно искать связи в анализируемом тесте формулы *Bonython*, заявляет, что практика, хотя колебалась, установилась на поиске связей с государством, что, по мнению ученого, логично, так как «тест предполагается быть полностью объективным»².

Более того, в примерах английской судебной практики, в которых наиболее близкая и реальная связь предположительно устанавливалась в точном соответствии с формулой *Bonython* именно с «правовой системой», существенное значение имела та или иная степень кристаллизации намерений сторон. В частности, в решении Палаты лордов по делу *Amin Rasheed Shipping Corporation v. Kuwait Insurance Co.*, в котором, как отмечает Дж. Коллиер, «договор имел незначительную связь с Англией, но был проникнут английским правом»³, лишь лорд Вилберфорс мотивировал решение коллизионного вопроса вторым тестом формулы *Bonython* («наиболее близкой и реальной связью с английским правом»), в то время как подавляющее большинство, лорды Диплок, Роскилл, Брендон из Оакбрука и Брайтман, мотивировали решение первым тестом на том основании, что положения полиса (основанного на типовой форме морского страхового полиса Ллойда) вели к «неизбежному выводу, что намерение сторон состояло в том, чтобы их взаимные права и обязанности подчинялись английскому праву морского страхования»⁴.

¹ Anthony J. E. Jaffey, Op. cit. at 533.

² Peter Kincaid, Op. cit. at 115.

³ J. G. Collier, *Conflict of Laws*, 3rd ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 2001) at 204.

⁴ В отечественной литературе на расхождения в мнениях судей при коллегиальном рассмотрении дел (в частности, в деле *Amin Rasheed Shipping Corporation v. Kuwait Insurance Co.*) указывает Р. М. Ходыкин (*Ходыкин Р. М. История и развитие концепции наиболее тесной связи в международном частном праве... С. 76; Ходыкин Р. М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве... С. 137*). Однако ученый рассматривает такое расхождение как пример поэтапного вытеснения в английской судебной практике концепции гипотетической воли тестом наиболее близкой и реальной связи. Напротив, мы рассматриваем этот пример как показательный в том смысле, что,

Таким образом, следует заключить, что хотя формула *Bonython* использует словосочетание «правовая система» в отношении обоих устанавливаемых тестов, классическое ее прочтение английской судебной практикой и доктриной относит связи со страной к объективному тесту наиболее близкой и реальной связи на основе территориальных контактов, а связи с правовой системой – к субъективному тесту на основе намерений сторон, позволяющих установить соглашение о применимом праве, вытекающее из совокупности обстоятельств дела.

Конечно же, в этом случае речь идет исключительно о том строго объективном понимании теста наиболее близкой и реальной связи, которое сформировала английская юриспруденция на основе формулы *Bonython* и которое к настоящему времени по целому ряду причин (как за счет формального изменения нормативно-правовой базы, так за счет содержательного развития представлений о международном частном праве) подверглось существенному развитию.

Тем не менее, проведенный анализ позволяет нам сделать вывод, что ядром принципа наиболее тесной связи (тем, что мы предлагаем именовать принципом наиболее тесной связи в узком смысле) был и остается объективный тест территориальной локализации, построенный на изыскании контактов именно с государством (страной), в то время как порожденное общей тенденцией материализации международного частного права обогащение территориального подхода разнообразными материально-правовыми соображениями, безусловно нацелено на анализ преимуществ того либо иного права и, следовательно, установление связей с правом (правовой системой¹).

когда отношение связано исключительно с правом, такая связь обуславливается в большинстве случаев соглашением сторон: прямо выраженным или вытекающим из совокупности обстоятельств дела.

¹ Хотя большая часть теоретиков права рассматривает понятия «право» и «правовая система» как нетождественные (См., например: *Алексеев С. С. Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 27-34*), в этом случае мы употребляем их как условно взаимозаменяемые.

Полагаем, что именно различный характер связей с государством (страной) и правом (правовой системой) лежит в основе обобщения, в соответствии с которым «позицию законодателя относительно предпочтительного подхода к определению наиболее тесной связи можно определить путем анализа» используемой им терминологии: если законодатель говорит о наиболее тесной связи с государством (страной), налицо территориальный подход, а если о связи с правом (правовой системой), речь идет о материально-правовом подходе¹. Несмотря на то, что данное обобщение основывается на сущностном различии наиболее тесной связи в двух приведенных случаях, оно дает неверную установку в том смысле, что допускает изолированное существование двух различных подходов к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи: либо территориального, либо материально-правового. По нашему мнению, исследуемый принцип всегда базируется на территориальном подходе и совершенно без него (по меньшей мере, в текущих условиях) существовать не может. В свою очередь материально-правовой подход не есть полная альтернатива территориальному, но его дополнение. При определенных условиях материально-правовые соображения уточняют, дополняют, корректируют территориальный выбор. Ведь если бы материально-правовой подход, будучи избранным для раскрытия содержания принципа наиболее тесной связи, существовал как единственный и всецело самодостаточный, то правоприменитель оказался бы вынужден игнорировать любые территориальные контакты отношения и изыскивать лучшее применимое право из всех существующих на Земле правопорядков, в то время как в действительности материально-правовой подход лишь помогает выбрать лучшее по тем или иным соображениям право из так или иначе территориально связанных правопорядков². Именно на этом

¹ А. В. Асосков указывает, что такое мнение распространено в англоязычной литературе, при этом сам ученый полагает, что «различие в лингвистических формулировках не может считаться определяющим» (*Асосков А. В. Основы коллизионного права...* С. 310-311).

² Так, показательный пример учета материально-правовых факторов при конструировании коллизионных норм для отношений между опекуном (попечителем) и лицом, находящимся под опекой (попечительством), устанавливает альтернативу между правом страны, учреждение которой назначило опекуна (попечителя), и российским правом (если

основании мы предпочитаем говорить не о разных подходах к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи, а о принципе в узком (территориальном) и широком (территориальном, обогащенном материально-правовыми факторами) смыслах.

С учетом изложенных замечаний мы считаем, что при закреплении принципа наиболее тесной связи в нормах права целесообразно использовать такие термины, как страна или государство¹. В этом отношении п. 2 ст. 1186 ГК РФ, оперирующий оборотом «право страны, с которой гражданско-правовое отношение ... наиболее тесно связано», полностью соответствует данной установке, адекватно отражая территориальное ядро закрепляемого принципа. В особенности примечательно, что при разработке этого положения отечественный законодатель отклонился от формулировки Модельного гражданского кодекса для государств-участников СНГ, п. 2 ст. 1194 которого устанавливает, что «применяется *право, наиболее тесно связанное с гражданско-правовыми отношениями, осложненными иностранным элементом*» (курсив наш – Т.Н.).

В свою очередь широко известная Римская конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам, использовала оборот «регулируется правом страны, с которой он [договор] наиболее тесно связан» (п. 1 ст. 4), и пришедший на смену Римской конвенции Регламент Рим I сохранил терминологический подход в части определения связи отношения со страной (п.п. 3-4 ст. 4).

Вместе с тем, мы убеждены, что не следует абсолютизировать значение той терминологии, которая используется при закреплении принципа наиболее тесной связи. Анализ ряда норм раздела VI ГК РФ, закрепляющих различные формы

такое является правом страны, в которой лицо, находящееся под опекой (попечительством), имеет место жительства) – в зависимости от того, какое из них более благоприятно для последнего, – п. 3 ст. 1199 ГК РФ. Следовательно, анализируемые коллизионные нормы учитывают материально-правовые факторы, всего лишь допуская корректировку коллизионного выбора в пределах двух территориально связанных правопорядков: места назначения опекуна (попечителя) и места жительства лица, находящегося под опекой (попечительством).

¹ Хотя термин «государство» получает широчайшее признание в юриспруденции в целом, термин «страна» по сложившейся традиции в большей степени принят в международном частном праве – особенно при конструировании привязок коллизионных норм (ст. 1186, 1188, 1190, 1192, 1195, 1199, 1201-1203, 1205, 1206-1214, 1217-1219, 1221-1222, 1223-1224 ГК РФ).

реализации принципа наиболее тесной связи, а не только нормы ст. 1186, открывающей раздел и устанавливающей этот принцип в качестве общей резервной коллизионной привязки, показывает, что в данном случае отечественный законодатель не проявляет последовательность в использовании терминов. Помимо названного п. 1 ст. 1186 ГК РФ о связи отношения со страной говорится для целей определения права, применимого к смешанному договору (п. 10 ст. 1211 ГК РФ) и договору в отношении недвижимого имущества (п. 1 ст. 1213 ГК РФ), а о связи отношения с правовой системой – для целей применения права страны с множественностью правовых систем (ст. 1188 ГК РФ). Более того, закрепляя принцип наиболее тесной связи в качестве корректирующей оговорки для договорных правоотношений в одном и том же п. 9 ст. 1211 ГК РФ отечественный законодатель в качестве условия ее применения указывает на то, что «договор более тесно связан с *правом* иной страны (курсив наш – Т.Н.)», чем та, которая установлена жесткими коллизионными привязками, а качестве результата – на то, что «подлежит применению право *страны*, с которой договор более тесно связан (курсив наш – Т.Н.)». Изложенное позволяет заключить, что, по меньшей мере, в плане юридической техники закрепления принципа наиболее тесной связи законодатель не проводит различия между терминами «страна» и «право» («правовая система»).

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что, несмотря на заключенную в территориальной локализации суть, принцип наиболее тесной связи как в узком смысле, в качестве объективного механизма коллизионно-*правового* регулирования, так и в широком смысле, в качестве универсального принципа, дополненного значимыми материально-*правовыми* соображениями, был и остается правовой категорией. Он действует в правовом поле как инструмент поиска надлежащего правопорядка для частноправового отношения, опираясь при этом на категории, которые хотя и характеризуются привязкой к некой территории, но составляют, прежде всего, правовые категории: гражданство, юридическое лицо, заключение договора и др.

Однако нельзя не признать, что чем больше принцип наиболее тесной связи придает значение содержанию избираемого правопорядка, тем больше он обеспечивает привязку отношения к определенному, осмысленному и оцененному материальному праву (в противовес государству как всего лишь форме организации общества) и тем больше он сближается с принципом автономии воли, подтверждая, таким образом, общую тенденцию материализации механизма коллизионного регулирования.

Взаимодействие принципов автономии воли и наиболее тесной связи в механизме коллизионного регулирования выражается, прежде всего, в том, что в отсутствие выбора применимого права сторонами (когда сторонам не предоставлена возможность выбора или она не реализована) принцип наиболее тесной связи составляет единственный (универсальный) принцип коллизионного регулирования, выступающий на правотворческом уровне в качестве «дорожной карты» для разработки коллизионных норм, а на правоприменительном – в качестве действующего средства коллизионного регулирования.

При этом самостоятельный по отношению к принципу наиболее тесной связи статус принципа автономии воли подтверждается тем, что стороны определенных гражданско-правовых отношений при наличии в них иностранного элемента наделены правом выбрать абсолютно любой правопорядок вне зависимости от наличия какой бы то ни было связи этого правопорядка со сторонами, их отношением и т.д.

Более того, если, гипотетически, стороны по соглашению между собой выберут право той страны, которая в действительности имеет с отношением наиболее тесную связь, это отнюдь не будет свидетельствовать об одновременном действии обоих принципов или превалирующем значении наиболее тесной связи. В описанном случае решение коллизионного вопроса в пользу определенного правопорядка обуславливается исключительно волей сторон, вне зависимости от лежащих в ее основании мотивов. Лишь в силу стечения обстоятельств такой выбор совпадает с тем, какой был бы сделан правоприменителем на основании коллизионной нормы или с непосредственным обращением к принципу наиболее

тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки или корректирующей оговорки. Указанное совпадение аналогично тому, как даже сломанные часы дважды в сутки показывают правильное время. В поле действия принципа автономии воли стрелки таких часов выставляют сами стороны всецело по своему усмотрению и в соответствии со своими потребностями; в отсутствие выбора сторон механизм движения стрелок под действием общего принципа наиболее тесной связи приводится в движение правоприменителем (судом). При этом каждый из указанных принципов действует в отведенном ему поле, в соответствии с его природой и особенностями.

Анализ взаимодействия принципов автономии воли и наиболее тесной связи позволяет выдвинуть ряд выводов, имеющих, на наш взгляд, определяющее значение для понимания в целом механизма коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом.

За пределами сферы действия принципа автономии воли в международном частном праве (в случаях, когда сторонам не предоставлена возможность выбора правопорядка или такая возможность ими не реализована) принцип наиболее тесной связи составляет единственный (универсальный) принцип коллизионного регулирования, который выступает на правотворческом уровне в качестве «дорожной карты» для разработки коллизионных норм, а на правоприменительном – в качестве действующего средства коллизионного регулирования.

Универсальный характер принципа наиболее тесной связи обосновывается тем, что в ходе развития в дополнение к территориальной локализации данный принцип аккумулировал самые значимые материально-правовые соображения, заслуживающие учета на этапе решения коллизионного вопроса. Если бы принцип наиболее тесной связи оставался ограничен исключительно поиском географической локализации правоотношения, то эволюция международного частного права, все больше уделяющего внимание материально-правовому результату коллизионного выбора, привела бы к появлению новых самостоятельных принципов. Однако в современном международном частном

праве Российской Федерации принцип наиболее тесной связи получает реализацию как средство коллизионного регулирования, при применении которого суд, во-первых, определяет «преобладающую территориальную связь» и, во-вторых, «также может принимать во внимание, применение права какой страны позволит наилучшим образом реализовать общепризнанные принципы гражданского права и ... его институтов»¹.

Как следствие, предлагается выделять принцип наиболее тесной связи в узком смысле (как предполагающий строго территориальную локализацию – в том виде, в каком английская судебная практика сформировала объективный тест на основе формулы *Bonython*) и в широком смысле (как построенный на территориальной локализации, дополненной учетом значимых материально-правовых соображений, – в том виде, в каком он получает реализацию в современный период в международном частном праве Российской Федерации).

При этом требуется единая трактовка принципа наиболее тесной связи при реализации в правотворчестве и правоприменении. В правотворчестве принцип наиболее тесной связи находит конкретизацию в коллизионных нормах, привязки которых исходят из наиболее значимой территориальной связи и в особых случаях учитывают весомые материально-правовые факторы. В правоприменении этот принцип (с тем же содержанием, построенным на установлении преобладающей территориальной связи с учетом весомых материально-правовых факторов) применяется непосредственно в случае невозможности решения коллизионного вопроса на основе существующих коллизионных норм, что дает сигнал о необходимости дополнения действующего корпуса норм коллизионного права, и в особых, прямо санкционированных случаях (например, в сфере договорных правоотношений международного характера – в силу п. 9 ст. 1211 ГК РФ), применяется в качестве исключительного инструмента, позволяющего отклонить действующую коллизионную норму, если результат ее применения в конкретном деле не позволяет реализовать заложенный в нее принцип наиболее

¹ П. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

тесной связи, что дает сигнал о необходимости корректировки такой коллизионной нормы.

Специфика механизма коллизионного регулирования гражданских отношений и реализации принципа наиболее тесной связи в его рамках демонстрируется посредством ответа на вопрос о существовании в коллизионном праве аналогии закона и аналогии права. Во-первых, доказывается, что коллизионному праву не известна аналогия закона, что признается обоснованным, так как коллизионные нормы по общему правилу охватывают целые группы отношений, а поэтому если определенное отношение не входит ни в какую из групп, его специфика не позволит выбрать для него коллизионную норму, регулиющую «сходные» отношения. Во-вторых, обосновывается, что коллизионному праву не известна «аналогия права» в том виде, в каком она используется в гражданском праве, будучи построенной на применении «общих начал и смысла гражданского законодательства». В механизме коллизионного регулирования гражданских отношений принцип наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки в единственном числе, но с множественным содержанием является универсальным средством решения коллизионного вопроса на случай недостаточности имеющихся коллизионных норм в международных договорах РФ, ГК РФ и других законах, а также обычаях, признаваемых в Российской Федерации.

§ 2. Взаимодействие автономии воли в коллизионном регулировании и унифицированного материально-правового регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом

Анализ взаимодействия автономии воли в коллизионном регулировании и унифицированного материально-правового регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, требует постановки фундаментальных для международного частного права вопросов, а именно: о методах международного частного права, включающих коллизионный и

материально-правовой, а также о его источниках, охватывающих международные договоры, национальное законодательство и даже негосударственные регуляторы (как-то, нормы *lex mercatoria*). Обозначенные вопросы в свете цели настоящего исследования будут последовательно затронуты в этом параграфе.

В международном частном праве традиционно выделяют два метода регулирования: коллизионный и материально-правовой¹. При этом материально-правовой метод в отечественной науке международного частного права также разделяется на два подвида: международный (унифицирующий) и национальный (формирующий так называемое «право иностранцев»).

Унифицирующий метод получает наибольшее признание среди правоведов², потому что его цель составляет преодоление коллизии правопорядков за счет действия единообразных международно-правовых норм, специально ориентированных на регулирование гражданских отношений, осложненных иностранным элементом. Как отмечает В. П. Звеков, востребованность данного метода обуславливается «не только потребностью устранить различия во внутреннем праве государств ... , но и тем обстоятельством, что внутреннее право нередко оказывается “неприспособленным” для регулирования столь своеобразных отношений»³.

Правовым основанием применения материально-правового – унифицирующего – метода в международном частном праве Российской Федерации выступает п. 3 ст. 1186 ГК РФ, в силу которого «если международный договор Российской Федерации содержит материально-правовые нормы, подлежащие применению к соответствующему отношению, определение на основе коллизионных норм права, применимого к вопросам, полностью урегулированным такими материально-правовыми нормами, исключается».

¹ Ануфриева Л. П. Международное частное право: В 3 т. Т. 1. Общая часть... С. 63-72; Ерпылева Н. Ю. Международное частное право: учебник: В 3 т. Т. 1... С. 28.

² Международное частное право: учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой... С. 15-22 (автор главы 1 – Г. К. Дмитриева).

³ Звеков В. П. К вопросу о соотношении материально-правового и коллизионного способов регулирования в международном частном праве // Советский ежегодник международного права. 1973. М.: Наука, 1975. С. 289.

Широко известным примером унификации материально-правовых норм является Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров, работа по разработке которой была начата под эгидой Международного института унификации частного права в 1929 г. (прежде всего, в рамках разработки Гаагских конвенций 1964 г.¹) и завершена под эгидой Комиссии ООН по праву международной торговли в 1980 г.²

Что же касается материально-правового метода, проявляющегося в применении норм национального права, непосредственно регулирующих определенные отношения с неким иностранным «элементом» (в частности, определяющих правовое положение иностранных лиц на территории государства пребывания – так называемое «право иностранцев»), то этот вопрос является одним из дискуссионных и его решение в существенной мере зависит от решения вопроса о природе и содержании международного частного права в целом, а именно: от признания таких национальных норм составной частью международного частного права.

В рамках настоящего исследования обратим внимание на то, что специфика указанных «норм прямого действия» в сравнении как с коллизионными нормами, так и с унифицированными международно-правовыми, стала основанием для отдельных ученых к выделению третьего – особого – метода международного частного права³.

¹ Конвенция о Единообразном законе о заключении договоров о международной купле-продаже товаров от 01 июля 1964 г. (г. Гаага) // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Т. I. Нью-Йорк: ООН, 1971. С. 75-84; Конвенция о Единообразном законе о международной купле-продаже товаров от 01 июля 1964 г. (г. Гаага) // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Т. I. Нью-Йорк: ООН, 1971. С. 46-74.

² *Матвеева Т. В.* Указ. соч. С. 28-29. По состоянию на 02 сентября 2025 г. эта конвенция насчитывает 97 государств-участников и выступает одним из важнейших регуляторов частноправовых отношений международного характера, возникающих из договоров международной купли-продажи товаров (Статус текстов: Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980 год) – Официальный сайт ЮНСИТРАЛ. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/salegoods/conventions/sale_of_goods/cisg/status (дата обращения: 02 сентября 2025 г.).

³ *Луиц Л. А., Марышева Н. И., Садиков О. Н.* Международное частное право. М.: Юридическая литература, 1984. С. 9.

В этой связи необходимо отметить, что национальные нормы прямого действия реализуются в ходе ординарного правоприменительного процесса, причем в таком случае не идет речь ни о постановке, ни даже о преодолении коллизионной проблемы. По сути указанные нормы действуют в тех сферах, в которых возможность применения иностранного правопорядка исключается, во многом в связи с тем, что такие отношения лежат в плоскости публичного права, например, по вопросам порядка трудоустройства иностранных граждан в Российской Федерации, ввоза и вывоза культурных ценностей и т.п. Тем не менее, в случае положительного решения вопроса о включении национальных норм прямого действия в состав международного частного права, механизм осуществляемого ими регулятивного воздействия будет все же основываться на непосредственном, исключающем постановку коллизионной проблемы, регулировании и на этом основании вряд ли позволит выделить его в самостоятельный, по отношению к материально-право-вому, метод международного частного права.

Вместе с тем, непосредственное значение для регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, имеет взаимодействие коллизионного (и в его рамках принципов автономии воли и наиболее тесной связи) и унифицирующего материально-правового методов.

Не подлежит сомнению тот факт, что своеобразие коллизионного и материально-правового методов не исключает их тесного взаимодействия при регулировании частноправовых отношений международного характера, но механизм такого взаимодействия требует уточнения. Так, Л. П. Ануфриева, указывая на взаимосвязь двух методов, раскрывает ее исключительно в рамках коллизионного метода через сочетание «коллизионной и той материальной нормы, к которой она отсылает»¹. Очевидно, что в описанном случае речь идет только о реализации коллизионного метода и, следовательно, он не способен иллюстрировать взаимодействие двух методов международного частного права.

¹ Ануфриева Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права (сравнительное исследование правовых категорий)... С. 119.

Показательный пример заявленного взаимодействия, на наш взгляд, составляет коллизионное и унифицированное материально-правовое регулирование договора международной купли-продажи товаров. В этой связи следует обратиться, прежде всего, к сфере действия Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров. В соответствии с п. 1 ст. 1 эта конвенция «применяется к договорам купли-продажи товаров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах», в двух случаях: во-первых, если такие государства выступают государствами-участниками конвенции; во-вторых, если в соответствии с нормами международного частного права применимым объявляется право государства-участника конвенции.

Исследуем указанные случаи подробно. Первое из альтернативных условий применения Венской конвенции требует, чтобы коммерческие предприятия сторон договора купли-продажи товаров находились в разных государствах, каждое из которых участвует в конвенции.

Характеризуя в свете цели данного исследования норму подп. «а» п. 1 ст. 1 Венской конвенции, считаем целесообразным дать оценку имеющейся как в зарубежной¹, так и в отечественной² литературе квалификации указанного положения в качестве односторонней коллизионной нормы. В этой связи подчеркнем, что для суда в Российской Федерации правовым основанием применения международного договора, содержащего унифицированные материально-правовые нормы, будет выступать, во-первых, общая норма ч. 4 ст. 15 Конституции РФ о приоритете правил международного договора Российской Федерации над предусмотренными законом; во-вторых, при регулировании гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным

¹ “One-sided conflict rule” – англ. (Peter Schlechtriem, “Requirements of Application and Sphere of Applicability of the CISG” (2005) *Victoria University of Wellington Law Review*, Vol. 36 (item I-C) – URL: <http://www.nzlii.org/nz/journals/VUWLawRw/2005/36.html> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

² Асосков А. В. Венская конвенция ООН 1980 года о договорах международной купли-продажи товаров: постатейный комментарий к положениям, определяющим сферу ее применения. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С. 35.

элементом, – специальное предписание п. 3 ст. 1186 ГК РФ об исключении определения применимого права на основе коллизионных норм в случае, если какие-либо вопросы полностью урегулированы материально-право-выми нормами международного договора РФ; и лишь в-третьих, преимущественно для установления охвата урегулированных вопросов – непосредственно положения того международного договора, о применении которого идет речь.

На этом основании мы не поддерживаем квалификацию положений международных договоров о сфере действия, включая подп. «а» п. 1 ст. 1 Венской конвенции, как коллизионных норм в том смысле, каким это словосочетание наделяется в международном частном праве. Возвращаясь к определению коллизионной нормы, которое дает Г. К. Дмитриева, подчеркнем, что «коллизионная норма – это норма, *определяющая, право какого государства должно быть применено* к данному частноправовому отношению, осложненному иностранным элементом (курсив наш. – Т.Н.)»¹. В этом смысле положение международного договора о сфере его действия, а равно положение национального права о приоритете международных договоров, если и адресуются коллизии, то только в общем теоретико-право-вом смысле этого термина – как существованию одновременно нескольких норм права, различным образом регулирующих определенное отношение². И хотя в литературе можно встретить обращение к правилам разрешения разнообразных коллизий, в том числе темпоральных, иерархических, содержательных, как к «коллизионным правовым нормам»³, в свете широкого распространения словосочетания «коллизионная норма» специально в аспекте международного частного права мы полагаем, что

¹ Международное частное право: учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой... С. 112 (автор главы 5 – Г. К. Дмитриева).

² Кузнецов А. П. Коллизии в праве: теоретическое исследование // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 191; Милинчук Д. С. Коллизионное право как межотраслевой институт российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 26; Осипов М. Ю. Коллизии в праве и причины их возникновения // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 247. А. А. Петров в рамках объективного подхода к содержанию коллизий в праве приводит целый ряд трактовок, отражающих общую идею «несовместимости одновременной действительности и действенности ... коллидирующих объектов» (норм права) (Петров А. А. Иерархические коллизии в праве: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2009. С. 120-121).

³ Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве / науч. ред. А. Ф. Черданцев. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1984. С. 56-89.

использование данного словосочетания за рамками решения коллизионного вопроса и выбора материального права того или иного государства для применения к частноправовому отношению, осложненному иностранным элементом, требует, по меньшей мере, недвусмысленной оговорки о коренном различии таких норм (правил).

Любопытный факт составляет то, что даже авторы, которых относят к сторонникам квалификации подп. «а» п. 1 ст. 1 Венской конвенции в качестве односторонней коллизионной нормы¹, высказываются по данному вопросу во многих случаях крайне осторожно. Например, Ф. Эндерляйн и Д. Маскоу отмечают, что «положения, определяющие сферу действия [Венской конвенции] могут рассматриваться как *вертикальные* коллизионные нормы (курсив наш. – Т.Н.)»², что, несомненно, свидетельствует об их отличии от коллизионных норм международного частного права, нацеленных на выбор между горизонтально равными правопорядками различных государств. В свою очередь Р. А. Мюллерсон действительно указывает, что «отсылка к международному праву ... выполняет ту же функцию, что и коллизионная норма, – с ее помощью осуществляется регулирование международных отношений невластного характера»³. По данному вопросу считаем важным подчеркнуть, что, во-первых, совпадение функциональной направленности отнюдь не означает тождества самих по себе явлений; а во-вторых, в более широком контексте, изложенный тезис выводится правоведом, прежде всего, из анализа положения ст. 55 Конституции Франции о превышающей силе международных договоров по отношению к внутренним законам в преломлении к регулированию «международных отношений невластного характера».

¹ Асосков А. В. Венская конвенция ООН 1980 года о договорах международной купли-продажи товаров... С. 35.

² Fritz Enderlein & Dietrich Maskow, *International Sales Law: United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods, Convention on the Limitation Period in the International Sale of Goods: Commentary* (New York: Oceana Publications, 1992) at 26.

³ Мюллерсон Р. А. Коллизионные и отсылочные нормы в регулировании международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1983. № 5. С. 53.

Таким образом, на наш взгляд, правило подп. «а» п. 1 ст. 1 Венской конвенции о сфере действия не является односторонней коллизионной нормой в том смысле, каким коллизионную норму наделяет международное частное право. Однако приведенные рассуждения правоведов о целевой направленности положений международных договоров, очерчивающих сферу применения унифицированных материально-правовых норм, позволяют признать, что эти положения в совокупности с конституционно-правовыми нормами о приоритете международных договоров и специальными нормами о приоритете международных договоров, содержащих унифицированные материально-правовые нормы, разграничивают коллизионный и унифицированный материально-правовой методы (способы) в регулировании частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом.

В заключение анализа подп. «а» п. 1 ст. 1 Венской конвенции укажем, что в аспекте взаимодействия коллизионного и унифицированного материально-правового регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, на наш взгляд, важное значение имеет тезис о том, что на основании приведенного положения конвенция превалирует над любыми коллизионными нормами форума¹. Как следствие, самостоятельное правило подп. «а» п. 1 ст. 1 Венской конвенции, во-первых, за счет критерия расположения коммерческих предприятий сторон договора купли-продажи товаров в договаривающихся государствах не отталкивает максималистским универсализмом, а во-вторых, не допуская оговорок к данному правилу, позволяет сформировать действительно единообразное правовое поле на территории значительного количества государств-участников.

Изложенное имеет ключевое значение в том смысле, что и унификация сама по себе, и даже обусловленное ей упрощение стоящих перед правоприменителем

¹ Этот подход обоснован тем, что как свод единообразных материально-правовых норм Конвенция является специальной в той мере, в какой сфера ее применения более ограничена и ведет непосредственно к решению по существу, в то время как обращение к международному частному (коллизионному) праву требует двухшагового подхода: определения применимого права и его применения (UNCITRAL Digest of Case Law on the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods, 2016 Edition (New York: United Nations, 2016) at 4).

задач отнюдь не являются самоцелью. Действительным двигателем обозначенных процессов выступает, на наш взгляд, снижение правовых рисков участников международного гражданского оборота. Следуя логике П. Уиншипа, можно признать, что единообразие материально-правовых норм снижает издержки бизнеса, вовлеченного в международную торговлю¹. Это в конечном итоге приводит к тому, что в современном международном частном праве положение о приоритете унифицированных материально-правовых норм международного договора над коллизионными нормами любой системной принадлежности выступает общеизвестной аксимомой.

Второе из анализируемых условий применения Венской конвенции предусматривает, что конвенция может быть применима, если в соответствии с нормами международного частного права применимым объявляется право ее государства-участника. Важно указать, что данное положение нацелено расширить сферу действия Венской конвенции в тех случаях, когда коммерческие предприятия одной или обеих сторон договора международной купли-продажи товаров расположены в государстве или государствах, не участвующих в конвенции. В этой связи ст. 95 Венской конвенции позволяет государствам, не готовым к такому расширению сферы действия конвенции, при выражении согласия на обязательность данного международного договора заявить о непринятии обязательств по положению подп. «b» п. 1 ст. 1².

¹ В частности, правовед пишет: «Отсутствие единообразия материально-правовых норм налагает издержки по сделке на бизнесы, вовлеченные в международную торговлю». Далее автор поясняет: «Бизнес, желающий знать, вступил ли он в действительный контракт с иностранным торговым партнером, например, должен, во-первых, прибегнуть к коллизионно-правовому анализу, чтобы определить, право какой страны регулирует заключение контракта. Затем бизнес должен истолковать применимые материально-правовые нормы, которые вполне могут оказаться нормами иностранной системы права. Оба шага в этом анализе сложные и могут включать значительный риск ошибки в отличие от того, что имеется в чисто внутренней сделке» (Peter Winship, *Op. cit.* at 532-533).

² На 01 августа 2025 г. из 97 государств-участников Венской конвенции такую оговорку сделали 7 государств: Армения, Китай, Лаос, Сент-Винсент и Гренадины, Соединенные Штаты Америки, Сингапур, Словакия. В Пояснительной записке Секретариата ЮНСИТРАЛ справедливо отмечается, что хотя несколько государств использовали возможность заявить о непринятии подп. «b» п. 1 ст. 1, «по мере расширения признания Конвенции практическое значение такого заявления будет уменьшаться» (Пояснительная записка Секретариата ЮНСИТРАЛ к Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров //

Таким образом, в аспекте настоящего исследования следует констатировать, что для подавляющего большинства государств-участников Венской конвенции и для весьма значительного количества государств в абсолютном выражении применение унифицированных материально-правовых норм о договоре международной купли-продажи товаров может основываться на нормах коллизионного права, используемых судом для решения вопроса о применимом праве. При этом важно уточнить, что поскольку коллизионное право строится на двух базовых принципах: автономии воли и наиболее тесной связи, – применение Венской конвенции на основании подп. «b» п. 1 ст. 1 может обуславливаться выбором материального права государства-участника конвенции и самими сторонами договора (в той мере, в какой коллизионное право страны суда признает автономию воли), и судом на основе коллизионных норм (и отраженного в привязках таких норм принципа наиболее тесной связи).

При этом коллизионные нормы могут содержаться как в национальном законодательстве, так и в международных договорах страны суда, которые, в свою очередь, находятся в сложном соотношении. В частности, для договора международной купли-продажи товаров применимой в качестве общего правила коллизионной нормой национального законодательства выступит норма п. 1 и подп. 1 п. 2 ст. 1211 ГК РФ, в силу которой суд Российской Федерации объявит применимым право места жительства или основного места деятельности продавца. Однако для такого же договора, но между хозяйствующими субъектами государств-участников Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, будет применяться коллизионная норма п. «е» ст. 11 указанного соглашения, в силу которой суд Российской Федерации объявит применимым право места совершения договора¹.

Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров. Нью-Йорк: ООН, 2010. С. 39).

¹ По информации депозитария на 01 августа 2025 г. соглашение действует для 9 государств: Российской Федерации, Республик Армения, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Азербайджанской и Кыргызской Республик, Туркменистана (Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности:

Изложенное ведет к тому, что решение судом Российской Федерации коллизионного вопроса для договоров, заключенных одним отечественным лицом с лицами различной национальной принадлежности, может подчиняться различным коллизионным нормам¹, что в свою очередь повлечет применение различного материального права, включая не только материальное национальное законодательство, но и унифицированные материально-правовые нормы международных договоров, участником которых является государство.

В этом отношении знаковым является следующее обстоятельство. Если указанное выше соглашение было разработано и ратифицировано Российской Федерацией до принятия части третьей ГК РФ, то Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, ст. 44 которой тоже устанавливает коллизионную отсылку договора к праву места совершения², была принята в 2002 г. и ратифицирована Российской Федерацией в 2021 г.³ Следовательно, можно сделать вывод, что

Информация депозитария // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ – URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/57#documentCard>, дата обращения: 01 августа 2025 г.).

¹ На отличие коллизионных норм о договорах в национальных и международных источниках коллизионного права Российской Федерации обращает внимание, в частности, С. О. Куц (*Куц С. О.* Соотношение коллизионных норм международных договоров и национального законодательства в регулировании договорных правоотношений с иностранным элементом (на примере Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 3. С. 115-122).

² По информации депозитария на 01 августа 2025 г. Кишиневская конвенция действует для 8 государств: Российской Федерации, Республик Армения, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Азербайджанской и Кыргызской Республик (Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (г. Кишинев): Информация депозитария // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ – URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/1313#documentCard>, дата обращения: 01 августа 2025 г.).

Согласно ст. 120 Кишиневской конвенции в отношениях между государствами-участниками она заменяет предшествовавшую ей Минскую конвенцию. Следовательно, для отношений российских лиц с лицами тех государств, которые участвуют в Минской конвенции, но еще не стали участниками Кишиневской (на 01 августа 2025 г. это Республика Молдова, Туркменистан, Грузия), продолжает действовать Минская конвенция, ст. 41 которой предписывает ту же коллизионную отсылку к праву места совершения сделки (Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (г. Минск): Информация депозитария // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ – URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/192#documentCard>, дата обращения: 01 августа 2025 г.).

³ Кишиневская конвенция ратифицирована Российской Федерацией с рядом оговорок, но указанная ст. 44 принята в имеющейся редакции.

различие коллизионных норм в различных источниках коллизионного права Российской Федерации будет сохраняться в обозримой перспективе.

Для международного коммерческого арбитража методика выбора применимого права (и, соответственно, права государства-участника Венской конвенции) характеризуется известными особенностями, но при этом отстаиваемая нами дихотомия сохраняется. Такой выбор может быть совершен либо самими сторонами договора, либо арбитражем на основании положений его регламента и специальных правовых норм государства локализации. В последнем случае речь будет идти об одном из трех подходов к решению коллизионного вопроса международным коммерческим арбитражем: косвенном, прямом или на основе принципа наиболее тесной связи¹.

В практическом преломлении важно то, что применение подп. «b» п. 1 ст. 1 Венской конвенции и судами разных стран, и локализованными в разных странах арбитражами, использующими разные методики решения коллизионного вопроса, демонстрирует, что коллизионный метод способен служить предпосылкой активации унифицированных материально-правовых норм международного договора.

Так, Апелляционный суд Гренобля (Франция) для договора международной купли-продажи товаров, заключенного и исполняемого французским поставщиком и испанским покупателем в период, когда Испания еще не являлась участником Венской конвенции², на основании подп. «b» п. 1 ст. 1 заключил о применении конвенции как части права Франции, которое, в свою очередь, было объявлено применимым согласно имеющимся в распоряжении французского суда французским нормами международного частного права, т.е. коллизионными нормам³.

¹ Бардина М. П. Определение права, применимого к существу спора международным коммерческим арбитражем... С. 86.

² Поставка осуществлялась в период с января по июнь 1991 г. Венская конвенция вступила в силу для Франции 01 января 1988 г., а для Испании – 01 августа 1991 г.

³ Case 25: France: Cour d'Appel de Grenoble, Chambre des Urgences [16 June 1993] CLOUT. A/CN.9/SER.C/ABSTRACTS/2. 4 November 1993 at 3-4

Идентичный вывод был сделан судом Германии в отношении договора международной купли-продажи товаров между французским поставщиком и немецким покупателем за тот период, когда Франция уже являлась участником Венской конвенции, в то время как Германия еще нет¹. Поскольку используемые немецким судом немецкие коллизионные нормы вели к применению права Франции, суд заключил о применении Венской конвенции на основе подп. «b» п. 1 ст. 1 как части права Франции².

Похожий пример имеется в практике судов Российской Федерации. В частности, коллегия судей Высшего Арбитражного Суда РФ обращалась к вопросу о нормах права, регулирующих международную куплю-продажу товаров, элементы которой содержал контракт между юридическими лицами, имевшими национальную принадлежность (а предположительно – и места основной деятельности) Казахстана и Российской Федерации. Несмотря на то, что Российская Федерация является участником Венской конвенции, а Казахстан – нет, коллегия судей сделала справедливое замечание о том, что конвенция, тем не менее, может быть применима на основании подп. «b» п. 1 ст. 1.

В связи с отсутствием между сторонами соглашения о применимом праве, для его определения коллегия судей обратилась к коллизионным нормам. Однако в качестве таковых она использовала совокупность правил ст. 1211 ГК РФ, отсылающих к праву страны основного места деятельности стороны, осуществляющей решающее исполнение (каковой в части договора купли-продажи по общему правилу является продавец). На этом основании коллегия судей Высшего Арбитражного Суда РФ сделала вывод о применении к спорным отношениям права Российской Федерации и, соответственно, Венской конвенции как его составной части³.

¹ Предметом спора выступала оплата инвойсов за 1988 г. Венская конвенция вступила в силу для Франции 01 января 1988 г., а для Германии – 01 января 1991 г.

² Case 281: Germany: Oberlandesgericht Koblenz, 2 U 1230/91 [17 September 1993] CLOUT. A/CN.9/SER.C/ABSTRACTS/26. 3 December 1999 at 12.

³ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № ВАС-11037/10 «Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации».

Всецело поддерживая тезис о применимости Венской конвенции на основе подп. «б» п. 1 ст. 1 как части права страны, избранного судом посредством коллизионных норм, считаем критически важным сделать замечание касательно того, к каким коллизионным нормам потребуется прибегнуть в том или другом случае. В свете существования коллизионных норм не только национальных, но и унифицированных на уровне международных договоров с различным количеством государств-участников мы целенаправленно в рамках настоящего исследования указали на то, что решение судом коллизионного вопроса для договоров, заключенных одним отечественным лицом с лицами различной национальной принадлежности, может подчиняться различным коллизионным нормам.

В изложенном примере контракт был заключен между юридическими лицами, имевшими национальную принадлежность Казахстана и Российской Федерации. При решении коллизионного вопроса в его отношении важно было учитывать, что поименованные государства выступают участниками Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, норма п. «е» ст. 11 которого в отличие от правил ст. 1211 ГК РФ привязывает договорное обязательство к праву места совершения договора. В Определении Высшего Арбитражного Суда РФ место заключения спорного контракта отражения не нашло. Однако если оно относилось к территории Казахстана, то обращение коллегии судей к не подлежавшей применению в этом случае коллизионной норме повлекло за собой выбор ненадлежащего применимого права и, следовательно, неосновательное применение Венской конвенции¹.

В этой связи следует также отметить, что отличие унифицированных материально-правовых и коллизионных норм международных договоров от аналогичных норм национального характера состоит не только в приоритете

¹ Изложенное будет справедливо и для договоров, заключенных отечественными лицами с контрагентами из Таджикистана или до 01 июня 2023 г. из Туркменистана, которые наряду с Российской Федерацией являются участниками Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, но не являются или не являлись до указанной даты участниками Венской конвенции.

первых по отношению ко вторым, но и в отличающемся порядке их толкования и применения. Даже выступая на основании ч. 4 ст. 15 Конституции РФ в качестве составной части правовой системы Российской Федерации, нормы международных договоров сохраняют генетическую принадлежность системе международного права. Так, в свете разъяснения Пленума Верховного Суда РФ¹, толкование отечественным судом коллизионной нормы п. «е» ст. 11 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, в отличие от подобной нормы ст. 1211 ГК РФ должно осуществляться по правилам Венской конвенции о праве международных договоров, что позволит суду при соблюдении ряда условий подключать разнообразные средства толкования вплоть до подготовительных материалов и обстоятельств заключения договора.

Подводя итог анализу положений п. 1 ст. 1 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, регламентирующих сферу действия данного свода унифицированных материально-правовых норм, считаем важным подчеркнуть, что сделанные в его рамках выводы имеют значение не только в связи с распространением договора международной купли-продажи товаров в современной системе трансграничных хозяйственных связей и значительным успехом Венской конвенции, но и в особенности в связи с тем, что впервые зафиксированный в Венской конвенции двухфакторный подход к определению сферы ее действия в последующем был воспринят и другими международными договорами, нацеленными на унификацию материального-правового регулирования в сфере международного гражданского оборота. В частности, Н. Г. Вилкова относит к таковым, «с учетом специфики регулируемых отношений», Женевскую конвенцию о представительстве при международной

¹ П. 10 Постановления (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2003. № 12).

купле-продаже товаров (подп. «а»-«б» п. 1 ст. 2 – о сфере действия¹), Оттавскую конвенцию о международном финансовом лизинге (подп. «а»-«б» п. 1 ст. 3 – о сфере действия²), Оттавскую конвенцию по международным факторинговым операциям (подп. «а»-«б» п. 1 ст. 2 – о сфере действия³)⁴.

Изложенное в целом выводит нас на фундаментальную проблему фрагментации международного права. Как пишет Р. А. Колодкин, обозначенная проблема стала «примечательной чертой дискуссии среди специалистов по международному праву» и предметом специального внимания Комиссии международного права ООН⁵. В международно-правовом разрезе фрагментация, «т.е. распад, разделение или разрушение целого на отрывочные, не полные, не связанные между собой части»⁶, рассматривается в различных плоскостях. Так, в Докладе Комиссии международного права отмечается, что фрагментация создает как институциональные проблемы, которые проявляются в различающихся векторах практики различных международных органов⁷, так и содержательные, показательным примером которых является развитие разнообразных автономных правовых режимов в пределах системы международного права⁸.

¹ Convention on Agency in the International Sale of Goods of 17 February 1983 (Geneva) – Официальный сайт УНИДРУА. URL: <https://www.unidroit.org/instruments/agency> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

² Конвенция о международном финансовом лизинге от 28 мая 1988 г. (г. Оттава) // СЗ РФ. 1999. № 32. Ст. 4040.

³ Конвенция по международным факторинговым операциям от 28 мая 1988 г. (г. Оттава) // СЗ РФ. 2015. № 15. Ст. 2198.

⁴ Вилкова Н. Г. Договорное право в международном обороте... С. 171.

⁵ Колодкин Р. А. Фрагментация международного права // Московский журнал международного права. 2005. № 2. С. 38.

⁶ Там же. С. 39.

⁷ Например, о «конкуренции международных органов по разрешению споров» и примере преодоления вызванных ею противоречий «в рамках Европейской конвенции о защите прав человека» пишет Т. Н. Нешатаева (Нешатаева Т. Н. Европейская конвенция по правам человека и интеграция интеграций: пути преодоления фрагментации международного права // Международное правосудие. 2015. № 4. С. 3-10. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»).

⁸ Исследовательская группа Комиссии международного права ООН предпочла сосредоточиться на содержательной проблеме фрагментации, проявляющейся в «расщеплении права на узкоспециализированные “ячейки”, претендующие на относительную автономию друг от друга и от общего права» (Доклад Комиссии международного права Генеральной Ассамблее о работе ее пятьдесят восьмой сессии: Глава XII «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного

Применительно к регулированию гражданских отношений трансграничного характера говорить о фрагментации в строго международно-правовом понимании этого явления затруднительно, прежде всего, в связи со спецификой функционирования регуляторов в исследуемой сфере. Однако в современных условиях имеются все основания заявлять о критическом усложнении механизмов регулирования в международном частном праве по своей сути аналогичном фрагментации международного права, но с особенностями тех измерений, в которых развивается регламентация гражданских отношений, осложненных иностранным элементом.

В частности, решение коллизионного вопроса судом на основании коллизионной нормы в национальном законодательстве или международном договоре либо отсылка соглашения сторон о выборе права могут вести к применению материальных норм как национального законодательства, так и международного договора. При этом особенно важное значение имеет то, что международные договоры, унифицирующие как коллизионные, так и материально-правовые нормы, на протяжении более чем века активно разрабатываются на самых различных уровнях: на уровне универсальных организаций с предметной специализацией в рамках системы ООН и за ее пределами (наиболее показательны ЮНСИТРАЛ, УНИДРУА, Гаагская конференция по международному частному праву), на уровне региональных международных организаций широкой компетенции (в контексте настоящего исследования наиболее показательны СНГ) и т.д. Более того, как показал анализ положений, определяющих сферу действия Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров (воспринятых рядом других международных договоров), усложненный порядок определения сферы действия таких договоров, по общему правилу требующий участия в нем государств национальной принадлежности (основного места деятельности и др.) всех участников спорного правоотношения, порождает ситуацию сосуществования

аналогичных, но отличающихся по содержанию норм в источниках разной системной принадлежности и разной сферы действия.

Сама по себе описанная ситуация составляет явление объективной реальности, однако в той мере, в какой международное сообщество продолжает активно продуцировать все новые международные договоры и документы иной природы, актуализуется вопрос о пределах прочности системы и способности правоприменителя эффективно пользоваться усложняющимся комплексом норм¹. В этой связи показательны два примера.

Первый закономерно вытекает из проанализированного Определения Высшего Арбитражного Суда РФ, в котором коллегия судей в отсутствие соглашения сторон контракта, имевших национальную принадлежность (предположительно – и места основной деятельности) Казахстана и Российской Федерации, о применимом праве обратилась к коллизионной норме ст. 1211 ГК РФ, отсылавшей к праву места основной деятельности поставщика, в то время как применяемая в силу участия Казахстана и России в Соглашении о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, норма п. «е» ст. 11 названного соглашения отослала бы спорное отношение к праву места совершения договора.

Подчеркнем, что мы намеренно указали на применимость в описанном случае п. «е» ст. 11 Соглашения, участниками которого являются Казахстан и Россия. Это обусловлено тем, что именно данная унифицированная для стран СНГ коллизионная норма получает эффективное применение в значительном количестве актов судов Российской Федерации. Осмелимся предположить, что «популярность» данной нормы связана с тем, что она получила освещение в нескольких обзорах практики Высшего Арбитражного Суда РФ². Как следствие,

¹ М. Н. Кузнецов справедливо отмечает, что наблюдаемый рост международного частного права «опережает осмысление этого процесса наукой и требует ревизии некоторых устаревших представлений о его сущности и роли в современной жизни» (*Кузнецов М. Н. Международное частное право: признаки кризиса или признаки роста // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2012. № 2. С. 187*).

² Для решения коллизионного вопроса в отношении договора поставки, сторонами которого выступали юридические лица Беларуси и России, – п. 10 Обзора (Информационное

будучи проинформированными о выработанных Президиумом ВАС РФ рекомендациях по итогам обзора практики разрешения соответствующих споров, отечественные арбитражные суды успешно обращались к коллизионной норме п. «е» ст. 11 Соглашения¹.

Вместе с тем, важно отметить, что коллизионная норма, определяющая договорный статут, имеется и в ст. 44 Кишиневской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, участниками которой также являются Казахстан и Россия. Причем Кишиневская конвенция была принята и вступила в силу, в том числе для названных стран, позже Соглашения². Это значит, что, с точки зрения правила *lex posterior derogat*

письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 февраля 1998 г. № 29 «Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц» // Вестник ВАС РФ. 1998. № 4). Также для решения коллизионного вопроса в отношении договора поставки, сторонами которого выступали юридические лица Беларуси и России, с акцентом на том, что «если Соглашение применимо к спорным правоотношениям, ... суд руководствуется соответствующими коллизионными нормами, предусмотренными ... Соглашением, а не ГК РФ» – п. 11 Обзора (Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 158 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц»).

¹ Для определения субсидиарного статута по вопросам, не урегулированным Венской конвенцией о договорах международной купли-продажи товаров и вытекающим из договора поставки, сторонами которого выступали юридические лица Беларуси и России, – Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23 марта 2006 г. № Ф08-944/06. Для решения коллизионного вопроса в отношении договора аренды, сторонами которого выступали юридические лица Беларуси и России, – Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20 ноября 2008 г. № Ф04-6483/2008 (14627-А45-21). Для решения коллизионного вопроса в отношении договора поставки, сторонами которого выступали юридические лица Казахстана и России, – Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 09 января 2002 г. № 4478; Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 31 мая 2005 г. № КГ-А40/4269-05 (в последнем Постановлении национальная принадлежность сторон договора не указана, однако из текста судебного акта и информации в открытых источниках можно заключить, что они относятся к Казахстану и России). Для решения коллизионного вопроса в отношении договора поставки, сторонами которого выступали юридические лица Туркменистана и России, в разрезе доводов кассационной жалобы на определение о признании и приведении в исполнение решения Арбитражного суда Туркменистана – Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18 января 2010 г. № А43-37935/2009.

² Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 г. вступило в силу для России – 19 декабря 1992 г., а для Казахстана – 20 апреля 1994 г. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07 октября 2002 г. вступила в силу для России – 28 июня 2023 г., а для Казахстана – 27 апреля 2004 г.

legi priori («последующий закон отменяет предыдущие»)¹, коллизийная норма Кишиневской конвенции может претендовать на приоритет по отношению к норме заключенного ранее теми же сторонами по тому же вопросу Соглашения.

Однако, например, в разрезе признания и приведения в исполнение решений судов стран СНГ по экономическим спорам рядом правоведов было высказано мнение о том, что Соглашение представляет собой специальный закон по отношению к предшественнице Кишиневской конвенции – Минской конвенции²; а значит, с точки зрения правила *lex specialis derogat legi generali*, в силу которого «приоритет уделяется норме, которая является более конкретной»³, коллизийная норма Соглашения (но не Минской или Кишиневской конвенции) может по-прежнему применяться арбитражными судами при рассмотрении экономических споров между национальными лицами государств-участников Соглашения.

В отношении обозначенных правил определения приоритета того или иного международного договора в целом нельзя не признать, что их соотношение между собой является весьма неоднозначным. Так, даже в Докладе Комиссии международного права ООН, специально посвященном проблеме фрагментации международного права, констатируется: «Вопрос о преобладании того или иного соображения, т.е. вопрос о том, является ли преобладающим конкретность или время появления нормы, решается с учетом контекста»⁴.

Существенным подспорьем в определении соотношения Соглашения и Кишиневской конвенции выступает ст. 118 самой Кишиневской конвенции, которая гласит, что ее положения не «затрагивают прав и обязательств

¹ Доклад Комиссии международного права... Глава XII «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права».

² Неиштаева Т. Н. Международное частное право и международный гражданский процесс... С. 532; Ярков В. В. Киевское соглашение или Минская конвенция: проблемы соотношения при признании и приведении в исполнение решений судов государств СНГ по экономическим спорам // Закон. 2007. № 11. Режим доступа: СПС «Гарант».

³ Доклад Комиссии международного права... Глава XII «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права».

⁴ Там же.

Договаривающихся Сторон, вытекающих из других международных договоров, участниками которых они являются или могут стать». Аналогичное положение закреплено в ст. 82 Минской конвенции¹. Изложенное в совокупности позволяет заключить, что коллизийная норма п. «е» ст. 11 Соглашения является ранее принятой, но специальной нормой и продолжает применяться для определения статута договорных обязательств между хозяйствующими субъектами государств-участников Соглашения, в то время как ст. 44 Кишиневской конвенции (как и ст. 41 Минской конвенции) является позднее принятой, но общей нормой, которая применяется за пределами экономических споров для определения статута договорных обязательств национальных лиц государств-участников конвенции.

Особенно важно, что оценка Соглашения как специального, регулирующего «более узкий круг отношений, возникающих ... по хозяйственным делам», и обязательного к применению государствами-участниками по хозяйственным спорам, нашел отражение в Решении экономического суда СНГ². Однако изложенный вывод ставит под сомнение акты арбитражных судов, в которых для решения коллизийного вопроса применяется не п. «е» ст. 11 Соглашения, а, в частности, ст. 41 Минской конвенции³. Конечно, в аспекте определения договорного статута отмеченную ошибку можно признать незначительной, так

¹ Правилу ст. 82 Минской конвенции придается большое значение при определении правового режима признания и приведения в исполнение решений судов стран СНГ по экономическим спорам (*Нешатаева Т. Н.* Международное частное право и международный гражданский процесс... С. 532; *Ярков В. В.* Указ. соч.).

² Решение Экономического Суда СНГ от 21 февраля 2007 г. № 01-1/2-06. Решение адресует вопросы оказания правовой помощи, признания и исполнения иностранных судебных решений, но, на наш взгляд, его общая позиция по соотношению Соглашения и Минской конвенции справедлива и для иных положений данных международных договоров, а равно и для соотношения Соглашения и Кишиневской конвенции, нацеленной выступить заменой Минской.

³ Для решения коллизийного вопроса в отношении договора аренды, сторонами которого выступали юридические лица Казахстана и России, – Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 07 марта 2006 г. № Ф09-101/06-С6.

как в действительности обе обсуждаемые нормы устанавливают отсылку к праву места совершения договора и являются практически идентичными текстуально¹.

Тем не менее, в общем плане описанная ситуация выступает иллюстрацией того, как нарастающий массив сложно сочетаемых регуляторов в условиях активного международного нормотворчества, выдающего на-гора нормы общие и специальные; универсальные, региональные и двусторонние с разными государствами-участниками, на наш взгляд, испытывает предел прочности правоприменителя в части адекватного осмысления и использования чрезвычайно фрагментированной агломерации предписаний. Полагаем, что встречающиеся в судебной практике примеры применения национальной коллизионной нормы вместо надлежащей международной, а равно нормы одного международного договора вместо надлежащего другого – не просто случайные ошибки, а индикаторы влияния нарастающей фрагментации нормативного массива в сфере регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, на устойчивость правоприменительных результатов.

Второй пример, который мы считаем важным привести в настоящей работе, поднимает более широкую проблему международного нормотворчества как такового. В этой связи обратим внимание на несколько международных договоров, которые были разработаны Гаагской конференцией по международному частному праву в целях унификации коллизионного регулирования договорных отношений трансграничного характера.

Гаагская конвенция о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, 1955 г. получает широкое признание в качестве первого универсального международного договора, который провозглашает автономию воли сторон договорных правоотношений². Вместе с тем, на данный момент участниками

¹ Единственное несущественное текстуальное отличие рассматриваемых норм состоит в том, что ст. 41 Минской конвенции отсылает «права и обязанности сторон по сделке» к «законодательству места совершения», в то время как п. «е» ст. 11 Киевского соглашения – к «законодательству места *ее* совершения (курсив наш. – Т.Н.)».

² *Вилкова Н. Г.* Договорное право в международном обороте... С. 109; *Покровская А. Б.* Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом... С. 44-45.

Гаагской конвенции 1955 г. являются всего восемь государств¹, а ее положения предусматривают устаревший строгий стандарт для соглашений о применимом праве (внутреннее право страны; выбор, основанный только на условиях договора). Несмотря на это Гаагская конвенция 1955 г. остается юридически действительным инструментом, в том числе для государств-членов ЕС². В этих условиях представляется, что крайне ограниченное количество участников Гаагской конвенции 1955 г., образующее для большинства из них сложно сочетаемый дуализм источников коллизионного регулирования, не обоснованный практической необходимостью, не позволяет говорить о достижении цели унификации, состоящей в создании единообразного поля коллизионного регулирования на значительной территории.

Гаагская конвенция о праве, применимом к агентским соглашениям, 1978 г. заслуживает специального исследования по двум причинам. Во-первых, в вопросе закрепления автономии воли конвенция является промежуточным звеном между Гаагскими конвенциями 1955 г. и 1986 г., унифицирующими коллизионные нормы о договоре международной купли-продажи товаров. Так, ст. 5 конвенции гласит: «Агентские отношения между принципалом и агентом регулируются избранным ими внутренним правом»³. Следовательно, рассматриваемая норма позволяет сторонам избрать только «внутреннее право», но при этом в совокупности с нормой ст. 4 санкционирует выбор сторонами права «третьей»

¹ Государствами-участниками конвенции являются Дания, Италия, Нигер, Норвегия, Финляндия, Франция, Швейцария и Швеция (Convention of 15 June 1955 on the Law applicable to International Sales of Goods: Status Table... дата обращения: 01 августа 2025 г.).

² Государства-участники конвенции, являющиеся членами ЕС: Дания, Италия, Финляндия, Франция и Швеция (About the EU: Countries... дата обращения: 01 августа 2025 г.).

³ Заслуживает внимания следующий тезис Пояснительного отчета к конвенции: «Данное положение отражает единогласное мнение Комиссии о том, что в соответствии с общепризнанными принципами международного частного права автономии воли сторон должен быть отдан приоритет при определении права, применимого к агентским отношениям между принципалом и агентом (курсив наш. – Т.Н.)» – п. 45 Пояснительного отчета (Convention on the Law applicable to Agency, Draft Convention adopted by the Thirteenth Session and Explanatory Report by I. G. F. Karsten, edited by the Permanent Bureau of the Conference (1979) at 19-20; далее по тексту – Explanatory Report by I. G. F. Karsten).

страны, в том числе не участвующей в конвенции¹. При этом, как далее закрепляет ст. 5 конвенции, выбор агента и принципала «должен быть выражен прямо либо в такой форме, которая позволяет с достаточной определенностью установить применимое право исходя из условий договора между сторонами и обстоятельств дела»².

Во-вторых, Гагская конвенция 1978 г. связывает автономию воли не только с отношениями агента и принципала, но и с отношениями принципала и третьих лиц³. Тем не менее, специфика последних сказалась и на степени развития в них автономии воли. Так, ст. 14 конвенции предписывает, что «если письменное указание принципала или третьего лица на право, подлежащее применению ..., было прямо принято другой стороной, к указанным вопросам должно применяться обозначенное таким образом право». Следовательно, изложенная норма гарантирует возможность выбора применимого права принципалу и третьему лицу, но выбор может быть только прямым, выраженным в письменной форме, с одной стороны, и прямо принятым, с другой.

Несмотря на обозначенные достижения Гагской конвенции 1978 г. следует констатировать, что, с одной стороны, она отвечает специфике правоотношений,

¹ Ст. 4 Гагской конвенции 1978 г. устанавливает: «Право, определенное в соответствии с настоящей Конвенцией, применяется вне зависимости от того, является ли оно правом одной из Сторон». Н. Г. Вилкова указывает, что данная конвенция – «первый международно-правовой документ», закрепляющий выбор национальными лицами государств-участников международного договора права государства, не участвующего в нем» (*Вилкова Н. Г. Агентские договоры // Закон. 2000. № 7. С. 102; Вилкова Н. Г. Международные коммерческие контракты: теория и практика унификации правового регулирования... С. 147*).

² Как отмечается в Пояснительном отчете к конвенции, «по мнению большинства делегатов, было бы неестественно и в некоторых случаях несправедливо по отношению к сторонам запретить суду выводить намерение сторон из обстоятельств», но при этом нужно «гарантировать, что суд придаст значение только реальному выбору в отличие от подразумеваемого выбора, приписываемого сторонам судом» – п. 47 Пояснительного отчета (*Explanatory Report by I. G. F. Karsten... at 19-20*).

³ Нельзя не отметить, что в отечественной литературе в рамках характеристики Гагской конвенции 1978 г. основное внимание традиционно уделяется автономии воли, установленной ст. 5 для отношений агента и принципала. См.: *Канашевский В. А. Агентские соглашения и договоры комиссии во внешнеторговом обороте // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 100-101; Попова Е. В. Право, применимое к агентированию (сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 27-37, 102-104; Проблемы унификации международного частного права / под ред. А. Л. Маковского, И. О. Хлестовой... автор главы 3 – М. А. Цирина (Хатаева).*

складывающихся на основании агентских соглашений, и признает автономию воли сторон двух типов правоотношений: как между агентом и принципалом, так и принципала с третьими лицами. С другой стороны, даже для «классических» правоотношений агента и принципала рассматриваемая конвенция закрепляет некий «промежуточный» стандарт автономии воли, который объективно уже не отвечает современным представлениям в данной области.

Более того, на текущий момент Гагская конвенция 1978 г. действует всего для четырех государств¹, что, как и в случае с Гагской конвенцией 1955 г, ведет к образованию незначительного островка действия унифицированного поля коллизионного регулирования, увеличивающего массив довлеющих над национальными правоприменителями источников коллизионных норм, но при этом не содействующего единообразию правовых исходов за счет единообразия коллизионных отсылок среди сколько-нибудь значительного числа государств.

Безусловно, важно понимать, что разработка всякого международного договора – чрезвычайно трудоемкий процесс, требующий усилий профильных специалистов, многолетнего согласования текстов делегатами и т.п. При этом конечный результат процедуры международного нормотворчества и масштаб принятия полученного проекта со стороны международного сообщества зачастую весьма непредсказуемы. Так, касательно упомянутой Гагской конвенции 1978 г. непосредственно после ее принятия в специальной литературе утвердилось представление о том, что в условиях ярких различий национальных законодательств она образует прекрасный пример согласования интересов, лежащих в основе правового регулирования сложной сферы². Однако, как показала последующая история, успех Гагской конвенции 1978 г. в свете ее

¹ Государствами-участниками конвенции являются Аргентина, Нидерланды, Португалия и Франция (Convention of 14 March 1978 on the Law applicable to Agency: Status Table – Официальный сайт Гагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=89>, дата обращения: 01 августа 2025 г.).

² Peter Hay & Wolfram Müller-Freienfels, “Agency in the Conflict of Laws and the 1978 Hague Convention” (1979) *The American Journal of Comparative Law*, Vol. 27 (1) at 1-2.

действия для крайне ограниченного количества государств вряд ли можно признать значительным.

Более того, представляется, что действие множества разнообразных международных договоров с различным количеством участников одновременно с существованием национального законодательства может нанести больше вреда устойчивости и предсказуемости правоприменительного процесса, чем пользы. В этой связи оптимальным видится установление значительных количественных, с точки зрения участвующих государств, порогов для вступления в силу международных договоров, нацеленных на унификацию коллизионного и материально-правового регулирования. Например, слишком лояльные, на наш взгляд, условия вступления в силу заложены Гаагской конференцией по международному частному праву для рассмотренных договоров: 5 государств – для Гаагских конвенций 1955 г. (ст. 9) и 1986 г. (ст. 27)¹ и 3 государства – для Гаагской конвенции 1978 г. (ст. 26). В свою очередь требования, более адекватные универсальной «задумке» международных договоров, предусмотрены отдельными договорами, разработанными под эгидой ООН: для Венской конвенции 1980 г. – 10 государств (ст. 99) или, как показательный пример, для Конвенции о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности – 30 государств (ст. 30)².

По этой причине представляется разумным для тех международных договоров, которые не достигли поставленной перед ними цели унификации коллизионного или материально-правового режима в области международного гражданского оборота, рассмотреть возможность их денонсации. Это может быть в особенности значимым для динамически развивающихся правовых институтов и принципов, как, например, автономия воли, стандарт которой за последние семьдесят лет с момента разработки Гаагской конвенции 1955 г. эволюционировал невероятно. Конечно, нужно понимать, что процедура

¹ Гаагская конвенция 1986 г. до сих пор не набрала даже столь незначительное количество государств, выразивших согласие на ее обязательность.

² По состоянию на 01 августа 2025 г. и эта конвенция не вступила в силу, набрав 25 государств, выразивших согласие на ее обязательность.

денонсации международного договора требует надлежаще оформленного волеизъявления каждого государства и в этом смысле она является столь же трудоемкой и сложной, как и процедура выражения согласия на обязательность международного договора. Тем не менее, мы полагаем, что адекватность, непротиворечивость и эффективность регулирования и без того сложных гражданско-правовых отношений трансграничного характера стоит того, чтобы не только продуцировать новые инструменты, но и отслеживать, оценивать и выводить из оборота устаревшие и/или неэффективные.

В этом смысле интересный пример представляет соотношение Единообразных законов о международной купле-продаже товаров и о заключении договоров о международной купле-продаже товаров 1964 г. с Венской конвенцией 1980 г. В соответствии с п. 3 ст. 99 Венской конвенции всякое государство, участвующее в одной или обеих Гаагских конвенциях об указанных единообразных законах, при выражении согласия на обязательность Венской конвенции одновременно денонсирует одну или обе Гаагские конвенции. Как следствие, подавляющее большинство государств-участников указанных Гаагских конвенций денонсировали их¹ и в настоящее время являются участниками Венской конвенции. Однако даже в таком весьма прозрачно регламентированном процессе замены одного международного договора другим имеются исключения. В частности, Гамбия и Великобритания не значатся в числе участников Венской конвенции и, вероятно, по этой причине не денонсировали обе вступившие для них в силу Гаагские конвенции, формально оставшись их участниками.

Однако значимость продолжающегося участия Великобритании и Гамбии в указанных Единообразных законах фактически сводится к нулю за счет заявленной обеими странами оговорки, в соответствии с которой законы

¹ Государства, которые участвовали в обеих Гаагских конвенциях, денонсировали их и стали участниками Венской конвенции: Бельгия, Германия, Израиль, Италия, Люксембург, Нидерланды, Сан-Марино (Status – Convention relating to a Uniform Law on the International Sale of Goods of 01 July 1964 (Hague) – Официальный сайт УНИДРУА. URL: <https://www.unidroit.org/instruments/international-sales/ulis-1964/status/>, дата обращения: 01 августа 2025 г.; Status – Convention relating to a Uniform Law on the Formation of Contracts for the International Sale of Goods of 01 July 1964 (Hague) – Официальный сайт УНИДРУА. URL: <https://www.unidroit.org/instruments/international-sales/ulfc-1964/status/>, дата обращения: 01 августа 2025 г.).

подлежат применению только в случае, когда сами стороны избрали их в качестве применимых к договору¹. Очевидно, что в современных условиях широкомасштабного признания Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (не говоря уже о многочисленных источниках *lex mercatoria*) даже гипотетическая возможность выбора в договоре анализируемых Единообразных законов практически не осуществима. Соответственно, и в этом случае не теряет актуальности вопрос о целесообразности сохранения в массиве юридически действительных источников регулирования договорных отношений с иностранным элементом фактически недействующих Единообразных законов о международной купле-продаже товаров и о заключении договоров о международной купле-продаже товаров 1964 г.

В аспекте соотношения коллизионного и унифицированного материально-правового регулирования гражданских отношений трансграничного характера необходимо отметить, что поскольку Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров априори не способна покрыть все вопросы даже в заявленной области², при разрешении конкретного спора суду либо арбитражу может потребоваться определение национального материального права в качестве субсидиарного статута³. При этом сообразно дихотомии в коллизионно-правовом регулировании такой субсидиарный статут может быть выбран самими сторонами, а в отсутствие выбора сторон – будет определен судом на основании коллизионных норм либо арбитражем в соответствии с установленной методикой.

Наконец, особый интерес в аспекте исследования автономии воли в международном частном праве составляет установленная ст. 6 Венской

¹ Henning Lutz, “The Cisg and Common Law Courts: Is There Really a Problem” (2004) *Victoria University of Wellington Law Review*, Vol. 35 at 713.

² Как указывает ст. 4 Венской конвенции, она не покрывает вопросы действительности договора, а также его последствий в отношении права собственности на товар. Это обстоятельство получает широкое отражение в специальной литературе (Filip De Ly, “Sources of International Sales Law: An Eclectic Model” (2005) *Journal of Law and Commerce*, Vol. 25 (1) at 7).

³ Как указывает п. 2 ст. 7 Венской конвенции, даже в отношении вопросов, которые относятся к предмету ее регулирования, потребует установление применимого права на основании коллизионных норм, если такие вопросы в конвенции не разрешены и не могут быть разрешены на основании ее общих принципов.

конвенции возможность сторон договора международной купли-продажи товаров исключить ее применение. Нельзя не заметить, что указанная возможность является революционной с точки зрения общеобязательного характера правового регулирования как такового и в сущности позволяет сторонам самостоятельно фрагментировать правовую основу сложившегося между ними договорного правоотношения.

Степень фрагментации такого рода может увеличиваться в геометрической прогрессии на фоне расширяющегося под эгидой принципа автономии воли признания возможности сторон выбрать не только национальное право какого-либо государства, но и автономный негосударственный регулятор. По данному вопросу п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» разъясняет, что стороны «вправе выбрать документы, содержащие правила, рекомендованные ... международными организациями или объединениями государств» (например, Принципы УНИДРУА¹). Однако какой бы то ни было источник норм негосударственного регулирования, аналогично Венской конвенции, не покрывает и не способен покрыть все вопросы взаимоотношений сторон, что также потребует определения национального права. Как подмечает в этой связи М. В. Мажорина, «в последнем случае право будет играть роль субсидиарного статута, к которому можно будет прибегнуть в случае пробела в “неправе”»².

Еще более драматический характер раздробленность регулирования договорных отношений трансграничного характера приобретает в свете допускаемого п. 4 ст. 1210 ГК РФ депесяжа – возможности «выбрать ... право для договора как в целом, так и для отдельных его частей»³. В этой связи в практике рассмотрения трансграничных споров сформировался подход, в соответствии с

¹ UNIDROIT Principles on International Commercial Contracts 2016 – Официальный сайт УНИДРУА. URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-i.pdf> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

² Мажорина М. В. Право на выбор неправа: как открыть ящик Пандоры с помощью *lex voluntatis* // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 12. С. 13.

³ П. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

которым указание сторонами на выбор права для каких-то вопросов сложившихся между ними отношений толкуется ограничительно как покрывающее только прямо поименованные вопросы (как-то, заключение и исполнение договора¹, ответственность²), а для не поименованных вопросов потребуется установление применимого права на основе коллизионных норм. Описанное положение дел не составляет фрагментацию именно источников правового регулирования, но дробит поле правового воздействия на различные аспекты взаимоотношений сторон в рамках общей картины взаимодействия между ними.

Что примечательно, указанное дробление различных вопросов или аспектов договорных правоотношений вызывает весьма настороженное отношение специалистов. Так, Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что депесаж «допустим при условии, что применение различного права для отдельных частей одного договора не порождает непреодолимых противоречий и не влечет признания договора или его части недействительными или незаключенными»³. Вместе с тем, аналогичная настороженность по общему правилу не проявляется в отношении фрагментации регуляторов, вытекающей из возможностей сторон как исключить, так и подключить одни источники, оставив выбор других на усмотрение суда или арбитража.

Исключение составляет исследование М. В. Мажориной, которая в разрезе допускаемого в силу принципа автономии воли выбора негосударственных регуляторов констатирует: «Фрагментированное правовое пространство, само по себе существенно отличающееся от государства к государству, может коллизировать со стремительно масштабируемым, еще более неоднородным негосударственным массивом норм, исходящим от негосударственных акторов»⁴. Как следствие, автор делает обоснованный вывод, что описанное положение дел

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 22 ноября 2017 г. по делу № 33-42337/2017.

² Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 21 июня 2011 г. № КГ-А40/4932-11-П по делу № А40-135804/09-65-702.

³ П. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

⁴ Мажорина М. В. Право на выбор неправа: как открыть ящик Пандоры с помощью *lex voluntatis*... С. 20.

«требуется выработки и настройки соответствующей методологии международного частного права»¹. Представляется, что предложение М. В. Мажориной справедливо и в более общем ключе в отношении описанной нами на различных уровнях фрагментации регуляторов гражданских отношений.

Анализ взаимодействия коллизионного (представленного принципами автономии воли и наиболее тесной связи) и унифицированного материально-правового регулирования гражданских отношений международного характера дал следующие результаты.

На примере норм о сфере действия Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров (воспринятых другими международными договорами) необходимо заключить, что предпосылками применения унифицированных материально-правовых норм выступают, во-первых, в порядке разрешения коллизии норм права в теоретико-правовом ключе – конституционно-правовые нормы о приоритете международных договоров (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ); специальные нормы о приоритете международных договоров, содержащих унифицированные материально-правовые нормы (ч. 3 ст. 1186 ГК РФ); положения о сфере действия того международного договора, о применении материально-правовых норм которого ставится вопрос (например, подп. «а» п. 1 ст. 1 Венской конвенции).

Во-вторых, предпосылкой применения унифицированных материально-правовых норм способен выступать коллизионный метод регулирования в международном частном праве (например, по подп. «b» п. 1 ст. 1 Венской конвенции). При этом сообразно дихотомии коллизионного регулирования применение унифицированных материально-правовых норм международного договора может обуславливаться выбором материального права государства-участника международного договора как самими сторонами (в той мере, в какой коллизионное право страны суда признает автономию воли), так и судом на основании коллизионных норм (и отраженного в привязках таких норм принципа

¹ Мажорина М. В. Право на выбор неправа: как открыть ящик Пандоры с помощью *lex voluntatis*... С. 20.

наиболее тесной связи). Изложенная логика справедлива для международного коммерческого арбитража с учетом специфики установленной для него методики решения коллизионного вопроса.

Комплексное исследование механизма регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, позволяет выявить явление фрагментации этого регулирования, которое проявляется на двух уровнях. На уровне объективно существующего множества правовых регуляторов в исследуемой области фрагментация проявляется в сосуществовании юридически действительных коллизионных норм национального законодательства и одновременно нескольких международных договоров с различным числом участников и разной сферой действия, которые в свою очередь ведут к применению отличных национальных правопорядков, в том числе способных включать те или иные унифицированные материально-правовые нормы.

Описанное явление составляет объективное следствие активно развивающегося международного нормотворчества. Вместе с тем, его негативные проявления могут быть минимизированы, во-первых, установлением значимых количественных, с точки зрения государств-участников, порогов для вступления в силу международных договоров, нацеленных на унификацию коллизионного и материально-правового регулирования; во-вторых, обсуждением денонсации для международных договоров, которые не достигли поставленной перед ними цели унификации коллизионного или материально-правового режима для существенного количества государств.

На уровне реализации сторонами автономии воли фрагментация проявляется в двух измерениях. Во-первых, в стремительно расширяющихся возможностях сторон договорных правоотношений, осложненных иностранным элементом, выбирать – как подключать, так и исключать – определенные источники (в числе которых как международные договоры, так и автономные негосударственные регуляторы), за пределами сферы охвата которых субсидиарный статут определяется судом на основании не менее фрагментированных коллизионных норм или арбитражем с учетом специфики

установленной для него методики. Таким образом, конечный набор регуляторов может представлять собой коллаж правовых и неправовых регуляторов, с подключением или исключением тех или иных источников, субсидиарно дополняемых национальным правопорядком той или иной страны, то есть такой «регулятивный коллаж», который был собран сторонами и дополнен судом или арбитражем и который объективно не существует ни в одном государстве и никак не гарантирует внутренней согласованности и непротиворечивости собранных предписаний.

Во-вторых, на уровне реализации сторонами автономии воли фрагментация проявляется не только в дроблении и подборе самих регуляторов, но и в расщеплении (депесаже) поля регулятивного воздействия на различные вопросы (аспекты) взаимоотношений сторон. Будучи широко признанной возможностью в рамках автономии воли сторон договорного правоотношения трансграничного характера, тем не менее, депесаж в своей исполнимости ограничен требованием отсутствия непреодолимых противоречий. Представляется, что по аналогии это требование может быть использовано и для собранного сторонами из различных источников «регулятивного коллажа», поскольку иное – в случае непреодолимых противоречий между разнообразными источниками в применении к единым взаимоотношениям сторон – не позволит суду или арбитражу адекватно разрешить спор.

Проведенное исследование в целом позволяет выдвинуть тезис о том, что в современном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, наблюдается явление фрагментации, проявляющееся, во-первых, в объективном сосуществовании различных коллизионных норм в национальном законодательстве и многочисленных международных договорах с различным количеством участников и отличающимися сферами действия, а также унифицированных материально-правовых норм с особенностями такого же рода; во-вторых, в субъективных возможностях сторон в рамках автономии воли, позволяющих как подбор «регулятивного коллажа» правовых и неправовых

источников по своему вкусу, так и расщепление поля правового воздействия на различные аспекты взаимоотношений сторон.

§ 3. Взаимодействие автономии воли участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, и ограничений применения иностранного права в судебном правоприменении

Как известно, механизм коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, в дополнение к принципам и нормам, нацеленным на решение центрального вопроса выбора применимого материального права, задействует некоторое количество коллизионных институтов, исполняющих функции общего характера, в числе которых квалификация юридических понятий, установление содержания норм иностранного права, ограничения применения иностранного права. При этом ограничения применения иностранного права имеют весьма существенное значение, так как по сути задуманы как воздействующие на конечный результат решения коллизионного вопроса, если такое решение сделано в пользу иностранного права. Соответственно, видится важным проанализировать взаимодействие ключевых коллизионных институтов, нацеленных на ограничение применения иностранного права, с одной стороны, и автономии воли как одного из альтернативных принципов коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, с другой.

В качестве исходной точки настоящего исследования важно определиться с тем, что следует понимать под ограничениями применения иностранного права. В частности, В. А. Канашевский относит к таковым сверхимперативные нормы (или нормы непосредственного применения – в терминологии актуальной редакции ГК РФ), публичный порядок и взаимность¹. При этом трактовка взаимности в отечественной доктрине международного частного права, на что указывает сам ученый, выходит за рамки решения коллизионного вопроса по смыслу ст. 1189 ГК

¹ Канашевский В. А. Международное частное право... С. 194-214.

РФ и в свете устоявшегося выделения материальной и формальной взаимности адресует правовое положение иностранных лиц¹. В этом смысле институт взаимности располагается в одном ряду с институтом реторсий в международном частном праве, что в свою очередь находит отражение в современной отечественной литературе².

На основании изложенного и в свете цели настоящего исследования мы будем рассматривать взаимодействие автономии воли с ключевыми ограничениями применения иностранного права: нормами непосредственного применения и оговоркой о публичном порядке. Указанные категории (институты) широко признаны в международном частном праве и в свете новейших геополитических изменений приобретают особую актуальность. Более того, поскольку оба предопределяются генеральной идеей защиты основ национального правопорядка, важнейшим вопросом настоящего параграфа является вопрос о том, составляет ли названная идея самостоятельный принцип коллизионного регулирования.

Так, Г. К. Дмитриева в качестве принципов международного частного права называет принцип суверенного равенства национального права государств, принцип защиты отечественного правопорядка и принцип наиболее тесной связи³. При этом О. А. Данилочкина, фактически воспроизводя предложенный Г. К. Дмитриевой перечень, дополняет его принципом автономии воли сторон⁴.

Устойчивое признание принцип защиты отечественного правопорядка получает в новейших работах как учебного, так и научного характера. В частности, Д. П. Стригунова в учебнике по международному частному праву указывает этот принцип в числе специальных принципов международного частного права наряду с принципами автономии воли и наиболее тесной связи, а

¹ Канашевский В. А. Международное частное право... С. 214.

² Богуславский М. М. Международное частное право... 2011. С. 97-103; Ерпылева Н. Ю. Международное частное право: учебник: В 3 т. Т. 1... С. 124-127.

³ Международное частное право: учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой... С. 32-35 (автор главы 1 – Г. К. Дмитриева).

⁴ Данилочкина О. А. Указ. соч. С. 7

также международной вежливостью, предоставлением «определенных режимов субъектам международного частного права», взаимностью и правом на реторсии¹.

В свою очередь М. В. Мещанова в качестве положения, выносимого на защиту по итогам диссертационного исследования, предлагает разделять принципы международного частного права «на принципы материально-правового регулирования и принципы коллизионного регулирования», признавая в качестве последних только принцип наиболее тесной связи и принцип защиты правопорядка государства суда².

Изложенное положение конечно отражает определенные закономерности в решении коллизионного вопроса, который традиционно зиждется на противопоставлении права зарубежного и отечественного. Тем не менее, признание только двух названных М. В. Мещановой принципов коллизионного регулирования было бы справедливым, если бы решение коллизионного вопроса для частноправовых отношений международного характера требовалось исключительно в суде и мыслилось как производимое исключительно и самостоятельно судом. Причем принцип наиболее тесной связи в таком прочтении весьма ярко выступал бы воплощением разнонаправленного подхода Ф. К. фон Савиньи, а «принцип защиты правопорядка государства суда» – его ограничением³.

Напротив, мы предлагаем более широкий взгляд на коллизионное регулирование как опосредующее решение коллизионного вопроса, которое осуществляют в определенных случаях сами стороны в силу принципа автономии

¹ Стригунова Д. П. Международное частное право: учебник. М.: КноРус, 2023. С. 24-27.

² Мещанова М. В. Система международного частного права Республики Беларусь... С. 7 (положение на защиту № 1).

³ В связи с изложенным важно сделать оговорку о том, что вне рамок приведенного перечня принципов коллизионного регулирования М. В. Мещанова также признает большое значение принципа автономии воли. В частности, правовед пишет: «Одним из основополагающих принципов международного частного права, в котором находит выражение коллизионная свобода участников международных коммерческих сделок, является принцип *lex voluntatis* (принцип «автономии воли сторон»)» (Мещанова М. В. Современные подходы к использованию принципа “*lex voluntatis*” в международных коммерческих контрактах // Свобода договора: сб. ст. / Серия «Анализ современного права». М.: Статут, 2016. С. 479; см. также: Мещанова М. В. Принцип «автономии воли сторон» в договорах международной купли-продажи товаров // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 23. Минск: БГУ, 2012. С. 9).

воли, а в ситуации отсутствия или недопустимости выбора сторон – суд или арбитраж для цели урегулирования частноправового спора международного характера.

Соответственно, идея защиты основ национального правопорядка представляется не принципом коллизионного *регулирования*, но *пределом* регулирующего действия двух альтернативных принципов выбора применимого права в том случае, когда такой выбор падает на иностранное (прежде всего, по отношению к суду) право. Восприятие оговорки о публичном порядке и норм непосредственного применения, выражающих анализируемую идею, именно в качестве ограничений действия иностранного права, избранного на основании коллизионных норм либо сторонами в силу автономии воли, находит подтверждение в высказываниях отечественных правоведов.

Так, В. П. Звеков в отношении норм непосредственного применения пишет, что эти нормы «способны ... ограничивать начало автономии воли сторон и действие иных коллизионных правил (курсив наш. – Т.Н.)»¹. С. В. Крохалев обосновывает концепцию «публичного порядка как общего защитного механизма национальной правовой системы»². В свою очередь М. М. Богуславский прямо указывает, что «применение ... иностранного права в силу отсылки к нему коллизионных норм или же на основании выбора права сторонами ... ограничивается» и оговоркой о публичном порядке, и нормами непосредственного применения³.

Таким образом, представляется, что названные институты, равно как и идея, выражением которой они являются, не образуют самостоятельный принцип коллизионного регулирования, потому что они сами по себе не регулируют, не обеспечивают достижение главной цели коллизионного регулирования. Они не дают ключа к решению вопроса о выборе применимого национального права,

¹ Международное частное право: учебник / под ред. Н. И. Марышевой... С. 95-96 (автор главы 4 – В. П. Звеков).

² Крохалев С. В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. Сравнительное исследование на основе правовых систем России и Франции: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 17 (положение на защиту № 5).

³ Богуславский М. М. Международное частное право... 2011. С. 128.

выступая лишь «фильтром» (действуя вне зависимости от или в ответ на последствия реализации) того выбора, который сделан на основе коллизионных норм или в силу автономии воли.

Вместе с тем, представляет непосредственный практический интерес то, что вне зависимости от принципа, положенного в основу выбора иностранного права (наиболее тесная связь, выраженная в коллизионной норме, или автономия воли), механизм реализации пределов применения такого выбора разнится как в зависимости от подключающегося института (оговорки о публичном порядке или норм непосредственного применения), так и в зависимости от юрисдикционного органа, на рассмотрении которого находится спор (суда или арбитража).

Наиболее выпукло идея защиты основ национального правопорядка прописывается в сводах национальных коллизионных норм, которые закономерно адресуются судам соответствующего государства. Так, суды Российской Федерации при решении коллизионного вопроса для гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, обращаются к положениям раздела VI ГК РФ, в котором получают закрепление оба названных института: нормы непосредственного применения (ст. 1192 ГК РФ) и оговорка о публичном порядке (ст. 1193 ГК РФ).

Нормы непосредственного применения, как следует из п. 1 ст. 1192 ГК РФ, в силу указания в самих таких нормах или «ввиду их особого значения ... регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права». В силу прямого указания п. 2 ст. 414 КТМ РФ к числу норм непосредственного применения повсеместно относят норму, в соответствии с которой выбор права сторонами договора (решение коллизионного вопроса в области торгового мореплавания на основании принципа автономии воли сторон) «не может повлечь ... устранение или уменьшение» установленной КТМ РФ ответственности перевозчика «за вред, причиненный жизни или здоровью пассажира, утрату или повреждение груза и багажа либо просрочку их доставки»¹.

¹ К числу норм непосредственного применения положение п. 2 ст. 414 ГК РФ относит п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении

Изложенный тезис требует двух пояснений. Во-первых, представляется, что в описанной ситуации нормами непосредственного применения будут выступать по существу те положения КТМ РФ, которые устанавливают ответственность перевозчика в области торгового мореплавания и которые будут применяться приоритетно по отношению к нормам права, избранного сторонами договора¹. В свою очередь п. 2 ст. 414 КТМ РФ служит лишь указанием на особый характер данных положений, но не выступает сам по себе нормой непосредственного применения, потому что соответствующие отношения не регулирует в принципе.

Во-вторых, как вытекает из текста п. 2 ст. 414 КТМ РФ, правила кодекса об ответственности перевозчика наделяются сверхимперативным характером только по отношению к выбору иностранного права, совершенному сторонами на основе принципа автономии воли. Если же иностранное право избрано судом при помощи коллизионной нормы, установленной для отношений в области торгового мореплавания, то размер ответственности перевозчика будет определяться соответствующим иностранным правом, даже если он ниже предписанного КТМ РФ.

Другой пример указания в законе на норму непосредственного применения составляет п. 2 ст. 156 СК РФ, который в отношении условий заключения брака на территории Российской Федерации закрепляет коллизионную отсылку к праву страны гражданства лица, вступающего в брак, однако с оговоркой о приоритете предписанных в ст. 14 кодекса обстоятельств, препятствующих вступлению в брак.

Таким образом, техника изложения п. 2 ст. 156 СК РФ, совмещающего коллизионную отсылку с приматом норм отечественного законодательства, по существу регламентирующих соответствующие отношения, позволяет сделать вывод о квалификации п. 2 ст. 156 СК РФ в качестве указания на

норм международного частного права судами Российской Федерации». Такая же позиция имеется и в специальной литературе (Канашевский В. А. Международное частное право... С. 196).

¹ На отнесение к категории норм непосредственного применения положений ряда статей глав VIII и IX КТМ РФ, касающихся «размера ответственности перевозчика», справедливо указывает А. А. Данилова (Данилова А. А. Нормы непосредственного применения (mandatory rules, lois de police, regles de application immediate) в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 116-117).

сверхимперативный характер норм ст. 14 кодекса¹. При этом, поскольку в отношении условий заключения брака не допускается выбор права лицами, вступающими в брак, в указанном случае для семейных отношений, осложненных иностранным элементом, нормы непосредственного применения, установленные ст. 14 СК РФ, действуют приоритетно по отношению к иностранному праву, избранному судом на основе коллизионной нормы, которая в свою очередь выражает принцип наиболее тесной связи в механизме коллизионного регулирования.

Таким образом, изложенные, вполне неоспоримые примеры норм непосредственного применения подтверждают, что они применяются приоритетно по отношению к иностранному праву, избранному как сторонами в силу принципа автономии воли, так и судом посредством коллизионной нормы, выступающей выражением принципа наиболее тесной связи.

Для уяснения механизма действия норм непосредственного применения в их соотношении с предлагаемыми нами принципами коллизионного регулирования, в том числе с принципом автономии воли сторон, важно указать следующее. В отличие от унифицированных материально-правовых норм международных договоров нормы непосредственного применения не исключают необходимости решения коллизионного вопроса. Они вступают в действие в случае, если осуществленный коллизионный выбор пал на иностранное право, и в целях защиты основ отечественного правопорядка устанавливают пределы реализации такого выбора за счет приоритетного применения особо значимых национальных материально-правовых норм.

При этом особенно любопытным является то, что даже в институте, главной целью которого является защита основ национального правопорядка, проявляется влияние разнонаправленного подхода Ф. К. фон Савиньи. Так, п. 2 ст. 1192 ГК РФ допускает, что «суд может принять во внимание» нормы непосредственного

¹ В этой связи мы не разделяем мнение О. Ф. Засемковой о том, что названный выше п. 2 ст. 414 КТМ РФ выступает «единственным примером» нормы непосредственного применения «вследствие прямого указания» (Засемкова О. Ф. Сверхимперативные нормы: теория и практика. М.: Инфотропик Медиа, 2018. Режим доступа: СПС «Гарант». Раздел 3.4).

применения иностранного государства, имеющего «тесную связь с отношением». Изложенное, даже в совокупности с оговоркой о необходимости суду в таком случае «учитывать назначение и характер таких норм, а также последствия их применения или неприменения», позволяет сделать вывод о том, что на уровне раздела VI ГК РФ заложены правовые основания для стремления к единообразию правовых исходов вне зависимости от того, в какой стране испрашивается судебная защита.

Оговорка о публичном порядке получает отражение в ст. 1193 ГК РФ и позволяет суду в исключительных случаях отказать в применении нормы иностранного права, «когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации».

Исследуемые институты норм непосредственного применения и оговорки о публичном порядке противостоят применению иностранного права в целях защиты основ национального правопорядка, однако последняя характеризуется рядом отличительных свойств. Во-первых, если нормы непосредственного применения действуют априори приоритетно по отношению к иностранному праву, то оговорка о публичном порядке активируется, когда суд устанавливает, что последствия применения избранной нормы иностранного права противоречат публичному порядку нашей страны. Речь идет даже не о содержании нормы иностранного права как таковой, а именно о последствиях ее применения в конкретном деле.

Во-вторых, если нормы непосредственного применения, как можно заключить из наименования, регулируют соответствующие отношения по существу, то в случае активации оговорки о публичном порядке конкретная норма иностранного права исключается, а вместо нее может быть применена как другая норма иностранного права, последствия применения которой не будут

противоречить основам правопорядка нашей страны¹, так и «при необходимости ... соответствующая норма российского права» (ст. 1193 ГК РФ)².

Таким образом, в судебном правоприменении нацеленные на защиту основ национального правопорядка институты (в частности, нормы непосредственного применения и оговорка о публичном порядке) не выступают средствами решения коллизионного вопроса и потому не образуют принцип коллизионного регулирования, но служат пределами реализации осуществленного коллизионного выбора и пределами применения иностранного права в национальной юрисдикции.

Вместе с тем, частноправовые споры трансграничного характера выносятся на рассмотрение не только судов, но и международных коммерческих арбитражей как институционального характера, так и *ad hoc*. Вопрос о значении основ какого бы то ни было национального правопорядка в международном коммерческом арбитраже является особенно дискуссионным.

В международном коммерческом арбитраже за счет отсутствия собственного разработанного массива коллизионных норм решение вопроса о применимом праве редуцируется к альтернативе: выбор сторон на основе принципа автономии воли или выбор арбитража на основе установленной его документами методики. Например, согласно п. 1 ст. 187 Федерального закона Швейцарии о международном частном праве 1987 г. при отсутствии выбора применимого права сторонами «арбитражный суд выносит решение ... на основании правовых норм, с которыми дело имеет наиболее тесную связь»; а согласно п. 2 ст. 28 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» третейский суд в данном случае «применяет право, определенное в соответствии с коллизионными нормами, которые он считает применимыми».

¹ На данную возможность указывает В. П. Звеков (Международное частное право: учебник / под ред. Н. И. Марышевой... С. 101, автор главы 4 – В. П. Звеков).

² Названные различия в содержании норм непосредственного применения и оговорки о публичном порядке отмечает О. В. Новикова (Новикова О. В. Оговорки о публичном порядке и сверхимперативных нормах в английской доктрине международного частного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 17-18, положение на защиту № 3).

Следовательно, в части правовых основ разрешения переданных ему споров арбитраж, со строго юридической точки зрения, отделен от государства локализации и его правопорядка. В материально-правовом смысле спор разрешается автономно с умеренным содействием и контролем со стороны судов государства места нахождения арбитража. Представляется, что именно этим определяется то, что длительное время в практике МКАС при ТПП РФ констатировалось отсутствие «случаев, когда бы арбитры отказывали в применении иностранного права, ссылаясь на оговорку о публичном порядке»¹.

Вместе с тем, даже при достижении полной автономности разрешения спора (что конечно же в абсолюте нереалистично с учетом существования арбитража в инфраструктуре законодательства, содействия и контроля государства его локализации) полученное арбитражное решение, присуждающее испрашиваемое одной стороне и отказывающее другой, неминуемо столкнется с каким-либо национальным правопорядком на этапе исполнения. Не случайно в специальной литературе концепция публичного порядка в отношении международного коммерческого арбитража рассматривается, прежде всего, в разрезе отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения в связи с его противоречием публичному порядку государства исполнения².

Так, п. 2 (b) ст. V Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений устанавливает, что «в признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть ... отказано, если компетентная власть страны, в которой испрашивается признание и приведение в исполнение», определит, что оно противоречит «публичному порядку этой страны». Соответствующее основание отказа в признании и приведении в

¹ Кабатов В. Применимое право при разрешении споров в Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате РФ // Хозяйство и право. 1998. № 6. С. 107. На более позднюю дату и в более общем ключе В. А. Канашевский заявляет: «За все время существования ВТАК и МКАС в их практике не было примеров применения оговорки о публичном порядке» (Канашевский В. А. Международное частное право... С. 207).

² Monique Sasson, "Public Policy in International Commercial Arbitration" (2022) *Journal of International Arbitration*, Vol. 39 (3) at 411; Михайлов С. В., Фатхи В. И. К вопросу о применении оговорки о публичном порядке в судебной практике // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 2 (97). С. 16-20.

исполнение арбитражного решения содержится в п. 1 (2) ст. 36 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже»¹.

Таким образом, даже относительная автономность решения коллизионного вопроса и правоприменения в международном коммерческом арбитраже приводит к тому, что национальные правовые порядки выставляют заградительные барьеры на этапе ввода вынесенного арбитражного решения в правовое поле государства исполнения. Причем в таком случае на предмет соответствия публичному порядку оценивается уже не примененное арбитражем право, а вынесенное на его основании арбитражное решение. Как следствие, чем активнее государства исполнения используют публичный порядок в качестве основания для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений, тем существеннее снижается эффективность самой арбитражной процедуры как средства урегулирования споров. Это в свою очередь влечет постановку, по меньшей мере, двух вопросов.

Первый связан с перспективами образования так называемого международного (трансграничного) публичного порядка, призванного выразить наиболее общепризнанные универсальные ценности. Данная категория получает разработку в трудах зарубежных и отечественных правоведов², а также практическую реализацию в отдельных арбитражных решениях. В частности, в деле, представленном на рассмотрение в соответствии с арбитражной процедурой Международной торговой палаты, арбитр Г. Лагергрэн установил, что предметом спора является вознаграждение за содействие в заключении коммерческого контракта, основная часть которого использовалась для передачи в качестве взяток должностным лицам. Давая правовую оценку этим обстоятельствам,

¹ Рассматриваемое основание получает разъяснение, в частности, в п. 51 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» (Бюллетень ВС РФ. 2020. № 3).

² William P. Graham, D. Alan Redfern, Gerald Aksen, Donald S. Macdonald, "International Commercial Arbitration and International Public Policy" (1987) *Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law)*, Vol. 81 at 372-373 (Remarks by William P. Graham); Качулис А. А. Транснациональный публичный порядок // Правоведение. 2022. Т. 66. № 1. С. 80-100; Мартынюк С. В. Институт оговорки о публичном порядке в международном авторском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 10 (положение на защиту № 3).

арбитр указал: «Коррупция является международным злом; она противоречит добрым нравам и международному публичному порядку, общему для сообщества наций» (п. 20 решения)¹. На этом основании арбитр заключил, что такое дело не может быть заслушано ни в одном суде ни одной цивилизованной страны и ни в одном арбитражном учреждении. Следовательно, арбитр признал отсутствие собственной юрисдикции в данном деле².

В более позднем деле, рассмотренном также в соответствии с арбитражной процедурой Международной торговой палаты, при аналогичных фактических обстоятельствах арбитр прямо сослался на решение Г. Лагергрена как на прецедентное в данной области, однако не отказался от юрисдикции в данном деле, а вынес решение по существу, заключив, что в соответствии с правовым принципом, получающим общее признание среди цивилизованных наций, «соглашения, серьезно нарушающие добрые нравы или международный публичный порядок, являются недействительными или, по меньшей мере, не могут быть приведены в исполнение»³.

Оптимистичный взгляд на перспективы развития категории международного (трансграничного) публичного порядка предполагает, что, будучи реализованной в деятельности международного коммерческого арбитража, она сформирует *единообразный* и *единственный* стандарт для отмены арбитражного решения либо отказа в его признании и приведении в исполнение в противовес различающимся национальным интересам и выражающим их публичным порядкам⁴.

Тем не менее, стоит признать, что арбитражное решение Г. Лагергрена, широко известное в рассматриваемой области, датируется 1963 г. и, соответственно, по прошествии даже 60 лет мы свидетельствуем не только не угасшее, но в свете активизации санкционных политик возросшее значение

¹ ICC Award No. 1110 of 1963 by G. Lagergren, Arbitration International, 1994 at 282-291.

² Ibid (§ 23 of the Award).

³ ICC Award No. 3916, Collection of ICC Arbitral Awards, 1982 at 507-511. Обзор арбитражных решений см.: Качулис А. А. Транснациональный публичный порядок... С. 90-91.

⁴ M.S. Rawat, "International Commercial Arbitration and Transnational Public Policy" (2007) *Journal of the Indian Law Institute*, Vol. 49 (1) at 75.

национального публичного порядка, в частности, в вопросах признания и исполнения иностранных арбитражных решений. Изложенное позволяет заключить, что, несмотря на определенное практическое применение в части наиболее значимых международных ценностей (в приведенных примерах арбитражных решений – противодействия коррупции), международный (трансграничный) публичный порядок в обозримом будущем не вытеснит национальные публичные порядки с присущей им ролью защитных барьеров в отношении применения иностранного права либо признания иностранных судебных и арбитражных решений.

Второй вопрос, обусловленный стремлением примирить автономный (или, высказываясь более резко, зарубежный) характер международного коммерческого арбитража и публичные порядки государств исполнения арбитражных решений, в рамках этого исследования имеет преимущественно риторический характер и может быть сформулирован следующим образом. Если широко признаваемую задачу арбитража составляет вынесение исполнимого арбитражного решения¹, в какой мере арбитры могут или должны при применении права, выбранного сторонами или определенного самими арбитрами согласно установленным правилам, учитывать основы правопорядка государства предполагаемого исполнения арбитражного решения? Представляется, что концептуальная возможность и практическая необходимость такого учета будут в существенной мере зависеть от степени антагонизма, в которой будут между собой находиться применяемое к спору материальное право, правопорядок государства локализации

¹ Эта задача получает широкое отражение в регламентах международных коммерческих арбитражей. Так, Арбитражный регламент Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма в ст. 2, адресующей «общие стандарты процессуального поведения участников разбирательства», предписывает составу арбитража и сторонам «по вопросам, прямо не урегулированным Регламентом, ... действовать, исходя из общего смысла ... Регламента и прилагать разумные усилия для того, чтобы обеспечить исполнимость выносимого арбитражного решения». Она также находит поддержку в позициях ученых. Например, Дж. Лью заявляет: «Основная задача арбитража – вынести исполнимое решение» (Julian D. M. Lew, “The Law Applicable to the Form and Substance of the Arbitration Clause” in Albert Jan van den Berg (ed), *Improving the Efficiency of Arbitration Agreements and Awards: 40 Years of Application of the New York Convention* (Kluwer Law International, 1999) at 119).

арбитража и правопорядок государства предполагаемого исполнения арбитражного решения.

В целом же для цели настоящего исследования имеет существенное значение то, что защита основ национального правопорядка, проявляющаяся в различных юридических конструкциях (норм непосредственного применения и оговорки о публичном порядке), не составляет средство решения коллизионного вопроса и потому не выступает принципом коллизионного регулирования гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным элементом. Данная защита объективно требуется и подключается в судебном правоприменении в условиях совершенного выбора в пользу иностранного права за счет активизации норм непосредственного применения или оговорки о публичном порядке, корректируя или накладывая вето на правомерно совершенный выбор. Соответственно, институты, выражающие идею защиты основ национального правопорядка, образуют пределы реализации коллизионного выбора иностранного права в рамках конкретного государства. В свою очередь в международном коммерческом арбитраже учет основ национального правопорядка проявляется, прежде всего, в сохраняющем свое значение институте публичного порядка как основании отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения.

Более того, завершая анализ ограничений применения иностранного права в их соотношении с принципами коллизионного регулирования (автономией воли и наиболее тесной связью) считаем важным подчеркнуть, что защита основ национального правопорядка должна мыслиться как исключительный механизм – такой предел, выход за который несет непоправимый ущерб основам «построения экономической, политической, правовой системы» страны¹. В этих вопросах следует помнить тезис М. М. Богуславского относительно оговорки о публичном порядке: «Если в какой-либо стране злоупотреблять применением этой оговорки, необоснованно часто к ней прибегать, то можно лишить смысла существование в

¹ П. 51 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража».

такой стране международного частного права вообще»¹. Ведь в конечном итоге, как отмечает В. Л. Толстых, «взаимодействие норм отечественного права и норм иностранного права обусловлено необходимостью оказания эффективной судебной защиты общественным отношениям, не являющимся типовыми для внутреннего правопорядка»².

В заключение важно отметить, что рассмотренные ограничения применения иностранного права – вовсе не единственный инструмент, способный оказать воздействие на результат коллизионного выбора, совершенного как сторонами в силу автономии воли, так и правоприменителем посредством коллизионных норм. Так, даже юридически действительный выбор иностранного права может не привести к урегулированию спора избранным правом, если содержание его норм, «несмотря на предпринятые... меры, в разумные сроки» не будет установлено (ст. 1191 ГК РФ). Конечно же, процедура установления содержания норм иностранного права, а также некоторые общие коллизионные институты³ могут фактически аннулировать совершенный «в чистом виде» (на основании принципов автономии воли или наиболее тесной связи) выбор применимого права и, тем самым, существенно подорвать общую установку на «придание гражданско-правовым отношениям стабильного, ... предсказуемого и законного характера»⁴. Однако такие процедуры и институты составляют в целом систему сдержек и противовесов механизма коллизионного регулирования и в той части, в

¹ Богуславский М. М. Международное частное право... 2011. С. 124.

² Толстых В. Л. Нормы иностранного права в международном частном праве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 17 (положение на защиту № 1).

³ Рассматривая соотношение принципа автономии воли и института обратной отсылки Н. Ю. Ерпылева, И. В. Гетьман-Павлова и А. С. Касаткина заявляют: «Необходимо отказаться от ограниченного взгляда, что *renvoi* оказывает пагубное влияние на выбор применимого права, одновременно помня ... , что безответственное и неограниченное введение обратной отсылки может нарушить разумные намерения сторон». Вместе с тем, со ссылкой на Гаагские принципы 2015 г. авторы решительно высказываются в поддержку дозволения «сторонам распространить выбор и на коллизионные нормы избранного права» (Ерпылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В., Касаткина А. С. «Исключение» *renvoi* в Гаагских принципах выбора права, применимого к международным коммерческим контрактам // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 3. С. 233).

⁴ Бегичев А. В. Развитие предметной компетенции нотариата в цифровую эпоху как фактор, влияющий на укрепление правовой стабильности // Нотариальный вестник. 2024. № 10. С. 20.

какой они негативно влияют на предсказуемость правовых исходов, обуславливают недостаток самого коллизионного регулирования в противовес унифицированному материально-правовому.

В целом исследование взаимодействия автономии воли как одного из принципов коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, и ограничений применения иностранного права позволяет выдвинуть следующие главные выводы.

Защита основ национального правопорядка и выражающие ее институты (в частности, нормы непосредственного применения и оговорка о публичном порядке) образуют пределы реализации коллизионного выбора, совершенного в пользу иностранного права. В судебном правоприменении названные институты реализуются в силу предписаний национального свода коллизионных норм. При этом нормы непосредственного применения корректируют действие норм иностранного права априорно и по существу регулируют соответствующие отношения, а оговорка о публичном порядке активируется при условии квалификации последствий применения иностранного права в качестве противоречащих основам национального правопорядка, блокирует действие конкретной нормы иностранного права и влечет ее замену другой нормой того же иностранного права или при необходимости нормой отечественного права.

В свою очередь международный коммерческий арбитраж, даже действуя в рамках инфраструктуры специального законодательства, контроля и содействия государства локализации, в силу автономного характера в части материально-правовых оснований разрешения споров юридически не привязан к установленному для судов своду коллизионных норм, включая коллизионные институты, ограничивающие применение иностранного права. Однако на этапе признания и приведения в исполнение состоявшиеся арбитражные решения неминуемо проходят через фильтр оценки на предмет соответствия публичному порядку государства исполнения. Попыткой преодолеть многообразие таких национальных фильтров, делающих результат рассмотрения споров в международном коммерческом арбитраже негарантированным до самого

последнего момента его введения в правовое поле государства исполнения, стало формирование категории международного (трансграничного) публичного порядка, стоящей на страже самых значимых международных ценностей. Вместе с тем, до настоящего времени и в особенности в свете новейших санкционных политик, институт национального публичного порядка сохраняет значение защитного барьера как в отношении иностранного права в национальном судебном правоприменении, так и в отношении уже вынесенных решений международных коммерческих арбитражей (а равно и иностранных судов).

В целом следует заключить, что защита основ национального правопорядка не образует самостоятельный принцип коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, поскольку она не выступает средством решения коллизионного вопроса. Институты, нацеленные на защиту основ национального правопорядка, в числе которых нормы непосредственного применения и оговорка о публичном порядке, в судебном правоприменении составляют пределы реализации коллизионного выбора в пользу иностранного права, который уже совершен на основании принципов коллизионного регулирования: сторонами – в силу принципа автономии воли или судом – на основе коллизионной нормы, выражающей принцип наиболее тесной связи. В международном коммерческом арбитраже в силу его относительной автономности на стадии выбора и применения материального права юридическая привязка к какому-либо национальному публичному порядку отсутствует и данный фильтр активируется по общему правилу при введении уже вынесенного арбитражного решения в правовое поле государства исполнения.

Глава 5.**Практические аспекты реализации автономии воли
в коллизионном регулировании гражданских отношений,
осложненных иностранным элементом****§ 1. Правовое обоснование в суде или арбитраже реализации
автономии воли участниками гражданских отношений,
осложненных иностранным элементом**

Автономия воли сторон гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, позволяющая им выбирать применимое право, получает широкое признание в международном частном праве подавляющего большинства государств мира. При этом соглашение о применимом праве, чтобы порождать соответствующие правовые последствия (подчинять отношение избранному сторонами праву), само по себе должно быть действительным. В этой связи значительную сложность представляет отыскание того правового обоснования, которое будет определять допустимость и действительность указанного соглашения.

Как пишет А. Бриггс, принцип автономии сторон не может быть самообоснующим: какая-то внешняя опорная точка необходима, чтобы объяснить, почему и когда обращение к автономии сторон или ссылка на нее оправданы ¹. Примечательно, что М. Вольф указывает на необходимость установить, какое право определяет действительность соглашения о применимом праве, как на одно из оснований критики доктрины автономии воли в целом. При этом ученый считает ответ на данный вопрос простым, поскольку правило, позволяющее *lex voluntatis* регламентировать договорные отношения, признано международным частным правом большинства государств. Однако какое это

¹ Adrian Briggs, Op. cit. at 217.

именно право (что важно, поскольку не во всех государствах автономия воли признается в равном объеме), ученый не указывает¹.

Систематизируя сложившиеся в этой области подходы, С. Симеонидес приводит три варианта идентификации права, которое определяет действительность соглашения о применимом праве, как-то: право страны суда (*lex fori*); право, избранное сторонами в соглашении (*lex voluntatis*); право, на которое – для существа данного правоотношения – указала бы коллизионная норма (*lex causae*)². Первые две опции потребуют предметного анализа, а касательно третьей из них мы однозначно согласимся с ученым в том, что применение *lex causae* подорвет привлекательность, удобство и эффективность соглашений о применимом праве³. Суду потребуется посредством коллизионных норм определить *lex causae*, на его основании установить действительность выбора права и только после этого урегулировать спор с применением избранного сторонами материального права. Очевидно, что такая цепочка действий бесосновательно усложнит и удлинит правоприменительный процесс (в особенности, если *lex fori*, *lex causae* и *lex voluntatis* будут различными).

Кроме того, Н. Е. Тригубович выделяет подход, в соответствии с которым «действительность соглашения о выборе права следует из общих принципов международного права»⁴. Полагаем, что в современных условиях этот подход практически не применим в силу несоответствия требованию определенности права. Изложенное подтверждается и пояснением Н. Е. Тригубович, в соответствии с которым принятие принципа автономии воли в целом «не означает единого мнения об условиях его осуществления»⁵.

¹ Martin Wolff, Op. cit. at 414; Вольф М. Указ. соч. С. 443.

² Symeon C. Symeonides, American Private International Law... at 208; Symeon C. Symeonides, "The Hague Principles on Choice of Law for International Contracts: Some Preliminary Comments" (2013) *The American Journal of Comparative Law*, Vol. 61 (4) at 888.

³ Symeon C. Symeonides, American Private International Law... at 209; Symeon C. Symeonides, The Hague Principles on Choice of Law for International Contracts: Some Preliminary Comments... at 888.

⁴ Тригубович Н. В. Указ. соч. С. 50.

⁵ Там же. В качестве единственного правового основания указанного подхода приведена указанная ранее в работе Резолюция Института международного права «Автономия сторон в международных контрактах между частными физическими или юридическими лицами».

В Российской Федерации правила выбора права – в рамках коллизионного регулирования договорных отношений – закреплены ст. 1210 ГК РФ. Однако проблема действительности соглашения о применимом праве в указанной статье разрешения не нашла, что давало почву для различных воззрений в отечественной правовой доктрине¹. В этой связи в 2019 г. Пленум Верховного Суда РФ дал разъяснения о применении норм международного частного права судами Российской Федерации, в которых находит решение проблема действительности соглашения о применимом праве.

Верховный Суд РФ подтвердил, что «в силу принципа автономии воли в международном частном праве стороны договора могут ... выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по договору» (п. 26 Постановления)². При этом Верховный Суд РФ разграничил вопросы допустимости выбора применимого права (а также его пределов) и действительности (а также заключенности) соглашения о применимом праве, подчинив первые *lex fori* (соответственно, российскому праву – для судов Российской Федерации), а вторые – *lex voluntatis*. Представляется, что таким образом Верховный Суд РФ сформировал взвешенный и обоснованный комбинированный подход, обеспечивающий баланс между названными подходами к определению действительности соглашения о применимом праве на основании права страны суда (*lex fori*) и права, избранного сторонами в соглашении (*lex voluntatis*).

Интересный факт составляет то, что само по себе разграничение допустимости и действительности соглашения о применимом праве признается отдельными как зарубежными, так и отечественными правоведами. В частности, П. Най прямо указывает на различие между допустимостью (*permissibility* – англ.) и действительностью (*validity* – англ.) выбора права, отмечая при этом, что коллизионные нормы страны суда определяют и допустимость выбора, и право,

¹ Малкин О. Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках... С. 52-58; Покровская А. Б. Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом... С. 133-141; Тригубович Н. В. Указ. соч. С. 49-55.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

применимое к определению его действительности¹. Л. А. Лунц также последовательно адресует два вопроса: во-первых, соглашение о выборе права как «юридический факт, предусмотренный в законе суда», т.е. им допускаемый; во-вторых, «материально-правовые вопросы действительности соглашения», которые он также подчиняет закону суда².

Анализируя указанные Верховным Судом РФ подходы к определению допустимости и действительности соглашения о применимом праве, отметим следующее. Во-первых, мы исходим из того, что как таковое признание юридической силы (и пределов) соглашений сторон частноправовых отношений международного характера о выборе права находится в компетенции каждого отдельного государства и в силу этого должно подчиняться его коллизионным правилам, которые могут содержаться как в актах национального права, так и в имеющих для него силу международных договорах. В Российской Федерации данный вывод прямо вытекает из п. 1 ст. 1186 ГК РФ, согласно которому право, подлежащее применению к гражданско-правовым отношениям, осложненным иностранным элементом, определяется на основании международных договоров РФ, ГК РФ, других законов и обычаев, признаваемых в Российской Федерации, т.е. на основании отечественных источников права³.

¹ Peter Nygh, *Autonomy in International Contracts* (New York: Oxford University Press – Clarendon Press, 1999) at 72.

² Лунц Л. А. Курс международного частного права: в 3 т. М.: Спарк, 2002. С. 498-499. Касательно материально-правовых вопросов действительности соглашения о применимом праве Л. А. Лунц признает, что ряд авторитетных правоведов и нормативных источников относят их к избранному сторонами закону, при этом «эта позиция считается наиболее соответствующей предполагаемой воле сторон» (Там же).

³ Примечательно, что в ряде судебных актов суды в обоснование допустимости достигнутого сторонами соглашения о применимом праве ссылаются последовательно на ст. 1186 и 1210 ГК РФ. В практике арбитражных судов см.: касательно допустимости соглашения о применении норм материального права Российской Федерации – Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22 ноября 2016 г. № Ф03-4951/2016 по делу № А51-28282/2015 и от 24 ноября 2016 г. № Ф03-5353/2016 по делу № А51-24587/2015; касательно допустимости соглашения о применении российского права – Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 12 декабря 2013 г. № Ф05-13422/2013 по делу № А40-1219/2013; касательно допустимости соглашения о применении норм права Республики Беларусь – Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03 марта 2016 г. № Ф09-208/16 по делу № А60-9471/2015; касательно допустимости соглашения о применении норм права Французской Республики – Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 30 июля 2013 г. № Ф09-2114/13 по делу № А07-

Более того, на сегодняшний день в Российской Федерации сформировалась устойчивая судебная практика, в рамках которой ст. 1210 ГК РФ выступает правовым основанием соглашения сторон договорных обязательств международного характера о выборе применимого права, которым может выступать как право Российской Федерации¹, так и право любого другого государства². Особенно важно, что при наличии соглашения о применении

10614/2012. В практике судов общей юрисдикции см.: касательно допустимости соглашения о применении норм материального права Украины – Апелляционное определение Московского городского суда от 20 апреля 2017 г. по делу № 33-14928/2017 и от 28 апреля 2014 г. по делу № 33-7996.

¹ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 12 мая 2016 г. № Ф03-1820/2016 по делу № А51-11536/2014; Постановления Арбитражного суда Московского округа от 13 сентября 2018 г. № Ф05-14682/2018 по делу № А40-37934/2017; от 10 марта 2017 г. № Ф05-1216/2017 по делу № А40-193011/15 и от 13 ноября 2014 г. № Ф05-12221/2014 по делу № А40-174360/2013; Постановления Федерального арбитражного суда Московского округа от 29 ноября 2011 г. по делу № А40-23616/11-102-196 и от 08 июня 2010 г. № КГ-А40/5312-10 по делу № А40-62855/09-47-444; Постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11 апреля 2019 г. № Ф07-2585/2019 по делу № А56-91129/2018 и от 27 мая 2016 г. № Ф07-2000/2016 по делу № А56-15176/2015; Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 19 января 2011 г. № Ф09-11192/10-С5 по делу № А76-3881/2010-26-240; Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 24 марта 2010 г. № Ф09-995/

10-С4 по делу № А34-5773/2009.

² Арбитражный суд Волго-Вятского округа признал не противоречащим ст. 1210 ГК РФ соглашение о применении норм английского права (Постановление от 28 марта 2019 г. № Ф01-6835/2018 по делу № А39-8046/2016). Арбитражный суд Дальневосточного округа со ссылкой на ст. 1210 ГК РФ признал допустимым подчинение сторонами спора нормам законодательства Республики Корея (Постановление от 13 февраля 2013 г. № Ф03-7186/2011 по делу № А59-987/2010). Федеральный арбитражный суд Западно-Сибирского округа со ссылкой на ст. 1210 ГК РФ подтвердил обоснованность применения избранных сторонами норм швейцарского материального законодательства (Постановления от 26 января 2006 г. № Ф04-9971/2005(19036-А81-28) и № Ф04-9972/2005(19029-А81-28)). Арбитражный суд Московского округа со ссылкой на ст. 1210 ГК РФ подтвердил, что «сторонами достигнуто соглашение о том, что любые вопросы юридического характера, связанные с их правами и обязанностями..., подлежат разрешению исключительно посредством обращения к праву Республики Кипр» (Постановление от 27 ноября 2018 г. № Ф05-2365/2016 по делу № А41-14262/2015). Федеральный арбитражный суд Московского округа со ссылкой на ст. 1210 ГК РФ подтвердил обоснованность применения избранного сторонами законодательства Швеции (Постановление от 11 декабря 2013 г. № Ф05-14553/2013 по делу № А40-173504/12-76-1599) и избранного сторонами законодательства Республики Казахстан (Постановление от 24 октября 2013 г. по делу № А40-107715/11-62-976). Арбитражный суд Северо-Западного округа со ссылкой на ст. 1210 ГК РФ подтвердил обоснованность применения избранных сторонами действующих нормативных актов Латвийской Республики (Постановление от 11 апреля 2017 г. № Ф07-2904/2017 по делу № А56-19570/2016) и избранного сторонами законодательства Литовской Республики (Постановление от 08 июля 2016 г. № Ф07-4578/2016 по делу № А52-4362/2014). Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа со ссылкой на ст. 1210 ГК РФ подтвердил обоснованность применения избранных сторонами положений законодательства

иностранный суды должны в силу ст. 1210 ГК РФ и в отсутствие особых обстоятельств (норм непосредственного применения, оговорки о публичном порядке, невозможности установить содержание норм иностранного права – несмотря на предпринятые меры) опираться именно на избранное сторонами право; в таком случае немотивированное применение российского права будет являться основанием отмены вынесенного судебного акта¹.

Швейцарии (Постановление от 16 апреля 2003 г. № А56-18357/02). Арбитражный суд Северо-Кавказского округа со ссылкой на ст. 1210 ГК РФ признал правомерным применение избранного сторонами английского права (Постановление от 24 сентября 2015 г. № Ф08-6044/2015 по делу № А32-38765/2014). Арбитражный суд Уральского округа со ссылкой на ст. 1210 ГК РФ подтвердил обоснованность применения избранного сторонами английского права (Постановление от 14 июня 2019 г. № Ф09-10289/16 по делу № А76-10954/2015). Арбитражный суд Центрального округа со ссылкой на ст. 1210 ГК РФ подтвердил обоснованность применения избранных сторонами норм материального права Украины (Постановление от 16 февраля 2017 г. № Ф10-132/2017 по делу № А83-2/2016); Федеральный арбитражный суд Центрального округа – избранного сторонами законодательства Республики Казахстан (Постановление от 04 июня 2010 г. по делу № А35-9326/2008-С26).

В рамках судов общей юрисдикции Центрального федерального округа Московский городской суд со ссылкой на ст. 1210 ГК РФ подтвердил обоснованность применения избранного сторонами законодательства Республики Кипр (Апелляционное определение от 18 мая 2018 г. по делу № 33-15944/2018) и избранного сторонами законодательства Швейцарии (Апелляционное определение от 12 апреля 2016 г. по делу № 33-10758/2016); Брянский областной суд со ссылкой на ст. 1210 ГК РФ подтвердил обоснованность применения избранных сторонами законов Республики Кипр (Апелляционное определение от 24 мая 2016 г. № 33-1950/2016 по делу № 2-2047/2015). В рамках судов общей юрисдикции Южного федерального округа Верховный Суд Республики Крым со ссылкой на ст. 1210 ГК РФ подтвердил обоснованность применения избранного сторонами права Украины (Апелляционные определения от 03 мая 2017 г. № 33-2860/2017 и от 23 июня 2016 г. по делу № 33-4716/2016); Севастопольский городской суд со ссылкой на ст. 1210 ГК РФ подтвердил обоснованность применения избранного сторонами законодательства Украины (Апелляционное определение от 10 марта 2016 г. по делу № 33-568/2016).

¹ Касательно безосновательного неприменения избранных сторонами норм английского права – Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 09 июля 2018 г. № Ф01-1861/2018 по делу № А39-8046/2016; касательно безосновательного неприменения избранного сторонами японского законодательства (в совокупности с позицией, согласно которой «вывод ... о том, что согласно японскому законодательству иск также подлежит удовлетворению, не основан на конкретных нормах права Японии и поэтому не может быть признан верным») – Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 20 июня 2006 г. № Ф03-А59/06-1/1669 по делу № А59-404/05-С12; касательно безосновательного неприменения избранного сторонами законодательства Англии – Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04 декабря 2018 г. № Ф07-13868/2018 по делу № А56-73386/2017; касательно безосновательного неприменения избранных сторонами законов Нидерландов – Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 января 2012 г. по делу № А56-51313/2010; касательно безосновательного неприменения избранных сторонами норм материального права Республики Казахстан – Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 октября 2010 г. по делу № А56-17369/2009; касательно безосновательного неприменения избранного сторонами права Финляндии – Постановление

Наконец, мы считаем, что для отечественного суда ст. 1210 ГК РФ (с учетом общего правила ст. 1186 ГК РФ) является самостоятельным основанием допустимости соглашения сторон договорного обязательства международного характера о применимом праве¹. По этой причине представляется требующим уточнения крайне редко, но встречающееся в нескольких судебных актах в дополнение к ссылке на ст. 1210 ГК РФ указание на то, что «стороны договора вправе, руководствуясь принципом свободы договора, заключить соглашение о праве»². Принцип свободы договора является принципом материального гражданского права, в разных государствах он может иметь разные масштабы признания и пределы реализации. Вывод о применении материального гражданского права определенного государства (в том числе закрепленного в нем принципа свободы договора) может быть сделан исключительно после признания допустимости выбора этого права сторонами (в силу ст. 1210 ГК РФ) или в

Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 12 августа 2005 г. № А56-31958/04.

¹ В этом отношении представляется точной и обоснованной позиция Арбитражного Суда Московского округа, по которой соглашение сторон о применимом праве (в данном деле – праве Российской Федерации) соответствует ст. 1210 ГК РФ и исключает применение ст. 1211 ГК РФ (Постановление от 09 апреля 2019 г. № Ф05-4983/2019 по делу № А40-227636/2018).

Напротив, представляется чрезмерно осторожной позиция судов, которые подтверждают вывод о применимом праве не только соответствующим соглашением сторон, но и результатом применения коллизионных норм (которые в действительности подлежали бы применению исключительно в отсутствие соглашения сторон). Например, Арбитражный Суд Северо-Западного округа мотивировал применение права Республики Беларусь одновременно двумя аргументами: во-первых, соглашением сторон – в силу ст. 1210 ГК РФ; во-вторых, применением права Республики Беларусь как места заключения договора – в силу коллизионной привязки п. «е» ст. 11 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Постановление от 25 мая 2017 г. № Ф07-3971/2017 по делу № А56-78768/2014). В другом деле Арбитражный Суд Северо-Западного округа мотивировал применение права Республики Беларусь сразу тремя аргументами: во-первых, соглашением сторон, отраженным в положении договора; во-вторых, заявлением сторон при рассмотрении дела, отсылающим суд к зафиксированному в договоре положению о применимом праве (первое и второе – в соответствии со ст. 1210 ГК РФ и в свете актуального на тот момент Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 158); в-третьих, применением права Республики Беларусь как права страны, где на момент заключения договора находилось основное место деятельности перевозчика / экспедитора (в соответствии с коллизионной привязкой ст. 1211 ГК РФ) (Постановление от 18 марта 2016 г. № Ф07-659/2016 по делу № А52-1274/2015).

² Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 03 ноября 2016 г. № Ф03-4493/2016 по делу № А51-24764/2015; Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 25 декабря 2013 г. № Ф09-12926/13 по делу № А60-16231/2013.

отсутствие такого выбора – на основании коллизионных норм страны суда (в Российской Федерации – для договорных отношений – закрепленных в ст. 1211 ГК РФ). Таким образом, на этапе определения применимого материального права (допустимости его выбора сторонами) материально-правовой принцип свободы договора еще не может выступать основанием допустимости такого выбора.

По этим причинам мы не согласимся с позицией А. Б. Покровской, согласно которой «запрет указанного сторонами закона на избрание компетентного правопорядка – для российского правоприменителя – единственное основание признания соглашения недействительным»¹. В случае, когда отечественный суд применяет для разрешения спора избранное сторонами иностранное материальное право, он действует в рамках системы собственного коллизионного права, включающего как базовую санкцию на выбор права сторонами, так и целый ряд других коллизионных правил, в том числе широко известные институты оговорки о публичном порядке и норм непосредственного применения, порядок установления содержания норм иностранного права и др.

Можно возразить, что в момент заключения соглашения о применимом праве не известно, какой суд будет рассматривать споры сторон и будут ли споры вообще иметь место, из чего следует, что не будет известно и то, допустимо ли само соглашение сторон и в каких пределах. Вероятно, изложенное обстоятельство лежит в основе позиции М. М. Богуславского, согласно которой возможность выбора «должна допускаться правом соответствующих государств, в которых находятся предприятия сторон, или же международным договором соответствующих государств»². Бесспорно, анализ этих источников будет информативным, но в случае судебного спора суд конкретного государства будет опираться исключительно на собственное коллизионное право. Вместе с тем, ситуация правовой неопределенности в принципе свойственна регламентации частноправовых отношений международного характера: как при наличии соглашения о применимом праве, так и еще больше – в его отсутствие, ибо в

¹ Покровская А. Б. Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом... С. 137.

² Богуславский М. М. Международное частное право... 2019. С. 291.

последнем случае само материальное право, применимое для разрешения спора, будет определяться коллизионными нормами страны суда и поэтому не является заранее известным.

Во-вторых, Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что «действительность соглашения о применимом праве по основаниям, связанным с наличием порока воли, а также заключенность такого соглашения как разновидности гражданско-правовой сделки определяются на основании права, указанного сторонами в соглашении». Такой подход всецело соответствует тенденции, получающей отражение как на уровне международных договоров, так и на уровне национальных законов о международном частном праве.

Как указывает А. В. Асосков, впервые положение о том, что условия, касающиеся согласия сторон на избранное право, определяются таким правом, было закреплено в 1955 г. в ст. 2 Гагской конвенции о праве, применимом к международной купле-продаже товаров¹.

Гагская Конвенция о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, которая была подготовлена в 1986 г. с целью заменить Гагскую конвенцию 1955 г., но так и не вступила в силу, в целом сохранила, однако уточнила указанный подход. Согласно п. 1 ст. 10 Гагской конвенции 1986 г. «вопросы, касающиеся наличия и материальной действительности согласия сторон в отношении выбора применимого права, ... определяются выбранным правом» – но только при условии, что выбор отвечает, в первую очередь, общему положению о допустимости автономии воли сторон, установленному ст. 7 конвенции (включая доказательства наличия соглашения сторон, допустимость выбора в отношении части договора и последующего выбора)².

¹ Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств... Раздел 1.3.2.

² Это правило сопровождается одним исключением. Согласно п. 3 ст. 10 конвенции «для установления того, что сторона не давала согласия на выбор права ..., она может ссылаться на право государства, в котором она имеет свое коммерческое предприятие, если ввиду обстоятельств неразумно решать этот вопрос в соответствии с правом, указанным в предыдущих пунктах». Вместе с тем, п. 105 Пояснительного отчета к конвенции разъясняет, что данное правило установлено для весьма специальных случаев – например, когда одна

Примечательно, что в ходе разработки текста конвенции указание именно на «согласие сторон» (the consent of the parties – англ.) в отношении выбора права было внесено в проект с целью прояснить, что право, избранное в силу ст. 7 конвенции, в принципе не может использоваться, чтобы определять, допустим ли выбор сторон – например, если в соответствии с избранным правом выбор не допускается для определенных разновидностей купли-продажи¹. Пояснительный отчет к конвенции гласит: «Конвенция сама регламентирует вопрос допустимости выбора права сторонами»². Таким образом, необходимо заключить, что уже Гагская конвенция 1986 г. разграничивала допустимость и действительность соглашения о применимом праве, подчиняя первую предписанию конвенции, а вторую – избранному сторонами праву.

По этой причине представляется необоснованным отождествление отдельными отечественными правоведами допустимости и действительности соглашения о применимом праве, сопряженное с попыткой отыскать для них единый статут. Так, А. Б. Покровская пишет, что законодательством ряда государств прямо закреплен подход, в соответствии с которым «право участников отношения определить компетентный правопорядок определяется на основании норм избранного права»³. При этом в подтверждение изложенного тезиса автор ссылается, в частности, на п. 2 ст. 116 Федерального закона Швейцарии о международном частном праве, который гласит: «Кроме того, к выбору права применяется избранное право». Принимая во внимание п. 1 ст. 116 данного закона, устанавливающий общее правило: «Договор подчиняется праву, избранному сторонами», – а также франкоязычную версию первых слов

сторона получает от другой подготовленные ей общие условия и не заявляет возражений (Explanatory Report by Arthur T. von Mehren... at 38).

¹ П.п. 101-102 Пояснительного отчета гласят, что «указанное исправление п. 1 ст. 10 сделано, чтобы избежать любого возможного неверного толкования соотношения конвенции, в частности, ст. 7, и права, избранного сторонами» (Explanatory Report by Arthur T. von Mehren... at 37).

² П. 102 Пояснительного отчета также уточняет, что избранное право может определять действительность только в такой мере, в какой конвенция отводит ему данную роль; например, в отношении правовых последствий обмана, принуждения, ошибки (Ibid).

³ Покровская А. Б. Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом... С. 136.

рассматриваемой части п. 2 «en outre»¹, которые могут быть переведены и как «помимо того», «сверх того», мы полагаем, что п. 2 ст. 116 Федерального закона Швейцарии о международном частном праве отсылает к избранному сторонами праву во всем, что не предусмотрено положениями самой ст. 116 – допускающей выбор права, его изменение и порядок доказывания, т.е. в вопросах действительности, а не допустимости (права) выбора².

Такая же логика характерна и для Регламента Рим I. В частности, п. 5 ст. 3 в совокупности с п. 1 ст. 10 Регламента Рим I относят вопросы существования и материальной действительности согласия сторон на выбор применимого права к выбранному сторонами праву³. Вместе с тем, само право сторон на выбор установлено непосредственно Регламентом Рим I и не требует дополнительных отсылок. Как указывается в литературе, п. 1 ст. 3 устанавливает «базовый принцип, согласно которому “договор должен регулироваться правом, избранным сторонами”»; при этом «философия свободы выбора лежит в основе не только базового принципа ..., но и некоторых более специальных положений касательно выбора» (в отношении части договора, в любое время)⁴. Следовательно, Регламенту Рим I тоже свойственно отнесение вопросов материальной

¹ Loi fédérale sur le droit international privé du 18 décembre 1987 (de la Confédération suisse) // RO 1988 1776.

² Мы не рассматриваем вторую ссылку А. Б. Покровской на ст. 81 Закона Румынии применительно к регулированию отношений международного частного права, так как указанный закон утратил силу, Румыния вернулась к межотраслевой кодификации в сфере международного частного права и международного гражданского процесса (*Ертылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В.* «Реверсивная (обратная) кодификация» международного частного права в Румынии // Государство и право. 2014. № 3. С. 48-62), а право, применимое к договорным обязательствам, определяется на основании положений права Европейского Союза, на что указывает ст. 2.640 Гражданского кодекса Румынии (Гражданский кодекс Румынии 2009 г. – Проектная группа ВШЭ «Современная конструкция международного частного права». URL: [https://pravo.hse.ru/data/2019/03/20/1186683743/%D0%93%D0%9A%20%D0%A0%D1%83%D0%BC%D1%8B%D0%BD%D0%B8%D0%B8%20%D0%9C%D0%A7%D0%9F%20\(%D1%80%D0%B5%D0%B4.%202016\).pdf](https://pravo.hse.ru/data/2019/03/20/1186683743/%D0%93%D0%9A%20%D0%A0%D1%83%D0%BC%D1%8B%D0%BD%D0%B8%D0%B8%20%D0%9C%D0%A7%D0%9F%20(%D1%80%D0%B5%D0%B4.%202016).pdf), дата обращения: 01 августа 2025 г.).

³ П. 2 ст. 10 Регламента Рим I устанавливает исключение, аналогичное предписанному п. 3 ст. 10 Гагской конвенции 1986 г., в отношении применения права обычного местонахождения стороны. Такие же положения были установлены и предшествовавшей Регламенту Рим I Римской конвенцией о праве, применимом к договорным обязательствам, от 19 июня 1980 г.

⁴ James Fawcett & Janeen M. Carruthers, *Cheshire, North & Fawcett Private International Law*, 14th ed... at 690.

действительности согласия сторон на выбор применимого права к выбранному праву, в то время как само право на выбор (а также условия его допустимости) определяются непосредственно Регламентом.

На основании изложенного представляется неточным встречаемое в отечественной литературе смешение терминов «допустимость» и «действительность» касательно соглашений о применимом праве. Так, О. Ю. Малкин пишет: «Положение ст. 1210 ГК РФ, посвященное определению *действительности* соглашения о выборе права, могло бы выглядеть следующим образом: “*Допустимость* выбора сторонами договора применимого права определяется правом, которое они избрали...” (курсив наш. – Т.Н.)»¹. Вероятно, автор имел ввиду действительность согласия сторон на выбор права, а не допустимость выбора как такового². Однако, принимая во внимание то, что цитируемый текст предлагался в качестве поправки к закону, мы полагаем, что он должен был быть максимально точным, чтобы не дезориентировать правоприменителя в данных вопросах.

Что же касается как такового обозначенного Верховным Судом РФ подхода к определению действительности соглашения о применимом праве по основаниям, связанным с наличием порока воли (и заключенности такого соглашения), на основании *lex voluntatis*, то его можно оценить как соответствующий современной тенденции коллизионного регулирования на уровне международных договоров, актов интеграционных объединений и национальных законов, а также в целом как обоснованный и эффективный – подчиняющий комплекс вопросов материально-правового характера как в отношении самого договора, так и в отношении соглашения о применимом к нему праве единому избранному сторонами статуту.

Вопрос, требующий отдельного освещения, заключается в правовом обосновании допустимости соглашения о применимом праве при рассмотрении

¹ Малкин О. Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках... С. 57.

² Далее по тексту автор использует термин «недействительность» в отношении соглашения сторон: «Однако соглашение, предусматривающее применение иностранного права или принципов международного коммерческого права, не может быть признано недействительным, если соблюдены требования российского права» (Там же).

спора международным коммерческим арбитражем. Подход, в соответствии с которым допустимость выбора права сторонами частноправовых отношений международного характера определяется на основании права страны суда, объясняется, в первую очередь, тем, что суд в данном случае опирается на собственное коллизионное право – как в части общей управомочивающей нормы об автономии воли, так и в части иных коллизионных институтов общего характера (норм непосредственного применения, оговорки о публичном порядке, установления содержания норм иностранного права и др.). Как указывает Ф. Вишер, «государство форума, которое в конечном счете контролирует выбор права, должно определять условия, пределы и сферу действия автономии сторон в международных контрактах»¹.

Однако специфика международного коммерческого арбитража не позволяет однозначно привязать его к системе установленных государством коллизионных норм, в силу чего возникает разумный вопрос: может ли *lex fori* выступать правовым обоснованием допустимости соглашения о применимом праве при рассмотрении спора международным коммерческим арбитражем? Иллюстрируя сложность ответа на этот вопрос, Н. В. Тригубович описывает ситуацию, в которой французский арбитр рассматривает спор в Стокгольме. По мнению автора, в указанном случае вряд ли «будет оправданно применение шведских норм только на основании нахождения арбитража в Стокгольме, поскольку даже для арбитра ... это право будет иностранным»².

Релеватность данного вопроса обуславливается и тем, что в 2019 г. Пленум Верховного Суда РФ дал разъяснения о применении норм международного частного права. Эти разъяснения адресованы судам Российской Федерации и не имеют прямой и обязательной силы для международного коммерческого

¹ Frank Vischer, “General Course on Private International Law” in *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, Vol. 232, 1992-I (Martinus Nijhoff Publishers, 1993) at 139. С. Симеонидес пишет (в отношении как допустимости, так и действительности соглашения о применимом праве), что применение *lex fori* может быть оправдано тем, что соглашение о применимом праве замещает отдельные коллизионные нормы форума (Symeon C. Symeonides, *The Hague Principles on Choice of Law for International Contracts: Some Preliminary Comments...* at 888).

² Тригубович Н. В. Указ. соч. С. 50.

арбитража, в том числе институционально локализованного в Российской Федерации. Однако, как было указано, Верховный Суд РФ, обращаясь к проблеме, не нашедшей решения в положениях ст. 1210 ГК РФ, весьма обоснованно разграничивает вопросы допустимости и действительности соглашения о применимом праве и относит первые к *lex fori*, а вторые – к *lex voluntatis*. В связи с изложенным представляется важным проанализировать, в какой мере ст. 1210 ГК РФ оказывает и в какой мере разъяснения Верховного Суда РФ могут оказывать влияние на правовое обоснование допустимости соглашения о применимом праве при рассмотрении споров в ведущем институциональном международном коммерческом арбитраже, локализованном в Российской Федерации: Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате РФ.

Правовой статус МКАС при ТПП РФ определяется Законом РФ «О международном коммерческом арбитраже» и Положением о МКАС при ТПП РФ, которое является приложением I к закону. На основании п. 1 Положения МКАС выступает «самостоятельным постоянно действующим арбитражным учреждением, осуществляющим деятельность по администрированию международного коммерческого арбитража» в соответствии с указанным законом¹. Кроме того, п. 3 Положения уточняет, что споры разрешаются в МКАС «в соответствии с его применимым арбитражным регламентом (правилами) или отдельными регламентами (правилами)».

Положения о нормах, применимых к существу спора, закреплены ст. 28 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» – п. 1 данной статьи гласит: «Третейский суд разрешает спор в соответствии с такими нормами права,

¹ В настоящее время МКАС также может администрировать третейское разбирательство (не составляющее международный коммерческий арбитраж) в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», ред. от 08 августа 2024 г. (СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 2. Режим доступа: СПС «Гарант»).

которые стороны избрали в качестве применимых к существу спора»¹. Изложенное правило воспроизводит норму п. 1 ст. 28 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже, который выступил основой для разработки отечественного национального закона². Причем в п. 39 Пояснительной записки Секретариата ЮНСИТРАЛ к Типовому закону указано, что анализируемое положение «позволяет сторонам по своему усмотрению выбрать применимое материальное право, и это важно в тех случаях, когда национальное законодательство недостаточно четко или не в полной мере признает это право»³. Таким образом, можно заключить, что законодательство о международном коммерческом арбитраже содержит собственное правовое обоснование допустимости выбора права сторонами частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. Более того, такое правовое обоснование рассматривается как самодостаточное, не требующее подкрепления национальными коллизионными правилами.

В рамках МКАС при ТПП РФ анализируемое положение воспроизведено также Правилами арбитража международных коммерческих споров (§ 23 – нормы, применимые к существу спора). Более того, приоритетное значение для разрешения спора норм, избранных сторонами, провозглашается регламентами ведущих международных коммерческих арбитражей, локализованных в

¹ Согласно п. 2 ст. 28 закона «при отсутствии какого-либо указания сторон третейский суд применяет право, определенное в соответствии с коллизионными нормами, которые он считает применимыми».

² Аналогичное по содержанию положение закреплено в ст. VII Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже (Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже от 21 апреля 1961 г. (г. Женева) // Ведомости ВС СССР. 1964. № 44. Ст. 485), которая была ратифицирована СССР с последующим сохранением юридической силы для Российской Федерации (Указ Президиума ВС СССР от 14 мая 1962 г. № 67-VI «О ратификации Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже» // Ведомости ВС СССР. 1962. № 20. Ст. 210) и в настоящее время имеет 31 государство-участника (European Convention on International Commercial Arbitration (Geneva, 21 April 1961) – Официальный сайт ООН [United Nations Treaty Collection]. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXII-2&chapter=22&clang=_en, дата обращения: 01 августа 2025 г.). В силу ст. 1 конвенции она применяется к арбитражным процессам и решениям по спорам в сфере внешней торговли, основанным на соглашениях лиц, имеющих постоянное местожительство или местонахождение в различных государствах-участниках.

³ Пояснительная записка Секретариата ЮНСИТРАЛ к Типовому закону о международном торговом арбитраже 1985 г. с изм., принятыми в 2006 г. // Издание ООН. № R.08.V.4. С. 23-38.

различных государствах, включая Арбитражный регламент Международной торговой палаты (п. 1 ст. 21 – применимые нормы права); Арбитражный регламент Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма (п. 1 ст. 27 – применимое право), Арбитражный регламент Лондонского международного третейского суда (п. 3 ст. 22 – дополнительные полномочия). Наконец, Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ, основную сферу применения которого составляют арбитражи *ad hoc*, не связанные с каким-то арбитражным институтом¹ и, следовательно, вообще не имеющие юридически определенной локализации, также отдает приоритет согласованным сторонами нормам права (ст. 35 – применимое право, «дружеские посредники»)².

Вместе с тем, представляет интерес практика МКАС при ТПП РФ касательно признания допустимости выбора права сторонами частноправового отношения международного характера. В одном из решений применительно к коллизионным нормам (которые МКАС считает применимыми при отсутствии избранных сторонами норм права) состав арбитража констатировал: «Согласно преобладающему в практике МКАС при ТПП РФ подходу применимыми, как правило, признаются коллизионные нормы раздела VI ГК РФ»³. Аналогичная тенденция проявляется и в отношении правового обоснования применения тех норм права, которые избрали сами стороны.

В частности, анализ практики МКАС при ТПП РФ позволяет выделить три подхода к обоснованию допустимости соглашения о применимом праве. Согласно первому, в дополнение к ст. 28 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже», § 26 Регламента⁴ или § 23 Правил арбитража международных коммерческих споров (с указанием в разных решениях разных из указанных

¹ Усоскин С. В., Сереброва Д. А. Новый Арбитражный Регламент ЮНСИТРАЛ // Третейский суд. 2010. № 6. С. 48.

² Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (ред. 2010 г.) – Официальный сайт ЮНСИТРАЛ. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/arb-rules-revised-r.pdf> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

³ Решение МКАС при ТПП РФ от 02 сентября 2013 г. по делу № 225/2012.

⁴ Регламент МКАС при ТПП РФ (утв. Приказом ТПП РФ от 18 октября 2005 г. № 76; действ. до 27 января 2017 г.) – Официальный сайт МКАС при ТПП РФ. URL: <http://mkas.tpprf.ru/ru/materials/> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

документов или их комбинаций) МКАС делает прямую ссылку на ст. 1210 ГК РФ¹. Согласно второму, МКАС ссылается на широкое признание принципа автономии воли в международном частном праве и отмечает, что он нашел отражение, «в том числе» или «в частности», в ст. 1210 ГК РФ. Данный подход распадается на два подвида, в первом из которых МКАС вообще не приводит ссылок на собственные документы процессуального характера², а во втором – указывает один или несколько из них³.

¹ По данному основанию касательно допустимости избрания права Российской Федерации (включающего Венскую конвенцию о договорах международной купли-продажи товаров, применимую в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, и нормативно-правовые акты Российской Федерации, применимые в качестве субсидиарного статута) см. Решения МКАС при ТПП РФ от 13 сентября 2017 г. по делу № М-27/2017; от 12 декабря 2012 г. по делу № 53/2012; от 01 июня 2012 г. по делу № 165/2011; от 30 декабря 2009 г. по делу № 74/2009; от 01 декабря 2008 г. по делу № 39/2008 (в последнем решении – в совокупности со ссылкой на п. «е» ст. 11 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности) и Постановление МКАС при ТПП РФ от 12 марта 2008 г. по делу № 64/2007. Касательно допустимости избрания права Российской Федерации (сопряженного с исключением, прямо или в результате поведения сторон, применения Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров) см. Решения МКАС при ТПП РФ от 25 апреля 2017 г. по делу № 137/2016 и от 07 марта 2014 г. по делу № 107/2013. Касательно допустимости избрания права Российской Федерации (ГК РФ – в отношении договора оказания услуг) см. Решения МКАС при ТПП РФ от 28 января 2014 г. по делу № 57/2013 и от 30 июля 2010 г. по делу № 242/2009. Касательно допустимости избрания законодательства Российской Федерации см. Решения МКАС при ТПП РФ от 05 февраля 2018 г. по делу № М-158/2017; от 21 марта 2017 г. по делу № 114/2016; от 22 декабря 2008 г. по делу № 83/2008; от 04 декабря 2008 г. по делу № 36/2008; от 05 июня 2008 г. по делу № 126/2007 и от 05 июля 2006 г. по делу № 60/2005.

² По данному основанию касательно допустимости избрания права Российской Федерации (включающего Венскую конвенцию о договорах международной купли-продажи товаров, применимую в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, и нормативно-правовые акты Российской Федерации, применимые в качестве субсидиарного статута) см. Решения МКАС при ТПП РФ от 04 мая 2016 г. по делу № 218/2015; от 04 августа 2011 г. по делу № 19/2011; от 01 марта 2006 г. по делу № 101/2005 и от 20 апреля 2004 г. по делу № 115/2003. Касательно допустимости избрания права Российской Федерации (сопряженного с исключением, посредством инкорпорации GAFTA 49, применения Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров) см. Решение МКАС при ТПП РФ от 24 июля 2006 г. по делу № 40/2005. Касательно допустимости избрания законодательства Российской Федерации см. Решение МКАС при ТПП РФ от 19 октября 2004 г. по делу № 126/2003.

³ По данному основанию касательно допустимости избрания права Российской Федерации (включающего Венскую конвенцию о договорах международной купли-продажи товаров, применимую в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, и нормативно-правовые акты Российской Федерации, применимые в качестве субсидиарного статута) см. Решения МКАС при ТПП РФ от 17 мая 2016 г. по делу № 217/2015; от 17 декабря 2007 г. по делу № 35/2007 и от 14 декабря 2006 г. по делу № 26/2006. Касательно допустимости соглашения о применимом праве, в котором стороны указали, что «будут применять материальное право Российской Федерации, если оно будет противоречить нормам международного права, то применяется

Согласно третьему подходу, в дополнение к собственным документам процессуального характера МКАС обосновывает допустимость соглашения о применимом праве нормами коллизионного права тех государств, которые имеют связь с рассматриваемым спором. Например, МКАС признал, что «волеизъявление сторон допускается международным частным правом всех связанных со спором правовых систем», сославшись при этом на нормы коллизионного права Российской Федерации (государства локализации арбитража), Германии (государства местонахождения истца) и Казахстана (государства местонахождения ответчика)¹.

На основании изложенного необходимо заключить, что в той мере, в какой ст. 1210 ГК РФ оказывает влияние на правовое обоснование допустимости выбора права сторонами спора в МКАС при ТПП РФ, в той же мере разъяснения касательно положений данной статьи, выработанные Верховным Судом РФ, способны оказывать потенциальное влияние на практику МКАС. В этой связи примечательно, что в одном из решений в обоснование допустимости выведения соглашения о применимом праве из ссылок сторон при обосновании требований и возражений на одно и то же применимое право МКАС уже ссылался не только на ст. 1210 ГК РФ, но и на рекомендации Высшего Арбитражного Суда РФ, изложенные в обзоре судебной практики². Вместе с тем, мы подчеркнем, что описываемое влияние отечественного коллизионного права и практики его применения судами Российской Федерации на практику МКАС при ТПП РФ в действительности имеет место быть, однако, с точки зрения природы и правового статуса международного коммерческого арбитража, оно не является юридически предопределенным.

Конвенция ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» (Вена, 1980 г.)», см. Решение МКАС при ТПП РФ от 17 марта 2006 г. по делу № 121/2005.

¹ По данному основанию касательно допустимости избрания права Казахстана см. Решение МКАС при ТПП РФ от 20 апреля 2015 г. по делу № 192/2014.

² В частности, на п. 13 Обзора судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц (Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 158). См. Решение МКАС при ТПП РФ от 19 октября 2016 г. по делу № 42/2016.

Следует отметить, что самостоятельность обоснования норм права, применяемых международным коммерческим арбитражем, в значительной степени базируется на предписании п. 1 ст. 1186 ГК РФ. В то время как первый абзац этого пункта закрепляет, что применимое право определяется на основании международных договоров РФ, ГК РФ, других законов и признаваемых в Российской Федерации обычаев, второй абзац провозглашает: «Особенности определения права, подлежащего применению международным коммерческим арбитражем, устанавливаются законом о международном коммерческом арбитраже»¹.

С одной стороны, словосочетание «особенности определения права» указывает на то, что в отсутствие особенностей применяется общий порядок согласно абзацу первому. С другой стороны, принимая во внимание содержание ст. 28 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» (а также множества иных документов процессуального характера в этой области), которая в действительности покрывает обе возможные опции в части применимого права: выбор сторонами или определение арбитражем по своему усмотрению, – мы считаем, что закон о международном коммерческом арбитраже устанавливает не *особенности*, а *порядок* определения применимого права.

Данный порядок является хотя и лаконичным, но достаточным и эффективным для решения вопроса о применимом праве в международном коммерческом арбитраже, а потому сам по себе не требует ни обязательной, ни иллюстративной ссылки ни на коллизионное право государства локализации арбитража, ни на коллизионное право всех связанных со спором государств. Бесспорно, такие ссылки (а они, в силу признания принципа автономии воли подавляющим большинством государств, в подавляющем большинстве случаев

¹ В одном из решений МКАС подчеркивает: «Обратившись к вопросу о праве, применимом к отношениям сторон по Договору, МКАС руководствуется ч. 2 п. 1 ст. 1186 ГК РФ». Однако примечательно, что далее МКАС ссылается как на ст. 28 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» и § 26 Регламента МКАС, так и на ст. 1210, 1215 ГК РФ (Решение МКАС при ТПП РФ от 02 декабря 2013 г. по делу № 122/2013). Аналогичное правовое обоснование встречается и в иных решениях МКАС, как-то: Решение МКАС при ТПП РФ от 01 июля 2013 г. по делу № 218/2012.

не будут противоречить признанию этого принципа процессуальными документами арбитража), не изменят исхода дела и не нанесут ущерба правовой обоснованности решения, однако, как мы указывали, они не являются необходимыми¹.

Напротив, полагаем необоснованным признание международным коммерческим арбитражем допустимости соглашения о применимом праве в отсутствие ссылки на какой-либо из его процессуальных документов, в том числе заявляющее в общей форме о признании принципа автономии воли международным частным правом государств².

Возвращаясь к описанной Н. В. Тригубович ситуации, в которой французский арбитр рассматривает спор в Стокгольме, отметим, что допустимость соглашения о применимом праве должна в данном случае определяться «процессуальными документами» арбитража, как-то: национальным законом о международном коммерческом арбитраже, регламентами и правилами институционального арбитража или арбитража *ad hoc*, – вне зависимости от национальности арбитра, сторон спора или места фактического проведения слушаний. Следовательно, правовым обоснованием допустимости соглашения о применимом праве при рассмотрении спора международным коммерческим арбитражем может являться исключительно *lex arbitri* – специальные нормы «процессуального» характера в сфере международного коммерческого арбитража, поскольку именно они выступают для международного коммерческого арбитража

¹ Представляется в полной мере обоснованным решение МКАС, в котором вывод о применении избранного сторонами права Российской Федерации мотивирован исключительно ссылкой на п. 1 ст. 28 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» и п. 1 § 26 Регламента МКАС (Решение МКАС при ТПП РФ от 29 сентября 2011 г. по делу № 279/2010).

² Помимо описанного подхода, в соответствии с которым МКАС в отсутствие ссылки на собственные документы процессуального характера, указывает на широкое признание принципа автономии воли, отмечая, что таковой нашел отражение, «в том числе» или «в частности», в ст. 1210 ГК РФ, в практике МКАС встречается и решение, в котором исследование вопроса о применимом праве начинается указанием на то, что «арбитраж учитывает *также* положения (курсив наш. – Т.Н.)» ст. 1210 ГК РФ. При этом в решении нет ссылки ни на собственные процессуальные документы, ни на принцип автономии воли в общей форме – никаких иных оснований, по отношению к которым МКАС мог бы *также* (в качестве иллюстрации) указать ст. 1210 ГК РФ (Решение МКАС при ТПП РФ от 05 апреля 2011 г. по делу № 148/2010).

аналогом *lex fori* – разработанной для государственного суда совокупности норм коллизионного права.

Таким образом, мы полагаем, что для МКАС при ТПП РФ ст. 28 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» (в совокупности с § 23 Правил арбитража международных коммерческих споров) выступает правилом определения применимого права – установленным *lex arbitri* – самодостаточным, непосредственно действующим и безусловно обязательным для использования во всех делах, рассматриваемых им в порядке международного коммерческого арбитража. Естественно, та же логика будет действительна для любого международного коммерческого арбитража: как институционального, так и *ad hoc* – с той особенностью, что для арбитража *ad hoc* в отсутствие избранного сторонами арбитражного регламента допустимость выбора применимого права как таковая будет вытекать из самого факта дозволения сторонам определять процессуальные правила арбитражного разбирательства, а для понимания пределов такого выбора вполне могут быть задействованы рекомендательные нормы Гаагских принципов 2015 г.

Изложенное приводит нас к заключительному выводу о том, что коль скоро допустимость выбора применимого права определяется *lex fori* или *lex arbitri*, то, в конечном итоге, она находится в зависимости от выбора (и допустимости выбора) сторонами способа и места урегулирования спора. Впрочем, и в этом вопросе принцип автономии воли демонстрирует сходство с альтернативным ему принципом наиболее тесной связи, так как свод коллизионных норм или методика решения коллизионного вопроса в отсутствие соглашения сторон тоже определяются институтом, рассматривающим спор: его принадлежностью судебной системе какого-либо государства или статусом и локализацией арбитража.

Разбор практических аспектов реализации автономии воли в коллизионном регулировании и, в частности, анализ правового обоснования в суде и арбитраже возможности участников гражданских отношений международного характера избрать применимое материальное право, позволяет подтвердить первую из

гипотез, выдвинутых нами в рамках обоснования концептуальной модели автономии воли как принципа коллизионного регулирования.

Автономия воли, устанавливающая право сторон гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, избрать применимое право, и пределы ее реализации определяются непосредственно и исключительно управомочивающей нормой, для судов существующей в рамках свода коллизионных норм *lex fori*, а для арбитражей – соответствующей нормой редуцированного к альтернативе «выбор сторон или выбор арбитража» положения *lex arbitri*.

В рассматриваемом смысле автономия воли участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, определяет применимость материального права того или иного государства (включая его принципы, среди которых и принцип свободы договора), а потому она не может рассматриваться как проявление гражданско-правового принципа свободы договора или им обосновываться. Автономия воли в международном частном праве как таковая существует и реализуется на совершенно ином этапе – на этапе решения коллизионного вопроса и выбора применимого материального права, когда еще не известно, какой свод материально-правовых норм будет применен (и будет ли, и в какой мере в этом своде признаваться какой-то из материально-правовых цивилистических принципов).

Изложенные выводы теоретического плана позволяют поддержать разграничение Верховным Судом Российской Федерации вопросов допустимости и действительности соглашения о применимом праве с отнесением первых к *lex fori*, а вторых – к *lex voluntatis*. Кроме того, проведенное исследование свидетельствует о целесообразности внесения изменений в законодательство Российской Федерации.

В частности, предлагается во втором абзаце п. 1 ст. 1186 ГК РФ заменить слово «особенности» на слово «порядок» и в соответствии с реальным положением дел установить: «Порядок определения права, подлежащего применению международным коммерческим арбитражем, устанавливается законом о международном коммерческом арбитраже».

§ 2. Форма реализации автономии воли участниками гражданских отношений, осложненных иностранным элементом

Исследование вопросов формы соглашения участников гражданских (прежде всего – договорных) отношений, осложненных иностранным элементом, о выборе применимого материального права имеет существенное значение как с практической точки зрения для целей последующего признания и реализации данного соглашения, так и в более общем ключе – для квалификации соглашения о выборе права, в частности, и характеристики принципа автономии воли в коллизионном регулировании, в целом.

В отечественной литературе по этому вопросу отсутствует единство взглядов. Так, В. Л. Толстых утверждает, что соглашение о применимом праве в целом «подходит под формальные признаки внешнеэкономической сделки»¹, и, опираясь на действовавшее в тот период положение п. 3 ст. 162 ГК РФ, делает вывод об обязательности для данного соглашения простой письменной формы. В качестве дополнительного аргумента ученый указывает, что режимы арбитражного соглашения и соглашения о применимом праве похожи, в связи с чем по аналогии закона требование письменной формы арбитражного соглашения может быть обосновано и для соглашения о применимом праве².

В отношении основного довода В. Л. Толстых отметим, что после реформы гражданского законодательства, состоявшейся в 2013 г., требование обязательной

¹ Сам В. Л. Толстых отмечает, что данное утверждение «несколько спорно». Однако при этом автор полагает, что соглашение о применимом праве «так или иначе будет *регулировать* отношения *между судом и сторонами* (курсив наш. – Т.Н.)» (Толстых В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование... С. 77). В этой связи отметим, что, во-первых, само соглашение не регулирует отношения, оно лишь указывает на право (нормы права), которые компетентны осуществлять регулятивное воздействие. Во-вторых, избранное право регулирует отношения между сторонами, но никак не между судом и сторонами. Суд применит соглашение сторон, однако аналогичным образом, но уже в пределах действия императивных норм избранного права, он будет впоследствии опираться и на иные условия сделки. Использование судом для разрешения спора положений договора (как о применимом праве, так и других) не образует материальных отношений между судом и сторонами.

² Толстых В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование... С. 77-78. В частности, п. 2 ст. 7 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» предписывает: «Арбитражное соглашение заключается в письменной форме».

(под угрозой недействительности) письменной формы не предъявляется к внешнеэкономической сделке¹, даже если считать соглашение о применимом праве таковой. Однако мы полагаем, что данное соглашение не является ни внешнеэкономической сделкой², ни в целом частноправовой сделкой, которая согласно ст. 153 ГК РФ есть действие, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Соглашение о применимом праве – это явление *sui generis*, особое соглашение, предметом которого выступает выбор применимого материального права.

По этой причине мы не можем согласиться с В. Л. Толстых и в том, что некоторая схожесть арбитражного соглашения с соглашением о применимом праве позволяет распространить требование письменной формы первого на второе. Указанные соглашения похожи только тем, что могут быть заключены участниками частноправовых отношений международного характера, автономны по отношению к основной сделке и выполняют «служебную» функцию, обеспечивая выбор места урегулирования спора и применимого для этого права. Однако по существу они будут столь же различны, сколь методы регулирования гражданского права и процесса, в связи с чем недопустимо, по нашему мнению, распространение требований одного на другое³.

Другое решение проблемы формы соглашения о применимом праве предлагает А. Б. Покровская. Ученый заявляет, что указанное соглашение

¹ Федеральный закон от 07 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред. от 28 декабря 2016 г.) // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2327. Режим доступа: СПС «Гарант».

² Позиция В. Л. Толстых относительно признания за соглашением о применимом праве качества внешнеэкономической сделки подвергается критике в литературе (Мирзоев А. М. Указ. соч. С. 56). Тезис о том, что соглашение о применимом праве не может быть квалифицировано в качестве внешнеэкономической сделки, поддерживают Е. И. Антонова (Антонова Е. И. Указ. соч. С. 20) и Л. П. Ануфриева (Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / под ред. Л. П. Ануфриевой... С. 505, автор комментария к ст. 1210 ГК РФ – Л. П. Ануфриева).

³ Аналогичный вывод делает М. Г. Розенберг. В частности, ученый пишет: «Отсутствуют формальные основания для распространения ... предписаний относительно арбитражного соглашения на соглашение о применимом праве даже в случаях, когда такое соглашение включено в текст арбитражной оговорки» (Розенберг М. Г. Международный договор и иностранное право в практике Международного коммерческого арбитражного суда. М.: Статут, 2000. С. 14).

образует «самостоятельную частноправовую сделку, регулируемую нормами международного частного права», однако при этом уточняет: «В случае если такое соглашение совершено относительно частноправовой сделки, осложненной иностранным элементом, оно “следует” форме данной сделки»¹. Основным недостатком изложенной позиции является то, что она противоречит положению п. 2 ст. 1210 ГК РФ, которое допускает как прямо выраженные соглашения о применимом праве, так и определенно вытекающие из условий договора либо совокупности обстоятельств дела. Однако более важное значение имеет то, что, по нашему мнению, соглашение о применимом праве недопустимо рассматривать как частноправовую сделку, форма которой определяется в рамках формы основной сделки посредством применения коллизионной нормы.

Необоснованным было бы также отыскание самостоятельного статута формы соглашения о применимом праве при помощи коллизионной привязки, рассчитанной на форму ординарной частноправовой сделки². В этом отношении мы не согласимся с мнением А. В. Асоскова о том, что «применение общих коллизионных норм из п. 1 ст. 1209 ГК РФ о форме сделки ... будет выводить российский суд на российское право, в котором вопрос о форме соглашения о выборе права решается только в норме п. 2 ст. 1210 ГК РФ»³. Это умозаключение противоречит важнейшему постулату отечественного коллизионного права, согласно которому отсылка к иностранному праву по общему правилу рассматривается как отсылка к материальному, а не к коллизионному праву (п. 1 ст. 1190 ГК РФ). Следовательно, ст. 1209 ГК РФ определяет материальное право, применимое к форме ординарной частноправовой сделки, и не может использоваться для обоснования отсылки к другой норме раздела VI ГК РФ,

¹ *Покровская А. Б.* Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом... С. 124.

² Со ссылкой на комментарий к части третьей ГК РФ под редакцией А. Л. Маковского и Е. А. Суханова, Д. П. Стригунова указывает: «В отечественной литературе ... было высказано мнение о том, что форма соглашения о применимом праве определяется на основании общих коллизионных норм, предусмотренных для формы сделки (ст. 1209 ГК РФ)» (*Стригунова Д. П.* Правовое регулирование международных коммерческих договоров... § 2 главы 4; *Стригунова Д. П.* Основные проблемы соглашения о выборе права, применимого к международному коммерческому договору // Современное право. 2016. № 9. С. 136-140).

³ *Асосков А. В.* Коллизионное регулирование договорных обязательств... Раздел 1.3.3.

посвященной соглашениям совершенно особого рода. В этой связи важно отметить, что, несмотря на изложенную общую позицию, далее А. В. Асосков подчеркивает: «Отсутствует какая-либо необходимость в столь сложном логическом пути к правильному выводу о том, что вопрос о форме соглашения о выборе права регулируется исключительно положениями п. 2 ст. 1210 ГК РФ»¹.

¹ В качестве возможного исключения ученый называет случаи, в которых стороны устанавливают повышенные требования к изменению соглашения о применимом праве (например, суд распространяет действие положения контракта, согласно которому все его изменения могут совершаться в письменной форме, «не только на материально-правовые условия, но и на соглашение о выборе права» (Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств... Раздел 1.3.3).

Однако следует отметить, что в отечественной судебной и арбитражной практике прочно утвердился подход, в соответствии с которым совокупность положений ст. 1210 ГК РФ, как-то: п. 1 (признающего выбор права как при заключении договора, так и в последующем) и п. 2 (признающего как прямо выраженные соглашения, так и определенно вытекающие из условий договора либо совокупности обстоятельств дела), – допускает изменение соглашения о применимом праве, совершенного в письменной форме (например, в качестве условия договора), последующим соглашением не в той же письменной форме (например, посредством заявления в ходе судебного или арбитражного процесса). В одном из дел, рассмотренных Федеральным арбитражным судом Московского округа, стороны в положениях дополнительных соглашений избрали в качестве применимого права Англии, однако впоследствии в процессуальных документах обе стороны ссылались на положения российского права (кроме того, в материалах дела имеется письменное заявление представителя конкурсного управляющего об отказе от оспаривания соглашений на основании норм права Англии). На этом основании суд сделал вывод о том, что «в процессе рассмотрения дела сторонами было достигнуто соглашение о применении к спору норм российского права» (Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 19 мая 2014 г. № Ф05-13173/07 по делу № А40-31270/2007). Идентичную позицию занял Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа по делу, в котором из контракта усматривалось, что «стороны пришли к соглашению о применении ... законодательства Швеции», однако в процессуальных документах компания, должник и конкурсный управляющий ссылались на нормы Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и ГК РФ. Суд пришел к выводу, что изложенное «свидетельствует о достижении сторонами соглашения о праве, которое подлежит применению к их правам и обязанностям» (Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 10 декабря 2013 г. по делу № А21-8308/2012).

В одном из дел, рассмотренных МКАС при ТПП РФ, стороны в положении контракта избрали в качестве применимого права Англии, однако впоследствии в заседании арбитража согласовали рассмотрение спора с применением норм российского права. «Учитывая четко выраженную, взаимно согласованную волю сторон в определении норм применимого права», состав арбитража признал измененное сторонами соглашение и определил в качестве применимых нормы Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров (в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ – как составной части правовой системы Российской Федерации) и ГК РФ как субсидиарного статута (Решение МКАС при ТПП РФ от 01 октября 2015 г. по делу № 14/2015). Схожая логика была применена МКАС при ТПП РФ и в деле, в котором стороны в переписке ссылались на положения ГК РФ (исключая, тем самым, применение Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров), однако впоследствии в письменных пояснениях и в ходе устного слушания дела заявили, что спор должен разрешаться на

Мы считаем, что единственным правовым основанием соглашения о применимом праве выступает специальная норма *lex fori* или *lex arbitri*, санкционирующая автономию воли участников гражданских отношений международного характера. В частности, для суда положение п. 2 ст. 1210 ГК РФ исчерпывающим образом регламентирует все вопросы формы соглашения о применимом праве¹; именно оно легло в основу широко распространенного среди правоведов либерального стандарта в этой области. Так, И. С. Зыкин, комментируя норму п. 2 ст. 1210 ГК РФ и приводя неисчерпывающий перечень примеров волеизъявления сторон относительно применимого права (включая положение в тексте контракта, конклюдентные действия и устную форму), заключает: «Закон не содержит каких-либо особых требований в отношении формы соглашения о выборе права»². Мы всецело поддерживаем позицию М. Г. Розенберга о том, что соглашение о применимом праве образует соглашение особого рода, действительность которого не обусловлена соблюдением каких-либо требований в отношении его формы³.

основании Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров с субсидиарным применением гражданского законодательства Российской Федерации. Арбитраж, опираясь на возможность сторон «полностью либо частично изменить и прекратить ранее достигнутое соглашение», применил последнее из достигнутых сторонами соглашений о применимом праве (Решение МКАС при ТПП РФ от 18 апреля 2017 г. по делу № 102/2016).

¹ Позицию, согласно которой «нормы ст. 1210 ГК РФ исчерпывающим образом регулируют вопрос о том, в какой форме должно заключаться соглашение о применимом праве», занимает Д. П. Стригунова (*Стригунова Д. П.* Правовое регулирование международных коммерческих договоров... § 2 главы 4; *Стригунова Д. П.* Основные проблемы соглашения о выборе права, применимого к международному коммерческому договору... С. 136-140).

² Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова... С. 427-428 (автор комментария к ст. 1210 ГК РФ – И. С. Зыкин). Эта позиция получает широкую поддержку среди ученых (*Канашевский В. А.* Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование... С. 116). Аналогичного мнения придерживается также Е. И. Антонова (*Антонова Е. И.* Указ. соч. С. 20).

³ *Розенберг М. Г.* Международный договор и иностранное право в практике Международного коммерческого арбитражного суда... С. 12-13. Этот тезис получает широкую поддержку в отечественной литературе (Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: В 3 т. Т. 3 / под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Г. Светланова... С. 400, автор комментария к ст. 1210 ГК РФ – Е. В. Кабатова; Современное международное частное право в России и Евросоюзе / под ред. М. М. Богуславского, А. Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка... С. 441-442, автор главы – М. П. Бардина).

Более того, мы считаем, что само понятие «формы» имеет в некоторой степени условный характер для соглашения о применимом праве. Будучи явлением *sui generis*, данное соглашение в полном объеме регламентируется специальной нормой, уполномочивающей участников гражданского отношения, осложненного иностранным элементом, на выбор материального права. Однако отстаивая особую правовую природу соглашения о применимом праве, мы ни в коей мере не отрицаем его частноправового (цивилистического) характера в качестве соглашения сторон.

Анализируя принципы и нормы коллизионного права, необходимо помнить, что хотя в логическом ряду регулятивного процесса они первичны по отношению к какому бы то ни было материальному праву, в историческом и догматическом плане коллизионные правила являются надстройкой по отношению к материально-правовым принципам и нормам, ибо без коллизии действующей материи частного права различных юрисдикций не возникла бы необходимость и в снабжении этой материи коллизинными правилами. Как следствие, коллизионные принципы и нормы формируются и действуют в едином понятийно-категориальном цивилистическом пространстве, что однако не исключает их специфики, обусловленной спецификой стоящей перед ними цели – не регулирование частных отношений по существу, а выбор для них надлежащего регулятора.

В связи с этим нельзя отрицать, что соглашение об определении правового режима гражданских прав и обязанностей сторон лежит в общей парадигме цивилистической договорной формы. Однако, определяя правовую судьбу отношений сторон, такое соглашение не смешивается с иными договорными условиями и сохраняет автономность как в части своего целевого назначения, так и в части регламентации своих формы и содержания. Именно поэтому, говоря о форме такого соглашения, мы не можем привязать ее к форме материально-правового соглашения о гражданских правах и обязанностях сторон. И хотя конечно во многих случаях мы будем рассуждать в русле категорий письменная – устная форма, однако и правовое основание выводов о требованиях к форме

соглашения о применимом праве, и порядок доказывания волеизъявления сторон, и соотношение форм такого соглашения между собой (как-то, замена прямо выраженного соглашения подразумеваемым) будут подчиняться специальному (коллизийно-правовому) режиму. Соответственно, проявления соглашения о применимом праве в объективной реальности могут быть весьма многообразными.

Неоспоримой формой выбора применимого права является письменное соглашение сторон, которое может быть сформулировано в виде положения договора (оговорки)¹, в том числе посредством отсылки к типовой форме контракта², отдельного документа (соглашения), а также обмена письмами или иными сообщениями, способными к фиксации³. С точки зрения формы как таковой, соглашения подобного рода являются наиболее объективированными и простыми в применении, однако, с точки зрения содержания, они могут вызывать

¹ Например, Арбитражный суд Уральского округа, опираясь на ст. 431, 1210 ГК РФ, подчеркнул, что, толкуя пункты кредитного соглашения и договора гарантии, исходя из буквального значения содержащихся в них слов и выражений, «суды установили наличие соглашения о применении к соответствующим правоотношениям английского права» (Постановление от 09 марта 2017 г. № Ф09-10289/16 по делу № А76-10954/2015).

² Например, типовой контракт GAFTA 49 содержит отсылку к праву Англии, а также исключает применение Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, ИНКОТЕРМС и ряда иных международных документов (The Grain and Feed Trade Association (GAFTA) Contract No. 49 (Contract for the Delivery of Goods, Central and Eastern Europe), effective 01 October 2024 – Официальный сайт Международной Ассоциации Торговли Зерном и Кормами. URL: https://www.gafta.com/media/ol3gouhu/49_2024.pdf, (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

В практике отечественных судов имеются примеры признания ссылок сторон на избранные ими условия типовых форм контрактов. Так, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа, со ссылкой на п. 2 ст. 414 КТМ РФ и п. 1 ст. 1210 ГК РФ, применил избранные сторонами условия чартера ДЖЕНКОН (в ред. 1994 г.), согласно которым отношения сторон подчинялись английскому праву (Постановления от 22 сентября 2016 г. № Ф08-4231/2016 по делу № А53-21855/2015 и от 23 ноября 2015 г. № Ф08-8000/2015 по делу № А53-22068/2014). Проформа чартера ДЖЕНКОН рекомендована Балтийским и Международным Морским Советом и в боксе 25 части 1 предусматривает выбор права сторонами (согласно п. 19 ч. 2 в отсутствие выбора сторон к отношениям применяется право Англии) (GENCON 1994 – Официальный сайт Балтийского и Международного Морского Совета. URL: <https://www.bimco.org/contracts-and-clauses/bimco-contracts> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

³ Например, Федеральный арбитражный суд Московского округа установил, что стороны договора «выразили письменное согласие подчинить гражданско-правовые отношения между ними праву Англии», «обменявшись документами – Извещением о переуступке ... и Подтверждением договора о переуступке» (Постановление от 03 июня 2011 г. № КГ-А40/2381-11 по делу № А40-35715/10-141-305).

значительные сложности при восприятии, толковании и реализации воли сторон в свете того, какие слова и выражения были использованы для ее формулировки.

В части именно формы существенную особенность соглашений о применимом праве составляет то, что они могут быть достигнуты не только в письменной («прямо выраженной»), но и в так называемой «подразумеваемой» форме¹. В этом отношении п. 2 ст. 1210 ГК РФ гласит, что рассматриваемое соглашение «должно быть прямо выражено или должно определенно вытекать из условий договора либо совокупности обстоятельств дела».

Требование определенности является ключевым в отношении подразумеваемых соглашений о применимом праве. Оно позволяет отграничить действительную волю сторон от так называемой гипотетической воли. С критикой последней выступает, в частности, Л. А. Лунц. Ученый указывает, что в основе гипотетической воли лежит гипотеза «относительно того, как при данных обстоятельствах стороны разрешили бы вопрос о компетентном законе», в результате применения которой «воля сторон заменяется фикцией, прикрывающей по существу свободу судейского усмотрения при разрешении коллизий законов»². Недопустимость отсылки к гипотетической воле для целей

¹ Анализ международных документов показывает, что эволюция стандарта подразумеваемых соглашений о применимом праве протекала по пути либерализации – в русле развития принципа автономии воли в целом. Так, ст. 2 Гаагской конвенции о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, 1955 г. признает соглашения о применимом праве, недвусмысленно вытекающие «из положений договора». По оценке специалистов, этот стандарт подразумеваемых соглашений является «наиболее строгим», так как «может основываться только на условиях договора (но не других действиях сторон или иных обстоятельствах дела)» (Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств... Раздел 1.4.3). В свою очередь, ст. 7 Гаагской конвенции о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, 1986 г. признает соглашения о применимом праве, прямо вытекающие «из условий договора и поведения сторон, рассматриваемых в их совокупности (курсив наш. – Т.Н.)», что свидетельствует о несомненной либерализации требований к доказыванию действительной воли сторон. Наконец, ст. 4 Гаагских принципов, касающихся выбора права в международных коммерческих договорах, 2015 г., подтверждая допустимость «молчаливого» выбора, устанавливает, что выбор права либо его изменение могут «ясно следовать из положений договора или обстоятельств».

² Лунц Л. А. Внешнеторговая купля-продажа. Коллизионные вопросы... С. 24. Ученый также пишет: «Установление гипотетической воли сторон (т.е. той воли, которая при этих обстоятельствах соответствовала бы намерениям “разумного человека”) является по существу оперированием посредством более или менее произвольных фикций. “Воля сторон” ... превращается здесь в прием решения суда» (Лунц Л. А. Внешнеторговая купля-продажа. Нормы

определения применимого права широко признается и в современной отечественной литературе¹.

Вместе с тем, следует учитывать, что поскольку п. 2 ст. 1210 ГК РФ признает не только прямо выраженную, но и подразумеваемую волю сторон, суд вправе определять применимое право на основании коллизионной нормы (например, для договорных отношений – ст. 1211 ГК РФ), только если констатирует отсутствие и прямо выраженного (письменного) соглашения о применимом праве, и вытекающего из условий договора либо совокупности обстоятельств дела².

Особого внимания заслуживает то, что в порядке разъяснения п. 2 ст. 1210 ГК РФ Пленум Верховного Суда РФ привел типичные примеры подразумеваемых соглашений. Во-первых, укажем, что в этом разъяснении получил отражение широко распространенный в отечественной судебной и арбитражной практике подход, в соответствии с которым выбор сторонами применимого права признается в том случае, когда они «при обосновании своих требований и

советского коллизионного права, относящиеся к контрактам по экспорту и импорту товаров // Советский ежегодник международного права. 1960. М.: Академия наук СССР, 1961. С. 264). В этом отношении А. В. Асосков справедливо отмечает, что в период наибольшего распространения (в первой половине XX в.) «теория гипотетической воли сторон способствовала освобождению судебной практики большинства европейских стран от давления устаревших территориальных привязок, а также ... формированию гибкого коллизионного подхода о применении права, имеющего наиболее тесную связь с договором» (Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств... Раздел 3.1.6). Таким образом, гипотетическая воля с учетом характера ее применения является не производной автономии воли, признающей выбор права сторон, а гибкой коллизионной привязкой, используемой судом аналогично критерию наиболее тесной связи.

¹ Бардина М. П. Диспозитивные и императивные начала в коллизионном регулировании РФ... С. 43; Современное международное частное право в России и Евросоюзе / под ред. М. М. Богуславского, А. Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка... С. 439 (автор главы – М. П. Бардина); Стригунова Д. П. Проблема установления подразумеваемого выбора права, применимого к международному коммерческому договору...

² На данное обстоятельство обращают внимание М. П. Бардина (Современное международное частное право в России и Евросоюзе / под ред. М. М. Богуславского, А. Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка... С. 439-440, автор главы – М. П. Бардина) и А. С. Комаров (Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / под ред. Н. И. Марышевой, К. Б. Ярошенко. М.: КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2004. С. 479, автор комментария к ст. 1210 ГК РФ – А. С. Комаров).

возражений (например, в исковом заявлении и отзыве на него) ссылаются на одно и то же применимое право»¹.

В указанном случае речь идет о некой «процессуальной» форме достижения соглашения касательно применимого права. При этом принципиальное значение имеет то, что соглашение такого рода допустимо как в качестве первоначального (в том случае, когда ранее в письменной форме или иным образом стороны не согласовали применимое право)², так и в качестве изменяющего ранее

¹ П. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». Данное правило ранее в качестве рекомендации по итогам Обзора судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц, сформулировал Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ – п. 13 Обзора (Информационное письмо от 09 июля 2013 г. № 158).

² В частности, за десять лет до выработки соответствующей рекомендации Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ Федеральный арбитражный суд Московского округа, основываясь на том, что «истец сослался в исковом заявлении на нормы российского права, а ответчик сделал письменное заявление о применении при рассмотрении ... спора норм российского права», сделал вывод о том, что «стороны договора выбрали право Российской Федерации» в качестве применимого (Постановление от 05 декабря 2003 г. № КГ-А40/9513-03 по делу № А40-47669/02-69-492). Арбитражный суд Северо-Западного округа сделал вывод о достижении сторонами «соглашения по применимому праву» в соответствии со ст. 1210 ГК РФ на том основании, что обе стороны «при обосновании своих доводов и возражений исходили из норм гражданского законодательства Российской Федерации» (Постановление от 26 декабря 2016 г. № Ф07-10988/2016 по делу № А56-81618/2015). Аналогичный вывод был сделан в Постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 16 апреля 2014 г. № Ф07-1643/2014 по делу № А56-6655/2013. Арбитражный суд Северо-Кавказского округа признал выбор сторонами права Российской Федерации на том основании, что истец и ответчик в процессуальных документах «ссылались на одно и то же применимое право (Гражданский кодекс Российской Федерации)», а также в суде апелляционной инстанции «выразили свое согласие на рассмотрение спора по праву Российской Федерации» (Постановление от 25 августа 2017 г. № Ф08-5109/2017 по делу № А53-33523/2016). Арбитражный суд Уральского округа признал российское право в качестве применимого на том основании, что «кредитор и финансовый управляющий имуществом должника мотивировали свои требования и возражения ссылками на нормы российского права» (Постановление от 17 апреля 2018 г. № Ф09-6512/17 по делу № А60-60921/2016).

Такой же подход сложился в практике судов общей юрисдикции. В частности, Кемеровский областной суд, не усмотрев в положении договора об урегулировании споров путем переговоров («все споры и разногласия ... будут решаться путем переговоров в соответствии с действующим законодательством Сингапура») соглашение о праве, применимом при разрешении споров в суде, констатировал, что стороны достигли соглашения о применении права Российской Федерации, так как в процессуальных документах ссылались на нормы именно этого права (Апелляционное определение от 23 мая 2017 г. по делу № 33-5507/2017).

В рамках практики МКАС при ТПП РФ признаются различные достигнутые в ходе процесса соглашения о применимом праве. Так, в одном деле стороны не решили вопрос о применимом праве в договоре, однако «в устном заседании ... выбрали в качестве применимого

заключенное (в том числе письменное) соглашение¹. Последнее обстоятельство имеет особенно важное значение в связи с тем, что позволяет констатировать равенство форм соглашений о применимом праве и вытекающую из него допустимость изменения прямо выраженного соглашения подразумеваемым (достигнутым в ходе судебного или арбитражного процесса).

Важно отметить, что в отечественной юриспруденции было высказано мнение о недопустимости в большинстве случаев «процессуальных» соглашений касательно применимого права. Так, А. Б. Покровская указывает, что выбор права в ходе судебного или арбитражного процесса возможен только в том случае, если субъект, его осуществляющий, наделен полномочиями, «аналогичными полномочиям на совершение гражданско-правовой сделки соответствующего вида»². Однако следует учитывать, что автор исходит из общей идеи о том, что

право РФ» и исключили применение Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров (Решение МКАС при ТПП РФ от 02 декабря 2013 г. по делу № 122/2013). В другом деле стороны также не решили вопрос о применимом праве в договоре, но в заседании МКАС их представители заявили, что считают применимым материальное право Российской Федерации и не исключают применение Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров (Решение МКАС при ТПП РФ от 30 ноября 2012 г. по делу № 210/2011). Имеется также пример, в котором МКАС признал выбор сторонами применимого права при условии, что договор не содержал положения о применимом праве, но стороны в процессуальных документах ссылались на нормы российского права, а в заседании их представители подтвердили, что к спору должны применяться нормы российского права (Решение МКАС при ТПП РФ от 19 августа 2009 г. по делу № 123/2008). Особую группу составляют дела, в которых стороны в ходе процесса дополняют (уточняют) достигнутое ранее в письменной форме соглашение о применимом праве. Так, в одном из дел МКАС констатировал, что стороны в договоре оговорили применение Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов, при этом в процессуальных документах стороны ссылались также на нормы российского гражданского законодательства (в частности, ГК РФ) в качестве субсидиарного статута. При таких обстоятельствах МКАС, опираясь на положения п.п. 2-3 ст. 1210 ГК РФ (допускающие последующий выбор, вытекающий из совокупности обстоятельств дела), сделал вывод о выборе сторонами субсидиарного статута, т.е. фактически о дополнении письменного соглашения посредством обмена процессуальными документами (Решение МКАС при ТПП РФ от 17 марта 2014 г. по делу № 195/2013).

¹ В рамках практики арбитражных судов Российской Федерации см. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 19 мая 2014 г. № Ф05-13173/07 по делу № А40-31270/2007; Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 10 декабря 2013 г. по делу № А21-8308/2012. В рамках практики МКАС при ТПП РФ см. Решения МКАС при ТПП РФ от 01 октября 2015 г. по делу № 14/2015 и от 18 апреля 2017 г. по делу № 102/2016.

² Покровская А. Б. Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом... С. 129. Необходимо отметить, что позиция А. Б. Покровской о недопустимости (с точки зрения формы) фиксации устного соглашения

соглашение о применимом праве есть частноправовая сделка и, будучи совершенным в отношении основной сделки, оно «следует» ее форме¹. Мы полагаем, что соглашение о применимом праве составляет явление *sui generis*, не является сделкой в смысле ст. 153 ГК РФ и с точки зрения формы регламентируется исключительно специальной нормой, санкционирующей автономию воли участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом. В силу этого, а также на основе п. 2 ст. 1210 ГК РФ, признающего подразумеваемые соглашения о применимом праве, само понятие «формы» является весьма условным для данных соглашений.

По нашему мнению, в основе такого положения вещей лежит существенно более глубокая идея о том, что выбор сторон, в какой форме он бы ни был сделан, предпочтительнее выбора суда. Исходя из такой идеи, на уровне положения закона и, соответствующим образом, в правоприменительной практике получают признание многообразные вариации проявления выбора сторон (включая их представителей) в объективной реальности.

Не подвергается сомнению то, что стороны частноправового спора международного характера должны особенно внимательно относиться к подбору своих представителей в суде или арбитраже, так как их действия (а в некоторых случаях и бездействие) могут существенным образом повлиять на правовое поле спорных отношений и, соответственно, на исход дела. Однако высокая значимость процессуального поведения представителей сторон имеет место не только в связи с выбором применимого права, но и, например, в связи с определением юрисдикции. Так, в силу подп. 5 п. 1 ст. 148 АПК РФ арбитражный суд оставляет исковое заявление без рассмотрения, если любая из сторон не

сторон о применимом праве в протоколе судебного или арбитражного заседания (Покровская А. Б. Соглашение о праве, применимом к гражданско-правовым сделкам, осложненным иностранным элементом // Актуальные проблемы гражданского права: сб. ст. Вып. 5 / под ред. В. В. Витрянского. М.: Статут, 2002. С. 355) также не получила поддержки в отечественной науке (Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: В 3 т. Т. 3 / под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Г. Светланова... С. 399, автор комментария к ст. 1210 ГК РФ – Е. В. Кабатова; Малкин О. Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках... С. 36-37).

¹ Покровская А. Б. Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом... С. 124.

позднее дня представления своего первого заявления по существу спора заявит о наличии соглашения сторон о рассмотрении данного спора третейским судом¹. Следовательно, если такое заявление не поступит, то даже при наличии арбитражного соглашения в письменной форме и даже при последующих возражениях одной из сторон по данному основанию первоначальное соглашение

¹ В комментариях к АПК РФ обращается внимание на критическую значимость своевременного заявления возражений по данному основанию. М. А. Куликова подчеркивает: «Более позднее заявление о наличии соглашения о рассмотрении спора третейским судом не имеет значения, и спор должен рассматриваться арбитражным судом» (Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2018. С. 460, автор комментария к ст. 148 АПК РФ – М. А. Куликова). То же основание для оставления заявления без рассмотрения установлено ст. 222 ГПК РФ, и к нему даются аналогичные пояснения в комментариях. А. В. Никифоров подчеркивает, что оставление заявления без рассмотрения возможно в случае, когда «помимо соглашения о передаче дела на рассмотрение третейского суда есть и возражение ответчика относительно рассмотрения спора в суде», которое «подано ... до начала рассмотрения дела по существу» (Никифоров А. В. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: РИОР, ИНФРА-М, 2013. С. 250). Аналогичные комментарии в этой связи дают С. Л. Дегтярев (Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. И. Нечаева (рук. авт. коллектива и науч. ред. – В. В. Ярков). М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С. 422, автор комментария к ст. 222 ГПК РФ – С. Л. Дегтярев) и О. А. Рузакова (Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2012. С. 283, автор комментария к ст. 222 ГПК РФ – О. А. Рузакова).

Специально по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом, Пленум Верховного Суда РФ сформулировал «правило утраты права на возражение», согласно которому «участие иностранного лица в судебном разбирательстве и отсутствие возражений с его стороны в отношении компетенции арбитражного суда Российской Федерации до первого заявления по существу спора *подтверждают его волю на рассмотрение спора указанным судом* и влекут за собой утрату права ссылаться на отсутствие компетенции у данного суда (курсив наш. – Т.Н.)» – п. 18 Постановления (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8). Изложенное правило ранее в качестве рекомендации по итогам обзора практики рассмотрения споров сформулировал Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ – п. 2 Обзора (Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 1996 г. № 10 «Обзор практики рассмотрения споров по делам с участием иностранных лиц, рассмотренных арбитражными судами после 1 июля 1995 г.» // Вестник ВАС РФ. 1997. № 3).

На этом основании следует сделать вывод, что если арбитражное соглашение, для которого закон предписывает исключительно письменную форму (для международного коммерческого арбитража – п. 2 ст. 7 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже»), может быть отменено процессуальным поведением сторон дела, то аналогичная возможность не должна подвергаться сомнению в отношении соглашения о применимом праве, для которого п. 2 ст. 1210 ГК РФ предусматривает не только письменную, но и «подразумеваемую» форму.

о юрисдикции будет считаться отмененным, а суд – уполномоченным на рассмотрение дела. Несмотря на определенные отличия соглашений о применимом праве от соглашений о месте рассмотрения споров, мы считаем, что в обоих случаях прослеживается закономерная связь процессуального поведения сторон и исхода дела.

Вместе с тем, следует обратить особое внимание на пример судебной практики, в котором о применении определенного права заявляет только одна сторона, в то время как вторая участвует в процессе, но не заявляет возражений по поводу применимого права¹. В указанном случае достаточно сложно

¹ Так, Арбитражный суд Северо-Западного округа признал «соглашение о применении права Российской Федерации» достигнутым сторонами на том основании, что компания (одна сторона дела) ссылалась на нормы исключительно российского права, в то время как должник (вторая сторона дела) «не указывал на применение норм иностранного права» (Постановление от 22 января 2018 г. № Ф07-13757/2017 по делу № А21-5628/2016).

Д. П. Стригунова в качестве примера «молчаливого выбора», традиционно признаваемого судебной практикой, указывает «обоснование истцом своих требований на нормах определенной правовой системы и непредставление ответчиком возражений на иск по вопросу применимого права» (*Стригунова Д. П. Проблема установления подразумеваемого выбора права, применимого к международному коммерческому договору...*). В подтверждение ученый приводит Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа, в котором, хотя и имеется указание на коллизионные нормы применимого Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (касательно прав и обязанностей сторон по сделке и по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда), далее сделан вывод: «Поскольку стороны в контрактах не определили, право какой страны подлежит применению при разрешении споров между ними, а в исковом заявлении истец ссылается на ст.ст. 15 и 309 ГК РФ, то при разрешении данного спора подлежит применению законодательство Российской Федерации» (Постановление от 20 марта 2014 г. по делу № А19-20140/2012). Данный вывод обосновывается ссылками на ст. 1211 ГК РФ (вероятно, эта статья указана в результате опечатки и имела в виду ст. 1210 ГК РФ – так как речь идет именно о выборе сторон, но даже если бы речь шла о коллизионной норме, то применялась бы не ст. 1211 ГК РФ, а ст. 11 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, что значимо, так как они устанавливают различные коллизионные привязки для договорных отношений) и п. 13 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 158, который гласит, что «соглашение о применимом праве считается заключенным, если стороны (не сторона – прим. наше, Т.Н.) спорного правоотношения при обосновании своих требований и возражений ... ссылаются на одно и то же применимое право» (Информационное письмо от 09 июля 2013 г. № 158). Важное значение для оценки данного примера судебной практики имеет то, что, как следует из постановления, ответчик представил отзыв на кассационную жалобу истца и участвовал в заседании суда кассационной инстанции, при этом в тексте постановления не содержится сведений о том, какова была позиция ответчика по вопросу о применимом материальном праве. Полагаем, что в таких случаях необходимо максимально внимательно подходить к обоснованию признания судом выбора сторонами применимого права, не ограничиваясь отсылкой к позиции одной из сторон. Так, если бы суд

однозначно констатировать, что из совокупности обстоятельств дела определенно вытекает соглашение *обеих* сторон. Полагаем, что при молчании второй стороны вывод о наличии соглашения касательно применимого права допустим в исключительных случаях при условии тщательного анализа всей совокупности обстоятельств дела и всех особенностей процессуального поведения обеих сторон.

Еще более сложным является пример судебной практики, в котором вторая сторона дела вообще не принимает участия в процессе, хотя впоследствии в суде кассационной инстанции поясняет, что знала о возбуждении дела в суде¹. Полагаем, что вывод о применении права, заявленного одной стороной, в отсутствие доказательств согласия с данным правом другой стороны, является

указал, что ответчик также ссылаясь на нормы ГК РФ в отзыве на кассационную жалобу или подтвердил свое согласие с применением норм ГК РФ в заседании, ссылаясь на п. 13 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 158 стала бы обоснованной, а данный пример вошел бы в широкий круг дел, в которых обе стороны неопровержимо достигают соглашения о применимом праве на стадии судебного процесса. Косвенное основание предложенного вывода можно усмотреть в том, что ответчик в отзыве на кассационную жалобу указал на «законность принятых по делу судебных актов», которые, судя по всему, были приняты на основании норм ГК РФ. Однако мы полагаем, что вопрос о применимом праве имеет ключевое значение для дела и констатацию судом выбора такого права сторонами желательно обосновывать непосредственно в соответствующей части судебного акта, не оставляя за его рамками значимые свидетельства волеизъявления обеих сторон. В подобных случаях было бы уместно задействовать подход, который, как указывает М. Г. Розенберг, сложился в практике МКАС при ТПП РФ и состоит в том, что при рассмотрении условия договора о применении российского гражданского законодательства арбитры по общему правилу выясняют, имели ли в виду стороны исключить применение Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров (*Розенберг М. Г. К вопросу о толковании условий договора в практике МКАС // Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения: сб. ст. к 80-летию МКАС при ТПП РФ / под ред. А. А. Костина. М.: Статут, 2012. С. 330*). Полагаем, что в том случае, когда вторая, не заявляющая возражений сторона участвует в процессе, целесообразно прояснить ее согласие с заявленными первой стороной нормами материального права.

¹ Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 14 ноября 2000 г. № КГ-А40/5200-00. Важно, что указанное постановление освещается в учебной литературе, предвзято следующим тезисом: «Арбитражной практикой признается, что стороны достигли договоренности о применимом праве и в том случае, если ответчик не возражает против применения положений того права, на которое ссылается истец» (*Международное частное право: учебник. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. С. Н. Лебедева, Е. В. Кабатовой. М.: Статут, 2015. С. 195, автор п. 5.1 – О. Ю. Малкин*). Полагаем, что с учетом дискуссионности констатации выбора права обеими сторонами в таком случае и в свете положения ст. 1210 ГК РФ выдвижение указанного тезиса в качестве однозначного вывода из судебной практики (не сопровождаемого специальными пояснениями) в учебных целях не в полной мере обоснованно.

дискуссионным. Положение п. 1 ст. 1210 ГК РФ требует, чтобы *соглашение сторон о выборе права определенно вытекало* из совокупности обстоятельств дела. По нашему мнению, ни буквальное содержание, ни смысловая направленность этой нормы не позволяют возлагать неблагоприятные последствия применения указанного одной стороной материального права на вторую сторону в связи с тем, что последняя, даже зная о возбуждении дела в суде, не представила своих возражений по указанному поводу и документов, свидетельствующих о содержании права, которое она считала необходимым применить (в приведенном примере речь шла о потенциальном применении иностранного права¹).

Принцип автономии воли сторон в международном частном праве, в целом, и ст. 1210 ГК РФ, в частности, проявляя максимальную степень гибкости в части формы выражения соглашения сторон в объективной реальности, тем не менее, устанавливают приоритет именно *избранного сторонами права*. В таких условиях отсутствие определенно вытекающего из условий договора или совокупности обстоятельств дела волеизъявления одной из сторон (даже в том случае, когда она намеренно уклоняется от такого волеизъявления, от представления возражений по делу, от участия в процессе) должно выступать безусловным препятствием к признанию соглашения о применимом праве достигнутым, а в отсутствие такого соглашения – влечь определение материального права на основании коллизионных норм².

¹ Касательно непредставления стороной, не принимающей участия в процессе, документов о содержании иностранного права укажем следующее. Несмотря на то, что в силу ч. 2 ст. 14 АПК РФ и п. 2 ст. 1191 ГК РФ, «арбитражный суд вправе возложить на стороны обязанность представить сведения о содержании норм иностранного права», Пленум Верховного Суда РФ дал по данному вопросу два важных разъяснения: во-первых, «обязанность представления сведений о содержании норм иностранного права не может считаться возложенной на стороны автоматически» (суд выносит об этом определение); во-вторых, «возложение данной обязанности на стороны не означает освобождения суда от обязанности по установлению содержания норм иностранного права» – п. 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом».

² Так, Пленум Верховного Суда РФ применительно к частному вопросу о неэквивалентности выбора места рассмотрения споров выбору материального права дал

Во-вторых, отметим, что Пленум Верховного Суда РФ также указал на допустимость констатации существования подразумеваемого соглашения о применимом праве в том случае, «если стороны в тексте договора ссылались на отдельные гражданско-правовые нормы определенной страны»¹. Указанное разъяснение отражает сложившуюся к настоящему времени практику отечественных судов² и соответствует норме п. 2 ст. 1210 ГК РФ, которая признает соглашения, определенно вытекающие из условий договора. Данный подход получает поддержку и в специальной литературе³.

В-третьих, как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, «суд вправе прийти к выводу о наличии подразумеваемого соглашения ... при наличии тесной связи между двумя договорами с участием одних и тех же лиц, когда один из этих договоров содержит оговорку о применимом праве, а другой заключенный позднее договор такой оговорки не содержит»⁴. Нельзя не указать, что данный подход является либеральным и даже революционным в том смысле, что позволяет усмотреть соглашение касательно одного правоотношения (например, вытекающего из одного договора) в обстоятельствах другого правоотношения (например, в условиях другого договора между теми же сторонами). Таким образом, формулировке п. 2 ст. 1210 ГК РФ, признающей соглашения сторон о

разъяснение общего характера: «Отсутствие волеизъявления сторон в отношении применимого права означает, что его определяет суд, компетентный рассматривать данный спор, руководствуясь при этом применимыми коллизионными нормами» – п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом». Аналогичный тезис с акцентом на достаточную определенность волеизъявления сторон, в отсутствие которой выбор права не может считаться состоявшимся, получает поддержку в литературе (Богуславский М. М. *Международное частное право...* 2019. С. 294).

¹ П. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

² Например, Арбитражный суд Северо-Западного округа, констатируя, что «договор о переуступке прав требования ... содержит ссылки на положения Гражданского кодекса Литовской Республики», сделал вывод, что «суды правомерно применили к данной сделке положения законодательства Литовской Республики» (Постановление от 04 июня 2019 г. № Ф07-4084/2019 по делу № А05-17605/2017).

³ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: В 3 т. Т. 3 / под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Г. Светланова... С. 400 (автор комментария к ст. 1210 ГК РФ – Е. В. Кабатова).

⁴ П. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

применимом праве, определенно вытекающие из обстоятельств дела, дается широкое толкование, при котором термин «дело» мыслится скорее в экономическом, нежели в строго юридическом смысле.

В этой связи примечательно, что еще в комментарии к ст. 5 Гагской конвенции о праве, применимом к агентским соглашениям, 1978 г., признающей для отношений между принципалом и агентом выбор права «в такой форме, которая позволяет с достаточной определенностью установить применимое право исходя из условий договора между сторонами и обстоятельств дела»¹, Пояснительный отчет приводит следующий показательный пример: «А, который часто выступал в качестве агента для Б, каждый раз заключал с Б письменный договор, содержащий идентичные положения и устанавливающий одинаковую оговорку о применимом праве, в одном случае не составляет договор в письменной форме». По мнению разработчиков конвенции, «в такой ситуации предшествующие отношения сторон, очевидно, влияют на решение вопроса о

¹ Заслуживает внимания то, что текст ст. 5 Гагской конвенции 1978 г. указывает на установление применимого права «исходя из условий договора между сторонами и обстоятельств дела (курсив наш. – Т.Н.)». Такой же союз используют тексты конвенции на французском, “des dispositions du contrat *et* des circonstances de la cause” (Convention sur la loi applicable aux contrats d’intermédiaires et à la représentation du 14 mars 1978 – Официальный сайт Гагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/fr/instruments/conventions/full-text/?cid=89>, дата обращения: 01 августа 2025 г.), и английском, “from the terms of the agreement between the parties *and* the circumstances of the case” (Convention on the Law applicable to Agency of 14 March 1978 – Официальный сайт Гагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=89>, дата обращения: 01 августа 2025 г.), языках, на основании чего, например, Н. Г. Вилкова характеризует данное положение как «промежуточное» между соответствующими нормами Гагских конвенций 1955 г. и 1986 г. (Вилкова Н. Г. Агентские договоры... С. 102; Вилкова Н. Г. Международные коммерческие контракты: теория и практика унификации правового регулирования... С. 148), поскольку первая позволяет выводить выбор сторон только «из положений договора» (ст. 2), а вторая – «из условий договора и поведения сторон, рассматриваемых в их совокупности» (ст. 7). Вместе с тем, Пояснительный отчет к Гагской конвенции 1978 г. прямо указывает, что ст. 5 «уполномочивает стороны сделать свой выбор *либо* прямо выражено, *либо* подразумеваемо [*either expressly or by implication* – англ.], и позволяет суду выводить их подразумеваемый выбор *как* из условий договора, *так* и из обстоятельств дела [*both from the terms of the agreement and the circumstances of the case* – англ.] (курсив наш. – Т.Н.)». Кроме того, Пояснительный отчет подчеркивает: «Для судьи зачастую может быть полезно посмотреть за пределы условий договора между сторонами, чтобы выяснить, что они действительно имели в виду», – п. 156 Пояснительного отчета (Explanatory Report by I. G. F. Karsten... at 46).

том, намеревались ли они в этом случае подчинить свои отношения тому же праву, на какое они опирались в прошлом»¹.

Следует отметить, что в целом в вопросах автономии воли Пленум Верховного Суда РФ проводит линию учета различных обстоятельств дела, не ограничиваясь анализом определенного правоотношения в том смысле, какой в него вкладывает теория права. В частности, Пленум Верховного Суда РФ разъясняет: «При оценке наличия имеющего значение для дела иностранного элемента следует учитывать не только элементы конкретного договора, но и иные касающиеся существа отношений сторон обстоятельства», – и для целей п. 5 ст. 1210 ГК РФ признает иностранно «осложненным» договор поручительства, заключенный российскими субъектами, но обеспечивающий исполнение основного обязательства, которое подчинено иностранному праву и по которому должником выступает иностранное лицо². Таким образом, вывод о юридически значимых параметрах (международном характере) одного правоотношения может быть сделан судом на основании характеристик связанного, но формально другого правоотношения.

В отношении установления подразумеваемого (вытекающего из обстоятельств дела) соглашения о применимом праве следует согласиться с Е. В. Кабатовой в том, что гибкий подход требует от суда тщательного и всестороннего изучения и анализа всех обстоятельств, сопутствующих заключению и исполнению договора и позволяющих «сделать обоснованный вывод о возможном намерении сторон о применимом праве»³. Тем не менее, мы считаем, что признание не только прямо выраженных, но и подразумеваемых (вытекающих как из условий договора, так и из совокупности обстоятельств дела)

¹ П. 156 Пояснительного отчета, пример 6 (Explanatory Report by I. G. F. Karsten... at 46-47).

² П. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». Такой же вывод, но для целей определения применимого права на основании коллизионных норм, сделала МАК при ТПП РФ (Решение МАК при ТПП РФ от 16 мая 1996 г. по делу № 40/1994).

³ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: В 3 т. Т. 3 / под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Г. Светланова... С. 400 (автор комментария к ст. 1210 ГК РФ – Е. В. Кабатова).

соглашений о применимом праве свидетельствует о восприятии российским коллизионным правом прогрессивных тенденций эволюции принципа автономии воли в международном частном праве.

В современных условиях возложение на суд большой ответственности по оценке всей совокупности обстоятельств каждого дела, вытекающего из частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, представляется более целесообразным, чем строго формальное толкование каждой отдельной единицы документа, поименованного – «договор», как порождающей строго изолированное правоотношение, не способное к перекрестным связям и комплексной оценке. Полагаем, что изложенное выступает одним из аргументов в пользу того, что вектор эволюции принципа автономии воли в международном частном праве определяется не юридической доктриной (в некоторой степени даже идет вразрез с ей), а необходимостью обеспечения правового поля для международного коммерческого оборота – предсказуемого и соответствующего потребностям сторон.

Анализ формы соглашения участников гражданских, прежде всего – договорных, отношений, осложненных иностранным элементом, о выборе материального права позволяет подтвердить вторую из гипотез, выдвинутых в рамках обоснования концептуальной модели автономии воли как принципа коллизионного регулирования.

Соглашение о применимом праве представляет собой явление *sui generis* и не выступает сделкой по смыслу ст. 153 ГК РФ, поскольку как таковое не направлено на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Анализируемое соглашение регламентируется, в том числе в вопросах формы, непосредственно и исключительно специальными нормами, которые санкционируют автономию воли сторон гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным элементом.

Более того, современный либеральный стандарт соглашений о применимом праве, допускающий как «прямо выраженные», так и «подразумеваемые» соглашения, выводимые из позиций представителей сторон в процессе, ссылок в

тексте договора на отдельные гражданско-правовые нормы и даже существования соглашений о применимом праве между теми же лицами, но в иных договорах, позволяет заключить, что само понятие «формы» является весьма условным в отношении такого рода соглашений.

Наконец, анализ судебной и арбитражной практики по вопросам признания соглашений о применимом праве подтверждает тезис о равенстве так называемых «форм» этих соглашений, в силу чего «прямо выраженное» письменное соглашение может быть эффективно изменено посредством «подразумеваемого», проявляющегося в позициях сторон (их представителей) в судебном либо арбитражном процессе.

§ 3. Содержание соглашения о выборе применимого права участниками гражданских отношений, осложненных иностранным элементом

Проблематика содержания соглашения о выборе применимого права в широком смысле этого слова простирается столь же далеко, сколь лежащая в его основе автономия воли. В предметном разрезе, она покрывает договорные и внедоговорные обязательства, вещные права на движимое имущество; во временном – позволяет достигнуть соглашения как при заключении договора, так и в последующем, а достигнутое соглашение – изменить или дополнить; кроме того, допускается избрать право любого государства и даже «правила, рекомендованные участникам оборота международными организациями»¹, «как для договора в целом, так и для отдельных его частей»² и т.д. В той или иной мере различные аспекты реализации автономии воли сторон гражданских отношений международного характера раскрываются по мере последовательного развертывания глав и параграфов настоящей работы. В связи с этим в данном параграфе, завершающем исследование формирования и развития принципа автономии воли в коллизионном регулировании в целом, основной акцент сделан

¹ П. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

² П. 4 ст. 1210 ГК РФ.

на практических проблемах толкования и применения содержания (в узком смысле слова – формулировки) соглашения о выборе применимого права.

В судах и арбитражах даже в отношении прямо выраженных (письменных) соглашений о применимом праве возникают существенные сложности, касающиеся толкования и оценки содержания, прежде всего – формулировок текста, таких соглашений.

Во-первых, по смыслу п.п. 1-2 ст. 1210 ГК РФ соглашение о *выборе* применимого права предполагает определенность, достаточную для установления воли участников гражданского отношения, осложненного иностранным элементом, которая направлена на выбор определенного свода норм, применимого к соответствующему отношению. Этот тезис получает поддержку в судебной и арбитражной практике. В частности, еще в 1998 г. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ указал, что, «если стороны ... в качестве применимого права в общей форме указали на законодательство нескольких государств, суд вправе определить применимое право на основе коллизионных норм»¹. Аналогичный подход сложился и в практике МКАС при ТПП РФ. Так,

¹ Согласно материалам дела, получившего отражение в обзоре практики разрешения споров, положение договора поставки гласило, что споры «разрешаются в порядке, установленном действующим законодательством Республики Беларусь и законодательством ответчика» (в данном деле – законодательством Российской Федерации). Поскольку стороны «не конкретизировали правоотношений, регулируемых правом Беларуси, и правоотношений, регулируемых правом России, суд не смог конкретно определить, законодательство какой страны выбрали стороны» и «решил вопрос о применимом праве самостоятельно» на основании коллизионной нормы п. «е» ст. 11 Соглашения стран о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности – п. 10 Обзора судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц (Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 февраля 1998 г. № 29). Идентичный вывод был сделан в 2013 г. Федеральным арбитражным судом Московского округа в отношении договора поручительства, в котором, как указывает суд, также «не было конкретизировано правоотношений, регулируемых правом Республики Беларусь, и правоотношений, регулируемых правом России» (Постановление от 19 апреля 2013 г. по делу № А40-58924/12-56-556).

Аналогичное дело имеется и в практике МКАС при ТПП РФ. Так, в одном из дел арбитр заключил, что «стороны, указав в Контракте, что права и обязанности сторон по Контракту регулируются материальным правом Украины и Российской Федерации, фактически не согласовали в Контракте применимое право». Однако следует отметить, что стороны достигли соглашения о применимом праве непосредственно в заседании арбитража, избрав нормы Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров и в качестве субсидиарных – нормы ГК Украины (Решение МКАС при ТПП РФ от 14 апреля 2009 г. по делу № 118/2008).

М. Г. Розенберг отмечает, что «при включении в договор формулировки условия о применимом праве, из которой невозможно установить действительную волю сторон, составы арбитража приходили к выводу, что отсутствует соглашение сторон по этому вопросу и определяли как правило это право ... на основании коллизионных норм»¹.

А. Н. Жильцов также указывает на существование «патологических» оговорок о выборе права, которые являются недостаточно определенными и вследствие этого не могут быть реализованы в правоприменительном процессе². Показательной в этом плане является оговорка о применимом праве, которая в русскоязычной версии устанавливает применение «материального права РФ и норм Торгового закона Европейского Союза», а в англоязычной – «законов Европейского Союза» (the laws of the European Union – англ.)³. В указанном и подобных случаях недостаточная определенность формулировки соглашения и, как следствие, невозможность установить действительную волю сторон, свидетельствующую о *выборе* ими права, влекут констатацию судом или

Напротив, в другом деле, рассмотренном МКАС при ТПП РФ, контракт содержал одновременно два положения: согласно первому он управлялся английским законодательством; согласно второму разрешение споров должно было осуществляться в МКАС с применением материального права Республики Казахстан. В данном случае состав арбитража применил второе положение и проигнорировал первое. Однако мы полагаем, что такое решение было обусловлено не только формулировкой закрепленных в контракте соглашений сторон, но и в существенной мере тем, что истец в исковом заявлении ссылаясь на нормы материального права Республики Казахстан, а ответчик против этого не возражал, т.е. имелись основания полагать, что стороны подтвердили или не опровергли соглашение о применении именно права Республики Казахстан (Решение МКАС при ТПП РФ от 20 апреля 2015 г. по делу № 192/2014).

¹ *Розенберг М. Г.* К вопросу о толковании условий договора в практике МКАС... С. 333. В качестве примеров неопределенных формулировок соглашений о применимом праве автор указывает следующие: «Правом, регулирующим настоящий договор, на территории Российской Федерации является материальное право Российской Федерации, а на территории Республики Казахстан материальное право Республики Казахстан» (Решение МКАС при ТПП РФ от 15 декабря 2010 г. по делу № 205/2009); «Ведение производства по делу в МКАС должно производиться в соответствии с законодательством РФ» (Решение МКАС при ТПП РФ от 28 июня 2010 г. по делу № 113/2009 – как отмечает М. Г. Розенберг, «состав арбитража ... не посчитал возможным рассматривать его в качестве соглашения о выборе применимого *материального* права (курсив наш. – Т.Н.)») (Там же. С. 333-335).

² По мнению автора, такие оговорки «могут свидетельствовать либо о неискренности сторон в вопросах международного частного права, либо о сложности достижения соответствующего компромисса при заключении договора» (*Жильцов А. Н.* Применение раздела VI части третьей ГК РФ в практике МКАС при ТПП РФ // Вестник международного коммерческого арбитража. 2014. № 2. С. 17).

³ Решение МКАС при ТПП РФ от 10 октября 2013 г. по делу № 220/2012.

арбитражем отсутствия соглашения как такового, сопряженную с определением применимого права при помощи коллизионных норм¹.

Во-вторых, при сложных формулировках соглашений о применимом праве затруднительным может быть решение вопроса о том, был ли выбор сделан для всех сложившихся между сторонами правоотношений либо для их части, иными словами, был ли сторонами осуществлен депесаж (фр. *dépêçage* – расщепление)². В частности, п. 4 ст. 1210 ГК РФ устанавливает, что стороны могут выбрать право как для договора в целом, так и для отдельных его частей³. В свете цели настоящего исследования представляет интерес вопрос о том, какие сложности для правоприменительного процесса вызывает формулировка соглашения,

¹ Отмеченные непреодолимые пороки формулировки условия о применимом праве выступают дополнительным подтверждением проблемы юридико-технических требований к подготовке договора, которую поднимают И. П. Кожокарь и Е. П. Русакова (*Кожокарь И. П., Русакова Е. П.* Правореализационная юридическая техника и цифровое правосудие // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 1 (59). С. 128-132). В этой связи заслуживает внимания предложение М. В. Мещановой к арбитражам рекомендовать участникам оборота «не только примерные арбитражные оговорки, но и примерные оговорки о применимом праве» (*Мещанова М. В.* Принцип «автономии воли сторон» в договорах международной купли-продажи товаров... С. 9; *Мещанова М. В.* Современные подходы к определению применимого права в договорах международной купли-продажи товаров // Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск; 21-22 октября 2010 г.). Минск: Позитив-центр, 2010. С. 147).

² М. Н. Кузнецов говорит об этом явлении как о «договоренности ... сторон о *расщеплении* коллизионной привязки» (*Кузнецов М. Н.* Введение в международное частное право: теоретико-правовое исследование... С. 154).

³ Депесаж является широко признанной возможностью в рамках автономии воли сторон частноправовых отношений международного характера. Так, ст. 7 Гаагской конвенции о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, 1986 г. хотя и не санкционировала прямо выбор самими сторонами различного применимого права для различных частей договора, тем не менее, установила, что выбор сторон «может ограничиваться частью договора». В этой связи п. 54 Пояснительного отчета к конвенции разъясняет, что в тот период имелся консенсус относительно того, что текст конвенции прямо не запрещает депесаж и, следовательно, стороны могут выбрать разное право для регулирования договора, но специальная комиссия не пожелала установить это в конвенции прямо (Explanatory Report by Arthur T. von Mehren... at 27). В свою очередь Гаагские принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах, 2015 г. прямо провозглашают, что стороны могут выбрать как «право, применимое ко всему договору или только к его части», так и «разное право для применения к разным частям договора» (п. 2 ст. 2 Принципов). При этом в Комментариях Гаагской конференции по международному частному праву подчеркивается что, с одной стороны, депесаж по своей природе является одной из форм реализации автономии воли, но с другой, его использование влечет риск противоречий и несоответствий в определении прав и обязанностей сторон (Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts... para 2.6 at 36).

дающая основания полагать, что выбор права был осуществлен лишь для части правоотношений сторон. Рассмотрим несколько примеров судебной практики.

Так, в одном из дел судом был сделан вывод о том, что положение: «Настоящая гарантия подлежит исполнению и толкуется в соответствии с законодательством Сингапура», – означает, что сторонами «сделан выбор в пользу сингапурского права в качестве подлежащего применению к имущественным взаимоотношениям, возникшим из упомянутой гарантии»¹. Как достаточно определенные и исполнимые в качестве соглашений о праве, применимом для договора в целом, были истолкованы судами такие формулировки: «договор регулируется и истолковывается в соответствии с законодательством Чешской Республики»², «для понимания, объяснения и исполнения ... договора применяется право Литовской Республики»³, «за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по Контракту стороны несут имущественную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации»⁴, «толкование, юридическая сила и выполнение ... договора регулируется законодательством и находятся в юрисдикции судебных органов Isle Of Man»⁵.

Напротив, в другом деле положение, согласно которому «все вопросы, связанные с ответственностью за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств и не урегулированные в ... договоре, разрешаются в соответствии с

¹ Постановления Арбитражного суда Дальневосточного округа от 03 октября 2017 г. № Ф03-3650/2017 по делу № А59-2509/2016 и № Ф03-3652/2017 по делу № А59-2509/2016.

² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04 марта 2015 г. № Ф07-72/2015 по делу № А13-8528/2013.

³ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06 мая 2016 г. № Ф07-598/2016 по делу № А56-15165/2015.

⁴ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 декабря 2014 г. по делу № А66-14639/2013.

⁵ В данном деле производство было прекращено в связи с тем, что спор не подлежал рассмотрению судом общей юрисдикции Российской Федерации. Однако соглашение о применимом праве как таковое сомнению не подвергалось (Апелляционное определение Московского областного суда от 18 марта 2015 г. по делу № 33-3004/15).

законодательством ФРГ», было истолковано судом как «соглашение *о применении в отдельной части договора* законодательства ФРГ (курсив наш. – Т.Н.)»¹.

В еще более показательном деле положение о том, что «отношения, возникающие при заключении и исполнении ... договора и не урегулированные в нем, регулируются законодательством» (термин законодательство в договоре означал законодательство Украины), было истолковано судом как депесаж. Суд заключил, что «стороны выбрали в качестве применимого права законодательство Украины исключительно к тем отношениям между ними, которые касаются его заключения и исполнения... Относительно иных отношений..., в том числе, в связи с привлечением ... к ответственности, стороны выбор применимого права не произвели»².

Проведенный анализ показывает, что в практике отечественных судов имеются разные подходы к толкованию сложных формулировок соглашений о применимом праве, в особенности, оперирующих такими категориями, как заключение, исполнение, ответственность и др. Полагаем, что во многих случаях стороны соглашений о применимом праве не придают значения точной формулировке текста и не усматривают разницы между терминами (например, исполнение и ответственность)³. По этой причине и в свете п. 1 ст. 1210 ГК РФ мы считаем, что целесообразно по общему правилу рассматривать соглашение сторон как нацеленное на выбор права для договора в целом, и только при наличии обстоятельств, определенно свидетельствующих о воле сторон,

¹ Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 21 июня 2011 г. № КГ-А40/4932-11-П по делу № А40-135804/09-65-702.

² Как следствие, суд определил право, применимое к выделенным «иным» отношениям, при помощи коллизионной нормы ст. 1211 ГК РФ и на ее основании сделал вывод о применении отечественного права (норм ГК РФ) (Апелляционное определение Московского городского суда от 22 ноября 2017 г. по делу № 33-42337/2017).

³ Аналогичные соображения высказывает М. Г. Розенберг касательно понятий «российское гражданское право» и «российское гражданское законодательство». Поскольку в ряде случаев стороны не понимают разницы между ними и в действительности при использовании термина «законодательство» не имеют намерения исключить применение Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, ученый отмечает сложившуюся в практике МКАС при ТПП РФ тенденцию в ходе процесса выяснять, действительно ли стороны, употребляя термин «законодательство», намеревались исключить применение Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров (Розенберг М. Г. К вопросу о толковании условий договора в практике МКАС... С. 330).

направленной на выбор права для отдельных частей договора, и при условии, что данный выбор сам по себе является исполнимым¹, констатировать наличие депесажа согласно п. 4 ст. 1210 ГК РФ.

В-третьих, сложности в российской судебной и арбитражной практике вызывает толкование отдельных терминов, используемых сторонами в соглашениях о применимом праве, как-то: право, законодательство и др. Несмотря на то, что п. 1 ст. 1210 ГК РФ указывает на возможность выбрать *право*, высшие судебные органы неоднократно разъясняли, что «в соглашении о применимом праве стороны вправе использовать любые термины и формулировки, указывающие на выбор ими того или иного права». Данное положение было сформулировано в 2013 г. по итогам обзора судебной практики в качестве рекомендации Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ² и

¹ Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что депесаж «допустим при условии, что применение различного права для отдельных частей одного договора не порождает непреодолимых противоречий и не влечет признания договора или его части недействительными или незаключенными» – п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». Вместе с тем, анализ материалов судебной практики позволяет сделать вывод, что суды в максимально возможной степени стремятся реализовать достигнутое сторонами соглашение, в том числе при не самом удачном подчинении различных вопросов различному праву. Так, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа истолковал и применил соглашение, в силу которого споры по контракту подлежали «урегулированию в соответствии с действующим законодательством страны истца», а вопросы, «которые не указаны в контракте и не затрагивают существа могущих возникнуть разногласий», – законодательством страны поставщика (Постановление от 20 ноября 2015 г. № Ф08-8249/2015 по делу № А32-12037/2015).

² В деле, получившем отражение в обзоре, один из судов заключил, что «указание в договоре ... на применение действующих правовых актов Латвийской Республики не является соглашением сторон о применимом праве ввиду неконкретности и расплывчатости формулировки». Однако Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ указал: «Каких-либо специальных требований к терминологии, используемой в оговорке о применимом праве, закон не предусматривает, следовательно, стороны могут использовать не только термин “право”, но и такие термины, как “нормативные акты” того или иного государства, “законодательство” того или иного государства и иные». На этом основании был сделан вывод о достаточной определенности соглашения сторон и необходимости разрешения спорного дела, исходя из норм латвийского права – п. 14 Обзора судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц (Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 158). Непосредственно по данному делу вынесено Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04 октября 2011 г. № 6417/11 по делу № А40-26764/10-101-99Б, А40-27719/10-101-106Б.

подтверждено в 2019 г. в порядке разъяснения Пленумом Верховного Суда РФ¹, при этом последний также приводит иллюстративный перечень возможных вариантов – «указание на применение права, законодательства, законов, нормативных актов или норм определенной страны». Вместе с тем, следует обратить внимание на два аспекта.

Во-первых, необходимо подчеркнуть, что в практике отечественных судов и МКАС при ТПП РФ прочно устоялась позиция, согласно которой указание сторонами на «право Российской Федерации» означает избрание ими, в первую очередь, международных договоров Российской Федерации, являющихся составной частью ее правовой системы в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, а в части им не противоречащей – отечественных нормативно-правовых актов. Наибольшее распространение этот подход получил при разрешении споров, вытекающих из договоров международной купли-продажи товаров. В таких спорах избрание сторонами «права Российской Федерации» по общему правилу образует основу для применения судом либо арбитражем Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, а в качестве субсидиарного статута – отечественных нормативно-правовых актов (в первую очередь, ГК РФ). Данный подход успешно применяется как в судах Российской Федерации², так и в МКАС при ТПП РФ³.

¹ П. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

² Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 24 мая 2011 г. № Ф03-4210/2010 по делу № А51-1493/2008.

³ Решения МКАС при ТПП РФ от 13 сентября 2017 г. по делу № М-27/2017; от 04 мая 2016 г. по делу № 218/2015; от 12 декабря 2012 г. по делу № 53/2012; от 01 июня 2012 г. по делу № 165/2011; от 04 августа 2011 г. по делу № 19/2011; от 01 декабря 2008 г. по делу № 39/2008; от 17 декабря 2007 г. по делу № 35/2007; от 14 декабря 2006 г. по делу № 26/2006; от 01 марта 2006 г. по делу № 101/2005; от 20 апреля 2004 г. по делу № 115/2003 и Постановление МКАС при ТПП РФ от 12 марта 2008 г. по делу № 64/2007. Примечательно, что в практике МКАС встречается и дело, в котором стороны самостоятельно зафиксировали в договоре соглашение о применении Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, а в части ей не противоречащей – материального права Российской Федерации. Особенно интересно, что в данном деле заявленные требования не были урегулированы конвенцией, на основании чего МКАС были применены нормы ГК РФ (Решение МКАС при ТПП РФ от 10 августа 2016 г. по делу № 273/2015). В другом деле МКАС успешно применил соглашение сторон, в котором они указали, что «будут применять материальное право Российской Федерации, если оно будет противоречить нормам международного права, то применяется Конвенция ООН “О договорах

При этом следует учитывать, что в силу ст. 6 Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров стороны могут исключить ее применение. В частности, в практике МКАС признаются как соглашения сторон, в которых они одновременно выбрали применимое национальное право и исключили применение конвенции¹, так и сложные случаи, в которых соглашение сторон о применимом национальном праве зафиксировано в договоре, а их намерение исключить применение конвенции вытекает из последующего поведения (в том числе ссылок на национальные нормативно-правовые акты, а не конвенцию, в процессуальных документах)².

Во-вторых, следует особо отметить, что определенные сложности в правоприменительной практике вызывает использование в соглашениях о применимом праве словосочетания «законодательство Российской Федерации». Причем основной массив спорных дел, поднимающих вопрос о толковании данного словосочетания, относится к практике МКАС при ТПП РФ³.

международной купли-продажи товаров» (Вена, 1980 г.)» (Решение МКАС при ТПП РФ от 17 марта 2006 г. по делу № 121/2005). Встречаются и весьма сложно сконструированные соглашения о применимом праве. Так, в одном решении МКАС признал допустимым зафиксированное в договоре соглашение о том, что «в споре стороны руководствуются прежде всего требованиями Контракта, заявки, норм “Инкотермс 2000” и Правилами международной торговли на базе Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи с применением норм российского права» (Решение МКАС при ТПП РФ от 04 августа 2009 г. по делу № 136/2008).

¹ Касательно признания соглашения, которым избирается право Российской Федерации и исключается применение Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров см. Решение МКАС при ТПП РФ от 25 апреля 2017 г. по делу № 137/2016. Исключение Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров также может быть следствием указания в договоре на инкорпорацию типового контракта GAFTA 49 (Решение МКАС при ТПП РФ от 24 июля 2006 г. по делу № 40/2005).

² Касательно признания соглашения о применении права Российской Федерации, зафиксированного в договоре, и соглашения об исключении Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, вытекающего из поведения сторон, см. Решение МКАС при ТПП РФ от 07 марта 2014 г. по делу № 107/2013.

³ Вероятной причиной такого положения дел является сравнительно небольшое количество частноправовых споров международного характера в практике государственных судов. Вместе с тем, Федеральный арбитражный суд Восточно-Сибирского округа в одном из дел сделал вывод, согласно которому «соглашение о том, что споры и разногласия ... подлежат разрешению в соответствии с законодательством Российской Федерации», предполагает применение к отношениям сторон материального права России. Однако непосредственно для разрешения спора суд применил нормы ГК РФ. При этом вопрос об исключении сторонами или отклонении судом Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров в судебном акте отражения не получил (Постановление от 01 декабря 2009 г. по делу № А33-14345/2008).

В одном из решений МКАС заявил, что «стороны в качестве применимого права определили не правовую систему в целом, а “законодательство” Российской Федерации, то есть только ту часть российской правовой системы, которая включает в себя нормативные акты ... и не охватывает международные договоры Российской Федерации»¹. С учетом изложенного и в свете того, что истец заявлял о применении Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, а ответчик возражал, МКАС сделал вывод о применении норм ГК РФ и исключении действия конвенции².

Следуя такой же логике, в другом решении МКАС сделал вывод о применении Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров на том основании, что «стороны определили в качестве применимого права не “законодательство”, а “право” Российской Федерации, то есть правовую систему в целом, которая включает в себя не только нормативные акты ... , но и действующие для Российской Федерации международные договоры»³.

В целом можно заключить, что подход, в соответствии с которым словосочетание «законодательство Российской Федерации» толкуется как охватывающее только отечественные нормативные правовые акты и автоматически исключающее применение Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, является весьма распространенным в практике МКАС⁴.

¹ Решение МКАС при ТПП РФ от 22 декабря 2008 г. по делу № 83/2008.

² В другом деле, рассмотренном МКАС при ТПП РФ, по спору между двумя российскими предприятиями (одно из которых являлось предприятием с иностранными инвестициями), вытекающему из договора транспортной экспедиции, указание сторонами на «законодательство Российской Федерации» было истолковано как обоснование разрешения спора «на основе российского гражданского законодательства и, в частности, на основе ГК РФ и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов» (Решение МКАС при ТПП РФ от 05 февраля 2018 г. по делу № М-158/2017).

³ Решение МКАС при ТПП РФ от 30 декабря 2009 г. по делу № 74/2009.

⁴ Указанный вывод встречается, например, в Решениях МКАС при ТПП РФ от 30 января 2004 г. по делу № 141/2003; от 12 апреля 2004 г. по делу № 11/2003 и от 05 июня 2008 г. по делу № 126/2007. Соглашение о применении «законодательства Российской Федерации» было истолковано как исключающее применение Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров также в Решениях МКАС при ТПП РФ от 06 сентября 2002 г. по делу № 217/2001 и от 11 октября 2002 г. по делу № 62/2002 (анализ проводился по изд. Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2001-2002 гг. / сост.

Однако имеется и прямо противоположный подход. Так, в одном из решений, несмотря избрание сторонами в договоре «законодательства Российской Федерации», МКАС признал применимой Конвенцию о договорах международной купли-продажи товаров¹. Важно, что в этом деле «ответчик не представил свои соображения по поводу применимого права», и только истец заявлял, что «стороны, согласовав в Контракте, что применимым правом является законодательство РФ, не исключили применение Конвенции». Следовательно, МКАС не мог констатировать изменение самими сторонами сделанного выбора на охватывающий правовую систему Российской Федерации и должен быть самостоятельно толковать использованное в договоре словосочетание. Принципиальное значение имеет то, что изложенный подход к толкованию соглашений о применении «законодательства Российской Федерации» использовался также в иных решениях МКАС².

М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2004. С. 408-420, 429-433, соответственно); Решении МКАС при ТПП РФ от 17 февраля 2003 г. по делу № 108/2002 (анализ проводился по изд. Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2003 г. / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2004. С. 42-45). Особую группу образуют дела, в которых зафиксированное в договоре соглашение о применении «законодательства Российской Федерации» подтверждается ссылками обеих сторон в ходе разбирательства на нормативно-правовые акты Российской Федерации (в частности, на ГК РФ), что позволяет сделать вывод об отсутствии между ними разногласий по вопросу применимых источников права и именно на их основании вынести решение (Решение МКАС при ТПП РФ от 21 марта 2017 г. по делу № 114/2016).

¹ Решение МКАС при ТПП РФ от 30 августа 2009 г. по делу № 19/2009.

² Указанный вывод встречается, например, в Решении МКАС при ТПП РФ от 27 апреля 2006 г. по делу № 95/2005. Соглашение о применении «законодательства Российской Федерации» было истолковано как влекущее в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ применение Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров и в качестве субсидиарного статута – нормативно-правовых актов Российской Федерации (в первую очередь, ГК РФ) также в Решении МКАС при ТПП РФ от 11 сентября 1998 г. по делу № 407/1996 (анализ проводился по изд. Арбитражная практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1998 г. / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 1999. С. 157-159); Решениях МКАС при ТПП РФ от 17 мая 1999 г. по делу № 342/1998; от 07 июня 1999 г. по делу № 238/1998; от 27 октября 1999 г. по делу № 348/1998; от 15 ноября 1999 г. по делу № 259/1998; от 10 февраля 2000 г. по делу № 340/1999 (анализ проводился по изд. Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1999-2000 гг. / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2002. С. 96-98, 103-110, 166-168, 172-173, 222-227, соответственно); Решении МКАС при ТПП РФ от 27 февраля 2001 г. по делу № 276/1999 (анализ проводился по изд. Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2001-2002 гг. / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2004. С. 72-75).

Более того, мы не разделяем мнение А. Б. Покровской о наличии тенденции к изменению позиции арбитров по данному вопросу: от понимания термина «законодательство Российской Федерации» как охватывающего международные договоры (в 1999-2000 гг.) к ограничению содержания этого термина исключительно внутригосударственными предписаниями (с 2001 г.)¹. Анализ практики МКАС показывает, что оба подхода используются в решениях в самые различные периоды. В частности, все три процитированных выше примера противоположных толкований словосочетания «законодательство Российской Федерации» относятся к 2008-2009 гг.

В этой связи весьма справедливо замечание О. Ю. Малкина о том, что «сам законодатель, формулируя положения об автономии воли в различных правовых актах, также не использует однотипные категории»². Например, п. «е» ст. 11 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, гласит, что «права и обязанности ... по сделке определяются *по законодательству места совершения*, если иное не предусмотрено соглашением сторон (курсив наш. – Т.Н.)»³, в то время как

¹ Покровская А. Б. Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом... С. 29-30.

² Малкин О. Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках... С. 70; Малкин О. Ю. Правовое регулирование выбора права сторонами договора... С. 53.

³ Имеются и другие примеры. Так, ст. 44 Кишиневской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07 октября 2002 г. гласит: «Права и обязанности сторон по сделке определяются по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой она совершается, если иное не предусмотрено соглашением сторон». Термин «законодательство» в контексте автономии воли сторон договора трансграничного характера используется и в двусторонних международных договорах о правовой помощи, как-то: п. 1 ст. 36 Договора о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам от 25 августа 1998 г.; п. 1 ст. 24 Договора о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам между Российской Федерацией и Монголией от 20 апреля 1999 г.; п. 1 ст. 36 Договора о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам между Российской Федерацией и Республикой Польша от 16 сентября 1996 г. С учетом изложенного представляется обоснованной позиция О. Ю. Малкина, в соответствии с которой «в международных договорах ... при формулировании положений о подлежащем применению праве» целесообразно использовать «термин “право”, означающий всю совокупность правовых источников, действующих в конкретном государстве» (Малкин О. Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках... С. 8, положение на защиту № 3).

ст. 1210-1211 ГК РФ устанавливают *право, подлежащее применению к договору* при наличии соглашения сторон и в его отсутствие.

Вместе с тем, среди ученых преобладает точка зрения, в соответствии с которой словосочетание «законодательство Российской Федерации» при толковании соглашения сторон, исходя из буквального значения содержащихся в нем слов и выражений, и с учетом положений ст. 3 и 7 ГК РФ предполагает исключительно нормативные правовые акты Российской Федерации (в первую очередь, ГК РФ и принятые в соответствии с ним иные федеральные законы¹).² Следовательно, как отмечает М. Г. Розенберг, «выбор... *российского гражданского законодательства* по общему правилу означает, что эти

¹ Предметом отдельной дискуссии выступает вопрос о том, входят ли в понятие «гражданское законодательство» Указы Президента РФ, Постановления Правительства РФ, а также акты федеральных органов исполнительной власти, которые упоминаются не в п. 2 ст. 3 ГК РФ, характеризующем состав гражданского законодательства, а в п.п. 3-7 ст. 3 ГК РФ, оперирующих термином «иные правовые акты». О. Ю. Малкин высказывает наиболее распространенную и, по нашему мнению, обоснованную позицию, согласно которой «законодательство Российской Федерации» охватывает в целом «внутренние нормативные акты», включая не только ГК РФ и принятые в соответствии с ним иные федеральные законы, но и иные правовые акты. При этом автор подчеркивает, что п.п. 3-7 ст. 3 ГК РФ «продолжают перечень актов, содержащих нормы гражданского права», однако не упоминают международные договоры. Мы согласимся с ученым в том, что само по себе наименование ст. 7 ГК РФ «Гражданское законодательство и нормы международного права» свидетельствует о противопоставлении всех внутренних актов, упомянутых в ст. 3 ГК РФ, международным договорам, адресуемым ст. 7 ГК РФ (*Малкин О. Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках... С. 66; Малкин О. Ю. Правовое регулирование выбора права сторонами договора... С. 48-49*). Вместе с тем, имеется и иная точка зрения. В. А. Кабатов заявляет: «Согласно ст. 3 ГК РФ в гражданское законодательство не включаются ни указы Президента РФ, ни постановления Правительства РФ, ни ведомственные нормативные акты». Далее автор признает, что «до принятия ГК РФ в правоприменительной деятельности и в доктрине термин “гражданское законодательство” употреблялся в широком смысле и включал не только законы в собственном смысле, но и другие нормативные акты» (*Кабатов В. А. Применение Венской конвенции 1980 г. в качестве права государства – ее участника // Венская конвенция ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров. К 10-летию ее применения Россией / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2001. С. 32*).

² Нормы гражданского законодательства и нормы международных договоров рассматриваются как две различные группы норм, составляющие в совокупности гражданское право Российской Федерации (*Розенберг М. Г. К вопросу о толковании условий договора в практике МКАС... С. 329*). См. также в поддержку указанной точки зрения: *Малкин О. Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках... С. 66; Малкин О. Ю. Правовое регулирование выбора права сторонами договора... С. 48-49; Покровская А. Б. Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом... С. 30; Розенберг М. Г. Сфера действия Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров и соглашение сторон договора о применимом праве (из практики МКАС) // Международный коммерческий арбитраж. 2004. № 1. С. 52-53.*

отношения не регулируются международными договорами РФ, коль скоро право на исключение их применения по соглашению сторон разрешено соответствующим международным договором»¹.

Исключение составят только те дела, в которых стороны, зафиксировавшие в договоре соглашение о применении законодательства Российской Федерации, в ходе арбитражного разбирательства подтвердят, что они не намеревались исключить применение международных договоров (в частности, Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров)². Данный подход получает безоговорочную поддержку как в практике МКАС³, так и в трудах ученых⁴.

Однако если действительную общую волю сторон установить невозможно, так как, например, одна из сторон не представляет свою позицию по делу или одна сторона настаивает на применении ГК РФ, а другая – на применении Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров (что может быть вызвано отличием содержащихся в них предписаний), то, по нашему мнению, суд и арбитраж будут вынуждены толковать словосочетание «законодательство Российской Федерации», исходя из его буквального значения и с учетом ст. 3 и 7 ГК РФ как охватывающее только отечественные нормативные правовые акты и исключаящее (в случае допустимости такого исключения) международные договоры.

Нельзя не признать определенную справедливость замечаний отдельных авторов о том, что в ряде случаев стороны, избирая «законодательство

¹ Розенберг М. Г. К вопросу о толковании условий договора в практике МКАС... С. 329.

² Строго говоря, изложенная ситуация может быть квалифицирована как последующее изменение выбора права, которое является широко признанным как в отечественном коллизионном праве (п. 1 ст. 1210 ГК РФ), так и в международных документах различного характера (например, п. 3 ст. 2 Гаагских принципов, касающихся выбора права в международных коммерческих договорах, 2015 г.).

³ Решения МКАС при ТПП РФ от 16 апреля 2003 г. № 99/2002 и от 16 июня 2003 г. № 135/2002 (анализ проводился по изд. Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2003 г. / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2004. С. 78-82, 123-127, соответственно).

⁴ Малкин О. Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках... С. 66-67; Малкин О. Ю. Правовое регулирование выбора права сторонами договора... С. 49; Розенберг М. Г. Сфера действия Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров и соглашение сторон договора о применимом праве (из практики МКАС)... С. 53.

Российской Федерации», «не понимали разницы между понятиями “российское гражданское право” и “российское гражданское законодательство”» и не намеревались тем самым исключить применение международных договоров¹. Тем не менее, необходимо констатировать, что в такой ситуации – в отсутствие общей позиции сторон о значении использованного словосочетания, – суд и арбитраж, как обоснованно отмечает А. М. Эрделевский, будут обязаны исходить из того, что «стороны договора действовали разумно и добросовестно и выразили свою действительную волю именно в использованных в договоре словах и выражениях», и предпримут «максимум возможного, чтобы выяснить смысл договора из тех слов и выражений, которые стороны использовали в момент его заключения»². Как следствие, словосочетание «законодательство Российской Федерации» будет истолковано в соответствии с его буквальным значением, а сторона, не понимавшая такого буквального значения, понесет неблагоприятные последствия своего непонимания³.

Таким образом, касательно значения терминов, используемых в соглашениях о применимом праве, следует сделать вывод, что в отсутствие общей позиции сторон по данному вопросу суд и арбитраж обязаны толковать их, исходя из буквального значения соответствующих слов и выражений. Однако в связи с имеющей место неустойчивостью арбитражной практики (в частности,

¹ *Розенберг М. Г.* К вопросу о толковании условий договора в практике МКАС... С. 330. В. А. Кабатов еще более категорично заявляет, что, употребляя словосочетание «законодательство Российской Федерации», «стороны скорее всего не имеют в виду исключить применение положений международного договора, а делают это либо по небрежности, либо по неосведомленности» (*Кабатов В. А.* Применение Венской конвенции 1980 г. в качестве права государства – ее участника... С. 32).

² Автор подчеркивает, что таким образом «законодатель ... охраняет сделанное сторонами при заключении договора волеизъявление от возможных искажений со стороны суда» (*Эрделевский А. М.* Толкование договора // Российская юстиция. 1999. № 4. Режим доступа: СПС «Гарант»).

³ В данном случае уместна аналогия с разъяснением Пленума Верховного Суда РФ о том, что при заключении условного (альтернативного) соглашения сами стороны несут «риск неопределенности применимого права до момента подачи первого иска» (п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»). Полагаем, что аналогичным образом стороны несут риски, связанные с непониманием ими юридического значения используемых в соглашении терминов, а равно – с неопределенностью формулировки текста соглашения в целом.

касательно токования словосочетания «законодательство Российской Федерации») следует еще раз обратить внимание сторон частноправовых отношений международного характера на неоднократно выдвигавшуюся в отечественной литературе рекомендацию максимально точно и однозначно формулировать тексты соглашений о применимом праве¹.

Наконец, следует отметить, что в литературе имеются разные точки зрения по вопросу о том, может ли выбор суда рассматриваться как свидетельствующий о намерении сторон избрать также право соответствующего государства. Например, А. С. Комаров заявляет, что если «стороны прямо согласовали для разрешения споров юрисдикцию государственного суда», то «вполне разумно предположить, что они при этом имели в виду то право, которое такой суд применяет в своей обычной практике»². Опираясь на принцип *qui elegit judicem, elegit jus* (кто выбирает судью, выбирает и право – лат.), Н. В. Тригубович также указывает, что «оговорка о выборе юрисдикции или арбитража является веским основанием для применения права страны суда»³.

В значительной степени причина наличия указанных мнений в отечественной литературе кроется в том, что практика ряда зарубежных стран (в

¹ Например, В. А. Кабатов обращает внимание «практикующих юристов на **необходимость более четкого, адекватного действительному намерению сторон, формулирования положений договора о применимом праве**» (Кабатов В. А. Применение Венской конвенции 1980 г. в качестве права государства – ее участника... С. 32-33). В свою очередь О. Ю. Малкин в отношении проблемы исключения действия международных договоров подчеркивает, что сами стороны способны ее устранить, оговаривая применение или неприменение соответствующего международного договора непосредственно в соглашении (Малкин О. Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках... С. 8-9, положение на защиту № 4).

² Однако выбор международного коммерческого арбитража, по мнению ученого, не свидетельствует одновременно о намерении сторон избрать право государства его расположения, так как в данном случае «выбор определенного места рассмотрения споров может быть связан с иными соображениями» (Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / под ред. Н. И. Марышевой, К. Б. Ярошенко... 2004. С. 479, автор комментария к ст. 1210 ГК РФ – А. С. Комаров). Последний тезис А. С. Комарова касательно международного коммерческого арбитража (в отличие от его позиции по вопросу о значении выбора суда) получает поддержку в литературе (Стригунова Д. П. Проблема установления подразумеваемого выбора права, применимого к международному коммерческому договору...).

³ При этом автор уточняет, что данный принцип не действует в том случае, когда в качестве места рассмотрения спора стороны выбрали международный коммерческий арбитраж, локализованный в «нейтральном» государстве (Тригубович Н. В. Указ. соч. С. 100-101).

том числе Великобритании¹, Германии² и Франции³) признавала выбор суда и даже арбитража в определенном государстве как свидетельствующий одновременно о выборе сторонами соответствующего материального права⁴. Однако нельзя не указать, что еще с принятием Римской конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам, в 1980 г. (и ее последующей заменой Регламентом Рим I в 2008 г.) в государствах-членах Европейского Союза состоялась унификация правового режима автономии воли в договорных отношениях международного характера, в результате которой тезис о том, что выбор суда или арбитража сам по себе свидетельствует о выборе соответствующего права, перестал быть столь однозначным.

Показательным в этом плане является комментарий Отчета к Римской конвенции, в соответствии с которым «в некоторых делах выбор определенного места рассмотрения споров (форума) может показывать недвусмысленным образом, что стороны намеревались подчинить договор праву такого форума, но это всегда должно зависеть от других положений договора и всех обстоятельств дела»⁵. Еще более категоричная позиция содержится в п. 12 декларативной части

¹ Дж. Чешир указывает: «Хорошо это или плохо – английское право в целом придерживается той точки зрения, что прямо выраженный выбор юрисдикции является подразумеваемым выбором права, свойственного договору» (*Чешир Дж., Норт П.* Указ. соч. С. 256).

² Х. Кох, У. Магнус и П. Винклер фон Моренфельс указывают, что «молчаливый выбор права определяют обычно и по юрисдикции суда или арбитража», вследствие чего, например, «выражение “юрисдикция города Гамбурга” означает молчаливый выбор немецкого права» (*Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П.* Международное частное право и сравнительное правоведение / пер. с нем. Ю. М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2003. С. 144).

³ О. Ландо дает обзор практики французских судов, признававшей, что «оговорка, на основании которой договаривающиеся стороны согласились передать споры, вытекающие из их договора, на разрешение арбитража конкретной страны, является одним из наиболее значимых показателей того, что договор, как они его задумали, локализован в стране таким образом указанной» (Ole Lando, “The Law Applicable to the Merits of the Dispute” in Petar Šarčević (ed), *Essays on International Commercial Arbitration* (London; Dordrecht; Boston: Graham & Trotman / Martinus Nijhoff, 1991) at 136).

⁴ На практику английских, французских и немецких судов ссылается Н. В. Тригубович (*Тригубович Н. В.* Указ. соч. С. 102-103). Мнения специалистов по английскому и немецкому праву приводят О. Ю. Малкин (Международное частное право: учебник. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. С. Н. Лебедева, Е. В. Кабатовой... С. 196-197, автор п. 5.1 – О. Ю. Малкин) и Д. П. Стригунова (*Стригунова Д. П.* Проблема установления подразумеваемого выбора права, применимого к международному коммерческому договору...).

⁵ Комментарий 3 к ст. 3 конвенции (Report... by Mario Giuliano & Paul Lagarde).

Регламента Рим I, в силу которой соглашение сторон о передаче споров на рассмотрение суда или арбитража какого-либо государства «должно быть *одним из факторов*, принимаемых во внимание при определении того, был ли выбор права определенно выражен (курсив наш. – Т.Н.)»¹.

Однако особенно важно, что в современных работах по английскому коллизионному праву имеется позиция об изменении значения выбора суда для определения применимого права, в основе которой лежит английская судебная практика, сформировавшаяся еще до принятия Римской конвенции и Регламента Рим I. Так, Дж. О'Брайен, характеризуя принцип *qui elegit judicem, elegit jus* как прежде устоявшийся, констатирует, что он может быть переоценен². При этом ученый указывает в качестве подтверждения такой переоценки решение Палаты Лордов 1971 г. по делу *Compagnie D'Armement Maritime S.A. v. Compagnie Tunisienne de Navigation S.A.*, в котором был сделан вывод о том, что выбор места рассмотрения споров не является решающим сам по себе, а лорд Уилберфорс также подчеркнул, что оговорка о месте рассмотрения спора «должна оцениваться как признак, учитываемый совместно с остальными положениями договора и имеющими отношение к делу фактами»³. Более того, основываясь на выводах по указанному делу, Дж. Преббл уже в 1973 г. заявляет об «отказе Палаты Лордов от правила *qui elegit judicem, elegit jus*»⁴.

¹ А. Бриггс в работе по английскому коллизионному праву критикует изложенное положение как недостаточно определенное (Adrian Briggs, *Op. cit.* at 235). При этом в четырнадцатом издании широко известного труда английского правоведа Дж. Чешира, подготовленном после принятия Регламента Рим I, сохраняются доводы ранее принятой практики: «Обоснование в таких делах состоит в том, что, если, например, стороны полагали, что процесс состоится в Англии, они также должны были полагать, что должно применяться английское право, так как применение иностранного права будет неудобным и затратным» (James Fawcett & Janeen M. Carruthers, *Cheshire, North & Fawcett Private International Law*, 14th ed... at 702).

² John O'Brien, *Op. cit.* at 311.

³ *Compagnie D'Armement Maritime S.A. v. Compagnie Tunisienne de Navigation S.A.*, United Kingdom House of Lords [1971] AC 572.

⁴ John Prebble, "Choice of Law to Determine the Validity and Effect of Contracts: a Comparison of English and American Approaches to the Conflict of Laws" (1973) *Cornell Law Review*, Vol. 58 (4) at 668. Тем не менее, подробно анализируя данное решение и стремясь минимизировать степень его противоречия предшествующей практике английских судов, в первую очередь, решению Палаты Лордов 1927 г. по делу *N.V. Kwik Hoo Tong Handel Maatschappij v. James Finlay & Co. Ltd.*, в котором выбор места рассмотрения споров в

Вместе с тем, большинство отечественных авторов сходится во мнении, что выбор суда сам по себе не означает, что стороны также согласовали применение соответствующего права¹. Более того, несмотря на различие точек зрения ученых, в отечественной судебной практике сформировалась устойчивая практика, в соответствии с которой «выбор сторонами компетентного суда или места проведения международного коммерческого арбитража сам по себе не означает выбора в качестве применимого к спорным правоотношениям материального права того же государства»². Данная позиция неоднократно получала отражение в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ³ и ранее – в рекомендациях Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ по итогам обзора судебной практики⁴, а также в актах судов по конкретным делам⁵.

конкретном государстве выступил основанием для вывода о намерении сторон подчинить договор праву указанного государства (*N.V. Kwik Hoo Tong Handel Maatschappij v. James Finlay & Co. Ltd.*, United Kingdom House of Lords [1927] AC 604), Дж. Преббл отмечает, что в современных условиях, при наличии соответствующих фактов, суд все равно может решить, что надлежащим правом контракта является право места рассмотрения споров, но теперь он не обязан делать такой вывод (John Prebble, *Op. cit.* at 672).

¹ Богуславский М. М. Международное частное право... 2019. С. 294; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья: учебно-практический комментарий / под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2011. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (автор комментария к ст. 1210 ГК РФ – И. В. Никифоров); Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова... С. 422 (автор комментария к ст. 1210 ГК РФ – И. С. Зыкин).

² П. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

³ Помимо указанного выше Постановления также в п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом».

⁴ П. 12 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 158 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц».

⁵ Федеральный арбитражный суд Московского округа в числе прочих выводов отметил: «Определение сторонами подсудности спора не заменяет условия о применении права иностранного государства» (Постановление от 21 июня 2011 г. № КГ-А40/4932-11-П по делу № А40-135804/09-65-702). Представляет интерес встречающийся в судебной практике «обратный» вывод о том, что соглашение о применимом праве также не влияет на возможность рассмотрения спора в суде. Например, Арбитражный суд Северо-Западного округа указал на ошибочность позиции апелляционного суда, согласно которой определение сторонами в договоре итальянского законодательства в качестве применимого «исключает возможность рассмотрения ... спора в арбитражном суде Российской Федерации» (Постановление от 15 июня 2016 г. № Ф07-4400/2016 по делу № А56-84736/2015).

Таким образом, позиции отдельных отечественных ученых о том, что выбор сторонами суда или арбитража является основанием для вывода о наличии также подразумеваемого соглашения касательно соответствующего материального права, основан преимущественно на практике некоторых европейских стран, которая либо была изменена в результате унификации 1980 и 2008 гг. на уровне Европейского Союза, либо еще до унификации подверглась изменению автономно. Следовательно, поддерживаемая большинством отечественных ученых и устоявшаяся в российской судебной практике позиция касательно неприменения принципа *qui elegit judicem, elegit jus* всецело соответствует современным общемировым тенденциям эволюции принципа автономии воли в международном частном праве.

Завершая данное исследование, укажем, что принцип автономии воли, позволяющий участникам гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, по своему усмотрению избирать применимое материальное право, восходит в самом общем ключе к идее о юридическом значении волевых актов субъектов правовых отношений. Тем не менее, в современном собственном значении автономия воли как принцип коллизионного регулирования предусматривает соглашение сторон (их взаимное, объективно выраженное волеизъявление) о применимом материальном праве. В этом смысле рассматриваемый принцип не смешивается с иными случаями, в которых волевые акты сторон в той или иной мере влияют на результат применения коллизионных норм, как-то: в случае установления коллизионной нормы с альтернативными привязками, предоставляющей одной из сторон возможность выбрать одну из таких привязок, тем самым фактически выбрав применимое право из числа потенциально привязанных, или в случае, когда фактические действия одной или даже обеих сторон влияют на результат применения известной коллизионной отсылки.

В первом случае речь конечно же идет о возрастающем влиянии материально-правовых соображений на решение коллизионного вопроса, как, например, для выбора права, подлежащего применению к ответственности за

вред, причиненный вследствие недостатков товара, работы или услуги, приоритетная защита интересов потерпевшего обеспечивается для него возможностью выбора из нескольких альтернативных привязок согласно п. 1 ст. 1221 ГК РФ. Поддерживая в целом содержательно ориентированное коллизионное регулирование, тем не менее, отметим, что предоставленный законом слабой стороне выбор в этом случае действует в рамках принципа наиболее тесной связи, определяя с учетом материально-правовых интересов потерпевшего правопорядок из числа имеющих с отношением территориальную связь (как-то, по локализации места нахождения сторон или места исполнения соответствующего договора).

Во втором случае, также в рамках инфраструктуры установленных коллизионных норм, стороны способны за счет собственных волевых актов спланировать желаемый результат решения коллизионного вопроса. Показательным примером будет формальное указание в договоре места его заключения с расчетом на применение привязки договорного статута к соответствующему праву (например, по п. «е» ст. 11 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности). В ситуации, когда обе стороны поступают так осознанно, речь будет, в конечном итоге, идти о реализации автономии воли сторон через формально используемые коллизионные отсылки. Полагаем, что это сообразно тому, как в истории развития подходов к решению коллизионного вопроса конструкт гипотетической воли фактически лишь прикрывал отыскание наиболее тесно связанного правопорядка. Однако, как с наиболее тесной связью, так и с автономией воли на современном этапе такая практика приводит к официальному признанию и распространению действия соответствующего принципа коллизионного регулирования, делая очевидно бессмысленным получение искомого результата обходными средствами.

Что же касается ситуаций, когда только одна из сторон лоббирует формальное указание места заключения договора в расчете на неосведомленность или невнимательность контрагента и последующее применение удобного

правопорядка, то они конечно демонстрируют связь волевых действий субъектов и получаемого правового результата, равно как и при самостоятельном «планировании» удобной национальности юридического лица, правового режима реализации инвестиционного проекта и т.д. Тем не менее, именно о соглашении сторон, способном произвольно как привязать отношение к любому из существующих в мире правопорядков, так и создать удобный сторонам регулятивный коллаж из национальных правопорядков, подключая или исключая отдельные международные договоры и даже неправовые регуляторы, в описанном выше случае речь не ведется.

Становление и развитие автономии воли как принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, к на-стоящему времени однозначно вывело ее из инфраструктуры коллизионных норм, превратив в самодостаточное основание решения коллизионного вопроса, позволяющее сторонам свободно выбрать любой удобный правопорядок, не прибегая к фактическим или формальным маневрам в пределах действующих отсылок.

При этом генеральным основанием постулируемой свободы выбора является субъективно оцениваемое сторонами удобство правового режима и конечно же его предсказуемость, позволяющие в совокупности понизить юридические риски вступления с трансграничные частноправовые отношения. Так, стороны могут избрать право, оптимальное с точки зрения избранного или потенциального форума для урегулирования споров, в том числе при выборе нейтрального форума и соответствующего ему нейтрального права, или же то право, которому известна и которое защищает избранную сторонами договорную конструкцию.

Хотя конкретные мотивы сторон или вообще их отсутствие не имеют юридического значения, в глобальном масштабе они обуславливают формирующуюся регулятивную конкуренцию как между национальными правопорядками (где вряд ли можно игнорировать широту использования английского права в международных сделках), так и с допускающими исключение

международными договорами (где Конвенция о договорах международной купли-продажи товаров, с одной стороны, широко востребована, а, с другой, например, исключается в пользу английского права типовой формой GAFTA 49) и даже с негосударственными регуляторами (где достаточно упомянуть, по меньшей мере, Принципы УНИДРУА).

В описанных условиях и с учетом стремительного роста числа трансграничных частноправовых отношений, в том числе за счет цифровых сервисов, которые связывают продавцов и покупателей, исполнителей и заказчиков по всему миру, а равно допускают получение заказчиком контента и услуг непосредственно в цифровой среде, вопрос о признании, регламентации и последствиях выбора правового поля для таких отношений приобретает национальную значимость.

Подводя итоги анализа практических аспектов толкования и применения в суде и арбитраже содержания, прежде всего – формулировок, соглашения о выборе применимого права в контексте исследования в целом формирования и развития принципа автономии воли участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, укажем, что основные выводы, получившие отражение в данном параграфе, позволяют подтвердить третью из гипотез, выдвинутых нами при описании концептуальной модели автономии воли как принципа коллизионного регулирования.

Широчайший размах возможностей, все более признаваемых под эгидой автономии воли сторон гражданских отношений международного характера, предоставляет свободу конструирования содержания соглашений о применимом праве, использующих любые слова и выражения; определяющих регуляторы для договора в целом или для отдельных его частей; комбинирующих выбор права любого государства, применение или исключение отдельных международных договоров и даже включение правил, рекомендованных «участникам оборота международными организациями». При этом толкование и применение подобных мозаично построенных соглашений для суда или арбитража – задача зачастую более трудоемкая, нежели обращение к коллизионной привязке,

сформулированной по территориальному признаку (как-то, к ст. 1211 ГК РФ, указывающей для договора купли-продажи товаров на право страны основного места деятельности продавца).

Изложенное позволяет выявить тенденцию прогрессирующего развития автономии воли как принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, и заявить, что существование и вектор развития этого принципа определяются вовсе не целью упростить (снять) для суда или арбитража задачу решения коллизионного вопроса, а идеей о дозволении участникам анализируемых отношений выбирать наиболее подходящее им правовое регулирование, что в конечном итоге, за счет удобного правового поля, будет стимулировать их к участию в трансграничных связях и развивать в целом международный гражданский оборот.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог проведенного исследования, считаем особенно важным выделить устойчивую тенденцию прогрессивного развития автономии воли как имманентно присущей сторонам возможности избрать применимое материальное право и заявить о приобретении ей качества принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом.

В качестве главного результата исследования предлагается целостная концепция автономии воли как элемента бинарной системы принципов коллизионного регулирования, дихотомически разделяющейся на принцип автономии воли (конкретизируемый в многоуровневой системе управомочивающих норм, предоставляющих сторонам в определенных случаях и в установленных пределах возможность выбрать применимое право) и принцип наиболее тесной связи (конкретизируемый в коллизионных нормах, а в их отсутствие служащий непосредственно инструментом решения коллизионного вопроса).

В этой связи обосновывается рассмотрение принципов коллизионного регулирования как бинарной системы, включающей два объективно необходимых и в совокупности достаточных для достижения целей системы элемента. Определяющим фактором, обусловившим дихотомическое деление принципов, выступает субъект, которому доверено или на которого возложено решение коллизионного вопроса – цель, которая определяет внешнюю обособленность и внутреннюю гомогенность рассматриваемой системы.

На фоне нарастающего укрепления принципа автономии воли в коллизионном регулировании предлагается осмысление того, что в современном трансформирующемся мире разрешение коллизионного вопроса обеспечивается не только коллизионными нормами, построенными, прежде всего, на жесткой формуле территориальной локализации, но и принципиально иным образом – за счет автономии воли сторон, посредством децентрализации и гибкости. Предложенная установка позволяет отойти от искусственной цепочки:

коллизийный вопрос – коллизийное право – коллизийная норма, развивая вне узко доктринальных оков институты, нацеленные на эффективное обеспечение коллизийного выбора, и применяя эти новейшие институты в новейшем, стремительно меняющемся мире.

Изначально идея французского правоведа Ш. Дюмулена преследовала весьма утилитарную цель – через конструкцию гипотетической воли (такого соглашения, которое, размышляя разумно, следовало бы приписать сторонам) отказаться от устаревших коллизийных привязок и тем самым избрать правопорядок, который представлялся бы наилучшим в конкретной юридической ситуации. Вместе с тем, именно идея о коллизийном значении гипотетической воли заложила прочную основу для признания действительного выбора применимого материального права сторонами договорных, а впоследствии и ряда иных отношений.

Феноменом развития автономии воли как принципа коллизийного регулирования в международном частном праве стран романо-германской правовой семьи является то, что первоначальное юридическое признание данного принципа в ряде названных стран, включая Францию, Германию, Россию, произошло отнюдь не посредством закона как основного источника права, а на уровне правоприменительной практики. При этом возможность выбора применимого материального права рассматривалась в практике решения коллизийного вопроса как априорно присущая сторонам договорного обязательства трансграничного характера, а сама по себе идея – как самодостаточная, не требующая специального санкционирования, обусловленная естественным и разумным восприятием правовых отношений, простирающихся в территориальных пределах нескольких юрисдикций.

В целом следует сделать вывод, что признание автономии воли, по меньшей мере для договорных отношений, осложненных иностранным элементом, не зависит ни от принадлежности к той или иной правовой семье, ни от специфики школ коллизийного права, ни даже от санкционирования такой возможности на каком-то официальном уровне. Последнее, вместе с тем, не исключает различий в

конкретных правилах реализации автономии воли, что отлично иллюстрируется различием в подходах стран общего права: от предельно либерального стандарта, в русле традиции стран континентального права, в Великобритании до несколько ограниченного, в свете специфической концепции правительственного интереса, во многих штатах США.

Исследование нормативного закрепления, правоприменительной практики и их доктринального осмысления в совокупности позволяет нам провести периодизацию становления автономии воли в качестве принципа отечественного международного частного права. В дореволюционный период об автономии воли можно вести речь лишь в русле юридического значения воли сторон для построения коллизионной нормы или отклонения от нее в случае необходимости (Бар. Б. Э. Нольде, Т. М. Яблочков). В советский период автономия воли как прямое, а не гипотетическое, волеизъявление сторон формируется в качестве дозволения, допустимого лишь только в сфере внешней торговли с соответствующим развитием его восприятия доктриной: от неприятия буржуазного принципа (С. И. Раевич, И. С. Перетерский) до признания его в качестве одного из «общих для многих стран начал международного частного права» и международно-правового обычая (Л. А. Лунц, Д. Ф. Рамзайцев). В современный период с принятием раздела VI ГК РФ автономия воли получает нормативное закрепление и доктринальное признание как коллизионный принцип для отдельных категорий отношений, а по итогам законодательной реформы раздела VI ГК РФ 2013 г., которая укрепила тенденцию расширения возможностей сторон по выбору применимого права и, что особенно важно, сформировала нормы об автономии воли в согласованную систему, а также в свете разъяснения Пленума Верховного Суда РФ 2019 г., которое признало применение норм раздела VI ГК РФ, в т.ч. ст. 1210 ГК РФ, для восполнения пробелов специального законодательства (как-то, о договорах в области торгового мореплавания), автономия воли может считаться одним из общих принципов коллизионного регулирования в отечественном международном

частном праве с соответствующим нормативным отражением, практикой применения и доктринальным признанием.

Анализ международного частного права Российской Федерации позволяет заключить, что автономия воли получает конкретизацию в многоуровневой системе согласованных норм, уполномочивающих стороны гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, выбирать материальное право и отражающих ее феноменальное прогрессивное развитие и с точки зрения объема предоставленных сторонам возможностей (признание последующего выбора, подразумеваемых соглашений, депесяжа), и с точки зрения перечня отношений, в которых сторонам дозволяется выбирать применимое право (для вещных прав на движимое имущество, договорных и внедоговорных обязательств).

В этой связи появление в законодательстве о международном частном праве общей нормы, постулирующей принцип автономии воли сообразно опыту Китайской Народной Республики, может рассматриваться как закономерное продолжение выявленной тенденции. Представляется, что включение такой нормы в раздел VI ГК РФ могло бы быть разумным, поскольку объединило бы в четко построенную систему отдельные уполномочивающие нормы и имело бы значимую идеологическую нагрузку: как с точки зрения единообразия правоприменительной практики в текущий момент, так и с точки зрения понимания тех линий, по которым может ожидать развитие нормотворческой деятельности в будущем.

За пределами сферы действия принципа автономии воли в международном частном праве (в случаях, когда сторонам не предоставлена возможность выбора правопорядка либо такая возможность ими не реализована) принцип наиболее тесной связи составляет единственный (универсальный) принцип коллизионного регулирования, который служит на правотворческом уровне в качестве идейной основы для разработки классических коллизионных норм, а на правоприменительном — в качестве действующего инструмента решения коллизионного вопроса. Универсальный характер принципа наиболее тесной

связи обоснован тем, что в ходе развития в дополнение к территориальной локализации данный принцип аккумулировал значимые материально-правовые соображения, заслуживающие учета на этапе решения коллизионного вопроса.

При этом защита основ национального правопорядка не образует самостоятельный принцип коллизионного регулирования, поскольку сама по себе не обеспечивает достижение стоящей перед ним цели – решение коллизионного вопроса, т.е. выбор материального права для гражданского отношения, осложненного иностранным элементом. Институты, направленные на защиту основ национального правопорядка, в ряду которых оговорка о публичном порядке и нормы непосредственного применения, в судебном правоприменении составляют пределы реализации коллизионного выбора в пользу иностранного права, который уже совершен на основании принципов коллизионного регулирования: сторонами – в силу принципа автономии воли или судом – за счет коллизионной нормы, выражающей принцип наиболее тесной связи. В свою очередь международный коммерческий арбитраж, даже действуя в рамках инфраструктуры специального законодательства, содействия и контроля государства локализации, строго юридически не привязан к установленному для судов своду коллизионных норм, в связи с чем этот фильтр, если он не будет предвосхищен арбитражем в свете цели вынести исполнимое решение, активируется при введении уже вынесенного арбитражного решения в правовое поле государства исполнения.

Исследование доктринального понимания автономии воли в отечественной науке международного частного права позволило выдвинуть авторскую концептуальную модель автономии воли как принципа коллизионного регулирования, в рамках которой предлагается выделять два этапа ее существования и реализации: на первом этапе – в разрезе правотворчества – автономия воли существует в форме материально-правовой нормы, которая управомочивает стороны гражданских отношений трансграничного характера на выбор материального права; на втором этапе – в разрезе правоприменения – речь ведется о результате реализации автономии воли, который получает выражение в

соглашении участников конкретного отношения на этот счет. Оба этапа в динамике обеспечивают исполнение материально-правовыми средствами коллизионной функции данного принципа.

Тестирование предложенной авторской концептуальной модели позволило обосновать несколько частных выводов.

Во-первых, автономия воли, устанавливающая право сторон гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, избрать применимое право, и пределы ее реализации определяются непосредственно и исключительно управомочивающей нормой, для судов существующей в рамках свода коллизионных норм *lex fori*, а для арбитражей – соответствующей нормой редуцированного к альтернативе «выбор сторон или выбор арбитража» положения *lex arbitri*.

В рассматриваемом смысле автономия воли участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, определяет применимость материального права того или иного государства (включая его принципы, среди которых и принцип свободы договора), а потому она не может рассматриваться как проявление гражданско-правового принципа свободы договора или им обосновываться. Автономия воли в международном частном праве как таковая существует и реализуется на совершенно ином этапе – на этапе решения коллизионного вопроса и выбора применимого материального права, когда еще не известно, какой свод материально-правовых норм будет применен (и будет ли, и в какой мере в этом своде признаваться какой-то из материально-правовых цивилистических принципов).

Во-вторых, соглашение о применимом праве составляет явление *sui generis* и не выступает сделкой по смыслу ст. 153 ГК РФ, ибо как таковое не направлено на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

При этом хотя в логическом ряду регулятивного процесса принципы и нормы коллизионного права первичны по отношению к какому бы то ни было материальному праву, в историческом и догматическом плане коллизионные правила являются надстройкой по отношению к материально-правовым

принципам и нормам, потому что без коллизии действующей материи частного права различных юрисдикций не возникла бы необходимость и в снабжении такой материи коллизинными правилами. Как следствие, коллизионные принципы и нормы формируются и функционируют в едином понятийно-категориальном цивилистическом пространстве, что однако не исключает их специфики, обусловленной спецификой стоящей перед ними цели – не регулирование частных отношений по существу, а выбор для них надлежащего регулятора.

В связи с этим нельзя отрицать, что соглашение об определении правового режима гражданских прав и обязанностей сторон лежит в общей парадигме цивилистической договорной формы. Однако, определяя правовую судьбу отношений сторон, такое соглашение не смешивается с иными договорными условиями и сохраняет автономность как в части своего целевого назначения, так и в части регламентации своих формы и содержания.

В-третьих, становление и развитие автономии воли как принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, к настоящему времени однозначно вывело ее из инфраструктуры коллизионных норм, превратив в самостоятельное основание решения коллизионного вопроса, позволяющее сторонам свободно выбрать любой удобный правопорядок, не прибегая к фактическим или формальным маневрам в пределах действующих отсылок.

При этом генеральным основанием постулируемой свободы выбора является субъективно оцениваемое сторонами удобство правового режима и конечно же его предсказуемость, позволяющие в совокупности понизить юридические риски вступления с трансграничные частноправовые отношения. Так, стороны могут избрать право, оптимальное с точки зрения избранного или потенциального форума для урегулирования споров, в том числе при выборе нейтрального форума и соответствующего ему нейтрального права, или же то право, которому известна и которое защищает избранную сторонами договорную конструкцию.

Хотя конкретные мотивы сторон или вообще их отсутствие не имеют юридического значения, в глобальном масштабе они обуславливают формирующуюся регулятивную конкуренцию как между национальными правовыми порядками (где вряд ли можно игнорировать широту использования английского права в международных сделках), так и с допускающими исключение международными договорами (где Конвенция о договорах международной купли-продажи товаров, с одной стороны, широко востребована, а, с другой, например, исключается в пользу английского права типовой формой GAFTA 49) и даже с негосударственными регуляторами (где достаточно упомянуть, по меньшей мере, Принципы УНИДРУА).

Устойчивая тенденция прогрессивного развития автономии воли участников гражданских, прежде всего, договорных, отношений, осложненных иностранным элементом, подтверждается и на уровне международных документов, с той особенностью, что прогрессивное развитие содержания данного принципа хронически «обгоняет» готовность государств к фиксации этого содержания на уровне юридически обязательного инструмента. Выявленная тенденция имеет научную ценность не просто в порядке констатации явлений объективной реальности, но позволяет выдвигать гипотезы относительно будущего развития принципа автономии воли. Историко-правовое исследование доказывает, что те возможности выбора применимого права, которые казались невозможными или даже немыслимыми в один исторический период (среди которых и выбор вненациональных источников, и депесаж, и др.) оказываются признаваемыми, закрепляемым и применяемыми на практике в весьма недалекой перспективе двадцати-тридцати лет.

Трансформация автономии воли из правомочия участников отдельно взятых (первоначально, только договорных) отношений в коллизионный принцип общего действия подтверждается соотношением унифицированных норм международных договоров и национального законодательства, при котором коллизионные нормы, сформулированные в значительном числе международных договоров в качестве императивных (в частности, для деликтных обязательств), дополняются системой

дозволительных норм национального законодательства об автономии воли в качестве предписаний, составляющих «общую часть» коллизионного права. Напротив, положения тех же международных договоров, позволяющие автономии воли сторон трудового договора, в соотношении с правилом о территориальном действии отечественного трудового законодательства подтверждают концептуальную возможность распространения автономии воли на трудовые отношения даже в отсутствие специальных национальных предписаний и в свете крайне положительного восприятия правоведами этой возможности – тенденцию дальнейшей содержательной экспансии рассматриваемого принципа.

Изложенное настоятельно требует от современных правоведов внимательного отношения к разрабатываемым в настоящий период концепциям (среди которых самые разные предложения: от кумуляции правовых и неправовых регуляторов до постановки вопроса о выборе применимого права для внутреннего контракта), некоторые из которых могут составить нашу правовую реальность в недалеком будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ*Нормативные правовые акты, международные документы,
иные официальные источники и памятники права*

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398. Режим доступа: СПС «Гарант».
2. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. (г. Сан-Франциско) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14-47.
3. Статут Международного Суда Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. (г. Сан-Франциско) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 47-63.
4. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята 24 октября 1970 г. Резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН) // Международное публичное право: сборник документов. Т. 1. М., 1996. С. 2-8.
5. Устав Гаагской конференции по международному частному праву от 31 октября 1951 г. (г. Гаага) // Международное публичное право. Сборник документов. М.: БЕК, 1997. С. 1-3.
6. Конвенция о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 г. (г. Вена) // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1.
7. Конвенция о международном финансовом лизинге от 28 мая 1988 г. (г. Оттава) // СЗ РФ. 1999. № 32. Ст. 4040.
8. Конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (г. Вена) // Ведомости ВС СССР. 1986. № 37. Ст. 772.
9. Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10 июня 1958 г. (г. Нью-Йорк) // Ведомости ВС СССР. 1960. № 46. Ст. 421.
10. Конвенция по международным факторинговым операциям от 28 мая 1988 г. (г. Оттава) // СЗ РФ. 2015. № 15. Ст. 2198.
11. Международная конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте – Гаагские правила (г. Брюссель, 25 августа 1924 г.) // Многосторонние международные соглашения о морском транспорте. М., 1983.
12. Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже от 21 апреля 1961 г. (г. Женева) // Ведомости ВС СССР. 1964. № 44. Ст. 485.
13. Декларация Совета Республик ВС СССР от 26 декабря 1991 г. № 142-Н «В связи с созданием Содружества Независимых Государств» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 52.

14. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (г. Минск) // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1472.

15. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07 октября 2002 г. (г. Кишинев) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 2002. № 2 (41). С. 82-130.

16. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 г. (г. Киев) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 4.

17. Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 декабря 1992 г. (г. Москва) // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1598.

18. Договор между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам от 23 сентября 1997 г. (г. Москва) // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2896.

19. Договор между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 05 марта 1996 г. (г. Тегеран) // СЗ РФ. 2000. № 47. Ст. 4579.

20. Договор между Российской Федерацией и Республикой Индией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и торговым делам от 03 октября 2000 г. (г. Нью-Дели) // СЗ РФ. 2002. № 50. Ст. 4924.

21. Договор между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 14 сентября 1992 г. (г. Бишкек) // Бюллетень международных договоров. 1995. № 3.

22. Договор между Российской Федерацией и Республикой Молдова о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 25 февраля 1993 г. (г. Москва) // СЗ РФ. 1995. № 20. Ст. 1766.

23. Договор о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам между Российской Федерацией и Монголией от 20 апреля 1999 г. (г. Улан-Батор) // СЗ РФ. 2008. № 22. Ст. 2490.

24. Договор о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам между Российской Федерацией и Республикой Польша от 16 сентября 1996 г. (г. Варшава) // СЗ РФ. 2002. № 7. Ст. 634.

25. Договор о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам от 25 августа 1998 г. (г. Москва) // СЗ РФ. 2012. № 42. Ст. 5682.

26. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01 апреля 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012. Режим доступа: СПС «Гарант».

27. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 07 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. Режим доступа: СПС «Гарант».

28. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410. Режим доступа: СПС «Гарант».

29. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552. Режим доступа: СПС «Гарант».

30. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532. Режим доступа: СПС «Гарант».

31. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 14. Режим доступа: СПС «Гарант».

32. Закон РФ от 07 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (ред. от 30 декабря 2021 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1240. Режим доступа: СПС «Гарант».

33. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207. Режим доступа: СПС «Гарант».

34. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16. Режим доступа: СПС «Гарант».

35. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3. Режим доступа: СПС «Гарант».

36. Федеральный закон от 07 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред. от 28 декабря 2016 г.) // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2327. Режим доступа: СПС «Гарант».

37. Федеральный закон от 30 сентября 2013 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 40 (ч. III). Ст. 5030.

38. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (ред. от 08 декабря 2020 г.) // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757. Режим доступа: СПС «Гарант».

39. Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (ред. от 05 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144. Режим доступа: СПС «Гарант».

40. Федеральный закон от 06 января 1999 г. № 17-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Протоколу об изменении Международной конвенции об унификации некоторых правил о коносаменте от 25 августа 1924 года, измененной Протоколом от 23 февраля 1968 года» // СЗ РФ. 1999. № 2. Ст. 244.

41. Федеральный закон РФ от 30 декабря 2021 г. № 452-ФЗ «О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» // СЗ РФ. 2022. № 1 (ч. 1). Ст. 21.

42. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (ред. от 08 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 2. Режим доступа: СПС «Гарант».

43. Постановление Правительства РФ от 13 ноября 2001 г. № 784 «О вступлении Российской Федерации в Гаагскую конференцию по международному частному праву» (ред. от 28.06.2012) // СЗ РФ. 2001. № 47. Ст. 4449. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

44. Постановление Верховного Совета РФ от 09 октября 1992 г. № 3620-1 «О ратификации Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 44. Ст. 2472.

45. Указ Президиума ВС СССР от 14 мая 1962 г. № 67-VI «О ратификации Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже» // Ведомости ВС СССР. 1962. № 20. Ст. 210.

46. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07 октября 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

47. Постановление Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ «О модельном гражданском кодексе для государств-участников Содружества Независимых Государств (часть третья)» от 17 февраля 1996 г. № 7-4 // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. 1996. № 10.

48. Конвенция о Единообразном законе о заключении договоров о международной купле-продаже товаров от 01 июля 1964 г. (г. Гаага) // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Т. I. Нью-Йорк: ООН, 1971. С. 75-84.

49. Конвенция о Единообразном законе о международной купле-продаже товаров от 01 июля 1964 г. (г. Гаага) // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Т. I. Нью-Йорк: ООН, 1971. С. 46-74.

50. Конвенция о праве, применимом к агентским соглашениям от 14 марта 1978 г. (г. Гаага) / неофициальный перевод Е. Ю. Проницовой. Режим доступа: СПС «Гарант».

51. Конвенция о праве, применимом к международной купле-продаже товаров от 15 июня 1955 г. (г. Гаага) // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Т. 1. Нью-Йорк: ООН, 1971.

52. Конвенция о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, от 22 декабря 1986 г. (г. Гаага) // Розенберг М. Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. М.: МЦФЭР, 1996. С. 209-220.

53. Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 02 декабря 2004 г. A/RES/59/38 – Официальный сайт ООН. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/59/38> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

54. Межамериканская конвенция о праве, применимом к международным контрактам, от 17 марта 1994 г. (г. Мехико). Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

55. Кодекс международного частного права (Кодекс Бустаманте) от 20 февраля 1928 г. (г. Гавана) // Международное частное право. Сборник документов. М.: БЕК, 1997. С. 3-40.

56. Принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах: Записка Секретариата к Сорок восьмой сессии Комиссии ООН по праву международной торговли (Вена, 29 июня – 16 июля 2015 г.) от 15 апреля 2015 г. A/CN.9/847 – Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: <https://assets.hcch.net/docs/eb2202fd-47c9-4e73-ab0f-cbf2b4057d8f.pdf> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

57. Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (ред. 2010 г.) – Официальный сайт ЮНСИТРАЛ. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/arb-rules-revised-r.pdf> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

58. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже от 21 июня 1985 г. (с изм. от 07 июля 2006 г.) // Издание ООН № R.08.V.4. С. 1-22.

59. Пояснительная записка Секретариата ЮНСИТРАЛ к Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров // Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров. Нью-Йорк: ООН, 2010. С. 37-48.

60. Пояснительная записка Секретариата ЮНСИТРАЛ к Типовому закону о международном торговом арбитраже 1985 г. с изм., принятыми в 2006 г. // Издание ООН. № R.08.V.4. С. 23-38.

61. Доклад Комиссии международного права Генеральной Ассамблее о работе ее пятьдесят восьмой сессии: Глава XII «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права» – Официальный сайт Комиссии международного права ООН. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2006/russian/chp12.pdf> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

62. Временное торговое соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Великобританией от 16 февраля 1934 г. (г. Лондон) // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1934. Отд. II. № 15. Ст. 1367.

63. Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Республикой от 15 июля 1947 г. (г. Москва) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. XIII. М., 1956.

64. Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Данией от 17 августа 1946 г. (г. Москва) //

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956.

65. Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Итальянской Республикой от 11 декабря 1948 г. (г. Москва) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. XV. М., 1957.

66. Договор о торговле и судоходстве между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой от 11 декабря 1947 г. (г. Москва) // Ведомости ВС СССР. 1949. № 9.

67. Торговый Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой от 16 июня 1939 г. (г. Москва) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 16.

68. Общие условия поставок товаров между организациями стран-членов СЭВ 1968/1988 гг. (вступили в силу для СССР 03 августа 1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. М., 1991.

69. Основы Гражданского Законодательства Союза ССР и республик, утверждены ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-I // Ведомости ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

70. Указ Президиума ВС РСФСР от 14 июня 1977 г. «О внесении изменений и дополнений в Гражданский и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1977. № 24. Ст. 586.

71. Указ Президиума ВС СССР от 16 мая 1977 г. № 5709-IX «О внесении изменений и дополнений в Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и в Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1977. № 21. Ст. 313.

72. Кодекс торгового мореплавания Союза ССР, утв. Указом Президиума ВС СССР от 17 сентября 1968 г. // Ведомости ВС СССР. 1987. № 49. Ст. 791.

73. Гражданский кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.

74. Закон СССР от 08 декабря 1961 г. «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 525.

75. Постановление СНК СССР от 27 июля 1935 г. № 1598 «О разрешении объединениям Народного Комиссариата Внешней Торговли заключать внешнеторговые сделки с иностранными фирмами на территории Союза ССР и за границей» // СЗ СССР. 1935. № 44. Ст. 367.

76. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 17 июня 1932 г. «О внешне-торговой арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате» // СЗ СССР. 1932. № 48. Ст. 281.

77. Кодекс торгового мореплавания Союза ССР, утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 14 июня 1929 г. // СЗ СССР. 1929. № 41. Ст. 366.

78. Гражданский процессуальный кодекс БССР, введен в действие Постановлением III сессии ЦИК БССР от 26 июля 1923 г. // СУ БССР. 1923. № 13-14. Ст. 116.

79. Гражданский Процессуальный Кодекс Р.С.Ф.С.Р., введен в действие Постановлением ВЦИК от 10 июля 1923 г. «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1923. № 46-47. Ст. 478.

80. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева 27 января 1987 г. «О перестройке и кадровой политике партии» // Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27-28 января 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 5-66.

81. Уставъ Гражданскаго Судопроизводства (изд. 1892 г.) // Сводъ Законовъ Россійской Имперіи / сост. Н. П. Балкановъ, С. С. Войтъ, В. Э. Герценбергъ, подъ ред. и съ примѣч. И. Д. Мордухай-Болтовскаго. С.-Петербургъ: Дѣятель, 1912. Томъ XVI. С. 113-324.

82. Указ Правительствующему Сенату от 20 ноября 1864 г. Режим доступа: СПС «Гарант».

83. Вводный закон к Гражданскому кодексу Бразилии 1942 г. (ред. 2018 г.) – Проектная группа ВШЭ «Современная конструкция международного частного права». URL: [https://pravo.hse.ru/data/2019/03/19/1186062916/Вводный%20закон%20к%20ГК%20Бразилии%20\(ред.2018\).pdf](https://pravo.hse.ru/data/2019/03/19/1186062916/Вводный%20закон%20к%20ГК%20Бразилии%20(ред.2018).pdf) (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

84. Гражданский кодекс Кыргызской Республики (часть II) от 05 января 1998 г. № 1 (ред. от 02 июля 2025 г.) // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 1998. № 6. Ст. 226. Режим доступа: ИС «Континент».

85. Гражданский кодекс Республики Армения от 28 июля 1998 г. № ЗР-239 (ред. от 14 июля 2025 г.) // Официальные ведомости Республики Армения. 10 августа 1998 г. № 17 (55). Режим доступа: ИС «Континент».

86. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07 декабря 1998 г. № 218-3 (ред. от 17 февраля 2025 г.) // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1999. № 7-9. Ст. 101. Режим доступа: ИС «Континент».

87. Гражданский кодекс Республики Казахстан (особенная часть) от 01 июля 1999 г. № 409-І ЗРК (ред. от 30 июня 2025 г.) // Казахстанская правда. 17 июля 1999 г. № 172-173 (22889-22890); 20 июля 1999 г. № 174 (22891); 22 июля 1999 г. № 175 (22892); 23 июля 1999 г. № 176-177 (22893-22894); 24 июля 1999 г. № 178 (22894); 27 июля 1999 г. № 179-180 (22896-22897). Режим доступа: ИС «Континент».

88. Гражданский кодекс Республики Молдова (Книга пятая. Международное частное право) от 06 июня 2002 г. № 1107-XV (ред. 15 ноября 2018 г.) // Официальный монитор Республики Молдова. 22 июня 2002 г. № 82-86. Режим доступа: ИС «Континент».

89. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 г. № 1918 (ред. от 14 мая 2025 г.) // Зарегистрирован Министерством юстиции Республики Таджикистан от 29 декабря 2022 г. № 74. Режим доступа: ИС «Континент».

90. Гражданский кодекс Республики Таджикистан (часть третья) от 01 марта 2005 г. // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2005. № 3. Ст. 124 (не действует).

91. Гражданский кодекс Республики Узбекистан (часть вторая) от 29 августа 1996 г. № 256-І (ред. от 22 апреля 2025 г.) // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 1996. № 11-12. Ст. 1. Режим доступа: ИС «Континент».

92. Гражданский кодекс Румынии 2009 г. – Проектная группа ВШЭ «Современная конструкция международного частного права». URL: [https://pravo.hse.ru/data/2019/03/20/1186683743/%D0%93%D0%A0%D1%83%D0%BC%D1%8B%D0%BD%D0%B8%D0%B8%20%D0%9C%D0%A7%D0%9F%20\(%D1%80%D0%B5%D0%B4.%202016\).pdf](https://pravo.hse.ru/data/2019/03/20/1186683743/%D0%93%D0%A0%D1%83%D0%BC%D1%8B%D0%BD%D0%B8%D0%B8%20%D0%9C%D0%A7%D0%9F%20(%D1%80%D0%B5%D0%B4.%202016).pdf) (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

93. Закон Азербайджанской Республики «О международном частном праве» от 06 июня 2000 г. № 889-ІГ (ред. от 09 июля 2021 г.) // Газета Азербайджан. 29 октября 2000 г. № 249. Режим доступа: ИС «Континент».

94. Закон Бельгии от 16 июля 2004 г. о кодексе международного частного права – Проектная группа ВШЭ «Современная конструкция международного частного права». URL: <https://pravo.hse.ru/data/2024/04/01/2145327474/%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%20%D0%91%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%B8%D0%B8%20%D1%80%D0%B5%D0%B4.2022.pdf> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

95. Закон КНР от 28 октября 2010 г. «О применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям» – Проектная группа ВШЭ «Современная конструкция международного частного права». URL: <https://pravo.hse.ru/data/2015/11/16/1081085258/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%202010.pdf> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

96. Федеральный закон Швейцарии о международном частном праве 1987 г. // Международное частное право: Иностранное законодательство / сост. А. Н. Жильцов, А. И. Муранов; авт. предисл. А. Л. Маковский. М.: Статут, 2001. С. 627-672.

97. Федеральный закон Швейцарии о международном частном праве 1987 г. (в редакции 2020 г.) – Проектная группа ВШЭ «Современная конструкция международного частного права». URL: <https://pravo.hse.ru/data/2021/03/13/1200224435/%D0%A8%D0%B2%D0%B5%D0%B9%D1%86%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F%20%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%20%D0%BE%20%D0%9C%D0%A7%D0%9F.pdf> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

98. Гражданский кодекс Квебека. Книга десятая: Международное частное право (обновлено 01 ноября 2016 г.) – Проектная группа ВШЭ «Современная конструкция международного частного права». URL: <https://pravo.hse.ru/data/2019/01/20/1148790060/%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%20%D0%9A%D0%B2%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%B0%20%D1%80%D0%B5%D0%B4.%202016%20.pdf> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

99. Конвенция по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров от 27 сентября 1968 г. (г. Брюссель) // О признании и исполнении иностранных судебных решений по экономическим спорам (документы и комментарии): библиотечка Вестника ВАС РФ. М.: ЮРИТ-Вестник, 1999. С. 196-208 (извлечение).

100. Регламент МКАС при ТПП РФ (утв. Приказом ТПП РФ от 18 октября 2005 г. № 76; действ. до 27 января 2017 г.) – Официальный сайт МКАС при ТПП РФ. URL: <http://mkas.tpprf.ru/ru/materials/> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

101. Правила арбитража международных коммерческих споров (Приложение 2 к Приказу ТПП РФ от 11 января 2017 г. № 6) – Официальный сайт МКАС при ТПП РФ. URL: <http://mkas.tpprf.ru/ru/materials/> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

102. Арбитражный регламент Лондонского международного третейского суда (вступил в силу 1 октября 2014 г.) – Официальный сайт Лондонского международного третейского суда. URL: <https://www.lcia.org/media/download.aspx?MediaId=410> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

103. Statute of the Permanent Court of International Justice of 16 December 1920 // Summaries of Judgements, Advisory Opinions and Orders of the Permanent Court of International Justice (New York: United Nations, 2012) at 444-457.

104. United Nations Conference on Contracts for the International Sale of Goods, United Nations General Assembly Resolution 33/93 of 16 December 1978 (86th plenary meeting) – Официальный сайт ООН [United Nations Treaty Collection]. URL: https://treaties.un.org/doc/source/docs/A_RES_33_93-E.pdf (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

105. Report of the United Nations Commission on International Trade Law, Forty-eight session: 29 June – 16 July 2015, General Assembly Official Records, Seventieth session, Supplement No. 17, A/70/17 – Официальный сайт ООН [Official Document System]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/V15/054/52/PDF/V1505452.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

106. Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts (Hague: The Hague Conference on Private International Law Permanent Bureau, 2015) – Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: <https://assets.hcch.net/docs/5da3ed47-f54d-4c43-aaef-5eafc7c1f2a1.pdf> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

107. UNIDROIT Principles on International Commercial Contracts 2016 – Официальный сайт УНИДРУА. URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-i.pdf> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

108. UNCITRAL Digest of Case Law on the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods, 2016 Edition (New York: United Nations, 2016).

109. The Autonomy of the Parties in International Contracts Between Private Persons or Entities, The Institute of International Law Resolution of 1991 (Session of Basel). URL: http://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/06/1991_bal_02_en.pdf (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

110. Convention on Agency in the International Sale of Goods of 17 February 1983 (Geneva) – Официальный сайт УНИДРУА. URL: <https://www.unidroit.org/instruments/agency> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

111. Convention on the Law applicable to Agency of 14 March 1978 – Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву.

URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=89> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

112. Convention on the Law applicable to Agency, Draft Convention adopted by the Thirteenth Session and Explanatory Report by I. G. F. Karsten, edited by the Permanent Bureau of the Conference (1979).

113. Convention on the Law applicable to Contracts for the International Sale of Goods, Explanatory Report by Arthur T. von Mehren, ed. by the Permanent Bureau of the Conference (1987).

114. Convention on the Law applicable to Contractual Obligations of 19 June 1980 (Rome) // Treaty Series. Vol. 1605. New York: United Nations, 1997. P. 59-156.

115. Report on the Convention on the Law Applicable to Contractual Obligations, by Mario Giuliano & Paul Lagarde // Official Journal of the European Communities. 31.10.80. No C 282/1.

116. Regulation (EC) No. 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the Law applicable to Contractual Obligations (Rome I) // Official Journal of the European Union. 4.7.2008. L 177. P. 6-16.

117. Regulation (EC) No. 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the Law applicable to Non-contractual Obligations (Rome II) // Official Journal of the European Union. 31.7.2007. L 199. P. 40-49.

118. Council Regulation (EC) No. 44/2001 of 22 December 2000 on Jurisdiction and the Recognition and Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters // Official Journal of the European Communities. 16.1.2001. L 12. P. 1-23.

119. Regulation (EU) No. 1215/2012 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2012 on Jurisdiction and the Recognition and Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters // Official Journal of the European Union. 20.12.2012. L 351. P. 1-32.

120. Contracts (Applicable Law) Act 1990 [of the United Kingdom] // 1990. C. 36.

121. The Contracts (Applicable Law) Act 1990 (Commencement No. 1) Order 1991 [of the United Kingdom] // 1991. No. 707. C. 16.

122. The Law Applicable to Contractual Obligations and Non-Contractual Obligations (Amendment etc.) (EU Exit) Regulations 2019 // Legislation.gov.uk – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/2019/834> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

123. Paraguayan Law 5393 of 2015 “Regarding the Applicable Law to International Contracts” – Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: https://assets.hcch.net/upload/contractslaw_ru.pdf (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

124. Restatement of the Law of Conflict of Laws: as Adopted and Promulgated by the American Law Institute on 11 May 1934 (St. Paul: American Law Institute Publishers, 1934).

125. Restatement of the Law, Second: Conflict of Laws: as Adopted and Promulgated by the American Law Institute on 23 May 1969 (St. Paul: American Law Institute Publishers, 1971-1988).

126. Restatement of the Law, Third: Conflict of Laws: Drafts – Официальный сайт Американского института права. URL: <https://www.ali.org/publications/restatement-law-third/conflict-laws-3d> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

127. Louisiana Civil Code. Book IV. Conflict of Laws [1991] No. 923 § 1.

128. Civil Code of Québec (updated to 01 November 2016) // Éditeur officiel du Québec. CCQ-1991. 502.

129. Arbitration Rules of the London Court of International Arbitration (effective 1 October 2020) – Официальный сайт Лондонского международного третейского суда. URL: https://www.lcia.org/Dispute_Resolution_Services/lcia-arbitration-rules-2020.aspx (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

130. ICC Rules of Arbitration (entered into force on 1 January 2021) – Официальный сайт Международного арбитражного суда Международной торговой палаты. URL: https://iccwbo.org/dispute-resolution-services/arbitration/rules-of-arbitration/#article_21 (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

131. SCC Arbitration Rules, 2023, English (in force as of 1 January 2023) – Официальный сайт Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма. URL: https://sccarbitrationinstitute.se/wp-content/uploads/2024/12/SCC_Arbitration_Rules_2023_English.pdf (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

132. Swiss Rules of International Arbitration (Swiss Rules), June 2021, English – Официальный сайт Арбитражного учреждения Швейцарской палаты. URL: https://www.swissarbitration.org/wp-content/uploads/2024/09/Swiss-Arbitration-Centre_International-Swiss-Rules-2021-EN.pdf (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

133. Convention sur la loi applicable aux contrats d'intermédiaires et à la représentation du 14 mars 1978 – Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/fr/instruments/conventions/full-text/?cid=89> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

134. Convention sur la loi applicable aux obligations contractuelles du 19 juin 1980 (Rome) // Journal officiel des Communautés européennes. 9.10.1980. L 266. P. 1-10.

135. Règlement (CE) № 593/2008 du Parlement Européen et du Conseil sur la loi applicable aux obligations contractuelles du 17 juin 2008 (Rome I) // Journal officiel de l'Union européenne. 4.7.2008. L 177. P. 6-16.

136. Loi portant le Code de droit international privé [le royaume de Belgique] 16 Juillet 2004 // Justice. 27 Juillet 2004. Numéro 2004009511. Page 57344.

137. Loi fédérale sur le droit international privé du 18 décembre 1987 (de la Confédération suisse) // RO 1988 1776.

*Акты судов Российской Федерации
и памятники отечественной правоприменительной практики*

138. Определение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2006 г. № 76-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Миронова Юрия Николаевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

139. Определение Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 815-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Митрофановой Натальи Анатольевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации, частью 1 статьи 7 и частью 4 статьи 31 Жилищного кодекса Российской Федерации» // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. 2008. № 2.

140. Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2014 г. № 2718-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Егорова Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 2, статьями 6, 10 и 14 Гражданского кодекса Российской Федерации».

141. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2003. № 12.

142. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Бюллетень ВС РФ. 2004. № 2.

143. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

144. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. 17 июля 2019 г. № 154.

145. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Бюллетень ВС РФ. 2020. № 3.

146. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

147. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 1996 г. № 10 «Обзор практики рассмотрения споров по делам с участием иностранных лиц, рассмотренных арбитражными судами после 1 июля 1995 г.» // Вестник ВАС РФ. 1997. № 3.

148. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 февраля 1998 г. № 29 «Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц» // Вестник ВАС РФ. 1998. № 4.

149. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 158 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц».

150. Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № С5-7/УЗ-661 «О Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 1999. № 7.

151. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04 октября 2011 г. № 6417/11 по делу № А40-26764/10-101-99Б, А40-27719/10-101-106Б.

152. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № ВАС-11037/10 «Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации».

153. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 307-ЭС17-11637 по делу № А21-5325/2016.

154. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18 января 2010 г. № А43-37935/2009.

155. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 09 июля 2018 г. № Ф01-1861/2018 по делу № А39-8046/2016.

156. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28 марта 2019 г. № Ф01-6835/2018 по делу № А39-8046/2016.

157. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 01 декабря 2009 г. по делу № А33-14345/2008.

158. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20 марта 2014 г. по делу № А19-20140/2012.

159. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 25 апреля 2006 г. № Ф03-А80/06-1/3 по делу № А80-170/2005.

160. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 20 июня 2006 г. № Ф03-А59/06-1/1669 по делу № А59-404/05-С12.

161. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 24 мая 2011 г. № Ф03-4210/2010 по делу № А51-1493/2008.

162. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13 февраля 2013 г. № Ф03-7186/2011 по делу № А59-987/2010.

163. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 12 мая 2016 г. № Ф03-1820/2016 по делу № А51-11536/2014.

164. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 03 ноября 2016 г. № Ф03-4493/2016 по делу № А51-24764/2015.

165. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22 ноября 2016 г. № Ф03-4951/2016 по делу № А51-28282/2015.

166. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 24 ноября 2016 г. № Ф03-5353/2016 по делу № А51-24587/2015.

167. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 03 октября 2017 г. № Ф03-3650/2017 по делу № А59-2509/2016.

168. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 03 октября 2017 г. № Ф03-3652/2017 по делу № А59-2509/2016.

169. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26 января 2006 г. № Ф04-9971/2005(19036-А81-28).

170. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26 января 2006 г. № Ф04-9972/2005(19029-А81-28).

171. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20 ноября 2008 г. № Ф04-6483/2008 (14627-А45-21).

172. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17 августа 2016 г. № Ф04-6615/2014 по делу № А67-4289/2013.

173. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 22 декабря 2015 г. по делу № А75-13596/2014.

174. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 24 декабря 2015 г. по делу № А75-13597/2014.

175. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 14 ноября 2000 г. № КГ-А40/5200-00.

176. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 05 декабря 2003 г. № КГ-А40/9513-03 по делу № А40-47669/02-69-492.

177. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 31 мая 2005 г. № КГ-А40/4269-05.

178. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 08 июня 2010 г. № КГ-А40/5312-10 по делу № А40-62855/09-47-444.

179. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 15 июля 2010 г. № КГ-А40/6190-10 по делу № А40-112599/09-63-827.

180. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 03 июня 2011 г. № КГ-А40/2381-11 по делу № А40-35715/10-141-305.

181. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 21 июня 2011 г. № КГ-А40/4932-11-П по делу № А40-135804/09-65-702.

182. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 29 ноября 2011 г. по делу № А40-23616/11-102-196.

183. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 18 января 2012 г. по делу № А40-118227/10-141-989.

184. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 19 апреля 2013 г. по делу № А40-58924/12-56-556.

185. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 24 октября 2013 г. по делу № А40-107715/11-62-976.

186. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 11 декабря 2013 г. № Ф05-14553/2013 по делу № А40-173504/12-76-1599.

187. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 12 декабря 2013 г. № Ф05-13422/2013 по делу № А40-1219/2013.

188. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 19 мая 2014 г. № Ф05-13173/07 по делу № А40-31270/2007.

189. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13 ноября 2014 г. № Ф05-12221/2014 по делу № А40-174360/2013.

190. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 марта 2017 г. № Ф05-1216/2017 по делу № А40-193011/15.

191. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 июля 2018 г. № Ф05-9794/2018 по делу № А40-239650/2017.

192. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11 июля 2018 г. № Ф05-9814/2018 по делу № А40-239803/2017.

193. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13 сентября 2018 г. № Ф05-14682/2018 по делу № А40-37934/2017.

194. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 ноября 2018 г. № Ф05-2365/2016 по делу № А41-14262/2015.

195. Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 09 апреля 2019 г. № Ф05-4983/2019 по делу № А40-227636/2018.

196. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 марта 2015 г. по делу № А65-7508/2014.

197. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 09 января 2002 г. № 4478.

198. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 16 апреля 2003 г. № А56-18357/02.

199. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 12 августа 2005 г. № А56-31958/04.

200. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 октября 2010 г. по делу № А56-17369/2009.

201. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 08 июля 2011 г. по делу № А44-3493/2010.

202. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 января 2012 г. по делу № А56-51313/2010.

203. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 10 декабря 2013 г. по делу № А21-8308/2012.

204. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 16 апреля 2014 г. № Ф07-1643/2014 по делу № А56-6655/2013.

205. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 декабря 2014 г. по делу № А66-14639/2013.

206. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04 марта 2015 г. № Ф07-72/2015 по делу № А13-8528/2013.

207. Постановление Арбитражного Суда Северо-Западного округа от 18 марта 2016 г. № Ф07-659/2016 по делу № А52-1274/2015.

208. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06 мая 2016 г. № Ф07-598/2016 по делу № А56-15165/2015.

209. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 мая 2016 г. № Ф07-2000/2016 по делу № А56-15176/2015.

210. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 июня 2016 г. № Ф07-4400/2016 по делу № А56-84736/2015.

211. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08 июля 2016 г. № Ф07-4578/2016 по делу № А52-4362/2014.

212. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26 декабря 2016 г. № Ф07-10988/2016 по делу № А56-81618/2015.

213. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11 апреля 2017 г. № Ф07-2904/2017 по делу № А56-19570/2016.

214. Постановление Арбитражного Суда Северо-Западного округа от 25 мая 2017 г. № Ф07-3971/2017 по делу № А56-78768/2014.

215. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22 января 2018 г. № Ф07-13757/2017 по делу № А21-5628/2016.

216. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04 декабря 2018 г. № Ф07-13868/2018 по делу № А56-73386/2017.

217. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11 апреля 2019 г. № Ф07-2585/2019 по делу № А56-91129/2018.

218. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04 июня 2019 г. № Ф07-4084/2019 по делу № А05-17605/2017.

219. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 октября 2014 г. по делу № А56-8626/2012.

220. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 02 мая 2017 г. по делу № А56-75891/2015.

221. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 09 октября 2017 г. по делу № А56-75891/2015.

222. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 ноября 2018 г. № 13АП-25254/18.

223. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 мая 2019 г. № 13АП-5648/19.

224. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23 марта 2006 г. № Ф08-944/06.

225. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24 сентября 2015 г. № Ф08-6044/2015 по делу № А32-38765/2014.

226. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20 ноября 2015 г. № Ф08-8249/2015 по делу № А32-12037/2015.

227. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23 ноября 2015 г. № Ф08-8000/2015 по делу № А53-22068/2014.

228. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 22 сентября 2016 г. № Ф08-4231/2016 по делу № А53-21855/2015.

229. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25 августа 2017 г. № Ф08-5109/2017 по делу № А53-33523/2016.

230. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 07 марта 2006 г. № Ф09-101/06-С6.

231. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 24 марта 2010 г. № Ф09-995/10-С4 по делу № А34-5773/2009.

232. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 19 января 2011 г. № Ф09-11192/10-С5 по делу № А76-3881/2010-26-240.

233. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 30 июля 2013 г. № Ф09-2114/13 по делу № А07-10614/2012.

234. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 25 декабря 2013 г. № Ф09-12926/13 по делу № А60-16231/2013.

235. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03 марта 2016 г. № Ф09-208/16 по делу № А60-9471/2015.

236. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09 марта 2017 г. № Ф09-10289/16 по делу № А76-10954/2015.

237. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17 апреля 2018 г. № Ф09-6512/17 по делу № А60-60921/2016.

238. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14 июня 2019 г. № Ф09-10289/16 по делу № А76-10954/2015.

239. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 04 июня 2010 г. по делу № А35-9326/2008-С26.

240. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 16 февраля 2017 г. № Ф10-132/2017 по делу № А83-2/2016.

241. Апелляционное определение Брянского областного суда от 24 мая 2016 г. № 33-1950/2016 по делу № 2-2047/2015.

242. Апелляционное определение Московского областного суда от 18 марта 2015 г. по делу № 33-3004/15.

243. Апелляционное определение Московского городского суда от 28 апреля 2014 г. по делу № 33-7996.

244. Апелляционное определение Московского городского суда от 12 апреля 2016 г. по делу № 33-10758/2016.

245. Апелляционное определение Московского городского суда от 20 апреля 2017 г. по делу № 33-14928/2017.

246. Апелляционное определение Московского городского суда от 22 ноября 2017 г. по делу № 33-42337/2017.

247. Апелляционное определение Московского городского суда от 18 мая 2018 г. по делу № 33-15944/2018.

248. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 23 июня 2016 г. по делу № 33-4716/2016.

249. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 03 мая 2017 г. № 33-2860/2017.

250. Апелляционное определение Севастопольского городского суда от 10 марта 2016 г. по делу № 33-568/2016.

251. Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 23 мая 2017 г. по делу № 33-5507/2017.

252. Определение Верховного Суда СССР от 27 февраля 1928 г. по делу № 1476-28 г. («Каким судом и на основании каких законов разрешаются трудовые конфликты между владельцами иностранного парохода и работниками экипажа») // Вестник советской юстиции. 1928. № 7 (113). С. 224.

253. Рѣшеніе Гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго сената № 89 от 08 февраля 1895 г. // Рѣшенія Гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго сената за 1895 годъ. Екатеринославъ: Тип. Исаака Когана, 1911. С. 209-210.

254. Рѣшеніе Гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго сената № 57 от 03 мая 1906 г. // Рѣшенія Гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго сената за 1906 годъ. Екатеринославъ: Тип. Исаака Когана, 1910. С. 137-139.

*Акты международных судебных органов,
органов интеграционных объединений и арбитражных учреждений*

255. Решение Экономического Суда СНГ от 21 февраля 2007 г. № 01-1/2-06.
256. Решение МКАС при ТПП РФ от 11 сентября 1998 г. по делу № 407/1996 // Арбитражная практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1998 г. / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 1999. С. 157-159.
257. Решение МКАС при ТПП РФ от 17 мая 1999 г. по делу № 342/1998 // Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1999-2000 гг. / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2002. С. 96-98.
258. Решение МКАС при ТПП РФ от 07 июня 1999 г. по делу № 238/1998 // Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1999-2000 гг. / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2002. С. 103-110.
259. Решение МКАС при ТПП РФ от 27 октября 1999 г. по делу № 348/1998 // Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1999-2000 гг. / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2002. С. 166-168.
260. Решение МКАС при ТПП РФ от 15 ноября 1999 г. по делу № 259/1998 // Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1999-2000 гг. / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2002. С. 172-173.
261. Решение МКАС при ТПП РФ от 10 февраля 2000 г. по делу № 340/1999 // Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1999-2000 гг. / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2002. С. 222-227.
262. Решение МКАС при ТПП РФ от 27 февраля 2001 г. по делу № 276/1999 // Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2001-2002 гг. / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2004. С. 72-75.
263. Решение МКАС при ТПП РФ от 06 сентября 2002 г. по делу № 217/2001 // Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2001-2002 гг. / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2004. С. 408-420.
264. Решение МКАС при ТПП РФ от 11 октября 2002 г. по делу № 62/2002 // Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2001-2002 гг. / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2004. С. 429-433.
265. Решение МКАС при ТПП РФ от 17 февраля 2003 г. по делу № 108/2002 // Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2003 г. / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2004. С. 42-45.
266. Решение МКАС при ТПП РФ от 16 апреля 2003 г. № 99/2002 // Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2003 г. / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2004. С. 78-82.
267. Решение МКАС при ТПП РФ от 16 июня 2003 г. № 135/2002 // Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2003 г. / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2004. С. 123-127.
268. Решение МКАС при ТПП РФ от 30 января 2004 г. по делу № 141/2003.
269. Решение МКАС при ТПП РФ от 12 апреля 2004 г. по делу № 11/2003.
270. Решение МКАС при ТПП РФ от 20 апреля 2004 г. по делу № 115/2003.

271. Решение МКАС при ТПП РФ от 19 октября 2004 г. по делу № 126/2003.
272. Решение МКАС при ТПП РФ от 01 марта 2006 г. по делу № 101/2005.
273. Решение МКАС при ТПП РФ от 17 марта 2006 г. по делу № 121/2005.
274. Решение МКАС при ТПП РФ от 27 апреля 2006 г. по делу № 95/2005.
275. Решение МКАС при ТПП РФ от 05 июля 2006 г. по делу № 60/2005.
276. Решение МКАС при ТПП РФ от 24 июля 2006 г. по делу № 40/2005.
277. Решение МКАС при ТПП РФ от 14 декабря 2006 г. по делу № 26/2006.
278. Решение МКАС при ТПП РФ от 17 декабря 2007 г. по делу № 35/2007.
279. Решение МКАС при ТПП РФ от 05 июня 2008 г. по делу № 126/2007.
280. Решение МКАС при ТПП РФ от 01 декабря 2008 г. по делу № 39/2008.
281. Решение МКАС при ТПП РФ от 04 декабря 2008 г. по делу № 36/2008.
282. Решение МКАС при ТПП РФ от 22 декабря 2008 г. по делу № 83/2008.
283. Решение МКАС при ТПП РФ от 14 апреля 2009 г. по делу № 118/2008.
284. Решение МКАС при ТПП РФ от 04 августа 2009 г. по делу № 136/2008.
285. Решение МКАС при ТПП РФ от 19 августа 2009 г. по делу № 123/2008.
286. Решение МКАС при ТПП РФ от 30 августа 2009 г. по делу № 19/2009.
287. Решение МКАС при ТПП РФ от 30 декабря 2009 г. по делу № 74/2009.
288. Решение МКАС при ТПП РФ от 28 июня 2010 г. по делу № 113/2009.
289. Решение МКАС при ТПП РФ от 30 июля 2010 г. по делу № 242/2009.
290. Решение МКАС при ТПП РФ от 15 декабря 2010 г. по делу № 205/2009.
291. Решение МКАС при ТПП РФ от 05 апреля 2011 г. по делу № 148/2010.
292. Решение МКАС при ТПП РФ от 04 августа 2011 г. по делу № 19/2011.
293. Решение МКАС при ТПП РФ от 29 сентября 2011 г. по делу № 279/2010.
294. Решение МКАС при ТПП РФ от 01 июня 2012 г. по делу № 165/2011.
295. Решение МКАС при ТПП РФ от 30 ноября 2012 г. по делу № 210/2011.
296. Решение МКАС при ТПП РФ от 12 декабря 2012 г. по делу № 53/2012.
297. Решение МКАС при ТПП РФ от 01 июля 2013 г. по делу № 218/2012.
298. Решение МКАС при ТПП РФ от 02 сентября 2013 г. по делу № 225/2012.
299. Решение МКАС при ТПП РФ от 10 октября 2013 г. по делу № 220/2012.
300. Решение МКАС при ТПП РФ от 02 декабря 2013 г. по делу № 122/2013.
301. Решение МКАС при ТПП РФ от 28 января 2014 г. по делу № 57/2013.
302. Решение МКАС при ТПП РФ от 07 марта 2014 г. по делу № 107/2013.
303. Решение МКАС при ТПП РФ от 17 марта 2014 г. по делу № 195/2013.
304. Решение МКАС при ТПП РФ от 20 апреля 2015 г. по делу № 192/2014.
305. Решение МКАС при ТПП РФ от 01 октября 2015 г. по делу № 14/2015.
306. Решение МКАС при ТПП РФ от 09 февраля 2016 г. по делу № 145/2015.

307. Решение МКАС при ТПП РФ от 04 мая 2016 г. по делу № 218/2015.
308. Решение МКАС при ТПП РФ от 17 мая 2016 г. по делу № 217/2015.
309. Решение МКАС при ТПП РФ от 10 августа 2016 г. по делу № 273/2015.
310. Решение МКАС при ТПП РФ от 19 октября 2016 г. по делу № 42/2016.
311. Решение МКАС при ТПП РФ от 21 марта 2017 г. по делу № 114/2016.
312. Решение МКАС при ТПП РФ от 18 апреля 2017 г. по делу № 102/2016.
313. Решение МКАС при ТПП РФ от 25 апреля 2017 г. по делу № 137/2016.
314. Решение МКАС при ТПП РФ от 13 сентября 2017 г. по делу № М-27/2017.
315. Решение МКАС при ТПП РФ от 05 февраля 2018 г. по делу № М-158/2017.
316. Постановление МКАС при ТПП РФ от 12 марта 2008 г. по делу № 64/2007.
317. Решение МАК при ТПП РФ от 16 мая 1996 г. по делу № 40/1994 // Из практики Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации. 1987-2005 годы / под ред. С. Н. Лебедева, А. И. Лободы, Д. Б. Филимонова. М.: Статут, 2009. С. 348-361.
318. Решение МАК при ТПП РФ от 10 декабря 1996 г. по делу № 8/1996 // Из практики Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации. 1987-2005 годы / под ред. С. Н. Лебедева, А. И. Лободы, Д. Б. Филимонова. М.: Статут, 2009. С. 361-368.
319. Решение по нарушению чартера парохомом «Феникс» // Сборник решений Морской арбитражной комиссии при Всесозной торговой палате за 1936 г. Вып. 3 / сост. и ред. П. П. Виноградов, С. Т. Демин. М./Л.: Международная книга, 1937. С. 143-150.
320. *North Sea Continental Shelf Cases* (Federal Republic of Germany / Denmark, Federal Republic of Germany / Netherlands), International Court of Justice, Separate Opinion of Judge Fouad Ammoun [20 February 1969] – Официальный сайт Международного Суда ООН. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/51/051-19690220-JUD-01-06-EN.pdf> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).
321. *Case concerning the Payment of Various Serbian Loans issued in France*, Permanent Court of International Justice, Judgement No. 14 [12 July 1929] Publications of the Permanent Court of International Justice (Series A, Nos. 20/21).
322. *Case concerning the Payment in Gold of Brazilian Federal Loans issued in France*, Permanent Court of International Justice, Judgement No. 15 [12 July 1929] Publications of the Permanent Court of International Justice (Series A, Nos. 20/21).
323. *Fratelli Variola S.p.A. v. Amministrazione italiana delle Finanze*, Court of Justice, Judgment of the Court, Case 34-73 [10 October 1973] European Court Reports 1973-00981 (ECLI:EU:C:1973:101).
324. *State joint stock company (Uzbekistan) v. State agency (India)*, Final award in case no. 14 667, International Chamber of Commerce [2015] Yearbook of Commercial Arbitration, Vol. XL.
325. ICC Award No. 1110 of 1963 by G. Lagergren, Arbitration International, 1994 at 282-291.

326. ICC Award No. 3916, Collection of ICC Arbitral Awards, 1982 at 507-511.

Акты судебных органов зарубежных стран

327. Судебное толкование Верховного народного суда КНР № 24 от 28 декабря 2012 г. – Проектная группа ВШЭ «Современная конструкция международного частного права». URL: <https://pravo.hse.ru/data/2015/12/10/1133685997/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D1%8A%D1%8F%D1%81%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9.pdf> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

328. *Amin Rasheed Shipping Corporation v. Kuwait Insurance Co.*, the House of Lords of the United Kingdom [1984] A.C. 50.

329. *Compagnie D'Armement Maritime S.A. v. Compagnie Tunisienne de Navigation S.A.*, United Kingdom House of Lords [1971] AC 572.

330. *N.V. Kwik Hoo Tong Handel Maatschappij v. James Finlay & Co. Ltd.*, United Kingdom House of Lords [1927] AC 604.

331. *Rex v. International Trustee for the Protection of Bondholders Aktiengesellschaft*, the House of Lords of the United Kingdom [1937] A.C. 500.

332. *Bonython and Others v. Commonwealth of Australia*, the Privy Council of the United Kingdom [1951] A.C. 201; 66 T.L.R. (Pt. 2) 969.

333. *Mount Albert Borough Council v. Australasian Temperance and General Mutual Life Assurance Society Ltd.*, the Privy Council of the United Kingdom [1938] A.C. 224.

334. *Vita Food Products Inc. v. Unus Shipping Co Ltd.*, the Privy Council of the United Kingdom [1939] A.C. 277.

335. *Coast Lines Ltd. v. Hudig and Veder Chartering N.V.*, the Court of Appeal [of England and Wales] [1972] 2 Q.B. 34.

336. *The Assunzione*, the Court of Appeal [of England and Wales] [1954] P. 150.

337. *Caterpillar Financial Services Corporation v. SNC Passion*, Queen's Bench Division (Commercial Court) [19 March 2004] (2004) Lloyd's Law Reports, Vol. 2 at 99-108.

338. *Gienar v. Meyer*, Court of Common Pleas [1796] 2 H.Bl. 603.

339. *Akai Pty Ltd. v. The People's Insurance Company Ltd.*, the High Court of Australia [1996] 188 CLR 418.

340. *Imperial Life Assurance Co. of Canada v. Segundo Casteleiro y Colmenares*, Supreme Court of Canada [1967] S.C.R. 443.

341. *Delhi Cloth & General Mills Co. v. Harnam Singh*, Supreme Court of India [1955] A.I.R. 590.

342. *Modi Entertainment Network and Another v. WSG Cricket PTE. Ltd.*, the Supreme Court of India [2003] 4 SCC 341.

343. *Pritchard v. Norton*, the Supreme Court of the United States [1882] United States Reports, Supreme Court. Vol. 106: Cases Argued and Adjudged in the Supreme Court of the United States. October Term, 1882, reported by William T. Otto, Vol. XVI (Boston: Little, Brown, and Company, 1883).

344. *Wayman v. Southard*, the Supreme Court of the United States [1825] 23 U.S. 1.
345. *Prows v. Pinpoint Retail Systems, Inc.*, Supreme Court of Utah [1993] 868 P.2d 809.
346. Case 281: Germany: Oberlandesgericht Koblenz, 2 U 1230/91 [17 September 1993] CLOUT. A/CN.9/SER.C/ABSTRACTS/26. 3 December 1999 at 12.
347. Case 25: France: Cour d'Appel de Grenoble, Chambre des Urgences [16 June 1993] CLOUT. A/CN.9/SER.C/ABSTRACTS/2. 4 November 1993 at 3-4.
348. *American Trading Company v. Quebec Steamship Company Limited*, Cour de Cassation [5 Décembre 1910] Clunet 1912:39:1156-1158.
349. *Imperial Bathroom Company v. Sanitari Possi S.p.A.*, Supreme Court of Italy [14 December 1999] – Albert H. Kritzer CISG Database. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/991214i3.html> (дата обращения: 01 июля 2019 г.).
350. *Mantovani & Serrazzi S.p.A. v. Eurosab S.a.r.l.*, Supreme Court of Italy [1 February 1999] – Albert H. Kritzer CISG Database. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/990201i3.html> (дата обращения: 01 июля 2019 г.).
351. *Metal processing plant case*, Supreme Court of Italy [19 June 2000] – Albert H. Kritzer CISG Database. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/000619i3.html> (дата обращения: 01 июля 2019 г.).

Научная и учебная литература

352. *Абачиев С. К.* Логика: учебник и практикум. М.: Юрайт, 2020. 401 с.
353. *Абашидзе А. Х.* Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера // Московский журнал международного права. 2017. № 4. С. 19-30.
354. *Абдуллин А. И.* О некоторых вопросах зарождения и формирования отечественной науки международного частного права // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 117-122.
355. *Абова Т. Е.* Сделки в российском гражданском праве. Признание их недействительными // Абова Т. Е. Избранные труды. Гражданский и арбитражный процесс. Гражданское и хозяйственное право. М.: Статут, 2007. С. 941-950.
356. *Аксенов А. Г.* Договор международной купли-продажи товаров между субъектами предпринимательской деятельности стран СНГ. Инфотропик Медиа, 2012. Режим доступа: СПС «Гарант».
357. *Алексеев С. С.* О теоретических основах классификации отраслей советского права // Советское государство и право. 1957. № 7. С. 99-107.
358. *Алексеев С. С.* Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 27-34.
359. *Антюшин С. С., Михалкин Н. В.* Логика: учебное пособие. М.: РАП, 2013. 256 с.
360. *Ануфриева Л. П.* В созвездии блистательных имен... М. И. Брун и развитие отечественной науки международного частного права // Золотой фонд российской науки международного права. Т. 2. М.: Международные отношения, 2009. С. 32-47.

361. *Ануфриева Л. П.* Международное частное право: В 3 т. Т. 1. Общая часть: учебник. М.: БЕК, 2002. 288 с.

362. *Ануфриева Л. П.* Международное частное право: В 3 т. Т. 2. Особенная часть: учебник. М.: БЕК, 2002. 656 с.

363. *Ануфриева Л. П.* Некоторые проблемы нового российского регулирования по международному частному праву // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 37-46.

364. *Аристова И. Л.* Общая психология. Мотивация, эмоции, воля. Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2003. 105 с.

365. *Асланян Н. П.* О познавательной ситуации в науке международного частного права // Развитие и применение международного права и международного частного права: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. (26 марта 2020 г.): сб. ст. / отв. ред. Т. В. Новикова. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2020. С. 71-84.

366. *Асланян Н. П.* О предмете международного частного права // Развитие и применение международного права и международного частного права: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (05 апреля 2018 г.): сб. ст. / отв. ред. Т. В. Новикова. Краснодар: Издательский дом – Юг, 2018. С. 74-90.

367. *Асланян Н. П.* Основные начала российского частного права. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2001. 270 с.

368. *Асланян Н. П.* Теоретико-методологические вопросы понимания международного частного права // Развитие и применение международного права и международного частного права: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. (28 марта 2019 г.): сб. ст. / отв. ред. Т. В. Новикова. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2019. С. 63-75.

369. *Асмус В. Ф.* Логика. М.: Госполитиздат, 1947. 387 с.

370. *Асосков А. В.* Венская конвенция ООН 1980 года о договорах международной купли-продажи товаров: постатейный комментарий к положениям, определяющим сферу ее применения. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 300 с.

371. *Асосков А. В.* Коллизионное регулирование договорных обязательств. Инфотропик Медиа, 2013. Режим доступа: СПС «Гарант».

372. *Асосков А. В.* Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ о применении норм международного частного права: ключевые разъяснения // Судья. 2019. № 11. С. 12-19. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

373. *Асосков А. В.* Основы коллизионного права. М.: М-Логос, 2017. 352 с.

374. *Асосков А. В.* Право, применимое к договорному обязательству: комментарий к ст. 1211 ГК РФ // Закон. 2016. № 4. С. 104-118. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

375. *Асосков А. В.* Принцип наиболее тесной связи в современном международном частном праве // Законодательство. 2010. № 11. Режим доступа: СПС «Гарант».

376. *Асосков А. В.* Реформа раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ // Хозяйство и право. 2014. № 2. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

377. *Байгушева Ю. В.* К проблематике безотзывного полномочия // Правоведение. 2013. № 4. С. 85-89.

378. *Бардина М. П.* Диспозитивные и императивные начала в коллизионном регулировании РФ: учебное пособие. М.: ВАВТ, 2009. 100 с.

379. *Бардина М. П.* Определение права, примененного к договорам, в новой редакции Гражданского кодекса РФ // Труды Института государства и права РАН. 2015. № 3. С. 68-91.

380. *Бардина М. П.* Определение права, примененного к существу спора международным коммерческим арбитражем // Государство и право. 2010. № 9. С. 81-90.

381. *Бардина М. П.* Соотношение общих условий поставок СЭВ и субсидиарно применяемого национального права // Материалы секции права Торгово-промышленной палаты СССР: Общие условия поставок в практике арбитражных органов стран-членов СЭВ. Вып. 36 / под ред. В. С. Позднякова. М., 1985. С. 3-9.

382. *Бегичев А. В.* Развитие предметной компетенции нотариата в цифровую эпоху как фактор, влияющий на укрепление правовой стабильности // Нотариальный вестник. 2024. № 10. С. 13-21.

383. *Бегичев А. В., Деханов С. А.* Вещное право: исторические условия становления, систематика, формы защиты. М.: Проспект, 2024. 263 с.

384. *Белов В. А.* Что изменилось в Гражданском кодексе? : практическое пособие. Юрайт, 2014. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

385. *Блинова Ю. В.* Определение примененного права к внешнеэкономическим сделкам по принципу наиболее тесной связи // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 95-104.

386. *Богуславский М. М.* Международное частное право: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 704 с.

387. *Богуславский М. М.* Международное частное право: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 672 с.

388. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. Режим доступа: Грамота.ру. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

389. *Борискин В. В.* Определение коллизионного принципа «личный закон физического лица» в международном частном праве России // Право и практика. 2019. № 2. С. 190-193.

390. *Брун М. И.* Введение в международное частное право. Петроград: Тип. В. О. Киршбаума, 1915. 79 с.

391. *Брун М. И.* Публичный порядок в международном частном праве. Петроград: Сенатская тип., 1916. 97 с.

392. *Буланов В. В.* Наиболее тесная связь как общий принцип международного частного права // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 2. С. 267-274.

393. *Вавилин Е. В., Шугурова И. В.* Принцип добросовестности в гражданском праве и международном частном праве: новеллы Проекта изменений

и дополнений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4. С. 190-198.

394. *Вавилин Е. В., Шугурова И. В.* Принцип добросовестности в международном частном праве: новеллы Проекта изменений и дополнений Гражданского кодекса Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 2. С. 65-76.

395. *Ветрова А. А., Белоусов В. Д.* Понятие и значение общих принципов международного частного права // Технологии формирования правовой культуры в современном образовательном пространстве: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Волгоград, 27 апреля 2018 г.). Волгоград: ИПК ФГБОУ ВО Волгоградский ГАУ, 2018. С. 249-253.

396. *Вилкова Н. Г.* Агентские договоры // Закон. 2000. № 7. С. 101-107.

397. *Вилкова Н. Г.* Договорное право в международном обороте. М.: Статут, 2002. 511 с.

398. *Вилкова Н. Г.* Право собственности в международном частном праве Российской Федерации // Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права: сб. ст. / сост. и отв. ред. И. П. Грешников. Статут, 2015. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

399. *Вилкова Н. Г.* Унификация коллизионных норм в сфере международных коммерческих контрактов // Хозяйство и право. 1997. № 11. С. 131-135.

400. *Вильнянский С. И.* Толкование и применение гражданско-правовых норм // Методические материалы. Всесоюзный юридический заочный институт. Вып. 2. – М., 1948. – С. 42-61.

401. *Виноградова Р. И., Дмитриева Г. К., Репин В. С.* Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей / под ред. В. П. Мозолина. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2002. 416 с.

402. *Витрянский В. В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016. Режим доступа: СПС «Гарант».

403. *Власенко Н. А.* Коллизионные нормы в советском праве / науч. ред. А. Ф. Черданцев. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1984. 100 с.

404. Внедоговорные обязательства в международном частном праве / под ред. И. О. Хлестовой. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2017. Режим доступа: СПС «Гарант».

405. *Волкова Т. А., Дорофеева Ю. А., Колесова О. Н.* и др. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Части третьей (постатейный). М.: РИОР: ИНФРА-М, 2010. 155 с.

406. *Волова Л. И., Суздалева А. Д.* Особенности применения правила автономии воли сторон при регулировании отношений собственности с иностранным элементом // Международное публичное и частное право. 2016. № 6. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

407. *Вольф М.* Международное частное право / пер. с англ. С. М. Рапопорт, под ред. и с предисл. Л. А. Лунца. М.: Госиноиздат, 1948. 702 с.

408. *Гаврилов В. В.* Международное частное право: краткий учебный курс. М.: Норма, 2000. 304 с.
409. *Галенская Л. Н.* Действие общих принципов международного права в сфере международного частного права // Журнал международного частного права. 1995. № 4. С. 3-20.
410. *Галенская Л. Н.* Действие общих принципов международного права в сфере международного частного права (продолжение) // Журнал международного частного права. 1996. № 1-2. С. 3-21.
411. *Галесник Л. С.* О проблемах системы советского права // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 108-115.
412. *Генкин Д. М.* О работе внешнеторговой арбитражной комиссии при всесоюзной торговой палате за 1957-1959 гг. // Секция права Всесоюзной торговой палаты: сб. информационных материалов. Вып. XI / под ред. Д. М. Генкина, К. К. Бахтова. М., 1961. С. 3-13.
413. *Гетьман-Павлова И. В.* Международное частное право: учебник. М.: Юрайт, 2020. 416 с.
414. *Гетьман-Павлова И. В.* Международное частное право: В 3 т. Т. 1. Общая часть: учебник. М.: Юрайт, 2020. 249 с.
415. *Гетьман-Павлова И. В.* Происхождение международного частного права в Древнем мире // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 4. С. 4-33.
416. *Гетьман-Павлова И. В.* Шарль Дюмулен – основоположник теории автономии воли в международном частном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2009. № 3. С. 21-33.
417. *Гогель С. К.* Круг ведомства и очерк деятельности Правительствующего Сената // История Правительствующего сената за двести лет. 1711-1911 гг.: В 5 т. Т. 4: Правительствующий сенат в XIX столетии после реформ 60-х годов / сост. И. А. Блинов, В. А. Гаген, С. К. Гогель и др. СПб.: Сенатская типография, 1911. С. 67-107.
418. *Грабарь В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647-1917) / под ред. В. Н. Дурденевского, С. Б. Крылова. М.: Академия наук СССР, 1958. 491 с.
419. Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. 200 с.
420. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. 336 с.
421. Гражданское право: учебник / под ред. А. П. Сергеева. В 3 т. Т. 1. М.: Проспект, 2018. Режим доступа: СПС «Гарант».
422. *Григорьев В. В.* Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса РФ (главы 66 «Общие положения», 67 «Право, подлежащее применению при определении правового положения лиц» и 68 «Право, подлежащее применению к имущественным и личным

неимущественным отношениям»). М.: Деловой двор, 2014. Режим доступа: СПС «Гарант».

423. *Грингольц И. А.* О задачах совершенствования правового механизма социалистической экономической интеграции стран-членов СЭВ // Правоведение. 1972. № 1. С. 16-23.

424. *Гришаев С. П.* Постатейный комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации. Специально для СПС «Гарант», 2018.

425. *Гришаев С. П., Богачева Т. В., Свит Ю. П.* Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный). Специально для СПС «Гарант», 2019.

426. *Гуев А. Н.* Постатейный комментарий к части третьей Гражданского кодекса РФ. Специально для СПС «Гарант», 2009.

427. *Гуреев С. А.* Коллизионные проблемы морского права. М.: Международные отношения, 1972. 226 с.

428. *Дамиров И. З.* Взаимность – как основной принцип в международном частном праве и международном гражданско-процессуальном праве // Научная перспектива. 2010. № 1-2. С. 20-26.

429. *Данилочкина О. А.* Международное частное право в вопросах и ответах: учебное пособие. М.: Проспект, 2016. 80 с.

430. *Довгань Е.* К вопросу о статусе источников права Европейского Союза // Журнал международного права и международных отношений. 2010. № 1. С. 3-9.

431. *Доронина Н. Г.* Диффузия в праве как направление унификации международного частного права: к вопросу об объекте информационного права // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 125-134.

432. *Доронина Н. Г.* Унификация права стран Латинской Америки // Законодательство и экономика. 2002. № 10. С. 73-85.

433. *Доронина Н. Г., Хлестова И. О.* Обсуждение проекта Закона СССР о международном частном праве и международном гражданском процессе // Материалы по иностранному законодательству и международному частному праву. Труды. Вып. 49. М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1991. С. 151-161.

434. *Ернылева Н. Ю.* Актуальные проблемы теории и практики международного транспортного права // Адвокат. 2003. № 2. Режим доступа: СПС «Гарант».

435. *Ернылева Н. Ю.* Международное частное право: учебник: В 3 т. Т. 1. М.: Юрайт, 2015. 384 с.

436. *Ернылева Н. Ю.* Международное частное право: учебник. М.: Издательский дом ВШЭ, 2015. 655 с.

437. *Ернылева Н. Ю.* Понятие, предмет и система международного частного права // Адвокат. 2004. № 6-9. Режим доступа: СПС «Гарант».

438. *Ернылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В.* Генезис термина «международное частное право» в российской доктрине XIX века: от юридического наследия к современности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 1. С. 27-57.

439. *Ернылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В.* Проблемы кодификации российского законодательства по международному частному праву // Адвокат. 2008. № 1. Режим доступа: СПС «Гарант».

440. *Ернылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В.* «Реверсивная (обратная) кодификация» международного частного права в Румынии // Государство и право. 2014. № 3. С. 48-62.

441. *Ернылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В., Касаткина А. С.* «Исключение» *renvoi* в Гаагских принципах выбора права, применимого к международным коммерческим контрактам // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 3. С. 212-238.

442. *Ершов В. В.* Правовая природа, функции и классификация принципов национального и международного права // Российское правосудие. 2016. № 3. С. 5-36.

443. *Ершов В. В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М.: РГУП, 2018. 625 с.

444. *Ершов В. В.* Современные теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения // Российское правосудие. 2016. № 9. С. 14-17.

445. *Ершов В. В.* Тенденции развития права и неправа // Российское правосудие. 2012. № 7. С. 5-15.

446. *Жильцов А. Н.* Право, подлежащее применению к обязательствам, возникающим вследствие недобросовестного ведения переговоров о заключении договора // Закон. 2016. № 8. С. 27-34. Режим доступа: СПС «КосультантПлюс».

447. *Жильцов А. Н.* Применение раздела VI части третьей ГК РФ в практике МКАС при ТПП РФ // Вестник международного коммерческого арбитража. 2014. № 2. С. 10-29.

448. *Занибеков М. М.* Автономия воли сторон и свобода договора при заключении международного коммерческого договора: действующий правовой механизм или юридическая фикция? // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2016. № 2. С. 142-153.

449. *Засемкова О. Ф.* Сверхимперативные нормы: теория и практика. М.: Инфотропик Медиа, 2018. Режим доступа: СПС «Гарант».

450. *Звеков В. П.* Гражданский кодекс Российской Федерации и некоторые проблемы коллизионного права // Проблемы международного частного права / под ред. Н. И. Марышевой. М.: Юридическая фирма КОНТРАКТ, 2000. С. 58-67.

451. *Звеков В. П.* К вопросу о соотношении материально-правового и коллизионного способов регулирования в международном частном праве // Советский ежегодник международного права. 1973. М.: Наука, 1975. С. 284-292.

452. *Звеков В. П.* Обязательства вследствие причинения вреда в коллизионном праве. М.: Волтерс Клувер, 2007. 128 с.

453. *Зыкин И. С.* Гаагские принципы о выборе применимого права к международным коммерческим договорам // Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота: сб. ст. / под ред. А. С. Комарова. М.: Статут, 2016. С. 73-93.

454. *Зыкин И. С.* О совершенствовании раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса Российской Федерации // Основные проблемы частного права: сб. ст. / под ред. В. В. Витрянского, Е. А. Суханова. М.: Статут, 2010. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
455. *Иванников В. А.* Воля // Национальный психологический журнал. 2010. № 1(3). С. 97-102.
456. *Иванов Г. Г., Маковский А. Л.* Международное частное морское право. Л.: Судостроение, 1984. 280 с.
457. *Иванов Н. П.* Основания частной международной юрисдикции // Золотой фонд российской науки международного права. Т. 2. М.: Международные отношения, 2009. С. 57-99.
458. *Иванова Т. А.* Принципы международного частного права // Вестник научных конференций. 2017. № 2-1. С. 60-61.
459. *Ивин А. А.* Логика. Элементарный курс: учебное пособие. М.: Юрайт, 2020. 215 с.
460. *Иниакова А. О.* Международное частное право: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2020. 398 с.
461. *Иниакова А. О., Казаченок С. Ю.* Арбитражное соглашение как договорный способ закрепления принципа гибкости в международном частном праве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 1. С. 66-71.
462. *Иоффе О. С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву / под ред. С. И. Аскназий. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. 144 с.
463. *Иоффе О. С., Шаргородский М. Д.* Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 381 с.
464. *Иоффе О. С., Шаргородский М. Д.* О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 101-110.
465. *Исаев М. А.* История государства и права зарубежных стран. Средневековье. Новое и Новейшее время: учебник. М.: Юрайт, 2024. 539 с.
466. *Исаева Д. Р.* Проблема действия принципа взаимности в международном частном праве // Эпомен. 2019. № 22. С. 123-128.
467. *Иссад М.* Международное частное право / пер. с фр. А. Л. Афанасьевой и Е. Б. Гендзехадзе; ред. и послесл. М. М. Богуславского; примеч. Л. Р. Сюкияйнена. М.: Прогресс, 1989. 400 с.
468. *Кабатов В. А.* Применение Венской конвенции 1980 г. в качестве права государства – ее участника // Венская конвенция ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров. К 10-летию ее применения Россией / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2001. С. 31-34.
469. *Кабатов В.* Применимое право при разрешении споров в Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате РФ // Хозяйство и право. 1998. № 6. С. 105-109.
470. *Кабатова Е. В.* «Прямой» выбор применимого права в международном коммерческом арбитраже // Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения: сб. ст. / под ред. А. С. Комарова. М.: Статут, 2007. С. 229-236.

471. *Канашевский В. А.* Агентские соглашения и договоры комиссии во внешнеторговом обороте // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 96-104.

472. *Канашевский В. А.* Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. М.: Волтерс Клувер, 2008. 608 с.

473. *Канашевский В. А.* Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частноправовые аспекты) // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 27-38. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

474. *Канашевский В. А.* Международное частное право: учебник. М.: Международные отношения, 2024. 1184 с.

475. *Канашевский В. А.* О праве, применимом к офшорным трастам, и об их признании // Закон. 2013. № 4. С. 63-67. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

476. *Качулис А. А.* Транснациональный публичный порядок // Правоведение. 2022. Т. 66. № 1. С. 80-100.

477. *Кечекьян С. Ф.* О системе советского социалистического права // Система права: сборник / сост. Т. Н. Иванова, О. В. Монченко. М.: Юстицинформ, 2021. С. 96-113.

478. *Кискачи М. А.* Допустимость выбора принципов УНИДРУА в качестве применимого права в случае рассмотрения спора в суде // Российский юридический журнал. 2019. № 5. Режим доступа: СПС «Гарант».

479. *Клевченкова М. Н.* Истоки МЧП Франции (к 200-летию Кодекса Наполеона 1804 г.) // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 144-158.

480. *Кожокарь И. П., Русакова Е. П.* Правореализационная юридическая техника и цифровое правосудие // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 1 (59). С. 121-141.

481. *Кокин А. С.* Международная морская перевозка груза: право и практика. М.: Инфотропик Медиа, 2012. Режим доступа: СПС «Гарант».

482. *Кокин А. С., Левиков Г. А.* Транспортно-экспедиторские услуги при международной перевозке грузов. М.: Инфотропик Медиа, 2011. Режим доступа: СПС «Гарант».

483. *Колобов Р. Ю.* Новейшие тенденции развития международного частного права России (к принятию Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24) // Сибирский юридический вестник. 2019. № 4. С. 104-113.

484. *Колодкин Р. А.* Фрагментация международного права // Московский журнал международного права. 2005. № 2. С. 38-61.

485. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: В 3 т. Т. 3 / под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Г. Светланова. М.: Юрайт-Издат, 2004. 486 с.

486. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / под ред. Н. И. Марышевой, К. Б. Ярошенко. М.: КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2004. 578 с.

487. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / под ред. Н. И. Марышевой, К. Б. Ярошенко. М.: Юридическая фирма КОНТРАКТ, 2014. Режим доступа: СПС «Гарант».

488. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / под ред. Л. П. Ануфриевой. М.: Волтерс Клувер, 2004. 656 с.

489. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья: учебно-практический комментарий / под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2011. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

490. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья: учебно-практический комментарий / под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2016. 384 с.

491. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. М.: Юристъ, 2002. 538 с.

492. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный научно-практический) / под ред. Ю. Ф. Беспалова. М.: Проспект, 2016. 240 с.

493. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. И. Нечаева (рук. авт. коллектива и науч. ред. – В. В. Ярков). М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 816 с.

494. *Кондратьева Е. М.* Конкуренция вещно-правового и обязательственного статуса внешнеэкономической сделки // Право. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 136-140.

495. *Кондратьева Е. М.* Свобода договора и «автономия воли сторон» как гарантии осуществления конституционных прав российских участников внешнеэкономической деятельности в международном частном праве // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: право. 2003. № 1. С. 33-44.

496. *Корецкий В. М.* К вопросу о разрешении трудовых конфликтов, возникающих на иностранных торговых судах // Вестник советской юстиции. 1928. № 10 (116). С. 299-303.

497. *Корецкий В. М.* Очерки международного хозяйственного права. Вып. 1. Харьков: ХИНХ, 1928. 134 с.

498. *Котова Л. В.* К вопросу о принципах международного частного права // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1. С. 688-694.

499. *Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П.* Международное частное право и сравнительное правоведение / пер. с нем. Ю. М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2003. 480 с.

500. *Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В.* Выдача и объем полномочия // Вестник ВАС РФ. 2011. № 1. С. 49-88.

501. *Кривенкова М. В.* Действие в чужом интересе без поручения международного характера: коллизионно-правовое регулирование // Международное публичное и частное право. 2015. № 6. С. 18-21.

502. *Кривенкова М. В.* Коллизионно-правовое регулирование действия в чужом интересе без поручения международного характера по российскому законодательству // Казанская наука. 2014. № 11. С. 171-173.

503. *Кривенький А. И.* Международное частное право: учебник. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2020. 288 с.

504. *Крылов С. Б.* Международное частное право: пособие к лекциям. М.: Прибой, 1930. 328 с.

505. *Кудашкин В. В.* Закономерности правового регулирования международных частных отношений при взаимодействии национальных правовых систем. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

506. *Кудашкин В. В.* К вопросу об иностранном элементе в гражданско-правовом отношении. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

507. *Кудашкин В. В.* Международные частные отношения в системе социально-экономических отношений в обществе // Журнал российского права. 2004. № 2. С. 87-94.

508. *Кудашкин В. В.* Правовое регулирование международных частных отношений. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 440 с.

509. *Кудашкин В. В.* Принцип тесной связи в международном частном праве. Специально для СПС «КонсультантПлюс», 2004.

510. *Кудашкин В. В.* Принцип тесной связи в международном частном праве: теория и практика // Законодательство и экономика. 2004. № 9. Режим доступа: СПС «Гарант».

511. *Кудряшов С. М.* Страницы истории: Николай Павлович Иванов (зарождение науки международного частного права в России) // Журнал международного частного права. 1994. № 4(6). С. 49-53.

512. *Кузнецов А. П.* Коллизии в праве: теоретическое исследование // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 190-195.

513. *Кузнецов М. Н.* Введение в международное частное право: теоретико-правовое исследование: монография. М.: РУДН, 2014. 288 с.

514. *Кузнецов М. Н.* Краткий курс лекций по МЧП для магистрантов, обучающихся на английском языке в РУДН: учебно-методическое пособие: в 2 ч. Ч. 1. М.: РУДН, 2019. 76 с.

515. *Кузнецов М. Н.* Международное частное право: Общая часть: лекции, прочитанные в Российском университете дружбы народов в 2004-2014 гг.: учебное пособие. М.: РУДН, 2015. 300 с.

516. *Кузнецов М. Н.* Международное частное право: признаки кризиса или признаки роста // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2012. № 2. С. 176-188.

517. *Кузнецов М. Н.* Некоторые теоретико-правовые аспекты конвергенции публичного и частного права // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2013. № 4. С. 101-110.

518. *Кузнецов М. Н.* Нормативный состав международного частного права // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2012. № 1. С. 121-124.

519. *Кузнецов М. Н.* Охрана результатов творческой деятельности в международном частном праве. М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1988. 180 с.

520. *Кузнецов М. Н.* Юристу о международном частном праве в цифровую эпоху: учебное пособие. М.: ФГБОУ ВО РГАИС, 2022. 132 с.

521. *Кузнецов М. Н.* Some Reflections on Scope, Functions and Goal of Contemporary Private International Law // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: сб. ст. / под ред. Е. Е. Фроловой, Е. П. Русаковой. М.: РУДН, 2021. С. 164-167.

522. *Кузнецов М. Н., Понька В. Ф.* Some Issues on Present Understanding of the Scope, Tasks and Aims of Private International Law // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: сб. ст. / под ред. Е. Е. Фроловой, Е. П. Русаковой. М.: РУДН, 2019. С. 131-138.

523. *Кузнецова К. А.* Оговорка о публичном порядке как общепризнанный принцип международного частного права // Современные наукоемкие инновационные технологии: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Самара, 25 мая 2018 г.). В 2 ч. Ч. 1. Уфа: АЭТЕРНА, 2018. С. 214-217.

524. *Куц С. О.* Соотношение коллизионных норм международных договоров и национального законодательства в регулировании договорных правоотношений с иностранным элементом (на примере Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности) // Северо-Кав-казский юридический вестник. 2022. № 3. С. 115-122.

525. *Лазарева Т. П.* Коллизионное регулирование возмещение вреда, причиненного недостатками товара, работы или услуги // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 46-54.

526. *Леанович Е. Б.* Международное частное право: учебное пособие. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. 189 с.

527. *Лебедев С. Н.* К пересмотру Гаагской конвенции 1955 г. // Лебедев С. Н. Избранные труды по международному коммерческому арбитражу, праву международной торговли, международному частному праву, частному морскому праву / сост. А. И. Муранов. М.: Статут, 2009. С. 577-587.

528. *Лебедев С. Н.* Морской арбитраж в СССР // Лебедев С. Н. Избранные труды по международному коммерческому арбитражу, праву международной торговли, международному частному праву, частному морскому праву / сост. А. И. Муранов. М.: Статут, 2009. С. 512-527.

529. *Лебедев С. Н.* О природе международного частного права // Лебедев С. Н. Избранные труды по международному коммерческому арбитражу, праву международной торговли, международному частному праву, частному морскому праву / сост. А. И. Муранов. М.: Статут, 2009. С. 556-574.

530. *Лебедев С. Н., Мартынов А. С.* Новая Гаагская конвенция о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров // Внешняя торговля. 1987. № 1. С. 42-46.

531. *Левитин А. Б.* К вопросу о предмете международного частного права // Правоведение. 1959. № 3. С. 95-101.

532. *Луниц Л. А.* Внешнеторговая купля-продажа. Коллизионные вопросы. М.: Юридическая литература, 1972. 104 с.

533. *Луниц Л. А.* Внешнеторговая купля-продажа. Нормы советского коллизионного права, относящиеся к контрактам по экспорту и импорту товаров // Советский ежегодник международного права. 1960. М.: Академия наук СССР, 1961. С. 261-277.

534. *Лунц Л. А.* Курс международного частного права: в 3 т. М.: Спарк, 2002. 1007 с.
535. *Лунц Л. А.* Курс международного частного права. Общая часть. М.: Госюриздат, 1959. 384 с.
536. *Лунц Л. А.* Курс международного частного права. Общая часть. М.: Юридическая литература, 1973. 384 с.
537. *Лунц Л. А.* Курс международного частного права. Особенная часть. М.: Юридическая литература, 1975. 504 с.
538. *Лунц Л. А.* Международное частное право: учебник. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1949. 368 с.
539. *Лунц Л. А.* Некоторые итоги развития советской доктрины международного частного права // Межвузовское научное совещание «Сорок лет советского государства и права и развитие правовой науки»: тезисы докладов. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1957. С. 36-39.
540. *Лунц Л. А.* Основные начала советского коллизионного права // Научная сессия, посвященная 20-летию существования Всесоюзного института юридических наук (1925-1945): тезисы докладов. М.: ВИЮН, 1946. С. 37-39.
541. *Лунц Л. А., Марышева Н. И., Садиков О. Н.* Международное частное право. М.: Юридическая литература, 1984. 336 с.
542. *Мажорина М. В.* Право на выбор неправа: как открыть ящик Пандоры с помощью *lex voluntatis* // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 12. С. 9-21.
543. *Мажорина М. В.* Трансграничные договорные обязательства: проблема правовой квалификации // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. № 2. С. 143-159.
544. *Мажорина М. В.* Тракты: проблемы правовой квалификации // *Законодательство*. 2016. № 8. Режим доступа: СПС «Гарант».
545. *Мажорина М. В.* Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // *Lex russica*. 2019. № 2. С. 107-120.
546. *Макаров А. Н.* Основные начала международного частного права. М.: Юрид. изд-во НКЮ, 1924. 151 с.
547. *Маковский А. Л.* Кодификация гражданского права и развитие отечественного международного частного права // Кодификация российского частного права 2015 / под ред. П. В. Крашенинникова. Статут, 2015. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
548. *Маковский А. Л.* О праве, применимом к совместным завещаниям и к наследственному договору // Кодификация российского частного права 2019 / под ред. Д. А. Медведева. М.: Статут, 2019. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
549. *Малкин О. Ю.* Правовое регулирование выбора права сторонами договора. М.: Издательство СГУ, 2008. 157 с.
550. *Мандельштам А. Н.* Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Т. I: Кодификация международного частного права. СПб.: Тип. А. Бенке, 1900. 275 с.
551. *Марченко М. Н.* Теория государства и права: учебник. М.: Проспект, 2016. 640 с.

552. *Марышева Н. И.* Современные тенденции коллизионного регулирования деликтных обязательств: Регламент ЕС 2007 г. «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» (Рим II) и российское законодательство // Журнал российского права. 2016. № 6. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

553. *Медведев И. Г.* Супружеская собственность: испытание трастом (вопросы коллизионного регулирования) // Закон. 2016. № 8. С. 35-47. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

554. *Мережко А. А.* Наука международного частного права: история и современность. Киев: Таксон, 2006. 356 с.

555. *Мещанова М. В.* Принцип «автономии воли сторон» в договорах международной купли-продажи товаров // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 23. Минск: БГУ, 2012. С. 1-11.

556. *Мещанова М. В.* Современные подходы к использованию принципа “*lex voluntatis*” в международных коммерческих контрактах // Свобода договора: сб. ст. / Серия «Анализ современного права». М.: Статут, 2016. С. 466-480.

557. *Мещанова М. В.* Современные подходы к определению применимого права в договорах международной купли-продажи товаров // Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск; 21-22 октября 2010 г.). Минск: Позитив-центр, 2010. С. 145-147.

558. *Мещанова М. В.* Теоретические основы выделения принципов международного частного права // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. Вып. 4. Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2019. С. 283-291.

559. Международное частное право: Лекции М. И. Бруна, читанные в 1908-9 акад. году // Золотой фонд российской науки международного права. Т. 2. М.: Международные отношения, 2009. С. 101-328.

560. Международное частное право: учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой. М.: Проспект, 2016. 680 с.

561. Международное частное право: учебник / под ред. Р. А. Курбанова, А. С. Лалетиной. М.: Проспект, 2015. 216 с.

562. Международное частное право: учебник / под ред. Н. И. Марышевой. М.: Волтерс Клувер, 2011. 928 с.

563. Международное частное право: учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. С. Н. Лебедева, Е. В. Кабатовой. М.: Статут, 2011. 400 с.

564. Международное частное право: учебник. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. С. Н. Лебедева, Е. В. Кабатовой. М.: Статут, 2015. 764 с.

565. Международное частное право: учебник. В 2 т. Т. 1 / под ред. Г. В. Петровой. М.: Юрайт, 2020. 396 с.

566. Международное частное право. Курс лекций: учебное пособие / под ред. К. К. Гасанова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. 359 с.

567. *Менглиев Ш. М.* Реализация принципа свободы договора в международном частном праве // Бизнес, менеджмент и право. 2014. № 2. С. 128-134.

568. Михайлов С. В., Фатхи В. И. К вопросу о применении оговорки о публичном порядке в судебной практике // Юрист-Правоведъ. 2021. № 2 (97). С. 16-20.

569. Монастырский Ю. Э. Принципы и основные начала в российском гражданском праве и законодательстве // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 9. № 4. С. 66-100.

570. Монастырский Ю. Э. «Святость договора» – историческое и фундаментальное начало континентального гражданского права // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 1. С. 46.

571. Монастырский Ю. Э. Lex loci arbitri в российской законодательной концепции альтернативного разрешения споров // Третейский суд. 2023. № 1-2. Режим доступа: СПС «Гарант».

572. Морачковский О. В. О системе принципов в международном частном праве // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2019. Т. 5. № 1. С. 409-414.

573. Морачковский О. В. Роль принципов в регулировании международного частного права // Развитие юридической науки в контексте евразийской интеграции: сб. науч. ст. по итогам работы международного круглого стола (г. Донецк, 22 ноября 2018 г.). Донецк: ДонНУ, 2018. С. 22-25.

574. Морева Р. Б. Понятие общих принципов международного частного права // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2007. № 2. С. 62-73.

575. Муранов А. И. Российское валютное право: регулирование статуса и деятельности адвокатов. М.: Статут, 2006. 536 с.

576. Муратова О. В. К вопросу о квалификации преддоговорных отношений в международном коммерческом обороте // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 115-123.

577. Муратова О. В. Коллизионное регулирование обязательств из недобросовестного ведения переговоров о заключении договора в России и ЕС // Журнал российского права. 2016. № 5. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

578. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М.: Юрайт, 2020. 170 с.

579. Мухтарова А. Р. Международное частное право: учебно-методическое пособие. М.: Русайнс, 2016. 72 с.

580. Мюллерсон Р. А. Коллизионные и отсылочные нормы в регулировании международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1983. № 5. С. 45-54.

581. Мюллерсон Р. А. Соотношение международного и национального права. М.: Международные отношения, 1982. 136 с.

582. Нешатаева Т. Н. Европейская конвенция по правам человека и интеграция интеграций: пути преодоления фрагментации международного права // Международное правосудие. 2015. № 4. С. 3-10. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

583. *Нешатаева Т. Н.* К вопросу о правовых системах, регулирующих международные отношения // Российский ежегодник международного права. 1993-1994. СПб.: Россия-Нева, 1995. С. 47-63.

584. *Нешатаева Т. Н.* Международное частное право и международный гражданский процесс: учебный курс в трех частях. М.: Городец, 2004. 624 с.

585. *Нешатаева Т. Н.* Международные коммерческие сделки: правовое регулирование и судебная практика // Арбитражная практика. 2002. № 5. С. 80-95.

586. *Никифоров А. В.* Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: РИОР, ИНФРА-М, 2013. 583 с.

587. *Новицкий И. Б., Луиц Л. А.* Общее учение об обязательстве. М.: Госюриздат, 1950. 416 с.

588. *Нольде Б. Э.* Очерк международного частного права // Золотой фонд российской науки международного права. Т. 4. М.: Международные отношения, 2013. С. 317-413.

589. *Нерсесянц В. С.* Философия права: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 848 с.

590. *Ойгензихт В. А.* Воля и волеизъявление (Очерки теории, философии и психологии права) / под. ред. С. А. Раджабова. Душанбе: Дониш, 1983. 256 с.

591. *Оксютчик Н. В.* Принцип применения негосударственных форм регулирования правоотношений в международном частном праве // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2019. Т. 9. № 2. С. 123-133.

592. *Осипов М. Ю.* Коллизии в праве и причины их возникновения // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 244-249.

593. Основы теории государства и права: учебное пособие / под ред. С. С. Алексеева. М.: Юридическая литература, 1969. 384 с.

594. *Осояну Н. Г.* Коллизионный принцип *lex rei sitae* как основа регулирования правоотношений собственности в международном частном праве Российской Федерации и Республики Молдова // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1. С. 703-709.

595. *Пелипенко А. А.* Логоцентризм и логоцентризм (начало) // Культура культуры. 2015. № 4 (8). URL: <http://cult-cult.ru/logocentrism-and-logocentrics-part-1/> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

596. *Перетерский И. С.* Очерки международного частного права Р.С.Ф.С.Р. М.: Госиздат, 1924. 141 с.

597. *Перетерский И. С.* Система международного частного права // Советское государство и право. 1946. № 8-9. С. 17-30.

598. *Перетерский И. С., Крылов С. Б.* Международное частное право: учебник. М.: Юридиздат НКЮ СССР, 1940. 208 с.

599. *Покровская А. Б.* Соглашение о праве, применимом к гражданско-правовым сделкам, осложненным иностранным элементом // Актуальные проблемы гражданского права: сб. ст. Вып. 5 / под ред. В. В. Витрянского. М.: Статут, 2002. С. 340-389.

600. *Политова И. П.* Воля и волеизъявление. М.: Проспект, 2016. 112 с.

601. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2018. 1054 с.
602. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2012. 636 с.
603. Правовое регулирование внешней торговли СССР / под ред. Д. М. Генкина. М.: Внешторгиздат, 1961. 514 с.
604. Проблемы унификации международного частного права / под ред. А. Л. Маковского, И. О. Хлестовой. ИЗиСП, 2013. Режим доступа: СПС «Гарант».
605. *Прибыткова М. В.* Личное страхование одного из супругов в свете раздела супружеского имущества (часть вторая) // Российская юстиция. 2025. № 4. С. 26-39.
606. *Раане Л.* Международное частное право / пер. с нем. А. М. Гурвича; под ред. и с предисл. Л. А. Лунца. М.: Издательство, 1960. 608 с.
607. *Раевич С. И.* Международное частное право / под ред. Е. Пашуканиса. М.: Госиздат, 1934. 272 с.
608. *Раевич С. И.* Международное частное право как орудие подготовки интервенции против СССР // Советское государство. 1932. № 4. С. 189-197.
609. *Рамзайцев Д. Ф.* Внешнеторговый арбитраж в СССР. М.: Госюриздат, 1952. 144 с.
610. *Рамзайцев Д. Ф.* Вопросы международного частного права в практике Внешнеторговой арбитражной комиссии // Секция права Торгово-промышленной палаты СССР: сб. информационных материалов. Вып. 26. М., 1973. С. 6-34.
611. *Рамзайцев Д. Ф.* Договор купли-продажи во внешней торговле СССР. М.: Внешторгиздат, 1961. 184 с.
612. *Рамзайцев Д. Ф.* Практика Внешнеторговой арбитражной комиссии по вопросам международного частного права // Материалы секции права Торгово-промышленной палаты СССР. Вып. 29 / под ред. С. Н. Братуся, В. С. Позднякова, Е. Т. Усенко, А. И. Шпекторова. М., 1976. С. 3-17.
613. *Рамзайцев Д. Ф.* Применение международного частного права в решениях Внешнеторговой арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате (Информационный обзор) // Секция права Всесоюзной торговой палаты: сб. информационных материалов. Вып. 23 / под ред. С. Н. Братуся, Е. Т. Усенко, А. И. Шпекторова. М.: Международные отношения, 1970. С. 3-20.
614. *Рамзайцев Д. Ф.* Применение норм права в практике Внешнеторговой арбитражной комиссии // Секция права Всесоюзной торговой палаты: сб. информационных материалов. Вып. II. М., 1955. С. 3-15.
615. *Рассказов Л. П.* Романо-германская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники // Юрист-Правовед. 2014. № 5 (66). С. 12-16.
616. *Рождественский А. А.* Два этюда. М.: Печатня А. Снегиревой, 1916. 32 с.
617. *Розенберг М. Г.* К вопросу о толковании условий договора в практике МКАС // Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения: сб. ст. к 80-летию МКАС при ТПП РФ / под ред. А. А. Костина. М.: Статут, 2012. С. 320-342.

618. *Розенберг М. Г.* Международное регулирование поставок в рамках СЭВ. М.: Международные отношения, 1989. 280 с.

619. *Розенберг М. Г.* Международный договор и иностранное право в практике Международного коммерческого арбитражного суда. М.: Статут, 2000. 304 с.

620. *Розенберг М. Г.* Сфера действия Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров и соглашение сторон договора о применимом праве (из практики МКАС) // Международный коммерческий арбитраж. 2004. № 1. С. 46-55.

621. *Романенкова Е. Н.* Международное частное право. Краткий курс: учебное пособие. М.: Проспект, 2015. 128 с.

622. *Рубанов А. А.* «Автономия воли» в международном частном праве как теоретическая проблема // Советский ежегодник международного права. 1986. М.: Наука, 1987. С. 214-228.

623. *Рубанов А. А.* Вопросы теории правоотношения в международном частном праве // XXVI съезд КПСС и проблемы гражданского и трудового права, гражданского процесса. М.: Изд-во ИГП АН СССР, 1982. С. 86-94.

624. *Рубанов А. А.* Имущественные отношения в международном частном праве // Правоведение. 1982. № 6. С. 28-33.

625. *Рубанов А. А.* Принцип автономии воли // Международное частное право. Современные проблемы: в 2-х кн. Кн. 1 / под ред. М. М. Богуславского. М.: Наука, 1993. С. 165-181.

626. *Рубанов А. А.* Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем / под ред. В. П. Мозолина. М.: Наука, 1984. 159 с.

627. *Русакова Е. П., Фролова Е. Е.* Digital disputes in the new legal reality // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. Т. 26. № 3. С. 695-704.

628. *Сагатовский В. Н.* Системная деятельность и ее философское осмысление // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1980. М.: Наука, 1981. С. 52-68.

629. *Садиков О. Н.* Достоинства и недочеты нужной книги // Журнал российского права. 1998. № 4-5. С. 292-295.

630. *Саенко Л. В.* Единообразие судебной практики по делам с участием иностранного элемента в сфере защиты семейных прав сквозь призму правовой культуры // Правовая культура. 2016. № 4 (27). С. 104-110.

631. *Синицын С. А., Дьяконова М. О.* Смарт-контракты: результат развития технологий или новый институт гражданского права и процесса? // Законодательство. 2020. № 9. Режим доступа: СПС «Гарант».

632. *Симатова Е. Л.* Автономия воли в российском международном частном праве: история, современность, перспективы // Наука сегодня: теория, практика, инновации: коллективная монография / под ред. О. П. Чигишевой. Ростов-на-Дону: Изд-во МИЦ «Научное сотрудничество», 2013. С. 161-182.

633. *Симатова Е. Л.* Проект Гаагских принципов выбора права в международных коммерческих договорах как отражение тенденции расширения сферы действия принципа автономии воли сторон в международном частном

праве // Актуальные проблемы развития гражданского права и процесса на современном этапе: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Герасимова. Краснодар: КрУ МВД России, 2015. С. 234-238.

634. *Соболев И. Д.* Основополагающие начала и принципы международного частного права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 2. С. 44-51.

635. Советское гражданское право: учебник. Т. I / под ред. Д. М. Генкина. М.: Госюриздат, 1950. 496 с.

636. Современное международное частное право в России и Евросоюзе / под ред. М. М. Богуславского, А. Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. М.: Норма, 2013. 656 с.

637. *Сталин И. В.* О диалектическом и историческом материализме // Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. М.: Писатель, 1997. С. 253-282.

638. *Стражева В. В.* К вопросу о принципах международного частного права // Эпомен. 2018. № 20. С. 174-181.

639. *Стригунова Д. П.* Международное частное право: учебник. М.: КноРус, 2023. 565 с.

640. *Стригунова Д. П.* Основные направления коллизионного регулирования международных коммерческих договоров // Современное право. 2017. № 3. С. 126-132. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

641. *Стригунова Д. П.* Основные проблемы соглашения о выборе права, применимого к международному коммерческому договору // Современное право. 2016. № 9. С. 136-140.

642. *Стригунова Д. П.* Правовое регулирование международных коммерческих договоров. В 2 т. Т. 2. Юстицинформ, 2018. Режим доступа: СПС «Гарант».

643. *Стригунова Д. П.* Проблема установления подразумеваемого выбора права, применимого к международному коммерческому договору // Право и экономика. 2018. № 7. С. 59-63. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

644. *Стригунова Д. П.* Проблемы применения принципа автономии воли сторон в правовом регулировании международных коммерческих договоров. М.: Русайнс, 2024. 142 с.

645. *Стригунова Д. П.* Реализация принципа автономии воли сторон в международных коммерческих договорах // Современное право. 2014. № 4. С. 153-158.

646. *Стригунова Д. П., Эриашвили Н. Д.* О праве, применимом к трудовому договору с иностранцем // Государственная служба и кадры. 2022. № 2. С. 135-139.

647. *Строгович М. С.* Логика: учебное пособие. М.: Госполитиздат, 1949. 362 с.

648. *Сурмин Ю. П.* Теория систем и системный анализ: учебное пособие. К.: МАУП, 2003. 368 с.

649. Теория государства и права: учебник / под ред. А. И. Королева, Л. С. Явича. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 552 с.

650. Толочко О. Н. Принципы международного частного права // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2001. № 2. С. 24-28.
651. Толстых В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 526 с.
652. Тункин Г. И. Теория международного права. М.: Международные отношения, 1970. 511 с.
653. Унификация и гармонизация в международном частном праве: Вопросы теории и практики / под ред. Г. К. Дмитриевой, М. В. Мажориной. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 208 с.
654. Уруков В. Н. Теория воли и волеизъявления в гражданском праве. М.: Юстицинформ, 2019. 620 с.
655. Усоскин С. В., Сереброва Д. А. Новый Арбитражный Регламент ЮНСИТРАЛ // Третейский суд. 2010. № 6. С. 47-57.
656. Филатова У. Б. Принципы международного частного права // ГлаголЪ правосудия. 2010. № 1. С. 80-84.
657. Филатова У. Б. Система принципов международного частного права // Евразийский юридический журнал. 2010. № 10. С. 72-75.
658. Филатова У. Б. Формирование принципов международного частного права – шаг к преодолению глобального экономического кризиса // Экономический кризис и возможные пути его преодоления: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 22-24 марта 2010 г.) / под ред. В. И. Самарухи, Ж.-П. Ги-шара. Иркутск: Изд-во БГУ, 2010. С. 213-221.
659. Филиппов А. Г. Некоторые аспекты автономии воли в российском международном частном праве // Актуальные вопросы гражданского права / под ред. М. И. Брагинского. М.: Статут, 1998. С. 422-461.
660. Ходыкин Р. М. История и развитие концепции наиболее тесной связи в международном частном праве // Право и международные экономические отношения: сб. ст. / под ред. Н. Г. Дорониной. М.: Юристъ, 2005. С. 72-84.
661. Ходыкин Р. М. Новое в регулировании договорных обязательств в аспекте международного частного права // Вестник ВАС РФ. 2003. № 10. С. 145-156.
662. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2 т. Т. I. Основы. М.: Международные отношения, 2000. 480 с.
663. Целищенко Ю. В., Погожева О. В. Принцип взаимности в международном частном праве // Актуальные проблемы конституционного и международного права: материалы Второй ежегодной конф. (г. Ставрополь, 05-08 декабря 2017 г.). Ставрополь: Параграф, 2018. С. 174-177.
664. Челпанов Г. И. Учебник логики. М.: Госполитиздат, 1946. 160 с.
665. Чешир Дж., Норт П. Международное частное право / пер. с англ. С. Н. Андрианова, под ред. М. М. Богуславского. М.: Прогресс, 1982. 496 с.
666. Шония А. О. Коллизионно-правовое регулирование трансграничных корреспондентских отношений коммерческих банков // Банковское право. 2014. № 2. С. 54-60. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

667. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / пер. с нем. Ю. Айхенвальда. М.: АСТ, 2020. 672 с.
668. Эрделевский А. М. Толкование договора // Российская юстиция. 1999. № 4. Режим доступа: СПС «Гарант».
669. Яблочков Т. М. Курс международного гражданского процессуального права // Золотой фонд российской науки международного права. Т. 2. М.: Международные отношения, 2009. С. 329-460.
670. Ярков В. В. Киевское соглашение или Минская конвенция: проблемы соотношения при признании и приведении в исполнение решений судов государств СНГ по экономическим спорам // Закон. 2007. № 11. Режим доступа: СПС «Гарант».
671. Abia Mayss, *Principles of Conflict of Laws*, 3rd ed. (London, Sydney: Cavendish Publishing Limited, 1999) 464 p.
672. Adam Gearey, Wayne Morrison & Robert Jago, *The Politics of the Common Law: Perspectives, Rights, Processes, Institutions*, 2nd ed. (Abingdon: Routledge, 2013) 376 p.
673. Adam Sanitt, "Impact of Brexit on Choice of Law, Jurisdiction and Enforcement" (2021) – Norton Rose Fulbright. URL: <https://www.nortonrosefulbright.com/en-gb/knowledge/publications/a6ec9370/impact-of-brexit-on-choice-of-law-jurisdiction-and-enforcement> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).
674. Adrian Briggs, *The Conflict of Laws*, 3rd ed. (Oxford: Oxford University Press – Clarendon Law Series, 2013) 393 p.
675. Afroza Bilkis, "Determining Proper Law and Jurisdiction in International Commercial Disputes: Efficacy of Conflict of Laws Principles" (2016) *IOSR Journal of Humanities and Social Science*, Vol. 21 (2), Ver. VIII at 11-21.
676. Albert Richard Hassard, *Private International Law (Westlake Digested)* (Toronto: The Coodwin Company, 1899) 65 p.
677. Alex Mills, *Party Autonomy in Private International Law* (Cambridge: Cambridge University Press, 2018) 592 p.
678. Alice M. Vickers, "The Choice of Law Clause in Contracts between Parties of Developing and Developed Nations" (1981) *Georgia Journal of International and Comparative Law*, Vol. 11 (3) at 617-634.
679. Ana Delić, "The Birth of Modern Private International Law: The Treaties of Montevideo (1889, amended 1940)". URL: <https://opil.ouplaw.com/page/Treaties-Montevideo/the-birth-of-modern-private-international-law-the-treaties-of-montevideo-1889-amended-1940> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).
680. Andreas Zimmermann, Christian Tomuschat, Karin Oellers-Frahm, Christian J. Tams (eds), *The Statute of the International Court of Justice: A Commentary*, 2nd ed. (Oxford: Oxford University Press, 2012) 2 016 p.
681. Anthony J. E. Jaffey, "The English Proper Law Doctrine and the EEC Convention" (1984) *The International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 33 (3) at 531-557.
682. Antonio Boggiano, "The Contribution of the Hague Conference to the Development of Private International Law in Latin America" (1992) in *Collected*

Courses of the Hague Academy of International Law, Vol. 233 (Martinus Nijhoff Publishers, 1993) at 99-266.

683. Arthur K. Kuhn, *Comparative Commentaries on Private International Law, or Conflict of Laws* (New York: The Macmillan Company, 1937) 381 p.

684. Brainerd Currie, "Married Women's Contracts: A Study in Conflict-of-Laws Method" (1958) *The University of Chicago Law Review*, Vol. 25 (2) at 227-268.

685. Brainerd Currie, "Notes on Methods and Objectives in the Conflict of Laws" (1959) *Duke Law Journal*, Vol. 1959 (2) at 171-181.

686. Brainerd Currie, *Selected Essays on the Conflict of Laws* (Durham: Duke University Press, 1963) at 761 p.

687. Brainerd Currie, "The Verdict of Quiescent Years: Mr. Hill and the Conflict of Laws" (1961) *The University of Chicago Law Review*, Vol. 28 at 258-295.

688. Brooke Adele Marshall, "Reconsidering the Proper Law of the Contract" (2012) *Melbourne Journal of International Law*, Vol. 13 at 1-35.

689. Carlo Focarelli, *International Law* (Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019) 800 p.

690. Clive Parry, *The Sources and Evidences of International Law* (Manchester: Manchester University Press, 1965) 130 p.

691. David F. Cavers, "Contemporary Conflicts Law in American Perspective" in *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, Vol. 131, 1970-III (Leyde: A. W. Sijthoff, 1971) at 75-308.

692. Emad Mohammad Al Amaren & Rachma Indriyani, "Appraising the Law of Wills in a Contract" (2019) *Hang Tuah Law Journal*, Vol. 3 (1) at 46-58.

693. Ernest G. Lorenzen, "Pan-American Code of Private International Law" (1930) *Tulane Law Review*, Vol. IV (4) at 499-528.

694. Erwin Spiro, "The Proper Law of the Contract and Renvoi: Further Comments on the *Amin Rasheed Shipping Case*" (1984) *The International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 33 (1) at 199-202.

695. Fabián O. Raimondo, *General Principles of Law in the Decisions of International Criminal Courts and Tribunals* (Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2008) 212 p.

696. Filip De Ly, "Sources of International Sales Law: An Eclectic Model" (2005) *Journal of Law and Commerce*, Vol. 25 (1) at 1-12.

697. Francis A. Gabor, "Emerging Unification of Conflict of Laws Rules Applicable to the International Sale of Goods: UNCITRAL and the New Hague Conference on Private International Law" (1986) *Northwestern Journal of International Law & Business*, Vol. 7 (4) at 696-726.

698. Franco Ferrari, *Contracts for the International Sale of Goods: Applicability and Applications of the 1980 United Nations Sales Convention* (Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2012) 283 p.

699. Franco Ferrari & Stefan Leible (eds), *Rome I Regulation: The Law Applicable to Contractual Obligations in Europe* (Munich: Sellier. European Law Publishers, 2009) 377 p.

700. Frank Vischer, “General Course on Private International Law” in *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, Vol. 232, 1992-I (Martinus Nijhoff Publishers, 1993) at 9-255.

701. Friedrich Carl von Savigny, *Private International Law. A Treatise on the Conflict of Laws, and the Limits of Their Operation in Respect of Place and Time*, translated, with notes, by William Guthrie (Edinburgh: T. & T. Clark, Law Publishers; London: Stevens & Sons, 1869) 387 p.

702. Fritz Enderlein & Dietrich Maskow, *International Sales Law: United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods, Convention on the Limitation Period in the International Sale of Goods: Commentary* (New York: Oceana Publications, 1992) 480 p.

703. Gábor Sulyok, “General Principles of Law and International Law-Making” in Charles Sampford, Spencer Zifcak, Derya Aydin Okur (eds), *Rethinking International Law and Justice* (Farnham: Ashgate, 2015) at 313-332.

704. Gabriël Moens & Peter Gillies, *International Trade and Business: Law, Policy and Ethics* (Abingdon: Cavendish Publishing, 2000) 819 p.

705. Gary Born & Cem Kalelioglu, “Choice-of-Law Agreements in International Contracts” (2021) *Georgia Journal of International and Comparative Law*, Vol. 50 at 44-118.

706. Gary J. Simson, “Choice of Law After the Currie Revolution: What Role for the Needs of the Interstate and International Systems?” (2012) *Mercer Law Review*, Vol. 63 at 715-749.

707. Geoffrey Ch. Cheshire, *Private International Law*, 5th ed. (London: Oxford University Press – Clarendon Press, 1957) 702 p.

708. Geoffrey Ch. Cheshire, *Private International Law*, 6th ed. (Oxford: Oxford University Press, 1961) 733 p.

709. Gerhard Dannemann & Stefan Vogenauer (eds), *The Common European Sales Law in Context: Interactions with English and German Law* (Croydon: Oxford University Press, 2013) 789 p.

710. Gerhard Kegel, Fundamental Approaches (Chapter 3) in Kurt Lipstein (ed), *Private International Law (Vol. III) of International Encyclopedia of Comparative Law* (Dordrecht; Boston; Lancaster: Martinus Nijhoff Publishers; Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1986) 42 p.

711. Giesela Rühl, “Choice of Law and Choice of Forum in the European Union: Recent Developments” (2009) in Christopher Hodges & Stefan Vogenauer (eds), *Civil Justice Systems in Europe: Implications for Choice of Forum and Choice of Contract Law* (Oxford: Hart Publishing, 2010). SSRN – URL: <https://ssrn.com/abstract=1604615> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

712. Giesela Rühl, “Party Autonomy in the Private International Law of Contracts: Transatlantic Convergence and Economic Efficiency” (2007) CLPE Research Paper 4/2007, Vol. 3 (1) at 1-41.

713. G.J.H. van Hoof, *Rethinking the Sources of International Law* (Deventer: Kluwer Law and Taxation Publishers, 1983) 322 p.

714. Gonzalo Parra-Aranguren, "Recent Developments of Conflict of Laws Conventions in Latin America" in *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, Vol. 164 (Sijthoff & Noordhoff, 1980) at 55-170.
715. Guangjian Tu, "China's New Conflicts Code: General Issues and Selected Topics" (2011) *The American Journal of Comparative Law*, Vol. 59 (2) at 563-590.
716. Hans Kelsen, *Principles of International Law*, 2nd ed., revised and edited by Robert W. Tucker (New York: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1966) 602 p.
717. Hans van Loon, "The Hague Conference on Private International Law" (2007) *Hague Justice Journal*, Vol. 2 (2) at 3-12.
718. Henning Lutz, "The Cismg and Common Law Courts: Is There Really a Problem" (2004) *Victoria University of Wellington Law Review*, Vol. 35 at 711-733.
719. Hugh Beale (ed), *Chitty on Contracts, Vol. I (General Principles)*, 31st ed. (Sweet & Maxwell, Thomson Reuters, 2012) 2480 p.
720. Ingrid M. Farquharson, "Choice of Forum Clauses – A Brief Survey of Anglo-American Law" (1974) *International Lawyer*, Vol. 8 (1) at 83-102.
721. J. G. Collier, *Conflict of Laws*, 3rd ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 2001) 460 p.
722. James Fawcett & Janeen M. Carruthers, *Cheshire, North & Fawcett Private International Law*, 14th ed. (New York: Oxford University Press, 2008) 1326 p.
723. James R. Ratner, "Using Currie's Interest Analysis to Resolve Conflicts Between State Regulation and the Sherman Act" (1989) *William and Mary Law Review*, Vol. 30 (4) at 705-786.
724. Johan G. Lammers, "General Principles of Law Recognized by Civilized Nations" in Frits Kalshoven (ed), *Essays on the Development of the International Legal Order* (Alphen aan den Rijn, Rockville: Sijthoff & Noordhoff, 1980) at 53-76.
725. John O'Brien, *Conflict of Laws*, 2nd ed. (London, Sydney: Cavendish Publishing Limited, 1999) 652 p.
726. John Prebble, "Choice of Law to Determine the Validity and Effect of Contracts: a Comparison of English and American Approaches to the Conflict of Laws" (1973) *Cornell Law Review*, Vol. 58 (4) at 635-732.
727. John W. Dwyer, *Leading Cases on Private International Law*, 2nd ed. (Chicago: Callaghan & Company, 1904) 626 p.
728. John Westlake, *A Treatise on Private International Law with Principal Reference to its Practice in England*, 3rd ed. (London: Sweet and Maxwell, 1890) 382 p.
729. John Westlake, *A Treatise on Private International Law with Principal Reference to its Practice in England*, 5th ed., assisted by Alfred F. Topham (London: Sweet and Maxwell, 1912) 470 p.
730. John Westlake, *A Treatise on Private International Law with Principal Reference to its Practice in England*, 6th ed., by Norman Bentwich (London: Sweet and Maxwell, 1922) 454 p.
731. Joseph H. Beale, *A Treatise on the Conflict of Laws or Private International Law*, Volume I – Part I (Cambridge: Harvard University Press, 1916) 278 p.
732. Joseph Story, *Conflict of Laws, Foreign and Domestic, in regard to Contracts, Rights and Remedies, and especially in regard to Marriages, Divorces, Wills,*

Successions, and Judgements, 3rd ed. (Boston: Charles C. Little and James Brown; London: A. Maxwell and Son, 1846) 1068 p.

733. Julian D. M. Lew, “The Law Applicable to the Form and Substance of the Arbitration Clause” in Albert Jan van den Berg (ed), *Improving the Efficiency of Arbitration Agreements and Awards: 40 Years of Application of the New York Convention* (Kluwer Law International, 1999) at 114-145.

734. Kermit Roosevelt III, “Brainerd Currie’s Contribution to Choice of Law: Looking Back, Looking Forward” (2014) *Mercer Law Review*, Vol. 65 at 501-520.

735. Kevin Tuininga, “Cuban Private International Law: Some Observations, Comparisons, and Suppositions” (2009) *University of Miami Inter-American Law Review*, Vol. 40 (3) at 433-452.

736. Kurt H. Nadelmann, “The Uniform Law on the International Sale of Goods: A Conflict of Laws Imbroglio” (1965) *Yale Law Journal*, Vol. 74 (3) at 449-464.

737. Larry Kramer, “More Notes on Methods and Objectives in the Conflict of Laws” (1991) *Cornell International Law Journal*, Vol. 24 (2) at 245-278.

738. Lassa F. L. Oppenheim, *International Law: A Treatise, Vol. I – Peace*, 8th ed., edited by Hersch Lauterpacht (London: Longmans, Green and Co., 1955) 1 072 p.

739. Laura E. Little, *Conflict of Laws: Cases, Materials, and Problems* (New York: Wolters Kluwer Law & Business, 2013) 1056 p.

740. Lea Brilmayer, Jack Goldsmith, Erin O’Hara O’Connor, Carlos M. Vázquez, *Conflict of Laws: Cases and Materials*, 8th ed. (Wolters Kluwer – Aspen Casebook Series, 2020) 920 p.

741. Lea Brilmayer & Raechel Anglin, “Choice of Law Theory and the Metaphysics of the Stand-Alone Trigger” (2010) *Iowa Law Review*, Vol. 95 at 1125-1178.

742. Linda Silberman, “Two Examples of the Counter-Revolution in U.S. Private International Law (Torts and Party Autonomy in Contracts) – From Standards to Rules” (2024) NYU Public Law Research Paper No. 24-38. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4911931 (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

743. Linda Silberman & Franco Ferrari, “Getting to the Law applicable to the Merits in International Arbitration and the Consequences of Getting it Wrong” (2010) NYU Law & Economics Research Paper No. 10-40. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1674605 (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

744. L. J. Blom-Cooper, “Decisions” (1954) *International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 3 (2) at 356-359.

745. Ludwig von Bar, *The Theory and Practice of Private International Law*, 2nd ed., translated by George R. Gillespie (Edinburgh: William Green & Sons Law Publishers, 1892) 1163 p.

746. Maebh Harding, *Conflict of Laws*, 5th ed. (London, New York: Routledge – Taylor & Francis Group, 2014) 312 p.

747. María M. Albornoz, “Choice of Law in International Contracts in Latin American Legal Systems”. URL: https://www.academia.edu/1799169/Choice_of_Law_in_International_Contracts_in_Latin_American_Legal_Systems (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

748. Marie-Elodie Ancel, "The Rome I Regulation and Distribution Contracts" (2008) *Yearbook of Private International Law*, Vol. X at 221-232.
749. Mary Keyes, "Optional Choice of Court Agreements in Private International Law: General Report" in Mary Keyes (ed), *Optional Choice of Court Agreements in Private International Law. Ius Comparatum – Global Studies in Comparative Law. Vol. 37* (Cham: Springer, 2020) at 3-48.
750. Martin Wolff, *Private International Law*, 2nd ed. (London: Oxford University Press – Clarendon Press, 1950) 632 p.
751. Maureen T. Murphy, "United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods: Creating Uniformity in International Sales Law" (1988) *Fordham International Law Journal*, Vol. 12 (4) at 727-750.
752. Mo Zhang, "Codified Choice of Law in China: Rules, Processes and Theoretic Underpinnings" (2011) *North Carolina Journal of International Law*, Vol. 37 (1) at 83-157.
753. Monique Sasson, "Public Policy in International Commercial Arbitration" (2022) *Journal of International Arbitration*, Vol. 39 (3) at 411-432.
754. M.S. Rawat, "International Commercial Arbitration and Transnational Public Policy" (2007) *Journal of the Indian Law Institute*, Vol. 49 (1) at 60-75.
755. Ole Lando, "The 1955 and 1985 Hague Conventions on the Law Applicable to the International Sale of Goods" (1993) *The Rabel Journal of Comparative and International Private Law*, Vol. 57 (1/2 Hundert Jahre Haager Konferenz 1893-1993) at 155-174.
756. Ole Lando, "The 1985 Hague Convention on the Law Applicable to Sales" (1987) *The Rabel Journal of Comparative and International Private Law*, Vol. 51 (1/2) at 60-85.
757. Ole Lando, "The Conflict of Laws of Contracts. General Principles (General Course on Private International Law – 1985)" in *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, Vol. 189, 1984-VI (Dordrecht; Boston; London: Martinus Nijhoff Publishers, 1988) at 225-448.
758. Ole Lando, "The Law Applicable to the Merits of the Dispute" in Petar Šarčević (ed), *Essays on International Commercial Arbitration* (London; Dordrecht; Boston: Graham & Trotman / Martinus Nijhoff, 1991) at 129-159.
759. P. M. North, "Contract as a Tort Defence in the Conflict of Laws" in *Contemporary Problems in the Conflict of Laws: Essays in Honour of John Humphrey Carlile Morris* (Leyden / Boston: A. W. Sijthoff, 1978) at 214-231.
760. Perry Dane, "Party Autonomy and the Challenge of Choice of Law" in Roxana Banu, Michael S. Green & Ralf Michaels (eds), *Philosophical Foundations of Conflict of Laws* (Oxford University Press, 2023) – SSRN. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4203960 (дата обращения: 01 августа 2025 г.).
761. Peter Hay, Patrick J. Borchers, Symeon C. Symeonides, Christopher A. Whytock, *Conflict of Laws*, 6th ed. (St. Paul: West Academic Publishing – Hornbook Series, 2018) 1616 p.
762. Peter Hay & Wolfram Müller-Freienfels, "Agency in the Conflict of Laws and the 1978 Hague Convention" (1979) *The American Journal of Comparative Law*, Vol. 27 (1) at 1-49.

763. Peter Kincaid, "Rationalising Contract Choice of Law Rules" (1993) *Otago Law Review*, Vol. 8 (1) at 93-124.
764. Peter Nygh, *Autonomy in International Contracts* (New York: Oxford University Press – Clarendon Press, 1999) 320 p.
765. Peter Schlechtriem, "Requirements of Application and Sphere of Applicability of the CISG" (2005) *Victoria University of Wellington Law Review*, Vol. 36 – URL: <http://www.nzlii.org/nz/journals/VUWLawRw/2005/36.html> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).
766. Peter Stone, *EU Private International Law*, 2nd ed. (Cheltenham, Northampton: Elgar European Law – Edward Elgar, 2010) 562 p.
767. Peter Winship, "Private International Law and the U.N. Sales Convention" (1988) *Cornell International Law Journal*, Vol. 21 (3 Symposium 1988) at 487-533.
768. Petra Minnerop, Rüdiger Wolfrum, Frauke Lachenmann (eds), *International Development Law: The Max Planck Encyclopedia of Public International Law* (New York: Oxford University Press, 2019) 992 p.
769. Pippa Rogerson, *Collier's Conflict of Laws*, 4th ed. (New York: Cambridge University Press, 2013) 454 p.
770. Qingjiang Kong & Hu Minfei, "The Chinese Practice of Private International Law" (2002) *Melbourne Journal of International Law*, Vol. 3 at 414-435.
771. Qingkun Xu, "The Codification of Conflicts Law in China: A Long Way to Go" (2017) *The American Journal of Comparative Law*, Vol. 65 (4) at 919-962.
772. Raleigh C. Minor, *Conflict of Laws; or, Private International Law* (Boston: Little, Brown, and Company, 1901) 639 p.
773. Robert Johnston, "Party Autonomy in Contracts Specifying Foreign Law" (1966) *William and Mary Law Review*, Vol. 7 (1) at 37-60.
774. Robert A. Sedler, "The Governmental Interest Approach to Choice of Law: An Analysis and a Reformulation" (1977) *UCLA Law Review*, Vol. 25 at 181-243.
775. Russell J. Weintraub, *Commentary on the Conflict of Laws*, 2nd ed. (Mineola: The Foundation Press, Inc., 1980) 635 p.
776. Sagi Peari, *The Foundation of Choice of Law: Choice and Equality* (New York: Oxford University Press, 2018) 304 p.
777. Saloni Khanderia & Sagi Peari, "Party Autonomy in the Choice of Law under Indian and Australian Private International Law: Some Reciprocal Lessons" (2020) *Commonwealth Law Bulletin*, Vol. 46 (4) at 711-740.
778. Sir Robert Phillimore, *Commentaries upon International Law, Vol. IV (Private International Law or Comity)*, 2nd ed. (London: Butterworths; Dublin: Hodges, Foster & Co., 1874) 837 p.
779. Symeon C. Symeonides, *American Private International Law* (Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2008) 368 p.
780. Symeon C. Symeonides, *Codifying Choice of Law Around the World: An International Comparative Analysis* (New York: Oxford University Press, 2014) 411 p.
781. Symeon C. Symeonides, "Party Autonomy in International Contracts and the Multiple Ways of Slicing the Apple" (2014) *Brooklyn Journal of International Law*, Vol. 39 (3) at 1123-1143.

782. Symeon C. Symeonides, "Party Autonomy in Rome I and II from a Comparative Perspective" in Katharina Boele-Woelki, Talia Einhorn, Daniel Girsberger, Symeon Symeonides (eds), *Convergence and Divergence in Private International Law – Liber Amicorum Kurt Siehr* (Eleven International Publishing, 2010) at 513-550.

783. Symeon C. Symeonides, "The American Choice-of-Law Revolution in the Courts: Today and Tomorrow" in *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, Vol. 298, 2002 (Leiden / Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2003) at 9-448.

784. Symeon C. Symeonides, "The Choice of Law Revolution Fifty Years After Currie: An End and A Beginning" (2015) *University of Illinois Law Review*, Vol. 2015 (5) at 1847-1921.

785. Symeon C. Symeonides, "The Hague Principles on Choice of Law for International Contracts: Some Preliminary Comments" (2013) *The American Journal of Comparative Law*, Vol. 61 (4) at 873-899.

786. Tatiana de Maekelt, "Inter-American Codification of Private International Law" in *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, Vol. 177, General Rules of Private International Law in the Americas: New Approach (Brill & Nijhoff, 1982) at 221-237.

787. Vladimir D. Degan, *Sources of International Law* (Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1997) 564 p.

788. Volker Behr, "Rome I Regulation a-Mostly-Unified Private International Law of Contractual Relationships within-Most-of the European Union" (2011) *Journal of Law and Commerce*, Vol. 29 at 233-272.

789. William E. Syke, "Agreements in Advance Conferring Exclusive Jurisdiction on Foreign Courts" (1950) *Louisiana Law Review*, Vol. 10 (3) at 293-302.

790. William M. Richman & David Riley, "The First Restatement of Conflict of Laws on the Twenty-Fifth Anniversary of Its Successor: Contemporary Practice in Traditional Courts" (1997) *Maryland Law Review*, Vol. 56 (4) at 1196-1231.

791. William P. Graham, D. Alan Redfern, Gerald Aksen, Donald S. Macdonald, "International Commercial Arbitration and International Public Policy" (1987) *Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law)*, Vol. 81 at 372-381.

792. Zhengxin Huo, "An Imperfect Improvement: The New Conflict of Laws Act of the People's Republic of China" (2011) *The International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 60 (4) at 1065-1093.

793. Zhengxin Huo, "Highlights of China's New Private International Law Act: From the Perspective of Comparative Law" (2011) *Revue Juridique Thémis*, Vol. 45 at 637-684.

794. Dominique Holleaux, Jacques Foyer, Géraud de Geouffre de La Pradelle, *Droit International Privé* (Paris: Masson, 1987) 667 p.

795. Ferenc Majoros, *Le Droit International Privé*, 3me éd. (Paris: Presses Universitaires de France, 1990) 127 p.

Диссертации и авторефераты диссертаций

796. *Акимова Ю. М.* Принципы международного частного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 210 с.
797. *Антонова Е. И.* Договорные обязательства с участием иностранных субъектов: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 198 с.
798. *Ануфриева Л. П.* Соотношение международного публичного и международного частного права (сравнительное исследование правовых категорий): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 632 с.
799. *Асланян Н. П.* Основные начала российского частного права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 365 с.
800. *Асосков А. В.* Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 545 с.
801. *Банковский А. В.* Деликтные обязательства в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 154 с.
802. *Буланов В. В.* Категория наиболее тесной связи в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 143 с.
803. *Вилкова Н. Г.* Международные коммерческие контракты: теория и практика унификации правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 443 с.
804. *Данилова А. А.* Нормы непосредственного применения (mandatory rules, lois de police, regles de application immediate) в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 202 с.
805. *Канашевский В. А.* Внешнеэкономические сделки: основные регуляторы, их соотношение и взаимодействие: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 421 с.
806. *Колобов Р. Ю.* Основы построения и функционирования международного частного права: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. 185 с.
807. *Крохалев С. В.* Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. Сравнительное исследование на основе правовых систем России и Франции: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 477 с.
808. *Крутий Е. А.* Современные кодификации международного частного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 236 с.
809. *Кузнецов М. Н.* Особенности современного развития международного частного права и его влияние на охрану результатов творческой деятельности (теоретико-методологическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1989. 29 с.
810. *Куташевская Я. С.* Автономия воли при определении права, применимого к обязательствам из причинения вреда: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 245 с.
811. *Лахтина Т. А.* Правовое положение органов внутренних дел как участников финансово-правовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 191 с.

812. *Малкин О. Ю.* Автономия воли во внешнеэкономических сделках: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 180 с.
813. *Мартынюк С. В.* Институт оговорки о публичном порядке в международном авторском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 173 с.
814. *Матвеева Т. В.* Роль международного договора в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 181 с.
815. *Мещанова М. В.* Система международного частного права Республики Беларусь: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 2022. 51 с.
816. *Милинчук Д. С.* Коллизионное право как межотраслевой институт российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 219 с.
817. *Мирзоев А. М.* Применимое право в договорных отношениях в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2015. 151 с.
818. *Монастырский Ю. Э.* Господствующие доктрины коллизионного права в США: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 136 с.
819. *Морева Р. Б.* Природа и место международного частного права в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 241 с.
820. *Муранов А. И.* Проблема «обхода закона» в материальном и коллизионном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 272 с.
821. *Новикова О. В.* Оговорки о публичном порядке и сверхимперативных нормах в английской доктрине международного частного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 219 с.
822. *Петров А. А.* Иерархические коллизии в праве: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2009. 204 с.
823. *Покровская А. Б.* Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 178 с.
824. *Попова Е. В.* Право, применимое к агентированию (сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 141 с.
825. *Синева Н. А.* Унификация правовых норм, регулирующих внешнеторговое обязательство: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 190 с.
826. *Толстых В. Л.* Нормы иностранного права в международном частном праве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 509 с.
827. *Третьяков С. В.* Юридическая природа автономии воли в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 204 с.
828. *Тригубович Н. В.* Автономия воли в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 161 с.
829. *Ходыкин Р. М.* Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 248 с.
830. *Храбсков В. Г.* Проблема разграничения международного публичного и международного частного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. 56 с.
831. *Шулаков А. А.* Принцип наиболее тесной связи в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 206 с.

832. Ветхий Завет. Бытие. Глава 3 – РПЦ. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/gen/3/> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

833. Новый Завет. Евангелие от Матфея. Глава 26 – РПЦ. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/mf/26/> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

834. Августин, блж. О свободе воли / пер. по изд. М. Е. Ермаковой – Электронная библиотека Одинцовского Благодочиния. URL: http://www.odinblago.ru/sv_otci/avgustin/osvobode/ (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

835. Словарь латинских терминов и выражений – АРЭ. URL: <https://far-aerf.ru/slovar-latinskih-terminov-i-vyrazhenij> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

836. Статус текстов: Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980 год) – Официальный сайт ЮНСИТРАЛ. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/salegoods/conventions/sale_of_goods/cisg/status (дата обращения: 02 сентября 2025 г.).

837. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (г. Минск): Информация депозитария // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ – URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/192#documentCard> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

838. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (г. Кишинев): Информация депозитария // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ – URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/1313#documentCard> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

839. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности: Информация депозитария // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ – URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/57#documentCard> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

840. Правовой статус МКАС – Официальный сайт МКАС при ТПП РФ. URL: <http://mkas.tpprf.ru/ru/information/pravovoy-status/> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

841. United Nations Convention on Jurisdictional Immunities of States and Their Property (New York, 02 December 2004): Status – Официальный сайт ООН [United Nations Treaty Collection]. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=III-13&chapter=3&lang=en&clang=en (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

842. Status – Convention relating to a Uniform Law on the International Sale of Goods of 01 July 1964 (Hague) – Официальный сайт УНИДРУА. URL: <https://www.unidroit.org/instruments/international-sales/ulis-1964/status/> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

843. Status – Convention relating to a Uniform Law on the Formation of Contracts for the International Sale of Goods of 01 July 1964 (Hague) – Официальный

сайт УНИДРУА. URL: <https://www.unidroit.org/instruments/international-sales/ulfc-1964/status/> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

844. Convention of 15 June 1955 on the Law applicable to International Sales of Goods: Status Table – Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=31> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

845. Convention of 14 March 1978 on the Law applicable to Agency: Status Table – Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=89> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

846. Convention of 22 December 1986 on the Law applicable to Contracts for the International Sale of Goods: Status Table – Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=61> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

847. European Convention on International Commercial Arbitration (Geneva, 21 April 1961) – Официальный сайт ООН [United Nations Treaty Collection]. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXII-2&chapter=22&clang=_en (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

848. GENCON 1994 – Официальный сайт Балтийского и Международного Морского Совета. URL: <https://www.bimco.org/contracts-and-clauses/bimco-contracts> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

849. The Grain and Feed Trade Association (GAFTA) Contract No. 49 (Contract for the Delivery of Goods, Central and Eastern Europe), effective 01 October 2024 – Официальный сайт Международной Ассоциации Торговли Зерном и Кормами. URL: https://www.gafta.com/media/ol3gouhu/49_2024.pdf (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

850. HCCH Members – Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/en/states/hcch-members> (дата обращения: 01 августа 2025 г.).

851. About the EU: Countries – Официальный сайт ЕС. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/countries_en (дата обращения: 01 августа 2025 г.).